

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Византийское общество: история, право, культура»

Byzantine Society: History, Law and Culture

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, M.V. Gayval, I.V. Smetanina*

Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up and Technical editing:
M.Yu. Merkulova, O.N. Yadykina

Passed for printing on Nov. 10, 2023.

Date of publication: Dec. 30, 2023. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 36.4. Published pages 39.1.

Number of copies 500 (1st printing 1–32 copies). Order 153. «С» 36.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, М.В. Гайваль, И.В. Сметанина*

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование
М.Ю. Меркуловой, О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 10.11 2023 г.

Дата выхода в свет: 30.12 2023 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 36,4. Уч.-изд. л. 39,1.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32 экз.). Заказ 153. «С» 36.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного

университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

**ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

2023

Том 28. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

**HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS**

2023

Volume 28. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2023. Vol. 28. No. 6

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: Byzantine Society: History, Law and Culture

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O. Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
PhD (History) *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

At the invitation of the Chief Editor,
Prof. I.O. Tyumentsev,
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Cand. Sc. *Yu. Ya. Vin* (Moscow)
took the position of the Executive Editors
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023. Т. 28. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Византийское общество: история, право, культура»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Дэннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD по истории *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

По приглашению главного редактора проф. И.О. Тюменцева выпускающими редакторами номера являются канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград); канд. ист. наук *Ю.Я. Вин* (г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА

- Айбабин А.И.* Полемика о дате прекращения правления Восточной Римской империи в Климатах Готии 6
- Майко В.В.* Изображения рыб на поливной византийской керамике XII–XIII веков. Стилистические группы 13
- Хайрединова Э.А.* Новые данные о ландшафте северной части византийского города на плато Эски-Кермен 25
- Алексеев Н.А., Иванов С.В.* Новый сфрагистический источник с южного берега Крыма: печать Патрикия и главного логофета Константина из акватории у мыса Плака 43
- Науменко В.Е.* Турмархия Готия и византийский топотерит на Мангупе в конце X – начале XI века 51
- Завадская И.А.* Предвратные сооружения на плато Эски-Кермен: реальность и домыслы 62
- Гусельников Т.А.* Оговорка папы, или О соблюдении соборных правил в средневековом Крыму 72

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

- Грацианский М.В.* Канонический и церковно-административный аспекты спора о прерогативах митрополитов Никеи и Никомидии на Халкидонском соборе 81
- Виноградов А.Ю.* Княгиня Ольга и Константинополь: бродячие сюжеты и изменчивые надписи 92
- Лурье В.М.* Пять Анастасий и две Февронии: экскурсия по лабиринту легенд об Анастасии. Часть вторая. Римское досье. П. Анастасия между Вассилой и Петрониллой [На англ. яз.] 104
- Патрин В.Г.* Происхождение «молитвы Иисусовой». Критика традиционного мнения в контексте феномена спонтанных молитв 151
- Сенина Т.А.* Тема бессмертия души в философии Плифона (с приложением перевода его надгробных слов Клеопе Малатесте и Елене Палеологине) 161
- Стельник Е.В.* Хтоническая космология в эпитафии Георгия Акрополита на смерть императора Иоанна III Дуки Ватаца 177

ПЕРИФЕРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

- Чхаидзе В.Н.* Новые находки нательных крестов на территории исторической Алании (II) 183

- Арутюнян А.Ж.* Вопрос Византийской Армении в «Древнеармянской географии» (или «Ашхарацуйце») 191
- Ганг Ву.* Венецианская община в византийских Фивах (1072–1204 гг.): просопографическое исследование [На англ. яз.] 201
- Германиду С.* Обозревая «артефакты Кистерны» на Мани, южный Пелопоннес. Сложный и захватывающий сюжет [На англ. яз.] 212

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

- Войтенко А.А.* Арабские завоевания. Взгляд из Египта 240
- Серов В.В.* Фиск Юстиниана: к постановке вопроса 260
- Барабанов Н.Д., Золотовский В.А.* Взятие Константинополя в 1261 г.: случайность или закономерность? 270
- Лысков П.И.* Церковь и внутренние конфликты в Византии: каталонское присутствие в империи в начале XIV в. в письмах патриарха Афанасия I 284
- Карашайски К.М.* Между росами и варангами: этерия пехотинцев в гвардии византийских императоров в последней трети X века 303
- Зыкова А.В.* Инструментарий борьбы за власть константинопольского триумвирата и Иоанна Кантакузина в гражданской войне 1341–1347 годов 310

ВИЗАНТИЙСКИЙ СОЦИУМ. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Куц Т.В.* Празднование Нового года в Византии 320
- Вин Ю.Я.* Старость не радость: документальные свидетельства о старости и старцах в средневековой Византии 329
- Евдокимова А.А.* Акцентуация византийских греческих надписей на металлических предметах из разных коллекций 351

ОБЗОРЫ

- Козлов А.С.* Исчезла ли античность в городах Малой Азии задолго до падения Римской империи? (Рец. на кн.: Pont, A.-V. La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin / A.-V. Pont. – Genève : Droz, 2020. – XIII, 585 p. – (Hautes études du monde gréco-romain ; vol. 57)) 377
- Рецензенты журнала в 2023 г. 385

CONTENTS

BYZANTINE TAURICA

- Aibabin A.I.* Controversy About the Date of Termination of the Rule of the Eastern Roman Empire in the Klimata of Gothia 6
- Maiko V.V.* Images of Fish on Glazed Byzantine Ceramics of the 12th – 13th Centuries. Stylistic Groups 13
- Khairedinova E.A.* New Data on the Landscape of the Northern Part of the Byzantine City on the Eski-Kermen Plateau 25
- Alekseienko N.A., Ivanov S.V.* A New Sigillographic Source from the Southern Coast of Crimea: Seal of Constantine, Patrikos and Genikos Logothetes from the Water Area near Cape Plaka 43
- Naumenko V.E.* Tourmarchia of Gothia and Byzantine Topoterete at Mangup at the End of the 10th – Early of the 11th Centuries 51
- Zavadskaya I.A.* The Structures Outside the Town Gate atop the Plateau of Eski-Kermen: Reality and Conjectures 62
- Gusel'nikov T.A.* The Pope's Misspeak, or on Observance of the Council Rules in Medieval Crimea 72

BYZANTINE ORTHODOXY

- Gratsianskiy M.V.* Canonical and Church Administrative Aspects of the Dispute About the Prerogatives of the Metropolitans of Nicaea and Nicomedia at the Council of Chalcedon 81
- Vinogradov A.Yu.* Princess Olga and Constantinople: Wandering Plots and Changeable Inscriptions 92
- Lourié B.* Five Anastasiae and Two Febroniae: A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends. Part Two. The Roman Dossier. II. Anastasia Between Bassilla and Petronilla 104
- Patrin V.G.* The Origin of the "Jesus Prayer". A Critique of Traditional Opinion in the Context of the Phenomenon of Spontaneous Prayers 151
- Senina T.A.* The Theme of the Immortality of the Soul in Plethon's Philosophy (with the Translation of His Funerary Orations on Cleopa Malatesta and Helena Palaiologina) 161
- Stelnik E.V.* Chthonic Cosmology in the Epitaph of George Acropolitan on the Death of Emperor Johannes III Ducas Vatatzes 177

PERIPHERY OF THE BYZANTINE WORLD. ISSUES OF HISTORY AND CULTURE

- Chkhaidze V.N.* New Findings of Pectoral Crosses on the Territory of Historical Alania (II) 183

- Harutyunyan H.Zh.* The Question of Byzantine Armenia in "Ancient Armenian Geography" (or "Ashkharatsuyts") 191
- Gang Wu.* The Venetian Community in Byzantine Thebes (1072–1204): A Prosopographical Study 201
- Germanidou S.* Revisiting the "Goods of Kisterna" in Mani, Southern Peloponnese. A Complicated Yet Captivating Storyline 212

POLITICAL HISTORY OF THE BYZANTINE EMPIRE

- Voytenko A.A.* Arab Conquests. View from Egypt 240
- Serov V.V.* On the Fiscus of Justinian: To the Position of the Question 260
- Barabanov N.D., Zolotovskiy V.A.* The Recapture of Constantinople in 1261: An Accident or a Pattern? 270
- Lysikov P.I.* The Church and Internal Conflicts in Byzantium: The Catalans' Presence in the Empire in the Early 14th Century, According to the Correspondence of Athanasios I, Patriarch of Constantinople 284
- Karashayski K.M.* Between Rhos and Varangians: Hetaireia of Infantrymen in the Byzantine Imperial Guard in the Last Third of the 10th Century 303
- Zykova A.V.* The Tools of the Struggle for Power of the Constantinople Triumvirate and John Kantakouzenos in the Civil War of 1341–1347 310

BYZANTINE SOCIETY. EVERYDAY LIFE

- Kushch T.V.* Celebrating the New Year in Byzantium 320
- Vin Yu.Ya.* The Old Age is Not Joy: Documentary Evidence About Old Age and Elders in Mediaeval Byzantium 329
- Evdokimova A.A.* Accentuation of Byzantine Greek Inscriptions on Metallic Objects from Different Collections 351

REVIEWS

- Kozlov A.S.* Did Antiquity Disappear in the Cities of Asia Minor Long Before the Fall of the Roman Empire? (Book Review: Pont, A.-V. La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin / A.-V. Pont. – Genève : Droz, 2020. – XIII, 585 p. – (Hautes études du monde gréco-romain ; vol. 57)) 377
- Reviewers of the Journal in 2023 385

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.1>

UDC 94“04/14”:2-526.5
LBC 63.3(0)4-7

Submitted: 05.06.2023
Accepted: 07.11.2023

CONTROVERSY ABOUT THE DATE OF TERMINATION OF THE RULE OF THE EASTERN ROMAN EMPIRE IN THE KLIMATA OF GOTHIA¹

Aleksandr I. Aibabin

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Crimean historians dated the liberation of the Klimata of Gothia from the control of the Eastern Roman Empire to the end of the 12th century, 1204 or 1070. Anna Komnene wrote about Cherson belonging to Byzantium in 1092. A.A. Vasiliev, as well as A.A. Kunik and V. Heid, saw in the text of the Alexei III Angel's chrysoboullos in 1198 a proof of the “liberation” of Crimean Gothia from political dependence on Byzantium. A.L. Jacobson joined this opinion. *Analysis.* According to the conclusion of A.P. Kazhdan, the Metropolitan of Athens Michael Choniates's letter no. 3 to Pegonites fixes the dispatch of tax collectors from Constantinople to the Klimata of Gothia and thus is evidence of the real power of Byzantium in the Klimata and the Cimmerian Bosphorus around 1180. The term *θέμα* acquires its former administrative meaning after the reform of the Komnenoi, which restored, at least in Asia Minor, the old principle of dividing the territory of the empire into administrative units, again called themes and controlled by a high-ranking military officer – the *doux*, who again controlled the civil administration. These military districts formed the core of the Komnenian provincial administration. The 12th-century-seals of Byzantine aristocrats originating from the territory of the Klimata of Gothia testify to the possible sale of administrative positions in the Crimea by the Komnenoi to representatives of aristocratic families. *Results.* The administration of the Eastern Roman Empire in the region was interrupted by its defeat in 1204 by the Crusaders. Throughout the entire period of their existence in the Klimata of Gothia, there is no evidence of their autonomy. In 1261, the emperor of the Nicaean Empire, Michael VIII Palaiologos, captured Constantinople and restored the Eastern Roman Empire. The Empire of Trebizond continued to live an isolated life, and Cherson with Klimata of Gothia paid tribute to it.

Key words: Klimata, Crimea, Gothia, theme, *doux*, *katepano*, *krites*, *praetor*.

Citation. Aibabin A.I. Controversy About the Date of Termination of the Rule of the Eastern Roman Empire in the Klimata of Gothia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 6-12. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.1>

УДК 94“04/14”:2-526.5
ББК 63.3(0)4-7

Дата поступления статьи: 05.06.2023
Дата принятия статьи: 07.11.2023

ПОЛЕМИКА О ДАТЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КЛИМАТАХ ГОТИИ¹

Александр Ильич Айбабин

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Историки Крыма датировали освобождение Климатов Готии от управления Восточной Римской империей концом XII в., 1204 г. или 1070 годом. О принадлежности Византии в 1092 г.

Херсона писала Анна Комнина. А.А. Васильев, так же как А.А. Куник и В. Хейд, видел в тексте хрисовула Алексея III Ангела 1198 г. доказательство «освобождения» Крымской Готии от политической зависимости от Византии. К этому мнению присоединился и А.Л. Якобсон. *Анализ*. По заключению А.П. Каждана, письмо № 3 митрополита Афин Михаила Хониата к Пигониту фиксирует отправку в Климаты Готии из Константинополя сборщиков налогов и тем самым является свидетельством реальной власти Византии в Климатах и на Киммерийском Боспоре около 1180 года. Термин *θέμα* обретает прежнее свое административное значение после реформы Комнинов, восстановившей, по крайней мере в Малой Азии, старый принцип разделения территории империи на административные единицы, вновь названные фемами и управляемые высокопоставленным военным – дукой, снова контролировавшим гражданскую администрацию. Эти военные округа составляли ядро комнинской провинциальной администрации. Происходящие с территории Климатов Готии печати византийских аристократов XII в. свидетельствуют о возможной продаже Комнинами административных должностей в Крыму представителям аристократических родов. *Результаты*. Правление администрации Восточной Римской империи в регионе прервал ее разгром в 1204 г. крестоносцами. На протяжении всего периода существования Климатов Готии отсутствуют какие-либо свидетельства их автономии. В 1261 г. император Никейской империи Михаил VIII Палеолог захватил Константинополь и восстановил Восточную Римскую империю. Трапезундская империя продолжала жить обособленной жизнью, а Херсон с готскими Климатами платили ей дань.

Ключевые слова: Климаты, Крым, Готия, фема, дука, катепан, критес, претор.

Цитирование. Айбабин А. И. Полемика о дате прекращения правления Восточной Римской империи в Климатах Готии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 6–12. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.1>

Введение. Историки Крыма по-разному датировали освобождение Климатов Готии от управления Восточной Римской империей. П.И. Кеппен в опубликованном в 1837 г. труде писал о подчинении крепостей горного Крыма византийскому Херсону до 1204 г. [10, с. 91]. А.А. Куник и В. Хейд [13, с. 732; 25, S. 297] полагали, что отсутствие крымских портов в содержащемся в хрисовуле 1198 г. Алексея III Ангела перечне открытых для венецианцев областей указывает на независимость от Восточной Римской империи Херсона и соседней области (Климатов Готии). По уверению А.А. Васильева, в результате вторжения на полуостров куманов (половцев), захвативших Приазовскую степь, в середине XI – XII в. ослабло влияние администрации Восточной Римской империи в Климатах Готии. Однако Ю.А. Кулаковский, В.Г. Василевский и другие не сомневались в принадлежности Херсона и Климатов Готии империи до захвата Константинополя крестоносцами в 1204 году [12, с. 96; 8, с. CLXVIII; 5, с. 88, 95; 1, с. 277].

Анализ. А.А. Васильев аргументировал подчинение Климатов куманам ссылками на заверченный в 1154 г. труд арабского географа ал-Идриси и на сочинение побывавшего в Солдае в 1253 г. Гийома де Рубрука [35, р. 136–137, 140]. О торговавших в 1092 г. под

городскими стенами византийского Херсона куманских купцах, содействовавших побегу сосланного в город самозванца Диогена, шла речь в сочинении Анны Комниной [4, с. 266]. В равнинном и горном Крыму изучены многочисленные погребения XII в. и святилище куманов [1, с. 277–278, рис. 1]. Мы не знаем, платили ли Климаты эту дань, а если платили, то с какого времени. В тексте ал-Идриси – «От Карсуна (Херсона) до Джалита (Djalita) (Ялты) тридцать миль; это город [принадлежавший] к стране ал-Куманийя» [11, с. 60, 115, 177] – нет ни слова о взимании дани, а идет речь о принадлежности куманам вновь основанного на Южном берегу порта. Не вызывают доверия и пересказанные монахом францисканцем Гийомом де Рубруком слухи о взимании куманами дани с городов и укреплений горного Крыма [10, с. 46–49, примеч. 58; 14, с. 90]. Гийом де Рубрук в 1253 г. высадился в Солдае и через Перекоп направился в Монголию. Через год после возвращения в 1255 г. в Европу он завершил сочинение о своем путешествии. Как отметил Гийом де Рубрук, в Солдае он не смог встретиться с капитанами (*capitaneos*) города, которые отправились с данью к Батыю. Менее правдивы данные о Готии, Херсоне и северном равнинном регионе полуострова, которые Рубрук не посещал. Он повторил услышанные в городе слухи о

разгроме команов татарами, равно как о команах, «взаимно пожиривших» друг друга. От купцов же Рубрук узнал, что «на море от Херсона до устья Танаиса есть высокие мысы, а между Херсоном и Солдаей – сорок замков, коих почти каждый имеет свое особое наречие; между ними много Готов, говорящих по-немецки... На равнине, до нашего вступления Татар, обычно жили Команы, которые брали дань с городов и укреплений; и когда пришли Татары такое множество Команов вошло в эту провинцию, и все бежали к берегу моря» [31, р. 23; 10, с. 46–49, примеч. 58; 6, с. 135; 14, с. 90].

А.А. Васильев высказал противоречивые суждения о времени зависимости неких населенных готами регионов горного Крыма от куманов. Он, утверждая о платеже готами дани куманам-половцам до 1223 г., допустил прекращение выплаты Климатами этой дани и возвращения в регион византийской администрации в правление Мануила I (1143–1180). Свой вывод А. А. Васильев аргументировал содержанием титула в новелле Мануила I 1166 г. [28, р. 317, 324], а также заключенным Византией в 1169 г. договором, разрешившим генуэзским кораблям торговать в Черном и Азовском морях [35, р. 144–145]. В титуле император назван властителем многих народов, в том числе готов (γούθηκος), то есть Готии [35, р. 140–144].

По мнению А.П. Каждана, в эдикте 1166 г. Мануил I принял титул, который должен был указывать на его реальные или воображаемые победы. Он назван правителем венгров, боснийцев, хорват, грузин, болгар, сербов и других. В этом триумфальном перечне народов есть зихи, хазары и готы из Крыма и Приазовья, а через несколько лет, в договоре с Генуей 1169 г., Мануил I прямо заявил, что считает Тмутаракань (τὰ Μάτραχα) частью его империи [26, р. 347–348].

А.А. Васильев, так же как А.А. Куник и В. Хейд, видел в тексте хрисовула Алексея III Ангела 1198 г. доказательство «освобождения» Крымской Готии от политической зависимости от Византии [35, р. 150, 159]. К этому мнению присоединился и А.Л. Якобсон [20, с. 28; 21, с. 80]. Возможно, отсутствие в хрисовуле 1198 г. крымских и других черноморских портов вызвано тем, что до XIII в. Вене-

ция не стремилась торговать в этом регионе [15, с. 318].

А.П. Каждан обратил внимание на написанное около 1182 г. письмо № 3 митрополита Афин Михаила Хониата, адресованное некоему Константину Пигониту [18, с. 390; 29, р. 5, 6, 50*, 51*, 321]. В письме рассказывается о частых поездках назначенного сборщиком налогов (πρὸς τῶν φορολογικῶν παρεσούρης πραγμάτων) Пигонита к жителям Климатов Понта (τὰ κλίματα Ποντικὰ) в «Тавроскифию». А.П. Каждан отождествил «Тавроскифию» с Крымом, в котором локализовал Климаты Понта. По заключению А.П. Каждана, письмо Хониата к Пигониту фиксирует отправку в эти края из Константинополя сборщиков налогов и тем самым является свидетельством реальной власти Византии в Климатах и на Киммерийском Боспоре около 1180 г. [26, р. 348–353]. Вывод А.П. Каждана подтверждает найденная в районе крепости Ени-Кале в Керчи печать Иоанна Ангела, сына деспота Константина Ангела и дочери Алексея I Феодоры Комниной, датированная В. и Н. Зайбт около 1185 г. [33, р. 363–364; 16, с. 714].

Д. Шепард отметил, что Херсон почти не упоминается в византийских письменных источниках XII в., и имперское правительство не сочло нужным запрещать генуэзским торговцам посещать этот или любой другой порт южного Крыма. Равным образом, существует мало свидетельств пристального административного внимания к Херсону в виде находок печатей местных или центральных чиновников. В XII в. в Херсоне больше не было стратига, хотя сюда по-прежнему приходили с визитами и посланиями имперские агенты, и, судя по их печатям, «архивы Херсона» продолжали функционировать в XIII веке. По-видимому, в XII в. административное влияние империи в Херсоне ослабло, а в районе Керченского пролива «императорское владычество было минималистским и в значительной степени непрямым», осуществляемым «небольшим штатом имперских агентов». Некогда важнейший стратегический порт Херсона утратил свое значение в условиях относительной безопасности со стороны степей. Другие, меньшие порты вдоль южного побережья Крыма, такие как Согдая, Алустон и Горзубиты, теперь также поддерживали периоди-

ческую связь с имперскими агентами и процветали как торговые центры [34, р. 429, 438, 439].

К. Цукерман заявил о завершении фемного периода в Херсоне и Климатах около 1070 года. Он считал отсутствие официальных печатей с конца XI в. доказательством перехода власти «в руки местных верхушек» и проигнорировал рассказ Анны Комниной о византийском гарнизоне в Херсоне [4, с. 266], а также отверг приведенные выше косвенные свидетельства [36, р. 312–314, 327–328; 19, с. 242].

По мнению В.П. Степаненко, фема Херсона продолжала существовать до конца XI века. Отсутствие печатей в Крыму не исключение. Все-таки с конца XI в. сведения о фемах исчезают не только из сочинений византийских авторов, но и сходят на нет печати провинциальных чиновников и в столице, и других провинциях. Правда, согласно Никите Хониату, в приграничье рудименты фемной организации сохранялись до 70-х гг. XII века. В.П. Степаненко полагает, что появление при Комнинах частных администраций привело к постепенному захвату последними всех государственных функций на местах, в том числе и в Крыму [16, с. 713–714].

Следует отметить, что сочинения византийских историков, тексты официальных документов и печати позволяют проследить значительные изменения в управлении большинства провинций империи в XI–XII веках. Со второй половины X в. происходят глубокие преобразования в военной организации и провинциальной администрации, обусловленные военными, политическими и экономическими причинами. Гражданское управление провинциями возглавил фемный судья критес (θεματικὸς κριτής), которому часто поручается сбор налогов. С конца X в. все чаще встречается термин претор (πραιτωρ), обозначающий фемного судью – гражданского администратора провинции, эквивалентного критесу. Размеры фемы сократились. В начале XI в. старая фемная система разделения провинций пришла в упадок. Реорганизация армии привела к тому, что военного руководителя стратига заменили на гражданскую администрацию во главе с критесом. Исчезновение провинциальной армии, с одной стороны, и трансформация функций стратега, с другой, ускорили эволюцию термина фема (θέμα). В письменных источниках XI в. этот

термин почти всегда используется в его географическом значении. Историки считают, что в начале XI в. данным термином именовали регион, например, κατὰ τὸ θέμα τῶν Ἀνατολικῶν, ὃ τῆς Φρυγίας ἐστὶ [23, р. 83]. Термин θέμα теряет то строгое техническое значение, которое имел в провинциальной администрации предыдущего периода, а также свою военную функцию (подразделение, армейский корпус). В XI в. термином θέμα называли административный округ (регион, провинцию), которым управлял праίτωρ – κριτής и его службы. Административными единицами этой эпохи были не военные подразделения (они были независимы от армейских командований), а гражданские округа. В период от правления Никифора Фоки до воцарения Алексея I Комнина термином θέμα определяли скромный налоговый округ (кадастровую единицу) со своими ὄρια (границами) [23, р. 67–86; 30, р. 148].

С конца X и в XI–XII вв. в наиболее уязвимых приграничных районах развивалась новая система крупных военных округов – дукатов и катепанатов. С X в. их возглавлял катепан (κατεπάνω), а в XI в. звание катепан приравнивали к дуге (δοῦξ). На территории катепаната ему подчинялись все войска и гражданская администрация. Подчинявшийся дуге и катепану стратиг в большинстве случаев командовал гарнизоном крепости без каких-либо конкретных административных полномочий. Эти военные округа составляли ядро провинциальной администрации Комнинов [23, р. 64–68, 88; 27, р. 72]. Судя по печатям, около 1066 г. фему Херсона преобразовали в катепанат Херсона и Хазарии [9, с. 94; 32, с. 192; 3, с. 416–417].

Ж.-Кл. Шене, основываясь на данных сфрагистики, предположил, что в конце правления Василия II (976–1025) дуки возглавили все новые фемы, а затем и все пограничные фемы, за исключением фемы Херсонеса. Ж.-Кл. Шене приписал императору Константину Мономаху (1042–1055) реформирование приграничных провинций и интеграцию малых фем в большие дукаты под руководством дук и катепанов. По мнению Ж.-Кл. Шене, эту реформу уже почти завершили к коронации Алексея Комнина (1081–1118). В его правление сохранявшиеся в империи фемы возглавляли только дуки [22, р. 181–183].

Термин θέμα обретает прежнее свое административное значение после реформы Ком-

нинов, восстановившей, по крайней мере в Малой Азии, старый принцип разделения территории империи на административные единицы, вновь названные фемами и управляемые высокопоставленным военным – дукой, как и прежде контролировавшим гражданскую администрацию [23, р. 88–90]. Эти военные округа составляли ядро комнинской провинциальной администрации. В то же время в военном управлении особенно проявились центростремительные тенденции. Константинополю не удалось сохранить административное влияние, изменились роль и характер управления как военных, так и гражданских властей [27, р. 70–72].

В конце XI и в XII в. в Восточной Римской империи произошли драматические перемены. Высшая военная элита была консолидирована в замкнутом сообществе могущественных семей, связанных смешанными браками и образующих «клан» вокруг правящей династии Комнинов. Высшие военно-административные функции были монополизированы кланом Комнинов, в то время как семьи военной аристократии, которые не входили в этот клан, либо исчезли, либо перешли в ряды гражданской знати. С начала XII в. практиковался новый принцип присвоения титулов. В то время как ранее титулы в конечном счете зависели от занимаемой должности, в период правления Комнинов они присваивались в зависимости от родственной близости (например, севастократор – сыновьям императора, севастос – племянникам). После основания клана Комнинов не поощрялись браки между членами династии Комнинов и чиновничьи семьями [27, р. 69–70]. В последней четверти XII в. изменились роль и характер управления как военных, так и гражданских властей. Должности на государственной службе часто покупались, продавались и передавались через приданое и наследство. Губернатор провинции (δοῦξ или *кателάνω*), который обычно назначался из числа родственников правящей династии, обладал как гражданской, так и военной властью. Самые богатые провинциальные семьи боролись за посты в центральной администрации, которые гарантировали место в придворной иерархии, в то время как менее состоятельные искали синекуры на местном уровне. Хотя продажа государственных должностей была тра-

диционной, в XII в. практика не смогла обеспечить участие подходящих кандидатов. Это, несомненно, ослабляло константинопольскую администрацию. Гражданские чиновники, тем не менее, отвечали за основное управление Элладой и Пелопоннесом. Губернатор (претор) назначался из Константинополя таким же образом, как и правители Малой Азии, обычно на трехлетний срок. Многие, однако, не занимали этот пост, они просто руководили провинциальной администрацией из столицы, фактически став заочными губернаторами [24, р. 255–256; 27, р. 71–72].

Выводы. Происходящие с территории Климатов Готии печати византийских аристократов XII в. [16, с. 716; 17, с. 465; 3, с. 409, 410] свидетельствуют о возможной продаже Комнинами административных должностей в Крыму представителям аристократических родов. Правление администрации Восточной Римской империи в регионе прервал ее разгром в 1204 г. крестоносцами.

Отображенные в «Аланском послании» злключения епископа Феодора происходили в том же самом регионе и в тот же период (1223–1225 гг.), что и события, отраженные в «Синописе чудес св. Евгения» (1223–1227 гг.). Судя по тексту «Синописа чудес св. Евгения», Херсон и принадлежавшие ему Климаты Готии, по крайней мере в первой половине XIII в., входили в состав Трапезундской империи [2, с. 11–12].

Какие-либо свидетельства автономии Климатов Готии в XII в., как, впрочем, и на протяжении всего периода их существования, отсутствуют [2, с. 7–12].

В 1261 г. император Никейской империи Михаил VIII Палеолог захватил Константинополь и восстановил Восточную Римскую империю. Трапезундская империя продолжала жить обособленной жизнью, а Херсон с Климатами Готии платили ей дань [7, с. 211; 35, р. 170].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant Project No. 075-15-2022-1119.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Goroda i stepi Kryma v XIII–XIV vv. po arkheologicheskim svдетельstvam [Towns and Steppes of the Crimea in the 13th–14th Centuries According to Archaeological Data]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 277–306.
2. Aibabin A.I. Toponim Klimaty v srednevekovom Krymu [Toponym Klimata in the Medieval Crimea]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1>
3. Alekseenko N.A. Gosudarstvennyy apparat Vizantii v XII v.: imperiya «pochtennykh» nobiley po dannym sfragistiki [The Twelfth-Century State Machinery of Byzantium: The Empire of “Venerable” Nobles According to Sigillographic Data]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 407–422.
4. Lyubarsky Ya.N., ed. Anna Komnena. *Aleksyada* [The Alexiad]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1996. 704 p.
5. Bogdanova N.M. Kherson v X–XV vv. Problemy istorii vizantiyskogo goroda [Problems of the History of the Byzantine City]. *Prichernomorie v srednie veka* [The Black Sea Region in the Middle Ages]. Moscow, Izd-vo MGU, 1991, pp. 8–172.
6. Brun F.K. *Chernomor'ye* [Black Sea Region]. Part 2. Odessa, G. Ulrikh Publ., 1880. 408 p.
7. Vasilev A.A. *Istoriya Vizantiyskoy imperii. Ot nachala Krestovyykh pokhodov do padeniya Konstantinopolya* [History of the Byzantine Empire. From the Beginning of the Crusades to the Fall of Constantinople]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 583 p.
8. Vasilevskiy V.G. Vvedenie v Zhitie Sv. Stefana Surozhskogo [Introduction to the Life of St. Stephen of Surozh]. *Trudy V.G. Vasilevskogo* [Proceedings by V.G. Vasilevsky]. T. III. Petrograd, Imperial Academy of Sciences Publ., 1915, pp. XCLII–CCLXXXVIII.
9. Seibt N., Seibt W. Pechati stratigov vizantiyskoy femy Kherson [Seals of the Strategos of the Byzantine Theme Kherson]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Classical Antiquity and the Middle Ages], 1995, vol. 27, pp. 91–101.
10. Keppen P.I. *O drevnostyakh Yuzhnogo Berega i gor Tavricheskikh* [On the Antiquities of the South Coast and the Taurida Mountains]. Saint Petersburg, IAN Publ., 1837. 409 p.
11. Konovalova I.G. *Vostochnaya Evropa v sochinenii al-Idrisi* [Eastern Europe in the Work of Al-Idrisi]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 325 p.
12. Kulakovskiy Yu.A. *Proshloe Tavridy* [The Past of Taurida]. Kiev, S.V. Kulzhenko Publ., 1914. 156 p.
13. Kunik A.A. Osnovanie Trapezundskoy imperii v 1204 g. [Founding of the Empire of Trebizond in 1204]. *Uchenye zapiski Imperatorskoy Akademii Nauk po I i III otdeleniyam* [Scientific Notes of the Imperial Academy of Sciences for the 1st and 3rd Departments], 1854, vol. 2, pp. 705–733.
14. Shastina N.P., ed. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Journeys to the Oriental Countries of Plano Carpini and Rubruk]. Moscow, Geograficheskaya literatura Publ., 1957. 272 p.
15. Sokolov N.P. *Obrazovanie Venetsianskoy kolonialnoy imperii* [The Formation of the Venetian Colonial Empire]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1963. 544 p.
16. Stepanenko V.P. Vizantiya i Krym v postfemnyy period (konets XI – XII v.). (K postanovke problemy) [Byzantium and the Crimea in the Post-Thematic Period (Late Eleventh and Twelfth Centuries): The Problem Statement]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 713–720.
17. Stepanenko V.P. Postvizantiyskiy Krym v XIII v. [Post-Byzantine Crimea in the Thirteenth Century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 464–469.
18. Uspenskiy F.I. Neizdannye rechi i pisma Mikhaila Akominata [Unpublished Speeches and Letters of Michael Acominatus]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1879, vol. 201, pp. 112–396.
19. Zuckerman C. Zakat vizantiyskoy vlasti v Krymu: polemicheskii otklik [The Decline of Byzantine Power in Crimea: A Polemical Response]. *XI mezhdunarodnyy vizantiyskiy seminar «Chersōnos themata: imperiya i polis»* [The 11th International Byzantine Workshop “Chersonos Themata: The Empire and the Polis”]. Simferopol, IA Kryma RAN Publ., 2019, pp. 237–244.
20. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Khersones (XII–XIV vv.)* [Medieval Chersonese (12th–14th Centuries)]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 338 p. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR; no. 17).
21. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Krym* [Medieval Crimea]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 232 p.
22. Cheynet J.-Cl. Du stratège de thème au duc: chronologie de l'évolution au cours du XIe siècle. *Travaux et mémoires*, 1985, vol. 9, pp. 181–194.
23. Glykatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantine aux IX–XI siècles.

Bulletin de correspondance hellénique, 1960, LXXXIV, pp. 1-111.

24. Herrin J. Realities of Byzantine Provincial Government: Hellas and Peloponnesos, 1180–1205. *Dumbarton Oaks Papers*, 1975, vol. 29, pp. 253-284.

25. Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au moyen-âge*. Vol. I. Leipzig, O. Harrassowitz, 1885. 554 p.

26. Kazhdan A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence About Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources. *Okeanos: Essays Presented to Ihor Ševčenko on His Sixtieth Birthday by His Colleagues and Students*. Harvard, Harvard Ukrainian Research Institute, 1983, pp. 344-358. (Harvard Ukrainian Studies, vol. 7).

27. Kazhdan A.P., Wharton-Epstein A. *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1985. 288 p.

28. Mango C. The Conciliar Edict of 1166. *Dumbarton Oaks Papers*, 1963, vol. 17, pp. 317-330.

29. Kolovou F., ed. *Michaelis Choniatae epistulae*. Berolini, Novi Eboraci, De Gruyter, 2001. 150*, 398 p. (Corpus fontium historiae Byzantinae; vol. XLI).

30. Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118). *Travaux et mémoires*, 1976, vol. 6, pp. 125-152.

31. *Relations des voyages de Guillaume de Rubruk, Bernard le Sage et Sæwulf*. Paris, Impr. de Bourgogne et Martinet, 1839. 275 p.

32. Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im mittelalter? *Zbornik radova vizantološkog instituta* [Collection of Proceedings of the Institute of Byzantine Studies], 2013, vol. 50/1, pp. 187-194. DOI: <https://doi.org/10.2298/ZRVI1350187S>

33. Seibt N., Seibt W. Rets. na: Likhachev N.P. Moliylovuly Grecheskogo Vostoka. M., 1991 [Book Review: Likhachev N.P. Molybdoboulloi of the Greek East. Moscow, 1991]. *Byzantinoslavica*, 1993, LIV, no. 2, pp. 363-364.

34. Shepard J. "Mists and Portals": The Black Sea's North Coast. *Byzantine Trade, 4th – 12th Centuries. The Archaeology of Local, Regional, and International Exchange*. London, Routledge, 2009, pp. 421-441.

35. Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. Cambridge, Mass., The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

36. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 311-336.

Information About the Author

Aleksandr I. Aibabin, Doctor of Sciences (History), Professor, Director of the Research Centre of History and Archaeology of Crimea, Chief Researcher, Laboratory of Byzantine Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>

Информация об авторе

Александр Ильич Айбабин, доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, главный научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.2>

UDC 904(470)“12/13”
LBC 63.4(2)

Submitted: 05.06.2023
Accepted: 07.11.2023

IMAGES OF FISH ON GLAZED BYZANTINE CERAMICS OF THE 12th – 13th CENTURIES. STYLISTIC GROUPS

Vadim V. Maiko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. The study of zoomorphic ornamental motifs on specific types of glazed ceramics is an important direction of Byzantine archeology. In this case, we will be interested in the images of fish that are found on some types of Byzantine glazed ceramics of the second half of 12th – second half of 13th century. Since the ceramic production of this group of vessels was a separate area, both the material and spiritual culture of the Byzantines, especially in the specified chronological period, it was chosen as the subject of research. The source base of the work is made up of all published and available materials of archaeological research, both Constantinople and the cities of the Byzantine provinces. Particular attention is paid to the correspondence of each of the highlighted images on a specific type of glazed ware to finds on the territory of medieval Taurica. Despite the publication of the material used, including the Crimean, these findings were not analyzed in the complex. *Methods and materials.* Standard methods of comparative stylistic analysis were used. *Analysis.* The use of a large number of sources allows for the first time to raise the question of the existence of several stylistic groups of fish within the same craft workshops. *Results.* The findings make it possible to distinguish five stylistic image groups and match them with two large groups of Byzantine glazed ceramics of Middle Byzantine Production, primarily Fine Sgraffito Ware and Incised Sgraffito or Aegean Ware. Images of fish on Cypriot ceramics are also briefly analyzed. The image of fish on the vessels of Italian workshops is a separate area of research and is not considered in the work.

Key words: Byzantine glazed ceramics, 12th– 13th centuries, images of fish, stylistic groups, chronology.

Citation. Maiko V.V. Images of Fish on Glazed Byzantine Ceramics of the 12th– 13th Centuries. Stylistic Groups. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 13-24. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.2>

УДК 904(470)“12/13”
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 05.06.2023
Дата принятия статьи: 07.11.2023

ИЗОБРАЖЕНИЯ РЫБ НА ПОЛИВНОЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ КЕРАМИКЕ XII–XIII ВЕКОВ. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Вадим Владиславович Майко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Изучение зооморфных орнаментальных мотивов на конкретных типах поливной керамики – важное направление византийской археологии. В данном случае нас будут интересовать изображения рыб, которые встречаются на нескольких типах византийской поливной керамики второй половины XII – второй половины XIII века. Поскольку керамическое производство этой группы сосудов являлось отдельной областью, как материальной, так и духовной культуры византийцев, особенно в указанный хронологический период, именно она выбрана в качестве предмета исследований. Источниковую базу работы составляют все опубликованные и доступные материалы археологических исследований как Константинополя, так и городов византийских провинций. Особое внимание уделено соответствию каждого из выделенных изображений на конкретном типе поливной посуды находкам на территории средневековой Таврики. Несмотря на публикацию использованного материала, в том числе крымского, в комплексе эти находки не анализировались. *Методы и материалы.* Используются стандартные методы сравнительного стилистичес-

кого анализа. *Анализ.* Использование большого количества источников позволяет впервые поставить вопрос о существовании в рамках одних и тех же ремесленных мастерских нескольких стилистических групп изображения рыб. *Результаты.* Полученные данные позволяют выделить пять стилистических групп изображений и сопоставить их с двумя крупными группами византийской поливной керамики Middle Byzantine Production, прежде всего Fine Sgraffito Ware и Incised Sgraffito или Aegean Ware. Коротко проанализированы и изображения рыб на кипрской керамике. Изображение рыб на сосудах итальянских мастерских является отдельным направлением исследований и в работе не рассматривается.

Ключевые слова: византийская поливная керамика, XII–XIII вв., изображения рыб, стилистические группы, хронология.

Цитирование. Майко В. В. Изображения рыб на поливной византийской керамике XII–XIII веков. Стилистические группы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 13–24. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.2>

Посвящается ТМ

Введение. Одним из распространенных зооморфных орнаментальных сюжетов на красноглиняной византийской поливной керамике XII–XIII вв. является изображение рыб. Безусловно, в количественном отношении этот мотив значительно уступает изображениям птиц, но все же встречается достаточно часто на разных категориях сосудов. Накопленный к настоящему времени археологический материал, введение в научный оборот уникальных комплексов подводных находок позволяет впервые попытаться выделить нескольких стилистических групп, характерных для конкретных типов поливной византийской продукции. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что для предшествующего периода белоглиняная керамика, за исключением расписной, украшалась только рельефными мотивами, среди которых изображения рыб были единичными. Для более позднего периода XIV в., в связи с развитием на территории византийской ойкумены местных керамических производств, говорить об общих для всего византийского мира стилистических группах достаточно проблематично.

Источниковую базу работы составили опубликованные материалы исследований в черноморско-средиземноморском регионе, многие из которых специально не анализировались, а только упоминались в литературе в связи с рассмотрением той или иной группы поливной посуды с зооморфными и антропоморфными изображениями или определением характерных для них орнаментальных мотивов. Привлечены и все известные крымские

материалы, обнаруженные пока в единичных экземплярах. До сего дня из Херсонесского материала опубликовано несколько мелких фрагментов из дореволюционных исследований [1, с. 145, № 302], а также раскопок А.И. Романчук в портовом районе [6, с. 131, рис. 138, № 378] и Е.А. Паршиной в районе театра [5, с. 38, рис. 12, 1, 2]. Введены в научный оборот и фрагменты из раскопок средневековой Сугдеи [2, с. 229, рис. 1, 5–7, 9; 4, с. 76, рис. 2, 11].

Методы. Для решения поставленных задач в работе используются методы, привлекаемые при сравнительном анализе археологических материалов. А именно: метод группирования материала в соответствии с его морфологическими и стилистическими признаками, сравнительный метод для определения круга аналогий и культурной принадлежности.

Анализ. В первую стилистическую группу входят сосуды только группы *Fine Sgraffito Ware* с достаточно реалистическим изображением рыбы, туловище которой часто заполнено в штриховой манере, как на тарелках из Афинского музея [24, р. 29, № 5] и Коринфа [22, pl. XLII, i] (рис. 1, 4, 7). Выделим этот последний фрагмент из Коринфа с изображением рыбы с раздутым животом, возможно, с икрой (рис. 1, 7), типологически схожий с тем, который был найден на акрополе Спарты [15, р. 302, fig. 3, 5]. Уникальное полностью сохранившееся изображение представлено на тарелке из Детройтского института культуры [8, р. 15, fig. 14] (рис. 1, 3). Здесь туловище рыбы с раздутым животом заполнено чешуйками, а хвост – штриховой техникой, по-

добной фрагменту из Коринфа (рис. 1, 7). Совершенно одинаково показаны плавники в виде простых черточек. Техника исполнения рыб первой группы отличается реалистичностью, но налицо и некоторые гротескные элементы в виде, например, загадочной улыбки у рыбы из Детройта (рис. 1, 3). Реже встречается вариант заполнения туловища в виде плетенки, как на сосудах из Аргоса [10, № 291] и Сугдеи (рис. 1, 1, 2). На основании находок керамики в Кадикалеси на западе Турции, где исследователи локализуют центр ее производства, можно говорить еще об одном варианте. Тут туловище рыбы заполнено реалистично изображенной чешуей [20, fig. 3, h, k] (рис. 1, 5, 6). Мелкочешуйчатое туловище рыбы показано и на фрагменте из Коринфа [22, pl. XLII, j] (рис. 1, 8). Объединяет эту группу и обрамляющие изображение по бокам орнаментальные фигуры, которые атрибутируются, чаще всего, как пальмовые ветви.

Вторая стилистическая группа, где изображения рыб выполнены так же достаточно реалистично, отличается от первой отсутствием какого-либо орнамента, в том числе характерного для первой группы. Помимо этого, туловище всегда заполнено тщательно проработанной мелкой чешуей. Таковы сосуды из Анхиалоса [24, p. 130, № 142] (рис. 2, 1), Коринфа [24, p. 169, № 196] (рис. 2, 4), Аргоса [10, № 315] (рис. 2, 3), Крита [25, с. 422, еп. 44] (рис. 2, 2) и Сугдеи (рис. 2, 5).

Третья стилистическая группа отличается меньшим реализмом в изображении рыбы. Чаще встречается вариант рыбы влево, где туловище напоминает смещенную влево полусферу, заполненную и чешуей, и грубо проработанными чешуйками. Таковы изделия из Аргоса [10, № 295, 596, 435] (рис. 2, 7–9). Выделим находку из Фив, где изображение рыбы подчеркнуто гротескное [24, p. 28, № 4] (рис. 2, 6). Присутствуют и варианты рыбы вправо, как, например, на тарелке из Метрополитэн музея (рис. 2, 10). Для этой группы характерно несколько примеров обрамляющей орнаментации. Чаще всего это прямые или подовальные уголки, иногда объединенные в своеобразную плетенку (рис. 2, 8). Для хронологически более поздних тарелок, как, например, из Кадикалеси [20, fig. 3, l] (рис. 3, 1), уголки вокруг рыбы заключены в одну или две

окружности, заполненные волнистыми линиями. Известны и варианты обрамления рыбы лепестками или идущими по кругу линиями, как сосуды из Аргоса [10, № 397, 398] (рис. 3, 2, 3).

В четвертую стилистическую группу выделены изображения рыб, встреченные на керамике коринфского производства, выделяемой в группу *Corinthian Red Glazed Wares*. Тут изображение рыбы, реалистично выполненное в технике сграффито, украшено крупными точками. В качестве примера можно привести фрагменты из Аргоса [10, № 478–480] (рис. 3, 4–6). К сожалению, нам не удалось найти полностью сохранившегося изображения, исходя из чего судить обо всех нюансах этой стилистической группы пока преждевременно.

Наиболее стабильной и хорошо узнаваемой является пятая стилистическая группа, где зооморфные мотивы были подвержены наибольшей стилизации. Благодаря подводным раскопкам близ островов Кастелоризо и Каваллиани, а также интенсивным наземным исследованиям других греческих центров, эти тарелки достаточно давно введены в научный оборот [26]. Все они относятся к группе *Aegean Ware*. При этом авторы справедливо считают этот вариант продукцией, если не одного мастера, то, по крайней мере, одной мастерской [17, p. 41–42]. Помогает в данном случае и технологический анализ [14, s. 17, ögnek 4]. Здесь центром сюжетной композиции является рыба небольших размеров, обрамленная по кругу от двух до шести стилизованными виноградными гроздьями на длинных ветках, с загнутыми подчас краями и разным количеством самих «гроздей». Характерным и узнаваемым отличием этой орнаментальной композиции являются полусферические очертания рыбы и ее подчеркнуто длинный хвост, выполненный просто в виде двух расходящихся линий. В единичных экземплярах известны рыбы, выполненные с коротким хвостом [14, s. 83, № 42].

На сегодняшний день есть возможность говорить о нескольких стабильных вариантах. Один из них, наиболее распространенный, выделенный еще в 1991 г. [26, с. 316, συδ. 31], представлен тарелками с рыбой вправо. В первом случае туловище заполнено в выемчатой технике [10, № 617; 24, p. 148, № 170;

16, p. 620, fig. 7; 1, с. 145, № 302] (рис. 4, 1, 2). Во втором случае туловище рыбы вправо заполнено тремя или четырьмя горизонтальными или повторяющимися контуры туловища линиями (рис. 4, 7) [14, s. 82–84]. Наиболее яркие и полностью сохранившиеся образцы, обрамленные четырьмя или тремя стилизованными виноградными гроздьями, происходят из Кастеллоризо [24, p. 147, № 169; 26, с. 282, сурд. 8, 374, 375; с. 306, сурд. 27, 129, 130]. Из коллекций Стамбульского [28, p. 134] (рис. 4, 6), Измирского [14, s. 82, № 39, 40] археологических музеев, а также из Баварского национального музея [11, s. 356, № IV.104] перед нами рыба в обрамлении только двух виноградных ветвей, одна из которых имеет элемент завитка, характерный для третьего варианта орнамента. Повторяемость этой орнамента основного сюжета позволяет говорить о намечающемся подварианте.

Второй вариант, встреченный намного реже, представлен рыбой влево, так же обрамленной от двух до пяти виноградными гроздьями [26, с. 302, сурд. 24, 393]. Например, в коллекции Измирского археологического музея из 8 опубликованных целых экземпляров с рыбой влево всего один сосуд. Известна тарелка с подобным изображением рыбы так же в обрамлении только двух виноградных ветвей, одна из которых имеет элемент завитка [28, p. 133; 14, s. 82, № 39] (рис. 5, 3). Интересен подвариант, выделенный относительно недавно на основании изучения находок из кораблекрушения близ острова Каваллиани в Эгейском море. Здесь туловище аналогичной рыбы влево заполнено не выемчатой техникой или прочерченными линиями, а сетчатой штриховкой [17, p. 41, fig. 3] (рис. 5, 2); известны случаи обрамления рыбы не виноградными гроздьями, а сложной системой завитков [17, p. 41, fig. 3] (рис. 5, 1).

Своеобразный третий вариант представлен тарелками, где аналогично выполненная рыба обрамлена другим хорошо известным для *Aegean Ware* орнаментом в виде длинных виноградных гроздей на коротком стебле или вовсе без него, чередующихся с завитками в виде скрипичного ключа, образующими иногда сложную сетку [22, pl. LI, f] (рис. 4, 4, 5). На одном из двух опубликованных фрагментов, происходящем из Коринфа, туловище

рыбы вправо с коротким хвостом выполнено в выемчатой технике (рис. 4, 4), на втором, происходящем из Кастеллоризо, – туловище рыбы влево заполнено штриховкой (рис. 4, 5). Уникальной является тарелка, происходящая из Коринфа [13, p. 314, fig. 3.28] (рис. 4, 3), где этот орнаментальный мотив выполнен очень примитивно, но с соблюдением основных элементов. Не исключено, что это подражание массовым ремесленным изделиям.

Интересный вариант подобных тарелок с рыбой вправо на основании коллекции археологического музея в Измире был опубликован достаточно давно [14, s. 84, № 45], но совсем недавно вновь проанализирован. Отличается он наличием под рыбой небольшой ромбовидной розетки, перечеркнутой двумя крестообразными линиями [18, p. 681, pl. II, fig. 3, 4] (рис. 5, 4, 5).

В этой связи чрезвычайно интересная гибридная форма была обнаружена в ходе проведения подводных исследований в бухте поселка Новый Свет в 2019 г. (рис. 5, 6). Этот фрагмент недавно опубликован [3], что избавляет от повторений. Напомним только, что помимо самой крупной рыбы вправо с заштрихованным туловищем, здесь помещена расположенная под ней розетка, которая является самостоятельным орнаментальным элементом. Она расположена там же, но отличается от розетки у рыб из Измирского музея и типична совсем для другой группы посуды *Aegean Ware*, характеризующейся геометрическим орнаментом в виде чередующихся окружностей с обязательным присутствием именно таких розеток [4, с. 77, рис. 3, 1–3, 5, 7, 8].

Близкие по манере исполнения розетки, правда, заполненные сетчатым орнаментом, характерны и для группы Кипрской керамики *Cypriot (Paphos) Green- and Brown-Sgraffito Ware* с зооморфными и антропоморфными изображениями. Важно подчеркнуть, что, как и в нашем случае, подобная розетка очень крупная и всего одна. Среди подобной Кипрской керамики сразу вспоминается хорошо известная специалистам группа тарелок с изображением рыбы вправо [23, с. 328, πίν. XI, № 64; с. 331, πίν. XIV, № 77; 29, p. 157, fig. 4a]. Ее динамика схожа с изображением на анализируемом фрагменте из раскопок 2019 г. в Новом Свете. Близко и расположение розет-

ки. Упомянем и характерное изображение рыбы влево с частичным снятием фона на фрагменте из Акры [9, p. 62, fig. 25, 3]. Во всем остальном – различия несомненны.

Примеры такой гибридной керамики *Aegean Ware* с центральным зооморфным изображением, обрамленным по кругу виноградными гроздьями в сочетании с ромбовидной розеткой, перечеркнутой диагональными линиями, единичны. Нам известно всего несколько таких сосудов и все с изображениями птицы из отряда журавлиных. Один из них, происходящий из Сугдеи, сохранился фрагментарно [4, с. 77, рис. 3, б]. Две тарелки, обнаруженные в ходе исследования замкового участка кипрского Пафоса, сохранились полностью. На одной из них центральное изображение птицы обрамляют окружности с перечеркнутыми ромбами в центре [19, pl. III, 16.1], на второй, что для нас наиболее важно, – виноградными гроздьями, чередующимися с перечеркнутыми ромбами [19, pl. IV, 17.2]. Отметим, что из кораблекрушения близ острова Скопелос в Эгейском море происходит еще одна гибридная археологически целая тарелка, но без центрального зооморфного изображения. На ней виноградные грозди, выполненные практически в виде простых линий, так же чередуются с ромбовидными перечеркнутыми диагонально розетками [7, p. 336, fig. 1, 2].

Следующие изображения рыб встречаются автором в единичных экземплярах и пока не образуют стилистических групп. Тем не менее стоит упомянуть изображение стилизованной рыбы вправо на керамике группы *Sgraffito with Concentric Circles*, являющейся продолжением класса керамики *Zeuxippus Ware*. Происходит фрагмент из раскопок Изника, где локализуется один из центров производства этой византийской керамики [21,

s. 58, fig. 7, 1]. Известны и изображения рыб, выполненные в технике сграффито, напоминающей нашу группу 1 и 2. В качестве примера можно привести фрагмент, обнаруженный на западе Сицилии в Сегесте [27, pl. 13, 25]. Тем не менее сопоставление этих сосудов с керамикой *Fine Sgraffito Ware*, так же как и с керамикой кипрского и малоазийского сельджукского производства [12, lev. 67, 2], проблематично.

Результаты. В результате проведенного анализа можно предварительно выделить пять стилистических групп изображений рыб на поливной византийской керамике. Четыре из них зафиксированы на ранней посуде группы *Fine Sgraffito Ware*. Три из них выполнены исключительно в штриховой технике и только для пятой ранней группы *Corinthian Red Glazed Wares* характерно наличие крупных точек. Различия между этими четырьмя группами заключаются в степени стилизации самой рыбы, а также в орнаментальных композициях, обрамляющих центральный зооморфный сюжет, характерных для этой группы керамики в целом. Пятая группа, наиболее однородная, встречается исключительно на керамике *Aegean Ware*. В зависимости от направления самой рыбы, техники исполнения, а также от обрамляющих орнаментальных композиций можно говорить о нескольких вариантах стилистической группы. Выделена и группа изображений рыб, встречающаяся на керамике группы *Sgraffito with Concentric Circles*, с центральным медальоном, подчеркнутым окружностью, которая состоит из чередующихся завитков. По крайней мере, четыре первые стилистические группы на керамике *Fine Sgraffito Ware* явились возможными прототипами для традиции изображения рыб на керамике производства юго-восточного Крыма начиная с середины XIV века.

ПРИЛОЖЕНИЕ

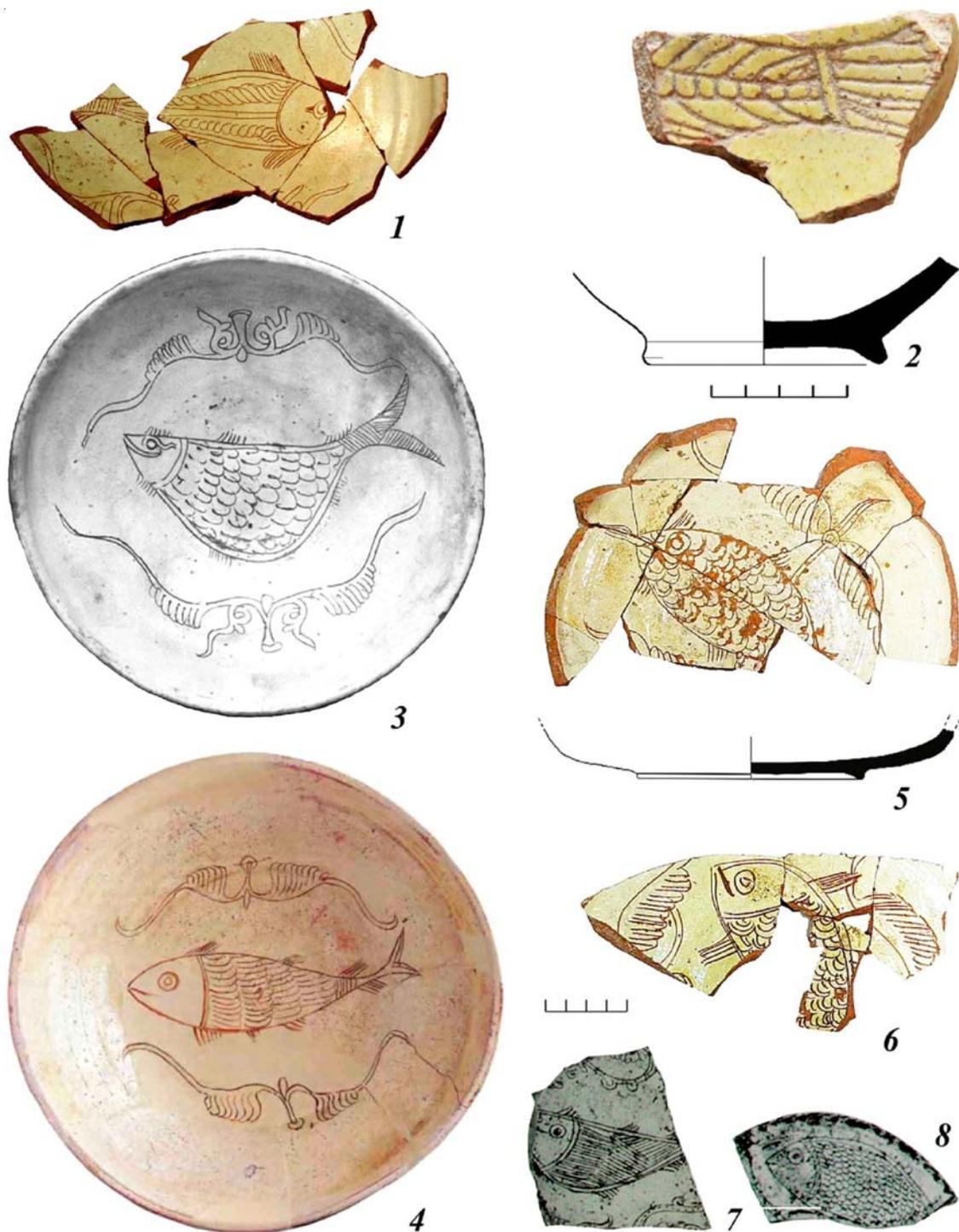

Рис. 1. Первая стилистическая группа изображения рыб на керамике Fine Sgraffito Ware:

1 – Аргос (по: [10, № 291]); 2 – Сугдея; 3 – Детройтский институт культуры (по: [9, p. 15, fig. 14]);
4 – Афинский музей (по: [23, p. 29, № 5]); 5, 6 – Кадикалеси (по: [19, fig. 3, h, k]);
7, 8 – Коринф (по: [21, pl. XLII, i, j])

Fig. 1. The first stylistic group of fish images on Fine Sgraffito Ware ceramics:

1 – Argos (according to: [10 each, № 291]); 2 – Sugdea; 3 – Detroit Institute of Culture (according to: [9, p. 15, fig. 14]);
4 – Athens Museum (according to: [23, p. 29, № 5]); 5, 6 – Kadikalesi (according to: [19, fig. 3, h, k]);
7, 8 – Corinth (according to: [21, pl. XLII, i, j])

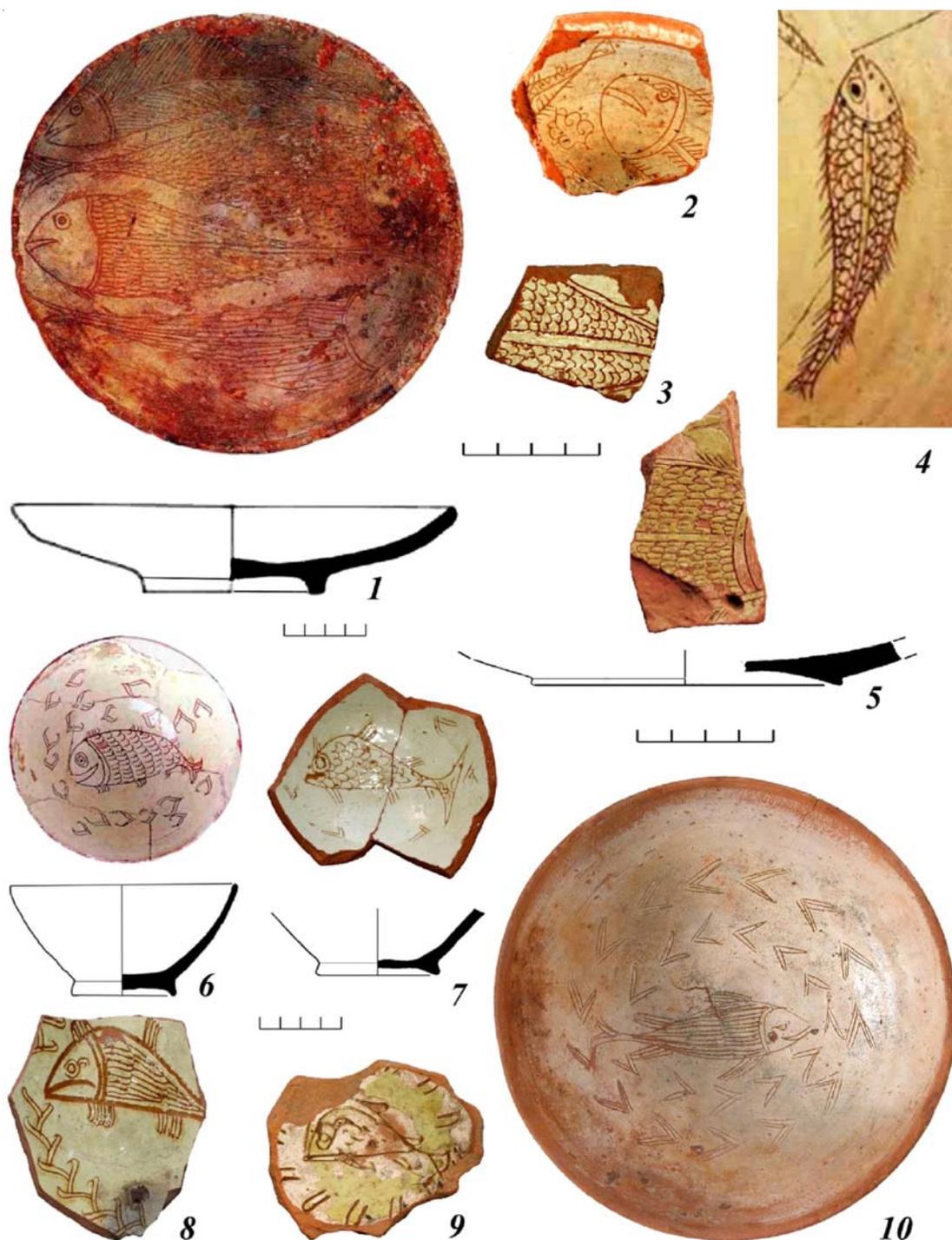

Рис. 2. Вторая и третья стилистические группы изображения рыб на керамике Fine Sgraffito Ware:

1–5 – первая группа; 6–10 – вторая группа.

1, 4, 6 – Анхиалос, Коринф и Фивы (по: [23, p. 130, № 142; p. 169, № 196; p. 28, № 4]);
 2 – Крит (по: [25, с. 422, еик. 44]); 3, 7–9 – Аргос (по: [10, № 315, 295, 596, 435]); 5 – Сугдея;
 10 – Метрополитен-музей (по: <https://www.pinterest.com>)

Fig. 2. The second and third stylistic groups of fish images on Fine Sgraffito Ware ceramics:

1–5 – first group; 6–10 – second group.

1, 4, 6 – Anchialos, Corinth and Thebes (according to: [23, p. 130, № 142; p. 169, № 196; p. 28, № 4]);
 2 – Crete (according to: [25, с. 422, еик. 44]); 3, 7–9 – Argos (according to: [10, № 315, 295, 596, 435]); 5 – Sugdea;
 10 – Metropolitan Museum (<https://www.pinterest.com>)

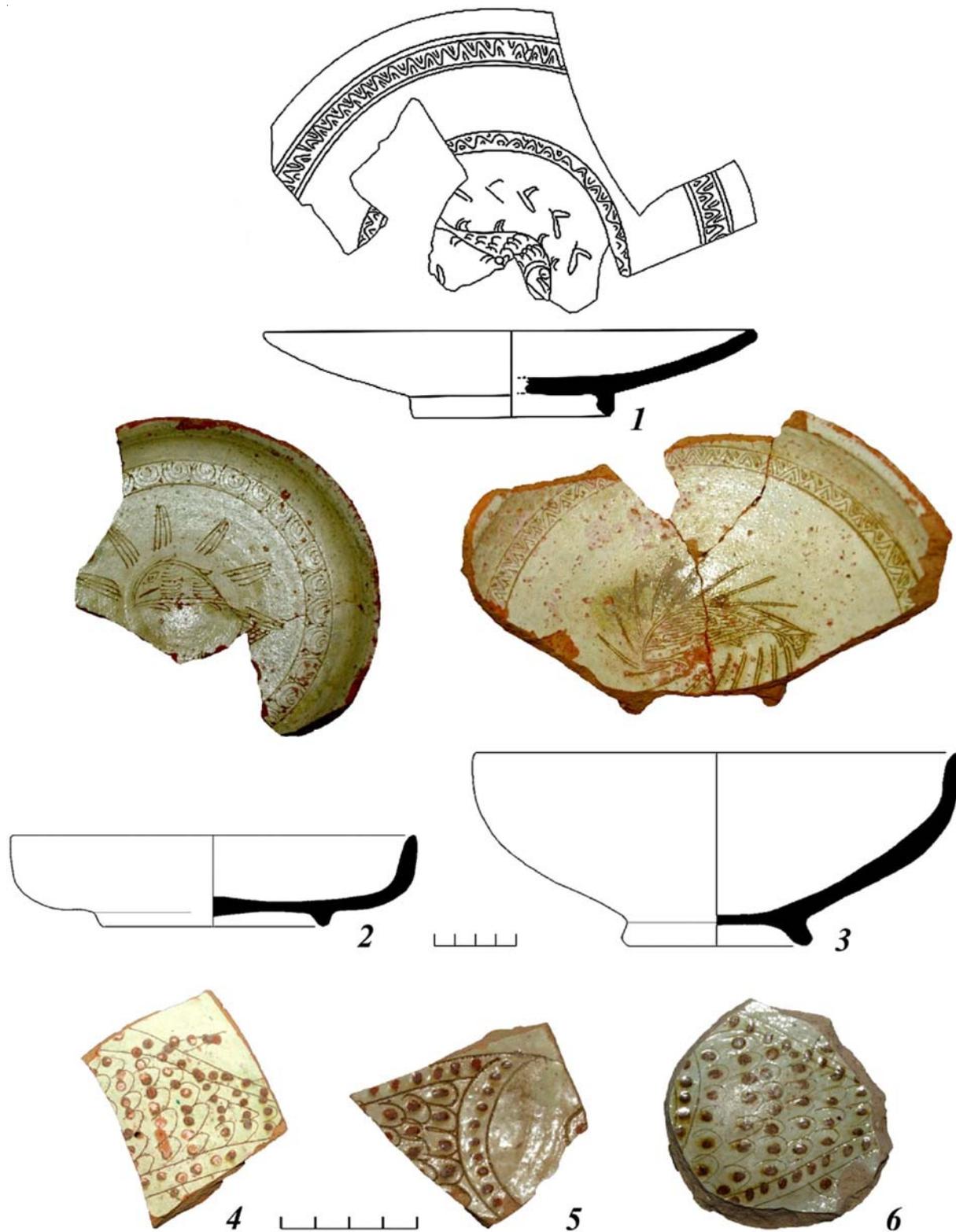

Рис. 3. Третья и четвертая стилистические группы изображения рыб на керамике Fine Sgraffito Ware и Corinthian Red Glazed Wares:
 1 – Кадикалеси (по: [19, fig. 3, 1]); 2–6 – Аргос (по: [10, № 397, 398, 478–480])

Fig. 3. The third and fourth stylistic groups of fish images on Fine Sgraffito Ware and Corinthian Red Glazed Wares ceramics:

1 – Kadikalesi (according to: [19, fig. 3, 1]); 2–6 – Argos (according to: [10, № 397, 398, 478–480])

Рис. 4. Пятая стилистическая группа изображения рыб на керамике Aegean Ware:

- 1 – Каstellоризо (по: [23, p. 148, № 170]); 2 – Спарта (по: [16, p. 620, fig. 7]);
3 – Коринф (по: [13, p. 314, fig. 3.28]); 4 – Коринф (по: [21, pl. LI, f]);
5 – Каstellоризо (по: [25, πίν. 74]); 6 – Стамбульский археологический музей (по: [28, p. 134]);
7 – с сайта: <https://www.bidsquare.com/>

Fig. 4. The fifth stylistic group of fish images on Aegean Ware ceramics:

- 1 – Castellorizo (according to: [23, p. 148, № 170]); 2 – Sparta (according to: [16, p. 620, fig. 7]);
3 – Corinth (according to: [13, p. 314, fig. 3.28]); 4 – Corinth (according to: [21, pl. LI, f]);
5 – Castellorizo (according to: [25, πίν. 74]); 6 – Istanbul Archaeological Museum (according to: [28, p. 134]);
7 – from the site <https://www.bidsquare.com/>

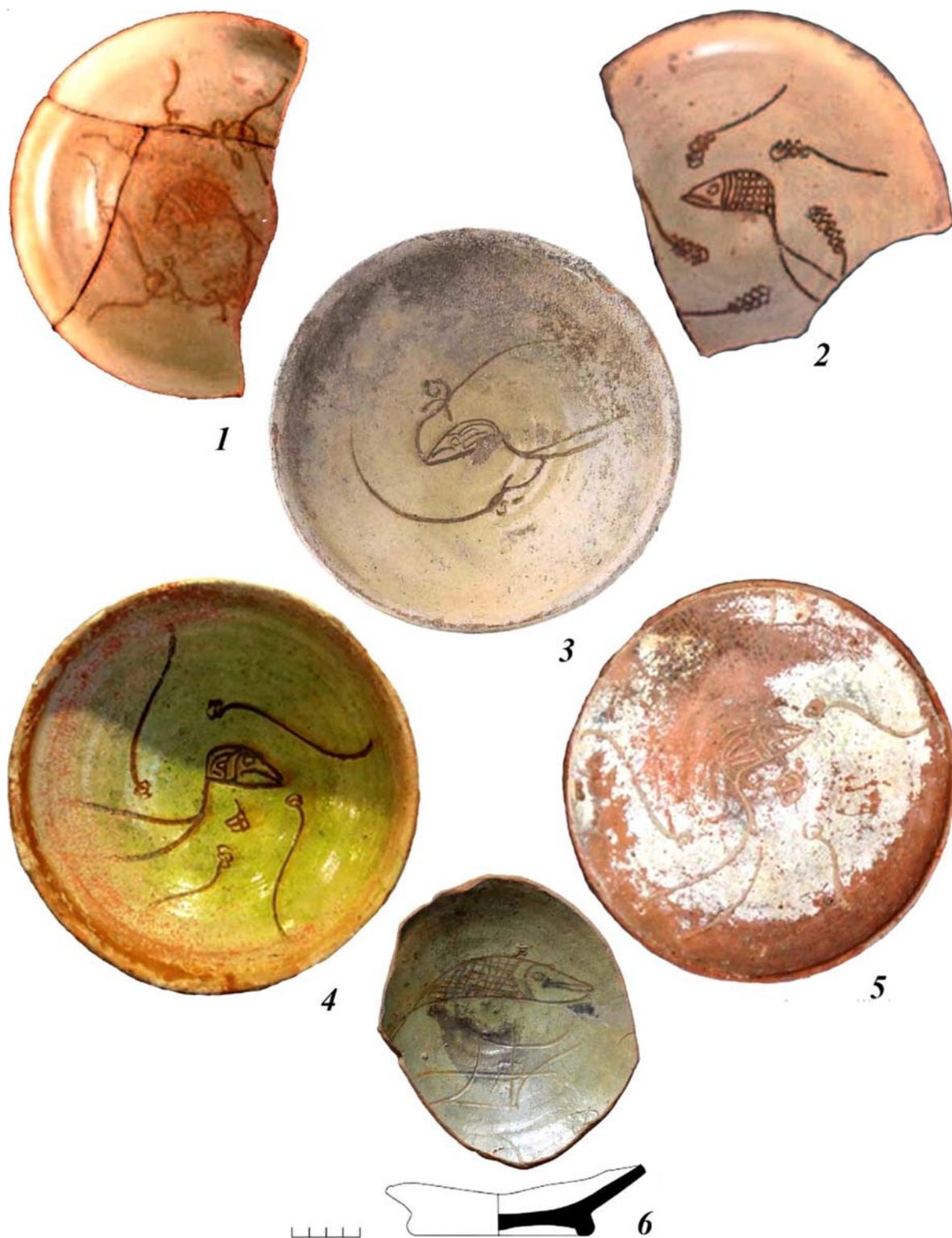

Рис. 5. Пятая стилистическая группа изображения рыб на керамике Aegean Ware:
 1, 2 – Кавалиани (по: [16, fig. 3]); 3 – Стамбульский археологический музей (по: [28, p. 133]);
 4, 5 – Измир (по: [18, p. 681, pl. II, fig. 3, 4]); 6 – Новый Свет
 Fig. 5. Fifth stylistic group of fish images on Aegean Ware ceramics:
 1, 2 – Cavalliani (according to: [16, fig. 3]); 3 – Istanbul Archaeological Museum (according to: [28, p. 133]);
 4, 5 – Izmir (according to: [18 p. 681, pl. II, fig. 3, 4]); 6 – Novy Svet

REFERENCES

1. Zalesskaya V.N. *Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiyskaya keramika IX–XV vv: katalog kollektsii* [Monuments of Byzantine Applied Art. Byzantine Ceramics of the 9th–15th Centuries: Catalogue of the Collection]. Saint Petersburg, Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 2011. 254 p.
2. Maiko V.V. *Izobrazheniya ryb na polivnoy keramike Sugdei vtoroy poloviny XIII – XIV v.* [Images of Fish on Sugdeja Glazed Ceramics of the Second Half of the 13th–14th Centuries]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2022, vol. 50, pp. 224–236.
3. Maiko V.V., Ivanov S.V. *K voprosu o gibridnykh formakh vizantiyskoy keramiki gruppy Aegean Ware iz srednevekovoy Sugdei* [On the Question of Hybrid Forms of Byzantine Ceramics of the Aegean Ware Group from Medieval Sugdeja]. *Etos 15 indiktiōnos 1. Oikoumenē Rōmaiōn. Chersōnos themata: sb. nauch. tr.* [Year 15 Indiction 1. The Roman Ecumene. Chersonos themata: Collection of Research Works]. Vol. 3. Simferopol, IT “Arial” Publ., 2023, pp. 117–126.
4. Maiko V.V., Teslenko I.B. *Materialnaya kultura vizantiyskoy Sugdei v XII – nachale XIII v. (k voprosu o khronologicheskikh indikatorakh)* [Material Culture of Byzantine Sugdeja in the 12th – Early 13th Centuries (To the Question of Chronological Indicators)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 69–81. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.5>
5. Parshina E.A. «Dom svyashchennika» na uchastke antichnogo teatra v Khersonese [“Priest’s House” on the Site of an Ancient Theater in Chersonesos]. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Arheologicheskii almanakh* [Ancient and Medieval Taurica. Archaeological Almanac], 2015, vol. 33, pp. 17–38.
6. Romanchuk A.I. *Glazurovannaya posuda pozdnevizantiyskogo Khersona: portovyy rayon* [Glazed Dishes of Late Byzantine Kherson: Port Region]. Yekaterinburg, NPMP Volot Publ., 2003. 224 p.
7. Armstrong P. A Group of Byzantine Bowls from Skopelos. *Oxford Journal of Archaeology*, 1991, vol. 10, no. 3, pp. 335–347.
8. Armstrong P. Byzantine Glazed Ceramic Tableware in the Collection of the Detroit Institute of Arts. *Bulletin of the Detroit Institute of Arts*, 1997, vol. 71, no. 1/2, pp. 4–15.
9. Avissar M., Stern E.J. *Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk Periods in Israel*. Jerusalem, Israel Antiquities Authority, 2005. 179 p.
10. Basileiou A. *Byzantinē ephyalōmenē keramikē apo to Argos (10os – a miso 13^{ou} ai.)*. *Opseis tou ylikou politismou enos periphereiakou kentrou stēn Peloponnēso. Katalogo* [Byzantine Glazed Pottery from Argos (10th – 1st Half of 13th Century). Aspects of the Material Culture of a Regional Center in the Peloponnese. Catalogue]. Athens, Ethniko kai Kapodistriako Panepistēmio Athēnōn, Tmēma Istorias kai Archaialogias Publ., 2021. 246 p., 94 p. ill.
11. *Byzanz. Das Licht aus dem Osten. Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4. bis 15. Jahrhundert. Katalog der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn*. Paderborn, Von Zabern, 2001. 412 p., ill.
12. Bursali M. *Eskişehir Karacahisar Kalesi Sgraffito Dekorlu Ortaçağ Seramikleri. Yüksek Lisans Tezi*. Eskişehir, 2007. 268 p.
13. D’Amico E. *Byzantine Finewares in Italy (10th to 14th Centuries AD): Social and Economic. Contexts in the Mediterranean World*. Durham Theses. Durham, 2011. xxi, 470 p. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/12405/>
14. Doğer L. *İzmir Arkeoloji Müzesi Örnekleriyle Kazıma Dekorlu Ege-Bizans Seramikleri*. Izmir, Ege Üniversitesi Basımevi, 2012. 134 ş. (Ege Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, Yayın; no. 105).
15. Katsara E. Byzantine Glazed Pottery from Sparta (12th to 13th Centuries A.D.): Observations in the Light of New Archaeological Finds. *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Proceedings*. Vol. II. Antalya, s.n., 2015, pp. 297–310.
16. Katsara E. An Assemblage of Luxurious Byzantine Glazed Tableware (Late 12th – Early 13th C.) from a Pit at Sparta, Laconia. Observations on Provenance Issues and Social, Economic and Historical Context. *12th Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Proceedings*. Vol. II. Athens, s.n., 2021, pp. 615–726.
17. Koutsouflakis G., Tsompanidis A. The Kavalliani Shipwreck: A New Cargo of Byzantine Glazed Tableware from the South Euboean Gulf, Aegean. *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Proceedings*. Vol. I. Antalya, s.n., 2015, pp. 39–48.
18. Lafli E., Buora M. New Observations on the Fine Sgraffito Ware and Aegean Ware in Western Asia Minor. A Revision. *Cercetări Arheologice*, 2022, vol. 29.2, pp. 665–686.
19. Megaw A.H.S. An Early Thirteenth-Century Aegean Glazed Ware. Robertson G., Henderson G., eds. *Studies in Memory of David Talbot Rice*. Edinburgh, The Edinburgh University Press, 1975, pp. 35–45.
20. Mercangöz Z. A Pottery Production for Whom and for What Target? Thoughts on Pottery Finds from Kadikalesi (Kuşadası) Excavation. *Multidisciplinary*

Approaches to Food and Foodways in the Medieval Eastern Mediterranean. Lyon, 2020, pp. 307-322.

21. Meriç Zeynep A., Meriç Aygün E. 2012–2019 Yılları Arasında İznik Roma Tiyatrosu'nda Bulunan Bizans Sırlı Seramiklerinin Değerlendirilmesi. *Sdü Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*. Aralık, 2021, sayı 54, pp. 49-66.

22. Morgan Ch.H. *Corinth. The Byzantine Pottery*. Vol. XI. Cambridge, Harvard University Press, 1942. 373 p.

23. Papanikola-Bakirtzi D. *Mesaiōnikē ephyalōmenē keramikē tēs Kyprou: ta ergastēria Paphou kai Lapēthou* [Medieval Glazed Pottery of Cyprus, Paphos and Lapithos Workshops]. Thessaloniki, Ekd. tou Idrymatos A.G. Lebentē Publ., 1993. 338 p.

24. Papanikola-Bakirtzi D. *Byzantine Glazed Ceramics: The Art of Sgraffito*. Athens, Archaeological Receipts Fund, 1999. 270 p.

25. Poulou-Papadimitriou N. Tekmēria ylikou politismou stē byzantinē Krētē: apo ton 7° eōs to telos tou 12^{ou} aiōna [Evidence of Material Culture in Byzantine Crete: From the 7th to the End of the 12th Century]. *Pepragmena 1 Diethnous Krētologikou*

Synedriou [Proceedings of the 1st International Cretological Conference]. Vol. 1. Chania, Philologikos Syllogos "O Chrysostomos" Publ., 2011, pp. 381-447.

26. Philotheou G., Michailidou M. Byzantina pinakia apo to phortio nauagismenou ploiou konta sto Kastellorizo [Byzantine Panels from the Cargo of a Wrecked Ship near Kastellorizo]. *Archaiologiko deltio* [Archaeological Bulletin], 1986, vol. 41, pp. 271-329.

27. Randazzo Matteo G. Middle Byzantine Glazed Ware in the Heart of the Latin Western Mediterranean (12th–13th C.): An Updated Overview from Sicily. *Talk Given at the 12th AIECM3, Athens (21th–27th October 2018)*. URL: <https://www.academia.edu/37725525>

28. Ödekan A., ed. *"The Remnants" 12th and 13th Centuries. Byzantine Objects in Turkey: The Exhibition Catalogue*. Istanbul, Vehbi Koç Vakfı, 2007. 303 p.

29. Vroom J. Human Representations on Medieval Cypriot Ceramics and Beyond the Enigma of Mysterious Figures Wrapped in Riddles. *Cypriot Medieval Ceramics*. Nicosia, Cyprus Research Centre, 2014, pp. 153-187.

Information About the Author

Vadim V. Maiko, Doctor of Sciences (History), Director, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

Информация об авторе

Вадим Владиславович Майко, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.3>

UDC 93/94; 904
LBC 63.3(0)4

Submitted: 14.06.2023
Accepted: 31.10.2023

NEW DATA ON THE LANDSCAPE OF THE NORTHERN PART OF THE BYZANTINE CITY ON THE ESKI-KERMEN PLATEAU¹

Elzara A. Khairedinova

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* At the end of the 6th century in the South-Western Crimea, on the Eski-Kermen plateau, Byzantine engineers built a fortress to protect the local Goto-Alan population as well as to protect the approaches to Cherson, the main outpost of the empire on the peninsula. *Methods.* In 2022, during archaeological work in the northern part of the Eski-Kermen plateau, which was considered by researchers to be an undeveloped territory, a Christian church was opened, which made it possible to reconstruct the urban landscape of this part of the city in a new way. *Analysis.* The southeastern part of the church with a semicircular apse, sections of the southern wall, and the naos were excavated. In the center of the apse *in situ*, there is an altar made in the form of a table on a faceted pillar. Crosses are carved on the western and eastern sides of the pillar, and depressions are made for two relics. The base of the altar was cut into a rock monolith during the preparation of the site for the construction of the church, when the surface of the rock was leveled and cramped. The walls of the church were already being built around the base made for the altar. *Results.* Thus, a Christian church functioned in the northern part of the city on the Eski-Kermen plateau from the early medieval period until the death of the city at the end of the 13th century. It was the second-largest building in the city after the main basilica. The church was built for the residents of the neighborhoods located nearby, along the eastern edge of the plateau. Throughout its existence, the church was renovated, as evidenced by a small reconstruction in the apse and an opening for an additional relic on the western side of the altar. In the 10th century, after the city necropolis on the southeastern slope of the plateau ceased to exist, and chapels for burials began to be built in the quarters on the plateau, a necropolis appeared next to the “Northern” church where residents of the northern quarters buried their dead.

Key words: Byzantium, Southwestern Crimea, Eski-Kermen plateau, Christian church, altar, cross.

Citation. Khairedinova E.A. New Data on the Landscape of the Northern Part of the Byzantine City on the Eski-Kermen Plateau. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 25-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.3>

УДК 93/94; 904
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 14.06.2023
Дата принятия статьи: 31.10.2023

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЛАНДШАФТЕ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН¹

Эльзара Айдеровна Хайрединова

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В конце VI в. в Юго-Западном Крыму на плато Эски-Кермен византийскими инженерами была построена крепость для защиты местного гото-аланского населения, а также для охраны подступов к Херсону – главному форпосту империи на полуострове. В 2022 г. в ходе археологических работ в северной части плато Эски-Кермен, считавшейся исследователями незастроенной территорией, был открыт христианский храм, что позволило по-новому реконструировать городской ландшафт этой части города. Раскопана юго-восточная часть храма с полукруглой в плане апсидой, участками южной стены и наоса. В центре алтарной части *in situ* сохранился престол, сделанный в виде стола на граненом столбе. На западной и восточной сторонах столба высечены кресты и сделаны углубления для двух реликвий. Основание престола вырублено в скальном монолите еще при подготовке площадки под строительство храма, когда поверхность

скалы выравнивалась и стесывалась. Стены храма возводились уже вокруг изготовленного под престол основания. Таким образом, в северной части города на плато Эски-Кермен с раннесредневекового времени вплоть до гибели города в конце XIII в. функционировал христианский храм. По величине это было второе, после главной базилики, здание в городе. Храм был построен для жителей, располагавшихся поблизости, вдоль восточного края плато, кварталов. На протяжении своего существования храм обновлялся, о чем свидетельствуют небольшая перестройка в апсиде и отверстие для дополнительной реликвии на западной стороне престола. В X в., после того как городской некрополь на юго-восточном склоне плато прекратил свое существование и в кварталах на плато стали возводиться часовни для захоронений, рядом с «Северным» храмом появился некрополь, на котором хоронили своих умерших жители северных кварталов.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, плато Эски-Кермен, христианский храм, престол, крест.

Цитирование. Хайрединова Э. А. Новые данные о ландшафте северной части византийского города на плато Эски-Кермен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 25–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.3>

Введение. В конце VI в. в Юго-Западном Крыму на плато Эски-Кермен византийскими инженерами была построена крепость для защиты местного готто-аланского населения, а также для охраны подступов к Херсону – главному форпосту империи на полуострове [2, с. 137–138; 5, с. 163, 306]. На протяжении VII в. крепость расстроили в малый город с типичным для Византии градостроительным обликом. В южной части плато продольные широкие улицы и пересекающие их под прямым углом поперечные улицы образовывали сетку кварталов, в центре которой была спланирована площадь с главным городским храмом – большой трехнефной базиликой (рис. 1, 5) [3, с. 16–17; 24, с. 526–527, рис. 11]. Эта планировка сохранялась практически неизменной на протяжении всего времени существования города, вплоть до его гибели в конце XIII века.

По итогам первых археологических работ, проведенных в 1928–1930 гг. на памятнике, Н.И. Репников пришел к заключению, что город занимал большую часть плоской вершины плато площадью 8,1 га, тогда как его северная узкая часть не использовалась из-за постоянных ветров, а «от заселенной части города этот участок отделяется поперечной стенкой, проходившей от края до края» (здесь и далее курсив наш. – Э. Х.) (рис. 1, В) [18, с. 183]. На опубликованном в 1932 г. схематическом плане обороны Эски-Кермена Н.И. Репников обозначил эту стену пунктирной линией, идущей от западной калитки до осадного колодца [18, с. 182–183,

рис. 43]. О существовании поперечной стены, ограждавшей с севера заселенную часть города, говорил и Е.В. Веймарн, относивший это сооружение к оборонительным. На составленном исследователем схематическом плане обороны города стена обозначена четкой прямой линией, а в описании указано, что «об ее характере судить сейчас трудно, так как она целиком скрыта землей... ее линия прослеживается в виде невысокого вала до 3 м шириной и 1 м высотой. Примерно в середине ее, несколько ближе к западу, имеется разрыв. Возможно, здесь был проезд из южной части города...» [9, с. 36].

После осмотра северной трети плато Эски-Кермена в 1928–1930 гг. Н.И. Репников пришел к заключению, что «...отрезок этот не был заселенным и представляется своеобразным, лишенным развалин участком» [18, с. 183]. Этот тезис позже повторил Е.В. Веймарн, добавив, что «...свободное от городских построек пространство, нарочито оставленное, было рассчитано на размещение здесь во время военной опасности окружающего сельского населения и скота. Здесь же в мирное время могло быть место рынка» [9, с. 36–37].

Метод. В ходе археологических работ 2022 г. в центральной части вала, на месте предполагаемой поперечной стены (рис. 1, А2, В2), открыты руины жилой усадьбы, по планировке и строительной технике подобные жилым и хозяйственным постройкам, исследованным в других городских кварталах на плато Эски-Кермен. Комплекс керамики из

слоя разрушения, заполнявшего открытые помещения, аналогичен находкам на других усадьбах, погибших в пожаре конца XIII века². Очевидно, что за поперечную стену в этой части плато Н.И. Репников и Е.В. Веймарн приняли земляной вал, образовавшийся над разрушенными стенами нескольких усадеб, располагавшихся на самом краю городской застройки. В раскопе 24/2022 г., заложенном нами в 40 м к югу от северной калитки, выявлены руины юго-восточной части большого «Северного» храма, ориентированного апсидой на восток, и могилы прихрамового некрополя (рис. 2, 3; 3). В предлагаемой статье представлены предварительные результаты археологических исследований открытого храма, располагавшегося на считавшейся ранее незастроенной территории, позволяющие поновому реконструировать ландшафт северной части города на плато Эски-Кермен.

Анализ. В ходе раскопок на территории общей площадью около 50 кв. м под дерном и слоем разрушения мощностью 0,2–0,6 м исследованы полукруглая в плане апсида храма, восточная часть южной стены длиной 2,9 м и прилегающая к апсиде часть наоса (рис. 3, 1а, 2). Стены храма двухпанцирные, возведены на скале, на цемянковом растворе, с забутовкой из мелкого камня, известнякового отщепа, битой керамики и грунта. От южной стены сохранился нижний ряд кладки шириной 0,8 м. Внешний панцирь сложен из крупных, плотно подогнанных друг к другу, тщательно обработанных известняковых блоков размером 0,48 × 0,7–0,62 × 1,22 м, толщиной 0,3–0,32 м; внутренний – из блоков меньших размеров и крупного камня со следами подтески. Под южную стену на скальной поверхности сделана подрубка – «постель», которая прослеживается по направлению стены и за пределами раскопа на длину 12 м (рис. 2, 4; 3, 1б). Восточный торец стены завершается тремя блоками, два из которых поставлены поперечно, третий – продольно. Они образуют плечо апсиды длиной 1,58 м, шириной 0,7 м. Стена апсиды сложена впритык к плечу, с отступом в 0,48 м от его южного угла. Снаружи место стыка апсиды и плеча заделано слоем известняковой штукатурки с включением керамической крошки (рис. 4, 1). Под плечом апсиды в скальном массиве ос-

тавлен прямоугольный в плане выступ размером 1,2 × 1,52 м, возвышающийся над полом храма на 0,22–0,3 м.

От апсиды в восточной части сохранился нижний ряд кладки, в южной – 2–3 ряда кладки на высоту 0,4–0,64 м (рис. 4, 3). Глубина апсиды – 3,86 м, ширина стен – 0,64–0,68 м. Внутренний панцирь апсиды сложен из крупного камня со следами подтески, внешний – из небольших каменных блоков, с хорошо обработанной поверхностью. На скальной поверхности на месте внешнего панциря апсиды видны подрубки под облицовочные блоки и остатки цемянкового раствора. В южной части апсиды зафиксированы следы перестройки. На примыкающем к плечу участке, на высоте 0,7 м от пола, была сделана ниша (возможно, дьяконник), для которой разобрали часть кладки внутреннего панциря и расширили стену на 0,3–0,36 м, сложив вдоль нее из камня дополнительную кладку в три ряда высотой, длиной 2,1 м. Пол ниши выложили плитами. Одна из них – квадратной формы, с закругленными углами и хорошо отшлифованной поверхностью, размером 0,74 × 0,74 м, толщиной 0,08 м сохранилась *in situ* (рис. 4, 1). Апсида, изначально имевшая в ширину 4 м, после сооружения ниши в южной стене сузилась до 3,6–3,7 м. Пол в храме скальный, с хорошо обработанной поверхностью, на которой видны следы подтески инструментом с заостренной рабочей частью (рис. 4, 3). У западного основания плеча апсиды в скальном полу сделаны неглубокие подрубки, вероятно, для алтарной преграды. Возможно, в древности пол в апсиде и наосе был вымощен плитами.

В центре алтарной части *in situ* сохранился престол высотой 0,72 м, сделанный в виде стола на граненом столбе (рис. 4, 3; 5; 6). После обрушения арочного перекрытия престольная плита разбилась, столб треснул в основании, а его верхняя часть оказалась оббитой (рис. 4, 2). Престол установлен в центре вырубленной в скальном монолите подставки почти прямоугольной формы с закругленными углами в восточной части (размер 0,82 × 0,84 м, высота 0,07–0,13 м; рис. 5, 4). Престольная прямоугольная плита размером 0,4 × 0,51 м, толщиной 0,09 м высечена из известняка (рис. 6, 1). На ее поверхности, в са-

мом центре, прорезан крест из прямых пересекающихся линий размером 7×9 см. Контуры плиты подчеркнут врезной линией. Столб под престольную плиту сделан из известняка в виде слегка расширяющейся в верхней части восьмигранной колонны с четырьмя широкими, обращенными к сторонам света гранями (рис. 6, 2–4). Его высота – 0,58 м, размеры основания – $0,3 \times 0,3$ м, верхней части – $0,32 \times 0,32$ м. В нижней части вырублен прямоугольный в плане выступ размером $0,18 \times 0,2$ м, служивший своеобразным шипом, при помощи которого столб укреплялся в углублении, высеченном в скальной подставке (рис. 5, 3, 7; 6, 5, 6). Размеры шипа подогнаны под размеры углубления, в результате чего столб неподвижно фиксировался в монолитном основании (рис. 5, 4; 6, 5, 6). Престольная плита устанавливалась при помощи сделанного в нижней части выступа, вставлявшегося в прорубленный по центру верхней грани столба квадратный паз размером $8,3 \times 8,5$ см, глубиной 3,5 см (рис. 6, 5, 6).

На западной стороне престольного столба высечены: в центре – крест с расширяющимися концами в круге (размер 16×16 см), над ним – расположенное горизонтально квадратное в плане углубление для реликвии размером $2,8 \times 3,2$ см, глубиной 7 см (рис. 5, 2, 5; 6, 3, 6). Восточная сторона декорирована прорезанным в верхней части рельефным крестом с расширяющимися концами размером 16×18 см (рис. 5, 1). Внизу, на расстоянии 0,23 м от креста, прорублено прямоугольное в плане вертикальное углубление для размещения капсулы со святыней размером $4 \times 8,5$ см, глубиной 4 см (рис. 5, 6; 6, 2, 6). Между крестом и вместилищем для реликвии видна тонкая резная полуокружность, вероятно, след от разметки для предполагавшегося, но не сделанного, изображения. Очевидно, что крест на восточной стороне был вырезан изначально, при изготовлении столба: он сделан в высоком рельефе, а остальная поверхность грани стесана до уровня фона. Символ веры на противоположной стороне столба выполнен иначе: на поверхность грани нанесли разметку тонкой линией, а затем внутри круга, описывающего крест, вырубili фон, придав тем самым рельефные очертания фигуре.

Форма и устройство престола с четырехугольным столом, установленном на одной подставке-колонне, известны с позднеантичного времени [16, с. 274]. В крымских храмах византийского времени этот тип престола доминировал. Граненые столбы-подставки со срезанными вертикальными ребрами, аналогичные публикуемому, известны в Херсонесе в «Базилике 1987 г.», построенной в начале XI в. [28, с. 8–11], а также на плато Эски-Кермен в южной апсиде главной базилики, возведенной в конце VI в., и в небольшом квартальном храме, сооруженном на рубеже X–XI вв. на второй продольной улице [6, с. 312–315, ил. 3]. Во всех перечисленных храмах столб устанавливался при помощи выступа-шипа, вставлявшегося в прямоугольный паз, вырубленный в скальном полу (Эски-Кермен) или в отдельной плите-основании (Херсонес). Высеченное в скальном монолите основание под престол фиксируется впервые. Скорее всего, оно было вырублено еще при подготовке площадки под строительство храма, когда поверхность скалы выравнивалась и стесывалась. Стены храма возводились уже вокруг изготовленного основания престола.

Кресты изображались на престолах с позднеантичного времени, о чем свидетельствуют как археологические находки, так и письменные источники [16, с. 289]. Особенность публикуемого престола – изображение разных крестов на двух противоположных (западной и восточной) сторонах столба. Среди крымских христианских древностей нам такой пример не известен. Интересно, что оба типа креста встречаются на каменных архитектурных деталях и на стенах могил из ранневизантийского комплекса Святого Стефана из Умм аль-Разаса (кастрон Мефаа, современная Иордания) [37, р. 316, 323, № 16, 23, 24, 140, 152, 165, Tav. XXVI, 1]. При этом в одной могиле присутствовали разные по форме кресты, расположенные друг против друга на северной и южной стенах [37, р. 88, 325, № 55–55, Tav. XXVIII, 1].

Оба типа креста, представленные на престоле «Северного» храма, известны в Юго-Западном Крыму с раннесредневекового времени. В качестве аналогии кресту с западной стороны престольного столба можно привести изображение на плите из перекрытия пли-

товой могилы № 2 VII в., выявленной на могильнике Суук-Су [5, с. 249, рис. 169, 4]. Начиная с VIII в., когда у местного гото-аланского населения появился обычай отмечать погребения надгробиями, кресты обоих типов вырезались на каменных стелах, установленных над могилами [10, с. 51, рис. 10; 1, с. 383, рис. 18, 4, 5, 7, 12].

На столбе престола сделаны отверстия для двух реликвий. Порядок освящения храма и положения святых мощей в престол регламентированы в византийских Евхологиях XI в.: «...частицы святых мощей мучеников, которые после священнодействия должны быть помещены в приготовленной в основании между восточными столбами [престола] как бы гробнице, если трапезу поддерживают столбы; если же ее поддерживает либо цельнокаменное, либо сложенное из многих камней возвышение – то в сделанном мастером ковчежце посреди возвышения с той его стороны, которая обращена к синтрону...» [25, с. 113–114]. После того как архиерей вкладывал мощи в ковчежец и совершал помазания их миром следовало запечатывание их «воскомастихом или гипсом, или даже свинцом» [25, с. 122–123]. Таким образом, место для размещения реликвии на восточной стороне престольного столба «Северного» храма (рис. 5, 1, б) сделано в полном соответствии с установленными правилами. В уже упомянутых храмах из Херсонеса и Эски-Кермена углубления для реликвий также находились в восточной стороне престола, но в разных, составляющих его, каменных деталях. В «Базилике 1987 г.» из Херсона ниши для реликвий были сделаны на восточной стороне столба и в восточной грани подпрестольной плиты [28, с. 8–11, ил. 2–4]. В квартальном храме на второй продольной улице из Эски-Кермена миниатюрное квадратное углубление для хранения мощей высечено на поверхности известняковой престольной плиты [6, с. 312–315, ил. 3, 1].

Вторая реликвия «Северного» храма хранилась в горизонтальном отверстии на западной стороне престола (рис. 5, 2, 5). Возможно, она была помещена позже, при обновлении уже освященного храма – такая практика существовала в Византии [25, с. 120]. Поскольку восточная часть престола была уже занята

первой реликвией, то вместилище для новой святыни прорубили на противоположной, западной стороне столба. Отметим, что в пещерных храмах Эски-Кермена «Успение» и так называемой часовне в храме «Судилице» у главных ворот (рис. 1, 4), в монолитных престолах, вырубленных в стене апсиды и поэтому не имеющих доступ к восточной стороне, небольшие углубления для реликвий вырубались на боковой южной грани.

Судя по размерам отверстий, в престоле «Северного» храма должны были размещаться небольшие капсулы с реликвиями. Миниатюрные реликвиарии из камня или металла достаточно широко представлены в христианских древностях, особенно ранневизантийского времени [30, S. 264, 276, C1, C7, Taf. 3, C1; 9]. В качестве одного из примеров можно привести хранящуюся в Венском художественно-историческом музее золотую шкатулку VI в. размером 1,6 × 2,3 × 1,9 см, изготовленную в Константинополе, украшенную растительным орнаментом и изображением креста на крышке, внутри которой находились два мелких фрагмента костей, завернутых в шелк [29, р. 630, Cat. 568]. Каменный реликвиарий в форме миниатюрного саркофага с крышкой размером 4,2 × 6,4 см, высотой 4 см, внутри которого находился грунт с мелкими частицами мощей, найден и в «Базилике 1987 г.», построенной в Херсоне в XI в. [28, с. 11, ил. 7–8]. В реликвиариях, размещаемых в алтарях церквей, помимо мощей святых, могли храниться и небольшие евлогии – сувениры, привозившиеся паломниками из святых мест [39, р. 82–83].

При зачистке алтарной части «Северного» храма выявлены рухнувшие на скальный пол и лежавшие в два ряда массивные плиты арочного перекрытия (рис. 3, 2). Они вырублены из известняка и хорошо подтесаны со всех сторон. На боковых гранях некоторых плит сохранились следы известкового раствора. Среди плит обнаружен фрагмент бронзовой массивной цепи длиной 8,5 см, предназначавшейся для большого и тяжелого светильника – поликандилона или хороса, который, скорее всего, висел над престолом. Цепь образована восьмерковидными звеньями из круглого в сечении стержня диаметром 0,5–0,7 см (рис. 7, 3). Она крепилась к вбивавше-

муся в каменное арочное перекрытие или деревянные балки железному кованому крюку длиной около 10 см, сделанному из прямоугольного в сечении стержня с загнутым концом. На верхних звеньях цепи сохранился толстый слой извести, что может свидетельствовать о неоднократной побелке верхней части апсиды. Находки таких же массивных цепей, зачастую вместе с железным крюком, служившим для крепления осветительного прибора в стене или потолке, встречаются при раскопках храмов ранневизантийского времени из Подунавья и Малой Азии [32, p. 206, Cat. 75, fig. 146; 31, p. 77, Cat. 714, Pl. XIV, 71; 38, S. 145, Kat. A24, Taf. 76, Farbtaf. 82].

Стены апсиды внутри были оштукатурены. В завале камней и черепицы собраны многочисленные фрагменты штукатурки. На поверхности одного из них видны две тонкие параллельные линии, возможно, следы разметки для нанесения росписи (рис. 7, 2). Для характеристики внутреннего убранства храма показательны найденные в слое разрушения известняковый блок с прорезанным по центру крестом в круге, использовавшийся, вероятно, в кладке внутреннего панциря одной из стен, и фрагмент декоративной керамической красноглиняной ажурной плитки (размеры фрагмента 11 × 16 см, толщина 2,2–3,3 см, приблизительный размер реконструированного изделия 31 × 21 см; рис. 7, 1, 1а). В центре плитки располагался крест с расширяющимися концами, образованный прорезанными насквозь треугольниками, а вокруг него – сквозные круглые отверстия (рис. 7, 1а). На обеих сторонах контуры плитки и декоративных отверстий подчеркнуты тонкой врезной линией, нанесенной по сырой глине, а свободное пространство заполнено прочерченными крестами из двух прямых пересекающихся линий. Такая ажурная керамическая плитка, имеющая одинаковый вид с двух сторон, вероятно, копировала мраморные декоративные детали. Судя по находкам из Малой Азии, в ранневизантийское время во внутреннем убранстве храмов, зачастую в оформлении алтаря и алтарной преграды, использовались «перфорированные» мраморные плиты, с прорезным растительным декором и крестами, контуры которых с обеих сторон обводились врезной линией [36, p. 280, fig. 3; 40,

S. 351, 353–354, Res. 38, Kat. 27; Res. 40, Kat. 29; Res. 44, Kat. 33; Res. 45, Kat. 34; Res. 49, Kat. 38].

По определению А.В. Смокотиной, обнаруженная в «Северном» храме плитка по характеристикам глиняного теста относится к керамическим изделиям херсонесского производства. На территории херсонесского городища известны находки раннесредневековых сосудов с ажурным декором, выполненным в такой же технике [20, рис. 8]. Фрагменты подобных изделий (сосудов или плиток) найдены и на Ай-Петринской яйле – около стен храмового комплекса Кильсе-Бурун, в перемешанном слое, где наряду с предметами IX–XI вв. присутствовали и фрагменты стакана с синими каплями конца IV – первой половины V в., и византийские пряжки – цельнолитая типа «Сиракузы» (вариант 1) VII в., и шарнирная поясная застежка с фигурным щитком первой половины VIII в. [4, с. 62, рис. 30, 10; 23, с. 243–245, рис. 1–2; 22, с. 335–342, рис. 17, КБ-16/97; рис. 18, КБ-16/130; рис. 19, п.о. 5-228, КБ-17/52; рис. 24, КБ-16/235]. В погребениях VIII–IX вв. из прихрамового некрополя в с. Гончарное выявлены фрагменты керамических гончарных ажурных крестов в круге, контуры которых подчеркнуты грубой врезной линией, выполненные в том же стиле, что и найденная в «Северном» храме плитка. По мнению А.Л. Якобсона, эти ажурные керамические кресты предназначались для размещения на надгробиях [27, с. 141–142, рис. 92, 2–3].

В развале камней над руинами храма выявлены массивные железные гвозди, использовавшиеся для скрепления деревянных балок кровли, а также большое количество разбитых при обрушении крыши плоских керамид и вогнутых, полукруглых в сечении, калиптеров (рис. 4, 2). Преобладают керамиды группы II по эски-керменской классификации³, находки которых на городище связаны в основном с комплексами IX–XII вв. [15, с. 142]. По наблюдениям И.А. Завадской, в черепичном развале из апсиды и наоса «Северного» храма присутствуют обломки и почти целые формы изделий синопского и херсонесского производства, изготовленных «лицевым» способом и характерных для позднеантичного или ранневизантийского времени

[13, с. 142–143], а также относящихся к средневизантийскому периоду керамида с «пестрым» черепком, уплощенным очень низким верхним бортиком и прямым массивным боковым бортиком с односторонним нижним уступом [15, с. 142].

В слое разрушения также найдены фрагменты бытовой керамики, среди которых, по определению А.В. Смокотиной, зафиксированы стенки колхидских амфор класса 1/ХК-95 V–VII вв. [19, с. 16–19], понтийских амфор типа V/АДСВ-71 VI–VII вв. [7, с. 85, рис. 6], амфор синопского производства типа Carrot/C Snr II-3b VI–VII вв. [35, p. 129–130, pl. 19, 2], высокогорлых амфор-кувшинов класса 41/ХК-95 второй половины IX – XII в. [19, с. 63–66, рис. 30–32, 51], византийских амфор класса 45/ХК-95 (Günsenin IV) XII–XIII вв. [19, с. 73–77, рис. 35–42, 53–59; 33, p. 102–108, fig. 10–15], херсонесских амфор класса 52/ХК-95 XII–XIV вв. [19, с. 83–95, рис. 28, 42, 46–50, 57–59], амфор испанского производства XIII–XIV вв., а также византийской белоглиняной глазурованной керамики группы GWW IV по Дж. Хейсу XII – третьей четверти XIII в. [34, p. 30–33].

Находки в слое разрушения фрагментов строительной и бытовой керамики, характерной для всех периодов жизнедеятельности на плато Эски-Кермен – с конца VI и до конца XIV в., позволяют говорить о долгом существовании здания. Отметим, что помимо перечисленных находок из слоя разрушения «Северного» храма, наборы тарной и строительной керамики, относящиеся к позднему периоду существования города, включающие примесь ранневизантийских и средневизантийских изделий, на плато Эски-Кермен в настоящее время известны только на одном участке – в центре города, на площади перед главной городской базиликой и примыкающего к ней участка большой поперечной улицы [14, с. 297–298; 21, с. 109–112]. Скорее всего, «Северный» храм был построен одновременно, или чуть позже, с расположенной в центре города главной базиликой. Южная стена храма, как и продольные стены трехнефной базилики, сложена в одинаковой технике с использованием крупных, хорошо обтесанных со всех сторон блоков [26, с. 224, рис. 58–60; 17, с. 101, рис. 2, 1]. Под стену храма в скале сделана ступень-подрубка, аналогичная вы-

рубкам-«постелям», служившим основанием кладки оборонительных стен, возводившихся в конце VI в. вдоль краев плато [18, с. 182].

Открытая юго-восточная часть храма позволяет говорить о том, что по величине это было второе, после главной базилики, здание в городе. Длина храма, судя по подрубкам в скале под южную стену, достигала почти 20 м, ширина апсиды снаружи имела 5 м (рис. 3, 1б). Безусловно, возведение такого храма требовало больших затрат и, скорее всего, могло быть осуществлено в ходе реализации византийцами в правление императора Маврикия (582–602) программы строительства оборонительных сооружений и общественных зданий на территории нового дуката, куда была включена и область Дори. В рамках этой программы для назначенных дукой Херсона архонтов новых архонтий и были возведены новые крепости, в том числе и на плато Эски-Кермен, ставшие административными, экономическими и религиозными центрами близлежащих территорий [3, с. 20–21]. Строительство и освящение новых церквей, положение в них реликвий имело большое политическое значение. Как заметила Е. Бакалова, почитание реликвий отнюдь не сводится к так называемому народному христианству, оно неотделимо не только от понятия «православное христианство», но также и от понятия «Византийская империя» [8, с. 29–30].

Выбор места для строительства второго большого храма на плато Эски-Кермен был не случаен. Помимо главных южных ворот, через которые шел колесный путь, в крепость на плато можно было подняться по трем пешеходным тропам через узкие калитки. Две из них – восточная и западная – располагались между башнями-казематами (рис. 1, б, в). Третья калитка позволяла попасть на плато с севера, по вырубленной в скале тропе (рис. 1, а; 2, 1). На плоскую вершину плато в калитке имелось два входа – через прямую узкую расщелину в скалах, по дну которой вырубили ступени (рис. 2, 1, а), и по лестнице, высеченной вокруг скального мыса, нависающего над расщелиной с востока (рис. 2, 1, б). Северный вход в город прикрывался дозорным пунктом, расположенным на северных мысах (рис. 1, 3; 2, 2). Путник, поднимающийся в город с этой стороны, достигнув плоской вершины плато, сра-

зу оказывался перед большим храмом, миновать который было невозможно (рис. 1, 1). Величественное здание, сложенное из крупных каменных блоков, практически полностью перекрывало узкий в этом месте участок плато – от западного к восточному обрыву. Не известно, какому святому был посвящен храм, но очевидно, что местные жители стремились добиться покровительства святого через присутствие его мощей, рассчитывали на его заступничество перед богом [8, с. 25] и на защиту высших сил для себя и для города в случае бедствий и нападения врагов.

Построенный около северной калитки храм не находился вдали от жилых построек. Как было сказано выше, городская застройка на плато не ограничивалась поперечной стеной, проходившей от западного к восточному обрывам. Судя по хозяйственным пещерным сооружениям, расположенным вдоль восточного края плато, именно здесь концентрировались жилые постройки в северной части плато Эски-Кермен. Руины этих построек в новое время оказались наиболее доступными для жителей расположенной по соседству деревни Черкес-Кермен и были разобраны для строительства.

Результаты. В северной части города на плато Эски-Кермен с раннесредневекового времени вплоть до гибели города в конце XIII в. функционировал христианский храм. Он был построен для жителей располагавшихся поблизости, вдоль восточного края плато, кварталов. Наличие в небольшом городе нескольких культовых зданий характерно для Византии, где деньги на строительство церквей выделялись всегда щедро. Так, в раннесредневековое время в Палестине, в Ниссане,

насчитывавшей всего 1 000–1 500 жителей, было четыре церкви, а Юстиниана Прима, город в Иллирии площадью 7 га, имела пять церквей [11, с. 274]. На протяжении своего существования храм обновлялся, о чем свидетельствуют небольшая перестройка в апсиде и отверстие для дополнительной реликвии на западной стороне престола. В X в., после того как городской некрополь на юго-восточном склоне плато прекратил свое существование и в кварталах на плато стали возводиться часовни для захоронений, рядом с «Северным» храмом появился некрополь, на котором хоронили своих умерших жители северных кварталов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время» (<https://rscf.ru/project/20-18-00076>).

The study was funded by the Russian Science Foundation according to research project No. 20-18-00076 “The Evolution of Cities on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Times” (<https://rscf.ru/project/20-18-00076>).

² Керамика из раскопок 2022 г. определена А.В. Смокотиной, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского.

³ Классификация строительной керамики из раскопок на плато Эски-Кермен разработана И.А. Завадской, ведущим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского [12, с. 295–304]. Она же определила строительную керамику из раскопок 2022 г. «Северного» храма.

ПРИЛОЖЕНИЕ

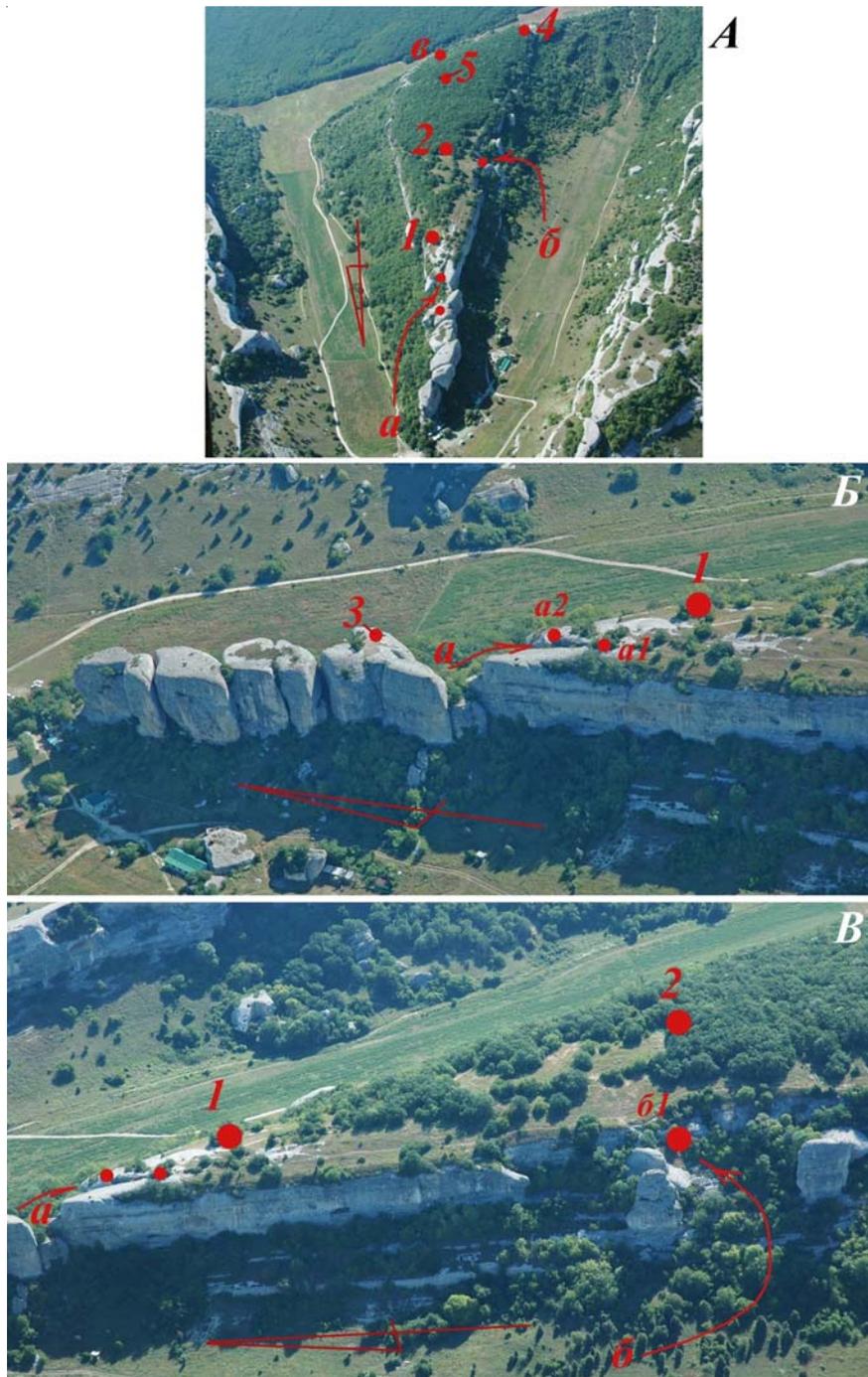

Рис. 1. Плато Эски-Кермен:

A – общий вид с севера; *Б, В* – северная часть плато, общие виды с юго-запада (*Б*) и запада (*В*).
1 – «Северный» храм (раскоп 24/2022); *2* – жилая усадьба на месте предполагаемой поперечной стены (раскоп 23/2022);
3 – северный дозорный комплекс; *4* – главные ворота; *5* – главная базилика;
a – северная калитка и два входа в город (*a1, a2*); *b* – западная калитка; *c* – восточная калитка (фото А.И. Айбабина)

Fig. 1. Eski-Kermen plateau:

A – general view from the north; *B, C* – northern part of the plateau; general views from the southwest (*B*) and west (*C*).
1 – “Northern” temple (excavation 24/2022); *2* – house on the site of the proposed transverse wall (excavation 23/2022);
3 – northern sentinel complex; *4* – main gate; *5* – main basilica;
a – northern wicket and two entrances to the city (*a1, a2*); *b* – western wicket; *c* – east wicket (photo by A.I. Aibabin)

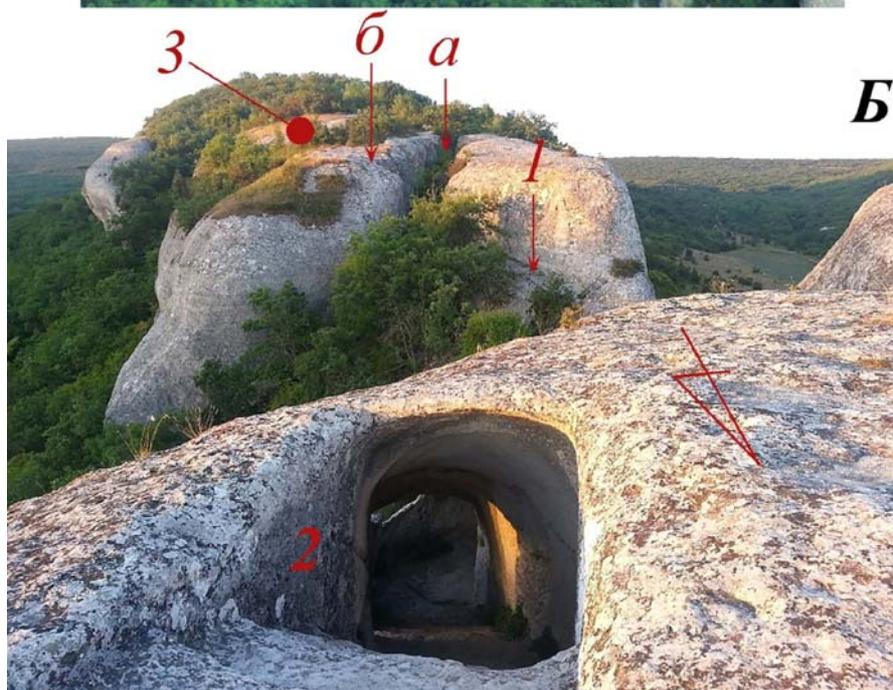
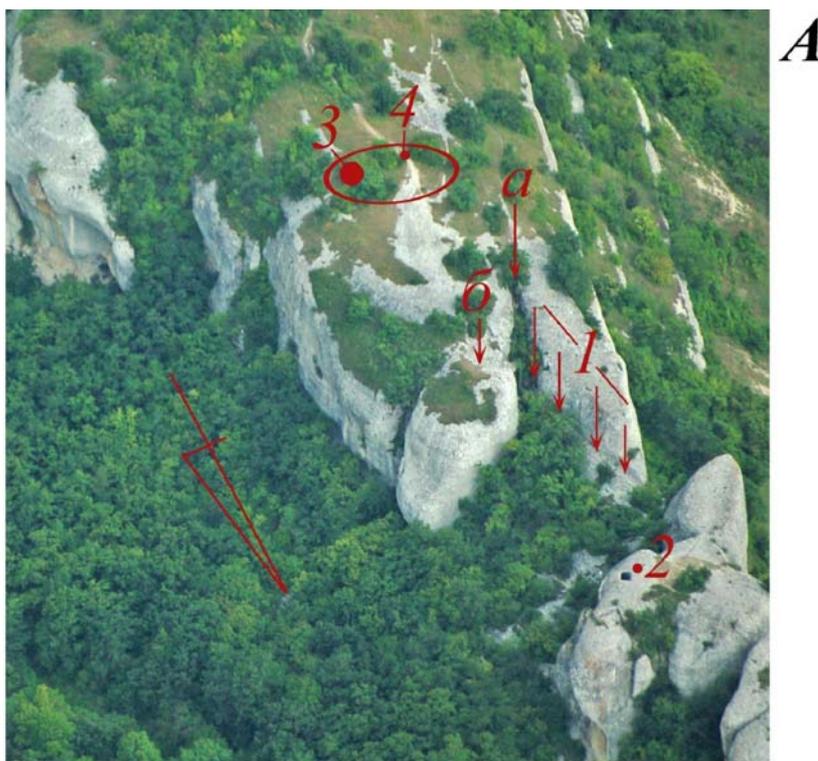

Рис. 2. Северная часть плато Эски-Кермен:

А – общий вид с северо-востока; *Б* – общий вид с севера, со стороны дозорного комплекса.
1 – северная калитка (*а*, *б* – два входа на плато); *2* – северный дозорный комплекс; *3* – раскоп 24/2022 с юго-восточной частью «Северного» храма (красным овалом показана предполагаемая площадь, занимаемая храмом);
4 – подрубка под южную стену храма и каменные блоки от нее (фото А.И. Айбабина)

Fig. 2. Northern part of the Eski-Kermen plateau:

A – general view from the northeast; *B* – general view from the north, from the side of the sentinel complex.
1 – northern wicket (*a*, *b* – two entrances to the plateau); *2* – northern sentinel complex; *3* – excavation 24/2022 with the southeastern part of the “Northern” temple (the red oval shows the estimated area occupied by the temple);
4 – cutting under the southern wall of the temple and stone blocks from it (photo by A.I. Aibabin)

Рис. 3. Северная часть плато Эски-Кермен:

1 – общий вид сверху (а – открытая часть «Северного» храма; б – участок южной стены, реконструируемый по подрубке в скале); 2 – открытая в 2022 г. часть «Северного» храма, общий вид сверху (фото А.А. Душенко)

Fig. 3. Northern part of the Eski-Kermen plateau:

1 – general view from above (a – the open part of the “Northern” temple; b – section of the southern wall, reconstructed along a cut in the rock); 2 – part of the “Northern” temple, opened in 2022, general view from above (photo by A.A. Dushenko)

Рис. 4. «Северный» храм:

1 – южное плечо храма, вид с юго-востока; 2 – слой разрушения около престола, вид с севера;
3 – апсида храма с престолом, вид с юго-запада (фото автора)

Fig. 4. Northern Temple:

1 – southern shoulder of the temple, view from the southeast; 2 – layer of destruction near the altar, view from the north;
3 – apse of the temple with the altar, view from the southwest (photo by the author)

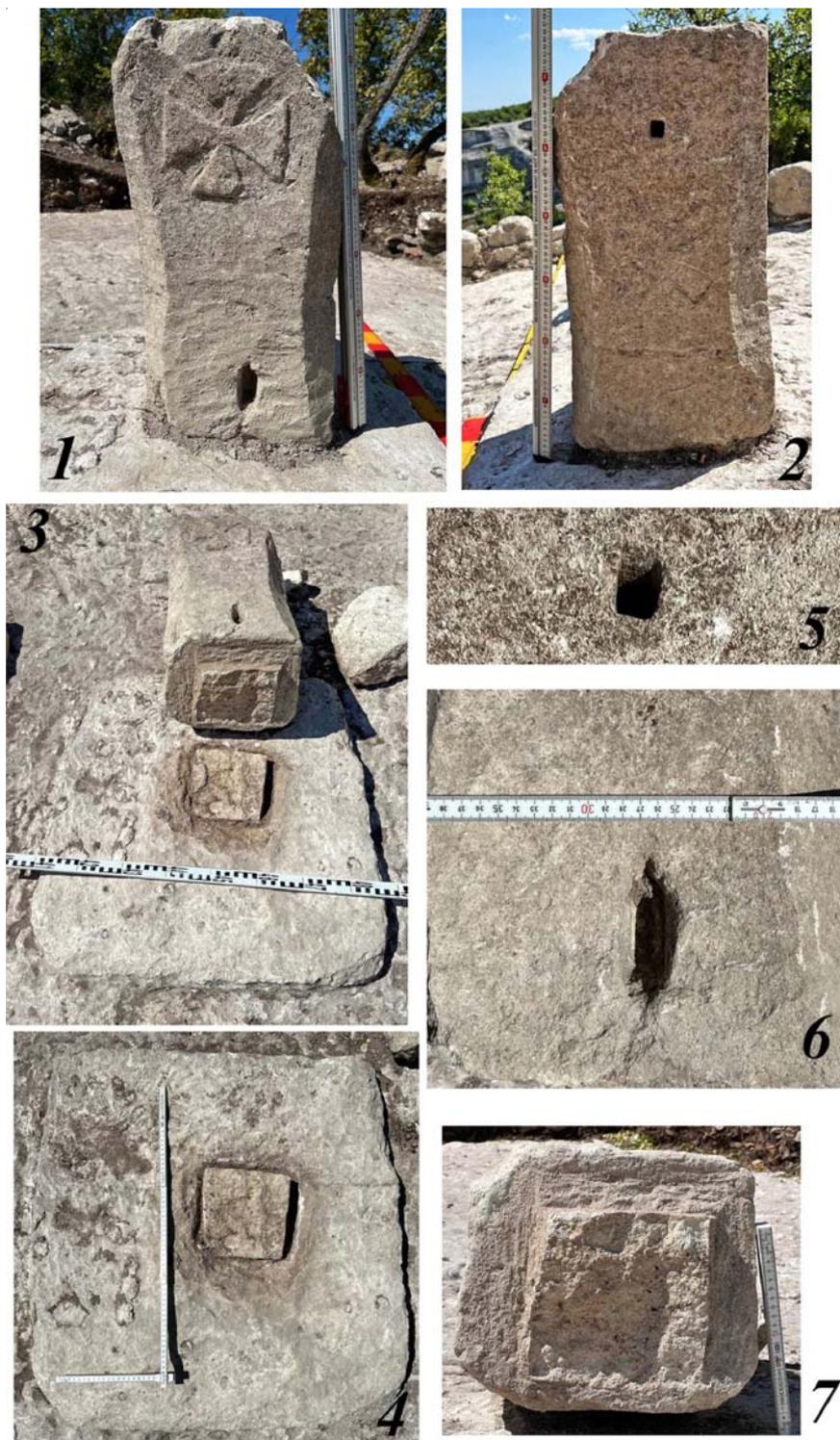

Рис. 5. Престол «Северного» храма, общие виды и детали:

1 – восточная сторона; 2 – западная сторона; 3, 4 – монолитная подставка под престол;
5, 6 – отверстия на столбе для размещения реликвий (5 – на западной стороне; 6 – на восточной стороне);
7 – основание граненого столба (фото автора)

Fig. 5. Altar of the “Northern” temple, general views and details:

1 – east side; 2 – western side; 3, 4 – monolithic stand for the altar;
5, 6 – holes on the pillar for placing relics (5 – on the western side; 6 – on the eastern side);
7 – base of a faceted pillar (photo by the author)

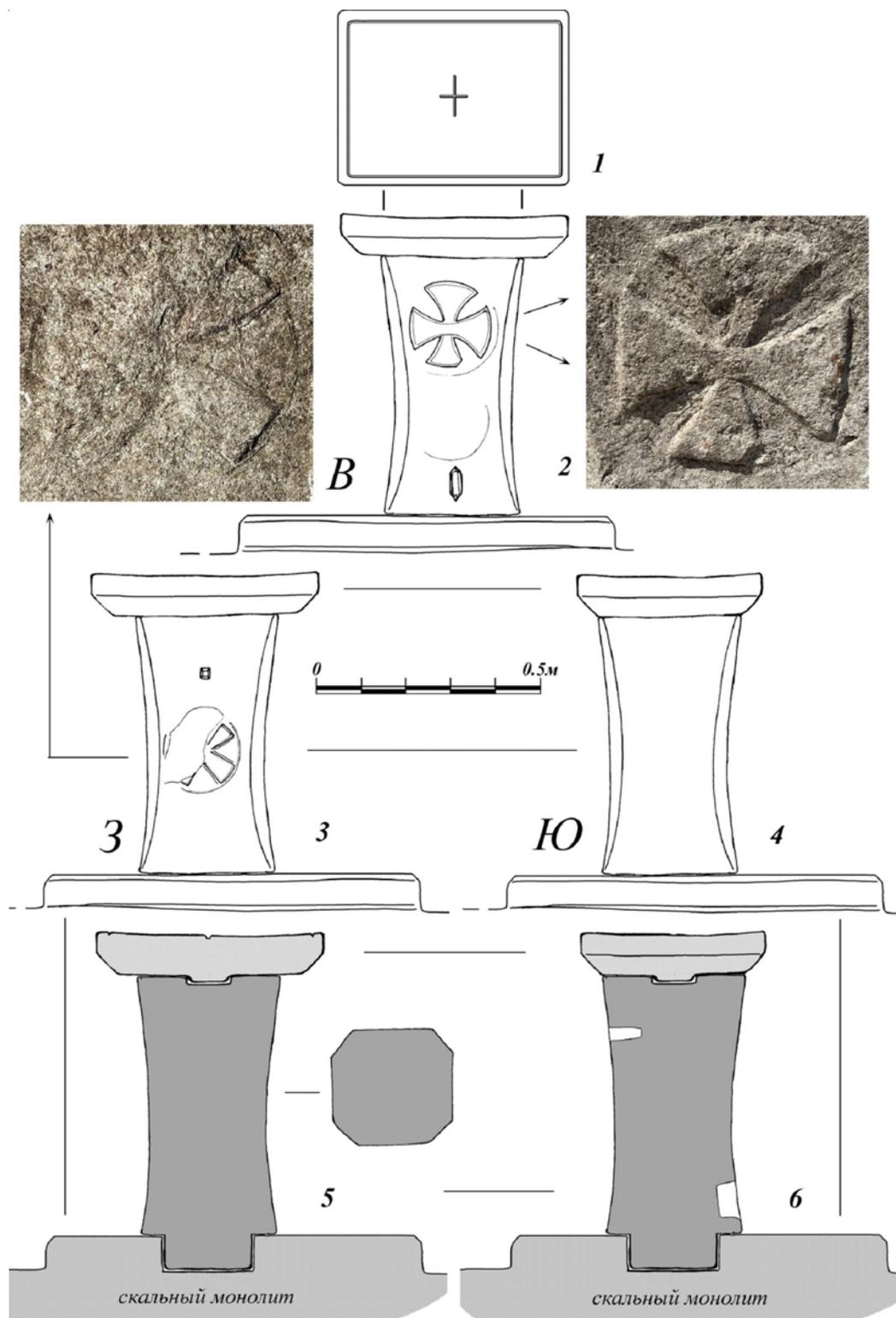

Рис. 6. Престол «Северного» храма:

1 – престольная плита, реконструированный по фрагментам вид сверху; 2 – восточная сторона;
 3, 5 – западная сторона, общий вид (3) и разрез (5);
 4, 6 – южная сторона, общий вид (4) и разрез (6) (фото и рисунок автора)

Fig. 6. Altar of the “Northern” temple:

1 – altar slab, top view reconstructed from fragments; 2 – east side; 3, 5 – western side, general view (3) and section (5);
 4, 6 – south side, general view (4) and section (6) (photo and drawing by the author)

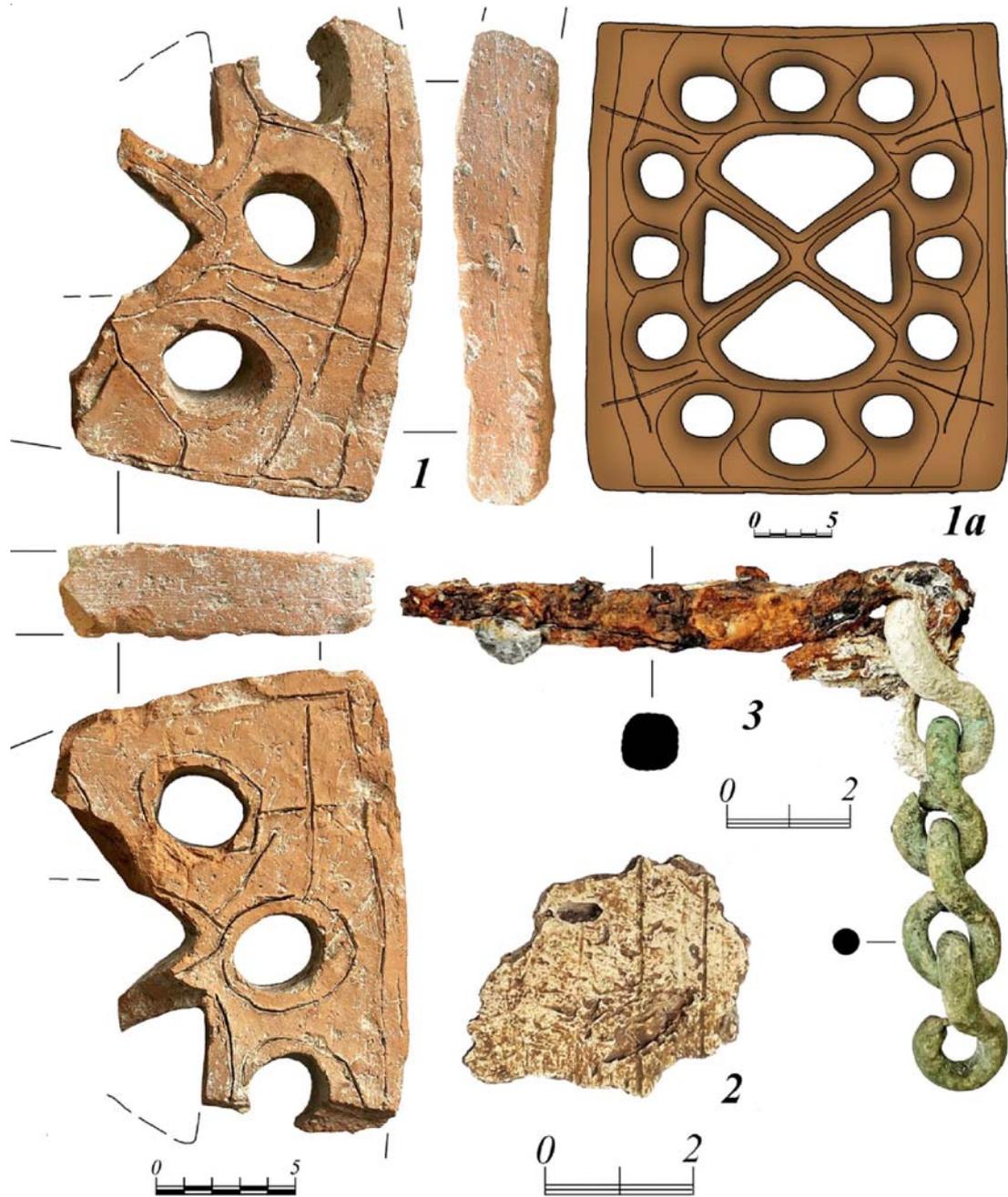

Рис. 7. Находки из слоя разрушения в апсиде «Северного» храма:

1 – фрагмент керамической ажурной плитки (1а – вариант реконструкции целой формы плитки);
2 – фрагмент штукатурки; 3 – обрывок бронзовой цепи, укрепленной на железном крюке (фото и рисунок автора)

Fig. 7. Finds from the layer of destruction in the apse of the “Northern” temple:

1 – a fragment of a ceramic openwork tile (1a – a variant of the reconstruction of the whole form of a tile);
2 – a fragment of plaster; 3 – a fragment of the bronze chain, mounted on an iron hook (photo and drawing by the author)

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Mogilniki VIII – nachala X v. v Krymu [Cemeteries of the 8th – the Beginning of the 10th Centuries in the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1993, vol. 3, pp. 121-133.

2. Aibabin A.I. Problemy khronologii vizantiyskoy kreposti na plato Eski-Kermen [Problems on Chronology of Byzantine Fortress on Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 129-150.

3. Aibabin A.I. Evolyutsiya gorodov na Vnutrenney gryade Krymskikh gor [The Evolution of Cities on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages]. *Gorod na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v srednie veka i novoe vremya* [City on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Times]. Simferopol, Antikva Publ., 2022, pp. 7-85.

4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogilnik u sela Luchistoe. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the Village of Luchistoye. Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol; Kerch, s.n., 2008. 336 p.

5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid-Third to Seventh Century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017. 368 p.

6. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Kvartalnye khramy srednevekovogo goroda na plato Eski-Kermen [Quarter Churches of the Mediaeval Town atop Eski-Kermen Plateau]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Classical Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 310-326.

7. Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. *Srednevekovye amfory Khersonesa* [Medieval Amphoras of Chersonese]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Classical Antiquity and the Middle Ages], 1971, vol. 7, pp. 81-107.

8. Bakalova E. Relikvii u istokov kulta svyatykh [Relics at the Origins of the Cult of Saints]. *Vostochnokhristianskie relikvii* [Eastern Christian Relics]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003, pp. 19-44.

9. Veimarn E.V. Oboronitelnye sooruzheniya Eski-Kermena (Opyt rekonstruktsii) [Defensive Structures of Eski-Kermen (Reconstruction Experience)]. *Istoriya i arkheologiya srednevekovogo Kryma* [History and Archaeology of Medieval Crimea]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, pp. 7-54.

10. Veimarn E.V. Arkheologichni roboty v raioni Inkermana [Archaeological Works in the Inkerman

Area]. *Arkheologichni pamiatki URSS* [Archaeological Monuments of the Ukrainian SSR]. Kiev, Vyd-vo AN URSS, 1963, vol. XIII, pp. 15-89.

11. Guillou A. *Vizantiyskaya tsivilizatsiya* [Byzantine Civilization]. Yekaterinburg, E-Faktoriia Publ., 2005. 546 p.

12. Zavadskaya I.A. Serii cherepits s remeslennymi znakami iz Eski-Kermena (po materialam raskopok 2003–2005 gg.) [Series of Tiles with Handicraft Marks from Eski-Kermen (On the Materials of Excavations of 2003–2005)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2008, vol. 14, pp. 291-315.

13. Zavadskaya I.A. Traditsii i innovatsii v proizvodstve cherepitsy v srednevekovom Krymu [Traditions and Innovations in the Production of Tiles in the Medieval Crimea]. *XIX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Traditsii i innovatsii* [Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Traditions and Innovations]. Simferopol, Kerch, 2018, pp. 141-145.

14. Zavadskaya I.A. Stroitel'naya keramika iz raskopok tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg. [Building Ceramics from Excavations of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020]. *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of Archaeological Research of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020]. Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 290-325. (Materialy Eski-Kermenskoy ekspeditsii [Materials of the Eski-Kermen Expedition]; iss. 1).

15. Zavadskaya I.A. Stroitel'naya keramika iz raskopok tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg. [Building Ceramics from Excavations of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2020–2021]. *Issledovaniya tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg.* [Studies of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2020–2021]. Simferopol, Antikva Publ., 2022, pp. 137-151. (Materialy Eski-Kermenskoi ekspeditsii [Materials of the Eski-Kermen Expedition]; iss. 2).

16. Krasnoseltsev N. *Ocherki iz istorii khristianskogo khrama. Arkhitektura i vnutrennee raspolozhenie khristianskikh khramov do Iustiniana* [Essays from the History of the Christian Church. Architecture and Internal Layout of Christian Churches Before Justinian]. Kazan, Imperatorskiy Universitet Publ., 1881. 346 p.

17. Lositskiy Yu.G., Parshina E.A. Eski-Kermenskaia bazilika [Eski-Kermen Basilica]. *Pravoslavnye drevnosti Tavriki: sb. materialov po tserkovnoy arkheologii* [Orthodox Antiquities of Taurica: A Collection of Materials on Church Archaeology]. Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 99-113.

18. Repnikov N.I. *Ostatki ukrepleniya Eski-Kermena* [Remains of the Fortifications of Eski-Kermen]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 181-212.
19. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiyskogo Khersona* [Amphorae from the Complexes of Byzantine Kherson]. Yekaterinburg, Uralskiy universitet Publ., 1995. 173 p.
20. Romanchuk A.I., Sedikova L.V. «Temnye veka» i Kherson: problema reprezentativnosti istochnikov [“Dark Ages” and Kherson: The Problem of Representativeness of Sources]. *Vizantiyskaya Tavrika* [Byzantine Taurica]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 30-46.
21. Smokotina A.V. Keramika iz raskopok tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg. [Pottery from the Excavations of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2020–2021]. *Issledovaniya tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg.* [Studies of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2020–2021]. Simferopol, Antikva Publ., 2022. pp. 109-136. (Materialy Eski-Kermenskoj ekspeditsii [Materials of the Eski-Kermen Expedition]; iss. 2).
22. Turova N.P. Ranni period IX(?)–XI – XII–XIII vv. khramovogo kompleksa Kilse-Burun (Ai-Petrinskaya yayla) [Early Period 9th (?) – 11th – 12th – 13th Centuries Temple Complex Kilse-Burun (Ai-Petri Yayla)]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea], 2022, vol. 16, pp. 311-342.
23. Khairedinova E.A. Priazhki tipa «Sirakuzy» iz Kerchi [“Syracusae” Buckle Type from Kerch]. *Bosporские исследования* [Bosporos Studies], 2016, vol. 33, pp. 242-265.
24. Khairedinova E.A. Topografiya srednevekovogo goroda na plato Eski-Kermen [Topography of the Mediaeval Town atop of the Plateau of Eski-Kermen]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 513-550. DOI: 10.29039/2413-189X.2022.27.513-550
25. Zheltova M.S., ed. Chin osvyashcheniya khrama i polozheniya sviatykh moshchey v vizantiyskikh Evkhologiyakh XI veka [The Rite of the Consecration of the Temple and the Position of the Holy Relics in the Byzantine Euchologies of the 11th Century]. *Relikvii v iskusstve i kulture vostochnokhristianskogo mira* [Relics in the Art and Culture of Eastern Christendom]. Moscow, Radunitsa Publ., 2000, pp. 111-126.
26. Shmit F.I. Eski-Kermenskaya bazilika [Eski-Kermen Basilica]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 213-254.
27. Yakobson A.L. *Rannesrednevekove selskie poseleniya Yugo-Zapadnoy Tavriki* [Early Medieval Rural Settlements in Southwestern Taurica]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 224 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]; iss. 168).
28. Yashaeva T.Yu., Samoylenko V.G. Miniaturnyy kamennyi relikvariya iz Khersonesa [Miniature Stone Reliquary from Chersonese]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 2019, vol. 99, pp. 7-14.
29. Weitzmann K., ed. *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century*. New York, The Metropolitan Museum of Art, 1979. 736 p.
30. Buschhausen H. *Die spätrömischen Metallschreine und frühchristlichen Reliquiare. I. Teil: Katalog*. Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1971. 334 p. (Wiener Byzantinistische Studien; 9).
31. Bavant B., Ivanišević V., eds. *Caričin Grad IV. Catalogue des objets des fouilles anciennes et autres études*. Rome, Belgrade, École française de Rome, Institut archéologique de Belgrade, 2019. 368 p.
32. Bavant B., Kondić V., Spieser J.-M., eds. *Caričin Grad II: Le quartier sud-ouest de la ville haute*. Belgrade, Rome, Ecole française de Rome, 1990. 322 p.
33. Günsenin N. La typologie des amphores günsenin une mise au point nouvelle. *Anatolia Antiqua*, 2018, XXVI, pp. 89-124.
34. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, University Press, 1992. 455 p.
35. Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. *Les fouilles et le matériel de l’atelier amphorique de Demirci près de Sinope*. Paris, De Boccard, 2010, pp. 121-140.
36. Öztaşkin M., Öztaşkin G.K. “The Building with Mosaics” in Olympos: A Comparative Evaluation of Finds and Building Construction. *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Istanbul, 2012, pp. 277-287. (BYZAS, 15).
37. Picirilio M., Alliata E. *Umm ai-Rasas – Mayfa’ah. I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano*. Jerusalem, Studium Biblicum Franciscanum, 1994. 376 p. (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior; 28).
38. Pülz A.M. *Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metall, Bein und Glas*. Wien, Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020. 558 p.
39. Sodini J.-P. La terre des semelles: images pieuses ramenées par les pèlerins des Lieux saints (Terre sainte, Martyria d’Orient). *Journal des savants*, 2011, no. 1, pp. 77-140.
40. Yilmaz G. *Ksanthos antic keneti bizans dönemi mimari plastik eserleri*. Konya, Necmettin Erbakan Üniversitesi, 2022. 426 p.

Information About the Author

Elzara A. Khairedinova, Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Research, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

Информация об авторе

Эльзара Айдеровна Хайрединова, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.4>

UDC 94“04/14”:736.3

LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 04.06.2023

Accepted: 15.09.2023

A NEW SIGILLOGRAPHIC SOURCE FROM THE SOUTHERN COAST OF CRIMEA: SEAL OF CONSTANTINE, PATRIKIOS AND GENIKOS LOGOTHETES FROM THE WATER AREA NEAR CAPE PLAKA

Nikolay A. Alekseienko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Sergey V. Ivanov

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Thanks to sigillographic sources, the sigillographic map of Byzantine Taurika is constantly being refined and expanded due to the emergence of new places for detecting molybdoboulla. Today, the finds of seals can be noted not only in the Southwestern or Eastern Crimea, but also on the southern coast of the peninsula. *Methods.* The attraction of sigillographic data, including from underwater archaeological research, and their comprehensive analysis (stylistic, iconographic, paleographic) often sheds light on some still dark pages both in the history of Taurika and the Byzantine state as a whole. A new find of the Byzantine seal from the water area of the Crimean South Coast opens another previously unknown point near Cape Plaka, where a sigillographic monument was first discovered, and once again raises the question of the addressees of correspondence, which, as it seems, should have been directly related to the Byzantine administration. *Analysis and results.* According to legend, the seal belonged to an official of the first rank – patrikios Constantine, who held one of the highest civilian posts in the Byzantine capital – the position of the genikos logothetes. The stylistic features of the molybdoboulla, together with the data of written sources, give reason to date this sigillographic monument to the beginning of the last quarter of the 9th century. The discovery of a seal in the water area near Cape Plaka may probably indicate not only a ship parking in a convenient bay, but also the existence of a certain port infrastructure in the nearby coastal town (Lambat), which, judging by the seal, in one way or another should have been directly related to both the local administration apparatus and the capital’s authorities in connection with the region’s entry into the sphere of imperial influence and the subordination of Taurika to the administrative and financial institutions of the Byzantine Empire. *Contribution of authors.* Historical, sigillographic and epigraphic analysis conducted by N.A. Alekseienko; historical-topographical and archaeological survey conducted by S.V. Ivanov.

Key words: Byzantine history, Crimea, sigillography, *molybdoboulla*, seals, genikos logothetes (logothetes tou genikou).

Citation. Alekseienko N.A., Ivanov S.V. A New Sigillographic Source from the Southern Coast of Crimea: Seal of Constantine, Patrikios and Genikos Logothetes from the Water Area near Cape Plaka. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 43-50. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.4>

УДК 94“04/14”:736.3

ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 04.06.2023

Дата принятия статьи: 15.09.2023

НОВЫЙ СФРАГИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК С ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА: ПЕЧАТЬ ПАТРИКИЯ И ГЛАВНОГО ЛОГОФЕТА КОНСТАНТИНА ИЗ АКВАТОРИИ У МЫСА ПЛАКА

Николай Александрович Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Сергей Владимирович Иванов

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Благодаря данным сфрагистических источников сфрагистическая карта византийской Таврики постоянно уточняется и расширяется за счет появления новых мест обнаружения моливдовулов. Сегодня находки печатей можно отметить не только в Юго-Западном или Восточном Крыму, но и на южном побережье полуострова. *Методы.* Привлечение сфрагистических данных, в том числе и из подводных археологических исследований, и их комплексный анализ (стилистический, иконографический, палеографический) нередко проливает свет на некоторые всё еще темные страницы как в истории Таврики, так и Византийского государства в целом. Новая находка византийской печати из акватории крымского южнобережья открывает еще один ранее не известный пункт у мыса Плака, где впервые обнаружен сфрагистический памятник, и в очередной раз поднимает вопрос об адресатах корреспонденции, которые, как представляется, так или иначе должны были иметь непосредственное отношение к византийской администрации. *Анализ и результаты.* Согласно легенде печать принадлежала чиновнику первого ранга – патрикию Константину, занимавшему в византийской столице один из самых высоких гражданских постов – должность главного логофета. Стилистические особенности моливдовула в совокупности с данными письменных источников дают основания датировать этот сфрагистический памятник началом последней четверти IX века. Находка печати в акватории у мыса Плака, вероятно, может свидетельствовать не только о корабельной стоянке в удобной бухте, но и существовании вполне определенной портовой инфраструктуры в находившемся рядом прибрежном городке (Ламбат), которая, судя по печати, так или иначе должна была иметь непосредственное отношение как к местному аппарату управления, так и столичным властям в связи с вхождением региона в сферу имперского влияния и подчинением Таврики административным и финансовым институтам Византийской империи. *Вклад авторов.* Н.А. Алексеенко провел исторический, сфрагистический, эпиграфический и библиографический анализы исходя из данных рассматриваемого моливдовула; С.В. Иванов – археологическое исследование и анализ данных исторической топографии и топонимики, связанной с участком находки печати.

Ключевые слова: история Византии, Крым, сфрагистика, моливдовулы, печати, главный логофет (логофет геникона).

Цитирование. Алексеенко Н. А., Иванов С. В. Новый сфрагистический источник с южного берега Крыма: печать Патрикия и главного логофета Константина из акватории у мыса Плака // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 43–50. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.4>

Введение. Данные сфрагистических источников все чаще позволяют вносить дополнения и корректировать сведения по истории соответствующих регионов, некогда входивших в обширную территорию Византийского государства и прилегавших к нему территорий. Соответственно, постоянно уточняется и расширяется за счет новых мест обнаружения моливдовулов и сфрагистическая карта византийской Таврики (см.: [4; 5; 6 (с библиографией находок)]). Сегодня находки печатей можно отметить не только в Юго-Западном Крыму, но и на южном побережье полуострова. Уже достаточно давно известны несколько печатей из Партенита [18], а также моливдовул нотария Дмитрия из урочища Ласпи [19]. В последние годы стали известны моливдовулы из окрестностей крымских гор Аю-Даг [3, с. 126, № 5; 16, с. 79, 80, № 26] и Демерджи [3, с. 126, 127, № 6].

Методы. В сфрагистической истории византийской Таврики находки моливдовулов

нередко связаны с морем. Примеры тому – попавшие в прибрежную акваторию остатки архивов в Судаке и Херсоне [24; 2]. Привлечение сфрагистических данных из подводных археологических исследований и сегодня способно проливать свет на некоторые всё еще темные страницы как в истории региона, так и Византийского государства в целом. И здесь каждый моливдовул не только имеет особое значение, обладая важными и ценными сведениями, но и заслуживает самого пристального внимания и всестороннего анализа сохранившейся в его легенде информации.

Новая находка из акватории крымского южнобережья открывает еще один ранее не известный пункт средневековой Таврики, куда, судя по всему, попадали в том числе и важные государственные документы, скрепленные печатями соответствующих чиновников, и в очередной раз поднимает вопрос об адресатах корреспонденции, которые так или иначе

должны были иметь непосредственное отношение к византийской администрации.

Исследования прибрежных средневековых поселений Южного побережья Крыма сосредоточены в основном в районе городских центров (Судак, Алушта, Партенит, Гурзуф). Еще один участок – побережье у мыса Плака, где еще со времен античности (Арриан, § 30; Псевдо-Арриан § 78) известна стоянка для кораблей и местечко (порт) под именем Лампада (греч. – Λαμπάς, современный поселок Утёс Алуштинского городского округа) [26, с. 20], располагавшийся в уютной долине на берегу Партенитской бухты). Это имя мы находим и в сообщениях средневековых арабских авторов. Так, Ал Идриси, сообщая маршрут вдоль Южного берега Крыма, называет прибрежные города, среди которых четко локализуется и интересующий нас пункт: «От Джалиты до города Гурзуби (*Гурзуф*¹) двенадцать миль; это многолюдный город, [расположенный] на берегу моря. От него до города Бартании (*Партенит*) десять миль; это небольшой цветущий город, где строят корабли. От него до города Лабада (*Ламбат*) восемь миль; это прекрасный город. От него до Шалуста (*Алушта*) десять миль; это красивый большой город, [расположенный] на море...» (цит. по: [14, с. 60, 115, 177, примеч. 33–38]). Эта местность под именем Ламбадие вместе с Партенитом фигурирует и в ряде Договоров генуэзцев второй половины XIV в. [26, с. 21]. После присоединения Крымского южного побережья к Османской империи (1475) городок, очевидно, постепенно приходит в упадок, а на его месте сохраняется лишь татарское селение. На карте к Крымскому сборнику П. Кеппена (1836) деревушка на мысе Плака носит имя Кучук-Ламбат [13, ч. 13, кв. 5:35].

Археологические находки в акватории у мыса Плака были локализованы еще в начале 1990-х годов. Их анализ показал, что место скопления на дне керамического материала может указывать на кораблекрушения или якорную стоянку средневекового времени. Дальнейшие исследования участка (2007–2011, 2015 гг.) только подтвердили эти выводы [10; 11; 12, с. 28, 123–133]. Обнаруженная здесь керамическая тара в массе своей представлена амфорами-кувшинами таманского типа IX–XI вв. и амфорами причерноморского

типа IX–X вв. [17]. Среди находок встречено и значительное количество древних якорей [15]. В 2020–2022 гг. участок исследований был расширен. Новые находки дают право утверждать, что и западный, и восточный сектора этого археологического памятника также использовались как корабельная стоянка, причем и в античное, и средневековое время. Более того, отдельные артефакты могут свидетельствовать и о наличии некоей береговой инфраструктуры порта, так или иначе связанной с византийской администрацией.

Анализ. Особое место среди находок 2022 г. занимает византийская свинцовая подвесная печать с широко известным для памятников сфрагистики изображением – крестообразной монограммой с инвокативным обращением к божественной помощи (тип V по В. Лорану) [32, pl. LXX, V] и греческой легендой, содержащей имя и титулатуру собственника печати, которой являлся один из высокопоставленных должностных лиц имперской службы государственного фиска.

АКМ ВХ ЭФЗК 6/1 (см. рисунок).

Место хранения: Алуштинский отдел Центрального музея Тавриды (Алушта).

D–35 мм; толщина пластинки – ок. 3,0 мм; вес – 21,21 г.

Сохранность удовлетворительная. Обратная сторона слегка децентрирована влево и вниз (жемчужный ободок большей частью вышел за поле заготовки); нижний сегмент монограммы, а также третья и четвертая строки легенды по краям имеют не полный оттиск штампея.

Не издана.

Аналогий не найдено².

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма с тетраграммой ΤΩ – CΩ | ΔϞ – [ΛΩ] в углах – Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶϊ δού[λω] – По краю изображение заключено в жемчужный ободок (практически не сохранился).

Реверс. Пятистрочная надпись в жемчужном ободке (практически вышел за поле печати), от которой сохранились четыре верхних:

+ΚΩΝC	Κωνσ
..NTINΩΠ	[τα]ντίω π
..ΡΙΚΙΣΓΕΝ.	[ατ]ρικ(ίω) (καί)
..ΛΟΓΟ..	γεν[ι]
..	[κῶ] λογο[θέ]
	[τη]

Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Κωνσταντίνῳ
πατρικίῳ καὶ γενικῷ λογοθέτῃ

– Богородица, помоги твоему рабу Константину, патрикию и главному логофету.

Стилистические особенности сфрагистического типа, использование характерного прямоугольного шрифта и специфического знака сокращения (изогнутая линия практически во всю высоту строки, но все-таки несколько укороченная и менее массивная) [21, с. 106–114; 22] дают все основания датировать эту южнобережную находку в пределах около середины – третьей четверти IX в., то есть периодом, когда произошла стабилизация византийской администрации в регионе и созданная в Таврике византийская военно-административная область – фема Клематов была реорганизована в фему Херсон [29, р. 182–185; 38, р. 122, 123; 40; 25].

Согласно легенде печать принадлежала чиновнику первого ранга – патрикию Константину, занимавшему в византийской столице один из самых высоких гражданских постов – должность главного логофета и фактически являвшемуся своеобразным министром финансов Империи (о должности см.: [31, р. 11–24; 34, р. 313, note 146]).

Как известно, в IX–XI вв. логофет геникона (λογοθέτης τοῦ γενικοῦ / γενικός λογοθέτης – главный логофет) занимает одно из самых высоких положений в имперской иерархии: он становится первым среди четырех первенствующих логофетов [28, р. 713 D (II, 52)] и

в хрисовулах его подпись следует сразу же за сакелларием.

Главный логофет неизменно присутствует в византийских табелях о рангах. Согласно Тактикона Успенского (842–843) ему причисляется титул патрикия [34, р. 51₁], в Клиторологии Филофея (899) обладатели этого чина удостоиваются еще и титула анфипата [34, р. 139₂₂], в Тактиконе Бенешевича (934–944) ему отведено место среди первого эшелона протоспафариев [34, р. 249₇], да и в Эскуриальском Тактиконе (971–975) его положение остается достаточно высоким и традиционным [34, р. 269₂₅].

Судя по легенде, владелец найденной на крымском побережье печати в иерархическом смысле полностью соответствует традициям своего времени. Однако высокий титул патрикия носили многие исполнители этой должности, и в письменных источниках и нарративных памятниках, как правило, большинство из известных по печатям логофетов не упоминаются, так что соотнести собственников моливдовулов с реальными историческими личностями в большинстве случаев не представляется возможным. Тем не менее, как нам видится, сегодня мы имеем прекрасную возможность отождествить владельца печати с одним из фигурантов из списка логофетов, представленного в свое время Р. Гийяном [31, р. 21, nr. 7]. Согласно свидетельств Симеона Магистра, Георгия Монаха и Льва Грамматика [37, р. 691₁₄; 30, р. 842₂₂; 33, р. 256] император Василий I (867–886) пожелал выразить благо-

Печать Константина, патрикия и главного логофета. Около 874–876 гг. (фото С.В. Иванова)

Seal of Constantine, patrikios and genikos logothetes, ca. 874–876 (photo by S.V. Ivanov)

дарность одному из иеромонахов монастыря св. Диомеда за оказанную ему поддержку и помощь, когда он впервые предстал пред воротами византийской столицы. Хронисты, повествуя об этом сюжете из биографии василевса, отмечают не только самого просмонария монастыря Николая Андросалитиса (Νικόλαον τὸν Ἀνδρσαλίτης, τὸν καὶ προσμονάριον τοῦ ἁγίου Διομήδους), которому Василием I были дарованы пост управляющего (иконома/эконома) и звание синкела, но и его братьев, также удостоенных высочайших имперских привилегий. Один из них (Иоанн) был назначен друнгарием виглы (δρουγγάριος τῆς βίγλας / δρουγγάριος τοῦ ἀριθμοῦ) – начальником стражи, осуществлявшей охрану двора, главного дворца и особы императора в его апартаментах [34, р. 331, 332], другой (Павел) получил пост казначея-сакеллария (ἐπί τῆς βασιλικῆς σακέλλης), то есть стал блюстителем сокровищницы и главным инспектором департамента государственных финансов [34, р. 312], и, наконец, четвертый из братьев (Константин) удостоился должности главного логофета (γενικὸς (λογοθέτης / λογοθέτης τοῦ γενικοῦ / γενικός).

Именно с последним из братьев, очевидно, и следует связывать рассматриваемый моливдовул. Источники не называют титулов братьев, но, очевидно, каждый из них получил и приличествующий их должности придворный статус. Судя по печати Константина, он вместе с должностью был пожалован высоким званием придворного первого ранга.

Результаты. Необходимо отметить, что печать главного логофета, патрикия Константина по-своему уникальна. И не только вследствие того, что аналогий ей пока обнаружить не удалось.

Если наше предположение о принадлежности рассматриваемого моливдовула верно и его владельцем может оказаться один из братьев Андросалитисов, в таком случае, благодаря данным письменных источников, мы получим исключительный случай, который, несмотря на то, что печать не относится к категории датированных, позволит серьезно сузить ее датировку. В «Анналах» Симеона Магистра сообщается, что события о возвышении братьев Андросалитисов произошли на 7-й и 8-й годы царствования Василия I (τῷ ζ' καὶ τῷ η' αὐτοῦ ἔτει βασιλεύει ὁ Βασίλειος)

[37, р. 691₁₄], то есть приходится на период с 24.09.874 по 23.09.876 г., следовательно, рассматриваемый сфрагистический памятник может принадлежать к середине 870-х гг. или началу последней четверти IX века.

К сожалению, ни о представителях семейства Андросалитисов, ни о самом Константине не сохранилось никаких других сведений, и мы не можем судить о его служебной карьере. Но, очевидно, на своем посту он задержался не слишком долго. Печатей главных логофетов рассматриваемого периода, быстро сменявших один другого, известно достаточное количество, в том числе обнаруженных и на территории византийской Таврики (см.: [23, с. 210, 211, № 41–44; 35, р. 90, 91, М-12476; 36, р. 55, nr. 17, 18; 1, с. 174–179, 201, 202, № 1–12, рис. 1–12; 27, р. 77, nr. 2; 9, с. 298, 299, № 3]). В последнее время стали известны еще два экземпляра буллы патрикия Петроны с дальней хоры византийского Херсона и из крепости Каламита [5, с. 9, 10, № 3, рис. 3; 8, с. 10, рис. 1], а также печать протоспафария Епифания из южного пригорода Херсонеса [7, с. 225, 235, № 4, рис. 5].

Сфрагистический памятник в акватории мыса Плака найден впервые. Территория Крымского южного бережья пока не очень-то богата на подобные находки. Здесь в основном известны лишь единичные экземпляры (см.: [4 (с библиографией находок печатей)]), и то, как правило, далеко не в основных местах византийского присутствия или влияния на полуострове. К примеру, один из моливдовулов, происходящий из окрестностей современного поселка Коктебель (фрагмент аналогичной буллы найден и в Судаке [36, р. 56, nr. 20]), также принадлежит ведомству логофета геникона, но владельцем его являлся представитель понтийской таможенной службы, главный коммерциарий Понта, Косьма [6, с. 162, 170, № 3, рис. 4]. Его находку, очевидно, можно связывать с еще одним приморским пунктом крымского южного бережья – городищем, располагавшимся на плато Тепсень, которое, судя по всему, имело и собственный порт в удобной коктебельской бухте, через который осуществлялись связи с окружающим миром.

Примечательно, что и в ближайшей округе м. Плака, в Партените, в свое время было обнаружено несколько византийских моливдовулов [18, с. 160–164], присутствие

которых в регионе Б.А. Панченко связывал с «существованием деловых сношений между государственными и церковными властями в Партеинте и должностными лицами других византийских областей в период от VIII в. по XII-ый» [18, с. 162, 163]. Так что новая находка, очевидно, является не только подтверждением этих контактов, но и наряду с другими византийскими буллами южнобережья (количество которых, надеемся, будет увеличиваться) показывает вполне определенную их направленность, связанную со сферой торговли, налогов и финансов. Обнаружение моливдовула в акватории у мыса Плака, вероятно, может свидетельствовать не только о традиционной корабельной стоянке в удобной бухте, но и существовании вполне определенной портовой инфраструктуры в находившемся рядом прибрежном городке (Ламбат) с соответствующими византийскими чиновниками, по понятным причинам появившимися здесь в связи с вхождением региона в сферу имперского влияния и подчинением Таврики административным и финансовым институтам Византийской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в этой цитате курсивом приведены современные крымские топонимы в соответствии с их интерпретацией Б.А. Рыбаковым [20, с. 18, 19].

² Близкий по типу моливдовул логофета Константина из коллекции Г. Закоса [39, р. 1035, 1036, pl. 129, 1818], на наш взгляд, имел иного владельца. Он не только принадлежит другой паре матриц, но и имеет несколько иную легенду. Издатели предполагали в плохо сохранившемся ранге владельца печати (...P) титул патрикия. Однако здесь нам представляется маловероятным сокращение высокого придворного достоинства в варианте ПΑΤΡ. Кроме того, существенно отличается и сам шрифт легенды: он крупный и широкий. В то время как на рассматриваемой печати он более утонченный. Да и знак сокращения на крымском экземпляре имеет несколько укороченную форму (об эпиграфических особенностях легенд и эволюции знака сокращения см. работы И.В. Соколовой [21; 22]).

REFERENCES

1. Alekseienco N.A. Pechati glavnykh logofetov iz khersonskogo arkhiva [Seals of the General

Logothetes from the Cherson's Archive]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 174-205.

2. Alekseienco N.A. Khersonskiy arkhiv pechatey: mif ili realnost? [Cherson's Archive of Seals: Myth or Reality?]. *Khersonesskiy sbornik* [The Chersonese Collection], 2006, vol. XV, pp. 7-16.

3. Alekseienco N.A. Novye nakhodki vizantiyskikh pechatey na territorii Kryma [New Finds of Byzantine Seals in the Crimea]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages], 2011, vol. 40, pp. 121-135.

4. Alekseienco N.A. Pechat aristokrata Ioanna Komnina s yuzhnogo berega Kryma: novyye dannye k sfragisticheskoy karte [Seal of the Aristocrat John Komnenos from the Southern Coast of Crimea: New Data of Map of Crimea's Sigillography]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2013, vol. XVIII, pp. 405-414.

5. Alekseienco N.A. Novye sfragisticheskie nakhodki v okrestnostyakh vizantiyskogo Khersona (k voprosu ob adresatakh korrespondentsii) [New Sphragistic Finds from the Environs of Byzantine Cherson (To the Issue of the Correspondence Addressees)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 5, pp. 6-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.1>

6. Alekseienco N.A. Perspektivy issledovaniy vizantiyskikh pechatey v Krymu [Perspectives on Researches of Byzantines Seals in the Crimea]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], 2020, vol. XL, pp. 158-170.

7. Alekseienco N.A. Sfragisticheskie istochniki vizantiyskoy Tavriki: novye otkrytiya v sfere kontaktov s tsentralnoy administratsiey [Sigillographic Sources of Byzantine Taurica: New Discoveries in the Sphere of Contacts with the Central Administration]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], 2022, vol. XLIV, pp. 220-235.

8. Alekseienco N.A., Nedelkin E.V. Novyy punkt na sfragisticheskoy karte vizantiyskoy Tavriki: pechat glavnogo logofeta iz raskopok kreposti Kalamita v 2021 g. [A New Point on the Map of Byzantine Taurica's Sigillography: The Seal of the General Logothetes from the Excavations of the Kalamita Fortress in 2021]. Zaikov A.V., ed. *Istoriya i arkheologiya Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu i srednevekovuyu epokhi: materialy Vseros. nauch. konf.* [History and Archeology of the Northern Black Sea Region in the Ancient and Medieval Eras. Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Sevastopol, Antiqua Publ., 2022, pp. 8-12.

9. Bulgakova V.I. Sigillograficheskiy kompleks porta Sugdei (materialy podvodnykh issledovaniy 2004–2005 gg.) [Sigillographic Complex of the Port of Sugdeia (Materials of Underwater Research in 2004–2005)]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeia Collection], 2008, vol. III, pp. 296-330.

10. Gerasimov V.E., Novakovskaya M. Podvodno-arkheologicheskiye issledovaniya na territorii Alushtinskogo gorsoвета v 2007–2009 godakh [Underwater Archaeological Research on the Territory of the Alushta City Council in 2007–2009]. Rudnitskaya V.G., Teslenko I.B., eds. *Terra Alustiana MMXI. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Desyatoy nauchnoy konferentsii* [Terra Alustiana MMXI. Collection of Scientific Works on Materials of the 10th Scientific Conference]. Simferopol, Antiqua Publ., 2015, pp. 135-141.

11. Gerasimov V.E., Novakovska M. Podvodno-arkheologicheskiye issledovaniya na meste rannesrednevekovogo korablekrusheniya u skal Malyye Adalary k severo-vostoku ot mysa Plaka, Chernomorskiy shelf Yuzhnogo berega Kryma, na territorii Alushtinskogo gorsoвета AR Krym Ukraina v 2009–2011 gg. [Underwater Archaeological Research at the Site of an Early Medieval Shipwreck near the Rocks of Malaye Adalary to the Northeast of Cape Plaka, the Black Sea Shelf of the Southern Coast of Crimea, on the Territory of the Alushta City Council of the Autonomous Republic of Crimea Ukraine in 2009–2011]. Matera M., Karasirwicz-Szczyorski R., eds. *The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013*. Warsaw, Institute of Archaeology University of Warsaw, 2017, pp. 75-79 (ŚWIATOWIT Supplement Series C: Pontica et Caucasia; vol. I).

12. Zelenko S.M., Lebedinsky V.V., Kuzminov V.V., Novitskaia R.S., Tsarenko S.A., Morozova Ya.I., Pronona Yu.A. Mesto korablekrusheniya VIII–X vv. v bukhte u mysa Plaka [Shipwreck Site of the 8th–10th Cc. in the Bay at Cape Plaka]. *Underwater-Archaeological Research in Southeastern Crimea in 2015*. Theodosia, Art Life Publ., 2016, pp. 28, 123-133.

13. *Karta Yuzhnogo Kryma, prinadlezhashchaya k Krymskomu sborniku Petra Keppena: izdana po rasporyazheniyu g-na Novorossiyskogo i Bessarabskogo general-gubernatora grafa M.S. Vorontsova* [Map of the Southern Crimea, Belonging to the Crimean Collection of Peter Keppen: Published by Order of Mr. Novorossiysk and Bessarabia Governor-General Count M.S. Vorontsov]. Saint Petersburg, s.n., 1836. 1 map.

14. Konovalova I.G. *Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoy Evropy: tekst, perevod, kommentariy* [Al-Idrisi on the Countries and Peoples of Eastern Europe: Text, Translation, Commentary]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 328 p.

15. Lysenko A.V., Gerasimov V.E. O nakhodkakh shtokov antichnykh yakorey u mysa Plaka v Krymu [About the Finds of Rods of Antique Anchors near Cape Plaka in the Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2008, vol. 3, pp. 120-124.

16. Lysenko A.V., Teslenko I.B. Antichnyye i srednevekovye pamyatniki gory Ayu-Dag [Antique and Medieval Monuments of the Ayu-Dag Mountain]. *Alushta i alushtinskiy region s drevnikh vremen do nashikh dney* [Alushta and the Alushta Region from Ancient Times to the Present Day]. Kyiv, Stilos Publ., 2002, pp. 59-88.

17. Morozova Ya.I., Zelenko S.M., Vaksman S.Y., Cholak M. Izucheniye podvodnogo arkheologicheskogo naslediya Kryma. Rannevizaniyskiye amfory s korablekrusheniya u mysa Plaka. Arkheologicheskiye i arkheometricheskiye issledovaniya [Study of the Underwater Archaeological Heritage of the Crimea. Early Byzantine Amphoras from the Shipwreck at Cape Plaka. Archaeological and Archaeometric Studies]. *Archaeological almanac*, 2015, vol. 32 (Ancient and Medieval Taurica), pp. 157-178.

18. Panchenko B.A. Shest molivdovulov iz Partenita [Six Molibdoboules from Partenit]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission], 1906, vol. 18, pp. 160-164.

19. Parshina E.A., Myts V.L. Issledovaniya v urochishche Laspi [Research in the Laspi Tract]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1976 goda* [Archaeological Discoveries]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 368-369.

20. Rybakov B.A. Russkiye zemli po karte Idrisi 1154 g. [Russian Lands According to the Idrisi Map of 1154]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury* [Sort Reports of the Institute of the History of Material Culture]. 1952, vol. 43, pp. 3-44.

21. Sokolova I.V. Ob epigrafike vizantiyskikh pechaty VIII–IX vv. [On the Epigraphy of Byzantine Seals of the 8th–9th Centuries]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1981, vol. 42, pp. 106-114, pl. I-VII.

22. Sokolova I.V. Znak sokrashcheniya na vizantiyskikh pechatyakh VIII – pervoy poloviny X v. [Abbreviation Sign on Byzantine Seals of the 8th–the First Half of the 10th Centuries]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1986, vol. 47, pp. 157-162.

23. Sokolova I.V. Vizantiyskiye pečati VI – pervoy poloviny IX v. iz Khersona [Byzantine Seals of the 6th–the First Half of the 9th Century from Cherson]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1991, vol. 52, pp. 201-213.

24. Stepanova E.V. Sudakskiy arkhiv pečatey: predvaritelnye vyvody [The Archive of Sudak's Seals: Preliminary Findings]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 97-108.

25. Zukermann C. К вопросу о ранней истории фемы Херсона [On the Issue of the Early History of the Theme of Cherson]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection]. Vol. I. Simferopol, Tavriya Publ., 1997, pp. 312-323.

26. Yailenko V.P. Toponimika antichnogo Kryma [Toponymy of Ancient Crimea]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], 2017, vol. XXXV, pp. 3-88.

27. Alekséenko N. Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson. *Studies in Byzantine Sigillography*, 2003, vol. 8, pp. 75-83.

28. Reiskius I.I., ed. *Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine*. Vol. I. Bonn, Weberus, 1829. 808 p.

29. Moravcsik Gy., Jenkins J., eds. *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*. Washington, Dumbarton Oaks, 1967. 341 p.

30. Georgii Monach. Vitae Imperatorum Recentiorum. Bekkerus I., ed. *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonna, Weberus, 1838, pp. 761-924.

31. Guiland R. Les logothètes / Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. *Revue des études byzantines*, 1971, vol. XXIX, pp. 5-115.

32. Laurent V. *Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan*. Paris, Presses Universitaires de France, 1952. 342 p., LXX pl.

33. Bekkerus I., ed. *Leonis Grammatici. Chronographia*. Bonnae, Weber, 1842. iv, 554 p.

34. Oikonomidès N. *Les listes preseance Byzantines des IXe et Xe siècle*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 404 p.

35. Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak. *Studies in Byzantine Sigillography*, 1993, vol. 3, pp. 85-98.

36. Stepanova E. New Seals from Sudak. *Studies in Byzantine Sigillography*, 1999, vol. 6, pp. 47-58.

37. Bekkerus I., ed. *Symeonis Magistri. Annales. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonna, Weberus, 1838, pp. 601-760.

38. Theophanes Continuatus. *Chronographia Christi amantis ac Porphyrogeniti domini Constantitini*. Bekkerus I., ed. *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonna, Weberus, 1838, pp. 3-481.

39. Zacos G., Vegler A. *Byzantine Lead Seals*. Vol. 1, pts. I–III. Basel, [J.J. Augustin], 1972. 1965 p., 260 pl.

40. Zukermann C. On the Problem of the Early History of Byzantine Thema in Cherson. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 1997, vol. 21, pp. 211-221.

Information About the Authors

Nikolay A. Alekseienco, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

Sergey V. Ivanov, Junior Researcher, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, vanavi0803@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1643-5176>

Информация об авторах

Николай Александрович Алексеенко, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

Сергей Владимирович Иванов, младший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, vanavi0803@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1643-5176>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.5>

UDC 94(4)“08/11”
LBC 63.3(0)329.48

Submitted: 15.06.2023
Accepted: 03.11.2023

TOURMARCHIA OF GOTHIA AND BYZANTINE TOPOTERETE AT MANGUP AT THE END OF THE 10th – EARLY OF THE 11th CENTURIES ¹

Valerii E. Naumenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the circumstances of the simultaneous appearance at the end of the 10th century in the central fortress of the Mountain Crimea – Doros, a byzantine garrison led by topotherete and the establishment of a separate tourmarchia of Gothia in the region. A special study of the issue allows to expand understanding of the causes and content of military-administrative reform. **Methods.** The research is interdisciplinary in nature. It takes into account all available information from written, sphragistic, epigraphic and archaeological sources about the events that took place in Taurica during the reign of emperor Vasily II (976–1025). **Analysis.** Establishment at the end of the 10th century in the Mountain Crimea the tourmarchia of Gothia and the appearance of Byzantine topotherete in Doros are events that had common causes. In the case of the tourmarchia we are talking about a plan to create an independent administrative structure in the mountainous part of the peninsula, which was supposed to quickly respond to external threats and over time be transformed into a “small” theme typical of its epoqe. The residence of the tourmarch was the Mangup fortress, where no later than 994–995 the reconstruction of the fortifications was completed. These works were supervised by a byzantine official with the title topotherete, who stood at the head of a regular military unit and whose powers were reminiscent of those known from the second half of the 8th century topotheretes of cities in the border provinces of the empire. **Results.** The history of the tourmarchia in Mountain Crimea was short and ended around the middle of the 11th century. However, its appearance and existence were fully consistent with the military-administrative practice of Byzantium at that time in many regions of the empire, where numerous “small” thematic structures were created in dangerous areas to contain the expansion of the enemy or consolidate the empire in the conquered territories.

Key words: Mountain Crimea, Byzantium, Mangup, Gothia, Doros, Tsoula, byzantine theme, tourmarch, topoterete.

Citation. Naumenko V.E. Tourmarchia of Gothia and Byzantine Topoterete at Mangup at the End of the 10th – Early of the 11th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 51-61. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.5>

УДК 94(4)“08/11”
ББК 63.3(0)329.48

Дата поступления статьи: 15.06.2023
Дата принятия статьи: 03.11.2023

ТУРМАРХИЯ ГОТИЯ И ВИЗАНТИЙСКИЙ ТОПОТЕРИТ НА МАНГУПЕ В КОНЦЕ X – НАЧАЛЕ XI ВЕКА ¹

Валерий Евгеньевич Науменко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства одновременного появления в самом конце X в. в центральной крепости Горного Крыма – Доросе византийского гарнизона во главе с топотеритом и учреждения в регионе отдельной турмархии Готия. Специальное изучение вопроса позволяет расширить представления о причинах и содержании военно-административной реформы. Исследование носит междисциплинарный характер. В нем учтены все имеющиеся сведения письменных, сфрагистических, эпиграфических и археологических источников о событиях, происходивших в Таврике в правление императора Василия II (976–

1025). Учреждение в конце X в. в Горном Крыму турмархии Готии и появление в Доросе византийского топотерита являются событиями, имевшими общие причины. В случае с турмархией речь идет о замысле по созданию в горной части полуострова самостоятельной административной структуры, которая должна была оперативно реагировать на внешние угрозы и со временем быть преобразованной в типичную для своей эпохи «малую» фему. Резиденцией турмарха являлась Мангупская крепость, где не позднее 994–995 гг. завершилась реконструкция фортификационных укреплений. Руководил этими работами византийский чиновник с титулом топотерит, стоявший во главе регулярного воинского подразделения и напоминающий по своим полномочиям известных со второй половины VIII в. топотеритов городов в пограничных провинциях империи. История турмархии в Горном Крыму была короткой и завершилась около середины XI века. Тем не менее ее появление и существование полностью соответствовало военно-административной практике Византии этого времени во многих регионах империи, где на опасных направлениях создавались многочисленные «малые» фемные структуры для сдерживания экспансии противника или закрепления империи на завоеванных территориях.

Ключевые слова: Горный Крым, Византия, Мангуп, Готия, Дорос, Цула, византийская фема, турмарх, топотерит.

Цитирование. Науменко В. Е. Турмархия Готия и византийский топотерит на Мангупе в конце X – начале XI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 51–61. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.5>

Введение. Около десяти лет назад нам пришлось констатировать отсутствие в историографии обобщающих исследований по истории Крыма фемного периода (середины IX – середины XI в.), особенно в сравнении с многочисленностью такого рода работ о предшествующем «хазарском» периоде в истории региона. Обсуждение фемной организации византийской Таврики долгое время ограничивалось интерпретацией отдельных археологических комплексов и моливдовулов имперских чиновников, обнаруженных на памятниках полуострова, в то время как источниковая база общеисторических исследований мало чем отличалась от работ начала прошлого столетия, в которых анализировались известные нарративные свидетельства [19, с. 169–170].

Сейчас эта ситуация существенным образом изменилась. Беспрерывный процесс публикаций византийских печатей дополнен изданием двух крупных каталогов таких моливдовулов, обнаруженных в акватории Херсонесского (492 экз.) и Таманского (95 экз.) городищ и связанных, очевидно, с остатками местных таможенно-городских архивов VI–XIII вв. [27; 6]. Их появление позволило по-новому представить структуру имперских органов управления, прежде всего, в феме Херсон [6, с. 77–164], и систематизировать сведения источников о выделенных из ее состава в конце X – середине XI в. самостоятельных фемах Боспор [20; 26] (см. также

новую печать стратига Боспора из раскопок в Преславе (Болгария): [11, с. 88–89, рис. 2]) и Сугдея [25]. Введение в научный оборот уникальной печати катепана Херсона и Хазарии (1060–1080-е гг.) [8, с. 7–13, рис. 1; о ее датировке см.: 49, р. 192], а также нескольких моливдовулов архонта и дуки «Матрахи и всей Хазарии» или «Зихии, Матрахи и всей Хазарии» (около 1083–1094 гг.) [33, р. 97–99, fig. 1–2; 30, с. 168; 50, р. 125] вызвало широкую дискуссию вокруг даты завершения фемного периода в истории Крыма и характера дальнейшего византийского присутствия на полуострове [52; 24; 29; 7]. Одним из важных ее результатов стало появление в литературе новых терминов для обозначения периода конца XI – XII в. в истории византийской Таврики – постфемный период или эпоха «почтенных» нобилей, впрочем, еще требующих своего осмысления в ходе будущих исследований.

Несмотря на то что многие проблемы изучения фемной организации Таврики продолжают ждать своего решения, важно отметить уже вполне сложившуюся внутреннюю периодизацию системы управления данной провинции Византийской империи, отмеченную последовательным появлением и трансформацией различных по территориальным пределам и назначению военно-административных структур – от первоначальной фемы Климатов (около 841 – конец 850-х гг.) и «классической», то есть включавшей в свой состав все приморские и горные области полуостро-

ва фемы Херсон (около 860 – 960-е гг.), до сосуществования в регионе нескольких самостоятельных административных единиц, подчиненных Константинополю – фем Херсона, Боспора, Сугдеи и турмархии Готия (конец 960-х – около 1059 г.). Завершающим этапом эволюции фемной организации в Крыму считается кратковременный период объединенной фемы Херсона и Сугдеи (около 1059–1066 гг.) и византийского катепаната с центром в Херсоне (около 1066–1083 гг.) [19, с. 174–175, 185, 190–191; 7, с. 417].

Среди перечисленных фемных структур Византии на территории Крыма наименее изученной остается турмархия Готия. В лучшем случае ее рассматривают как подразделение фемы Херсон, созданное в конце X – начале XI в. в горной части полуострова в связи с ростом древнерусской угрозы для северных владений империи. Считается, что резиденцией турмарха являлась крепость Дорос (Мангупское городище), где в это время находился отдельный гарнизон во главе с топотеритом, который руководил масштабными работами по укреплению ее оборонительной системы [3, с. 233; 9, с. 264–265; 21, с. 180–181; 1, с. 44–45]. Ниже мы попытаемся показать, что специальное исследование данного вопроса позволяет расширить наши представления об обстоятельствах и содержании этой военно-административной реформы.

Методы. Исследование носит междисциплинарный характер. При анализе содержания должностей топотеритов и турмархов в эпиграфических и сфрагистических источниках по истории Горного Крыма использован весь комплекс сведений о происхождении и полномочиях данных категорий византийских чиновников. Такой подход дает возможность рассматривать происходившие в конце X – начале XI в. в Таврике военно-административные преобразования не как случайные события, а как действия, которые следовали общей логике реформирования провинциального управления и армии в Византии в это время. Для объективной оценки исторического контекста строительной надписи топотерита Цулы 994–995 гг., до сих пор сохраняющейся *in situ* в одной из оборонительных башен на Мангупе, в работе учтены результаты недавних раскопок этого памятника.

О византийском топотерите на Мангупе-Доросе. Единственным свидетельством об этом византийском чиновнике в истории Мангупа является хорошо известная строительная надпись с именем Цулы в обкладке одной из оборонительных башен укрепления А.ХI в ущелье Табана-дере [21, с. 169, ил. 8]. Относительно недавно А.Ю. Виноградовым выполнено ее новое прочтение: «Построена эта стена во дни местоблюстителя [топотерита] Цулы-бега, сына Полета, в 6503 г. [=994–995 гг.]» (+ Ἐκτίσθη ὁ τῦχος τ(οῦ)τος ὑπὸ ἡμερὸν топотηριτοῦ Τζουλα-βήγγη υ(ίο)ῦ Πολέτα ἕτος ςφγ´) [9, с. 263], что позволяет соотнести надпись с фемным периодом в истории крепости.

Такая интерпретация памятника полностью соответствует результатам новейших археологических исследований оборонительной системы Мангупского городища, которые выявили на разных участках крепостного полигона его Главной (Внешней, построенной еще в 550–565 гг.) линии обороны следы, по крайней мере, двух крупных ремонтов-реконструкций, проводившихся гарнизоном крепости в середине IX в., вскоре после включения Дороса в состав византийской фемы, и в самом конце X в. в связи с приданием ему статуса центра новообразованного турмархата Готия в Горной Таврике [21]. Более того, завершившиеся в 2022 г. исследования расположенного рядом с укреплением А.ХI в. Северного пещерного монастыря позволили уточнить чтение еще одного важного эпиграфического источника – надписи-граффити над аркосолием в северной стене его пещерного храма. В переводе А.Ю. Виноградова надпись выглядит следующим образом: «В 6603 году [=1094–1095 гг.]. Строится в Манкуте рабом Божьим настоящий священный храм святого Иакова» (Ἐτους ςϸγ´. + Γύνετα(ι) ἐν Μαγκοῦτ π[αρ]ὰ δ[ού]λου θε(ο)ῦ, ὁ ναὸς ὁ παρὼν ἱερός τοῦ ἀγίου Ἰακώβου) [10, с. 54, рис. 2]. Оставляя здесь без рассмотрения необычный топоним «Манкут» для обозначения Мангупа-Дороса, отметим главное: новая датировка этой, несомненно, строительной надписи свидетельствует о том, что к концу XI в. укрепление А.ХI, реконструированное в 994–995 гг., уже было заброшено, и на его месте вырублен пещерный монастырь, освященный в честь св. Иакова.

Возвращаясь к содержанию интересующей нас надписи Цулы, следует подчеркнуть, что новая интерпретация эпиграфического памятника уже получила полную поддержку в работах, посвященных общим проблемам истории и археологии Горной Таврики в период включения региона в состав византийской фемы [19, с. 190; 21, с. 180–181; 1, с. 44]. Точная хронология источника (1 сентября 994 – 31 августа 995 г. по Р.Х.) позволяет считать неаргументированной критику со стороны исследователей, пытающихся датировать его более поздним временем на основании ряда косвенных признаков (отсутствия в тексте индиктов, имен императоров и высокопоставленных византийских чиновников, сомнения в хронологическом обосновании палеографии некоторых букв и пр.) и никогда не проводивших натурное изучение самой надписи [15, с. 656–659; 14].

Пожалуй, единственным серьезным замечанием наших оппонентов, заслуживающим специального историко-лингвистического исследования, является сомнение в точности воспроизведенного в версии А.Ю. Виноградова имени византийского топотерита на Мангупе – «Цула-бег, сын Полета», которое, на самом деле, может иметь и другие варианты произношения, безусловно, без внутреннего словоделения – Цулавиг (Τζουλαβίγγη), Цулавиги (Τζουλαβίγγης) и др. Сам автор новейшей редакции надписи также допускает иное прочтение имени мангупского топотерита [9, с. 265]. Однако в этом случае придется отказаться, что нам представляется вполне логичным, от обязательной прямой связи строителя в надписи с хорошо известным в просопографии византийской Таврики аристократическим родом Цул, представители которого занимали множество военно-административных постов в этой византийской провинции во второй половине X – начале XI в. (о Цулах в истории Крыма см.: [2; 23; 9, с. 266–268]; 27 печатей представителей этой фамилии изданы во французском каталоге моливдовулов из Херсона: [31, р. 162, 173–176, 231–238, по. 77, 89, 151–160]; еще три печати опубликованы позднее: [32, с. 366, № 8; 27, с. 46, № 13; 6, с. 354, III.1.66.7]. Также маловероятно, с учетом нерешенности вопроса этимологии имени Цулы (?) (или все же Цулавига (?)) из над-

писи на Мангупе, считать его представителем одной из групп тюркского населения в Византии [9, с. 269]. Скорее, этого топотерита нужно рассматривать как византийского чиновника негреческого происхождения, выполнявшего свои обязанности в одной из отдаленных крепостей империи.

Что может означать появление византийского топотерита на Мангупе в самом конце X века? Тем более что этот случай выглядит почти уникальным для истории Крыма, так как единственным примером является печать Адриана, императорского спафария и топотерита флота из Херсона, датированная издателем IX в. [5, с. 12, № 4], но не имеющая, конечно, никакого отношения к сюжету нашего исследования.

А.Ю. Виноградов считает топотерита из надписи в ущелье Табана-дере подчиненным (заместителем?) стратига фемы Херсон и одновременно главой византийского гарнизона Дороса [9, с. 265]. А.И. Айбабин видит в нем командира отдельной топотирисии (административно-территориального округа низшего уровня), входившей в состав турмы Готия фемы Херсон [1, с. 45]. Предварительно рассматривая этот вопрос, мы также пришли к выводу о том, что мангупский топотерит, являясь комендантом крепости и возглавляя в 994–995 гг. масштабные работы по ее укреплению, находился в подчинении турмарха Готии [21, с. 181]. Однако достаточно ли такого заключения, чтобы объяснить круг полномочий этого редкого для военно-административного устройства византийского Крыма имперского чиновника?

Чтобы ответить на этот непростой вопрос, надо иметь в виду длительный и разноплановый характер должности топотерита в административной практике Византийской империи. Если не рассматривать здесь слабо изученную в историографии проблему происхождения данного института, который является, вероятнее всего, в правление Юстиниана I (527–565) в качестве его полномочных представителей в одном или нескольких городских округах восточных провинций империи [34, р. 52; 42, р. 759, 1312], а также совершенно не ясных *топотеритов без должности* (οἱ τοποτηριταὶ ἄπρατοι) в Тактиконе Ф.И. Успенского (около 842–843 гг.) [46,

р. 58–59], то возможно выделить три разряда чиновников с таким титулом для фемного периода в истории Византии: топотеритов городов, топотеритов тагм и топотеритов фем.

Топотериты городов. Представляют специфическую группу имперских чиновников, по всей видимости, с военными функциями, характерную для организации управления южной части византийской Италии (Сицилия, Калабрия) и некоторых регионов Фракии во второй половине VIII – IX веке. По наблюдениям В. Прижана, посвятившего специальное исследование им, это были офицеры во главе постоянных гарнизонов в стратегически важных городах и крепостях, организованных по образцу созданных в ходе военной реформы Константина V (741–775) тагм схол и экскувитов, основных подразделений регулярной византийской армии наступательного действия. Численность таких гарнизонов (до 200 человек) сопоставима с численностью банд в фемных контингентах. На Сицилии вместе с морскими силами местной фемы они обеспечивали военное присутствие Византии в регионе [48, р. 149–151, 158] (о реформе Константина V см.: [17, с. 74–98]). Следуя этой логике, возможно предполагать, что такие же или близкие по своим полномочиям топотериты изредка продолжали назначаться в отдельные города и местности Италии, Греции и Малой Азии и в дальнейшем, вплоть до XI в. [43, р. 127–128, п.о. 51.1; 38, р. 250, 313, по. 3.4, 3.132]. Однако, скорее всего, эта административная практика имела в истории империи лишь ситуативный характер, будучи вызванной экстраординарными обстоятельствами (к примеру, необходимостью установления контроля за коммуникациями, подготовкой военной операции и пр.). Именно поэтому топотериты городов не известны в письменных источниках, прежде всего, в византийских тактиконах, в качестве особой категории провинциальных военных или гражданских чиновников, а все данные о них остаются ограниченными небольшим кругом малоинформативных и поэтому дискуссионных сфрагистических материалов.

Топотериты тагм. Начиная с реформы Константина V и вплоть до XI в. такие топотериты являлись заместителями командиров императорского флота, структуру управления которого мы здесь не рассматриваем, и всех

наиболее важных тагм (схол, экскувитов, арифм, иканатов), регулярных подразделений византийской сухопутной армии [34, р. 47–66; 40, р. 24–32; 41, р. 228–256; 45, S. 47–121; 17, с. 74–78, 107–108, 112–113]. Их высокое положение в чиновничьей иерархии империи надежно зафиксировано византийскими тактиконами [46, р. 54–57, 110–111, 114–115, 118–119, 148–151, 272–273]. Если до середины X в. тагмы в основном дислоцировались в Константинополе и его округе, принимая участие только в наступательных военных операциях, то в ходе военно-административных преобразований Никифора Фоки (963–969), Иоанна Цимисхия (969–976) и Василия II Болгаробойцы (976–1025) их положение существенным образом изменилось. В связи со снижением боеспособности фемных ополчений многие подразделения столичных тагм во главе со своими топотеритами были на постоянной основе размещены в пограничных провинциях Византии, вблизи действующих либо потенциальных театров военных действий, переходя под верховное командование местных стратиггов фем либо командиров создаваемых здесь катепапатов и дукатов [47, р. 143, 148, 150; 36; 18, с. 25–31]. Некоторые из таких топотеритов могли выполнять поставленные перед ними задачи в условиях почти полной изоляции, из-за чего в источниках их иногда ассоциируют с топархами пограничных областей, городов или крепостей [35]. Тем не менее, как ясно показывают материалы сфрагистики, какова бы ни была степень автономии этих топотеритов-топархов, их связь с первоначальной тагмой никогда не прекращалась (см., например: [37, р. 111–112, № 154; 44, р. 147, 236, 406–407, № 209, 362, 711]).

Топотериты фем. Вне нашего анализа оставляем топотеритов фем Оптиматов и Опсикий, структура которых близка столичным тагмам [46, р. 339, 348]. Главное внимание в данном случае должно быть сосредоточено на впервые упомянутых в Эскуриальском тактиконе (970-е гг.) топотеритах фем (οἱ τοποτηρηταὶ τῶν θεμάτων) [46, р. 272–273]. По всей видимости, речь идет о командирах военных отрядов регулярного типа, набранных на добровольной основе из числа жителей округа и находившихся в непосредственном подчинении стратигам фем. Наличие таких под-

разделений в составе фемных иррегулярных ополчений не является новшеством для преобразований византийской армии во второй половине X – начале XI века. Как показал А.С. Мохов, регулярные военные структуры (таксаты, таксеоты, таксиархи и др.) начиная с конца VIII в. всегда составляли наиболее боеспособную часть фемного войска; из их же числа формировались гарнизоны крепостей и отряды телохранителей стратигов. Возглавляли «провинциальные тагмы» доместики фем, входившие в штаб стратига фемы [17, с. 96, 131–134]. Тем не менее в полное подчинение стратигам могли быть переданы и подразделения столичных тагм во главе с их топотеритами, о чем свидетельствует анализ хорошо известных отрывков из сочинения Кекамена [12, с. 204–205, 295–301]. Константин Багрянородный, описывая историю формирования фемы Каппадокия, использует для обозначения семи банд ее турмы Коммата синонимичный термин топотирисия (ἡ τοποτηρησία) [13, с. 224–225]. Это дает основания исследователям рассматривать топотерита на Мангупе-Доросе в конце X в. как командира одной из низших административно-территориальных единиц, на которые была разделена в это время местная фема [1, с. 44–45]. На наш взгляд, это предположение не верно, так как сообщение византийского автора является, по своей сути, уникальным и не находит подтверждения в других источниках. К тому же бандами в фемах, и это главное, командовали друнгарии и комиты, но не топотериты (см.: [34, р. 41; 17, с. 129–130]).

Анализируя полученные результаты исследования различных категорий византийских чиновников с титулом топотерит и сопоставляя их с обстоятельствами появления топотерита Цулы (?) в истории Мангупского городища, следует заключить, что наименее вероятным является связь последнего с топотеритами столичных тагм Византийской империи, хотя регулярный характер его должности, как и службы солдат, находившихся в подчинении, не вызывает сомнений. Как бы ни были невелики размеры строительной плиты из крепостной стены на Мангупе, невозможно представить, чтобы принадлежность автора надписи к одному из элитных подразделений византийской армии не была в ней

отмечена. Оба остальных варианта интерпретации содержания надписи – топотерит города (крепости) или топотерит в составе местной фемной структуры – нам представляются вполне допустимыми. Остается лишь понять, с каким из существующих в Горной Таврике военно-административных округов этого времени – фемой Херсон или турмархией Готия – мангупский топотерит соотносится.

О турмархии Готия в Горном Крыму. К сожалению, мы обладаем крайне скудной информацией об этой византийской военно-административной единице в Крыму. Известны лишь две печати Льва, императорского спафария и турмарха Готии, конца X – начала XI в., оттиснутые одной парой штемпелей и найденные в Херсоне и на Боспоре [3; 4]. Вероятно, это свидетельствует о непродолжительной истории территориального округа и значительной автономии его главы, самостоятельно ведшего переписку с представителями других фемных структур на полуострове. Топоним Готия в легендах моливдовулов указывает на географию исполнения полномочий турмархом, в пределах горной части Таврики, что совпадает с территорией архиепископии Готии, известной по данным нотиций и материалам сфрагистики этого времени [39, р. 294, № 8; 28]. Напротив, археологические исследования многочисленных крепостей и поселений региона объективно показывают неизменно византийский характер материальной культуры Горного Крыма на протяжении всего фемного периода (общий обзор памятников: [1, с. 31–42]; о топографии Мангупской крепости см.: [22]).

Справедливо считается, что турмархи на протяжении большей части истории данного института, то есть со второй половины VII до XI в., неизменно были связаны с территориальной и военной организацией византийских фем. Они являлись высокопоставленными архонтами в фемах, подчиненными непосредственно их стратигам, но получавшими свою должность по личному распоряжению императоров. Турмархи выполняли свои полномочия в пределах турм – крупных административных единиц, на которые делилась фема (от 2-х до 4-х), осуществляя в них верховную военную и гражданскую власть, хотя характер последней, как и история отдельных турм

империи, остаются совершенно не разработанными направлениями в историографии. Каждая турма представляла собой крупную территориальную единицу, границы которой совпадали с более ранней позднеримской (ранневизантийской) провинцией или географической областью (отдельной равниной, течением реки или системой горных долин), пределы которой на местности были хорошо выражены. Опубликовано множество печатей турмархов (около 200), значительная часть которых, особенно для периода второй половины VIII – X в., содержит в легендах точные указания (топонимы) на место службы их владельцев (основная работа по истории института турмархов: [51]; см. также: [17, с. 126–130]).

Казалось бы, после такого обзора нет оснований сомневаться в принадлежности готского турмарха штабу стратига фемы Херсон и предполагать наличие в ее составе нескольких турм. Однако не все так просто. Несмотря на сотни опубликованных моливдовулов чиновников фемы Херсон надежных свидетельств деления ее на турмы и более низшие территориальные единицы до сих пор нет. Аппарат управления округом представлен главным образом стратигами и коммерциариями, изредка – протонотариями и *ἐκ προσώτου*, а также многочисленными «внетабельными» чиновниками (кирами, экдиками, патерами полиса и особенно протевонтами), нетипичными для провинциально-административной практики в Византии [6, с. 82]. В совокупности это дает возможность рассматривать происхождение турмархии Готии вне связи с эволюцией внутренней организации фемы Херсон.

Нам уже приходилось обращать внимание исследователей на то, что появление в самом конце X в. византийского турмарха в Готии и масштабная реконструкция оборонительных сооружений ее главной крепости на Мангупе-Доросе, проводившаяся гарнизоном во главе с топотеритом, не являются событиями, случайно совпавшими по своей хронологии. Они могут рассматриваться лишь в совокупности, в качестве закономерной реакции Византии на рост военной угрозы ее владениям в регионе со стороны Древнерусского государства в 960–980-е гг., что привело в конечном итоге к реформированию существо-

вавшей здесь фемной организации [19, с. 189–191; 21, с. 180–181]. На смену единой фемы на полуострове приходит новая система управления, основанная на множестве территориальных структур фемного типа («малые» фемы Боспор и Сугдея, турмархия Готия), создававших внешний оборонительный пояс вокруг центрального форпоста империи в Таврике – фемы Херсон. Эти преобразования полностью соответствуют военно-административной практике Византии в правление Василия II Болгаробойцы во многих регионах империи – на Балканах, в Южной Италии, в Эгейском бассейне, где на потенциально опасных направлениях в это время были созданы многочисленные «малые» фемы для сдерживания экспансии противника или временного закрепления империи на завоеванных территориях. Все эти «малые» фемы, по сути, являлись административными микроструктурами, то есть не подлежащими делению на более мелкие территориальные единицы. Их размеры ограничены округой центрального города (крепости) области, расположенного вблизи важных стратегических объектов (дорог, перевалов, переправ, морских портов), а воинские контингенты состояли в основном из крепостных гарнизонов, сформированных из отрядов регулярной армии или иностранных наемников (подробнее см.: [16; 18, с. 50–65]). По завершению активной фазы функционирования «малых» византийских фем конца X – начала XI в. их судьба могла быть различной. Некоторые быстро прекратили свое существование в качестве отдельных административных структур империи, как «малая» фема Сервия, история которой ограничена периодом 976–1018 гг., после чего ее укрепления были разрушены и не восстанавливались вплоть до второй половины XIII в., когда область уже находилась за пределами Византии [16, с. 27–29]. Другие же, напротив, со временем трансформировались в полноценную фемную организацию, как в случае с Хиосом, где первоначально (не позднее 993 г.) была построена византийская крепость, ставшая проводником имперской политики в регионе под руководством неизвестных нам чиновников, а в 1025–1026 гг. источники уже фиксируют здесь стратига местной фемы, исполнявшего свои обязанности вплоть до последней четверти XI в. [18, с. 56–59].

Случай с фемой Хиос нам кажется чрезвычайно показательным для реконструкции истории появления турмархии в Горном Крыму. По всей видимости, с учетом сложного характера местности и обширных географических пределов области, речь идет о нескольких этапах реформирования сложившейся здесь византийской системы управления. Первый из них (начало 990-х гг.) отмечен восстановлением обороноспособности центральной крепости региона силами расквартированного в ней регулярного воинского подразделения (гарнизона крепости) во главе с топотеритом. Одновременно Мангуп-Дорос получил статус резиденции учрежденной в Готии турмархии, а ее глава – самые широкие полномочия, явно превышающие обязанности обычного фемного турмарха. На втором этапе, вероятно, предполагалось трансформировать административную структуру турмархии в полноценную одноименную фему, однако этот замысел по каким-то причинам остался unrealized. После середины XI в., как показывают результаты современных раскопок Мангупского городища, крепость вступила в полосу длительного упадка, и ее укрепления надолго (до конца XIII в.) оказались заброшенными.

Результаты исследования. Учреждение в конце X в. в Готии отдельной турмархии и одновременное появление византийского топотерита в Доросе, центральной крепости Горного Крыма, являются военно-политическими событиями, имевшими общие причины. В случае с турмархией речь идет о первоначальном замысле по созданию в регионе самостоятельной административной структуры, не зависимой от фемы Херсон, которая должна была оперативно реагировать на внешние угрозы и со временем, возможно, быть преобразованной в типичную для своей эпохи «малую» фему. Резиденцией турмарха сразу была определена Мангупская крепость, где не позднее 994–995 гг. завершилась реконструкция и ремонт фортификационных укреплений. Руководил этими работами византийский чиновник с титулом топотерит, стоявший во главе регулярного воинского подразделения и напоминающий по своим полномочиям известных со второй половины VIII в. топотеритов городов в пограничных провинциях импе-

рии. Его, безусловно, можно считать комендантом Дороса, а вверенный ему армейский отряд – гарнизоном крепости. В то же время не вызывает сомнения подчиненное турмарху Готии положение этого топотерита. История турмархии в Горном Крыму была короткой и завершилась около середины XI века.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Мегagrant № 075-15-2022-1119.

This study was supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant Project No. 075-15-2022-1119.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Evolyutsiya gorodov na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v Srednie veka [The Evolution of Cities on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages]. Aibabin A.I., ed. *Gorod na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v Srednie veka i Novoe vremya: sb. nauch. st.* [City on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Times]. Simferopol, Antiqua Publ., 2022, pp. 7-85.
2. Alekseienko N.A. Novye nakhodki molivdovulov roda Tsuly v Khersonе [New Finds of Molybdoboulloi of the Tsoula Family in Kherson]. *Drevnosti-1995. Kharkovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik* [Antiquities-1995. Kharkiv Historical and Archaeological Annual]. Kharkiv, Biznes Inform Publ., 1995, pp. 81-87.
3. Alekseienko N.A. Gotiya v strukture vizantiyskoy sistemy v Tavrike vo vtoroy polovine X veka [Gothia in the Structure of the Byzantine System in Taurica in the Second Half of the 10th Century]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection], 1998, iss. IX, pp. 230-235.
4. Alekseienko N.A. Vizantyskaya administratsiya na Bospore vo vtoroy polovine X v. (po dannym pamyatnikov sfragistiki) [Byzantine Administration in the Bosporos in the Second Half of the 10th Century (According to Sphragistic Monuments)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], 2006, iss. XII, pp. 564-570.
5. Alekseienko N.A. Torgovyy i voennyi port vizantiyskogo Khersona po dannym pechatey predstaviteley morskogo vedomstva imperii [Trade and Military Port of Byzantine Kherson according to the Seals of Representatives of the Maritime

Department of the Empire]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeja Collection], 2008, iss. III, pp. 8-15.

6. Alekseienco N.A. *Vizantiyskiy Kherson VI–XIII stoletiy v pamyatnikakh sfragistiki* [Byzantine Cherson of the 6th–13th Centuries in the Monuments of Sphragistics]. 1. *Chinovniki Khersona VIII–XI vv.* [Officials of Kherson 8th–11th Centuries]. Sevastopol, Kolorit Publ., 2017. 474 p.

7. Alekseienco N.A. Gosudarstvennyy apparat Vizantii v XII v.: imperiya «pochtennykh» nobiley po dannym sfragistiki [The Twelfth-Century State Machinery of Byzantium: The Empire of “Venerable” Nobles According to Sigillographic Data]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, iss. XXIV, pp. 407-422. DOI: 10.37279/2413-189X

8. Alekseienco N.A., Tsepkov Yu. Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetelstva ili istoricheskie realii [Katepanat in Taurica: Legendary Evidence or Historical Realities]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection], 2012, iss. XVII, pp. 7-17.

9. Vinogradov A.Yu. Nadpis iz Tabana-dere: pyatsot let spustya [Inscription from Tabana-dere Ravine: 500 Years Later]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2009, vol. 39, pp. 262-271.

10. Vinogradov A.Yu. Toponymica Pontica 4. K voprosu o drevnem nazvanii Mangupa [Toponymica Pontica 4. On the Question of the Ancient Name of Mangup]. Alekseienco N.A., ed. *XV Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar «Chersōnos themata: imperiya i polis»: materialy nauch. konf.* [The 15th International Byzantine Seminar “Chersonos themata: ‘Empire’ and ‘Polis’”. Materials of Scientific Conference]. Simferopol, Arial Publ., 2023, pp. 53-56.

11. Jordanov I. Pechatite na Arkadiy strateg na Bospor (X–XI vv.) [Seals of Arcadios, of Strategos of Bosporos (Tenth to Eleventh Century)]. Alekseienco N.A., ed. *X Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar «Chersōnos themata: imperiya i polis»: materialy nauch. konf.* [The 10th International Byzantine Seminar “Chersonos themata: ‘Empire’ and ‘Polis’”. Materials of Scientific Conference]. Sevastopol, IAK RAN Publ., 2018, pp. 87-90.

12. Litavrin G.G., ed. *Kekaumenos. Sovety i rasskazy* [Precepts and Anecdotes]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2003. 711 p.

13. Litavrin G.G., Novoseltsev A.P., eds. *Constantine Porphyrogenitus. Ob upravlenii imperiei* [De administrando imperio]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 496 p.

14. Kuzenkov P.V., Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V. K voprosu datirovki i interpretatsii Mangupskoy nadpisi iz Tabana-dere [On the Question of Dating and Interpretation of the Mangup

Inscription from Tabana-dere]. Lebedinsky V.V., ed. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf.* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Connections of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Materials of the 7th International Scientific Conference]. Vol. 2. Moscow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science, 2023, pp. 9-13.

15. Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B. *Krym v «khazarskoe» vremya (VIII – seredina X v.): voprosy istorii i arkheologii* [Crimea in the “Khazar” Times (8th–10th Centuries): Problems of History and Archeology]. Moscow, Neolit Publ., 2017. 744 p.

16. Mokhov A.S. Mikrostruktury vizantiyskoy voenno-administrativnoy sistemy v X–XI vv.: fema Serviya [Microstructures of the Byzantine Military-Administrative System in the 10th–11th Centuries: Thema of Servia]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia of Ural State University. Series 2, Humanities], 2010, no. 3 (79), pp. 19-30.

17. Mokhov A.S. *Vizantiyskaya armiya v seredine VIII – seredine IX v.: razvitie voenno-administrativnykh struktur* [The Byzantine Army in the Mid-8th–Mid-9th Centuries: Development of Military-Administrative Structures]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2013. 278 p.

18. Mokhov A.S., Kapsalykova K.R. «Pust drugie rasskazyvayut o vygode i roskoshi, chto prinosit voyna»: vizantiyskaya polemologicheskaya traditsiya X–XI vv. [“Let Others Talk About the Benefits and Luxury That War Brings”: Byzantine Polemological Tradition of the 10th–11th Centuries]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2019. 300 p.

19. Naumenko V.E. Tavrika v sisteme russko-vizantiyskikh otnosheniy serediny X – nachala XI v. (istoriko-arkheologicheskiy kommentariy) [Taurica in Russian-Byzantine Relations in the Middle of the 10th–Early 11th C. (Historical and Archaeological Comment)]. Alekseienco N.A., ed. *Chersōnos themata: ‘imperiya’ i ‘polis’: sb. nauch. tr.* [“Chersonos themata: ‘Empire’ and ‘Polis’”. Collection of Scientific Papers]. Sevastopol, Arefev Publ., 2013, pp. 169-206.

20. Naumenko V.E. K Diskussii o politiko-administrativnom statuse Bospora v X–XII vekakh [To the Discussion on the Political and Administrative Status of the Bosporan Kingdom in the 10th–12th Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 5, pp. 67-80. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.6>

21. Naumenko V.E. Dva primera rekonstruktsii Glavnoy linii oborony Mangupskoy kreposti v femnyy period istorii [Two Examples of the Reconstruction of the Main Defense Line of Mangup Fortress in the Theme Period of Its History]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2022, vol. 50, pp. 165-184. DOI: <https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.011>
22. Naumenko V.E. Mangup-Doros v femnyy period istorii [Mangup-Doros in the Theme Period of Its History]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, iss. XXVII, pp. 166-208. DOI: <https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.166-208>
23. Stepanenko V.P. Tsula i Kherson v rossiyskoy istoriografii XIX–XX vv. [Tsula and Kherson in Russian Historiography of the 19th–20th Centuries]. *Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya: sb. nauch. st., posvyashch. 70-letiyu istoricheskogo fakulteta Uralskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gorkogo* [Russia and the World: A Panorama of Historical Development. A Collection of Scientific Articles Dedicated to the 70th Anniversary of the Faculty of History of the Ural State University Named After A.M. Gorky]. Yekaterinburg, Volot Publ., 2008, pp. 27-35.
24. Stepanenko V.P. Vizantiya i Krym v postfemnyy period (konets XI – XII v.): k postanovke problemy [Byzantium and the Crimea in the Post-Thematic Period (Late Eleventh and Twelfth Centuries): The Problem Statement]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, iss. XXIII, pp. 713-720. DOI: [10.37279/2413-189X](https://doi.org/10.37279/2413-189X)
25. Stepanenko V.P. Fema Sugdeya v XI v. [The Theme of Sugdaia in the Eleventh Century]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2018, vol. 94: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki: po materialam konferentsii «Sfragistika, numizmatika, geraldika srednevekovogo Kryma»* [Materials and Researches of the Numismatics Department. Proceedings of the Conference “Sphragistics, Numismatics, Heraldry in the Medieval Crimea”], pp. 56-60.
26. Stepanenko V.P. Fema Bospor po dannym sigillografii [The Theme of Bosporos According to Sigillography]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2022, vol. 50, pp. 155-164. DOI: <https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.010>
27. Chkhaidze V.N. *Vizantiyskie pechati iz Tamani* [Byzantine Seals from Taman]. Moscow, Institute of Archaeology of Russian Academy of Science, 2015. 202 p.
28. Chkhaidze V.N. Pechati Ioanna, arkhiepiskopa Gotii (X–XI vv.) [Seals of John, Archbishop of Gothia (10th – 11th Centuries)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2016, no. 2, pp. 169-174.
29. Chkhaidze V.N. Vizantiyskaya vlast na Bospore (poslednyaya chetvert XI – nachalo XIII v.) [Byzantine Power in the Bosporus (Last Quarter of the 11th – Beginning of the 13th Centuries)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, iss. XXIII, pp. 721-730. DOI: [10.37279/2413-189X](https://doi.org/10.37279/2413-189X)
30. Chkhaidze V.N. Vosstanovlenie vizantiyskoy vlasti na Bospore (poslednyaya chetvert XI v.) [Restoration of Byzantine Power in the Bosporus (Last Quarter of the 11th Century)]. Alekseyenko N.A. ed. *X Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar «Chersōnos themata: imperiya i polis»: materialy nauch. konf.* [The 10th International Byzantine Seminar “Chersonos themata: Empire and Polis”. Proceedings of Scientific Conference]. Sevastopol, IAK RAN Publ., 2018, pp. 167-172.
31. Alekseyenko N.A. *L'administration byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux*. Paris, ACHCbyz Publ., 2012. 268 p.
32. Alf'orov A. Some New Lead Seals Are from Archive of Kherson (Collection of Oleksii Sheremetiev). *Sfragistychnyi shchorichnyk* [Sphragistic Annual]. Kyiv, Sheremetievs' Museum Publ., 2013, iss. IV, pp. 360-367.
33. Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W., eds. Alf'orov A. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaria (In Oleksii Sheremetiev's Collection). *Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'- Byzantine Sigillography (Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013)*. Kyiv, Sheremetievs' Museum Publ., 2015, pp. 97-104.
34. Bury J.B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century*. London, Oxford University Press Publ., 1911. 179 p.
35. Cheynet J.-C. Toparque et topotèrètès à la fin du XI siècle. *Revue des études byzantines*, 1984, t. 42, pp. 215-224.
36. Cheynet J.-C. Du stratège de thème au duc: chronologie de l'évolution au cours du XI siècle. *Travaux et mémoires*, 1985, t. 9, pp. 181-194.
37. Cheynet J.-C., Morrison C., Seibt W. *Les sceaux byzantins de la collection Henri Seyrig*. Paris, Bibliothèque Nationale Publ., 1991. 299 p.
38. Cheynet J.-C., Gökyıldırım T., Bulgurlu V. *Les sceaux byzantins du Musée archéologique d'Istanbul*. İstanbul, İstanbul Research Institute Publ., 2012. 1025 p.
39. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, Institut Français d'Études Byzantines Publ., 1981. 521 p.
40. Glukatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'empire byzantine aux IX–XI siècles. *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 1960, vol. 84, pp. 1-111.

41. Haldon J.F. *Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580–900*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1984. 669 p.
42. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire. 284–602*. Vol. I–II. Baltimore, The Johns Hopkins University Press Publ., 1986. 1318 p.
43. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Vol. 1: *Byzantine Seals with Geographical Names*. Sofia, Agato Publ., 2003. 211 p.
44. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Vol. 2: *Byzantine Seals with Family Names*. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 2006. 548 p.
45. Kühn H.-J. *Die Byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata*. Wien, Verlag Fassbaender, 1991. 318 p.
46. Oikonomidès N. *Les listes de préséance byzantines des IX et X siècles*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique Publ., 1972. 403 p.
47. Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XI siècle (1025–1118). *Travaux et mémoires*, 1976, t. 6, pp. 125-152.
48. Prigent V. Note sur le topotèrètès de cités en Italie méridionale durant les siècles obscurs. *Studies in Byzantine Sigillography*, 2006, vol. 9, pp. 145-158.
49. Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des Travaux de l'Institut d'Études byzantines], 2013, vol. L/1, pp. 187-194.
50. Seibt W. Episkopos tēs Atelou. Residierte der Bischof von Atel in Chazaria (am Unteren Don)? *Studies in Byzantine Sigillography*, 2019, vol. 13, pp. 121-130. DOI: 10.1484/M.SBS-EB.5.116702
51. Wilson L. A Subaltern's Fate. The Office of Tourmarch, Seventh Through Twelfth Century. *Dumbarton Oaks Papers*, 2015, vol. 69, pp. 49-70.
52. Zuckerman C. The End of Byzantine Role in North-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, iss. XXII, pp. 311-336. DOI: 10.37279/2413-189X

Information About the Author

Valerii E. Naumenko, Candidate of Sciences (History), Dean of the Faculty of History, Associate Professor, Department of Archeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>

Информация об авторе

Валерий Евгеньевич Науменко, кандидат исторических наук, декан исторического факультета, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.6>

UDC 93/94; 904
LBC 63.3(0)4

Submitted: 14.06.2023
Accepted: 30.10.2023

THE STRUCTURES OUTSIDE THE TOWN GATE ATOP THE PLATEAU OF ESKI-KERMEN: REALITY AND CONJECTURES¹

Irina A. Zavadskaya

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. The architectural complex around the main (southern) gates of the city on the Eski-Kermen plateau in the mountainous Crimea was formed from the end of the 6th century to the end of the 13th century. It included structures that were different in architecture and purpose. Studying the remains of these structures, determining their role and chronology are important tasks in the study and reconstruction of the history of the city. **Methods.** The area around the gate was explored by N.I. Repnikov in 1929. Brief descriptions of the open remains of the structures are reflected in publications and archival documents. Based on the analysis of these descriptions and the study of the preserved rock foundations, first time in the historiography the article revises the widespread hypothesis about existence of the gate church in the medieval city on the plateau of Eski-Kermen in the mountainous Crimea. **Analysis.** Some researchers see an apse of this church in a rounded carved pit located in front of the main gate, east of the corridor carved into the rock leading to the city. Features of the architectural space at the city gates and the location of this clearing are likely to have its presence at the gate church. This felling arose simultaneously with the defensive structures near the gates in the end of the 6th c. As is known, gate churches as a type of church architecture appeared in the Eastern Christian world no earlier than the 10th or 11th centuries. **Results.** There is no reason to talk about the gate church on the plateau of Eski-Kermen. Directly at the entrance to the city (to the west of the passage) there was only one church-chapel of the 9th – 10th centuries, destroyed by an earthquake even before the onset of the city, burned at the end of the 13th century.

Key words: mountainous Crimea, Eski-Kermen, ecclesiastical architecture, gate churches, single-nave church chapel.

Citation. Zavadskaya I.A. The Structures Outside the Town Gate atop the Plateau of Eski-Kermen: Reality and Conjectures. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 62-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.6>

УДК 93/94; 904
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 14.06.2023
Дата принятия статьи: 30.10.2023

ПРЕДВАРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН: РЕАЛЬНОСТЬ И ДОМЫСЛЫ¹

Ирина Анатольевна Завадская

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Архитектурный комплекс вокруг главных (южных) ворот города на плато Эски-Кермен в Горном Крыму формировался с конца VI в. до конца XIII века. Он включал в себя разные по архитектуре и назначению сооружения. Изучение остатков этих сооружений, определение их роли и хронологии – важные задачи в исследовании и реконструкции истории города. **Методы.** Территория вокруг ворот была исследована Н.И. Репниковым в 1929 году. Краткие описания открытых остатков сооружений отражены в публикациях и архивных документах. На основании анализа этих описаний и исследования сохранившихся скальных оснований в статье впервые пересмотрена распространенная в историографии гипотеза о существовании надвратного храма в средневековом городе на плато Эски-Кермен в Горном Крыму. **Анализ.** Апсидой этого храма некоторые исследователи называют закругленную вырубку, расположенную перед главными воротами, к востоку от высеченного в скале коридора, ведущего в город. Особенности архитектур-

ного пространства у городских ворот и расположение данной вырубки исключают вероятность принадлежности ее надвратному храму. Эта вырубка появилась одновременно с оборонительными сооружениями вблизи ворот в конце VI века. Как известно, надвратные храмы как тип церковной архитектуры появляются в восточнохристианском мире не ранее X–XI веков. *Результаты.* Говорить о существовании надвратного храма на плато Эски-Кермен нет оснований. Непосредственно перед входом в город был только один привратный храм-часовня, построенный на западной, бывшей боевой площадке, скорее всего, во второй половине IX или в X в. (после возвращения Горного Крыма под управление Византии и создания фемы Климатов в 841 г.). Впервые удалось установить, что этот храм перестал функционировать в результате землетрясения еще до того, как город был разрушен в конце XIII века.

Ключевые слова: Горный Крым, Эски-Кермен, церковная архитектура, надвратные храмы, однефный храм-часовня.

Цитирование. Завадская И. А. Предвратные сооружения на плато Эски-Кермен: реальность и домыслы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 62–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.6>

Введение. Одной из главных архитектурных доминант сначала ранневизантийской крепости и впоследствии средневекового города на плато Эски-Кермен в Горном Крыму был комплекс главных (южных) ворот, который формировался на протяжении всей их истории с конца VI в. до конца XIII в. [3, с. 240–250; 4, с. 11–17, 32, 39]. Этот комплекс, выполняя важнейшие функции (оборонительную, транспортную, культовую), включал в себя разные по архитектуре и назначению сооружения. От многих из них сохранились в основном лишь подрубки в скале. Изучение остатков этих сооружений, определение их роли и времени функционирования являются важными задачами в исследовании и реконструкции истории этого во многом уникального памятника.

Данная работа посвящена, прежде всего, двум объектам, расположенным непосредственно перед главными воротами, хронология и интерпретация которых вызывают острые дискуссии и порождают разные гипотезы. Один из них, согласно описанию Н.И. Репникова, «*скругленный вырез в камне с квадратным углублением в полу*» находится на восточном выступе-площадке, справа от высеченного в скале коридора, ведущего в город (рис. 1, а, Б; 1, б, Б). Второй объект – это остатки небольшого храма-часовни на противоположной, западной площадке, слева от коридора (рис. 1, а, В; 1, б, В).

Методы. Архитектурные остатки этих объектов были обнаружены в ходе расчистки территории вокруг главных ворот экспедицией Н.И. Репникова в 1929 году. Их краткие описания отражены в его публикации и архи-

вных документах [16, с. 127–128] (цитата и планы из отчета 1929 г. опубликованы: [14, с. 150–151, рис. 2–5]). Чрезвычайно важную информацию содержат сохранившиеся скальные основания сооружений в предвратном пространстве, которые были изучены автором в 2021–2023 гг. [15, с. 315–319].

Анализ. Вырубка («*скругленный вырез*») в скале к востоку от дороги имеет почти квадратную форму (1,58 × 1,65 м, глубиной до 0,8 м) с закругленной восточной частью (рис. 2). Н.И. Репников предположил, что углубление в ее полу (0,43 × 0,50 м, глубиной – 0,12 м) было «*местом престола*», а сама вырубка – основанием апсиды той «*погребальной часовеньки*», остатки которой открыли на противоположной, западной стороне от дороги. Этой часовне принадлежали скальные основания стен, нижние ряды кладки западной стены, а также вырубленная в северной отвесной скальной стене усыпальница № 68 (рис. 1, а, а; 3, а). По мнению Н.И. Репникова, средняя часть этой часовни, соединяющая западную часть и восточную апсиду, находилась над дорогой на деревянных лежнях, опорой которым служили вертикальные брусья. Последние вставлялись в гнезда, выдолбленные вдоль обреза скалы [16, с. 128] (цитата из отчета 1929 г.: [14, с. 150]).

Е.В. Веймарн, в отличие от Н.И. Репникова, считал, что на западном и восточном «*мысках*» находились две разные часовни [5, с. 20–21]. Часовня к западу от дороги, по его мнению, появилась после разрушения обороны города на месте боевой площадки или башни [5, с. 21; 8, л. 70 (36)]. Восточную апсиду

он считал частью другой «*поздней часовни*», вероятно, деревянной. В публикации он локализует ее «*над воротами*» [5, с. 20], а в неопубликованной монографии пишет о ней, как о примыкающей «*к воротам своей северной стеной*» [8, л. 36 (70)]. Пытаясь опровергнуть предположения Н.И. Репникова, Е.В. Веймарн практически повторяет его гипотезу о том, что пол этой часовни опирался на бревна, которые вставлялись в гнезда-выбоины в «*ступенеобразной обочине въезда*» перед воротами² [5, с. 20; 8, л. 36 (70)].

Отдельные положения версий Н.И. Репникова и Е.В. Веймарна вызвали правомерную критику Н.В. Днепровского [14, с. 151–156]. Собственно, как и Е.В. Веймарн, он исключил возможность принадлежности архитектурных остатков по обе стороны от ворот одному сооружению. При этом он указал на очевидное несовпадение осей этих остатков и разницу в уровнях их полов, а также отметил сохранившийся остаток собственной апсиды западного храма. Важным является и констатация того, что вырубки-гнезда под деревянные конструкции по своему местонахождению лишь частично находятся под восточной апсидой. В основном они расположены к северу от нее, непосредственно перед местом, где находились главные ворота, следовательно, быть опорой для наоса храма не могли. Всё же, разделяя идею о существовании надвратного храма, Н.В. Днепровский предполагает, что он мог быть сооружен на каменном своде, перекрывавшем воротный проезд. В свою очередь, каменный свод, по его мнению, опирался на «*ступенеобразную обочину*» [14, с. 157], то есть там, где находились упоминавшиеся гнезда-пазы. Изучив скальные постели под оборонительные стены вокруг восточной вырубки, он предположил, что эта «*апсида (или нечто, находившееся на этом месте) была вписана в структуру внешней стены*», то есть «надвратный храм» был сооружен одновременно с внешней (оборонительной) стеной [14, с. 153]. Автор допустил, что вход в этот храм мог осуществляться из расположенной к северу надвратной башни, к которой он примыкал [14, с. 156].

А.Ю. Виноградов вполне обоснованно опроверг возможность нахождения храма перед лицевой стеной башни, так как это полно-

стью лишило бы ее оборонительной функции [9, с. 175]. Всё же, поддерживая идею о существовании надвратного храма, А.Ю. Виноградов, так же, как и Н.И. Репников, считает, что он мог появиться только после разбора оборонительных стен и надвратной башни при хазарах, скорее всего, после восстановления византийской администрации в Горном Крыму в 840-е годы.

Таким образом в историографии укрепились мнение о том, что на Эски-Кермене был «надвратный храм», от которого сохранилась вырубленная в скале апсида. А.Ю. Виноградов приводит его, как несомненный факт в статье и разделе монографии, посвященных генезису надвратных храмов в восточнохристианском мире [10, с. 257; 11].

Однако следует иметь в виду, что предложенные реконструкции этого сооружения весьма противоречивы и не вполне учитывают все особенности архитектурного пространства у эски-керменских ворот.

Во-первых, закругленная вырубка («апсиды») находится не над воротами, а к югу от них, то есть перед воротами. Ее северный край отстоит от линии ворот примерно на 85 см.

Во-вторых, совершенно очевидно, что она изначально была вписана в оборонительную систему ранневизантийской крепости, построенной на плато византийскими инженерами в конце VI в. [3, с. 240]. Справа и слева от рассматриваемой вырубки сохранились непосредственно примыкающие к ней подрубки – «постели» под крепостные стены. Подрубка с южной (правой) стороны примерно на 35 см выше северной (слева) «постели». Последняя, скорее всего, предназначенная для надвратного сооружения (башни или арки), зауживается перед закругленной вырубкой, явно к ней примыкая, что хорошо видно также на плане 1929 г. (рис. 1, а). Следовательно, место опоры («постель») надвратного сооружения создавалось с учетом этой вырубки («апсиды»).

В-третьих, на скальной площадке вокруг этой вырубки нет «постелей» под кладку стен, несущих над ней перекрытие. К востоку от нее высечены соединенные с ней желобообразные углубления, очерчивающие округленный выступ (примерно 49 × 62 см), явно несовместимый с нахождением на этом месте

стены. Очертания этих углублений видны и на плане 1929 года.

В-четвертых, закругленная вырубка вряд ли имела продолжение над дорогой. Уже упоминавшиеся гнезда-пазы, которые практически симметрично расположены на скальных выступах с обеих сторон дороги, чаще всего связывают с оборонительными предвратными конструкциями начального этапа существования крепости³. Некоторые гнезда-пазы находятся под «апсидой» (рис. 2). Крайний из них расположен в 63 см от уровня ее северной границы. Следовательно, оборонительная предвратная конструкция частично совмещалась с вырубкой и, таким образом, была бы несовместима с функционированием «надвратного храма». Вряд ли возможен и основанный на скальных обочинах каменный свод. Их размеры для этого недостаточны: ширина западной обочины – 39 см, ширина восточной – 46–62 см. При этом над восточной обочиной нависает наклоненный обрез скалы, перекрывая ее больше, чем наполовину ее ширины (32 см). Следовательно, строительство на этой обочине стены было бы невозможно.

В-пятых, важными факторами в реконструкции предвратных сооружений являются уже упомянутые разница в уровнях полов восточной вырубке и западной площадки, которая составляет в среднем 1 м (99–103 см)⁴ (рис. 3), а также существенное смещение их продольных осей примерно на 0,55 м. Эти обстоятельства ставят под вопрос возможность соединения с помощью каких-либо конструкций восточной вырубке («апсиды») и западной площадки.

Интересно отметить, что Н.В. Днепровский, критикуя реконструкцию Н.И. Репникова, замечает, что *«средняя часть храма никак не могла проходить по лежням, перекрывавшим проход к воротам, точнее, эти лежни просто не могли без сильнейшего перекоса перекрывать этот проход»* (выделено нами. – И. З.) [14, с. 151]. Тем не менее гипнотическая идея о существовании «надвратного храма» заставляет Н.В. Днепровского и других упомянутых исследователей практически повторять предположение Н.И. Репникова о нависающей над проездом, неизбежно с сильным перекосом, большей части храма. И чтобы как-то объяснить ве-

роятность входа в него с запада, предпринимаются попытки искусственно установить последовательность функционирования «надвратного храма» и храма с усыпальницей на западной площадке, которые не могли бы существовать одновременно. Последний в этих домыслах якобы был построен на месте входа к тому времени уже «почему-то» разрушенного «надвратного храма» [14, с. 156; 9, с. 175].

Строительство храма с усыпальницей на западной площадке Н.В. Днепровский и А.Ю. Виноградов относят к XII–XIII вв., считая хроноиндикатором нишу протесиса в его апсиде (рис. 3, б) [14, с. 156; 9, с. 174–175]. При этом они ссылаются на типологию пещерных храмов, соавтором которой является А.Ю. Виноградов [12, с. 75]. Однако сами авторы этой типологии замечают, что ниша протесиса могла вырубаться уже после появления храма [12, с. 77]. Следовательно, присутствие ниши не исключает сооружение храма в более раннее время.

Наиболее убедительным и распространенным является мнение о том, что храмы вблизи ворот Эски-Кермена могли возникнуть только после того, как ранневизантийские оборонительные сооружения были разобраны при хазарах, подавивших восстание в Готии между 784 и 787 гг. [5, с. 53–54; 2, с. 217–219]. Скорее всего, их строительство стало возможным после возвращения Горного Крыма под управление Византии и создания фемы Климагов в 841 г. [2, с. 222–223]. Этот *terminus post quem* в полной мере применим и к храму-часовне, который построили на месте западной боевой площадки перед воротами. В усыпальнице № 68, вырубленной в его северной стене, обнаружены находки конца IX – XI в. [15, с. 318].

Разрушение этого храма, скорее всего, связано с землетрясением, в результате которого образовалась мощная трещина в скале, пересекающая юго-восточный край плато, включая дорогу у главных ворот и свод пещерного храма «Судилище». Эта трещина расколола западный скальный выступ, на котором находился храм. В результате была повреждена его юго-восточная часть с апсидой, а, возможно, и разрушено все или большая часть здания. Впоследствии храм разобрали, отколовшуюся часть скалы удалили и в

ее обресе выдолбили пещеру (№ 87 по нумерации В.Е. Веймарна) [6, л. 4; 7, л. 82] (рис. 4). Ее восточная стена и порог дверного проема точно очерчены трещиной. Вход в пещеру оказался под бывшей апсидой храма. Вероятно, одновременно с пещерой к югу от нее в новообразовавшемся скальном склоне вырубали лестницу, ведущую на площадку к западу от остатков привратного храма.

Результаты. Говорить о существовании надвратного храма в городе на плато Эски-Кермен нет оснований. Вырубка с закругленными углами на подошве восточного выступа скалы не могла быть частью такого храма, о чем свидетельствует не только ее месторасположение в предвратном архитектурном комплексе, но и время ее появления. Скорее всего, ее вырубали одновременно со строительством ранневизантийских оборонительных сооружений вблизи городских ворот. Как известно, надвратные храмы появляются только в средневизантийский период. В историографии существует концепция, согласно которой надвратные храмы характерны исключительно или преимущественно для древнерусской архитектурной и градостроительной традиции, ведущей свое начало от церкви Благовещения, построенной над Золотыми воротами Киева вскоре после их сооружения в 1037 г. [13; 1]. В последнее время предприняты попытки обнаружить начало этой традиции в византийском мире [17; 9, с. 179–181; 10, с. 250–252]. А.Ю. Виноградов считает, что первым надвратным храмом была церковь над воротами Халки Большого императорского дворца в Константинополе 920–944 гг., неоднозначно трактуемое описание которой известно лишь по письменным источникам [10, с. 250–252]. В любом случае, церкви такого типа в ранневизантийское время не известны.

Вопрос о том, какую функцию выполняла закругленная вырубка в системе предвратной обороны на Эски-Кермене, остается открытым. Близкие аналогии пока найти не удалось. Нельзя исключать вероятность того, что прямоугольное углубление на подошве вырубки, которое некоторые исследователи рас-

сматривают как место престола, имеет более позднее происхождение. Однако и в этом случае в силу уже перечисленных причин нет оснований видеть в данном сооружении часть именно надвратного храма, нависавшего над проездом в город.

Непосредственно перед городскими воротами Эски-Кермена был только один – привратный храм-часовня, построенный на западной бывшей боевой площадке, скорее всего, во второй половине IX или в X веке. В результате землетрясения он перестал функционировать еще до того, как город был разрушен. Свидетельством продолжения жизнедеятельности на этом месте являются пещера и лестница, вырубленные в новообразовавшемся скальном склоне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время».

The study was funded by the Russian Science Foundation according to research project No. 20-18-00076, “The Evolution of Cities on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Times”.

² Отличие лишь в том, что, по Н.И. Репникову, для опоры пола часовни служили гнезда, находящиеся под апсидой, а гнезда непосредственно у ворот были пазами для железной решетки и «шандорных» брусьев [16, с. 123, 128] (цитата из отчета 1929 г.: [14, с. 150]). Е.В. Веймарн считал, что все «пять пар выбоин» предназначались для крепления «очень поздних» подпорок одной конструкции. Причем сначала он допустил, что они служили для «ремонта свода арки ворот», а потом предположил, что это «следы основания поздней часовни» [5, с. 20; 8, л. 36 (70)].

³ Как уже отмечалось, ближайшие к воротам гнезда Н.И. Репников считал пазами для «катаракты» и «шандорных» переборок из брусьев, предназначенных для усиления обороны [16, с. 123]. А.Ю. Виноградов предположил, что это были пазы под балки, поддерживавшие боевую площадку перед надвратной башней [9, с. 175].

⁴ Теодолитная съемка проведена А.Е. Катюшиным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

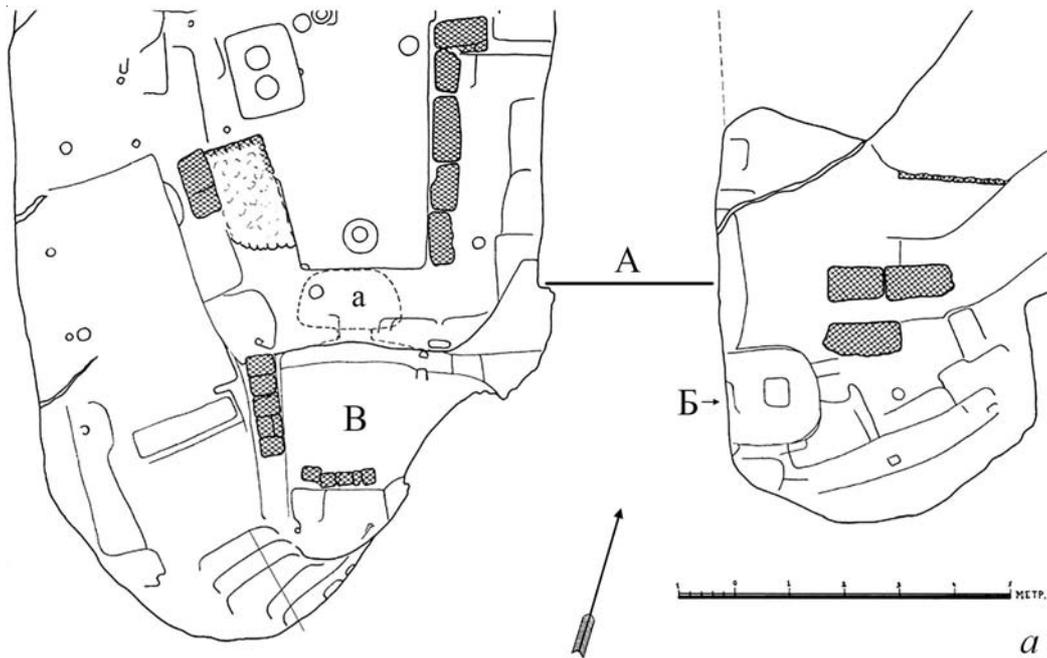

Рис. 1. Территория вокруг главных ворот на Эски-Кермене:

a – план 1929 г. (на основе публикации: [14, с. 180, рис. 2]); *A* – линия ворот; *B* – закругленная вырубка в скале; *B* – остатки храма на западной площадке; *a* – усыпальница № 68; *б* – вид сверху (аэрофотосъемка А.А. Душенко, 2021 г.)

Fig. 1. The area around the main gate on the Eski-Kermen:

a – plan of 1929 (based on publication in: [14, с. 180, рис. 2]); *A* – gate location; *B* – rounded carved pit; *B* – remains of the church on the western platform; *a* – tomb no. 68; *б* – top view (aerial photography by A.A. Dushenko, 2021)

Рис. 2. Закругленная вырубка в скале или так называемая апсида (фото автора, 2022 г.)
 Fig. 2. The rounded carved pit or so-called apse (photo by the author, 2022)

Рис. 3. Предвратные сооружения на Эски-Кермене:
 а – усыпальница № 68; б – ниша протесиса (фото автора, 2022 г.)
 Fig. 3. The structures outside the town gate on the Eski-Kermen:
 а – tomb no. 68; б – prothesis niche (photo by the author, 2022)

Рис. 4. Предвратные сооружения на Эски-Кермене. Вид на западный скальный выступ со стороны закругленной вырубki («апсиды») (фото автора, 2023 г.)

Fig. 4. The structures outside the town gate on the Eski-Kermen. View of the western rock ledge from the rounded carved pit ("apse") (photo by the author, 2023)

REFERENCES

1. Avanesov S.S. Nadvratnyy khram v strukture gorodskogo prostranstva: semantika i tipologiya [Gateway Church in the Structure of Urban Space: Semantics and Typology]. *Balandinskie chteniya*, 2018, vol. 13, pp. 102-104. DOI: 10.24411/9999-001A-2018-10016
2. Aibabin A.I. Gorodishche na plato Eski-Kermen v period gospodstva khazar v Krymu [Site on the Plateau of Eski-Kermen During the Period of Khazars' Predominance in Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 214-239.
3. Aibabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. [City on the Plateau of Eski-Kermen in 13th Century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 240-277.
4. Aibabin A.I. Evolyutsiya gorodov na Vnutrenney gryade Krymskikh gor [The Evolution of Cities on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages]. *Gorod na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v srednie veka i novoe vremya* [City on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Times]. Simferopol, Antikva Publ., 2022, pp. 7-85.
5. Veimarn E.V. Oboronitelnye sooruzheniya Eski-Kermena (Opyt rekonstruktsii) [Defensive Structures of Eski-Kermen (Reconstruction Experience)]. *Istoriya i arkheologiya srednevekovogo Kryma* [History and Archaeology of Medieval Crimea]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, pp. 7-54.
6. Veimarn E.V. Skhematicheskyy plan Eski-Kermenskogo gorodishcha, sostavlennyy v 1936 g. [Schematic Plan of the Eski-Kermen Settlement Drawn Up in 1936]. *Scientific Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, f. 22, inv. 1, d. 8. 165 l.
7. Veimarn E.V. Srednevekovoe gorodishche Eski-Kermen. Peshchery zapadnogo kraya [Medieval Settlement Eski-Kermen. Westfall Caves]. *Scientific Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, f. 22, inv. 1, d. 9. 122 l.
8. Veimarn E.V., Choref M.Ya. «Peshchernye goroda» Kryma [“Cave Cities” of Crimea]. *Scientific Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, f. 22, inv. 1, d. 80, folder 4. 312 l.
9. Vinogradov A.Yu. Khramik nad glavnymi vorotami Eski-Kermena i srednevekovaya traditsiya nadvratnykh tserkvey [Small Church Above the Main Gate of Eski-Kermen and the Medieval Tradition of Gate Churches]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 174-192.
10. Vinogradov A.Yu. Zarozhdenie i razvitie fenomena nadvratnykh khramov v vizantiyskom mire [The Origin and Development of the Phenomenon of Gate Churches in the Byzantine World]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 2018, vol. 102, pp. 248-270.
11. Vinogradov A.Yu. *Ocherki arkhitektury Vizantii i Kavkaza* [Outline History of the Architecture of the Byzantium and the Caucasus]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2023. URL: <https://iq.hse.ru/news/830128442.html>
12. Vinogradov A.Yu., Gaydukov N.E., Zheltov M.S. Peshchernye khramy Tavriki: k probleme tipologii i khronologii [Cave Churches of Taurica: The Problems of Typology and Chronology]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2005, vol. 1, pp. 72-80.
13. Vygolov V.P. Nadvratnye khramy Drevney Rusi: Problemy evolyutsii i proiskhozhdeniya [Gate Churches of Ancient Rus' (Problems of Evolution and Origin)]. *Pamyatniki arkhitektury i monumentalnogo iskusstva. Stolitsa i provintsiya* [Monuments of Russian Architecture and Monumental Art: Capital and Province]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 3-36.
14. Dneprovskiy N.V. Kultovyy kompleks u yuzhnykh vorot Eski-Kermena [The Cult Complex at the Southern Gate of Eski-Kermen]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2011, vol. 3, pp. 148-186.
15. Zavadskaya I.A. Malye khramy na gorodishche Eski-Kermena [Small Churches in the Ancient Town of Eski-Kermen]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 310-353.
16. Repnikov N.I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928–1929 gg. [Archaeological Exploration in Eski-Kermen in 1928–1929]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 107-151.
17. Sedov V.V. Novyy Ierusalim v nadvratnykh khramakh Vizantii i Drevney Rusi [New Jerusalem in the Gate Churches of the Byzantium and Ancient Rus']. *Novyye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakralnykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopia and Iconography of the Sacral Spaces]. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 544-584.

Information About the Author

Irina A. Zavadskaya, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, zavadskaya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3915-136X>

Информация об авторе

Ирина Анатольевна Завадская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295033 г. Симферополь, Российская Федерация, zavadskaya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3915-136X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.7>

UDC 94(495).04“13”
LBC 63.2+63.3(0)4

Submitted: 11.11.2022
Accessed: 01.10.2023

THE POPE'S MISSPEAK, OR ON OBSERVANCE OF THE COUNCIL RULES IN MEDIEVAL CRIMEA¹

Timur A. Guselnikov

Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the papal bulls concerning the establishing of the bishopric of Cherson and the metropolis of Vosporo in 1333, a specific point is made on erecting these towns from the status of locus to that of civitas and metropolis, contravening their status in the hierarchy of the Patriarchate of Constantinople. *Methods and materials.* In order to understand what had formed the legal basis for establishing the Catholic hierarchy, documents of the Constantinople Patriarchate are attracted. *Analysis.* The Greek archbishoprics of Cherson and Vosporo are mentioned in the lists of bishoprics of Notitiae episcopatum and in the acts of the Constantinople Patriarchate. However, by 1333, both of the archbishoprics suffered difficulties: an archbishop of Cherson had not been mentioned in the acts since 1280, as his archbishopric dropped out of the main list of the Notitiae episcopatum under the reign of the emperor Andronicus II Palaiologos. The metropolis of Vosporo had not been mentioned in documents since the middle of the 13th century. Thus, Pope John XXII chose the right time to substitute vacant sees by Latin bishops. The pope, however, paid much attention to observing the canonical borders of the Patriarchate of Constantinople as set by Rule 28 of the Chalcedonian Council. *Results.* The attention paid by the Roman pontiffs to observing council rules helps us to correct the perception of parallel church hierarchies coexisting in the Black Sea Region in the 14th–15th centuries. The presenting of bishops with the same titles, even of different confessions, was not considered normal and was understood as a schism to be overcome. Similar game rules may be traced to the examples of other sees of the North Pontic Region, as Sugdaia and Phouloi, Solchat and Zichia.

Key words: Metropolises of Cherson and Vosporo, Pope John XXII, church hierarchy, status of civitas, Patriarchate of Constantinople, Rule 28 of the Chalcedonian Council, Notitiae episcopatum.

Citation. Guselnikov T.A. The Pope's Misspeak, or on Observance of the Council Rules in Medieval Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 72-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.7>

УДК 94(495).04“13”
ББК 63.2+63.3(0)4

Дата поступления статьи: 11.11.2022
Дата принятия статьи: 01.10.2023

ОГОВОРКА ПАПЫ, ИЛИ О СОБЛЮДЕНИИ СОБОРНЫХ ПРАВИЛ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КРЫМУ¹

Тимур Андреевич Гусельников

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В буллах римских пап, связанных с учреждением епархии Херсона и митрополии Воспоро в 1333 г., делается характерное указание на возведение этих городов из статуса locus в статус civitas и metropolis, что противоречит их статусу в иерархии Константинопольского патриархата. *Методы и материалы.* Чтобы выяснить, что служило правовым основанием для создания католической иерархии, привлекаются документы Константинопольского патриархата. *Анализ.* Греческие архиепархии Херсона и Воспоро указываются в списках епархий Notitiae episcopatum и в актах Константинопольского патриархата. Однако к 1333 г. они обе испытывали трудности: архиепископ Херсона не упоминается в актах с 1280 г., а его архиепархия выпадает из основного списка Notitiae episcopatum при императоре Андронике II Палеологе. Митрополия Воспоро не упоминается в документах с середины XIII века. Таким образом, папа Иоанн XXII выбрал удобный момент, чтобы заместить вакантные кафедры латинскими епископами. При этом папа

очень внимательно относится к соблюдению канонических границ Константинопольского патриархата, установленных 28-м каноном Халкидонского собора. *Результаты.* Внимание римских пап к соблюдению соборных правил помогает скорректировать представление о сосуществовании параллельных церковных иерархий в Причерноморье XIV–XV веков. Наличие епископов с одинаковыми титулами, даже разного вероисповедания, не считалось нормальным и мыслилось, как схизма, которую следует преодолеть. Аналогичные правила игры могут быть прослежены на примере других кафедр Северного Причерноморья – Сугдеи и Фулл, Солхата и Зихии.

Ключевые слова: митрополии Херсон и Воспоро, папа Иоанн XXII, церковная иерархия, статус *civitas*, Константинопольский патриархат, 28-й канон Халкидонского собора, *Notitiae episcopatum*.

Цитирование. Гусельников Т. А. Оговорка папы, или О соблюдении соборных правил в средневековом Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 72–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.7>

Введение. В 1333 г. при поставлении на кафедру Херсона доминиканца Ричарда Английского папа Иоанн XXII ссылается на некие сомнения в том, что место (*locus*) Херсон некогда было городом (*civitas*): «Отчего, поскольку в упомянутой выше земле Готии, как уверяет упомянутое сообщение, существует место под названием Херсон – о котором говорят, что он был с древности [кафедральным] городом, хотя по поводу достоверности этого имеются сомнения, и ему отказывают в том, чтобы он являлся таковым...»². На этом основании папа заново (*de novo*) возводит в статус города это «многолюдное, пригодное, удобное и изобильное множеством мирских вещей» место.

Географическое положение городов Крыма в понимании западных церковных правоведов было двусмысленным. С одной стороны, Крым находился под властью монгольских ханов и относился к «земле хазар» (*Gazaria*), доступной для миссионерских усилий. С другой, в Крыму действовали древние церкви Херсона, Боспора, Сугдеи, Фулл и Готии, которые в XI–XII вв. имели статус автокефальных архиепископств, подчинявшихся напрямую патриаршему престолу [17, с. 143–144; 32, р. 273–274, 345–346, 351–352]. Исторически все они относились к диоцезу Фракии и, согласно 28-му канону Халкидонского собора 451 г., утверждались патриархом Константинополя [19, с. 245–247; 26, р. 99–100; 28, р. 435]³. Мы вправе поставить вопрос, имело ли значение это правило при учреждении латинских епархий и митрополий?

Методы и материалы. Пристальное внимание на канонический аспект создания католических структур обращает Дж. Федаль-

то. Эта мысль прослеживается во всей книге, наиболее обобщенно она выражена по отношению к кафедрам Константинопольского патриархата [28, р. 192–195] и в общем выводе по церковным структурам в Золотой Орде [28, р. 468]. Епархии Константинопольского патриархата в Крыму привлекали внимание исследователей уже в XIX в. [2; 12; 14]. А.Л. Бертье-Делагард в начале XX в. предпринял большой труд, чтобы разрешить «недоуменные вопросы» церковной иерархии и топонимики [4]. Позднее к митрополитам Херсона, Готии и Сугдеи обращались Г.-Ф. Байер, А.А. Богданова, А.И. Романчук, А.Г. Бочаров, А.И. Айбабин, В.Е. Науменко, В.Л. Мыц и другие исследователи, обращая внимание главным образом на предмет спора и локализацию указанных в документах топонимов [1; 3; 5–8; 15; 17; 21, с. 479–486]. В данной статье автор предполагает привлечь данные актов Константинопольского патриархата [23; 32–36], чтобы ответить на вопрос о причинах оговорок в папских буллах и о неявных отсылках к 28-му канону Халкидонского собора.

Анализ. После IV Крестового похода на территориях Восточной церкви учреждение латинских епархий происходило не напрямую через создание новых, а через замещение вакантных кафедр [28, р. 229–231]. При этом и латинская, и греческая церкви были ограничены в правовом отношении еще одним более древним правилом, запрещавшим рукоположения более одного епископа в один город⁴. На землях Византийской империи возникала схизма в том смысле этого слова, какой оно приобретет во время Западного раскола, то есть сосуществование параллельных линий преемственности: греческий патриарх и мит-

рополиты формировали параллельную «церковь в изгнании», сохранив за собой титулы, присвоенные латинскими иерархами (и наоборот, в зависимости от успехов греческого, латинского или турецкого оружия). В Северном Причерноморье папы действовали аналогичным образом, вклиниваясь в вакантные места и создавая новые кафедры, однако у Константинопольского патриархата, вероятно, не всегда была возможность отреагировать параллельным назначением.

Различие правового статуса поселения, на которое указывает папа, связано с запретом поставлять епископов в селах и малых городах (Лаодикийский собор ок. 364 г., правило 57)⁵ [20, с. 114; 39, vol. II, col. 573–574]. В буллах, связанных с образованием латинских епархий в Крыму, папы неоднократно используют термины *locus* («место» без епископа), *civitas* («город» с епископом во главе) и *metropolis* («митрополия» во главе с архиепископом)⁶. В качестве примера можно привести буллу *Ad universalis ecclesiae*, учреждающую епархию Каффы: Каффа была новым городом, и папа своим указом повышает ее уровень до *civitas*⁷ [22, № 44, с. 349–351; 24, № 303, р. 142–143; 29, Doc. 8, р. 12–13]. Между тем история греческой епархии Херсона довольно хорошо известна – она существует с IV в., в IX в. была возведена в ранг архиепископства (без подчиненных епископов-суфраганов), а на Константинопольском синоде 1280 г. участвовал архиепископ Феодор⁸. В четвертой четверти XIV в. херсонские митрополиты отметились в документах Константинопольского патриархата своей тяжбой с митрополитами Готии и Сугдеи. Как же могло так получиться, что древний город, бывший центром епархии, остававшийся митрополией в середине и в конце XIV в., в папском документе оказался «понижен» в статусе?

Предположим, что в этой оговорке папа не соврал и показал хорошее знакомство с документами Константинопольского патриархата. Попробуем соотнести слова буллы с греческими церковными документами – актами и списками (нотичиями) епископств. В нотичии 17⁹ (и в другой версии того же списка, опубликованной под номером 18) Херсонское архиепископство указывается только в приложении как недавно удостоенное чести митро-

полии, значительно ниже всех остальных крымских епархий, под № 115 (№ 149 в нотичии 18) [32, р. 402, 409]. Хотя Ж. Даррузе указывает на противоречивость этого документа и предостерегает против того, чтобы делать выводы о ранге епархий, можно было бы скорее ожидать инерции в отношении вновь созданных епархий, чем пропуск кафедры, которая неизменно присутствовала в списке на высоких местах. А.А. Богданова не придает большого значения «выпадению» Херсона – по ее мнению, «нотичия Андроника II определенно свидетельствует лишь о том, что в XIV в. Херсон имел ранг митрополии, подтверждение чему мы находим в актах Константинопольского патриархата» [6, с. 160]. Однако, например, глава Сугдейской церкви указан в общем списке под номером 99 [32, р. 400]. Также на своих местах указаны митрополии Иоаннина, Вицина и Зихия, Готия, Берройя и Христуполис, Литва и Галиция, возведенные в ранг митрополий при Михаиле VIII и Андронике II Палеологах (см. таблицу). Херсонская кафедра оказывается в окружении архиепархий Врисиса и Ганоса, возведенных в митрополии уже в 1320-е годы. На наш взгляд, это выпадение Херсона не было случайно и хорошо согласуется с оговоркой папы Иоанна XXII.

Следующий после Льва II митрополит Херсона Иеремия был назначен только в 1338 г. [4, с. 130; 23, Doc. LXXXIII; 31, col. 1332; 34, № 2184]. При этом в конце 1338 г. патриарх взял с новопоставленного митрополита Херсона клятву, что он не покинет свою епархию и не останется в Константинополе, и не будет добиваться другого места [34, № 2184]. К этому же времени¹⁰ относится список Нотичии 19, где митрополия Херсона стоит на своем 107-м месте [32, р. 413]. Все это вкупе с исчезновением херсонского архиепископа со страниц актов патриархата в период 1280–1338 гг. [23, Doc. LXXXIII; 34, № 2184] заставляет думать, что к моменту поставления Ричарда Английского у херсонской кафедры действительно были серьезные проблемы: либо она была вакантна, либо вовсе выпала из числа греческих митрополий, чем и воспользовался римский папа. Вероятной причиной упадка херсонской митрополии было разорение Херсона во второй половине XIII в., хорошо известное в археологии города по слоям пожара¹¹.

В дальнейшем херсонская кафедра не оспаривалась Римской церковью, под началом которой было создано епископство Чембальское, и херсонские епископы проявили достаточную активность, чтобы остаться в источниках. Любопытно, что херсонская митрополия была в числе тех, которые патриархи – сторонники унии стремились в первую очередь заместить своими сторонниками: митрополит Феодор председательствует на синоде 1280 г., а в 1440 г. херсонский митрополит был первым, кого рукоположил новый патриарх Митрофан II – очевидно, благодаря тому, что кафедра вновь была вакантна [36, № 3383].

Одновременно с замещением херсонской кафедры была основана латинская митрополия Воспоро. Его статус папа также обозначает как *locus*, после чего возводит в ранг митрополии: «мы возводим вышеназванное место в статус метрополии и также наделяем его отличительным наименованием метрополии»¹². При этом со страниц перечней епископов Константинопольского патриархата митрополия Воспоро не исчезает [32, р. 400, № 97; р. 407, № 97; р. 413, № 108]. Вероятно, в данном случае папа ориентировался на реальное отсутствие иерархов с таким титулом в течение продолжительного времени (с середины XIII в.) [4, с. 131]. Из перечней патриархата Боспор исчезает около 1400 г. (Нотия 19) [32, р. 416–418].

Тот факт, что римские папы явно акцентировали свое внимание на правовой стороне вопроса, всячески избегая параллельных поставлений на занятые восточными иерархами кафедры и изобретая изощренные способы сгладить грубость канонического вторжения, такие как низведение древних центров Херсона и Воспоро в статус *locus* с последующим их возвышением в ранг *civitas*, заставляет предполагать, что аналогичных представлений держались и в восточных церквях¹³, а любые назначения на уже занятую кафедру считались аномалией и схизмой, подрывавшей легитимность обоих претендентов. Показательно, что, несмотря на потерю латинского патриархата Константинополя и провал проекта церковной унии после смерти Михаила VIII, папы не игнорировали 28-е халкидонское правило, признавая между строк юрисдикцию недружественного на тот мо-

мент Константинопольского патриархата. Примечательна и дата назначений – 5 июля 1333 г., когда константинопольский престол был вакантным и можно было не опасаться параллельного рукоположения.

Результаты. Херсон и Воспоро представляют собой наиболее показательный пример того, каким образом соборные постановления воплощались при создании латинских епархий в Крыму. По характерным оговоркам и последовательности назначений мы можем наметить следы увлекательной правовой игры, проводимой римскими понтификами с оглядкой на канонические границы Константинопольского патриархата¹⁴. Правила этой игры, не допускавшие параллельных рукоположений иерархов с одинаковым титулом, проливают свет на последовательность создания структур Римской церкви, их соподчиненность и правовое обоснование изъятия их из ведения Константинопольского патриархата. Для дальнейшей работы в этом направлении можно сформулировать следующую гипотезу:

1. В рамках нормальной, канонической жизни, одновременное сосуществование двух и более епископов, архиепископов, митрополитов с одинаковым титулом, будь они даже разных вероисповеданий (латинской, греческой или армянской церкви), является аномалией, которую нужно преодолеть. Каждая из церквей стремилась в своих рукоположениях избегать этой аномалии.

2. При миссионерских усилиях на пограничных территориях (таких как Крым) приоритет отдавался замещению вакантных старых кафедр. В XIV и начале XV в. так поступала Римская церковь, а после ее ухода из региона в конце XV в. – православные и армянские епископы.

3. Епископы с разными титулами могли (и могут) жить в одном городе – например, в Каффе. Поэтому для стороннего наблюдателя – путешественника, местного жителя или исследователя – дело выглядит так, словно в одном городе есть несколько епископов с одним титулом.

4. Если все же обнаруживается наличие двух или нескольких епископов с одинаковым титулом в одно и то же время, то виной тому будут причины неканонические – расколы, схизмы, неканонические рукоположения и т. д.

Намеченные принципы возможно рассмотреть на более сложных и неоднозначных примерах, таких как митрополия Сугдеи и Фулл, архиепархия Солхата, архиепархия Зихии и Матреги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2022-1130.

The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement No. 075-15-2022-1130. Research is conducted on the basis of Sevastopol State University.

² «Unde cum in prelibata terra Gotthie, prout asseverat relatio surpadicta, locus existat vocatus Cersona, qui fuisse dicitur civitas ab antiquo, quamquam super hoc dubia credulitas habeatur, esseque prohibetur» (перевод Р. Хауталы) [22, № 60, с. 417; 40, р. 347–348, Doc. CDLVII].

³ Хотя 28 правило лишь узаконивало сложившийся порядок рукоположений в диоцезах Азии, Фракии и Понта, римские папы, включая заочного участника собора Льва Великого, отвергали 28 правило на том основании, что оно посягает на вселенский характер папской власти и на его привилегии как патриарха. По мнению Дж. Рюйсена, папа Лев был возмущен подчеркнuto светским характером обоснования возвышения Константинопольской кафедры исходя из ее столичного положения [10, с. 279–286; 38, р. 169, 171–176]. 28 канон породил длительную полемику в средние века, а в новейшее время привлек многих исследователей [38]. Это правило отсутствует в издании Дж. Манси, который опирался на список Дионисия Малого из 27 канонов [26, р. 76; 39, vol. VI, col. 1225–1230]. Окончательно второе место Константинопольского патриарха было подтверждено 5 канонам IV Латеранского собора 1215 г. [39, vol. XXII, col. 989–992].

⁴ Никейский Вселенский собор, правило 8: «Да не будет двух епископов во граде» («ne in una civitate duo episcopi probentur existere») [19, с. 33; 26, р. 10; 39, vol. II, col. 679–680]. Это правило восходит к первым векам христианства и вошло в Декрет Грациана: «In singulis vero reliquis civitatibus singulos, et non binos, vel ternos, aut plures, episcopos constitui praecipit» [27, D. 80 с. 2].

⁵ Ср.: «Episcopi non in castellis sed in modicis civitatibus debent constitui» [27, D. 80 с. 3]. Само соборное правило также вошло в состав Декрета [27, D. 80 с. 5].

⁶ Представление о civitas как о крупном городе с резиденцией епископа распространилось в

Европе в меровингское время [37, р. 312]. На правовой аспект понятий civitas и locus обращает внимание Е.А. Хвальков и А.В. Джанов [9, с. 309–310; 30, р. 240, 245, 246, 320].

⁷ В свете намеченных в этой статье правовых коллизий не кажется случайным, что папа юридически вывел Каффинскую епархию за пределы юрисдикции Константинопольского патриархата, присоединив ее к архиепархии Ханбалыка.

⁸ Его сан в это время в точности не известен, хотя в списке председателей синода он указан перед Феодором Сугдейским, который был возведен в митрополичье достоинство в первые месяцы правления Иоанна IX Векка [33, № 1424]. М. Ле Кьен указал среди херсонских иерархов митрополита Льва, очевидно, неправильно прочитав список председателей синода: перед херсонским архиереем действительно стоит митрополит Серр ипергим Лев [31, col. 1332; 39, vol. XXIV, col. 365–366]. Эта ошибка была повторена П. Кеппеном и А.Л. Бертье-Делагардом [4, с. 129; 12, с. 233].

⁹ Список приписывается Андронику II (1282–1328), его наиболее ранняя редакция из дошедших до нас манускриптов относится к 1356 г., прототип, по мнению Ж. Дарузе, был составлен в 1340-е гг. [32, р. 179–181].

¹⁰ Список приписывается Андронику III (1328–1341), примерное время составления, судя по изменениям в статусе иерархов, – середина XIV в. [32, р. 189–191].

¹¹ Историография вопроса приведена в работах: [16, с. 396–397; 21, с. 437–444].

¹² «predictum locum in metropolim erigimus, et etiam metropolis vocabulo insignimus» (пер. Р. Хауталы) [22, № 59, с. 414–416; 40, р. 348–349, Doc. CDLVIII]. Булла Nuper ex certis от 1 августа 1333 г. повторяет эту формулу уже в перфекте: «locum vocatum Vosprum... in metropolim ereximus et metropolis vocabulo curavimus insignire» [22, № 61, с. 420–422; 25, р. 198]. Стоит отметить, не делая, впрочем, далеко идущих выводов, что папа указывает возвести кафедральную церковь в Воспоро, то есть на Босфоре Киммерийском, в честь св. Архангела Михаила – так же, как был назван греческий монастырь на Босфоре Фракийском (в Анаплусе) [33, № 1426, 1632].

¹³ Соперничество в рукоположениях можно увидеть в характерных оговорках со стороны греческой церкви, например, при создании митрополии греческой Янины в противовес митрополии Навпакта, захваченной латинянами [33, № 1482].

¹⁴ Отголосок Халкедонских дебатов слышен и в XXI веке. При создании постоянных католических епархий на территории Российской Федерации обе стороны, как Русская Православная церковь, так и Римско-Католическая, апеллировали к допустимости создания епархий на «чужой» канонической территории [11; 13].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Митрополии и архиепархии по Notitiae episcopatum и актам патриархата

Metropolises and archbishoprics according to the Notitiae episcopatum and acts of the Patriarchate of Constantinople

Митрополия	№ по Not. 17	Год возведения в митрополии	Источник
Врисис	113 (app. 1)	1323	[34, № 2105]
Ганос	114 (app. 1)	Между 1324 и 1329	[34, №№ 2119, 2153]
Херсон	115 (app. 1)	Ок. 1280 (?)	[31, col. 1332]
Сугдея	99	1275	[33, № 1424]
Вицина	98	До 1276 (?)	[18, кол. 130; 32, р. 182]
Зихия	96	1285 (?) *	[32, р. 182]
Янина	53	1285	[33, № 1482]
Готия	86	До 1292	[31, col. 1245–1246]
Литва	83	Ок. 1300	[33, № 1578]
Берройя	30	Между 1304 и 1310	[32, р. 182; 34, № 2005]
Галиция	81	1303–1305	[33, № 1592]
Христуполис	48	До 1310	[34, № 2006]

Примечание. * – дату приводит Ж. Дарузе, проверить ее по актам патриархата не удалось. Во всяком случае, не позднее 1310 г., когда архиерей Зихии указывается в сане митрополита [34, № 2006].

Note. * – the date is given by J. Darouze; it was not possible to verify it using the acts of the patriarchy. In any case, no later than 1310, when the bishop of Zikhia is indicated in the rank of metropolitan [34, No. 2006].

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Nekotorye aspekty istorii Gotskoy eparkhii v yugo-zapadnom Krymu [Certain Historical Aspects of the Bishopric of Gothia in South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnologii Tavrii* [Proceedings on Archaeology, History and Ethnology of Tauria], 2006, vol. XII, pt. 2, pp. 615-626.

2. Antonin arkh. Zametki XII–XV vv., otnosyashchiesya k krymskomu gorodu Sugdee (Sudaku), pripisannye na grecheskom Sinaksare [Notes of 12th – 15th Century Related to the Crimean City Sugdaia (Sudak) Inscribed on the Greek Synaxarium]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of Odessa Society of History and Antiquities], 1863, vol. V, pp. 595-628.

3. Baier G.-V. Mitropolii Khersona, Sugdei, Gotii i Zikhii po dannym prosopograficheskogo leksikona vremeni Paleologov [The Metropolises of Cherson, Sugdaia, Gothia and Zikhia According to the Data of a Prosopographical Lexicon of the Palaiologos Time]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1995, vol. 27: Vizantiya i srednevekovyy Krym [Byzantium and Medieval Crimea], pp. 65-76.

4. Berthier-Delagarde A.L. Issledovanie nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekovya v Tavride [Study of Certain Puzzled Questions of the Middle Ages in Crimea]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Tauride Scientific Archival Commission Review], 1920, no. 57, pp. 1-135.

5. Bogdanova N.M. Akty Konstantinopolskogo patriarkhata XIV veka kak istochnik po istorii Khersona [Acts of the Patriarchate of Constantinople as the Source for the History of Cherson]. *Problemy sotsialnoy istorii i kultury srednikh vekov* [Problems of Social History and Culture of the Middle Ages]. Leningrad, s.n., 1986, pp. 87-97.

6. Bogdanova N.M. Kherson X–XV vekov po dannym Notitiae episcopatumum [Cherson in 10th – 15th Centuries According to Nititiae Episcopatumum]. Volkov S.V., ed. *Kolichestvennyye metody v izuchenii stran Vostoka* [Quantitative Methods in Studying Countries of the East]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 154-166.

7. Bogdanova N.M. Tserkov Khersona v X–XV vv. [The Church of Cherson in the 10th – 15th Centuries]. *Vizantiya. Sredizemnomorye. Slavyanskiy mir: sbornik* [Byzantium. Mediterranean Region. Slavic World: Miscellany]. Moscow, Izd-vo MGU, 1991, pp. 19-49.

8. Bocharov S.G. O prichinakh konflikta mezhdud ierarkhami khersonskoy, sugdeysko-fulskoy i gotskoy mitropolii za prikhody yuzhnogo berega kryma (vtoraya polovina XIV v.) [The Reasons of the Conflict Between

the Church Authorities of Cherson, Sougdea-Foul, Gothian Metropolies for the Parishes of the Southern Coast of the Crimea (Second Half of the 14th Century)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 46-55. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.5>

9. Dzhhanov A.V. Kazalii Soldayi i Gotii po dannym knig massarii Kaffy [Villages (Casalia) of Soldaia and Gothia According to the Books of Caffas' Massaria]. Maiko V.V., ed. *Istoriya i arkheologiya Kryma: sb. st.* [History and Archaeology of Crimea. Miscellany], vol. V. Simferopol, IP Brovko A.A. Publ., 2017, pp. 286-340.

10. Kartashev A.V. *Vselenskie sobory* [Ecumenical Councils]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 542 p.

11. Katoliki prishli k resheniyu o sozdaniy eparkhii v Rossii [Catholics Came to a Decision to Establish a Bishopric in Russia]. *Pravoslavnoe informatsionnoe agentstvo «Russkaya liniya»* [Orthodox Information Agency “Russian Line”]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=201954>

12. Keppen P. *O drevnostyakh yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* [On the Antiquities of the South Coast of Crimea and of Taurida Mountains]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1837. [19], 409 p. (Krymskii sbornik [Crimean Collection]).

13. Korolev A. Vatikan brosil vyzov Pravoslaviyu. MID RF protiv sozdaniya «katolicheskoy mitropolii» v Rossii [Vatican Have Challenged Orthodoxy. Russian Ministry of Foreign Affairs against Establishing “Catholic Metropolis” in Russia]. *Pravoslavnoe informatsionnoe agentstvo «Russkaya liniya»* [Orthodox Information Agency “Russian Line”]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=201962>

14. Kulakovskiy Yu.A. Episkopa Feodora «Alanskoe poslanie» [“Alan Epistle” of the Bishop Theodor]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of Odessa Society of History and Antiquities], 1898, vol. XXI, fasc. II, pp. 11-27.

15. Myts V.L. O lokalizatsii Full i Fullskoy eparkhii [On Localization of Phoulloi and Phoulloi Bishopric]. *Tserkovnaya arkheologiya Yuzhnoy Rusi. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii «Tserkovnaya arkheologiya: problemy, poiski, otkrytiya» (Sevastopol, 2001)* [Church Archaeology of South Rus'. Collection of Materials of the International Conference “Church Archaeology: Problems, Searches, Findings” (Sevastopol, 2001)]. Simferopol, s. n., 2002, pp. 116-122.

16. Myts V.L. Vremya i prichiny gibeli v XIII veke gorodov vizantiyskoy Tavriki (istoriograficheskii aspekt problemy) [Time and Reasons of Ruin of the Byzantine Taurida Towns in 13th Century (Historiogra-

phical Aspect of a Problem)]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of State Hermitage], 2015, vol. 74: Vizantiya v kontekste mirovoy kultury: materialy konferentsii, posvyashchenoy pamyati A.V. Bank (1906–1984) [Byzantium in the Context of World Culture: Proceedings of the Conference Dedicated to Memory of A.V. Bank (1906–1984)], pp. 389–400.

17. Naumenko V.E. K voprosu o tserkovno-administrativnom ustroystve Tavriki v VIII–IX vv. (po dannym Notitiae episcopatumum) [On the Ecclesiastical Administrative Structure of Taurica in the 8th–9th Centuries (According to the Data of Notitiae episcopatumum)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], 2003, vol. 34: Materialy XI Mezhdunarodnykh nauchnykh Sjuzumovskikh chteniy (Ekaterinburg, 26–28 marta 2003 g.) [Proceedings of the 11th International Scientific Syuzumov Reading (Yekaterinburg, March 26–28, 2003)], pp. 123–145.

18. Pavlov A.S., ed. *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. T. 1: (Pamyatniki XI–XV v.)* [Monuments of Old Russian Canon Law. Vol. 1: (Monuments of the 11th–15th Centuries)]. Saint Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova Publ., 1908. 930 col., 446 col. pril., 72 col. ukaz. (Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]; vol. 6).

19. *Pravila svyatykh Vselenskikh soborov s tolkovaniyami* [Ecumenical Councils' Rules with Exegesis]. Moscow, Sibirskaya blagozonnitsa Publ., 2011. 737, [15] p.

20. *Pravila Pravoslavnoy tserkvi s tolkovaniyami Nikodima, episkopa Dalmatinsko-Istriyskogo. T. II* [Orthodox Church Rules with Exegesis by Bishop Nicodemos of Dalmatia and Istra. Vol. 2]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2001. 644 p.

21. Romanchuk A.I. *Issledovaniya Khersonesa – Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. T. 2. Vizantiyskiy gorod* [Researches of Chersonesus – Cherson. Excavations. Hypotheses. Problems. Vol. 2. Byzantine City]. Tyumen, Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 544 p., 76 ill.

22. Khautala R. *Vzemlyakh «Severnoy Tartarii»: Svedeniya latinskikh istochnikov o Zolotoy Orde v pravlenie khana Uzbeka (1313–1341)* [In the Lands of “North Tartaria”: Data from Latin Sources About Golden Horde in the Reign of Khan Uzbek]. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2019. 976 p. (Mirgaleev I.M., ed. Seriya “Yazma Miras. Pismennoe Nasledie. Textual Heritage”; vol. 6).

23. Miclosich F., Müller I., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vol. I. Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae Vindobonensis sumptus praebente Caesarea scientiarum academia. T. I. Vindobonae, C. Gerold, 1860. VIII, 607 p.*

24. Eubel C., ed. *Bullarium Franciscanum sive Romanorum Pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus Ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium a Seraphico Patriarcha Sancto Francisco Institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. T. V. Roma, Typis Vaticanis, 1898. 643 p.*

25. Ripoll T., ed. *Bullarium Ordinis Fratrum Praedicatorum. Vol. II: Ab anno 1281 ad 1430. Roma, Typ. Hieronymi Mainardi, 1730. xii, 746 p.*

26. Alberigo J. et al., eds. *Conciliorum oecumenicum decreta. Bologna, Istituto per le scienze religiose, 1973. 1135 p.*

27. *Corpus juris canonici emendatum et notis illustratum. Gregorii XIII. pont. max. iussu editum. Roma, In aedibus Populi Romani, 1582. 3 pts. in 4 vols. UCLA Digital Library Program. Corpus Juris Canonici (1582). URL: https://digital.library.ucla.edu/canonlaw/table_of_contents*

28. Fedalto G. *La chiesa latina in Oriente. Vol. I. Verona, Mazziana, 1973–1978. 521 p.*

29. Täutu A.L., ed. *Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. VII. Tom. 2: Acta Ioannis PP. XXII (1317–1334). Roma, Typis polyglottis Vaticanis, 1952. xix, 302 p.*

30. Khvalkov I.A. *The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation. Thesis Obtaining the Degree of Doctor of History and Civilization of the European University Institute. Vol. I. Florence, 2015. 584 p.*

31. Le Quien M., R.P.F., O.F.P. *Oriens Christianus, in quatuor patriarchatus digestus; quo exhibentur ecclesiae, patriarchae, caeterique paesules totius Orientis. T. I. Parisiis, Typ. Regia, 1740. viii p., 1450 col., 1 p.*

32. Darrouzès J., ed. *Notitiae episcopatumum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, Institut français d'études byzantines, 1981. 521 p.*

33. Laurent V., ed. *Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Les actes des patriarches. Fasc. IV: Les registes de 1208 à 1309. Paris, Institut français d'études byzantines, 1971. xxviii, 636 p.*

34. Darrouzès J., ed. *Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Les actes des patriarches. Fasc. V: Les registes de 1310 à 1376. Paris, Institut français d'études byzantines, 1977. xviii, 601 p.*

35. Darrouzès J., ed. *Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Les actes des patriarches. Fasc. VI: Les registes de 1377 à 1410. Paris, Institut français d'études byzantines, 1979. xii, 548 p.*

36. Darrouzès J., ed. *Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Les actes des*

patriarches. Fasc. VII: *Les regestes de 1410 à 1453*. Paris, Institut français d'études byzantines, 1991. viii, 195 p.

37. Reyerson K.L. Urbanism, Western European. Strayer J.R., ed. *Dictionary of the Middle Ages*. Vol. 12. New York, Charles Scribner's Sons, 1989, pp. 311-320.

38. Ruysen G.H. Una rivisitazione del XXVIII canone del Concilio di Calcedonia (451). *Iura orientalia*, 2013, vol. IX, pp. 146-178.

39. Mansi J.D., ed. *Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio*. Vol. II. Ab anno CCCV ad annum CCCXLVI. Florentia, Expensis A. Zatta, 1759. VIII p., 1379 col.; vol. VI. Ab anno CCCXLI ad annum

CCCCLI inclusive. Florentia, Expensis A. Zatta, 1761. VIII p., 1230 col.; vol. XXII. Ab anno MCLXVI usque ad ann. MCCXXV. Venetiae, Apud A. Zatta, 1778. XIII p., 1250 col.; vol. XXIV. Ab anno MCCLXIX usque ad ann. MCCXCIX. Venetiae, Apud A. Zatta, 1780. VIII p., 1232 col.

40. Theiner A., ed. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabularis Vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita*. Vol. I: *Ab Honorio PP. III. usque ad Gregorium PP. XII, 1217–1409*. Roma, Typis Vaticanis, 1860. xxxii, 788 p.

Information About the Author

Timur A. Guselnikov, Postgraduate Student, Department of Medieval History, Moscow State University, Prosp. Lomonosovskiy, 27, Bld. 4, 119192 Moscow, Russian Federation, tingusel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3598-8445>

Информация об авторе

Тимур Андреевич Гусельников, аспирант кафедры истории средних веков, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119192 г. Москва, Российская Федерация, tingusel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3598-8445>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.8>

UDC 94(495).01+262.5+262.12+262.13+281
LBC 63.3(0)4

Submitted: 03.04.2023
Accepted: 06.10.2023

CANONICAL AND CHURCH ADMINISTRATIVE ASPECTS OF THE DISPUTE ABOUT THE PREROGATIVES OF THE METROPOLITANS OF NICAEA AND NICOMEDIA AT THE COUNCIL OF CHALCEDON ¹

Mikhail V. Gratsianskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* On October 30, 451, during the 4th Ecumenical Council in Chalcedon, the dispute between Metropolitan Eunomius of Nicomedia and Metropolitan Anastasius of Nicaea was considered. Eunomius believed that his rights as the metropolitan of the entire province of Bithynia, in regard to ordinations, were violated by Anastasius of Nicaea, who had deposed a number of clerics of the city of Vasilinopolis. Information about this lawsuit is taken from the published acts of the 14th session of the Chalcedon Council. *Methods.* The work is based on the application of the historical-critical method of data processing of the source text used in the original in Greek according to the standard critical edition and quoted by the author in his own translation. *Analysis.* Based on the analysis of the act material, the author restores the course, content and internal logic of the conciliar audition of the claim of Eunomius of Nicomedia. It also reveals the cause of the claim, external factors and figures that had influenced the course of the case and become the cause of its occurrence. The factors include the unsettled status of the Metropolitan of Nicaea within the province of Bithynia, the limits of his competence and jurisdiction. Similar factor is the unsettled status of the Metropolitan of Nicomedia as bishop of the provincial capital (metropolis), that lead to a conflict of jurisdictions over the Bithynian city of Vasilinopolis. Decisive is also the influence in Bithynia of the patriarchal see of Constantinople and persons who occupied it, beginning with John Chrysostos. The decision of the Ecumenical Council on this lawsuit turns out to be half-hearted: the city of Vasilinopolis and its clergy are recognized as belonging to the jurisdiction of the Metropolitan of Nicomedia, declared the first Metropolitan of Bithynia, but the question of the subordination of the Metropolitan of Nicaea, recognized as the second, remains open. This is evident from later sources, in which the Metropolitan of Nicaea is designated as an independent ruling metropolitan within the province of Bithynia, with his own district and jurisdiction. *Results.* The decision of the Ecumenical Council in Chalcedon failed to approve in Bithynia the canonical definition of the Council of Nicaea that there should be only one ruling metropolitan in the province. It is obvious that the decision of the judges was influenced by the ancient tradition of intercity rivalry between Nicaea and Nicomedia, dating back to pre-Christian times. The latter was clearly manifested in the fact that the main argument of the litigants was the recognition of the secular title of metropolis for both cities, confirmed by imperial letters. Thus, the dispute between Nicaea and Nicomedia shows that the decisions of the Ecumenical Councils were embodied in church-political and church-administrative practice in so far as they corresponded, or at least did not contradict the established tradition of socio-political relations.

Key words: ecumenical councils, Council of Chalcedon, Nicaea, Nicomedia, Bithynia, Rights of a Metropolitan, See of Constantinople, primacy of honour.

Citation. Gratsianskiy M.V. Canonical and Church Administrative Aspects of the Dispute About the Prerogatives of the Metropolitans of Nicaea and Nicomedia at the Council of Chalcedon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 81-91. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.8>

КАНОНИЧЕСКИЙ И ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ СПОРА О ПРЕРОГАТИВАХ МИТРОПОЛИТОВ НИКЕИ И НИКОМИДИИ НА ХАЛКИДОНСКОМ СОБОРЕ ¹

Михаил Вячеславович Грацианский

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* 30 октября 451 г. в ходе IV Вселенского собора в Халкидоне состоялось рассмотрение тяжбы между митрополитом Никомидийским Евномием и митрополитом Никеи Анастасием. Евномий полагал, что его права как митрополита всей провинции Вифиния, касающиеся рукоположений, были нарушены Анастасием Никейским, совершившим низложение ряда клириков города Василинополь. Сведения о данной тяжбе берутся из изданных актов 14-го деяния Халкидонского собора. *Методы.* Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источника, используемого в оригинале на греческом языке по стандартному критическому изданию и цитируемого автором в собственном переводе. *Анализ.* На основании анализа актового материала автором восстанавливается ход, содержание и внутренняя логика соборного слушания по иску Евномия Никомидийского. Вместе с этим выявляется причина иска, внешние факторы и фигуры, влиявшие на ход дела и ставшие причиной его возникновения. К факторам относится неурегулированный статус митрополита Никейского внутри провинции Вифиния, пределы его компетенции и юрисдикции. Таким же фактором является неурегулированный статус митрополита Никомидийского как епископа провинциальной столицы (митрополии), каковой приводит к конфликту юрисдикций в отношении вифинского города Василинополь. Решающим фактором также оказывается влияние в Вифинии константинопольского патриаршего престола и конкретных лиц, занимавших его, начиная с Иоанна Златоуста. Решение Вселенского собора по данной тяжбе оказывается половинчатым: город Василинополь и его клир признаются относящимися к юрисдикции митрополита Никомидийского, объявленного первым митрополитом Вифинии, однако вопрос о подчинении ему митрополита Никейского, признанного вторым, остается открытым. Это очевидно из позднейших источников, в которых митрополит Никейский обозначается как самостоятельный правящий митрополит в пределах провинции Вифиния, обладающий собственной областью и юрисдикцией. *Результаты.* Решение Вселенского собора в Халкидоне не смогло утвердить в Вифинии каноническое определение Никейского собора о наличии в провинции лишь одного правящего митрополита. Очевидно, что на решение судей повлияла древняя традиция межполисского соперничества Никеи и Никомидии, восходящая к дохристианским временам. Последнее наглядно проявилось в том, что основным аргументом тяжущихся сторон было подтвержденное императорскими грамотами признание за обоими городами светского титула митрополии. Тем самым спор между Никеей и Никомидией показывает, что решения Вселенских соборов воплощались в церковно-политической и церковно-административной практике в той части, которая в наибольшей степени отвечала или, по крайней мере, не противоречила сложившейся традиции общественно-политических отношений.

Ключевые слова: Вселенские соборы, Халкидонский собор, Никея, Никомидия, Вифиния, митрополичьи права, константинопольская кафедра, первенство чести.

Цитирование. Грацианский М. В. Канонический и церковно-административный аспекты спора о прерогативах митрополитов Никеи и Никомидии на Халкидонском соборе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 81–91. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.8>

Введение. В современной историографии признается роль IV Вселенского собора в Халкидоне как исключительно важного события для формирования церковно-административной структуры и урегулирования вопросов церковной юрисдикции посредством рассмотрения судебных исков и

определения апелляционных инстанций [17, S. 271–368]. Целый ряд норм и прецедентов, принятых и имевших место в ходе Халкидонского собора, были затем закреплены в императорском законодательстве, а в окончательной форме сформулированы при императоре Юстиниане (527–565).

Одним из весьма ярких и показательных казусов была тяжба между митрополитом Никомидии Евномием и митрополитом Никеи Анастасием, рассмотренная на соборном заседании 30 октября 451 года. Из числа связанных с нею аспектов можно выделить гражданские основания статуса митрополии, императорскую регламентацию статуса городов ², традиционные муниципальные связи в пределах городских округов, зависимость устройства церковно-административных отношений от положения города в пределах провинции, влияние столичного города в сфере церковного управления и церковного суда, влияние канонических определений. Эти и другие аспекты одновременно формировали специфику противоречий, приведших к иску митрополита Никомидии Евномия против митрополита Никеи Анастасия. Их рассмотрение является целью данного исследования ³.

Методы. Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источника, используемого в оригинале на греческом языке.

Анализ. Особенность исков на Вселенских соборах, в тех случаях, когда затрагивался вопрос о церковной юрисдикции, чинах иерархов или статусе престолов, заключается в том, что они рассматривались от имени императора. Согласно римскому праву, ходатайство об определении правомерности иска и назначении судьи (*petitio* или *postulatio iudicis*) направлялось лично императору, который в свою очередь назначал судебную инстанцию для рассмотрения дела. Данное правило обуславливалось тем, что подобный иск считался не частным, а институциональным, поскольку затрагивал сферу, целиком подлежащую императорской регламентации – вопрос о статусах. По этой причине в ходе собора императору был подан целый ряд исков, что в свою очередь сделало необходимым создание трибунала, состоящего из высших государственных чиновников, имевших поручение от императора и *vice sacra* исполнявших роль судей [14, S. 504–505, 530–531]. Епископское сообщество, составлявшее Вселенский собор, выступало при этом трибунале чем-то вроде присяжных поверенных, дающих по требованию судей каноническую оценку дела и выражающих мнение касательно правоты той или другой тяжущейся стороны.

Так же, как и другие дела, тяжба между митрополитами Никомидии и Никеи, согласно повелению императора Маркиана, была рассмотрена участниками собора в трибунале императорских чиновников. Об этом свидетельствуют слова истца, Евномия Никомидийского, который, обратившись к чиновникам, сообщил, что «благочестивейшему владыке Вселенной» (τῷ εὐσεβεστάτῳ δεσπότῃ τῆς οἰκουμένης) с его стороны было подано ходатайство о том, «чтобы канонические [права] митрополии Никомидии были охранены согласно издревле действовавшим канонам и обычаям» (τὰ κανονικὰ τῆς μητροπόλεως Νικομηδείας κατὰ τοὺς κρατήσαντας ἀρχῆθεν κανόνας καὶ ἔθη) [2, p. 57[416].44–58[417].1]. Со своей стороны, император приказал чиновникам «вместе со святым собором заслушать и вынести решение по делу» (ἅμα τῇ ἀγίᾳ συνόδῳ ἀκοῦσαι καὶ τύπον δοῦναι τῷ πράγματι) [2, p. 58[417].2–3] ⁴.

С разрешения чиновников, которые в данном случае называются «славнейшими архонтами» (ἐνδοξότατοι ἄρχοντες), ходатайство было оглашено. Адресованное императорам Валентиниану и Маркиану ходатайство было направлено «Евномием-епископом и всем клиром святой Божьей католической Церкви, [которая] в митрополии Никомидия» (παρὰ Εὐνομίου ἐπισκόπου καὶ παντὸς τοῦ κλήρου τῆς κατὰ Νικομήδειαν μητρόπολιν ἀγίας τοῦ Θεοῦ καθολικῆς ἐκκλησίας) [2, p. 58[417].8–10]. Обращаясь к императорам как к защитникам православной веры и здравых догматов против «наглости ересей» (τῶν αἰρέσεων φρυγάματα), Евномий в верноподданнических выражениях просит их «повелеть, чтобы дерзновенно причиненная нам достопочтеннейшим епископом никейцев Анастасием обида была пресечена» (κελεῦσαι κωλυθῆναι τὴν καθ' ἡμῶν παρὰ τοῦ εὐλαβεστάτου τῆς Νικαέων ἐπισκόπου Ἀναστασίου τολμηθεῖσαν ἀδικίαν) [2, p. 58[417].4–16]. Обида, причиненная Анастасием Никейским, состояла в том, что тот «в провинции вифинцев пытался мутить и вносить беспорядок в законы, действующие в церквях царские и канонические определения, похищая бывшие у нас от законов Вашего благочестия и от церковных учреждений права» (νόμους συγχέειν καὶ ταρασσεῖν ἐν τῇ Βιθυνῶν ἐπαρχίᾳ πειρᾶται τοὺς κρατήσαντας ἐν ταῖς ἐκκλησίαις βασιλικούς τε καὶ κανονικούς

τύλους, ἀρπάζων τὰ ἡμῖν παρὰ τῶν νόμων τῆς εὐσεβείας ὑμῶν καὶ παρὰ τῶν ἐκκλησιαστικῶν θεσμῶν ὑπάρξαντα δίκαια [2, р. 58[417].19–22], по каковой причине Евномий подал Вселенскому собору иск (λιβέλλους). Поскольку же слушание дела (τὰ τῆς ἀκροάσεως) собором затягивалось, Евномий обратился к императору с ходатайством о том, чтобы оно состоялось «безотлагательно» (ἀνυπερθέτως).

Чиновники обратились к Анастасию Никейскому, чтобы тот предоставил свои разъяснения. Анастасий подтвердил, что Евномий обвинял его в «новшествах» и в причинении насилия (ἐκαινοτόμησα... ἢ ἐβιασάμην). Он заявлял, что епископ Никомидийский отнял у него приходы (παροικίας) «и многое сотворил, что не в обычае [митрополиту] Никомидийскому творить в отношении меня». Он «повсюду» обращался к архиепископу (ἀρχιεπισκόπῳ) (очевидно, что Константинопольскому), умоляя последнего расследовать его «права согласно древности и канонам» (τὰ δίκαιά μου γυμνασθῆναι κατὰ τὴν ἀρχαιότητα καὶ τοὺς κανόνας) [2, р. 58[417].30–37].

На это чиновники призвали Евномия конкретно (ἰδικῶς) указать, в чем состояла обида, нанесенная ему Анастасием. Евномий разъяснил: хотя, согласно действующему обычаю (κατὰ τὸ кратῆσαν ἔθος), церкви «в провинции вифинцев» подчинены (ὑποταγμένας) ему, Анастасий отлучил его клириков в церкви города Василинополь, что «запрещено канонами» (τοῖς κανόνσιν ἀλείρηται) [2, р. 59[418].1–7]. Анастасий в ответ потребовал от Евномия «доказать» (δείξῃ) и что Василинополь находится «под ним» (ὕπ’ αὐτόν ἐστι), и что Анастасий действительно отлучил клириков. Со своей же стороны он заявил, что Василинополь всегда был «под Никеей» (ὑπὸ Νίκαιαν), ибо был «районом» (ῥεγεῶν) – главным поселением сельского округа – последней [5, р. 51]. О данном факте «известно городским советам» (ταῦτα τὰ βουλευτήρια οἶδεν). «И пусть скажет он, – добавил Анастасий, – под кем (ὑπὸ τίνα) был Василинополь, если не был районом Никей» [2, р. 59[418].8–12].

О городе Василинополе, оказавшемся в эпицентре спора о юрисдикции двух вифинских митрополий, помимо сведений изучаемых здесь соборных актов известно совсем немного. Согласно мнению У.М. Рэмзея, город был

расположен на западной оконечности озера Аскания, несмотря на то, что из слов Анастасия Никейского скорее можно заключить, что город находился существенно ближе к Никее, расположенной у восточной оконечности этого озера [21, р. 179] ⁵. Город был назван императором Юлианом в честь его матери Василины в период между 362 и 365 годами ⁶. Первый известный епископ этого города, Александр, был рукоположен Иоанном Златоустом, однако затем изгнан с престола после низложения самого Иоанна осенью 403 года. Данная информация неожиданным образом содержится в одном из писем Синесия Киренского, который кратко рассказывает об уроженце Кирены, некоем Александре, который в раннем возрасте стал монахом, а впоследствии был рукоположен в епископа «Васинополя». Поскольку города с таким именем неизвестно, делается вывод о том, что в данном случае имеется в виду вифинский Василинополь, чем объясняется приведенный Синесием факт рукоположения Александра Иоанном Златоустом [26, р. 121–122 (р. 66 [67])]. Об Александре есть сообщение и Сократа Схоластика, согласно которому с кафедры Василинополя он был переведен в город Адрианы во Фригии (οἱ Ἀδριανοὶ τῆς Φρυγίας) [25, р. 385.26–386.1 (VII.36.16)] ⁷. Это прекрасно согласуется со словами Анастасия Никейского о том, что Иоанн Златоуст «исправлял» положение церкви Василинополя, с одной стороны, и претензией константинопольского престола, высказанной столичным диаконом Аэтием, на рукоположение в Вифинии – с другой ⁸.

С учетом данных обстоятельств вполне естественным выглядит дальнейший уточняющий вопрос чиновников, заданный Анастасию: на какой правовой основе зиждется представление о том, что «святейшая Церковь Василинополя» была подчинена Никее – «согласно канонам или в силу некоего обычая (πότερον κατὰ τοὺς κανόνας ἢ ἐκ συνήθειας τινός)?» Анастасий на это подробно разъясняет, что так же, как Таттай и Дорис (Τατταῖος καὶ Δωρίς) [5, р. 52], Василинополь прежде был «под Никеей». Однако «некий царь Юлиан или не знаю, кто до него, сделал его городом и, взяв из Никей куриалов, поставил там. И с тех пор донныне господствует такой обычай: если не достанет в Василинополе куриала, то

посылается туда из Никеи, и [затем] вновь из Василинополя переводится в Никею. И прежде бывший район вновь после этого стал городом» (βασιλεύς τις Ἰουλιανὸς ἢ οὐκ οἶδα τίς πρὸ αὐτοῦ, ἐποίησεν αὐτὴν πόλιν καὶ λαβὼν ἀπὸ Νικαίας πολιτευομένους κατέστησεν ἐκεῖ καὶ τὸ ἔθνος ἀπὸ τότε ἕως νῦν τοῦτο κρατεῖ· ἐὰν λείψῃ ἐν Βασιλινουπόλει πολιτευόμενος, ἀπὸ Νικαίας πέμπεται ἐκεῖ καὶ πάλιν ἀπὸ Βασιλινουπόλεως μεθίσταται ἐν Νικαίᾳ καὶ ἡ πρότερον οὕσα ῥεγεὼν πάλιν μετὰ ταῦτα ἐγένετο πόλις) [2, р. 59[418].18–22]. Далее Анастасий излагает вытекающую из данных обстоятельств церковно-административную ситуацию. С тех самых пор, как Василинополь стал городом, епископ Никейский «не раз» (καὶ ἄλλὰ καὶ δεύτερον) рукополагал там епископа. У него имелись также письма «епископа Константинополя» Иоанна Златоуста, который приезжал в Никею и «исправлял» (διορθώσασθαι) там Церковь, как относящуюся к его ведению (ὡς αὐτῷ προσήκουσαν)⁹. Также Анастасий располагал письмами к Проклу Константинопольскому.

Таким образом, в основе аргументации Анастасия лежит исключительно административная логика, причем относящаяся к муниципальному уровню. Ссылка на то, что факт зависимости Василинополя от Никеи «известен городским советам», представляется в этом отношении весьма важной – представители курии играли ключевую роль при назначении епископа на этапе выдвижения и избрания кандидата. Создание нового города и постоянная зависимость его курии от курии «материнского города» далее является поводом для рукоположения в нем епископа при участии епископа последнего. Не вполне понятно, соблюдался ли в этом случае никейский канон, согласно которому в посвящении нового епископа должны были участвовать три других, однако хорошо известно, что местные обычаи могли быть в этом отношении весьма различными: к примеру, римского епископа посвящали не три епископа, а один – епископ Остии [18, S. 111]. Помимо этого, очевиден упор Анастасия на тот факт, что сама по себе Никея относилась к юрисдикции константинопольского архиепископа и, по-видимому, не признавала над собой юрисдикцию митрополита Никомидии – столицы провинции Вифиния. Это могло

быть вызвано и тем, что традиционно Никея и Никомидия находились в состоянии постоянного соперничества и факт их тяжбы на Халкидонском соборе является яркой иллюстрацией того, что это древнее соперничество отнюдь не ушло в прошлое¹⁰. В этой ситуации для Никеи могла выглядеть предпочтительной зависимостью в церковно-административном отношении напрямую от Константинополя, нежели от извечного соперника Никомидии, превосходившего Никею как в муниципальном статусе митрополии и первого города, так и в государственно-административном статусе столицы провинции.

Это подтверждается и общей линией заседаний Халкидонского собора, на котором разбирались дела, связанные с соперничеством митрополий и оспариванием рукоположений: во всех этих конфликтах имело место участие константинопольской кафедры, которое в каждом отдельном случае не признавалось одной из сторон конфликта решающим и, соответственно, влекло за собой апелляции и возобновление дела. Именно разбор исков по делам с участием столичной кафедры логично привел к принятию 9-го, 17-го и 28-го правил Халкидонского собора и упорядочению церковно-административных полномочий архиепископа Константинопольского.

Применительно к ситуации Никомидии и Никеи, как она представлена в споре двух митрополитов, закономерен вопрос, в какой степени функционировала (если вообще функционировала) в Вифинии система провинциального собора, главой которого номинально должен был являться митрополит Никомидийский. Для ответа на этот вопрос, пусть и гипотетического, следует взглянуть на ситуацию шире. 2-й канон II Вселенского собора в Константинополе (381 г.) вводит понятие «епископов над диоцезом» (τοὺς ὑπὲρ διοίκησιν ἐπισκόπους). Помимо ссылок на права и полномочия епископов Александрии и Антиохии, власть которых над отдельными сверхпровинциальными округами была признана еще I Вселенским собором в Никее (325 г.), канон специально указывает, что епископы асийского диоцеза (τῆς Ἀσιανῆς διοκῆσεως) «устраивают» дела последнего и то же касается епископов фракийского диоцеза (τῆς Θρακικῆς). «Епископы над диоцезами»

не имеют права преступать границы своих диоцезов для рукоположения или для иных целей. При этом в каноне оговаривается, что делами каждой епархии (провинции) управляет собор епархии (τὰ καθ' ἑκάστην ἐπαρχίαν ἢ τῆς ἐπαρχίας σύνοδος διοικήσει) [6, р. 65]. В данном случае очевидно, что канон имеет в виду диоцезы как единицы государственно-административного деления, на которые подразделялись имперские префектуры и которые сами в свою очередь делились на провинции. Между тем показательным является то, что диоцез Понт, единственный из диоцезов Восточной Римской империи, оказывается не упомянутым в этом каноне и именно частью этого диоцеза является провинция Вифиния.

К сожалению, у нас нет достаточного количества данных для того, чтобы осветить вопрос функционирования системы провинциальных соборов в диоцезе Понт вообще и в провинции Вифиния в частности в рассматриваемый период. Соответственно, у нас также нет данных о том, как митрополит Никомидии реализовывал свои права рукоположения и церковного суда в отношении епископов Вифинии. В свете анализируемых здесь данных это дает повод предположить, что система церковной власти в Вифинии была к этому времени целиком подчинена Константинополю [7, р. 461–473].

Это подтверждается и наличием у Анастасия Никейского экземпляров переписки с Константинополем, и последующей его репликой, в которой он выражал готовность показать, сколько епископов Василинополя «было рукоположено Никеей», и призывал Евномия «показать», сколько было рукоположено Никомидией. Евномий на это заметил, что Анастасий не может доказать, что сам он производил хиротонии. Анастасий ответил, что это делал его предшественник. Евномий продолжил, сказав, что если тот «сделал [такое] один раз в виде некоей узурпации» (ἄλλαξ ἐποίησεν καθ' ὑφαρπαγὴν τινα) или в силу того, что в тот момент в Никомидии не было епископа, то это, «согласно канонам», не может считаться прецедентом (πρόκριμα). Со своей стороны, Евномий был готов показать, что многие были рукоположены Никомидией, сам же Анастасий, по мнению Евномия, не сможет показать ни одного¹¹. Анастасий решил

перевести вопрос в историческую плоскость, пожелав узнать, кто первым совершил рукоположение после того, как Василинополь стал городом [2, р. 59[418].22–39]. Евномий ушел от ответа, заявив, что он со своей стороны может лишь показать, что Анастасий отлучил подчиненных ему клириков, и в доказательство привлечь свидетельство «святейшего архиепископа великого града» (τὸν ἀγιώτατον ἀρχιεπίσκοπον τῆς μεγαλόπολεως), который их принял и вернул им общение.

По сути дела, вопрос о низложенных клириках, явившийся непосредственным поводом для возникновения этой тяжбы, был наименее важным во всем комплексе проблем, которые касались церковно-административных отношений внутри Вифинии и отношений епископата этой провинции с Константинополем. На резкое возражение Анастасия, что Евномий говорит неправду, последний предложил Анастасию представить письма архиепископа, в котором тот возвращал клирикам общение, а Анастасия уличал в нарушении канонов. Сам Евномий был готов представить решение (ψηφίσματα) василинопольцев, в котором они «просили о епископе» (παρεκάλεσαν περὶ ἐπίσκοπου), однако просили о нем не «никейца» [2, р. 60[419].1–8].

Ответ Анастасия стоит привести целиком: «Прикажите мне немного пояснить. Я подал ходатайства (λιβέλλους) бывшему архиепископу, прося его пригласить господина епископа Евномия и заслушать [дело] о наших правах (διακοῦσαι μετὰξὺ τῶν δικαίων ἡμῶν). Тот дает грамоты и ко мне, и к нему, написав обоим: “Никто из вас да не вводит никаких новшеств, но придерживайтесь старины (μηδὲν καινοτομεῖτω, ἀλλὰ στοιχεῖτε τοῖς ἀρχαίοις), ибо я знаю, как мне должно чтить митрополии (πὼς ὀφείλω τὰς μητροπόλεις τιμᾶν)”. И такие грамоты есть и у меня, и у него. Получаю я, как сказал, такие грамоты, – нотариусы знают, пусть скажут и другие! – приходят клирики Василинополя поговорить со мной (ἐντυχεῖν μοι) против их епископа. Я, храня наставления архиепископа, говорю: “Я вас не принимаю. Идите к архиепископу: если он мне прикажет, я выслушаю (ἐὰν κελεύσῃ μοι, ἀκούω)”. Они же, оставив и меня, и его, приходят к святости господина Евномия. Дают ему ходатайства против собственного епископа.

Он тут же посылает, чтобы явился (πέμλει αὐτὸς εὐθὺς παριστῶν) епископ Василинополя. Епископ Василинополя прибегает ко мне» [2, р. 60[419].9–21].

Собственно, лишь на данном этапе прений раскрывается суть проблемы: клирики Василинополя, будучи недовольны своим епископом и, по-видимому, стремясь к его низложению, обращаются сначала к митрополиту Никейскому. Последний не видит оснований к тому, чтобы принять к рассмотрению их иск, и направляет их к архиепископу Константинополя: если архиепископ назначит Никейского судьей, то он сможет рассматривать дело. Вместо этого клирики направляются к митрополиту Никомидийскому, которому представляют свой иск «с просьбой о епископе». Никомидийский принимает иск и вызывает к себе епископа Василинопольского, который, по-видимому, не считает себя подлежащим юрисдикции Никомидийского и обращается за защитой к Никейскому, который в этой ситуации отлучает затеявших иск клириков.

Именно эти факты полностью раскрывают, наконец, суть имеющейся проблемы. Пределы юрисдикций митрополитов Никеи и Никомидии, как свидетельствует данная тяжба, остаются невыясненными. Епископ Никеи – города, имеющего гражданский титул митрополии, – естественно является митрополитом и как таковой претендует на рукоположение епископов зависимых городов. Как следствие, клирики Василинополя, зависящего от Никеи города, сомневаются, к кому они должны обратиться с жалобой на своего епископа. Судебные заседатели Халкидонского собора немедленно обращаются к епископам за выяснением канонической регламентации этого вопроса: кто имеет судебные полномочия в отношении епископов провинции?

Поэтому сразу после приведенной выше реплики Анастасия в актах приводится требование судей зачитать каноны. Секретарь зачитывает из поданной Евномием Никомидийским книги текст 4-го канона I Вселенского собора в Никее: «Епископу, конечно же, надлежит поставляться всеми епископами в провинции. Окажись это затруднительным или из-за настоятельной нужды, или из-за продолжительности пути, [надлежит] трем собирающимся отовсюду в одно место со-

творить рукоположение, достигнув согласия, а отсутствующим согласиться посредством грамот. Утверждение же происходящему будет принадлежать в каждой провинции епископу митрополии» [2, р. 60[419].25–29].

В данном случае обращение к канону не было решением проблемы, поскольку речь шла о споре двух лиц, обладающих титулом митрополита в силу того, что и Никомидия, и Никея в гражданском отношении являлись митрополиями [20, р. 359–365, 372–374]. Анастасий немедленно засвидетельствовал свою приверженность канону, добавив, что если бы он не был митрополитом, все это не имело бы к нему отношения (εἰ μὴ εἰμι μῆτροπολίτης, οὐκ ἔχω μέρος οὐδὲ ἐγὼ ἐκεῖ). Услышав это, судьи потребовали от Анастасия доказать, что он имеет права митрополита, в ответ на что Анастасий попросил зачитать закон, текст которого он затем передал секретарю [2, р. 60[419].30–37].

Приведем здесь перевод, напрямую относящейся к существу дела части этого закона¹²: «Императоры кесари Флавиус Валентиниан и Валент, счастливые, благочестивые Августы, вечные победители говорят никейцам. Хотя рвение наше для всех стало видным и наглядным с тех [самых] пор, как волею Всемогущего Мы приняли вершину империи и кормила государства, однако в дополнение ко всему [этому] сбережем мы в качестве начала сего счастья [то], что Ваш город, прежде наполненный и гордящийся нашим счастьем, стал всему народу причиной радости и ликования. В силу чего, поскольку встарь он был назван митрополией; и это содержится в старых законах, и, как мы законодательствуем [то же, что было и у никомидийцев]¹³, не может иметь никакого сомнения по причине того, что оно непоколебимо и твердо, а в будущем еще имеет быть умноженным» [2, р. 61[420].1–17].

По завершении чтения Евномий обратился с просьбой к судьям зачитать «закон, предоставленный после этого никомидийцам». Текст также был передан секретарю и зачитан [1, с. 82–84]: «Валентиниан, благочестивый, счастливый Август, никомидийцам радоваться! Относительно привилегий вашего города встарь существующий древний обычай будет сохранен. Ведь и прибавка чести города никейцев не сможет повредить вашему праву,

поскольку увеличится достоинство города никомидийцев, если тот [город], сущий на втором месте, прозывается именем митрополии» [2, р. 61[420].18–27].

Заслушав чтение обоих императорских эдиктов, судьи резюмировали: «Ни одна божественная грамота не рассуждает о епископстве (περὶ ἐπίσκοπῆς), но и та, и другая предоставляют честь митрополиям (τὴν τιμὴν ταῖς μητροπόλεσι παρέχει). Божественная грамота божественной кончины Валентиниана и Валента, предоставив тогда особо (ἰδικῶς) [городу] никейцев митрополичье право (τὸ μητροπολιτικὸν δίκαιον) напоминает, что у прочих городов (τῶν ἄλλων ... πόλεων) ничего не отнимается, а канон святых отцов гласит об одном митрополите в каждой из епархий (περὶ ἑνὸς μητροπολίτου καθ' ἐκάστην τῶν ἐπαρχιῶν). Что представляется (παρίσταται) святому собору в связи с этим?» Мнение собора было однозначным: «Да возобладают каноны! Канонам да воздастся должное!» (Οἱ κανόνες κρατεῖσθαι. τοῖς κανόσι τὸ ἱκανὸν γινέσθω) [2, р. 61[420].28–35].

Последовали реплики отдельных участников. Атик Никопольский, комментируя содержание озвученного 4-го никейского канона, резюмировал, что «[епископу] Никомидии, поскольку она издревле митрополия, должно (κεχρηώσθηται) рукополагать сущих под его епархией епископов (ὕπὸ τὴν ἐπαρχίαν αὐτοῦ ὄντας ἐπίσκοπους)». После возгласов согласия со стороны участников собора, с общим мнением выступили епископы Понтийского диоцеза (τῆς Ποντικῆς διοικήσεως), указав, что «каноны знают одного митрополита – старейшего (οἱ κανόνες ἕνα ἴσασι μητροπολίτην τὸν ἀρχαιότερον), и ясно, что богопочтительнейшему епископу Никомидии принадлежат хиротонии, поскольку и законоположения, как видело и Ваше великолепие, одним [только] именем митрополии почтили [город] никейцев, и предпочитается [он] прочим епископам провинции одною честью» [2, р. 62[421].1–14].

После одобрительных аккламаций слово взял константинопольский диакон Аэтий, напомнивший о необходимости учитывать верховные права «святейшего престола Константинополя» относительно рукоположений в Вифинии. Указав, что вопрос о компетенциях Константинополя будет рассмотрен своим

чередом, судьи вынесли вердикт: «Авторитет митрополита в церквях Вифинии будет иметь благоговейнейший епископ Никомидии, в то время как [епископ] Никеи, имея одну честь митрополита, наподобие прочих епископов провинции подлежит [епископу] Никомидии». Деяние завершилось репликой Евномия Никомидийского, в которой последний изъявил благодарность судьям за вынесенный справедливый приговор (τῇ δίκαιοκρίσιᾳ) и любовь (ἀγαπῶ) архиепископу Константинополя [2, р. 62[421].17–36].

Результаты. Представленные в актах реплики епископов весьма показательны. Они являются отражением общего вполне наметившегося к тому времени стремления епископата создать закрытое церковно-правовое пространство, в котором бы не действовали гражданско-административные категории права, несмотря на то, что понятие провинции (епархии) и митрополии были исключительно гражданско-административными, не имели церковной коннотации и в таком виде реципировались канонами. Понятие митрополии было шире, чем понятие административной столицы провинции: в провинции могло быть традиционно несколько митрополий, и только в одной из них имел резиденцию императорский наместник. Почти всегда такая митрополия имела статус первого по чести города провинции, но первенствующая честь города также была светской гражданской категорией, восходящей к до-константиновской эпохе. Отцы Халкидонского собора очевидным образом не спорят с этой древней традицией: наоборот 4-е правило Никейского собора, говорящее об одном митрополите в одной провинции, они прилагают к ситуации Никеи и Никомидии таким образом, что Никомидия в свете представленных Анастасием и Евномием императорских эдиктов выглядит как более старая и старшая по чести митрополия. Как следствие, полагают они, она имеет преимущество в церковных делах и Никомидийский предстоятель имеет право рукоположения епископов всей провинции.

К сожалению, нам неизвестны сведения, касающиеся церковно-политических или церковно-административных отношений между Никомидией и Никеей в период, последовавший за окончанием Вселенского собора в

Халкидоне. Единственное, что нам известно, это данные нотаций Константинопольского патриархата, отражающие состав и статус церковных кафедр городов, входивших в его состав. Эти нотации, самые ранние из которых относятся к периоду конца VI – начала VII вв., содержат сведения о том, что Никея сохранила как свою церковную независимость от Никомидии в рамках провинции Вифиния, так и контроль над кафедрами нескольких городов, располагавшихся по соседству с ней [8, р. 208, 221, 235, 254, etc.]. В качестве особой митрополии Никея продолжала непосредственно подчиняться Константинопольскому патриаршему престолу, занимая восьмое место в списке подчиненных ему митрополий непосредственно после Никомидии [8, р. 204, 216, 248 *et al.*]. Однако следует отметить, что решение Халкидонского собора в отношении принадлежности кафедры Василинополя Никомидии впоследствии неукоснительно соблюдалось: в тех же нотациях мы видим, что эта кафедра упоминается в списке епископий, подчиненных Никомидийскому митрополиту – последний раз в нотации, составленной в конце XII в. [8, р. 208, 221, 253, 277, 298, 314, 356]. Таким образом, можно сделать вывод, что спор между Никеей и Никомидией является яркой иллюстрацией того, что решения Вселенских соборов лишь отчасти воплощались в церковно-политической и церковно-административной практике, причем главным образом в той части, которая в наибольшей степени отвечала уже сложившейся традиции. В основе же этой традиции очевидно лежали многовековые устои межполюсных отношений, восходящие к дохристианским временам.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2022-1130.

The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement No. 075-15-2022-1130. Research is conducted on the basis of Sevastopol State University.

² Об этих аспектах применительно к спору Никеи и Никомидии см.: [1].

³ Краткое изложение хода и обстоятельств данного спора см.: [19, р. 74–76; 17, S. 310–312].

⁴ Все переводы текстов источников здесь и далее в данной работе выполнены мною.

⁵ Современный крупный турецкий исследователь Вели Севин разделяет это мнение, отождествляя местоположение Василинополя с современным селением Челтикчи (Çeltikçi) в округе Орхангази провинции Бурса: [24, S. 34–38]. О городе см.: [23, Sp. 99; 12, р. 164–165; 10, р. 251–252].

⁶ О ней см.: [13, р. 148 (s. v. Basilina)].

⁷ О городе см.: [5, р. 51; 4, S. 369–371]. Вплоть до IX в. всего известно шесть епископов Василинополя, имена которых фигурируют в подписях к соборным актам: [16, col. 623–626].

⁸ Следует отметить, что на соборе в Халкидоне не присутствовал епископ Василинополя Геронтий, однако он никак не проявил себя в ходе тяжбы, если судить по сохранившимся актам.

⁹ Приезду Иоанна Златоуста в Никею предшествовал визит в Никомидию, в которой Иоанн против воли народа низложил епископа и поставил нового (см.: [15, р. 177–178]).

¹⁰ Об историческом соперничестве между Никомидией и Никеей см.: [22; 11; 9; 3].

¹¹ Весьма показательна то, что Евномий нигде не заявляет, что сам Анастасий был им рукоположен или его рукоположение было им утверждено. В ситуации Евномия это было бы сильным свидетельством в пользу подчиненного положения Никейского митрополита по отношению к митрополиту Никомидийскому и власти последнего во всей провинции. Отсутствие этого свидетельства позволяет сделать осторожное предположение о том, что Никейский митрополит в это время поставлялся и утверждался независимо от Никомидийского – вероятно напрямую архиепископом Константинопольским.

¹² Анализ имеющихся переводов этого императорского эдикта, обсуждение нашего подхода к переводу его текста, полный перевод и комментарий его содержания см. в: [1, с. 76–82].

¹³ Взятый в скобки пассаж является рукописной интерполяцией (см.: [1, с. 77]).

REFERENCES

1. Gratsianskiy M.V. Spor Nikei i Nikomidii na Khalkidonskom sobore za status mitropolii: grazhdanskiy aspekt [The Dispute Between Nicaea and Nicomedia over the Status of Metropolis at the Council of Chalcedon: The Civic Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State

University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 74-89. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.7>

2. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum*. T. II. Vol. 1. Pars 3. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1935. xxx, 154 p.

3. Bekker-Nielsen T. Nicomedia and Nicaea from Hellenism to Late Antiquity: Parallel Lives or a Tale of Two Cities? Lichtenberger A., Şare Ağtirk T., Winter E., Zimmermann K., eds. *Imperial Residence and Site of Councils. The Metropolitan Region of Nicaea / Nicomedia*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2020, pp. 19-40. (Asia Minor Studien; Bd. 96).

4. Belke K. *Bithynien und Hellespont*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020. 627 p. (Tabula Imperii Byzantini; Bd. 13, Teilbd. 1).

5. Belke K. The Development of Towns in Northwestern Asia Minor During Late Antiquity. *Acta Fennica*, 2010, vol. 3, pp. 46-66.

6. Alberigo G., ed. *Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta*. Vol. 1. Turnhout, Brepols Publishers, 2006. xiv, 371 p.

7. Dagron G. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris, Presses universitaires de France, 1974. 578 p.

8. Darrouzès J. *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes*. Paris, Institut français d'études byzantines, 1981. xvi, 521 p.

9. Foss C. Nicaea and Nicomedia: The Lives of Two Rival Cities. Lichtenberger A., Şare Ağtirk T., Winter E., Zimmermann K., eds. *Imperial Residence and Site of Councils. The Metropolitan Region of Nicaea / Nicomedia*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2020, pp. 5-17. (Asia Minor Studien; Bd. 96).

10. Gonzales A. Les limites d'un territoire en Bithynie romaine. *Dialogues d'histoire ancienne*, 1997, vol. 23, no. 2, pp. 248-262.

11. Heller A. "Les bêtises des grecs". *Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (129 a.C.–235 p.C.)*. Bordeaux, De Boccard, 2006. 425 p.

12. Jones A.H.M. *Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxford, The Clarendon Press, 1971. xvii, 595 p.

13. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, 1971. xxii, 1152 p.

14. Kaser M. *Das römische Zivilprozessrecht*. 2. Aufl. München, C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1996. xxxiv, 712 p.

15. Kelly J.N.D. *Golden Mouth. The Story of John Chrysostom – Ascetic, Preacher, Bishop*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 1995. x, 310 p.

16. Le Quien M. *Oriens Christianus in quatuor patriarchatus digestus*. T. 1. Parisiis, Ex typographia regia, 1740. 1450, 1 col.

17. Leuenberger-Wenger S. *Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert*. Leiden, Boston, Brill, 2019. 617 p. (Supplements to Vigiliae Christianae; vol. 153).

18. Foerster H., ed. *Liber diurnus Romanorum pontificum*. Bern, Francke Verl., 1958. 458 p.

19. Millar F. Tyre and Berytus in the Mid-Fifth Century: Metropolitan Status and Ecclesiastical Hierarchy. *Scripta Classica Israelitica*, 2012, vol. 33, pp. 65-84.

20. Puech B. Des cités-mères aux métropoles. Follet S., ed. *L'Hellenisme d'époque romaine. Nouveaux documents, nouvelles approches (Ier s. a. C. – IIIe s. p. C.)*. Actes du Colloque international à la mémoire de Louis Robert. Paris, 7–8 juillet 2000. Paris, De Boccard, 2004, pp. 357-404.

21. Ramsay W.M. *The Historical Geography of Asia Minor*. London, John Murray, 1890. 495 p.

22. Robert L. La Titulature de Nicée et de Nicomédie: La Gloire et la haine. *Harvard Studies in Classical Philology*, 1977, vol. 81, pp. 1-39.

23. Ruge W. Basilinopolis. Wissowa G., ed. *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Half-vol. 5. Stuttgart, J.B. Metzlerischer Verlag, 1897, col. 99.

24. Sevin V. *Anadolu'nun Tarihi Coğrafyası*. Vol. 1. Ankara, Türk Tarih Kurumu, 2007. xv, 306 p.

25. Hansen G.Ch., ed. *Sokrates Kirchengeschichte*. Berlin, Akademie Verlag, 1995. lxii, 501 p.

26. Garzya A., ed. *Synesii Cyrenensis epistolae*. Romae, Typis Officinae Polygraphicae, 1979. lxxix, 331 p.

Information About the Author

Mikhail V. Gratsianskiy, Candidate of Sciences (History), PhD, Leading Researcher, Centre of Byzantine and the Black Sea Region Studies, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovsky, 27, Bld. 4, 119192 Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

Информация об авторе

Михаил Вячеславович Грацианский, кандидат исторических наук, PhD, ведущий научный сотрудник, Лаборатория по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119192 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Историко-археологическая лаборатория по комплексному изучению византийского Причерноморья, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.9>

UDC 94“04/14”:929.651

LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 15.06.2023

Accepted: 18.09.2023

PRINCESS OLGA AND CONSTANTINOPLE: WANDERING PLOTS AND CHANGEABLE INSCRIPTIONS ¹

Andrey Yu. Vinogradov

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The author proposes a new reconstruction of two episodes concerning Princess Olga in the chronicles and Prolog, which allows to clarify the overall picture of the development of the pre-Mongol legend about the baptism of Olga and her trip to Constantinople. *Analysis.* In the early chronicles, two layers of narrative about Olga’s trip to Constantinople are clearly distinguishable. The original story contained only the relationship between Olga and Emperor Ioannes Tzimiskes: the author had a good knowledge of the realities of Byzantine politics in the 960s, probably from the Byzantine chronicles. However, the story itself is too fictionalized, and its author, who inscribes Olga’s trip in 946 and her baptism in a completely different chronological frame – the turn of the 960–970s, had to work in the 1060s – early 1070s imitating stories about a wise pagan princess from an older chronicle. Probably, in the “Initial Compilation” this ‘secular’ story was ‘Christianized, but not quite harmoniously. In this form, the story of Olga’s trip and baptism was included in the “Tale of Bygone Years”, but in its recension the “unhistorical” Ioannes Tzimiskes was replaced – probably on the basis of Byzantine chronicles – by the ‘historical’ Constantine VII. However, the chronicles of the late 11th – early 12th century do not know Olga’s cross, which, according to the Prolog, stood in the 1160s in the altar of St. Sofia of Kiev. It was either a “fixation” of the historical memory of the first baptist of Rus’, or a contribution of a 12th century princess with the same name (e.g., of the daughter of Yuri Dolgorukiy and a Byzantine princess). The author of the Prolog combined excerpts from the “Tale of Bygone Years” with the story of Olga’s cross, also “historicizing” the patriarch, who became now Photios, and creating the basis for the entire further hagiographic tradition of the princess.

Key words: Princess Olga, Constantinople, “Tale of Bygone Years”, Prolog, epigraphy.

Citation. Vinogradov A. Yu. Princess Olga and Constantinople: Wandering Plots and Changeable Inscriptions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 92-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.9>

УДК 94“04/14”:929.651

ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 15.06.2023

Дата принятия статьи: 18.09.2023

КНЯГИНЯ ОЛЬГА И КОНСТАНТИНОПОЛЬ: БРОДЯЧИЕ СЮЖЕТЫ И ИЗМЕНЧИВЫЕ НАДПИСИ ¹

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается новая реконструкция двух эпизодов из рассказов о крещении княгини Ольги в летописях и Прологе, которая позволяет уточнить общую картину развития домонгольского предания о ее крещении и поездке в Царьград. В ранних летописных известиях о поездке Ольги в Константинополь ясно выделяются два слоя. Первоначальный рассказ описывал только взаимоотношения княгини и императора Иоанна Цимисхия: его автора отличает хорошее знание реалий византийской политики 960-х гг., которые он мог почерпнуть из византийских хроник. Однако сам рассказ слишком беллетризован, а его автор, вписывающий поездку Ольги в 946 г. и ее крещение в совершенно иную хронологическую рамку – рубеж 960–970-х гг., должен был работать в 1060-х – начале 1070-х гг. и имитировал истории о мудрой княгине-язычнице из более древнего летописания. Вероятно, в «Начальном своде» этот «светский» рассказ был «христианизирован», причем не вполне гармонично. В таком виде рассказ о поездке и крещении Ольги

вошел в «Повесть временных лет», однако при ее редактировании «неисторичный» Иоанн Цимисхий был заменен – вероятно, при помощи византийских хроник – на «историчного» Константина VII. Однако летописи конца XI – начала XII в. не знают креста Ольги, который, согласно Прологу, стоял в 1160-х гг. в алтаре Св. Софии Киевской. Это была либо «фиксация» исторической памяти о первой крестительнице Руси, либо вклад одноименной княгини XII в. (например, дочери Юрия Долгорукого и, вероятно, византийской принцессы). Автор Пролога соединил выдержки из летописного рассказа с упоминанием креста Ольги, а также «историзовал» патриарха, ставшего под его пером Фотием, создав таким образом основу всей дальнейшей агиографической традиции княгини.

Ключевые слова: княгиня Ольга, Константинополь, Повесть временных лет, Пролог, эпиграфика.

Цитирование. Виноградов А. Ю. Княгиня Ольга и Константинополь: бродячие сюжеты и изменчивые надписи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 92–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.9>

Введение. Сюжеты, связанные с княгиней Ольгой, женой Игоря Рюриковича и матерью Святослава Игоревича, – несомненно, одни из самых изучаемых в истории домонгольской Руси. Сравнительно небольшое количество данных древнерусских, византийских и германских источников многократно было проанализировано и проинтерпретировано множеством исследователей, предлагавших различные, порой совершенно противоположные реконструкции эпизодов ее жизни (библиографию см. в [17]).

Методы. Однако, как кажется, даже имеющиеся в нашем распоряжении тексты дают, при внимательном рассмотрении, возможность предложить новые интерпретации – не столько самих событий жизни Ольги, сколько сложения древнерусской традиции о ней. Настоящая работа будет посвящена эволюции домонгольского предания о поездке княгини в Константинополь и ее крещении там.

Анализ. 1. *Хронология поездки.* О поездке и/или крещении Ольги упоминается в древнерусских, византийских и германских источниках. Древнейшие русские летописи, списки обеих редакций «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) 1110-х гг. и новгородские летописи (Новгородская I летопись младшего извода (далее – НЛМл) и др.), восходящие к «Начальному своду» (далее – НС) 1090-х гг. (см.: [27, р. 100–111]), помещают один и тот же рассказ о поездке Ольги в Царьград и ответном посольстве императора в Киев под 6463 (955/6) г. [19, т. 1, стб. 60–63; т. 2, стб. 49–51; т. 3, с. 113–117] (в Первой выборке Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК1) и Новгородской IV летописи (далее – НIVЛ) – под 6466 (958/9) г. [19, т. 4, с. 41; т. 42, с. 37]). Уже давно было отмечено,

но, что этот рассказ оказался размещен точно посередине шестнадцатилетнего отрезка пустых лет, что ставит данную датировку под сомнение; а, кроме того, русские летописи демонстрируют разноречивость в имени императора, при котором имели место эти события (подробнее см. ниже).

В византийском трактате «О церемониях» (кн. II, гл. 15) упомянуты два приема Ольги императором Константином VII: в среду 9 сентября и в воскресенье 18 октября, – такое соединение дат в правление этого василевса имело место в 946 и 957 годах. В долгой полемике между сторонниками обеих дат ключевой на данный момент представляется аргументация двух последних работ. Б. Флюзен [26] убедительно обосновал создание основной части трактата «О церемониях», куда входит и описание визита Ольги 946–947 годов. П.В. Кузенков [11], дезавуировав последний сильный аргумент сторонников датировки визита 957 г. – мнимое присутствие на приеме детей Романа II (не родившихся, впрочем, и к этому году), показал, что визит Ольги в трактате «О церемониях» относится все же к 946 г. и близок по времени к дате визита и крещения Ольги у Иоанна Скилицы (Обозрение истории, гл. 11, параграф 6), который помещает их между двумя точно датированными событиями: заговором в пользу Стефана Лакапина (декабрь 947 г.) и смертью Берты-Евдокии (949 г.).

Последний аргумент исследователя можно развить. Скилица сообщает, что Эльга прибыла в Константинополь *τοῦ ἀνδρὸς αὐτοῦ ἀποθανόντος*, что обычно переводят во временном значении («когда умер ее муж»). Однако конструкция *gen. abs.* может иметь не только временное, но и причинное значение и переводится здесь как «потому что умер

ее муж». Действительно, точно такое же двойное, причинно-временное значение *gen. abs.* имеет и в следующем за этим известии о смерти невесты Романа II: τῆς δὲ τῷ Ῥωμανῷ νυμφευθείσης κόρης τῆς Οὐγῶνος παιδὸς ἀποθανούσης («когда/поскольку просватанная за Романа девица, дочь Угона, умерла») [28, р. 240]. В таком случае оказывается, что Ольга приехала в Константинополь не только после смерти Игоря (который, согласно летописям, умер в 945/6 г.), но как раз-таки из-за нее (очевидно, для возобновления договора между Русью и империей).

Наконец, согласно германским хроникам, восходящим к «Продолжению Регинона Прюмского», послы Ольги к германскому императору в 959 г. сообщили, что она крестилась при «императоре Романе» [9, с. 44–49]. П.В. Кузенков предложил отождествлять его с более известным Романом I (920–944), что противоречит, однако, вышеописанной хронологии событий. Поэтому скорее речь идет о Романе II (959–963), который, действительно, был коронован еще до 946 г. и в царствование которого известие о крещении Ольги попало в Германию [10, с. 154]. Интересно, что датировка крещения Ольги правлением Романа II встречается и в поздних русских Хронографах и летописях [19, т. 22.1, с. 359; т. 31, с. 39–40].

Важно отметить, что в летописном рассказе и византийских источниках речь идет об одних и тех же событиях. Трактат «О церемониях» говорит о переговорах Ольги с императором, но молчит о крещении, так как оно не было частью церемониала приема послов, тогда как Скилица упоминает политически самый значимый для византийцев результат поездки русской княгини – ее крещение. В летописном же рассказе сообщается и о крещении Ольги, и о ее переговорах с византийцами, продолжившихся в Киеве. Однако суть переговоров в самом Царьграде представлена в летописи весьма специфично, а имя ведущего их императора различается.

2. *Внутренняя хронология летописного рассказа.* Чтобы разобраться в данной проблеме, следует вначале коснуться вопроса о разделении летописного рассказа о переговорах Ольги с императором на ранний и поздний слои. А.А. Шахматов [24, с. 112–114]

и его последователи [20, с. 442] предполагали, что к раннему слою относится история крещения Ольги и двух ее бесед с патриархом, а сюжетная линия императора (сватовство и посольство в Киев) вставлены составителем НС. Противоположную позицию убедительно обосновали А.Г. Кузьмин [12, с. 334–341], Л. Мюллер [16, с. 46–47], А.А. Гиппиус [7, note 38] и С.М. Михеев [15, с. 107], которые отнесли к раннему слою сюжеты с императором, а к позднему – с патриархом. После удаления «церковных» вставок рассказ о посольстве Ольги выглядит следующим образом (по С.М. Михееву [15, с. 219]):

В лѣто 6463-е иде Олга во греки и прииде Цесарюграду. И бѣ тогда цесарь именемъ [Ц]емьскыи; они же повѣдаша цесарю приходѣ ея; и абие цесарь возва ю к собѣ; она же иде к нему, ничто же медлящи. И видѣвъ ю цесарь зѣло добру сушу лицом и смыслену въ премудрости, удививъ же ся цесарь разуму ея, и паки, бесѣдовавши, рече к неи: «Подобна еси с нами царствовати въ градѣ сем». Она же, разумѣвши, рече ко цесарю: «Азъ погана есмь; да аще мя хоцещи крестити, то крести мя самъ; аще ли сего не сотвориши, то не имамъ креститися». [И крести ю цесарь и рече ей]: «Хошу ты поняти себѣ женою». Она же рече: «Како хоцещи мя поняти, крестивъ мя сам и нарекъ мя себѣ дщерью? А въ крестиянѣх сего нѣсть закона, а ты, цесарю, самъ вѣси». И рече цесарь прѣдстоящимъ ту велможамъ своимъ: «[Переключкала] мя Олга словесы своимъ». Бѣ же она мудра словесы. Цесарь же паки [Ц]емьскыи, слышавши глаголы ея, дасть ей дары многы: злато и серебро и паволокы и съсуды разньноличныя, и абие цесарь отпусти ю, нарекъ себѣ дщерью. [Она же прииде Киеву, и присла к неи цесарь гречьскыи], глаголя сице, яко «много одарих тя, ты бо ми рекла еси тако, яко «аще възращуся в русь, и многы дары пришлю ти: челядь и воскъ и скору и вои в помощь». И отвѣщавши же Олга, и рече къ [словъ]: «Аще ты сице глаголеши от Чемьскаго цесаря, рци ему: «Тако пришедши, постоиши у мене в Почаинѣ, якоже и азъ у тебе въ Съсуду стоявши, то тогда ти дамъ». И сиа паки словеса глаголавши много, и абие отпусти приходящая послове къ царьскому граду.

На наш взгляд, один важный аргумент в этой дискуссии оказался не учтен исследователями. Речь идет о самой сюжетной основе истории со сватовством императора к Ольге, которая просит его прежде крестить ее, а после крещения указывает, что крестный отец женщины не может быть по канонам ее му-

жем. Практически всеми учеными эта история рассматривается как легендарно-фольклорная, входящая в серию рассказов о мудрости Ольги (и потому не подвергается историческому анализу). Так, недавно Д.С. Глебова [8] попыталась увидеть в этом сюжете пример *josa monachorum*, аналогичный загадке из «Беседы трех святителей»: «Внукъ рече бабѣ своей: Положи мя у себе. И рече баба: Какъ хощю положити тя, а ты мнѣ отецъ? Ответ: Баба естъ земля, а внуокъ Христос». Однако при внешнем сходстве механизма обмена репликами (причем следует учитывать возможность влияния одного текста на другой), суть сюжетов совершенно различна: загадка из «Беседы» построена на метафоре, тогда как «благый обман» Ольги – на хитрой игре по одним и тем же правилам. В основе рассказа о неудачном сватовстве императора к Ольге, как и многих аналогичных фольклорных историй, лежит мотив мудрой женщины, которая хитростью избегает того, что ей навязывается (как и требований императорских послов в конце рассказа, хотя тут ее хитрость менее обоснована, видимо, из-за выпадения эпизода с промедлением приема Ольги императором в его начале). Более того, этот рассказ продолжает тему отказа Ольги от нового брака после смерти Игоря, причем также хитростью [30, S. 788].

На первый взгляд, «фольклорный» рассказ о сватовстве императора к Ольге не просто неисторичен, а даже антиисторичен: для его автора, основывающего весь сюжет на теме брачного и духовного родства, кажется нормальным, что русской княгине может предлагать брак византийский император, у которого вообще-то должна быть супруга. Ученые обычно обходят эту проблему молчанием, либо, в крайнем случае, ограничиваются ссылкой на то, что Константин VII был женат [30, S. 788]. Исключение представляют два исследователя, предполагавшие реальность такого матримониального проекта. Ж.-П. Ариньон [1] считал, что в рассказе содержится отголосок реального сватовства, правда, предпринятого по русской инициативе, а затем переосмысленного в положительную для Руси сторону. О.М. Рапов [18, с. 158–160] предположил, что неженатым императором легенды был Роман I Лакапин, овдовевший в 937 г. и правивший до декабря 944 г., и потому предложил датировать

944 г. (хотя Игорь умер, по летописи, в 945/6 г.) визит Ольги в Константинополь и сватовство к ней василевса (которому тогда было, заметим, около 74 (!) лет и который уже выдал замуж свою внучку). Очевидно, что обе эти гипотезы не только не находят никакой опоры в источниках, но даже противоречат им.

Но означает ли отсутствие удачных истолкований данной проблемы то, что перед нами чистая фантазия древнерусского книжника, полностью игнорирующая исторические реалии? Ведь исследователи неоднократно указывали на то, что в основе сюжета данной легенды лежит не просто осведомленность в церковных канонах (понятная для русского книжника-монаха), но знакомство с реальной проблемой согласования семейного и духовного родства в царствующих семьях. Так, Ф. Батлер [25] перечислил ряд случаев применения в политических целях правил об их несовместимости. Более того, А.Ю. Карпов [10, с. 206] указал, что аналогичный скандал имел место как раз в середине X в., когда состоялся визит Ольги в Царьград: женившийся в 963 г. на вдове предыдущего императора узурпатор Никифор I Фока был обвинен в том, что стал до того восприемником ее детей (или одного из ее сыновей), так что был отлучен патриархом от причастия, вынужден созывать собор в свою защиту и договариваться с первоиерархом, как о том сообщают Лев Диакон (История 3, 9) и Иоанн Скилица (Обозрение истории 14, 2), причем это обвинение повторялось и на Западе, как свидетельствует Лиутпранд Кремонский (Посольство в Константинополь, гл. 41).

Таким образом, летописный рассказ об императоре и Ольге оказывается тесно вписан в контекст византийской политической истории середины X века. Но как согласовать это знание византийских реалий с ключевой пружиной сюжета – сватовством императора? И тут на помощь нам приходит текстология, а именно имя сватающегося императора в летописях. Если в части списков ПВЛ: Ипатьевском (И), Хлебниковском (Х), Радзивилловском (Р) и Академическом (А) в начале рассказа упоминается «Костянтинъ, сынъ Леон(т)овъ», то в других древних текстах – «Цемьский» (Лаврентьевский (Л) и Троицкий (Т) списки ПВЛ и связанный с ними Пролог) или

«Чемьский» (НЛМл и НК1, отражающие НС), причем он назван так и в конце рассказа, где в остальных списках ПВЛ имя императора опущено. Традиционно первый вариант считался оригинальным, так как он согласуется со сведениями трактата «О церемониях» о визите Ольги в Константинополь именно при Константине VII. Однако в настоящее время убедительно показано, что первоначально в тексте рассказа об Ольге стояло именно имя Иоанна Цимисхия, что отразилось в первой редакции ПВЛ и НЛМл, восходящем здесь к НС, а имя Константина было внесено позднейшим редактором ПВЛ как более «историчное» [5, с. 78–80] (вопреки [32]).

И, как оказывается, этот факт прекрасно согласуется с сюжетом летописного рассказа. Ведь именно Иоанн Цимисхий был одним из немногих византийских императоров, который правил некоторое время неженатым. Овдовев еще до восшествия на престол, он женился вторично, уже будучи императором, но только через год после восшествия на престол – в ноябре 970 г., как сообщают Лев Диакон (История 7, 9) и Иоанн Скилица (Обозрение истории 15, 8). В этом он подражал своему предшественнику Никифору Фоке, который женился – правда, уже через месяц после воцарения – для легитимации своей власти на вдове Романа II Феофано и попал, как мы видели, в скандал с духовным родством с ней. Впрочем, Иоанн, выбравший себе в супруги сестру Романа Феодору, также не избежал некоторого конфуза, ибо та еще в 959 г. была пострижена в монахини (правда, по политическим причинам, и отказывалась признавать это после смерти Романа, как уточняет Иоанн Скилица (Обозрение истории 12, 9)). Таким образом, летописный сюжет с неженатым императором тоже оказывается вполне соответствующим византийским реалиям, а именно ситуации декабря 969 – октября 970 г. (что не говорит, конечно, об историчности самого сватовства).

Следовательно, создатель летописного рассказа о поездке Ольги в Константинополь относил ее к началу правления Иоанна Цимисхия (969–970 гг.), и его имя было в нем изначально, а не включено туда вторично, тем более, что в рассказе о войнах с ним Святослава оно не упоминалось (текст их договора был включен в летопись только редактором ПВЛ) [5,

с. 80], – и это показывает их принадлежность к разным слоям летописания. Связь сюжета о сватовстве с именем Иоанна Цимисхия (первичным для летописи) говорит о том, что именно он (а не сюжет с патриархом) и составлял основу оригинального летописного рассказа об Ольге и Константинополе. Совпадение же изначальной внутренней даты рассказа и года известия о смерти Ольги в летописи (6477 = 969 г.) говорит не о незнании автором рассказа точной хронологии византийских императоров, а о том, что тот возник еще до создания погодной сетки в русском летописании, то есть до появления там даты смерти Ольги. Но в любом случае вся константинопольская история Ольги, механически помещенная в НС и ПВЛ посередине шестнадцатилетнего отрезка пустых лет, оказывается хронологически теснее связана с рассказом о Святославе. Более того, отказ княгини в военной помощи Иоанну Цимисхию оказывается в раннем слое летописи прологом к последующим войнам Руси с империей в Болгарии. Впрочем, воцарение Цимисхия точно совпадает с летописной датировкой смерти Ольги, которая должна была подтверждать предыдущий договор, и нельзя исключать, что был еще один конфликт с возобновлением договора – между Святославом и Цимисхием, слившийся в сказании с подтверждением договора Ольгой.

3. *Ольгин крест*. Проложное сказание о св. Ольге, как убедительно показал недавно А.М. Введенский [4], датируется 1160-ми гг. и основано преимущественно на летописном «своде Андрея Боголюбского», вплоть до прямого его цитирования. Из новаций в начале оно содержит не слишком удачную вставку о княжении Святослава и риторическую похвалу мудрости Ольги, а в конце – расширенный, но также противоречивый рассказ о смерти и погребении княгини, включая ее последующее перезахоронение. Еще одна новация помещена в сцену возвращения Ольги из Константинополя: она получает там пресвитера и крест с надписью, который привозит в Киев и который, по словам автора проложного сказания, стоит в алтаре Св. Софии Киевской.

Важно отметить, что автор сказания действует здесь довольно нестандартно. Обычно авторы проложных статей добавляют к летописной основе энкомиастический материал

(как выше в сказании об Ольге или в сказании о Владимире, где в конце добавлены похвалы князю, находящие параллель в «Слове о законе и благодати»). На первый взгляд, последний текст мог быть источником и для рассказа о кресте Ольги: «Ты ж с бабою твоею Ольгою принесыши крестъ от новаго Иерусалима, Константина града, и сего по всей земли своею поставивша» ([3, с. 48]; см. также [4]). Однако здесь автор Пролога, в отличие от Илариона и подобно летописцу (см. ниже), упоминает не абстрактный крест (стоящий по всей русской земле), но артефакт, который доказывает подлинность описываемых им событий и наличие которого может проверить любой желающий, равно как и прочесть приведенную только тут надпись. Видимо, именно этот артефакт и надпись на нем, наряду с текстом Илариона, и породили рассказ Пролога о получении княгиней креста в Царьграде. Точно так же ниже его автор добавляет к известию ПВЛ о нетленном теле Ольги упоминание о ее деревянной раке в Десятинной церкви (в «Похвале Ольги» это уже каменный саркофаг, возможно, более поздний) (см.: [17, с. 638–639]). Поэтому над загадкой «Ольгиного креста» следует задуматься серьезнее, чем над обычной выдумкой агиографа, и, разобрав возможные ответы, выбрать правильный.

Важно также, что данный пассаж содержит и восточнославянская (по всей видимости, оригинальная, под 11 июля), и южнославянская (сокращенная, под 11 июня) редакции сказания [14, с. 146–154]. Приведем их текст по изданию О.В. Лосевой [14, с. 152] (см. рисунок).

Между двумя редакциями есть несколько различий. Уже давно отмечалось, что в пользу вторичности южнославянской редакции го-

ворит вставка фразы между словами «крест» и «иже». К этому можно добавить, что в ней отсутствует упоминание пресвитера, которое, на самом деле, происходит из летописи [19, т. 1, с. 68; т. 2, с. 56; т. 3, с. 120], то есть скорее первично. Оригинальность других различий оценить сложно: крест Ольги мог находиться как справа в центральном алтаре Св. Софии Киевской, так и в одном из двух ее правых (то есть южных) алтарей, а добавление в надписи на кресте упоминания о матери Святослава вполне возможно, если крест действительно был привезен Ольгой из Константинополя: согласно трактату «О церемониях» (II, 15), ее принимали там именно как представительницу своего сына-князя.

Однако самое сложное различие содержится в тексте надписи на кресте: согласно южнославянской версии, крест был обновлен Ольгой, тогда как, согласно восточнославянской, Русская земля – крестом, полученным Ольгой. Хотя в обоих вариантах сама эпитафическая формула не характерна для надписей на древнерусских крестах, как металлических ², так и каменных ³, крест в последних выступает все же чаще объектом действия, выраженного глаголами «положить» или «поставить», в том числе и в пассиве (на крестах Святослава и чернеца Семеона), а не его субъектом (только на Суздальском и Нерльском крестах Андрея Боголюбского, где содержится, однако, цитата из «Похвалы Кресту» и где крест все равно не производит никакого действия и, тем паче, обновления). Кроме того, в древнерусской письменности глагол «обновити(ся)» применяется к таким объектам, как земля или страна, только в контексте действий Бога и означает реальное

Житие 11 июля (по Лесновскому Прологу, л. 243)	Житие 11 июля (по Прологу ГИМ Усп. № 3 перг., л. 183г—184а)
споби са ст҃аго кр҃щенна. ѿ патр҃арха. и приемши ѿного (в других списках: ѿ него) кр҃тъ.	и приѣмши ѿ патр҃арха кр҃тъ и про- звитера.
прииде въ своѧ землѧ.	приде въ своѧ землю.
иже и нѣгъ стоить въ Къневѣ. въ ст҃ви Софин. въ вѣтари деснѧа странѧ.	и тѣ кр҃тъ и донѧнѣ стоить въ ст҃ви Софин. во олтари на деснои странѣ.
имѣвѧ писменне. обновисѧ в Роушѣтѣви земли кр҃тъ ѿ Ѡльги бл҃говѣрнѧа кня- гѧина. мѣре Ст҃гославѧа.	имѣвѧ писмена сице. обновисѧ Рѣсѣскаѧ земле ст҃вѧмъ кр҃тѧмъ. ижеже приидѧ Олга бл҃говѣрнѧа княгини.

Рассказ о кресте в южнославянской и восточнославянской редакциях проложного сказания о св. Ольге
The story of the cross in the South Slavic and East Slavic editions of the prologue legend about St. Olga

(а не духовное) возобновление, тогда как люди могут «обновить» лишь рукотворные объекты, причем это «обновление» чаще всего связано с литургическим чином освящения храма ⁴.

Однако очевидно, что если описанный в Прологе крест действительно был привезен Ольгой, матерью Святослава, то надпись на нем могла быть лишь на греческом языке. А между тем, в контексте византийской эпиграфики глагол «обновить» (ἀνακαινίζω, ἀνανεώω) применяется также лишь к постройкам или церковным объектам ⁵. Более того, именно такая формула («обновися крест») известна в надписи 1066/7 г. на бронзовом кресте из Северного Зеленчукского храма в Нижнем Архызе [21], митрополии Алании:

Ανε-
κενή(σ)-
θη ὁ
τήμ(ι)-
ος στα-
βρό(ς)
πα-
ρά τοῦ
θεο-
φη-
λεσ-
τατ-
ου μο(να)χ(οῦ)
Θ(ω)μ(ᾶ) πρ(εσ)βυτέρου)
ἔτους ἀ(πὸ κτίσεως κόσμου?)
.ςφ-
οε',
ivδ(ικτιῶνος) ε'.

«Обновлен честной крест боголюбивейшим монахом Фомой пресвитером в год сотворения мира (?) 6575, в 5-й индикт».

Впрочем, здесь встает еще один вопрос – о значении глаголов «обновить» и ἀνακαινίζω. Последний в византийской эпиграфике может обозначать как возобновление объекта, так и – из-за схожести с глаголом ἐγκαίνισμα – его освящение ⁶. Так, в надписи на кресте из Нижнего Архыза глагол ἀνεκαινίσθη может указывать и на его освящение, и на его возобновление: процессионный бронзовый крест с отломанной ручкой был прикреплен при помощи гвоздей к стене нартекса храма ⁷. В древнерусском летописании глагол «обновить» применяется только к возобновлению зданий [19, т. 1, стб. 42–43, 411; т. 2, стб. 32, 674, 788, 845; т. 3, с. 23], однако в переводных текстах он имеет

и значение «освящать» (см.: [23, с. 512–513]). Поэтому невозможно решить однозначно, о чем шла речь на кресте Ольги: об его освящении или о его возобновлении (если это был более ранний крест или реликварий).

Итак, если оригинальна южнославянская версия надписи на кресте, а ее текст действительно был греческим, то его можно было бы легко и почти буквально (в отличие от восточнославянской версии) восстановить как две додекасиллабические строки (или три – с добавлением о «матери Святослава», см. выше), хотя, конечно, чисто гипотетически:

Ἀνεκαινίσθη ὁ σταυρὸς ἐν γῆ Ῥώσων,
παρὰ Ἑλγας (resp. Ὀλγας) τῆς εὐσεβοῦς
ἀρχοντίσσης (καὶ τῆς μητρὸς τοῦ ἀρχοντος
Σφενδοσθλάβου).

Формально текст надписи не противоречит никаким реалиям середины X в., и «крест Ольги» выглядит как крест-реликварий, какие часто привозились из Константинополя в «варварские» страны. Однако удивляет полное молчание о столь значимом для Руси объекте у киевских летописцев XI–XII вв. (авторов ПВЛ и НС). С одной стороны, они упоминают напутствие и награждение Ольги как императором, так и патриархом (где логично было бы упомянуть и данный ей крест), а с другой – охотно вводят ссылки на подтверждающие древность их рассказа известные всем артефакты (см.: [31]), причем как в отношении Ольги (ср. упоминание о ее санях и селе [19, т. 1, стб. 60; т. 2, стб. 48–49; т. 3, с. 113]), так и касательно крещения Руси (ср. отсылки к «корсунским трофеям» в Десятиной церкви и к построенной Владимиром церкви св. Иоанна Предтечи в Корсуни [19, т. 1, стб. 116; т. 2, стб. 101; т. 3, с. 155–156]). Эти обстоятельства говорят скорее в пользу появления «Ольгиного креста» после составления ПВЛ с ее подробнейшим рассказом о княгине (в «Похвале Ольги» последний появился под ее влиянием).

Однако и в случае более позднего происхождения «Ольгиного креста» возможны два варианта реконструкции событий. С одной стороны, это мог быть памятный знак первой крестительницы Руси (в пользу этого говорит отчасти и именование княгини в надписи ее привычным языческим, а не более редко употреблявшимся христианским именем). Тогда греческий текст надписи должен был создать

ощущение аутентичности креста, хотя для XII в. вполне представима себе и славянская имитация византийской надписи. Впрочем, и в таком случае получается, что некое предание о кресте, полученном Ольгой, существовало еще до составления проложного сказания в 1160-е гг. (например, на основе вышеприведенного пассажа из «Слова о законе и благодати»).

С другой стороны, за крест древней Ольги владимиристо-суздальский автор мог принять крест, вложенный в Св. Софию Киевскую другой княгиней с этим именем. Таковой могла быть, например, Ольга, дочь Юрия Владимировича Долгорукого, скорее от второго брака, вероятно, с византийской принцессой: она, к тому же, по одному из предположений, была в крещении Еленой [13, с. 150, примеч. 124] (а также сестрой Андрея Боголюбского, вероятного заказчика Пролога). Она оказалась в Южной Руси не позднее 1150 г., когда уже была женой Ярослава Осмомысла. Уподобляясь своей древней тезке, она вполне могла вложить крест в Св. Софию Киевскую, особенно в тот момент, когда киевским князем был ее отец (1149–1151, 1155–1157 гг.). Учитывая же ее вероятное византийское происхождение, вполне можно допустить, что это был привезенный из Константинополя крест с греческой надписью, прославлявшей заказчицу.

Итак, хотя «Ольгин крест», по всей видимости, действительно существовал в Св. Софии Киевской в 1160-е гг.⁸, вряд ли он был артефактом середины X в., – намного вероятней, что он возник уже в 1120–1150-х гг., либо как вклад одной из княгинь с именем Ольга, либо как прием «историзма» в сложившемся наконец нарративе о крещении Руси. В этом смысле параллель ему составляет загадочное «блюдо Ольги» в Св. Софии Константинопольской, которое видел Антоний Новгородец в 1202 г. и которое аналогичным образом связывалось с поездкой этой княгини в Царьград, причем тоже с элементом легендарности («когда взяла дань, ходивши ко Царюграду») [29, S. 232, 234].

Заключение. Итак, мы предложили реконструкцию двух эпизодов из рассказов о крещении княгини Ольги в летописях и Прологе, где-то подтвердив гипотезы наших предшественников, а где-то предложив новые.

Однако эта реконструкция позволяет уточнить и общую картину развития домонгольского предания о крещении Ольги и ее поездке в Царьград.

В самом раннем русском рассказе о поездке Ольги, содержащемся в восходящих к НС летописях и ПВЛ, ясно выделяются два слоя. Первоначальное сказание описывало поездку Ольги в Константинополь при Иоанне Цимисхии, сватовство императора, ответную просьбу Ольги о крещении им самим, вторичное предложение императора, отказ Ольги со ссылкой на каноны, признание императором ума княгини и прощание с ней, возвращение Ольги в Киев и ответное посольство императора. С одной стороны, автора этого сказания отличает хорошее знание реалий византийской политики 960-х гг. и, вероятно, сложностей при возобновлении русско-византийского договора после начала регентства Ольги (а, возможно, и после воцарения Иоанна I). Первые он мог почерпнуть из византийских хроник, как оригинальных, так и переводных: так, «поздний» брак Иоанна Цимисхия упоминается в славянском переводе продолжения «Хроники» Симеона Логофета [22, с. 152]. С другой стороны, эта поездка Ольги в Константинополь, описанная в трактате «О церемониях», происходила не при Цимисхии, но при Константине VII (по всей вероятности, в 946 г.), а сам рассказ слишком беллетризован, причем в невыигрышном для греков духе (возможно, он был вдохновлен каким-то неудачным византийско-русским матримониальным проектом середины XI в.). Таким образом, автор первоначального сказания о посольстве Ольги вставляет реальные факты (поездку Ольги в 946 г. и ее крещение), видимо, сохранявшиеся в исторической памяти Руси, в совершенно иную хронологическую рамку – рубеж 960–970-х годов. Если, по А.А. Шахматову, такое сказание принадлежало «Древнейшему своду» [24, с. 112–114], то, согласно последним исследованиям, оно должно было возникнуть в 1060-х – начале 1070-х гг. (в «Своде Никона» 1072 г., по С.М. Михееву [15, с. 107], или в «Своде 1060-х гг.», по А.А. Гиппиусу [6, с. 54, 62]), когда с момента описываемых в нем событий прошел уже век или даже более. В таком случае этот рассказ

о хитрости Ольги имитировал истории о мудрой княгине-язычнице из более древнего слоя летописания.

Вероятно, на этапе создания НС сказание, светское и беллетристическое по своему характеру, было «христианизировано» путем введения линии патриарха и его поучений, а также сравнений Ольги с героями Священного Писания. Соединение двух сюжетных линий оказалось не вполне гармоничным – так появились две сцены отъезда Ольги из Царьграда, сама история оказалась перенесена на 955 г., а уже не понятная редактору НС «внутренняя» дата посольства Ольги в древнейшем рассказе совпала с годом ее кончины в новосозданной погодной сетке. В таком виде рассказ о поездке и крещении Ольги вошел в ПВЛ. Однако при ее редактировании, отраженном семьями ИХ и РА, «неисторичный» Иоанн Цимисхий был заменен – вероятно, при помощи византийских хроник (ср. выше) – на «историчного» Константина VII, при котором Ольга на самом деле посещала Царьград и который действительно правил в 955 году.

Однако ни НС, ни ПВЛ не знают креста Ольги, стоявшего в 1160-х гг. в алтаре Св. Софии Киевской. Данный артефакт, на который ссылается, как на вещественное доказательство, автор сказания об Ольге в Прологе, возник, скорее всего, в 1120–1150-х годах. Это была, скорее всего, либо «фиксация» исторической памяти о первой крестительнице Руси, либо вклад одноименной княгини XII в. (например, дочери Юрия Долгорукого и, вероятно, византийской принцессы), уподоблявшей себя древней Ольге или даже возобновлявшей некий древний крест. Автор Пролога соединил выдержки из летописного рассказа с упоминанием креста Ольги, а также «историзовал» теперь и патриарха, ставшего под его пером Фотием, и создал таким образом не только новый нарратив о получении ею креста в Константинополе, но и основу всей дальнейшей агиографической традиции княгини.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю за ценные советы и замечания А.М. Введенского, Т.Л. Вилкул, А.А. Гиппиуса, Д.В. Каштанова, А.Ф. Литвину, П.В. Лукина, С.М. Михеева, П.С. Стефановича и Ф.Б. Успенского.

ACKNOWLEDGMENTS

I thank A.M. Vvedensky, T.L. Vilkul, A.A. Gippius, D.V. Kashtanov, A.F. Litvina, P.V. Lukin, S.M. Mikheev, P.S. Stefanovich and F.B. Uspensky for their valuable advice and comments.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и АНФ в рамках научного проекта № 21-59-14005 «Хождения и эпиграфика: паломнические надписи, географическая мобильность и благочестие между Византией и Русью (V–XV века)».

This study was carried out within the framework of the research project “Epigraphies of Pious Travel: Pilgrims’ Inscriptions, Movement, and Devotion between Byzantium and Rus’ in the 5th – 15th Centuries C.E.” funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR no. 21-59-14005 АНФ_a).

² Крест св. Евфросинии Полоцкой (1161): «Въ лѣ[то] 6000 и 669 **покладаетъ** Офросинья чьстьныи кр(е)сть въ монастыри своемъ въ ц(е)ркви С(вя)т(о)го Сп(а)са. Чьстьное дрѣво бесцѣнно есть, а кованье его золото, и серебро, и камѣнье, и жьнчигъ въ 100 гривнѣ, а др[ѣво] 40 гривнѣ. Да нѣ изнесѣться из монастыря никогда же, яко ни продати, ни отдати, аще се кто прѣслоушаеть, изнесѣть и от монастыря, да не боуди емоу помощникъ чьстьныи кр(е)сть ни въ сѣ вѣкъ, ни въ боудшии, и да боудеть проклять С(вя)тоу Животворящю Троицею и с(вя)тыми отци 300 и 18 семью съборъ с(вя)тыхъ от(е)ць и боуди емоу часть съ Иудюю, иже прѣда Х(ри)с(т)а. Кто же дрѣзнетъ сътвори с[ие], властелинь или князь, или пискоупъ, или игоумѣнья, или инъ который любо ч(е)л(о)в(е)къ, а боуди емоу клятва си. Офросинья же раба Х(ри)с(то)ва, сътяжавъши кр(е)сть сии, приметъ вѣчнуу жизнь съ всѣ[м]и с[вятыми]. Г(оспод)и, помози рабоу своему Лазору, нареченому Богъши, съдѣлавшему крѣсть сии цркви С(вя)таго Спаса и Офросиньи».

Хильдесхаймский крест: «Господи помози рабоу Своему Или(и) стяжавъшему хрѣсть сии въ сии векъ и въ боудоушие. Част(ь)не непрестанне людго(щ)онамъ помощниче всемъ хрѣстьяномъ аминь».

³ Их сводка была любезно предоставлена нам С.М. Михеевым.

Воймерицкий: Богоулавоу и Лазареви братья и мати Мирослава **поставили** крест Славоне делале.

Стерженский (1131): В лето 6641 месяца июля 14 день почяхъ рыти реку сю язъ Иванко Павловиць и крѣсть съ **поставихъ**.

Нерльский и Суздальский: Крест съхранникъ всѣи вселенныи, крестъ церкви божиеи украшение, крест царямъ держава, крест върнымъ утвържение, крест ангеламъ слава, крест дъмьнамъ прогонитель.

Святославов (1224): Въ лето 6732 мсца июня въ 30 днь на память стго Ио(анна) воиника **поставлен** крсть сей Стославъмъ Всеволодичемъ аминь.

Чернеца Семеона (1250): Господи спаси и помилуй раба своего Симеона грешного чернеца Оркажа монастыря. Аминь. **Поставлен** святыи крест в лето 6758 месяца августа в 15 день на память святая Богородица Успение Владычица.

Воротишин: Воротишинъ хръсть. Ги помози рабю своему Съмьнюю.

Комляты: Крест **поставихъ** Комлята г... по матери.

⁴ См.: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&ct=&mydocsize=&mode=old_rus&lang=ru&sort=i_grtagging&noaccent=1&docurl=alexandria.xml%7Cvolhynian.xml%7Ckirik%2Fkirik_voproshanie.xml%7Cgalician.xml%7Cavraamij.xml%7Candrey.xml%7Cleontij.xml%7Cusp_sb%2Ffeodosiy.xml%7Cizbornik.xml%7Cflavius.xml%7Ckiev.xml%7Cmonomax%2Fmonomax_molitva.xml%7Cnovgorod_first.xml%7Cgvnp%7Cpvl.xml%7Cturovskij_bespechnyj.xml%7Cakyr.xml%7Cmonomax%2Fmonomax_pouchenie.xml%7Cilia.xml%7Cserapion.xml%7Cturovskij_chud%7Cmelissa.xml%7Czhidovin.xml%7Cruspravda.xml%7Csof%7Cusp_sb%2Fboris-gleb-zhitiye.xml%7Cturovskij_chernoriz.xml%7Czatochenik.xml%7Cspi.xml%7Cstudite.xml%7Csuzdal.xml%7Ckirik%2Fkirik_chisla.xml%7Cantony.xml%7Cdaniel.xml%7Cusp_sb%2Froman-davidchudesaxml%7Cnikola.xml&text=lexgramm&f=fi&parent1=0&level1=0&lex1=обновити&gramm1=&meaning1=&flags1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lex2=&gramm2=&meaning2=&flags2=

⁵ См.: <https://epigraphy.packhum.org/search?pat=авекав>; <https://epigraphy.packhum.org/search?pat=авакав>

⁶ См.: <https://epigraphy.packhum.org/search?pat=ευκαβ>

⁷ Строительная надпись другого аланского храма – Сентинского, начинается с пары ἐνεκεν[ισ]-θ(η), ἐνεώσ[θ](η) («освящен, возобновлен») [2, с. 68].

⁸ С этим крестом пытались отождествлять крест-реликварий, вывезенный из Киева в начале XV в. в монастырь доминиканцев в Люблине и похищенный оттуда в 1991 г., однако к моменту исчезновения это был реликварий XVII века.

REFERENCES

1. Arinon Zh.-P. Mezhdunarodnye otnosheniya Kievskoy Rusi v seredine X v. i kreshchenie knyagini Olgi [International Relations of Kievan Rus in the Middle of the 10th Century and the Baptism of Princess Olga]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1980, vol. 41, pp. 113-124.

2. Beletskii D.V., Vinogradov A.Iu. *Istoriya i iskusstvo khristianskoy Alanii* [The History and Art of Christian Alania]. Moscow, Taus Publ., 2019. 392 p.

3. Likhachev D.S., ed. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Old Rus’], vol. 1. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997. 543 p.

4. Vvedenskiy A.M. Ob istochnike prolozhnogo zhitiya knyagini Olgi [On the Source of the Literary Life of Princess Olga]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekovye*, 2016, vol. 28, pp. 44-48.

5. Vvedenskiy A.M. *Syuzhety o khristianizatsii Rusi v Povesti vremennykh let i v sostave Prologa: dis. ... kand. filol. nauk* [Plots About the Christianization of Rus’ in the Tale of Bygone Years and in Prologue. Cand. phil. sc. diss.]. Moscow, 2023. 194 p.

6. Gippius A.A. Do i posle Nachalnogo svoda: rannaya letopisnaya istoriya Rusi kak obekt tekstologicheskoy rekonstruktsii [Before and After the Initial Code: The Early Chronicle History of Rus’ as an Object of Textual Reconstruction]. Makarov N.A., ed. *Rus v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama* [Rus in the 9th and 10th Centuries: An Archaeological Panorama]. Moscow; Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2012, pp. 37-63.

7. Gippius A.A. Rekosha drouzhina Iгореvi...: K lingvotekstologicheskoy stratifikatsii Nachalnoy letopisi [On the Linguotextological Stratification of the Primary Chronicle]. *Russian Linguistics*, 2001, vol. 25, pp. 147-181.

8. Glebova D.S. Zagadka kak narrativnyi priem v «Povesti vremennykh let»: Khazarская дан и византийский визит княгини Ольги [The Riddle as a Narrative Device in the “Tale of Bygone Years”: The Khazar Tribute and the Visit of Princess Olga to Byzantium]. *Colloquia Russica. Series I. Vol. 7. Rus’ and the World of the Nomads (The Second Half of 9th – 16th c.)*. Krakow, Nowa Strona Publ., 2017, pp. 55-62.

9. Nazarenko A.V., ed. *Zapadnoevropeiskie istochniki*. Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010. 512 p.

10. Karpov A. *Knyaginya Olga* [The Princess Olga]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 374 p.

11. Kuzenkov P.V. Data vizita knyagini Olgi v Konstantinopol v svete novykh dannykh: 946 g. [Date of Princess Olga’s Visit to Constantinople in the Light of New Data: 946]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 2020, vol. 104, pp. 127-149.

12. Kuzmin A.G. *Nachalnye etapy russkogo letopisaniya* [Initial Stages of the Russian Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 394 p.
13. Litvina A.F., Uspenskiy F.B. *Vybor imeni u russkikh knyazey v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz prizmu antroponimiki* [The Choice of the Name of Russian Princes in the 10th – 16th Centuries: Dynastic History Through the Prism of Anthroponymy]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 740 p.
14. Loseva O.V. *Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh prologov XII – pervoy treti XV vekov* [The Lives of Russian Saints as Part of the Old Russian Synaxaria of the 12th – The First Third of the 15th Century]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009. 472 p.
15. Mikheev S.M. *Kto pisal «Povest vremennykh let»?* [Who Wrote the “Tale of Bygone Years?”]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 279 p.
16. Miuller L. *Ponyat Rossiyu: istoriko-kulturnye issledovaniya* [To Understand Russia: Historical and Cultural Studies]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 432 p.
17. Nazarenko A.V., eds. Olga, sv. ravnoap. [Olga, St., Equal-to-the-Apostles]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], 2018, vol. 52, pp. 636-655.
18. Likhachev D.S., Adrianovoi-Peretts V.S., eds. *Povest vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. 667 p.
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Moscow, IARK Publ., 1997. 496 p.; Vol. 2. Moscow, IARK Publ., 1998. 648 p.; Vol. 3. Moscow, IARK Publ., 2000. 720 p.; Vol. 4. Moscow, IARK Publ., 2000. 728 p.; Vol. 22.1. Saint Petersburg, Tip. Aleksandrova, 1911. 580 p.; Vol. 31. Moscow, Nauka Publ., 1968. 263 p.; Vol. 42. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 221 p.
20. Rapov O.M. *Russkaya tserkov v IX – pervoy treti XII veka. Prinyatie khristianstva* [The Russian Church in the 9th – The First Third of the 12th Century. Acceptance of Christianity]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 1998. 443 p.
21. Skrzhinskaya E.Ch. Grecheskaya nadpis iz srednevekovoy Alanii (Severnnyy Kavkaz) [Greek Inscription from Medieval Alania (North Caucasus)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1961, vol. 21, pp. 119-126.
22. «Simeona metafrasta i logotheta spisanie mira ot bytiia i letovnik sobran ot razlichnykh letopisets»: *Slavyanskiy perevod khroniki Simeona Logofeta s dopolneniyami* [Slavonic Translation of the Chronicle of Simeon the Logothete with Additions]. Saint Petersburg, s.n., 1905. XVI, 641 p.
23. *Slovar russkogo yazyka XI–XIV vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 14th Centuries]. Vol. 5. Moscow, s.n., 2002. 647 p.
24. Shakhmatov A.A. *Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh* [Researches on the Oldest Russian Chronical Codes]. Saint Petersburg, Tip. Aleksandrova, 1908. XX, 687 p.
25. Butler F. Ol’ga’s Conversion and the Construction of Chronicle Narrative. *Russian Review*, 2008, vol. 67.2, pp. 230-242.
26. Flusin B. Remarques sur la date de rédaction du De cerimoniis. Caseau B., Prigent V., Sopracasa A., eds. *Ou dōron eimi tas graphas blepōn noei: mélanges Jean-Claude Cheynet*. Paris, Editions E. de Boccard, 2017, pp. 151-168. (Travaux et memoires; 21.1).
27. Guimon T. *Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective*. Leiden, Brill, 2021. XV, 477 p.
28. Thurn I., ed. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*. Berlin; New York, DeGruyter, 1973. LVI, 580 p.
29. Jouravel A. *Die Kniga Palomnik des Antonij von Novgorod*. Wiesbaden, Reichert, 2019. XV, 399 p. (Imagines Medii Aevi; 476).
30. Müller L. Die Erzählung der “Nestorchronik” über die Taufe Ol’gas im Jahre 954/955. *Zeitschrift für Slawistik*, 1988, vol. 33/6, pp. 785-796.
31. Oring E. Legendry and the Rhetoric of Truth. *Journal of American Folklore*, 2008, vol. 121 (480), pp. 127-166.
32. Vilkul T. Two Emperors of the Princess Olga’s Visit to Constantinople: Constantine VII Porphyrogenitos versus John Tzimiskes in the Copies of the Rus’ Primary Chronicle. Torres Prieto S., Franklin A., eds. *Medieval Rus’ and Early Modern Russia: Texts and Contexts*. New York, Routledge, 2023, pp. 88-102.

Information About the Author

Andrey Yu. Vinogradov, Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Centre for Medieval Studies, HSE University, Staraya Basmannaya St, 21/4, Bld. 3, 105066 Moscow, Russian Federation, auginogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий Лабораторией медиевистических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3, 105066 г. Москва, Российская Федерация, auginogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.10>

UDC 25(37)

Submitted: 04.05.2023

LBC 86.313.3-574

Accepted: 06.10.2023

**FIVE ANASTASIAE AND TWO FEBRONIAE:
A GUIDED TOUR IN THE MAZE OF ANASTASIA LEGENDS ***

Part Two. The Roman Dossier. II. Anastasia Between Bassilla and Petronilla **

Basil Lourié

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The present article is a part of the study of the hagiographical dossier of St Anastasia, where the authors focus on three major problems: 1) the earliest Roman legends containing the name of Anastasia and other names occurring in her dossier; 2) the cult of the historical martyr in Sirmium that was lately transformed into the cult of St Anastasia; and 3) the place of the Anastasia church in the pre-Byzantine stationary liturgy in Rome. The latter point involves a study of the original place, in the fifth-century stationary liturgy of Rome, of the basilica Santa Maria Maggiore.

Key words: hagiography, St Anastasia, Christmas, Epiphany, pre-Byzantine Rome, Anastasia Church in Rome, Santa Maria Maggiore.

Citation. Lourié B. Five Anastasiae and Two Febroniae: A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends. Part Two. The Roman Dossier. II. Anastasia Between Bassilla and Petronilla. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 104-150. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.10>

УДК 25(37)

Дата поступления статьи: 04.05.2023

ББК 86.313.3-574

Дата принятия статьи: 06.10.2023

**ПЯТЬ АНАСТАСИЙ И ДВЕ ФЕВРОНИИ:
ЭКСКУРСИЯ ПО ЛАБИРИНТУ ЛЕГЕНД ОБ АНАСТАСИИ ***

Часть вторая. Римское досье. II. Анастасия между Вассиллой и Петрониллой **

Вадим Миронович Лурье

Институт философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. Статья является частью исследования агиографического досье св. Анастасии и посвящена рассмотрению трех проблем: 1) древнейшие римские легенды, в которых встречается имя Анастасии и иные имена, появляющиеся в более поздних легендах об Анастасии; 2) культ той исторической мученицы в Сирмии, который позднее преобразовался в культ Анастасии; 3) значение церкви Анастасии в довизантийской стационарной литургии Рима. Последняя задача потребовала изучения также и первоначального места церкви Санта Мария Маджоре в стационарной литургии Рима V века.

Ключевые слова: агиография, св. Анастасия, Рождество, Богоявление, довизантийский Рим, церковь Анастасии в Риме, Санта Мария Маджоре.

Цитирование. Лурье В. М. Пять Анастасий и две Февронии: экскурсия по лабиринту легенд об Анастасии. Часть вторая. Римское досье. II. Анастасия между Вассиллой и Петрониллой // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 104–150. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.10>

Introduction

The article continues the study of the legends related to St Anastasia, especially the western legends. Namely, it is focused on three problems:

1) the Roman legends, where the name of St Anastasia and other names of her hagiographical dossier appear first;

2) the cult of the martyr of Sirmium that was lately transformed into the cult of St Anastasia, and

3) the place of the Roman Anastasia church in the pre-sixth-century stational liturgy of Rome.

The latter question turns out to be closely related to the question of the initial (also pre-sixth-century) place of the Santa Maria Maggiore church in the stational liturgy of Rome.

The present study still does not exhaust the Roman dossier of St Anastasia(e). The remaining legends and monuments will be considered in the next and final article of the series.

5. The Roman Hagiographical Substrate.

III: Towards the Historical Anastasia

The legend of Anastasia the Widow contains at least two elements of hagiographical traditions related to Julian the Apostate. They have, so far, gone unnoticed. Their examination will lead us to one of the historical prototypes of St Anastasia, namely, the woman who gave the saint her own name and some biographical features (especially the status of a Roman matron).

5.1. Apollonia: in the Roman Core of LLA and BHL 643

The name of the Christian matron that took Anastasia's body, Apollonia, is preserved in all recensions. It certainly was present in the Byzantine late fifth-century legend. This name (unlike the masculine name Apollonius) is relatively rare, while not foreign to Roman hagiography. Being rare, it was, therefore, remarkable and must have been meaningful for the hagiographer who introduced Apollonia in the hagiographical dossier of Anastasia.

The personal names in the *Passions épiques* are normally not chosen arbitrarily. The names of secondary characters are often taken from the hagiographical substrate, that is, from other legends. If a legend borrows the name of a positive secondary character, this name is normally that

of a saint from another legend. In the case of the legend of Anastasia the Widow, this norm is kept not only for Theodota, Irene, Agapia, and Chionia but also for Eutychianus. It is *a priori* unlikely that the name of Apollonia is unrelated to any saint of an earlier legend, especially taking into account that this name was rather unusual.

Apollonia in the Anastasia legend requires interpretation, and this interpretation must be based on a legend of St Apollonia relevant for the pre-Byzantine layer of the legend of Anastasia the Widow. That this layer must be pre-Byzantine (Roman or Sirmian) is clear from the fact that Apollonia is responsible for the first Anastasia's burial, which certainly was not in Constantinople, and also from the fact that, as far as we know, there was no St Apollonia in Byzantine hagiography.

5.1.1. The *Passio* of Apollonia and Her Father Apollonius, BHL 643

There was a historical martyr, Apollonia, in Alexandria under Philip the Arab (244–249). She is widely recognised in the west as a patron of dentists and those suffering from toothache, in remembrance of the most spectacular episode of her martyrdom (Apollonia's teeth and molars were knocked out). Despite her being mentioned by Eusebius in the *Historia ecclesiastica* (6.40.1), her cult was exclusively western. Her Latin martyrdoms BHL 638–642 are based on Eusebius's account [53, pp. 12, 126–127].

In the Roman hagiography, there is another Apollonia, together with her father, Senator Apollonius. In the martyrdom of this second Apollonia with her father, BHL 643, the episode with knocking out teeth and molars is repeated¹. Senator Apollonius, in this martyrdom, is a secondary character with a minimum of recognisable features, but his name with the status of a senator is certainly a reminiscence of the historical Roman martyr Apollonius under Commodus (180–192, martyrdom to be dated to 180–185)². In the *Passio* of Apollonia, with her father Apollonius, the persecutor is Julian the Apostate³. According to the legend, the daughter was stabbed with Julian's own hand (*propria manu crudeliter perforavit*). This legend is understudied⁴, and, therefore, it requires some commentary.

Passio BHL 643 has the following plot: the pagan senator Apollonius and his wife Dina had a daughter whose name was Dina, after

her mother. Then, Apollonius and Dina junior converted and were baptised, and, in the baptism, Dina changed her name to Apollonia after her father. Dina senior denounced them to Emperor Julian, asking for them to be punished. The end was exactly as one might expect.

There is a problem with what the original place of this legend in the liturgical calendar was. John Bollandus published it on February 9, on the feast day of the Alexandrian Apollonia, according to the late Latin martyrologia (no earlier than that of Adon, *ca.* 855) ⁵. However, I would recognise our saint in the martyr Apollonia of Rome commemorated in the *Martyrologium Hieronymianum* on December 18 (or 19) [56, pp. 651, 653-654]. As Delehaye noticed, the name Apollonia appears in the *Hieronymianum* within the list of the companions of the Roman martyrs Luceia and King Auceia (*BHL* 4980), replacing the masculine name Apollonius that contained the original *Passio* ⁶. Such a name change is best explainable as a result of the impact of the Roman cult of a certain martyr, Apollonia. The unique Roman martyr Apollonia known to us is the Apollonia from *BHL* 643.

This means that the cult of another Apollonia, not Alexandrian but Roman, dates to the first half of the fifth century. The contents of the legend corroborate such an early date.

5.1.2. Apollonia, Her Parents, and an Anastasia

Dina is a strange name for a Roman matron because it is not Roman and hardly biblical (Dinah), but many things become clearer once we recall that, in Greek, Dina is a relatively common short name of Constantina. We have no ancient attestation of this shortened name, but, at least, the shift of the voiceless plosives, including /t/, to voiced plosives after nasals, including the shift of *vt* to [nd], is attested to dating from the Hellenistic and Roman periods long before the fourth century [80, p. 170]. Therefore, it is quite possible that the name Dina is an abbreviated form of the name Constantina in Greek.

The name of Constantina would refer to the daughter of Constantine I and a sister of Constantius II, a woman with an unusually difficult character described by Ammianus Marcellinus as *megaera quaedam mortalis*; she died in 354, shortly before her husband Caesar

Constantius Gallus ⁷. Gallus was her second husband, from 351 to 354; he was a half-first cousin of both Emperor Constantius II (337–361) and his own wife Constantina. In 354, the order of Constantius II executed Gallus.

This conclusion by no means presupposes that our legend was translated from a Greek original. The names of the members of the bilingual imperial dynasty might have been pronounced in Greek, even in the Latin-speaking part of the empire.

The plot of the legend corroborates the identification of Dina with Constantina in placing Dina's death near the time of the death of her husband, immediately after Apollonius's arrest, which preceded his killing by a very short period ⁸.

The Arian historian Philostorgius († *ca.* 439), whose relevant text is preserved within the Arian *Passio Artemii* (*BHG* 170) ⁹ (the author's Arian viewpoint is barely concealed with later Byzantine editing), preserved an Arian version of the events. The historical *dux Aegypti* Artemius was not only an Arian, as was necessary for a Christian official under Constantius II, but a renowned persecutor of Athanasius of Alexandria and other Niceneans. According to the Arian hagiographical version, Gallus himself was to blame for his fate, whereas Constantius II condemned him justly; Constantina did not appear in the story at all. The historical fact of the execution of Artemius by Julian is interpreted as the vengeance of Julian for Gallus. Thus, for an Arian author, Gallus belonged to Julian's company of religiously perverted people.

The history of murdering Gallus is identifiable in Chrysostom's catalogue of disasters within the imperial family ¹⁰: one of the sons of Constantine the Great – Chrysostom did not pronounce Constantine's name but called him "tyrant" – "killed himself after he was seized by a tyrant, while the other put to death his cousin [ἀνεψιός – not necessarily cousin *sensu stricto*] who jointly ruled with him the empire that he himself had entrusted to him"; the first son is obviously Crispus, whereas the second is Constantius and his half-first cousin (one of the possible meanings of ἀνεψιός) Gallus ¹¹.

Chrysostom showed sympathy towards Gallus as an innocent victim but did not go so far as to represent him as a martyr. Obviously, he knew that Gallus was an Arian, even a friend and a patron of Aetius. Hagiography, however,

does not stop at such obstacles, as we see in the Nicaean hagiography of Constantine the Great or martyr Artemius.

Constantina and Gallus had a daughter born between 352 and 354 (her parents were married on March 15, 351, and her mother died in the middle of 354). Julian the Apostate witnessed her existence, but without calling her by any name¹². Her name, however, was restored with great probability as Anastasia. This hypothesis, first put forward by Angelo Silvagni in 1929 on the basis of some inscriptions preserved in the Old St Peter's Basilica, especially *ICUR* 4122 and 4097 [143], has been substantiated in an analysis of name use in the Constantinian dynasty by François Chausson in 2002¹³.

Several inscriptions in the Old St Peter's Basilica mention different Anastasiae who lived in different times from the late fourth to the middle of the sixth century. A pair of these inscriptions, *ICUR* 4122 and 4097, both from the second half of the fourth century, match the lifetime of the daughter of Constantina and Gallus, thus helping to identify her by this name. This task was facilitated because, during the fourth century, the name Anastasia remained rare.

One of the two inscriptions, *ICUR* 4097, is made in the recognisable style of Filocalus, the master who created memorial inscriptions for Pope Damasus. However, only a fragment is preserved. The first line contained the name of Anastasia's husband, but this part is lost. The remaining part of this line is [---] *et Anastasia c(larissima) f(oemina) eius* "[husband's lost name] and Anastasia, the highly regarded (i.e., senatorial) wife of him". From the fragments of the subsequent lines, it becomes clear that they made something in *basilicae apostoli Petri* in collaboration with *Damasus vir sanctus*, and this object was decorated with marble. A popular hypothesis is that they erected the baptismal font, which could be attractive but is unprovable [29, p. 85].

Especially remarkable is the inscription *ICUR* 4122, also from Saint Peter's. Its author, Gallus, presented himself as a son of his mother, Anastasia, without mentioning his father at all: *Gallus Anastasiae natus decus addidit aulae...* ("Gallus born by Anastasia added a decoration to the portico..."). "...[I]l est notable, – Chausson wrote, – que l'onomastique impériale y fut perpétuée: Gallus

fil d'Anastasia portait le nom de son malheureux grand-père maternel qui avait été César de Constance II..." (ed. by Chausson [39, p. 147]).

Silvagni's and Chausson's identification of the daughter of Constantina and Gallus as the Anastasia of these inscriptions from Saint Peter's allows us to figure out the personality of this Anastasia as a pious lady – and certainly Nicaean, not Arian – who had a special attraction to the shrine of Apostle Peter, whose husband, however, was probably not of an equally blessed memory. Anastasia's son did not consider it opportune to mention him as his father. Anastasia's special attraction to Saint Peter's will become important for the configuration of the Roman St Anastasia cult (see below, sections 6, 7, and 9).

If our interpretation of the Roman legend of Apollonia is correct, there was a correspondence between, on the one hand, Constantina, Gallus, and Anastasia, and, on the other hand, Dina, Apollonius, and Apollonia, respectively. The Roman legend of Apollonia, however, was composed in either the lifetime of Anastasia or shortly thereafter, which would have prevented calling Anastasia by her actual name or some easily recognisable name analogous to Dina for Constantina. Of course, the hagiographer would have had many other reasons for avoiding the actual names of the real prototypes of his characters.

It is of special importance that our Anastasia was a Roman matron, having at least one son, and, thus, she was not a virgin. She was a suitable prototype for the Anastasia that Arnobius epitomised in the legend, but not for the Anastasia of LLA.

There is a difference between *BHL* 663 and the Roman pre-Aquileian Anastasia legend in the treatment of the parents of, respectively, Apollonia and Anastasia. Apollonia's father is Orthodox, whereas, in the case of Anastasia, both parents are pagan. I would explain this as a difference between two attitudes of the Nicaeans towards the Arians, a mild one and a strict one. The former allowed an Arian Gallus to be represented as a Christian martyr, similarly to St Artemius. The latter implied the complete rejection of the Arians as pagans.

Our analysis of the Roman legend of Apollonia (*BHL* 643) is still unfinished, but it is sufficient for demonstrating that, in the first half of the fifth century, the names Anastasia and Apollonia were indeed connected.

**5.1.3. Provisional Conclusion:
Who Gave Her Name to St Anastasia**

At this point, we have a basis to formulate our working hypothesis about one of the main prototypes of St Anastasia. This prototype, unlike another of the main prototypes of the saint, was not a martyr but gave St Anastasia her own name. This historical Anastasia is, in our opinion, the daughter of Constantina and Gallus.

This hypothesis will be further substantiated below, but even at this point, it looks highly plausible due to the cumulative argument informally developed in the previous section. In this section, I summarise it in a more formal way, with an explanation of how the cumulative argument works. The basic idea of the cumulative argument consists in a claim that we have observed a combination of data that would be extremely unlikely unless there is some logical affinity behind them.

In this case, we have the following five propositions, which are mostly or even highly plausible but not certain (although one of the five is nevertheless certain):

The name of the daughter of Constantina and Gallus was Anastasia.

This daughter, whose real name was Anastasia, is present under the name Apollonia in the legend *BHL* 643.

A certain Apollonia, also a high-ranked Roman matron, is present in the legend of Anastasia in the role of the possessor of her body (this proposition is not only plausible but certain).

The name of Apollonia in the Anastasia legend must have been taken from an earlier Roman legend (this proposition is close to certain because it is an application of a rather strict rule).

There is only one fitting Roman legend of Apollonia that was available to the author of *BHL* 643 for borrowing the name of Apollonia (this proposition is less certain only to the extent that we might be unaware of another suitable legend of Apollonia, now lost).

The cumulative argument says that the following proposition is plausible:

Anastasia, the daughter of Constantina and Gallus, is the historical person who gave her name to St Anastasia.

Were all propositions from (1) to (5) certain and not simply plausible, the conclusion (6) would be rigorous. However, this is not the case. An often-occurring logical mistake (especially in the humanities) is a refusal to draw conclusions from less than certain premises under the assumption that the plausibility of the conclusion will be even less, and much less, than that of the premises. This is a mistake because it would only be so in the case that all premises are mutually independent and that the conclusion requires that all premises are true; then, the likelihood of the conclusion is equal to the product of the likelihoods of all premises, that is, a very small value. If we are working with mutually dependent premises, as is normally the case, their likelihoods become conditional (Bayesian) probabilities, whose behaviour is quite different. In this case, the likelihood of a premise *under the condition* that another premise is true might be much higher, and the likelihood of the final conclusion might be even closer to one. The logic that allows us to draw conclusions from uncertain premises using conditional probabilities is called inductive. In fact, the majority of propositions used in scientific reasoning are less than certain, and, therefore, they are treated with the procedures of inductive logic, either explicitly or implicitly¹⁴.

For instance, the likelihood of proposition (2), that the prototype of Apollonia in *BHL* 643 was called Anastasia, would have been extremely low without proposition (1), but, under the condition that (1) is true, its likelihood becomes very high. Propositions from (3) to (5) are already either certain or close to certain. They together form a syllogism (almost strict), demonstrating that Apollonia in the Anastasia legend arrived from *BHL* 643¹⁵. We can now substitute propositions from (3) to (5) with proposition (3*), which is highly plausible and almost certain:

The name of the daughter of Constantina and Gallus was Anastasia.

This daughter, whose real name was Anastasia, is present under the name Apollonia in the legend *BHL* 643.

(3*) Apollonia came into the Anastasia legend from *BHL* 643.

Perhaps there is a need to comment on (3*): why, that is, we can assert that the borrowing of the name Apollonia took place in a certain direction, from *BHL* 643 into the Anastasia legend, and not

vice versa. This is due to rule (4): the borrowing of characters goes in the direction from a legend where this character is (one of) the main(s) one(s) to a legend where he or she becomes secondary, and not *vice versa*. The secondary characters could be borrowed as well, but their status as secondary characters is never changed; they could form a “bank” of secondary characters serving different hagiographers of a given cultural milieu. Several names of the Anastasia legend, as Delehaye has already pointed out, were loaned from such a bank.

This formulation of Delehaye is worth quoting in full; it deals with names so common that he refused to identify them as borrowings from specific hagiographic texts: “Toute la nomenclature de ces figurants: Prætextat, Publius, Rufinus (this name is not from LLA. – B. L.), Lucius [Delehaye meant the manuscript of LLA where the name of Lucillius was changed to Lucius] est d’une rare banalité. La plupart ont été choisis, on peut le dire, au petit bonheur, et n’appellent aucune observation...” [52, p. 165]. However, we can disagree with Delehaye’s harsh words: these names are not arbitrary (“choisis... au petit bonheur”) and void of any meaning, as it is now generally acknowledged in the case of Praetextatus, and I hope to demonstrate this also for Publius and Lucillius (s. below, 5.3.1). Nevertheless, Delehaye was certainly right in pointing out the existence of a set of names used by hagiographers without referring, *ipso facto*, to a specific legend.

Under the condition that (1) is true, let us repeat, (2) becomes very plausible. Then, (2) and (3*) form a syllogism (once again, almost strict): Apollonia is the name of the historical Anastasia (major premise), and this Apollonia appeared in the Anastasia legend (minor premise); therefore, the historical Anastasia is present in the Anastasia legend (by *modus ponens*). Q.E.D., even though not strictly.

The hypothesis that, under the guise of Apollonia, Anastasia reappeared in her own legend is additionally corroborated by Apollonia’s role as the possessor of Anastasia’s body. Of course, the hagiographer’s purpose, in his choice of the name Apollonia, was not to make Anastasia reappear in disguise. He simply wished to use the name of a saint who had already been closely connected to Anastasia.

5.1.4. Julian the Apostate and the *Sitz im Leben* of BHL 643

We have dated the cult of Apollonia the Roman to the first half of the fifth century on the basis of our identification of the martyr Apollonia in Rome as commemorated in the *Martyrologium Hieronymianum* with the Apollonia of BHL 643. Regardless of whether BHL 643 is the first legend of this martyr or not, it is the only one that affected the legend of Anastasia.

The date of BHL 643 must be later than the reign of Julian the Apostate (361–363). For the hagiographer’s milieu, Julian’s image had already become the symbol of a ferocious monster persecuting Christians. Such transformations of the past in memory, however, do not require much time. Therefore, the *terminus post quem* is the late 360s. Julian thus “absorbed” Constantius II, who was the historical murderer of Gallus.

The *terminus ante quem* could be provided by the Byzantine legend of Anastasia datable to 468–470, which is corroborated with the *Martyrologium Hieronymianum*, which gives evidence of the cult of a Roman martyr, Apollonia, by the mid-fifth century.

Julian the Apostate, for the author of BHL 643, is an allegory of some other ruler inimical toward Nicæan Orthodoxy and contemporaneous to the hagiographer. It is difficult to find a suitable historical situation outside the reign of Valens (364–378), the only non-Orthodox (Arian) ruler within the period between 363 and 470.

Valens was an Arian, and one of his two daughters was called Anastasia. About her, almost nothing is known. Her mother, Albia Dominica (whom Valens married at an unknown date), was also an Arian [101, p. 53]. The daughters of Valens and Dominica were certainly educated as Arians, whereas we do not know about their lives after Valens’s death. François Chausson supposes that Dominica might have been a member of the Constantinian family, married to Valens after his ascension to the throne, and they used the name Anastasia as a continuation of Constantinian traditions¹⁶. In any case, regardless of Chausson’s supposition, such a name would have hardly been used by Valens other than as a mark of the imperial dignity of his family.

Valens, as an Arian and a persecutor of the Nicæans, was similar to Constantius II and

would have been easily caricaturized as a new Julian the Apostate. Moreover, it is possible that the author of *BHL* 643 had in mind Valens's daughter Anastasia, thus establishing some connexion between her and the daughter of Constantia and Gallus. Unfortunately, we know too little about this Arian-born Anastasia to make further guesses.

We are unable to trace possible links between *BHL* 643 and the family of Emperor Valens. It is sufficient to notice that the reign of Valens is not only suitable for dating this legend because of the fact that Valens was, like Constantius II, an Arian and a persecutor of the Nicaeans, but also because his daughter Anastasia would have been, in this legend, implicitly juxtaposed to the daughter of Constantia and Gallus.

5.2. Praetextatus

The name of Anastasia's father, Praetextatus, is already recognised as referring to Vettius Agorius Praetextatus (314/319–384), who occupied several of the highest positions in the Roman Empire and the city of Rome (including *Praefectus Urbi* in 367–368, praetorian prefect of Italy, *Illyricum*, and Africa in 384), an object of admiration for the pagans as well as an object of the greatest irritation for many Christians¹⁷. It is especially significant to our legend of Anastasia that the historical Praetextatus was one of the co-workers of Julian the Apostate: as Maijastina Kahlos noticed, "Praetextatus had been living in retirement when Julian brought him back to public life" (in 361 or 362) [89, p. 32]. Moreover, in 367, Praetextatus turned out to be, as the urban prefect, the key figure in the resolution of the conflict between two Popes of Rome, Damasus and Ursinus. He was not impartial (*pace* Ammianus Marcellinus) but supported Damasus *a priori*, simply due to Damasus's better connections with the imperial bureaucracy.

Maijastina Kahlos argued for a kind of friendship or, at least, close collaboration between Praetextatus and Damasus, including an episode in 384 when Damasus supported him as a witness in favour of Praetextatus's friend Quintus Aurelius Symmachus, who had been accused of persecution of Christians¹⁸; nevertheless, a deep antipathy towards Praetextatus was widespread within the Damasian party as well, as one can judge from Hieronymus's mention of his death¹⁹.

Together with the Roman martyr Apollonia, who was allegedly stabbed by Julian's own hand, Praetextatus might point to a certain value of Julian's reign for the hagiographical substrate of the legend of Anastasia. Such an impression is reinforced by the figure of Anastasia's husband, Publius.

5.3. Publius and Julian the Apostate

5.3.1. Publius and Lucillius: Historical Names

We have seen that the name of Praetextatus in the Anastasia legend refers to a historical person from the hagiographer's recent past. The names of Anastasia's husband, Publius, and the urban prefect of Rome, Lucillius, are historical too, but refer to a more remote period. Both Publius and Lucillius are the names of the urban prefects of Rome during periods of severe persecution.

The name of Publius seems to be an echo of the name of Publius Cornelius Saecularis, *Praefectus Urbi* in 258–260, including when the Persians captured Emperor Valerian (spring 260). "Il était donc présent à Rome au moment où y sévissait la persécution, Valérien et Gallien étant retenus sur les fronts d'Orient et d'Occident." M. Christol [42, pp. 188-189, esp. p. 188]. He thus certainly deserved a place in the collective memory of Roman Christians. Moreover, the legend of Anastasia could have taken into account that his career developed against the background of the catastrophe of the Roman army in Valerian's war with Persia. We will elaborate on this point in the next section.

The name of the legendary Lucillius seems to be an echo of the name of Lucius Caesonius Lucillus Macer Rufinianus (indeed, Lucillus is not Lucillius, but hagiography does not respect every *iota*), *Praefectus Urbi*, and *Electus ad cognoscendas vice Caesaris cognitionis* (the Emperor's personal representative in judicial matters) sometime between 241 and 254. He was also one of the *Fratres Arvales* (the twelve-person priestly collegium elected for life from the highest nobility, normally including the emperor, responsible for the cults related to agriculture) [119, pp. 58-60, 92, cf. p. 56, n. 20]. In these positions, he was certainly involved in the cruellest persecutions of Christians that took place in his time.

The fact that the names of Publius and Lucillius were preserved in the common “bank of names” used by hagiographers could be understandable, supposing that both had such prototypes. For our study, Lucillius is of little interest, whereas Publius is important.

5.3.2. Publius and Emperor Julian’s Reburial in Constantinople

According to the text preserved by LLA, Publius’s career fits between two lines. In ch. 6, it is said that *...Publius in senatu sedens legationem accepit invitus ad Persidis provinciam profecturus* (“...Publius, sitting in the Senate, unwillingly undertook a legation and was to set out for the land of Persia”) ²⁰. In ch. 7, his biography is ended thus: *Interea transactis tribus mensibus corpus Publii revocatum est navi* (“when three months had passed, the body of Publius was brought back by ship”) ²¹. Publius was never introduced to the reader other than as the cruel pagan husband of Anastasia, with whom she refused marital relations. What we know about his life unrelated to Anastasia is limited to these two narratives.

These two narratives are not in perfect accord with each other. *Legatio* would mean a peaceful embassy, whereas the final return of the corpse of Publius would be more fitting with a military expedition.

If we are in the timespan of the reign of Valens or shortly after (our previous analysis of the figure of Apollonia would suggest such a date), many things become clearer. Under Valens, no military operation in Persia took place, but there was a very important embassy to Persia in 376 under the *magister equitum* Victor and the *dux* of Mesopotamia Urbicius [101, p. 182]. Of these two, only Victor was a person renowned in social life at the scale of the whole state, but he was a zealous Nicaean Christian – loyal to Valens up to the very end in the battle of Adrianople (August 9, 378, when he unsuccessfully tried to rescue Valens), but, according to some accounts, protesting against the persecution of the Nicaeans ²².

A three-month military expedition to Persia, which resulted in defeat and the death of the military leader, is a unique event in Roman history. The circumstances of Julian’s Persian war are strikingly recognisable. Julian departed (from Antioch) on March 5, 363, and perished in the battle on June 26 or 27 of the same year,

about three months later. The memory of this expedition must have been actualized in the late fourth century in relation to the translation of Julian’s body from Tarsus to Constantinople, the New Rome (and, therefore, still “Rome”).

Julian was buried in the mausoleum near Tarsus, but, after some years, his body was translated to Constantinople. Byzantine chroniclers from the tenth and eleventh centuries have conflicting accounts regarding the precise date of this event ²³. Some authors considered a possible date of about 457 or shortly after ²⁴ or even a seventh-century one (e.g., M. di Maio [58]). To those authors, one can answer with Philip Grierson that “...it is difficult to imagine any emperor later than Theodosius I interesting himself in the matter” [74, p. 40]. In the fifth and especially sixth centuries, Julian’s name became highly repulsive for the majority of the population, and the voice of his pagan admirers could have had very little chance to be heard by the emperors ²⁵.

Mark J. Johnson substantiated the relatively early date of the translation (without, however, claiming to demonstrate that the translation actually took place at all [87, p. 260]), especially on the basis of architecture. Julian was reportedly buried near Valens’s predecessor Jovian in the so-called North Stoa, where perhaps only they two were buried, and the North Stoa was not, according to Johnson, a part of the church of Apostles (where it would have been difficult to bury a pagan) but simply an adjacent imperial mausoleum. On this ground, Johnson supposed that if Julian was reburied in Constantinople at all, it would have been Emperor Valens, the same who buried Jovian, who performed the burial, and it would be similarly to Jovian ²⁶. Johnson, however, did not discuss the evidence of Libanius (379) and Ammianus Marcellinus (389 or 390) testifying that the body of Julian was still in Tarsus. Libanius, addressing the new emperor Theodosius, praised the co-emperor brothers Valens and Valentinian for having rebuilt and decorated the mausoleum near Tarsus ²⁷, whereas Ammianus proposed to translate Julian’s remains to the Old Rome ²⁸. No wonder that, in his later study, Johnson changed his mind. Now he considers the North Stoa to have been built by Theodosius I, “...thereby procuring for himself an honoured position in Constantine’s monument (church of the Apostles. – B. L.) ²⁹.

Therefore, Julian's burial near Jovian must have been early, but not as early as the reign of Valens. Gierson's date between 390 and 395 (under Theodosius the Great but certainly after 390) [74, pp. 40-41] remains the best fitting one. Further, this date is still not too distant from Valens.

In its own way, the *Passio Anastasiae* corroborates the historicity of the reburial of Julian in Constantinople.

The most striking and important detail is that the corpse of Publius was brought from Persia, but by ship. The route between Constantinople and Persia was, of course, overland (except for the short segment between Constantinople and the eastern seashore of Marmara, the beginning of the routes through Asia Minor). The route was maritime between Constantinople and Tarsus. This mention of the transportation of the corpse by ship, while allegedly from Persia, together with the exact number of whole months of the duration of the military campaign, form a striking reference to Julian and his reburial in Constantinople, the New Rome.

If the reburial is to be dated from 390 to 395, this would fit with the timing of the possible widowhood of the daughter of Gallus and Constantina, born between 352 and 354, a historical prototype of St Anastasia.

I would not exclude the fact that even the name Publius was deliberately chosen by the hagiographer as a reference to the catastrophic Persian campaign of Valerian. The Christian understanding of the death of Julian was to a large extent patterned after the previous Christian narrative of Valerian, another persecutor (as noticed by C.H. Caldwell III [31, pp. 345-349]). Nevertheless, Julian himself, who proclaimed the goal of his campaign *ut medeamur praeteritis*³⁰ ("for the healing of the past", especially previous defeats of the Romans), counterpoised himself to Valerian without, however, even mentioning his name as covered with infamy [31, pp. 344-345].

To sum up, the legend of Anastasia, with its character Publius, corroborates both the historicity of the reburial of Julian in Constantinople and its late fourth-century date.

5.4. Provisional Conclusion on the Historical Anastasia, Still Not a Saint

Our working hypothesis about the identity of the Anastasia who gave her name to our

saint as the daughter of Constantina and Gallus (formulated in Section 5.1.3) is corroborated by other details pointing to the late fourth century, such as the reminiscences of Vettius Agorius Praetextatus and especially of the reburial of Julian the Apostate.

Moreover, the implicit references to persecutions under Julian both in the character of Publius and the name of Apollonia demonstrate that the hagiographer placed the symbolic figure of Julian in the background of the scene deliberately. The hagiographer's Anastasia was portrayed in opposition to the pagan and "neo-pagan" (viz., Arian) society. Such was, in the eyes of the Nicaeans, the Roman society under Emperor Valens. If the main prototype of St Anastasia was the daughter of Constantina and Gallus (who was certainly a Nicaean Christian), such a biography of her legendary avatar is perfectly fitting.

All this said, however, I would not say that the daughter of Gallus was the only prototype of St Anastasia. We will see below that the situation was indeed much more complicated.

6. The Church of St Anastasia in Rome and the Early Roman Stational Liturgy

This section will be dedicated to the liturgical meaning of the Roman church of St Anastasia. It has to be studied in two contexts: that of the Anastasia legends and that of the stational liturgy of the capital.

No historian of the Roman cult of Anastasia has skipped a discussion of the Anastasia church at the foot of the Palatine Hill. Nevertheless, given that this church was always one of the most important in Rome, it is impossible to discuss it outside the context of the Roman stational liturgy. However, the easily accessible (for modern scholars) data related to the Roman stational liturgy are not earlier than the late sixth century; they are therefore almost irrelevant to the early Anastasia cult. The only way to the fifth-century cult of St Anastasia passes through an unexplored field of the Roman stational liturgy before the sixth century.

6.1. The titulus Anastasiae Church

The parish (*titulus*) church called *titulus Anastasiae* at the foot of the Palatine Hill was constructed at an unknown but very early date, certainly before the pontificate of Damasus

(366–384)³¹. Damasus decorated the church with frescoes and perhaps partially rebuilt the previously existing church that was already important for Christian Rome³².

The *terminus post quem* is difficult to define. The church of Anastasia seems to be the first Christian shrine in the central part of Rome, whereas all the Christian cultic constructions attributable to Constantine the Great were built, if not outside the Aurelian Walls, then, at least, outside the *pomoerium* (from *post moerium* “beyond the wall”), the religious boundary of the city marked by the old Severian Wall. As Krautheimer noticed, Constantine avoided “blatantly insult[ing] conservative pagan feelings”, and this was one of his main reasons for removing the capital from Rome [95, pp. 7-40, esp. pp. 28-29].

The location of the Anastasia church evidently contradicts this policy of Constantine. Therefore, it is most likely that the church is posterior to Constantine; that is, it was erected after 337.

Therefore, the earliest (pre-Damasian) church of Anastasia can be dated to the interval between 337 and 366, with an increasing likelihood towards the end of this period.

6.2. The Church of Anastasia and Christmas

The possible connections between the Anastasia church in Rome and the Christmas holiday have been discussed from the late nineteenth century until now, but unresolved problems in the history of the Roman stational liturgy have severely limited the fruitfulness of this discussion. In this section, we will reopen the question of the early Christmas stational liturgy in Rome to make possible a fresh discussion of the role of the Anastasia church in this liturgy.

6.2.1. The Problematic Mass of Leo the Great

The original dedication of the Anastasia church is a more complicated problem than its date. The earliest evidence of the dedication to St Anastasia is the title of the homily of Pope Leo the Great on Christmas Day in 457 (the most likely date; the other acceptable dates are the years from 458 to 460)³³. Despite the opinion of earlier scholars, there are no textological reasons to consider this mention to be a later insertion³⁴.

We do not know *a priori* how many Christmas masses Pope Leo celebrated during the night and the morning of December 25 (I hope

to demonstrate below that it was only one, but *a priori* we also have to suppose two or three). In any case, however, the long festal sermon of the Pope must have been delivered at the most solemn of the papal masses. Thus, the fact is that, between 457 and 460, the church of Anastasia was the place of the most solemn (and perhaps only) papal mass of Christmas.

Antoine Chavasse considered the papal choice of the church for the Christmas mass as occasional, made “en cette année-là”³⁵. Such a supposition is by no means self-evident (*pace* Chavasse) and even *a priori* unlikely, for if it were true, it would require either the nonexistence of the stational liturgy in Leo the Great’s Rome (because the stational liturgy defined a specific place for every papal festal service) or a sudden departure from it by Leo.

The latter is extremely unlikely without some pressing circumstances, which seem to be absent at this point. The former is hardly possible because the stational liturgy of Rome lost its flexibility under Leo himself³⁶ at the latest. For the most important feasts, including, of course, Christmas and Epiphany, the stational liturgy must have become strictly regular earlier³⁷. Finally, the history of the Roman stational liturgy provides arguments for considering the Anastasia church to be a very early *statio* for the Christmas celebration.

6.2.2. The Pre-Sixth-Century Christmas Stations in Rome An Outline by the Late Sixth Century

When Antoine Chavasse wrote that “[I]’histoire romaine des formulaires de la vigile et de la fête de Noël est très claire” [40, p. 209], he meant in fact only the situation from the mid-sixth century on. The earlier stational liturgy remains little known even in our time. John F. Baldovin was perhaps too optimistic, thinking that “[t]he *organisation* of a stational system, employing the same churches or shrines year after year on the same feast can be traced only to the mid- or late fifth-century” [18, p. 166], and not to the sixth. More pessimistic but soberer was Cyrille Vogel, who wrote on the documents of the Roman liturgy in general: “...aucune œuvre n’a été conservée qui appartienne aux *cing* premiers siècles. L’activité liturgique, sans doute aucun, fut grande; nous n’avons cependant plus les moyens d’en apprécier ni l’ampleur ni les résultats”³⁸.

For the stational liturgy in particular, however, I hope for some help from comparative data.

As to the papal Christmas mass in the Anastasia church, Baldovin repeated an earlier opinion that the yearly papal Christmas mass in the church of Anastasia was a sixth-century addition³⁹. Antoine Chavasse has especially argued this opinion, but I would disagree with it.

The late sixth-century papal celebrations of the Nativity included one mass in the evening (December 24) and three masses on December 25: one in the night, the second one in the early morning, and the third one, the most solemn, later in the morning. By the late sixth century, the three masses of December 25 were distributed as follows: the first in Santa Maria Maggiore, the second in Saint Anastasia, and the third in Saint Peter's [40, p. 209]. Chavasse concluded, from comparative data, that, in the original rite, the papal mass on December 25 was unique [40, p. 211].

Below, we will comment on each of the three sixth-century Christmas stations.

Santa Maria Maggiore: A Sixth-Century Development

Pope Sixtus III dedicated the church Santa Maria Maggiore on August 5, 434, but its construction took several years and started before his pontificate (432–440) and, evidently, before the Third Ecumenical Council in Ephesus (431). Anyway, the construction of this church has had nothing to do with this council and its Christological discussions⁴⁰. The situation changed before the seventh century, apparently in the sixth century, when this church became the veneration place of the relics of Bethlehem, Jesus's crib (*praesepe*). After this, the church was often called *Sancta Maria ad Praesepe* [137, pp. 65, 67-70]. Only then did its inclusion in the stational liturgy of Christmas become natural and likely⁴¹. Indeed, this church, after having become the Bethlehem of Rome, became the place of the first papal mass on Christmas night. This is, however, certainly a sixth-century development.

Nevertheless, Santa Maria Maggiore was erected, as is obvious, to produce some radical changes in the stational liturgy in Rome. We will have to discuss this problem below (section 7.5.3). For the time being, however, it is sufficient to know that, before the Byzantine period, it was not involved in the stational liturgy of Christmas on December 25.

The Anastasia Church: An Ancient Station

Chavasse, operating with seventh-century and later Latin comparative data, convincingly concluded that “[I]a célébration à Sainte-Anastasie concernait la liturgie papale”; originally, it was not a part of the stational liturgy that would have been adapted for the presbyteral liturgies outside Rome [40, p. 210]. By the early seventh century, if not earlier, the second papal mass in the church of Anastasia seemed to be a specific addition to the liturgy by the Pope. Scholars have not been especially creative in explaining the need for such an innovation⁴².

The most natural explanation of the mass in the Anastasia church should consider the second law of Baumstark (that is, the preservation of the most ancient elements of the liturgy for the most solemn occasions)⁴³. It is to be applied here twice: first, because of the solemnity of the feast itself, and second, because of the renowned conservatism of the papal liturgy, which has kept for centuries archaic elements⁴⁴. Robert Taft once noticed that the Byzantine pontifical rite, being a case where this law is to be applied, “...has kept so many usages once found in the ordinary eucharist that it is a veritable museum piece” [147, p. 207]. The Roman pontifical liturgy was no less a veritable “museum piece”. One has to presume that it was very conservative in its stational structure as well, even though this structure indeed underwent some changes.

Looking now at two facts, the traceability of the regular Christmas mass in Saint Anastasia back to the sixth century, on the one hand, and the celebration of a papal mass there already in *ca.* 457, on the other, we have to conclude, on the basis of the second law of Baumstark, that both facts are links in a unique tradition. In other words, the custom of a papal mass in the Anastasia church on Christmas is ancient, dating no later than the mid-fifth century.

The seventh Christmas sermon of Leo the Great, delivered in 451, provides indirect evidence that, already then, the Pope celebrated his most solemn mass not in Saint Peter's but in another location. In the often discussed passage about the Christians who apparently worshipped the sun⁴⁵, Saint Peter's basilica is mentioned as a place different from the place of the current celebration; were this sermon delivered at the same basilica,

the preacher would have hardly avoided such words as “this” or “here”, which Leo normally used where appropriate⁴⁶. This passage, having no specific connection with Christmas, reveals a difficulty that some people experienced with Saint Peter’s, which was oriented to the west, whereas they were accustomed to prayer being oriented towards the east⁴⁷. Thus, I think, they seem to have performed twice the normal ritual of entering the church: first, while still outdoors, they bowed “to the sun” (in fact, simply to the east), and then, inside the basilica, they had to make the appropriate bows to the altar in the western direction. In Saint Anastasia, let us recall, such problems would have never arisen because its altar was located to the east.

Saint Peter’s: Another Ancient Station

There are two pre-sixth-century mentions of the papal Christmas celebration in Saint Peter’s. It is now normally taken for granted that both of them indicate the most solemn papal mass of the day. However, one of them is not so definitive.

The earliest absolutely definitive evidence is the letter of Pope Celestine to Emperor Theodosius II from March 15, 432, where the Pope expressed his gratitude for having received the documents of the Council of Ephesus (431)⁴⁸. The two papal messengers, the Pope wrote (Ep. 23, 5), had returned to Rome during the Christmas vigil (December 25, 431: *ad eum diem quo celebrabamus Christi Dei nostri natalem secundum carnem*), and, therefore, the confession of the council was immediately read “before the whole congregation of Christian people in (the church of) the most blessed Apostle Peter” (*...lectis in totius congregatione Christianae plebis apud beatissimum apostolum Petrum*) [83, col. 546].

The earlier indication belongs to Ambrosius of Milan, who recollected, in 378, an event of the early 350s⁴⁹, when Pope Liberius consecrated as a virgin Ambrosius’s sister Marcellina. The event took place in Saint Peter’s in the presence of other virgins, but nothing is said about the presence of the faithful⁵⁰. Outside the context of liturgical tradition, this indication would not exclude other interpretations than the most solemn papal Christmas Eucharist⁵¹.

Éamonn Ó Carragáin goes so far as to suppose: “It would be possible to argue that the clergy at Saint Peter’s invented Christmas, at least

in the sense that they helped ensure that Christmas would be celebrated as a major liturgical event in the Christian year” [33, p. 178]. This is, of course, an unverifiable idea.

Intermediate Conclusions

Before the sixth-century developments, there was no Christmas station at Santa Maria Maggiore, but there was already a station in the Anastasia church.

What do we know so far about the pre-sixth-century Christmas stationary liturgy in Rome?

There were certainly two stations: Saint Peter’s and the Anastasia church. It is unlikely that there was any other station. First, we have to expect (on the basis of the second law of Baumstark) that, had such a station existed, some traces of the Christmas celebration would have been preserved there. However, nothing similar is known in Rome. Second, we will see that the structure of the stationary liturgy of Christmas was originally (in Jerusalem) bipartite, with the principal stations only in Bethlehem and Jerusalem. There was no need for the third station.

The two Christmas pontifical masses were distributed as follows: the first, less solemn, on the eve of Christmas (December 24 in the evening), and the second, the most solemn, in the morning of December 25.

Our present knowledge of the sites of these two masses is contradictory: Leo the Great celebrated, between 457 and 460, the most solemn mass at the Anastasia church, whereas, at least, Celestine, in 431 (and perhaps Liberius in 352–354), celebrated it at Saint Peter’s. To put these data in order, we need more comparative material, and it must be looked for in the stationary liturgy of Jerusalem and Bethlehem.

The original site of the papal mass in the evening (*hora nona*, that is, about 3 p.m.) of December 24 remains unclear because, in available documents, it is the church Santa Maria Maggiore, already transformed into *Sancta Maria ad praesepe*; the site of the first, midnight liturgy of the feast itself, on December 25, was the same [40, pp. 209, 211]. Let us notice, however, that, in the post-sixth-century stationary liturgy, both the mass on the eve of the feast and the nocturnal festal mass shared the same station explicitly related to Bethlehem. This station was then new, but the symbolic siting of the respective

masses at Bethlehem was certainly old, going back to the commemoration of the night when Christ was born in Bethlehem.

Therefore, we have to ask which of the two early stations, the Saint Peter's basilica or the Anastasia church, would have been chosen for a liturgical representation of Bethlehem. The choice of the suburban Saint Peter's suggests itself, but we have to substantiate this reconstruction with comparative data.

6.2.3. From Jerusalem/Bethlehem to Rome: St Anastasia as the Roman Martyrion

The feast of Christ's Nativity in Jerusalem was celebrated before the 540s (with an interruption for several years after 454) on January 6⁵². No commemoration of Christ's baptism took place on this day⁵³. We will see below (sections 7.5.2 and 7.5.3) that, in Rome, the Epiphany did not include any commemoration of the baptism in Jordan either; moreover, the early Roman stational liturgies of the two feasts, Christmas and Epiphany, must have been identical. Therefore, the difference between the two Christmas dates, December 25 and January 6, between Rome and Jerusalem, does not create any difficulty for comparing the respective stational liturgies.

The most detailed description of the Jerusalem stational liturgy of the Nativity in the late fourth and early fifth centuries is now available from the Armenian Jerusalem lectionary, partially matching the data provided by Egeria between 381 and 384. All three manuscripts of the earliest recension of the Armenian lectionary are damaged at the part related to the Nativity of Christ, and mention of the Constantinian basilica in Bethlehem as the site of the most important vigil service is absent. However, the lacunae are recoverable using later Armenian recensions; thus, the mention of Bethlehem can be restored, and the fourth-century description of Egeria confirms it [129].

The stational liturgy of the Nativity ran as follows⁵⁴:

An evening (10th hour = 4 p.m.) service in a suburban place on the road to Bethlehem (about 1 km from Jerusalem) called "Shepherds" (հ Յովսկանցս "with the Shepherds" = Ποίμνιον, Ποιμανεῖον, Ποιμένιον), allegedly the place of the apparition of angels to the shepherds⁵⁵; no Eucharist.

Procession from there to Bethlehem⁵⁶ (the distance between Jerusalem and Bethlehem is about 7 km; therefore, this procession had to cover about 6 km, which would have required about 1.5 hours); a service in the crypt of the Constantinian basilica before the crib of Christ (ի ներքոյ այրիս առ մարովս [130, pp. 63-64] "within the cave, before the crib"); no Eucharist. The lavishly decorated crib of Christ was venerated there, dating from the epoch of Constantine the Great.

The most solemn vigil in the Constantinian basilica is the nocturnal Eucharist (Եւ ի մեջ գիշերիս մտանէ եպիսկոպոս յեկեղեցիս [130, p. 65, n. 1] "And at midnight, the bishop enters into the church"). One can calculate that the beginning of this vigil was about 9 or, most probably, 10 p.m.⁵⁷, and the vigil thus continued after midnight.

Morning: a Eucharistic liturgy in Jerusalem, in the Martyrion ([Առաւաւտուն ժողիս ի] Սուրբ Մատրանս ի քաղաք; "[In the morning, (the people) gather in] the Martyrion in the city"⁵⁸).

Let us compare this format with the Roman data. It is striking that, in Rome, the beginning of the celebration was appointed at almost the same time (the ninth hour in Rome, while the tenth hour in Jerusalem). Then, it is no less striking that only two Eucharistic liturgies were provided. Third, the solemn morning Eucharist was celebrated within the city, both in Jerusalem and in Rome.

In Rome, however, the long service on the route to Bethlehem and in Bethlehem became simplified. Instead of a long vigil from about 4 p.m. to, say, 2 or 3 a.m. culminating with the nocturnal Eucharistic liturgy, in Rome, there were, by the late sixth century, two different masses: one on the eve of the feast at 3 p.m. and another one at midnight, both at the church *Santa Maria ad praesepe*. It is obviously a result of the dissociation of a long service patterned after the services at "Shepherds" and in Bethlehem.

The morning liturgy in Jerusalem, in the Martyrion, has a parallel to the Roman morning mass in the Anastasia church. This parallel provides a key to the church's name, Anastasia. In Jerusalem, the round church called Martyrion was part of an ensemble of two churches that also included the Constantinian basilica called Anastasis. The morning Christmas celebration was thus located in the memorial to Christ's

resurrection. Taking into account this parallel, it becomes impossible not to recognise, in the Roman church of Anastasia, a memorial to the Resurrection. In the same way, the Anastasia church of Gregory of Nazianzus in Constantinople was dedicated to the Resurrection.

6.2.4. The Origin of the Name “Anastasia”: Evaluation of Previous Hypotheses

We have thus just partially confirmed the hypothesis by Hartmann Grisar that the Roman church of Anastasia was initially dedicated to the Resurrection⁵⁹. However, we cannot follow Grisar in his supposition that this church was one of the Constantinian buildings. Unlike Grisar, we do not attempt to inscribe the Anastasia church into the Constantinian programme of establishing Christian cultic places in Rome. Moreover, we do not need to follow him in the supposition that the feminine “Anastasia” was a distortion of “Anastasis”. The parallel with the fourth-century Anastasia church in Constantinople would suggest that it was rather a deliberate change than a distortion.

So far, we have said no word about Philip B. Whitehead’s hypothesis that Saint Anastasia received her name from the first Anastasia known to us as a historical figure, a sister of Constantine the Great [164] (she was one of the first Anastasiae in history⁶⁰). We do not need this hypothesis to explain the name of the church. Whitehead followed Duchesne, suggesting that the church was named after its private owner, whose name was Anastasia [64]. Duchesne himself was unable to point out a suitable candidate, but Whitehead, who allowed a pre-Damasian date for the first construction of the church, pointed to Anastasia, a sister of Constantine. Now we can confirm that her lifespan is compatible with the date of the erection of the church: she was born between *ca.* 270 and

300 and died after 316, possibly after the death of Constantine (337) [39, p. 143]. Nevertheless, Duchesne’s very idea that the church was named after its owner could hardly be true, given that the church played the role of the Roman Martyrion, a monument dedicated to Christ’s resurrection. All this said, however, we cannot exclude that some reminiscences going back to this sister of Constantine were actualized in the Roman cult of St Anastasia. At least, such a possibility should be kept in mind, because our present data on the Roman Christian cults in the fourth century is far from exhaustive.

6.2.5. Fourth- and Fifth-Century Christmas Stational Liturgy in Rome

Thus, the fourth- and early fifth-century Roman stational liturgy of Christmas could be reconstructed, presuming that, then, Saint Peter’s was interpreted as the Roman equivalent of the Bethlehem shrines (Table 1).

This reconstruction of the Roman stational liturgy of Christmas belongs to the early (probably earliest) epoch of Christmas in Rome, but certainly not to the pontificate of Leo the Great, when the morning mass became the most solemn instead of the nocturnal one.

A very long vigil with the nocturnal Eucharist in Saint Peter’s as the most solemn papal mass is confirmed by a letter of Pope Celestine and would have been a good occasion for the veiling of virgins under Pope Liberius.

The timespan when Christmas on December 25 might have been established in Rome (after 325 and before 360; a date before 336 is possible but far from certain⁶¹) overlaps with the timespan when the Anastasia church was built (337–366). Therefore, it cannot be excluded that the church of Anastasia was initially built for the Christmas

Table 1. The stational liturgies of the Nativity in the fourth- and fifth-century Jerusalem and Rome

	Jerusalem	Rome
Beginning of the first service	Tenth hour	Ninth hour
Place of the first station (no Eucharist)	“Shepherds”	Saint Peter’s
Place of the second station (no Eucharist)	Bethlehem, “the cave”	(Probably, no specific equivalent of the “cave”)
Place of the third (nocturnal) station (Eucharist)	Bethlehem, basilica	Saint Peter’s
Place of the morning station	Jerusalem, Martyrion	Rome, Anastasia

stational liturgy. Even if it was not so, the church must have been soon reconsidered as the Roman equivalent of the Jerusalem Martyrion and thus fit for the Christmas morning Eucharistic liturgy.

The question arises whether the Anastasia church had an exceptional status in Rome comparable with that of the Martyrium in Jerusalem and not comparable with that of any other Roman *titulus* church (especially the church of St Chrysogonus). Indeed, it did. It was located on the road from the port to the *Domus Augustana*, the only imperial palace on the Palatine Hill that continued to be in use throughout the late Roman, Gothic, and Byzantine (second Roman) periods of the history of Rome. In the list of urban churches of the city of Rome (within the *De locis sanctis martyrum quae sunt foris civitatis Romae. Ecclesiae quae intus Romae habentur*, between 635 and 645)⁶², *basilica quae appellatur sancta Anastasia* occupies the third place, after the basilica in Lateran (*basilica Constantiniana quae et Salvatoris; ipsa quoque et sancti Ioannis dicitur*) and the basilica Santa Maria Maggiore (*basilica quae appellatur sancta Maria maior*), before the basilica Santa Maria Antiqua (*basilica quae appellatur sancta Maria antiqua*), which is the fourth. In this list, the suburban Saint Peter's is absent, the Lateran basilica occupies its original place as the main Roman cathedral, and Santa Maria Maggiore is enumerated before the Anastasia according to its status *ad praesepe*. This list shows quite high status for Anastasia's church even in the seventh century, when it was overshadowed by Santa Maria Maggiore. Before the date when Santa Maria Maggiore became *Sancta Maria ad praesepe* and especially before it was built, the Anastasia church would have been the second among the urban churches, exactly as the Martyrion in Jerusalem (after the basilica of the Resurrection).

6.2.6. Under Leo the Great: From the Anastasia Church to the Church of St Anastasia

In light of our reconstruction of the early Roman stational liturgy of Christmas, the shift of the most solemn mass to the morning performed by Leo the Great looks like a radical change. Something important must have happened to Saint Peter's after 432 (the date of Celestine's letter

quoted above) and before Leo's mass in the church of St Anastasia on Christmas of 457/460. Indeed, under Leo the Great (440–461), even before the sack of Rome by the Vandals of Gaiseric (455), the role of Saint Peter's changed.

Under Pope Leo, the basilica underwent reconstruction, with a new symbolic purpose showcased through the great new façade mosaic and its inscriptions. According to the analysis recently performed by Paolo Liverani [107] and continued by myself [109, pp. 196–202], Saint Peter's was at that time transformed into a site for the commemoration of the baptism of Constantine the Great, similar to the Lateran basilica, along the lines of the hagiographical legend *Actus Sylvestri*. In this way, Leo made a considerable step in the same direction as Pope Symmachus (498–514), who would reshape Saint Peter's into the new ecclesiastical centre of Rome instead of the Lateran⁶³. However, Leo's Saint Peter's was an eschatological shrine. The central mosaic on its façade illustrated the Apocalypse of John: a clipeated bust of Christ against a sky-blue background with the four winged "living beings" (Ezekiel 1:5–28; Rev 4:6–8) above and the twenty-four elders (Rev 4:4) below; the figures of Constantine and Apostle Peter were also present. We know very little about this period of Saint Peter's and the immediate purpose of Leo's symbolism. It did not survive Pope Symmachus.

Leo the Great's Saint Peter's ceased to be the principal shrine for the commemoration of Christ's birth, whereas the formerly secondary shrine, Saint Anastasia, assumed its function. The removal of the most solemn pontifical mass from the night at Saint Peter's to the morning at Saint Anastasia is datable to Christmas of 443, as we will demonstrate below (section 7.5.4).

By the end of Leo the Great's pontificate at the latest (the *terminus ante quem* is provided by Leo's *tractatus* 96 dated to 457–460), the Anastasia church was considered to be dedicated to a certain martyr, St Anastasia. This was the period when St Anastasia of Rome, initially commemorated on September 7, acquired the date of December 25 as her principal commemoration day (cf. above, section 4.5).

A similar connection between a church called *Anastasis* and St Anastasia took place in Ravenna, where its bishop Ursus (*ca.* 405–431)

erected the cathedral (then called after him *Ursiana*) dedicated to Christ's Resurrection and officially called *Anastasis*, but in this cathedral, there was an altar dedicated to St Anastasia⁶⁴. There was, in Ravenna, the Gothic Arian church of St Anastasia (attested under this name in a papyrus dated to 551), which was possibly the Arian cathedral initially dedicated to *Anastasis* (the resurrection)⁶⁵.

In the sixth century, as we remember, a full-scale Roman Bethlehem was created in Santa Maria Maggiore that became the principal shrine of Christmas by the late sixth century.

Meanwhile, most probably under Leo the Great as well, the long vigil in St Peter's was reduced to a single papal mass on the evening of December 24.

When, under Pope Symmachus, St Peter's was transformed into the main cathedral of the city, the most solemn Christmas Eucharist, preserving its morning time, was relocated from St Anastasia to St Peter's, whereas the papal mass in St Anastasia was pushed to earlier in the morning.

The most recent among the three sixth-century masses on December 25 is, in my opinion, the midnight mass in Santa Maria Maggiore that might have been introduced when the *praesepe* (crib) of Christ was established in this church.

6.2.7. The Pre-Seventh-Century Evolution of the Christmas Stational Liturgy in Rome

The four stages of the development of the Christmas stational liturgy are presented in Table 2. The early stage (before Leo the Great) is presented as a single event, whereas, in fact, the development might have been more complicated in the case that the Roman Christmas feast existed

before the construction of the Anastasia church. This stage corresponds to the liturgy represented in Table 1. The second stage corresponds to the reform of Leo the Great. The third and fourth stages are roughly contemporaneous (sixth century), and the respective developments would have been parallel.

6.3. St Anastasia, Christmas and the Path to Sirmium

Now we have to take a short break for recapitulation of the data that we must retain for continuing our path to the origins of the cult of Anastasia. The most important are the following conclusions:

The Anastasia church was either originally built (between 337 and 366) for the Christmas stational liturgy as an equivalent of the Jerusalem Martyrion or was redesignated for this purpose shortly after having been erected. Its name, Anastasia, referred to the *Anastasis* basilica in Jerusalem.

No later than under the pontificate of Leo the Great (440–461), the Anastasia church was reconsidered as dedicated to some St Anastasia.

It was only at this time that St Anastasia became commemorated on December 25 (cf. above, section 4.5).

The legend of this St Anastasia was approximately identical to the *Passio ipsius Anastasiae* (BHL 401), whereas some differences took place (this Anastasia was born to pagan parents and, while being a Roman matron, was not a virgin).

This Roman St Anastasia had a historical prototype in Anastasia (born between 352 and 354 and died no earlier than in the very late

Table 2. Main stages of development of the Roman stational liturgy of Christmas (tentative reconstruction)

Stage	Date	Evening	Midnight	Early Morning	Later in the Morning
I	Before Leo the Great	A long vigil in Saint Peter's		–	Mass in Anastasia
II	Leo the Great (since 443)	Mass in Saint Peter's	–	–	Most solemn mass in Anastasia
III	Since Symmachus	Mass in Saint Peter's	–	Mass in Anastasia	Most solemn mass in Saint Peter's
IV	By the late 6 th cent.	Mass in <i>S. Maria ad praesepe</i>	Mass in <i>S. Maria ad praesepe</i>	Mass in Anastasia	Most solemn mass in Saint Peter's

fourth century), the daughter of Caesar Gallus and Constantina, a daughter of Constantine the Great.

Now one has to ask where, in this scheme, Sirmium is. Indeed, in this scheme, Sirmium is absent. Sirmium, however, is nearby, but, looking for Sirmium, we have to trace St Anastasia's connections with other saints venerated in Rome under the pontificate of Leo the Great.

We are already not too far from Sirmium. The story of the daughter of Gallus and Constantina refers to the reign of the Arian persecutor Constantius II, when Sirmium was the main residence of the emperor from 351 to 359. Gallus was proclaimed Caesar on March 15, 351, at Sirmium. The marriage between Gallus and Constantina was concluded there, even though the couple immediately left Sirmium for Antioch, where their daughter was born [19, pp. 221-223]. Such facts demonstrate that Sirmium would not have been completely unconnected to the biography of the daughter of Gallus and Constantina. We cannot help but wonder whether, in some hagiographical legends, we meet the Roman saint Anastasia accompanying some saint of Sirmium.

7. St Anastasia and St Bassilla:

The Earliest Roman Cult

The name Anastasia was incompatible with the name of a pre-Constantinian martyr at Sirmium. Nevertheless, St Anastasia is mentioned as a martyr at Sirmium in the *Martyrologium Hieronymianum*, and her relics were translated from there to Constantinople between 468 and 470. This means that, no later than in the first half of the fifth century, the Roman martyr Anastasia became associated with Sirmium. One can imagine a number of ways that this would have been done. We need, however, to keep to sources. The sources point to a close connection between St Anastasia and a martyr of Sirmium, Bassilla. Bassilla's hagiographical dossier survived in a severely fragmented state, but it is somewhat recoverable. It provides a strong link between Rome and Sirmium. At some stage, it became interwoven with the dossier of St Anastasia.

In the following subsections, we will trace the mutual connection between the cults of the two martyrs, St Bassilla and St Anastasia, and discuss the fate of the historical martyr St Bassilla of Sirmium in Rome.

The main theses that I hope to demonstrate below are the following:

– The cult of the historical martyr Bassilla, also known as Basilissa, already existed in Sirmium before the middle of the fourth century.

– In Rome, Bassilla of Sirmium became amalgamated with the martyr Bassilla of Rome (it is difficult to decide whether she was originally identical or not with Bassilla of Sirmium).

– In early fifth-century Rome, it became connected to the cult of St Anastasia. In the pair of martyrs, Bassilla and Anastasia, the leading figure was Bassilla. This cult of the two saints was rather short-lived, but some traces of it survived.

– The cult of the pair of Bassilla and Anastasia was destroyed under Leo the Great when St Anastasia's main commemoration day became Christmas. Then, the ways of the two saints parted. The importance of Anastasia increased, whereas that of Bassilla decreased.

– Bassilla produced new avatars, but always those of secondary characters in the hagiographical legends of other saints. Among them, the most known are those of a companion of St Eugenia and of a companion of St Julian (in both cases, under the name Basilissa, which appeared as a variant of Bassilla).

7.1. The Historical Bassilla of Sirmium and Her Oriental Name, Basilissa

The name Bassilla (spelled in Latin as either *Bassilla* or *Basilla*)⁶⁶ is seldom preserved intact in the languages of the Christian East. Most often, it is rendered with the Greek name with quite different etymology but a similar sound, Basilissa. This is already the case in our earliest historical document, the Syriac martyrologium of 411, which, in turn, is a translation of the lost Greek document dated to ca. 362. Here, we read, on August 29 (ed. by F. Nau [125, p. 20]):

ܒܫܝܠܝܫܐ ܕܫܝܪܡܝܘܡ ܕܫܝܪܡܝܘܡܐ

“And on the twenty-ninth (of August): in Sirmium, Basilissa (*bsyls*)”⁶⁷.

This entry is echoed in the *Martyrologium Hieronymianum* on August 29 as well: *In Sirmia Basillae virginis*⁶⁸. Thus, the *Hieronymianum* provides a decisive proof that *bsyls* is, indeed, Bassilla of Sirmium.

The *Hieronymianum* is the latest document where this martyr of Sirmium appears – at least, under her original name, Bas(s)illa. Now we know,

however, that, in the Oriental documents, Bassilla is to be looked for under the name Basilissa.

7.2. Basilissa and Anastasia

There is a legend where Anastasia appears as a companion of some Basilissa. It is preserved as a short entry in the Synaxarium of Constantinople on April 15, 16 or 17⁶⁹ and goes back to the notice of the *Typikon* of the Great Church on April 15: Καὶ μνήμη τῆς ἁγίας Βασιλίσσης καὶ Ἀναστασίας (J. Mateos [115, p. 266]) (“And the commemoration of Saint Basilissa and Anastasia”). This commemoration is lacking from the Armenian and Arabic versions of the Synaxarium but is present in the Slavonic (on April 15, with a translation of the epitome of the lost *Passio*)⁷⁰ and in the Georgian (also on April 15, but without the epitome), where the name of Basilissa is replaced with Basilia (და ჰსენებად წმიდათა დედათა მოწესეთა ბასილიაჲსი და ანასტასიაჲსი (დოდი სვინაკსარი [168, გვ. 221]) “and the commemoration of the holy women martyrs Basilia and Anastasia”). There is no trace of this pair in the mediaeval Roman sources⁷¹.

The legend runs as follows: Basilissa and Anastasia were noble and rich Roman women who became disciples of apostles (no names of apostles are provided). After the deaths of these apostles, they buried their bodies secretly. Because of this, they were summoned to Emperor Nero. After having refused to apostatize, they were tortured and truncated by the sword. One can remark that the unnamed apostles, in plural, who died in Rome are certainly Peter and Paul.

In the Byzantine liturgical calendar *ca.* 900, where we find this commemoration for the first time (in the *Typikon* of the Great Church), Basilissa and Anastasia’s commemoration day is already certainly not *in situ*, that is, not at its original place in the liturgical year. The Byzantine commemoration oscillated between April 15, 16, and 17, while on April 16 came the commemoration of Irene, Agape, and Chionia, companions of Anastasia, according to the Byzantine legend. The commemoration of Basilissa and Anastasia, which did not imply any specific liturgy at all (at least, by *ca.* 900), was put near a place in the calendar that was already related to the cult of Anastasia, no matter which of her avatars.

Basilissa and Anastasia are, in this legend, the companions of the apostles of Rome. Such a legend, similarly to the legend of Anastasia and Petronilla, the daughter of Apostle Peter (see below, section 9), must have been the final result of an evolution wherein the status of the respective saints greatly increased. Let us recall that the meaning of the absolute chronology in the *Passions épiques* is a symbolical reference to the status of the cult: the further from the present of the hagiographer and the closer to the Christian past, *viz.*, the apostles and Emperor Nero, the higher the status of the cult of a martyr is⁷².

The cult of the pair of Basilissa and Anastasia belonged to pre-Byzantine Rome at the turn of the fifth and sixth centuries and, therefore, existed during the Byzantine epoch of Rome (from the mid-sixth to the mid-eighth centuries) and was inherited by the calendar of Constantinople without, however, prescribing any significant services. This is why, far from Rome, in Constantinople, a trace of this Roman cult (a commemoration with a short epitome of the legend) was preserved, while in Rome, any trace of this cult disappeared.

Let us notice that, in the pair of Basilissa and Anastasia, Anastasia is the second. Normally, paired saints form ordered pairs, where the order of the paired names is unchangeable. Unlike the pair of Anastasia and Petronilla (to be discussed below), the pair of Basilissa and Anastasia implied a leading role for Basilissa.

The next step of our inquiry is to understand whether this Basilissa has any relation to the Bassilla of Sirmium.

7.3. Bassilla/Basilissa Commemorated on Christmas

Our search must be focused on the hagiographical coordinates. The characters wandering from one legend to another, most often, have become acquainted as neighbours – in either the calendar (coordinates of time) or sacred topography (coordinates of place) or both.

We immediately meet one Basilissa in a Roman legend who shares with Anastasia her most important coordinate of time, her commemoration date in Rome on December 25. According to the *Martyrologium Hieronymianum*, on December 25, beside St Anastasia, St Eugenia and those with her are commemorated. In the Byzantine calendar,

their commemoration is displaced to December 24 due to the same principle that caused Anastasia's commemoration to be displaced from December 25 to December 22: no saints' commemorations on the day of the greatest feasts.

The Roman legend of St Eugenia (the earliest recension of which is *BHL* 2267)⁷³ was composed in late fifth-century Rome in order to unite, within the single plot of a legend (that certainly served as pilgrims' guides), the Catacombs of Apronianus on the Via Latina (southeast of Rome), where was deposed St Eugenia, with the Catacombs of Bassilla (also called Hermes) on the Via Salaria Vetere (north of Rome), where were deposed Bassilla, Protus and Hyacinthus.

In the second part of the legend of Eugenia, where the place of action is Rome, the hagiographer was inspired by the *Passio* of Nereus and Achilleus. It is in this part that there appears a virgin from the Roman nobility called Basilla. The Basilla of the legend, being modelled after Domitilla from the *Passio* of Nereus and Achilleus, is also the niece of an emperor, but this time of Gallienus⁷⁴. As Cécile Lanéry noticed, there would have been no reason to make Basilla the niece of an emperor unless the hagiographer was imitating the model of Domitilla, a niece of Emperor Domitian, from the *Passio* of Nereus and Achilleus [99, p. 135]. The motif of two companions of Eugenia, her two Christian eunuch slaves, Protus and Hyacinthus, whom she commissioned to Basilla, and who were martyred together with Basilla, is also borrowed from the *Passio* of Nereus and Achilleus⁷⁵. Just like Nereus and Achilleus, Protus and Hyacinthus were historical martyrs preserving their actual names; their relics were deposed in the catacombs of Bassilla. Most probably, the hagiographer made them eunuchs expressly for accompanying a noble dame in the hagiographical narrative. We know nothing about their actual biographies. In many respects, the *Passio* of Eugenia is not pure fantasy. E. Gordon Whatley, after having deeply investigated its historical background, disagreed with Delehay's evaluation⁷⁶; he concluded that the *Passio* is "...not the accidental product of ignorance or garbled oral traditions, as Delehay's critique implies, but results rather from a studied and deliberate blending of historical truth and fiction" [163, p. 92].

The name of Ba(s)illa was difficult for non-Latin speakers, even though it was preserved in the Greek (Βασίλλα)⁷⁷, Syriac (ܒܫܝܠܐ)⁷⁸, and Melkite Arabic (فاسيلة)⁷⁹ translations of Latin recensions (the Greek was translated from Latin but the two others were translated from Greek). However, in Oriental recensions, Bassilla, most often, became Basilia: thus in the Armenian (Բասիլիա)⁸⁰ and the Georgian (ბასილია) (კ. კეკელიძე [169, გვ. 79-85]) and, as an alternative form, in the Syriac (ܒܫܝܠܐ)⁸¹ too. Nevertheless, in the Synaxarium of Constantinople, she became Basilissa⁸². This name occurs as an alternative form also in the Syriac (ܒܫܝܠܝܫܐ) (ed. by P. Bedjan [21, pp. 499, 500, 504]).

This name change goes back to Rome, and it had already taken place in Latin (not to mention that, in the Greek martyrologium of ca. 362 available in the Syriac version of 411, Bas(s)illa had already become Basilissa (see above, section 7.1)). In two seventh-century pilgrims' guides describing Byzantine Rome in Latin, Basilla is Basilissa: *Basilissa uirgo et martir* ("Basilissa, the virgin and martyr") in the *Notitia ecclesiarum urbis Romae* (between 625 and 649, preserved in a single eighth-century manuscript)⁸³ and *sancta Basilessa* in the *De locis sanctis martyrum quae sunt foris civitatis Romae* (between 635 and 645, preserved in three manuscripts, the eldest of which is the same as that of the *Notitia*; in this manuscript, a later hand corrected *Basilessa* to *Basilissa*) (ed. by F. Glorie [72, p. 321]).

Now, we can formulate a working hypothesis that will be proved below (section 7.5). Previously, Bassilla/Basilissa and Anastasia were commemorated on December 25 as a pair, and only later were they separated into different hagiographical novels: Anastasia became the main character of the old Roman legend of Anastasia (the Latin prototype of *BHL* 401), whereas Bassilla became "encapsulated" in the legend of St Eugenia. Such a separation became required under Leo the Great, who made the *titulus* church of Anastasia the main church of the Roman Christmas stationary liturgy. In this new situation, the status of St Anastasia as the second character in a pair became intolerable. A new legend, where St Anastasia was the main character, was then composed. This is the legend described above (section 4.6) as the early Roman legend of St Anastasia.

7.4. The Roman Bassilla/Basilissa and Sirmium

Basilla of the *Passio* of St Eugenia was a niece of Emperor Gallienus. This feature contains something more than a mere imitation of Domitilla from the *Passio* of Nereus and Achilleus. Gallienus was a member of the famous Roman family *gens Licinia*. Therefore, Basilla is introduced as a member of the same family. This fact could serve to substantiate a hypothesis that I think is worthy of being put forward, even though I am unable to verify it: the two Bassillae, of Sirmium and of Rome, are the same.

Sirmium was the capital of Emperor Licinius (r. 308–324) from 308 to 316, after which it became the *de facto* capital of Constantine the Great (from 317 to 321). M. Mirković [121, pp. 86-88]. Had Licinius himself belonged to *gens Licinia*, there would be no doubt that Basilissa's relationship with the *Licinii* refers to her location in Sirmium. In fact, however, Licinius's parents were peasants with no relation to the Roman aristocracy. The *Historia Augusta* (*Gordiani tres*, 34.5), unfavourable to Licinius, mentioned that he claimed to trace his origins to an emperor, but an emperor unrelated to the *Licinii*, Philip the Arab⁸⁴. To become emperor, Licinius was adopted into the family created by Diocletian for himself, the *Jovii*. H. Chantraine [37]. There is no source, however, claiming any relation between Licinius and *gens Licinia*. Due to a lack of evidence, it is impossible to insist that Basilissa was made one of the *Licinii* to establish her relationship with the homonymous emperor. Nevertheless, this homonymity itself provides a basis for such a supposition. A relationship to Licinius would make sense for a martyr in Licinius's capital, Sirmium. The *Passio* of Eugenia, however, attributes this relationship to the Roman Bassilla. Therefore, one can put forward the hypothesis that the two Bassillae are one.

Let us check whether the data available from Rome would contradict this hypothesis.

The historical data related to the Roman martyr Bas(s)illa are limited to a single document, the *Depositio martyrum*, dated to 354:

X kal. Octob. Bassillae [variant reading *Basillae*], *Salaria vetere, Diocletiano IX et Maximiano VIII consul(ibus)*.

[22 September] Bassilla, on the Via Salaria Vecchia, in the ninth consulship of Diocletian and the eighth of Maximian [= AD 304]⁸⁵.

Despite the commonly accepted view, this text does not guarantee that Bassilla was martyred in Rome or in 304. The *Depositio martyrum* enumerates non-Roman martyrs as well, including those who were martyred in other places but deposited in Rome⁸⁶; the absolute dates provided by the *Depositio* are rare (only three) and always problematic⁸⁷. What we have to retain for sure from the *Depositio* is only the fact that, by AD 354, some St Bassilla was venerated (obviously in relics) in the homonymous catacombs on the Via Salaria Vecchia. This conclusion is compatible with the identification of the two Bassillae, those of Rome and of Sirmium. It does not contradict the possibility of the presence of Bassilla's relics in both Sirmium and Rome. This would have been possible in both cases, regardless of whether the two Bassillae were identical or not. If they were identical, we have to recall that only seldom, after the translation of relics, these relics (or objects considered to be them) disappeared at the place where they were preserved earlier. Normally, translations of relics result in their multiplication.

To some extent, the hypothesis that the two Bassillae are identical is corroborated by the fact that the commemoration day of Bassilla of Sirmium, August 29 (as in the *Martyrologium Hieronymianum* and in the Greek document of ca. 362 available in Syriac), follows the commemoration day of the most famous martyr of the Catacombs of Bassilla, St Hermes, August 28 (thus in both *Depositio martyrum* and *Martyrologium Hieronymianum*)⁸⁸.

How this Bassilla and the namesake of the respective catacombs are related to each other is an open question⁸⁹ that I do not pretend to answer.

7.5. Bassilla and Anastasia Commemorated on the Epiphany Feast (January 6)

The Roman legend of St Eugenia helped us to put forward a working hypothesis that, on December 25, the original commemoration of the pair of Bassilla/Basilissa and Anastasia became replaced by a separate commemoration of Anastasia with the relocation (with, of course, subsequent reshaping) of the legend of Bassilla into the hagiographical narrative of St Eugenia. This hypothesis can be proved with a similar

observation concerning the Epiphany feast on January 6. Here, we have, in the *Martyrologium Hieronymianum*, the same separation between Anastasia and Bassilla/Basilissa, but, in this case, the relocation and reshaping of the legend of Bassilla/Basilissa took place in the legend of St Julian, representing an Oriental hagiographic tradition related to the baptismal waters. The early Roman Epiphany was more of a duplication of Christmas than a different feast. If, on both Christmas and Epiphany, the commemorations of Anastasia and Bassilla/Basilissa became separated in a similar way, this is certainly not a coincidence. There must have been a cult of the pair of Bassilla and Anastasia incorporated into the Roman double feast of Christmas and Epiphany.

7.5.1. Commemoration of St Anastasia on the Epiphany

In the *Martyrologium Hieronymianum*, there are three commemoration days of St Anastasia. Without counting the restored commemoration on September 7, two dates remain: not only December 25, Christmas, but also January 6, Epiphany. The former date is also indicated by the liturgical tradition of Rome and the later Latin calendars, whereas the latter is presently unknown elsewhere.

In several manuscripts, the latter date oscillates between January 5, January 6, and January 8, but it is clear that the readings with January 5 and 8 are accidental and posterior to January 6⁹⁰.

January 6 poses a problem. The readings of the most important manuscripts and of the majority of the others are unanimous in *Apud Sirmium Anastasiae* (putting aside the differences in spelling and grammar)⁹¹. Quentin and Delehaye resolved it in a way that could be somewhat convincing only under the condition that, as Quentin and Delehaye indeed supposed, we already know that the date of January 6 for Anastasia's commemoration does not correspond to any historical reality. Namely, Delehaye wrote (following Duchesne⁹²): *Pristinam lectionem servaverunt codices qui habent Anastasi. Huius enim nominis martyris est inter socios S. Iuliani. Anastasiam intellexit qui locum passionis, Sirmium proprio Marte ascripsit, et emendandum censuit: apud Sirmium Anastasiae quanquam nec Sirmii nec alibi 6 ianuarii festum S. Anastasiae agitur, sed*

*25 decembris*⁹³. The reading "Anastasi" has, among the three most important manuscripts, manuscript E (*apud sirmiam anastasi*) (ed. by I.B. de Rossi, L. Duchesne [50, p. 6]).

Indeed, the manuscripts of martyrologia have numerous errors, but such an error with respect to one of the most venerated saints is hardly imaginable. Explanations via error should be used as a last resort. First of all, such an apparent anomaly in the *Martyrologium Hieronymianum* should be studied in the larger context of the Roman calendar, especially the feast of Epiphany and the hagiographical dossier of St Julian (occasionally mentioned by Duchesne and Delehaye). I would say in advance that such an association of the commemoration of St Anastasia with the Epiphany in the *Martyrologium Hieronymianum* but not in the later liturgical documents must be explained as a hallmark of the period, in the mid-fifth century, when the Anastasia church was the principal station of the Epiphany.

7.5.2. The Early Roman Epiphany Feast: A Duplication of Christmas

The history of the Epiphany feast on January 6 is extremely complicated, beginning in Second Temple Judaism⁹⁴. The Christian Church in different regions adapted it in different ways. Rome perhaps followed the African Church. Unlike the other western (and, of course, eastern) Churches, these two Churches limited the contents of the festal commemorations to the adoration of the Magi. It is likely that Pope Damasus introduced the feast in Rome⁹⁵. If so, it was, in Rome, roughly contemporaneous with Christmas, perhaps slightly later. This hypothesis is plausible but unproven. The earliest date of the Epiphany in Rome that we can know for sure is the pontificate of Innocent I (401–417)⁹⁶.

The main theme of this festival in Rome, even by the late sixth century, was the adoration of the Magi and the apparition of the star of Bethlehem (ed. by A. Chavasse [40, p. 213]). The theme of baptismal waters was added to this feast in Rome no earlier than the pontificate of Gregory the Great (590–604)⁹⁷, when Rome became Byzantine. Paul F. Bradshaw and Maxwell E. Johnson seem to contradict this chronology, but if they actually had such an intention, their argument failed⁹⁸. Until the very late sixth century, the feast was focused on Bethlehem

and not on the Jordan River, thus becoming the second commemoration of Christ's birth.

The history of the Epiphany in Rome is still understudied ⁹⁹. For the time being, however, I consider Thomas J. Talley's conclusion about the nature of the early Roman Epiphany feast to be the most exact: "...just as the Roman nativity festival was adopted in the East, so the eastern nativity festival was adopted in the West. In the latter case, however, it is significant that the January festival was taken over not as celebration of Christ's baptism in the Jordan, as it remained in the eastern solution, but as an alternative date for the nativity <...>. As such a doublet for the nativity festival in December, the Epiphany required a distinction, which led to the division of the nativity story and the assignment of the adoration of the Magi to the January date" [148, pp. 145-146].

7.5.3. Santa Maria Maggiore in the Stational Liturgy: The Roman Sion?

In order to introduce a significant change in the stational liturgy in Rome, Pope Celestine I (r. 422–432) started the erection of a new papal basilica. Oddly enough, there is no, so far, specific study dedicated to the original liturgical meaning of the building. The available studies are either focused on much later periods when this church became *S. Maria ad praesepe* or ignore liturgy entirely. However, we have to pay some attention to this problem because important mosaics of this church, finished by the 430s, point unambiguously to the Roman feast of the Epiphany; I mean the scenes of the adorations of the Magi on the triumphal arch (the altar arch in the original construction). We need to know whether Santa Maria Maggiore became a part of the Epiphany stational liturgy.

The Triumphal Arch of Santa Maria Maggiore as a Liturgical Problem

The iconographic programme of the triumphal arch of the church is as follows (Table 3 and figs. 1–5).

It is beyond doubt – and, therefore, outside the scope of the present discussion – that the iconographic programme of Santa Maria Maggiore was intended to reveal this church as dedicated to the Virgin Mary. We have to pose a very natural but, so far, never-posed question about the initial place of this church in the stational liturgy of Rome. Its place since the late sixth century is known to us, but we are interested in the original setting. One can be sure that the answer may be read in the mosaics of the triumphal arch dated to the time when the church was built (projected and even performed before Sixtus III ^{99a}). We have to factor out the compositions that point to the eschatological dimension of the Roman See (represented by the pair of apostles Peter and Paul on both sides of the eschatological vision of God's throne, the Etimasia) and the respective feast ¹⁰⁰. We are looking now only for the very literal meaning and the calendar date. Thus, only eight compositions need to be taken into account (they are numbered in Table 3) ¹⁰¹. One of them (Nr. 7, fig. 5), however, has no satisfying interpretation ¹⁰².

Among the seven remaining compositions, two (Nrs. 5 and 8, fig. 1) are directly and one (Nr. 6) is indirectly connected to the adoration of the Magi. In the stational liturgy of pre-Byzantine Rome, this is an indication of the Epiphany, which becomes especially clear after having been contrasted with the lack of any specific marks of Christmas (e.g., the shepherds, a scene

Table 3. Iconographic Programme of the Triumphal Arch of Santa Maria Maggiore

(1) Annunciation	(2) Doubts of Joseph	Four Animal Beings			(3) Presentation of Jesus (Lk 2:22-38)	(4) Escape to Egypt
		Apostle Peter	Etimasia (Cross on the throne)	Apostle Paul		
(5) Adoration of the Magi		<i>In the apsis (destroyed): possibly an icon of Maria sitting with the child</i>				(7) Unidentified
(6) Massacre of the Innocents						(8) Magi and scribes with Herodes
Jerusalem						Bethlehem

of parturition, etc.). Such a selectivity reveals a separation between the two feasts, Christmas and Epiphany, in the Roman calendar. Thus, we have to look for a Marian feast interconnected with the Epiphany. So far, only Maria Raffaella Menna has come close to realising the connection of these mosaics with the Epiphany, but even she did not break the habit of anachronistically interpreting them within the context of Christmas¹⁰³. Most often, attempts to establish a direct link between the iconography of the basilica and certain texts, such as the Scriptures (canonical or uncanonical) or the documents of the Council of Ephesus (431), have resulted in a major methodological flaw. The flaw is ignoring the only real mediator between iconography and theology, together with exegesis. This medium is liturgy¹⁰⁴. Church iconography belongs to the liturgical space, thus being something different from the illumination of the book.

The Jerusalem Marian Feast on the Fourth Day of the Epiphany

The feast we are looking for appeared in Jerusalem before 428 and after 394, most probably in the first quarter of the fifth century. It was celebrated on the fourth day of the Epiphany (January 9). Its liturgy is described in the Armenian lectionary of Jerusalem, where it is celebrated at Sion, that is, in the Sion basilica (ἡ Ὑληρρ Ὑἱηνῦ “in Saint Sion”) [129, p. 80/81 (txt/tr.)]. From the Armenian lectionary, we know that the main topic of the feast was the annunciation to the Virgin Mary (Gospel reading: Lk 1: 26–38; Epistle reading, Gal 4:1–7, also mentions “a woman” in 4 : 4) – the topic of the mosaic scene Nr. 1 in Santa Maria Maggiore, located in a privileged place on the altar arch of the church. The next composition (Nr. 2, Doubts of Josephus) refers to the annunciation as well. Only two or three compositions (Nrs. 3 and 4, but perhaps also Nr. 7) do not fit the Jerusalem feast of January 9.

Thus, out of eight compositions under consideration, five point to the feast known to us from contemporary Jerusalem: a commemoration of the annunciation in the octave of the Epiphany.

However, the Roman Epiphany, being a commemoration of the adoration of the Magi, preserved its difference from the Jerusalemite, which was simply identical to Christmas.

One can suppose, without having support from data from Jerusalem, that other events represented on the arch (compositions Nrs. 3, 4, and 7) were also commemorated in Rome during the octave of the Epiphany.

The Jerusalem Marian feast was earlier than, but roughly contemporaneous with, Santa Maria Maggiore. Its *terminus ante quem* provides a homily of Hesychius of Jerusalem; it is dated to the period before the Nestorian quarrels, that is, before 428¹⁰⁵. We do not know when Hesychius began to preach, but certainly before 412. Thus, the date of this homily could be even before 412. Nevertheless, for the *terminus ante quem*, we have only one certain date, 428.

The homily of Hesychius begins with an annunciation scene containing a long dialogue between the Virgin and Gabriel and continues with the adoration of the Magi (then finishing with a heated anti-Jewish polemic).

The *terminus post quem* for the feast must be established using the date of the homily of John II of Jerusalem for the dedication of the Sion Basilica, preserved in Armenian¹⁰⁶. In this homily, the liturgical cycle related to Sion still lacked any Marian overtones. Michel van Esbroeck dated this homily to 394, and I follow him in this. Nevertheless, Stéphane Verhelst is more sceptical: he considers 415, the date of the discovery of the relics of St Stephanus, the only certain *terminus ante quem* for the dedication of the basilica and the homily [159, pp. 200-203]. Be that as it may, the homily of Hesychius was certainly not much later than the establishment of the respective feast. The latter is broadly dated to the first quarter of the fifth century.

Having been borrowed from Jerusalem, the new Marian feast must have been sufficiently solemn. We have, at least, two indications that it indeed was so. The first one is the very existence of a homily by Hesychius: if he delivered a specific homily, then the occasion must have been worthy of it. He said, in the opening passage of the homily: ἡ δὲ παροῦσα νῦν ἡμέρα τῆς ἑορτῆς ὑπερένδοξος παρθένου γὰρ περιέχει πανήγυριν (Aubineau [16, p. 194]) (“...the festal day that is present now is the most glorious, because it contains the celebration of the Virgin...”). The second one is the subsequent history of the feast in Jerusalem. In the Georgian Jerusalem lectionary that gives evidence of the Jerusalem

liturgy as it was in the eighth century, a Marian feast on the fourth day of the Epiphany is still present (§§ 124–126) (M. Tarchnischvili [149, vol. I, [pt. 1], p. 24 (txt); vol. I, [pt 2], p. 26 (tr.)]). It is worth noting that while this feast continued to exist, its context drastically changed (in Jerusalem, the Epiphany became the commemoration of Christ's baptism and ceased to be Christmas; the Annunciation became a different feast on a different date). Nevertheless, the feast preserved its Marian character¹⁰⁷, thus proving (according to the second law of Baumstark) its originally high status.

Santa Maria Maggiore: The Roman Sion?

There could be little doubt that Santa Maria Maggiore was erected in order to establish, in the Roman stationary liturgy, the station for the new Marian feast on the fourth day of the Epiphany. The main festal commemorations were, as in Jerusalem, the annunciation and the adoration of the Magi. Perhaps two other themes, such as the presentation of Christ in the Temple and the escape to Egypt, were commemorated on either this day or the following days of the octave of the Epiphany.

This feast has certainly not survived the sixth century, when the crib of Christ was installed in the church and the church itself became a station of the liturgy of Christmas. These processes can be dated to the Byzantine period, when the Roman Epiphany was reshaped after the Byzantine pattern – in the way that the adoration of the Magi was replaced among the commemorations of Christmas. Before this, Santa Maria Maggiore continued to be a station of the Epiphany, but only on the fourth day of the feast. It was not a station on the first day of the Epiphany.

Despite the radical changes in the respective liturgies, a meagre trace of the feast in question is preserved in the *Martyrologium Hieronymianum*: the commemoration of the return of Jesus from Egypt on either January 7 or 6¹⁰⁸. I think that those commemorations echoed the escape to Egypt once commemorated on January 9, the only one among the earlier Roman commemorations of the fourth day of the Epiphany that was not shifted to another day (as were the annunciation, the presentation of Christ, and the adoration of the Magi). Hardly any other explanation could be given for the so far unexplained presence of the escape to Egypt

those days. Those commemorations might have been removed from their original place, *feria IIII*, because, by 645, that day was occupied with an additional solemn commemoration of Christ's Baptism¹⁰⁹.

The Marian feast on the fourth day of the Epiphany was established in Jerusalem and borrowed from there in Rome without any connection to the polemics against Nestorius. It was rather Nestorius who reacted against the rising cult of the Theotokos.

It would be interesting – but not within the scope of the present study – to check whether Santa Maria Maggiore was projected as the Roman Sion basilica patterned after the contemporary Sion basilica in Jerusalem. The latter had already been reinterpreted as the major Marian shrine.

In Jerusalem, the development of a Marian cult at Saint Sion was expressed, besides the new feast, in the florilegium of prophecies on the Holy Virgin. The florilegium was partially apocryphal and was put in the mouth of St Stephanus in early recensions of his *Passio* (preserved in some rare Greek manuscripts and in the Slavonic and Georgian versions); the ultimate origin of this florilegium is unknown¹¹⁰. These prophecies became especially widespread during the wave of popularity of the cult of St Stephanus after the discovery of his relics near Jerusalem in 415. Among these prophecies on the Virgin who would give birth to the Messiah, there were two that did not mention any female at all, suggesting that the equation “Sion = Virgin Mary” had already been firmly established. Those were Ps 131:8 LXX (“Arise, O Lord, into thy rest; thou, and the ark of thy holiness”) and the apocryphal Baruch: “And Baruch the prophet says: A rock (πέτρα) will appear from the eternal mountains (φανήσεται ἀπὸ ὀρέων αἰωνίων) and will smite (πατάξει) the abominations of desolation (βδελύγματα/βδέλυγμα τῆς ἐρημώσεως)” (quoted according to BHG 1649d and 1649h). That prophecy of Baruch on the “rock” was traceable to the apocryphal messianic prophecy, equally on the “rock” (צור על עז “Rock of Zion”), ascribed to Joshua bar Nun in Qumran (4Q522, fr. 9, col. ii).

Another channel of influence of this Marian theology of Sion was one version of the cult of the Dormition represented in the *Transitus* type “Sion and the Tree of Life”. This version of the *Transitus* texts is datable to the late fourth

century, but nothing is known about its possible contribution to the Jerusalem liturgy as early as the first quarter of the fifth century ¹¹¹.

Anyway, Santa Maria Maggiore originated from the new form of the Marian cult that appeared in Jerusalem in the first quarter of the fifth century. The new basilica must have been immediately installed in the stational liturgy of Rome, but its original location in the calendar was January 9, the fourth day of the Epiphany, without affecting the liturgy of the first day, January 6.

7.5.4. The Early Roman *Stationes* of the Epiphany

The stark absence of any discussion of the Epiphany stational liturgy in Rome in the monograph by John Baldovin ¹¹² makes us feel how unexplored the field on which we have entered. Victor Saxer, in turn, did not discuss the stational liturgy of the Epiphany before the seventh century, when the Roman feast was already reshaped [136, pp. 949 and 1000]. Several facts related to an earlier period have already been known, but they appeared as random tesserae of a scattered mosaic. To put them together, we need to prefigure a general outline of the lost drawing. This becomes possible given that both Christmas and Epiphany were, in pre-seventh-century Rome, focused on Bethlehem. Thus, their stational liturgies must have been similar, i.e., structurally identical.

This means that, before Leo the Great, the place of the most solemn papal Epiphany mass was Saint Peter's. Were the Epiphany one of the most important feasts but unrelated to Bethlehem, this mass would have been celebrated within the city, perhaps in the basilica of the Saviour in the Lateran, but certainly not outside the walls. Let us recall that Saint Peter's then was far from its future status as the main papal cathedral. Therefore, our first question is whether, before the mid-fifth century, the Epiphany vigil was celebrated in Saint Peter's.

We have to answer positively even if we reject the evidence of St Ambrose related to ca. AD 353, without being able to decide definitively whether it is related to December 25 or January 6 (see above, section 6.2.2).

The next indication is the letter of the prefect of Rome, Symmachus, to Emperor Honorius, dated January 8, 419, and related to the situation

when two Popes, Eulalius and Boniface I, were consecrated almost simultaneously on December 29, 419. For the Epiphany feast, Eulalius, then backed by the prefect, celebrated in Saint Peter's in the Vatican (*eo die paene cum omni multitudine ad sancti apostoli Petri basilicam solemniter celebrabat* "on that day, almost with the whole multitude [of people] celebrated the feast at Saint Apostle Peter"). Boniface, who then was residing in Saint Paul's Outside the Walls, made an unsuccessful attempt to break into the city by force, despite having been previously forbidden by the prefect. The prefect anticipated this intention of Boniface's party and constrained him not to make a "procession" (*processio*) into the city ¹¹³. It is clear from this story that Saint Peter's was considered the proper place for the pontifical mass on the Epiphany; an important detail is that Honorius's decision to recognise Eulalius as the pope was read to the people at the same mass at Saint Peter's. It is no less clear that even the prefect, who was a pagan, understood that Saint Paul's Outside the Walls was an absolutely unsuitable place and, therefore, expected an attempt by Boniface to seize an important church within the city.

The next indication comes from Leo the Great and, so far, has never been discussed in the context of the history of liturgy ¹¹⁴. In his first sermon on the Epiphany delivered in 441, Pope Leo quoted 1 Pet 2:11 (*Abstinete vos a carnalibus desideriis, quae militant adversus animam*) and continued: *quemadmodum nos praesens beatus Apostolus suis, ut legimus, uerbis hortatur* ¹¹⁵. Unlike some other translators, René Dolle renders this phrase verbatim: "...comme nous y exhorté, dans les paroles que nous avons lues, le saint Apôtre présent au milieu de nous." He has commented on the words *nos praesens* ("présent au milieu de nous") as the following: "Les mots de saint Léon «praesens suis uerbis hortatur» sembleraient indiquer que ce sermon a été prononcé dans la basilique vaticane, au milieu de laquelle reposent les restes mortels de l'Apôtre"¹¹⁶. Dolle hesitated in his interpretation, but his interpretation is confirmed by the evidence from 419.

We have to conclude that, by the beginning of the pontificate of Leo the Great, Saint Peter's in the Vatican continued to be the main location of the celebration of the Epiphany.

It seems that the situation changed in 444. In the fourth homily on the Epiphany (444), Leo the Great proposed an unusual parallel to the Magi:

<p>Et haec quidem, quantum ad inluminatorem fidei pertinebat, potuerunt illis credita et intellecta sufficere, ut corporali intuitu non inquirerent quod plenissimo uisu mentis inspexerant. Sed diligentia sagacis officii usque ad uidendum puerum perseverans, futuri temporis populis et nostri saeculi hominibus seruiebat, ut sicut omnibus nobis profuit, quod post resurrectionem Domini uestigia uulnerum in carne eius Thomae apostoli exploravit manus, ita ad nostram utilitatem proficeret, quod infantiam ipsius magorum probauit aspectus ¹¹⁷.</p>	<p>These things, certainly, in being believed and understood (to the extent that they pertained to the enlightenment of faith) were able to suffice for them. They did not search out with physical vision that which they had seen in the fullest sight of mind. Yet their diligence in this service to wisdom persevered until they saw the child, and this diligence thereby benefited the people of a future age and those of our own time. Just as it benefited us for Thomas <i>the apostle</i> to feel with his hand the marks left by wounds on the Lord's body after his Resurrection, so also it profits us that the wise men (<i>the Magi</i>. – B. L.) gave proof of his Infancy in beholding him. St Leo the Great [102, p. 146].</p>
--	--

This association between the Magi and Apostle Thomas could not have been derived from the standard homiletical or exegetical traditions. It is quite unexpected. It must have been something unfamiliar to Leo himself that provoked it. What? We can give an answer based on our previous conclusion that, in Rome, the stationary liturgy of the Epiphany repeated the liturgy of Christmas. If so, it must have been celebrated in Saint Peter's (long vigil) and Saint Anastasia's (morning mass). Under Leo the Great, however, the most solemn papal mass must have been shifted from the night at Saint Peter to the morning at Saint Anastasia, while Saint Anastasia was considered the Roman equivalent of the Jerusalem Martyrion and/or the Anastasis. In this new environment, a topic related to the Resurrection would have come to the mind of the preacher quite naturally.

The fourth homily on the Epiphany thus is evidence of both the shifting of the most solemn pontifical mass from the night at Saint Peter's to the morning at Saint Anastasia and of the date of this change, presuming that Leo was not yet accustomed to preaching on the Epiphany at

a church dedicated to the Resurrection. If the stationary liturgy of the Epiphany was changed on January 6, 444, then the stationary liturgy of Christmas might have been changed on December 25, 443.

I would refrain from making guesses about the reasons behind this reform of the stationary liturgy ¹¹⁸. Instead, I would evaluate its likelihood in a more formal way, using the principles of inductive logic.

The conclusion that Leo the Great shifted the highest moment of celebration from the vigil at Saint Peter's to the morning mass at Saint Anastasia is based on three main arguments corroborating each other:

The parallelism between the feasts of Christmas and Epiphany – the *a priori* likelihood of a parallel change of the stationary liturgies of both feasts by the same pope – is great.

St Anastasia's commemoration on the Epiphany: an important fact increasing the *a posteriori* likelihood that the Anastasia church was, in the mid-fifth century, the principal station of the Epiphany stationary liturgy.

Leo's parallel between the Magi and Apostle Thomas was expressed in the sermon on the Epiphany in 444: another fact increasing the *a posteriori* likelihood of the reform.

These three circumstances occur together, which would be extremely unlikely were they not mutually dependent, that is, were they not consequences of a single fact, namely, that, by the middle of the fifth century, St Anastasia became the main station of the liturgy of the Epiphany.

This period was not too long. When Pope Symmachus made Saint Peter's the principal cathedral of Rome, the main pontifical mass of the Epiphany must have returned there (however, not during the night vigil but as a morning mass). It evidenced this situation in later documents but is traceable back to the sixth century ¹¹⁹. The Epiphany liturgy at St Anastasia seems to have been abandoned entirely, either under Symmachus or, at the latest, in the Byzantine period, when the Roman Epiphany lost its twinship with Christmas. These developments are represented in Table 4.

7.5.5. St Basilissa Commemorated on the Epiphany

If the original cult of Sts Basilissa/Basilissa and Anastasia was a cult of paired saints, one

has to expect some traces of commemoration of each of them not only on Christmas but also on the Epiphany. Indeed, such traces exist. The commemoration of Bassilla/Basilissa joined the cult of St Eugenia on Christmas, and on the Epiphany, she was transferred to the cult of St Julian ¹²⁰.

The cult of the historical martyr Julian emerged in Cilicia no later than in the mid-fourth century. Then, it was rapidly propagated throughout the Christian world, with many ramifications, many avatars having quite different biographies, and many relics. The legend of the Julian venerated in Rome goes back to his Egyptian avatar, Julian of Antinoopolis, martyred under Diocletian (it remains unknown whether this Julian has had any local historical prototype). His *Passio* was composed in Greek (approximately but not exactly identical to *BHG* 971 ¹²¹). His relics were venerated in the cathedral of Antinoopolis, where the baptismal font was reputed to be miraculous, and where his commemoration day was the Epiphany, January 6 – apparently because of an implied connection between the Baptism of Jesus and the miraculous baptismal font of St Julian. This cult of the Egyptian Julian was accepted in Rome on the same day of commemoration, the Epiphany ¹²².

In Rome, however, the Latin translation of the *Passio* was preserved with the addition of the document (often called *Vita*), where St Julian became the husband of St Basilissa. The resulting composite legend is *BHL* 4529 ¹²³; the Greek *Vita et Passio* (*BHG* 971b = *BHG* 971 + *BHG* 970) is the same legend as *BHL* 4529. According to this new legend, the couple preserved their virginity, and both spouses became monastic leaders. Then, when Diocletian's persecution began, Basilissa and her thousand nuns peacefully

passed away, whereas Julian and his companions underwent martyrdom.

Anne P. Alwis has demonstrated, in a very strict way (based on linguistic observations), that, in the part corresponding to the *Vita*, it is the Greek text that is a translation of the Latin, whereas, in the part corresponding to the *Passio*, the Latin is a translation of the Greek ¹²⁴. The entire plot line of Basilissa is, therefore, a local addition made in a Latin-speaking milieu.

Alwis made another important observation that we can now interpret as proving that this story of Basilissa was a product of Roman hagiography (or, at least, inspired by it). This story was patterned after the model of the *Passio Caeciliae*, following its model even in rather minor details ¹²⁵. Alwis was unaware of the then-recent study by Lanéry proving that the *Passio Caeciliae* is a work of Arnobius the Younger ¹²⁶ (see above, section 4.4).

These philological considerations still leave open the possibility that the *Vita* of Basilissa and Julian was composed somewhere in a Latin-speaking milieu outside Rome, but this possibility must be excluded by hagiographical considerations: there was an important cult of Bassilla/Basilissa in Rome, and this cult underwent transformations in the time of the literary activity of Arnobius the Younger, who was working in Rome. Therefore, the Rome of Arnobius the Younger and Leo the Great would have been the right place for creating the Latin legend of Basilissa, making her a virginal spouse and a companion of St Julian of Antinoopolis. A substantially later hagiographer would have hardly shared the hagiographical fashion then in vogue, used in the early Roman legend of St Anastasia as well, even though the legend of Anastasia did not include a virginal marriage ¹²⁷ (see above, section 4.4).

Table 4. Main Stages of Development of the Roman Stational Liturgy of the Epiphany (Tentative Reconstruction)

Stage	Date	Evening	Midnight	Early Morning	Later in the Morning
I	Before Leo the Great	A long vigil in Saint Peter's		–	Mass in Saint Anastasia
II	Leo the Great (since 444)	Mass in Saint Peter's	–	–	Most solemn mass in Anastasia
III	Since Symmachus	Mass in Saint Peter's	–	–	Most solemn mass in Saint Peter's

7.5.6. Bassilla/Basilissa and Anastasia between Christmas and Epiphany

The influence of the *Passio Caeciliae* (or, at least, similarity with it) is an argument for a common *Sitz im Leben* of both the early Roman *Passio Anastasiae* (the Roman predecessor of *BHL* 401) and the *Vita* of Julian and Basilissa. It was likely Rome if the second quarter of the fifth century, in circles close to Arnobius the Younger. The third legend, “encapsulated” in the *Passio* of St Eugenia, where Bassilla/Basilissa is patterned after Domitilla – like Anastasia in her early Roman legend – does not show any particular affinity with Arnobius but, otherwise, reveals a similar provenance.

St Julian was commemorated in Rome, also on December 26, near Christmas. Delehaye and Quentin have treated this commemoration as an error¹²⁸, like the commemoration of St Anastasia on the Epiphany. Rizos rightly considers both commemorations as genuine [132, p. 120]. Rizos seems to be right in his supposition that even St Juliana of Nicomedia, commemorated on December 21, is an avatar of St Julian¹²⁹; a senatorial lady named Sophia translated the relics of St Juliana from Nicomedia to Rome¹³⁰, thus making her one of the Roman saints.

One can see that the commemoration of St Julian, like that of St Anastasia, oscillated between Christmas and the Epiphany. However, when, in the Byzantine period, Christmas and the Epiphany were no longer twins, the former stopped at the Epiphany, whereas the latter stopped at Christmas. St Julian’s dossier, by its eastern roots, was attached to the baptismal waters, whereas the cult of St Anastasia developed in connection with the Christmas stationary liturgy. The destiny of St Bassilla/Basilissa was the most difficult. She split into two avatars: one for Christmas, attached to St Eugenia, and another for the Epiphany, attached to St Julian (see Fig. 6).

On fig. 6, the early Roman Anastasia legend is marked with an asterisk because it is accessible only indirectly through the late recension *BHL* 401, which I consider to have already been translated from Greek within the composite Byzantine legend created in Constantinople in 468–470. The legends of Anastasia and Petronilla will be dealt with below (Section 9).

7.6. The Early Roman Legend of St Anastasia: Predecessors and Posteriority

Even before analysing our final legend, that of Anastasia and Petronilla (see Section 9), we are authorised to outline a stem (Fig. 7) summarising the data on the predecessors and the posteriority of the early Roman legend of Anastasia (that could be called, with a simplification, “proto-*BHL* 401”).

Fig. 7 encompasses the entire Oriental dossier, with the exception of the *Passio* of Anastasia the Virgin and its derivatives, which incorporate elements from the early Byzantine Anastasia legend. Fig. 7 does not contain the details of the transformation of the historical Anastasia as the daughter of Gallus and Constantina into a companion of Bassilla and, then, into the standalone martyr buried by Apollonia; these details will be discussed in the next section, focused on the burial of St Anastasia in Rome (see Fig. 8).

Conclusions

The name Anastasia as the name of a Roman saint goes back to fourth-century Roman legends related to the Imperial family, when the name Anastasia itself pointed to descendants of emperors. These legends were relatively short-lived because they belonged to the Nicaean milieu and were directed against the ruling Arian dynasty, which made them unfitting with the later cult of Constantine the Great in the non-Arian state church.

The original name of the historical martyr in Sirmium was certainly not Anastasia, and it is very likely that it was Bassilla. The cult of St Bassilla was also important for pre-Byzantine Rome.

The church that was later called St Anastasia was built in the fourth century as the Roman equivalent of the Jerusalem Martyrion (whereas St Peter’s was the Roman equivalent of the Jerusalem Bethlehem basilica) in the Roman stationary liturgy of Christmas, because this stationary liturgy was patterned after the respective stationary liturgy of Jerusalem. This church was dedicated to the resurrection (*anastasis*) of Christ.

The role of this church (and its dedication) changed during the sixth century, when it was mostly replaced in the Roman stationary liturgy with the Santa Maria Maggiore church. However,

I have argued that the original purpose of the Santa Maria Maggiore church (constructed in the fifth century) was to adopt in Rome the new Jerusalem Marian feast on the fourth day of Epiphany. In this way, Santa Maria Maggiore was initially the Roman equivalent of the Jerusalem Sion basilica.

To be continued...

ACKNOWLEDGEMENTS

The author expresses his gratitude to André Binggeli, Elizabeth Castelli, Megan Dixon, Alexandra Elbakyan, Habib Ibrahim, Kai Juntunen, Maria Lidova, Fiodar Litvinau, Nicolai Markovich, Ugo Mondini, Oscar Santillino, Peter Shuvalov, Alexander Simonov, Pavel Turkin, Antonello Vilella, Andrey Vinogradov, and Nataliya Yanchevskaya.

NOTES

* This work was accomplished with the financial support of RFBR grant No. 21-012-41005, “Jerusalem and Understudied Apocrypha in Slavonic Translations: Textology, History, and Doctrines”.

** The beginning see: Lourié B. Five Anastasiae and Two Febroniae: A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends. Part One. The Oriental Dossier. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 252-289. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.20>

¹ Ed. Bollandus, Henschenius [25, pp. 280-281]; no Greek version is known.

² His legend *BHG* 149 (ed. Musurillo [124, pp. xxiii-xxv, 90-105]) is best preserved in the Armenian version *BHO* 79 in a fifth-century manuscript; the Armenian text is not taken into account by Musurillo. For parallel Russian translations of both the Greek (by A.G. Dunaev) and Armenian (by V.A. Arutyunova-Fidanyan) texts, with a discussion of the *status quaestionis*, see [4, pp. 374-416].

³ As Hans Teitler noticed, “Rome was seldom visited by the emperors in late antiquity. However, the prestige of the Eternal City remained as great as ever. It does not come as a surprise, therefore, that many stories about Julian’s supposed persecution are situated in Rome, although the Apostate never went to the city” [150, p. 129].

⁴ No mention is made in Lanéry [99] and Lapidge [100]. Cf., however, Teitler [150, pp. 129-130, 192], on earlier Apollonia and Apollonius, from whom this pair is derived.

⁵ Ed. J. Dubois, G. Renaud [62, pp. 82-83]; repeated on February 20, at the earlier day of St Apollonia of Alexandria [63, p. 90]. Cf. [62, p. 36] (Apollonia of Alexandria, on February 20, appears in the first recension of Florus, shortly before 837).

⁶ From the Greek version of this *Passio* is preserved only an entry in the Synaxarium of Constantinople on July 6. The plot is the following: the barbarian king Auceia captured the Roman Christian virgin Luceia, who made him an admirer of Christianity while still not a Christian. After twenty years, Luceia received a vision that she must return to Rome for martyrdom; Auceia left his kingdom with her for participating in martyrdom and thus became a Christian through the baptism with his own blood. Eventually, both were martyred, along with twenty other martyrs. The list of the latter is provided by the Latin legend and repeated in the Greek entry, but in the *Hieronymianum*, it is repeated twice (on December 18 and 19) with several deviations, including the name change from the masculine Apollonius to the feminine Apollonia. The legend seems not to have been studied after 1931, according to the commentary of Delehay to the *Hieronymianum*.

⁷ See [114, p. 222] (Constantina 2) and especially Julia Hillner [78].

⁸ Ed. Bollandus, Henschenius [25, col. 280]: *Recedente autem Dina, & domum suam intrante, venit diabolus in modum canis, gutturique eius insiluit, ceciditque ad terram, & fracto collo eius exspiravit* (“When Dina returned home and entered his house, the devil in the appearance of a dog went and sprang at her throat, and she fell on the ground, and, having her neck broken, she died”).

⁹ Edition: Kotter [93, pp. 183-245]; tr. (near to complete) by Marc Vermes with detailed commentaries by Samuel Lieu [68, pp. 210-262].

¹⁰ *Homiliae in Epistulam ad Philippenses*, 16 (P. Allen [8, p. 314/315 (txt/tr)]); in the older numeration, homily 15: Ioannes Chrysostomus [82, cols. 287-298]; for the place and time of preaching (unclear), see esp. P. Allen, W. Mayer [9].

¹¹ Constantius II, with his second wife Eusebia, and the wife of Julian, the future Apostate, are quite recognizable in the continuation of this passage: “...and the latter also saw his wife destroyed by pessaries. You see, because she couldn’t give birth, a wretched and miserable sort of woman (I mean, she was wretched and miserable because she hoped to provide God’s gift through her own cleverness) administered pessaries and destroyed the empress and herself as well”. The whole passage is the following: Τῶν παιδῶν αὐτοῦ ὁ μὲν ἑαυτὸν ἀνεῖλεν, ὑπὸ τυράννου καταληφθεὶς, ὁ δὲ τὸν ἀνεπιὸν τὸν αὐτοῦ κοινωνοῦντα τῆς βασιλείας αὐτῶ, ἦν αὐτὸς ἐνεχείρισε· καὶ τὴν γυναῖκα εἶδεν ὑπὸ πεσσῶν διαφθαρεῖσαν. Ὡς γὰρ οὐκ ἔτικτε, γυνὴ τις

ἀθλία καὶ ταλαίπωρος: ἀθλία γὰρ καὶ ταλαίπωρος, ἢ τὸ τοῦ θεοῦ δῶρον ἤλπισε δι' οἰκείας παρέξειν σοφίας: πεσσοὺς δοῦσα, διέφθειρε τὴν βασιλίδα, καὶ συνδιεφθάρη καὶ αὐτή. Eusebia died in 360 precisely because of the unfortunate treatment of her sterility; Helena (the daughter of Constantine I and Fausta and the paternal first cousin of her husband) died in the same year. The mutual relations of the two women were intensive and provoked many rumors; both had severe problems with reproductive health. Historically, however, it was more Eusebia who tried to help Helena than vice versa. For Chrysostom's passage on Eusebia and Helena in the context of the other sources, see esp. N. Ajoulat [7, pp. 444-445 *et passim*].

¹² Julian wrote (in his *Letter to the Athenians*) about Constantius II as the murderer of Gallus, calling the latter, among others, Constantius's "niece's father" (τὸν ἀδελφιδῆς πατέρα) [23, p. 218].

¹³ See [39, pp. 146-148]. Mostly (but not entirely) repeated in Chausson's monograph [38].

¹⁴ For the procedures of inductive logic, one can recommend an especially useful textbook by Lolita Makeeva [111].

¹⁵ Minor premise is (3), major premise is (4), from which (5) follows by *modus ponens*.

¹⁶ "Le nom de l'une des filles, *Anastasia*, intrigue: dans les années 360 il n'est pas encore répandu dans l'aristocratie, mais il est celui d'une sœur de Constantin et sans doute de la fille de Gallus et de *Constantina* (si l'on suit la plausible reconstitution d'A. Silvagni). Dès lors, on en vient à se demander si Valens n'épousa pas une parente des Constantinides"; Chausson [38, p. 167].

¹⁷ Praetextatus 1 in [114, pp. 722-724]; for Christian reactions, see Lapidge [100, pp. 64-65, fn. 48]. In the birth's date of Praetextatus, I follow M. Kahlos [89, p. 17]. On Praetextatus, most recently, see M.S. Petrova [3].

¹⁸ Cf. Kahlos [89] and Kahlos [90]. For a convenient presentation of the sources with long quotations in the original languages, cf. U. Reutter [131, pp. 31-56]. Nevertheless, even Damasus's attitude toward Praetextatus would not have been without ambiguity, as was shown by Lellia Cracco Ruggini [47].

¹⁹ Hieronymus, *Contra Ioannem Hierosolymitanum Episcopum ad Pammachium*, 8: *Miserabilis Praetextatus, qui designatus consul est mortuus. Homo sacrilegus, et idolorum cultor...* (ed. J.L. Feiertag [67, p. 15]).

²⁰ Ed. Moretti [123, p. 114]; tr.: Lapidge [100, p. 67].

²¹ Ed. Moretti [123, p. 118]; tr. Lapidge [100, p. 68].

²² See [114, pp. 957-958 (Victor 4) and p. 983 (Vrbicius)].

²³ Including even the radical viewpoint of David Woods that there was no translation from Tarsus at all [165]. Woods's arguments are addressed and convincingly refuted by Mark J. Johnson in his study, important also in other respects: M.J. Johnson [86]. However, Johnson cautiously and correctly does not conclude, from the untenability of Woods's arguments, that the event actually took place.

²⁴ J. Arce [15, p. 184], referring to the edict of Leo I from August 13, 457 (*Codex Iustinianus*, 1.5.9), as a possible reason for the reburial; in this reference, the author follows Raissa Calza [32, p. 366, n. 7]. However, this edict by Leo I (preserved in Greek only) is dedicated to the burial of heretics but not pagans: "Since we have considered it to be human and holy, we order heretics to be buried with the customary burial rites (θάπτεσθαι ταῖς νενομισμέναις ταφαῖς)"; ed. P. Krueger [96, p. 79]; tr.: P. R. Coleman-Norton [44, p. 861] (with a note on the actual context of the edict: Leo I's dependence on the Arians). This edict has nothing to do with Julian. Alternatively, however, Arce allows Grierson's dating of the reburial to the early 390s [15, p. 190].

²⁵ For the reburial of any emperor, an order of the acting emperor would have been necessary; see, for the relevant legislation, Johnson [86].

²⁶ Johnson [87, pp. 259-260]. Cf.: "This linkage suggests that the burials occurred within a common time frame, perhaps during the reign of Jovian's successor, Valens..." [87, p. 260].

²⁷ On his *Oratio* 24, *Upon Avenging Julian*, see P.-L. Malosse [112]. The relevant place is *Or.* 24.10 [68]. It is remarkable that Libanius mentioned that the Emperors had sent inspectors (καὶ τοὺς σκεψομένους ἐπεμπον) for rebuilding the mausoleum; this fact points to a remote place and, therefore, excludes an interpretation that a mausoleum in the capital is meant.

²⁸ In his *Historia*, 25.10.5: "But his remains and ashes, if anyone then showed sound judgement, ought not to be looked on by the Cydnus [the river in Tarsus. – *B.L.*], although it is a beautiful and clear stream, but to perpetuate the glory of his noble deeds they should be laved by the Tiber, which cuts through the eternal city and flows by the memorials of the deified emperors of old (...sed ad perpetuandam gloriam recte factorum praeterlambere Tiberis, intersecans urbem aeternam divorumque veterum monumenta praestringens)" [14, pp. 558/557, 559 (txt/tr.)].

²⁹ M.J. Johnson [88, p. 122]. Here he mentions confidently the reburial of Julian, but without trying to date it: "At some later, unknown time the remains of Julian were transferred to this 'stoa' from his tomb in Tarsus". Moreover, Johnson admits here the possibility that the sarcophagus of Valentinian, "the location of which is not specified in any of the sources", was also removed to the North Stoa.

³⁰ Julian's speech to his army in Ammianus Marcellinus, *Historia*, 23.5.18 [14, p. 344].

³¹ The existence of a pre-Damasian church follows from the literal sense of the inscription by Pope Hilarius (461–468), *ICL* 901 (Nr 81 among the Damasian epigrams). Hilarius replaced the Damasian frescoes in the Anastasia church with mosaics and made a versified inscription, where the former work of Damasus is summarised as follows: *Antistes Damasus picturae ornarat honore / tecta...* ("Bishop Damasus honourably adorned the roofs with paintings..."). Decorating roofs does not imply constructing the church itself, whereas it does imply the existence of a pre-Damasian church with undecorated roofs. The inscription has been read in this way by the archaeologist Philip B. Whitehead [164, p. 412] and a number of others, but not by Richard Krautheimer, who concluded from the same text of Hilarius: "Questo [the pontificate years of Damasus] dovrebbe essere stato perciò il periodo nel quale fu eretta la chiesa..." [94, p. 62].

³² The existence of the pre-Damasian Anastasia church is now rather a common opinion, not rejected even by the sceptical Margherita Cecchelli: "Anche se la chiesa, in ogni modo, si dovesse considerare predamasiana, un fatto è detto fin da principio: Damaso rivolse ad essa una sua significativa attenzione..." [35, p. 47].

³³ *Tractatus beati Leonis papae contra haerisim Eutyichis dictus ad populum in basilica sanctae Anastasiae* [41, vol. 2, p. 593] (*Tractatus* 96; with variant readings, which, in some manuscripts, add *virginis* or *marthyris* [*sic!*], but never omit *sanctae*; Chavasse argued [41, vol. 2, p. 591], that the addition *virginis* is not authentic: it belongs to a later branch of the manuscript tradition and would have been influenced by the cult of Anastasia the Virgin). For the date of the homily, see Chavasse's introduction [41, vol. 2, pp. 591-592].

³⁴ See Chavasse's introduction [41, vol. 2, p. 591]. Cf. Diefenbach [59, pp. 351-352].

³⁵ Chavasse's introduction [41, vol. 2, p. 592].

³⁶ Michele Rénée Salzman substantiated this view [134].

³⁷ John Baldovin has concluded that "...although stational practice was very familiar by the mid-fifth century, for the most part stations continued to be flexible, i.e., they were announced when the need arose" [18, p. 147]. However, the most solemn celebrations, including Christmas, must have been an exception to this rule of flexibility, as the available sources confirm (see below). There are some errors in Baldovin's description of the Roman liturgy, including facts relating to the Anastasia cult; thus, he writes that December 25 was her commemoration day in Constantinople [18, p. 159], and even enumerates the *tituli* of Anastasia and Chrysogonus among the

churches that "appear to have been in use prior to the fourth century" [18, p. 112]. For the Roman stational liturgy, see especially V. Saxer [136].

³⁸ C. Vogel [160, p. 29-30] (Vogel's italics).

³⁹ "At some point in the sixth century" [18, p. 157].

⁴⁰ V. Saxer [137, pp. 53-58]. Per Olav Folgerø's counterargumentation is purely speculative because there is no evidence of historical links between the cited theological passages and the construction of the church at issue [69]. The same could be repeated about Eileen Rubery's study [133, pp. 299-308]. Despite having noticed the lack of the Nativity (parturition) scene in what she considers to be a Nativity cycle [133, pp. 290-291], the author does not try to explain this striking feature (for my explanation, see below, section 7.5.3); the author's attempt to reinterpret the Egyptian town on the shore of Nile (depicted on the triumphal arch of the church) as Alexandria, the city of St Cyril [133, pp. 305-306] remains unfounded in any texts whatsoever.

⁴¹ Baldovin [18, p. 157] put forward a guess that the mass at Santa Maria Maggiore was inspired by the Council of Ephesus (431) already in the fifth century, anachronistically considering this church to have become the Roman replica of Bethlehem by this time.

⁴² "This addition may well have been a bow to the Byzantine imperial administration of the city, located on the Palatine, quite near Sta. Anastasia" (Baldovin [18, p. 157]). Hansjörg Auf der Maur wrote even earlier: "Es ist nicht bekannt, wann der Papst dort zum ersten mal auf dem Zug von St Maria Maggiore nach St Peter – möglicherweise aus Freundlichkeit gegenüber den byzantinischen Beamten auf dem Palatin?" [17, p. 170]. Auf der Maur's opinion is repeated by Michael Kunzler [97], accessible to me in the Italian translation [98, p. 563]. In fact, there is no source referring to any kind of "courtier" status of this church or the rituals within it. Such an explanation is quite an arbitrary hypothesis that became popular *faute de mieux*.

⁴³ A. Baumstark [20]. Baumstark considered the first two of Baumstark's laws (the Law of Organic Development and *Das Gesetz der Erhaltung des Alten in liturgisch hochwertiger Zeit*) as different from the other regularities and rules of liturgical development (sometimes called "Baumstark's laws" as well); only these two laws are described in the chapter "Les lois de l'évolution liturgique" [20, pp. 17-34]. These two laws are fundamental in the way that they regulate the very principles of, respectively, change and continuity in the liturgy, or, in other words, "growth and conservation", whereas other "laws" pertain to details; cf. very helpful observations by Fritz (Frederick) S. West in his unpublished dissertation [161, p. 290] and also in [162, p. 28]. Robert Taft enumerated as

many as ten “laws” of Baumstark, providing for the original first and second laws numbers 8 and 9 [147]. In this classification, which is very useful otherwise, the exceptional nature of the two fundamental laws (without quotes) is somewhat obscured; cf. Taft’s own explanation of his break with Baumstark’s original classification [147, p. 197].

⁴⁴ Such as, e.g., *fermentum*, a custom implying that the priests, unlike the bishops, are not allowed to celebrate Eucharist; it was still in force in fifth-century Rome. See, for details, Saxer [136, pp. 924-930]. However, the priests were authorised to celebrate the Eucharist in the Roman suburbs.

⁴⁵ *Tractatus 27.4: Quod nonnulli etiam christiani adeo se religiose facere putant, ut priusquam ad beati Petri apostoli basilicam, quae uni Deo uiuo et uero est dedicata, perueniant, superatis gradibus quibus ad suggestum areae superioris ascenditur, conuerso corpore ad nascentem se solem reflectant, et curuatis ceruicibus in honorem se splendidi orbis inclinent* ([41, vol. 1, p. 135]; tr.: “Even some Christians think that they behave devoutly when, before arriving at the basilica of the blessed Apostle Peter (which has been dedicated to the one living and true God), they climb the steps which go up to the platform on the upper level, turn themselves around towards the rising sun, and bow down to honor its shining disk” [102, p. 113].

⁴⁶ Oddly enough, Salzman quotes this passage among the places where Leo himself “explicitly” attested to Saint Peter’s as the location of the papal mass [134, p. 216 and Table I on p. 219].

⁴⁷ As was already explained at length by Franz Dölger [61, pp. 3-4 and 19-20].

⁴⁸ *Epistula 23* [83, cols. 544-547].

⁴⁹ For the date of this event, from 352 to 354, see a summary of the discussion in Sant’ Ambrogio [12, p. 206, n. 1]. A seemingly outdated opinion that Ambrose described here as a scene that took place on January 6 (Epiphany) and not on December 25 has been revisited by Martin F. Connell [45; 46, pp. 164-168]. If Connell’s hypothesis is true, it would corroborate my opinion that the feasts of Christmas and Epiphany were, in fourth-century Rome, twins whose stational liturgies were identical (see below, section 7.5.2).

⁵⁰ *De virginibus, 3.1: Namque is, cum Salvatoris natali ad apostolum Petrum virginitatis professionem vestis quoque mutatione signares, (quo enim melius die, quam quo virgo posteritatem acquisiuit?) astantibus etiam puellis Dei compluribus quae certarent invicem de tua societate...* [34, p. 57]; tr.: “...when on the Nativity of the Saviour in the Church of St Peter you signified your profession of virginity by your change of attire (and what day could be better than that on which the Virgin received her child?) whilst many virgins were standing round and vying with each other for your companionship...” [13, p. 381].

⁵¹ Therefore, H. Auf der Maur cautiously wrote: “Die Statio in St Peter ist vielleicht schon durch Ambrosius (*De virginibus* 3,1) sicher jedoch durch Coelestin I. um 432 bezeugt (Ep. 23,4) <should be 23,5>” [17, p. 169-170]. Cp. too categorical statements by recent authors: “Ambrose tells us that Liberius celebrated Christmas at Saint Peter’s in the presence of a large group of nuns...” (A. Thacker [152, p. 140]); “since the middle of the fourth century: probably, ever since the Constantinian basilica was completed”; “the day Mass on Christmas Day was celebrated at Saint Peter’s” (É.Ó. Carragáin [33, p. 178]).

⁵² On the history of Christmas in Jerusalem, see, esp. M. van Esbroeck [156].

⁵³ Cf. Renoux’s note [129, pp. 44, 76, n. 4, 77, n. 2].

⁵⁴ See Renoux [129, pp. 72/73-76/77 (txt/tr.)].

⁵⁵ On this place, see Renoux [129, pp. 64-65].

⁵⁶ The direction of movements after the station at the Shepherds is not indicated, but implied, in the earliest recension of the Lectionary, but is recoverable on the basis of later recensions.

⁵⁷ The liturgy at the first station was certainly no shorter than one hour but hardly longer than two hours. The most plausible approximate schedule would have been the following: “Shepherds” from 4 to 5.30 p.m.; a procession from about 6 p.m. to about 7.30 p.m.; “the cave” from about 8 p.m. to about 11 p.m.; and the beginning of the vigil in the basilica was after that, close to midnight. The vigil could hardly have been shorter than five hours, and most probably it was longer.

⁵⁸ Renoux [129, p. 76]; the lacunae (in square brackets) are filled according to Renoux [130, p. 66, n. 1].

⁵⁹ H. Grisar [75, pp. 595-618]. To this hypothesis, e.g., C. Cerrito still refers with sympathy [36, p. 353, n. 33].

⁶⁰ The first Anastasia known to me is the one buried in the Catacombs of Priscilla, marked by the inscription *ICUR 23082* (on the marble tablet, now lost) *Anastasia / vivas in / aeternitatem* (“Anastasia, may you live in eternity”), dated to the period from 275 to 325. Of course, nothing is known about her, while it looks *a priori* unlikely that she was a relative of Constantine the Great. The entire corpus of the Roman Christian Inscriptions, previously published in the series established by G. B. de Rossi in 1857 and continued until presently, *ICUR (Inscriptiones Christianae Urbis Romae)*, is now available as the database EDB [66]. Here and below, I quote this database.

⁶¹ See, at the latest for the former consensus date (336 as the *terminus ante quem*), Th. J. Talley [148, p. 85]; for the recent scholarship and criticisms of the former consensus, see C.P.E. Nothhaft [127] and [126].

⁶² Ed. F. Glorie [72, p. 321]. The basilica of St Chrysogonus occupies the thirteenth place in this list [72, p. 322].

⁶³ Salzman argues that actually Leo and not Symmachus had already made this step [134]. I am not sure that this is not an oversimplification.

⁶⁴ Ed. D. Mauskopf Deliyannis [117, p. 169-170]; tr.: [6, pp. 118-120].

⁶⁵ See, for a discussion, F. W. Deichmann [51, pp. 300-303]; D. Mauskopf Deliyannis [116, pp. 174-177 and 367, n. 189]. Mauskopf Deliyannis argues, against Deichmann, for a possible confusion in the dedication of the church mentioned in the 551 papyrus (Tjäder P34), between *Anastasis* and St Anastasia. Her arguments seem to me not especially convincing, and one of them is wrong: "It is also significant that on the papyrus the church is always Anastasie, not Anastasiae, although other genitives are given in *-ae*" [116, p. 367, n. 189]. This is true only for the subscriptions under the document; however, there is a mention of this church in the beginning of the papyrus as follows: *n]ostr[a]e sanctae A[n]astasiae*; cf. edition in: P. Scardigli [138, S. 275].

⁶⁶ Etymologically correct is the spelling *Bassilla*, from the name *Bassus*; see F. Savio [135].

⁶⁷ Unlike Nau, I do not think that *bsyls* should be read as an otherwise unknown name, "Basilis", because it is one of the possible correct renderings of the popular name "Basilissa".

⁶⁸ Rossi, Delehaye [50, col. 112]; Quentin, Delehaye [56, pp. 474-475].

⁶⁹ Delehaye [54, pp. 603-605] and (with a short epitome of their legend) [54, pp. 609-610].

⁷⁰ *Prolog* [5, ff. 239^r-239^v]. No critical edition of the respective half-year exists.

⁷¹ The mention of this pair was included in 1586 by Caesar Baronius in the *Martyrologium Romanum*, but the Bollandists have commented that these saints *Romae plane ignotae sunt* ("Obviously are unknown in Rome"); Delehaye, Peeters, Coens, de Gaiffier, Grosjean, Halkin [55, p. 139].

⁷² M. van Esbroeck [155]; В.М. Лурье [2].

⁷³ See M. Lapidge [100, pp. 228-249] for textological problems and an English translation based on the text of the earliest recension established by E. Gordon Whatley for his so far unpublished critical edition.

⁷⁴ The martyrdom of Eugenia, Basilla, and all those with them, according to this *Passio*, took place under persecutions by Gallienus (reigned in 260-268), the son of Emperor Valerian (reigned in 253-260). In fact, Gallienus halted the persecution that his father had started and issued a series of edicts in favour of the Christians. The acting time of the *Passio* begins, however, under Commodus (reigned in 180-192) and ends under Gallienus. During all this time, Eugenia and others, of course, remain young.

⁷⁵ Cf. Lapidge [48, p. 36]. Nevertheless, one has to keep in mind that the motif was quite widespread, e.g., B. de Gaiffier [49].

⁷⁶ See Delehaye [52, pp. 171-186].

⁷⁷ The pre-Metaphrastic recensions *BHG* 607w-607z are unpublished. The only published one is the Metaphrastic recension *BHG* 608: *PG* 116 [120, cols. 609-652].

⁷⁸ *BHO* 282 = *BHS* 143: P. Bedjan [21, pp. 469-514]; the earliest manuscript is published by A. Smith Lewis [144, vol. 1, pp. 1-48 (txt), vol. 2, pp. 1-35 (tr.)].

⁷⁹ According to the 11th-century *Menologium Sinaiticus ar.* 398, ff. 244^r *sqq.*, I am very grateful to Habib Ibrahim for having sent me his transcription of the relevant pages of the manuscript. Cf. Ibrahim [81, p. 74].

⁸⁰ *BHO* 281 [167, pp. 371-389].

⁸¹ Smith Lewis [144, vol. 1, p. 33]; also "Basilina" (بصليلا): Bedjan [21, pp. 499, 508].

⁸² Delehaye [54, p. 341]: Βασιλισσα συμμάρτυρήσασα τῇ ἁγίᾳ Εὐγενίᾳ ξ<ίφει> τ<ελειοῦται>. Not mentioned in St Eugenia's entry on December 24, because the entries for this pre-Christmas day are very short. In the Ethiopian version (*BHO* 283 and 284), the part related to Basilla is lacking entirely: J. Goodspeed [73]. Perhaps the Ethiopic version goes back to an earlier recension of the *Passio* of Eugenia, still unconnected to the plot line of *Bassilla*.

⁸³ Ed. by F. Glorie [72, p. 305]. The manuscript is Codex Vindobonensis 795.

⁸⁴ *Scriptores Historiae Augustae* [79, p. 56]. Otto Seeck ranged this mention among the inventions (*eine der vielen Erfindungen*) of the author of the *Historia Augusta* [139, col. 222].

⁸⁵ Critical edition: *Das Kalenderhandbuch von 354. Der Chronograph des Filocalus* [60, p. 501]; the text survived in three manuscripts from the early 16th to the 17th century. The most popular earlier (uncritical) edition is: *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII.* [122, p. 72]; tr.: Lapidge [100, p. 636].

⁸⁶ Cf., on September 9, *Gorgonii in Lavicana* ("Gorgonius in Via Labicana"), one of the pair of Dorotheus and Gorgonius martyred in Nicomedia under Diocletian, whose relics were translated to Rome; cf. commentary in *Das Kalenderhandbuch von 354* [60, p. 511].

⁸⁷ The same date, AD 304 (the ninth consulship of Diocletian and the eighth of Maximian), is indicated for Parthenius and Calogerus on May 18, but some other sources, including the *Martyrologium Hieronymianum*, place them under Decius; *Das Kalenderhandbuch von 354* [60, p. 503]. The most enigmatic is the date of AD 258 for Peter and Paul under June 29: *Petri in Catacumbas et Pauli Ostense Tusco et Basso cons.* (cf. commentaries in: *Das Kalenderhandbuch von*

354 [60, p. 504], and, especially, in P. Testini [151, pp. 224-230]; the most popular approach consists in interpreting AD 258 as the date of one translation of the relics, perhaps only the heads). Beside these three cases, there is no absolute dating in the *Depositio martyrum*. Hans Lietzmann supposed that the 304 dates for Parthenius and Calogerus and for Bassilla are also those of translations [106, pp. 84-88].

⁸⁸ *Das Kalenderhandbuch von 354* [60, p. 501] (*Hermetis in Basillae Salaria vetere*) and commentary [60, p. 510]; de Rossi, Duchesne [50, p. 112]; Quentin, Delehaye [56, pp. 472-473], where the restored reading is *Romae via Salaria vetere in cimiterio Basillae Hermetis*.

⁸⁹ Cf., among others: L. Spera [146, pp. 211-212]; Lapidge [100, p. 231].

⁹⁰ I.B. de Rossi, L. Duchesne [50, pp. 1, 5-6], and Delehaye, Quentin [56, pp. 27, 31-32].

⁹¹ I.B. de Rossi, L. Duchesne [50, p. 6]; cf. Delehaye, Quentin [56, pp. 27-28].

⁹² Duchesne [65, p. 403, n. 2]: "...j'ai de graves raisons de penser qu'il y ici une retouche et qu'au lieu de sainte Anastasie de Sirmium, le text primitif mentionnait un saint Anastase d'Antioche." This Anastasius is the resurrected dead person, then a martyr, in the legend of St Julian; he appeared in the legend without any name but is called Anastasius after having been resurrected.

⁹³ Delehaye, Quentin [56, p. 28]; translation: "The genuine reading is preserved in the codices that have *Anastasi*. A martyr with this name is among the companions of St Julian. It was understood as *Anastasia* by someone who added the place of the martyrdom, *Sirmium*, off the top of his head and proposed an emendation: *apud Sirmium Anastasiae*, whereas the feast of Anastasia has been celebrated in neither Sirmium nor elsewhere on January 6, but on December 25." This supposition is in Duchesne [65].

⁹⁴ In [108], I focused on the period of transition between the Jewish background of this feast and the historical Christian calendars. The feast goes back to the Judaism of the Second Temple period and resulted, in Christianity, in the commemorations of the Nativity, Baptism, and Transfiguration of Christ.

⁹⁵ M.H. Shepherd Jr. [140, p. 854], followed by Talley [148, p. 145].

⁹⁶ Here, I agree with C. Coebergh [43].

⁹⁷ Cf. esp. O. Klessner [92]; the author noticed that in the series of Epiphany homilies of Leo the Great, the only topic is the adoration of the Magi and Bethlehem. On Leo the Great's Epiphany homilies, cf. also the same conclusion by Hans Förster [70, pp. 259-260].

⁹⁸ They wrote: "Even at Rome, however, according to the earliest lectionary evidence, the Johannine version of Jesus' 'baptism' (John 1.29-34) is assigned to the third day after 'Theophany' (*Feria*

III post theophania) <...>. Scholars have traditionally either ignored or not noticed this reference to the Johannine account of Jesus' baptism so close to January 6 in the Roman liturgy and have instead focused on the relative uniqueness of Rome in limiting Epiphany to the adoration of the Magi. Hence, the question has often been raised as to why Rome receives an Epiphany that is focused on the Magi rather than on the baptism of Jesus, but the lectionary evidence suggests that, while the adoration of the Magi is the focus for 6 January itself, the baptism of Jesus is clearly not that far behind"; P. F. Bradshaw, M. E. Johnson [28, p. 154]. They quoted their source with a typo: *Feria III* instead of *Feria IIII*; Th. Klauser [91, p. 14]. The main problem with their argument, however, is that the quoted lectionary tradition (*Typus II*) is dated to ca. 645, substantially later than the pontificate of Gregory the Great [91, p. 1]. By 645, the Epiphany feast in Rome did certainly include, in one or another form, a commemoration of Jordan.

⁹⁹ Maxwell Johnson's words, which date to the (Gregorian) Epiphany feast of 2000, preserve their actuality: "...how Rome came to celebrate the Magi on January 6, instead of Jesus' baptism, has still not been demonstrated with clarity and the need for detailed studies and monographs on Epiphany in the West remains of paramount importance" [86, p. xxii]. The post-2000 publications on the Epiphany in the West did not change the situation; cf.: M.F. Connell [46, pp. 164-174]; Förster [70, pp. 219-296]; P.F. Bradshaw, M.E. Johnson [28, pp. 152-157]; see, at the latest, P.F. Bradshaw [27, pp. 5-7].

¹⁰⁰ As concluded by Saxer [137, p. 57], followed by others.

¹⁰¹ Beside the Etimasia, the pair of Jerusalem and Bethlehem (Rev 21: 10-21) and the Four Animal Beings near the throne of God also have an eschatological meaning; the latter are not simply the symbols of the four Evangelists but a part of the eschatological vision in Rev 4: 6-9 that refers, in turn, to Ez 10: 8-14.

¹⁰² For a general discussion of the most debatable points, with further bibliography, see M. Lidova [104] and [105].

¹⁰³ According to the prevailing opinion (first formulated by N. P. Kondakov in 1876 [1, p. 76]), this composition depicts a scene from the Gospel of Pseudo-Matthew, 22:2-24:1 (ed. by Jan Gijssels [71, pp. 472-481]; cf. *Libellus de Nativitate Sanctae Mariae* [22]), viz. the otherwise unknown source of the respective scene (the Gospel of Ps.-Matthew is hardly earlier than the seventh century): the Holy Family is met by the governor of the Egyptian town *Sotinen* or *Sohennen* (there are thirty-three variant spellings of this toponym [71, p. 472]). This explanation, even in its most recent and sophisticated form by Juan Antonio Álvarez-Pedrosa, remains unsatisfactory;

cf. J. A. Álvarez-Pedrosa [10]; for the earlier scholarship, see R. M. Jensen [85, pp. 298, 302-303]. Unlike Ps.-Matthew, in the mosaic scene, there are no crushed idols, no pagan temple, and the scene takes place outdoors; the figure of an ascetic accompanying the alleged governor, being a key figure of the whole composition, has certainly no basis in Ps.-Matthew. An alternative explanation provided by Suzanne Spain (the alleged governor is King David and the accompanying figure is the prophet Isaiah, both prophesying on the Virgin; Álvarez-Pedrosa agrees that the ascetic is Isaiah) is somewhat reasonable but not satisfactory either (for instance, the army led by the alleged figure of David would create a problem for understanding); cf. S. Spain [145]. I would add that the figure of the ascetic fits even better with Jeremiah, who even died in Egypt, and to whom was ascribed an apocryphal prophecy basically the same as Is 19:1; cf. J. Poucet [128]. Probably the best available explanation is given by Maria Vittoria Marini Clarelli [113, pp. 338-339]: the alleged governor is the imperial vicar of Emperor Augustus, who made Egypt a part of the Roman Empire, but not the emperor in person (the emperor should have a nimbus, like Herod on mosaic Nr. 8), and the ascetic is Isaiah. For the time being, however, it is more persuasive to consider this scene as illustrating an otherwise unknown source related to the escape to Egypt. A location in Egypt is indicated not only by the closeness of composition Nr. 4 but, especially, by the blue ribbon and tops of masts behind the town, which point to the Nile river.

¹⁰⁴ On the one hand, she notices that “[i]l rilievo che viene attribuito all’Adorazione dei Magi è da leggere anche in relazione all’importanza che la liturgia dell’Epifania acquista a Roma nel V secolo...”; on the other hand, however, she formulates an expression containing a heortological *contradictio in adjecto*: “Nell’arco sistino la scena dell’Adorazione dei Magi riassume dunque in sé anche il significato della Natività e si giustifica così l’inusuale assenza di questa scena nelle Storie dell’Infanzia di Cristo”; M. R. Menna [118, p. 337]. The absence of a scene of the Nativity is, of course, *inusuale* for Christmas but hardly for the Epiphany.

¹⁰⁵ In the case of the triumphal arch of Santa Maria Maggiore, scholars have been confronted with the problem of the liturgical medium, especially in situations where they need to explain the lack of Nativity scenes. If they ignore the actual Roman liturgical calendar, they are forced to immerse themselves in speculation. Cf., beside Menna [118] and Rubery [133], e.g., Beat Brenk, who ignores completely, in his analysis, the liturgy: “Es harret außerdem die merkwürdige Tatsache der Erklärung, daß am Triumphbogen die Geburt Jesu nicht dargestellt ist. Wir können jedoch nur Vermutungen anstellen.

Wir haben ober schon darauf hingewiesen, daß die Geburt nicht unter den Szenen des Triumphbogens figuriert, weil der Akzent der obersten Zone auf der vom hl. Geist aufgrund der Verheißungen gewirkten Menschwerdung liegt. Man könnte eben hierin eine Antwort auf das Ephesinum erblicken: die menschliche Geburt braucht keines Beweises, es muß vielmehr gegenüber Nestorius betont werden, daß Jesus als Gott verheißen, geboren und von den Vertreten des Juden- und Heidentums anerkannt wurde” [30, p. 49]. This theological interpretation looks so radical that, I think, it would not have been applicable even if we were dealing with the Second Council of Ephesus (449) instead of the First (431).

¹⁰⁶ *Homelia VI, De S. Maria Deipara, BHG 1133*; M. Aubineau [16, pp. 170-205, esp. pp. 181-183 (date) and 194/195-204/205 (txt/tr.)].

¹⁰⁷ Edited and studied by Michel van Esbroeck [158; 154], a detailed liturgical analysis is provided by me, B. Lourié [108].

¹⁰⁸ The traditionally Marian “psalm”, i.e., *prokeimenon*, Ps 131:8 LXX (ადღებ ოჯვალო განსასუენებელ *Surge domine in requiem [tuam, tu et archa sanctificationis tue]*), and, what is most important, the place: კრებამ მარიამ წმიდასა “Synaxis at Saint Maria,” that is, the Justinianic basilica *Nea*.

¹⁰⁹ On January 7, codex B has: *eductio ihū de aegypto*; this reading is followed by S2 (*codex Senonensis*, 10th cent., second hand): *et relatio pueri Iesu ex egipto* (de Rossi, Duchesne [50, p. 6]; Quentin, Delehay [56, p. 29]). On January 8, the 11th-century copy of the martyrologium in the breviarium of Cambridge (Cambr.) has: *et eductio Christi ex Egipto* (Quentin, Delehay [56, p. 31]).

¹¹⁰ See B. Lourié [110, figs. 1-4].

¹¹¹ For the respective theology, see ultimately M. van Esbroeck [157]. For the *Transitus* texts, see especially M. van Esbroeck [153] and S.J. Shoemaker [141].

¹¹² Baldovin [18, pp. 157-158] (the section dedicated to “Advent and Christmas” ends abruptly without a mention of the Epiphany).

¹¹³ *Collectio Avellana*, Nr. 16; *Epistulae imperatorum, pontificum, aliorum inde ab a. CCCLXVII usque ad a. DLIII datae Avellana quae dicitur collectio* [76, pp. 62-63]. For the detailed chronology, see *Regesta Pontificum Romanorum ab condita ecclesia ad annum post Christum natum MCXCVIII* [84, p. 141]. Carolus Coebergh was the first to notice the value of this document for the history of liturgy [43].

¹¹⁴ Joanne Deane Sieger interpreted the mosaics in Santa Maria Maggiore in light of the sermons of Leo the Great, but her analysis is limited to theological speculations without precise historical data and, moreover, suffers from anachronism by

attributing to the epoch of Leo the situation of the late sixth century (“It was the ‘Ecclesia Bethlehema’ of Rome, the Station Church for the first Mass of the Nativity...” [142, p. 84]). Before her, Beat Brenk made a number of comparisons between these mosaics and the sermons of Leo the Great, also limited to theological speculations [30, pp. 37-39].

¹¹⁵ Leonis Magni [41, vol. 1, pp. 163-164 (*Tractatus XXXI*, 3)].

¹¹⁶ Léon le Grand [103, pp. 216-217 and n. 3]. The translation by Srs. Jane Patricia Freeland and Agnes Josephine Conway is less literal: “...the apostle here present” (St. Leo the Great [102, p. 134]). Salzman mentions neither this observation by Dolle nor Leo’s passage itself [134].

¹¹⁷ Leonis Magni [41, vol. 1, pp. 182-183 (*Tractatus XXXIV*, 3)]. This sermon is preserved in two recensions (the second one belongs to the author himself but is later) that coincide with this passage, except for a single word *apostoli* added in the second recension.

¹¹⁸ We know that, since the autumn of 443, Leo was especially preoccupied with the Manichaeans, and even his Christmas homily of this year – the first among those delivered, as I think, in Saint Anastasia – was focused on them (*Tractatus XXIV*; Leonis Magni [41, vol. 1, pp. 109-116]). It is difficult to judge whether the change in the stationary liturgy would have been provoked by these circumstances.

¹¹⁹ J. Deshusses [57, p. 113]. Cf. Saxer [136, p. 1000] (for the 18th century).

¹²⁰ The entire hagiographical dossier of St Julian has been recently studied by Efthymios Rizos, whose conclusions I summarise below [132].

¹²¹ Actually, in the preserved manuscripts, both *BHG* 971 (*Passio*) and *BHG* 970 (*Vita*) are detached parts of *BHG* 971b (*Vita et Passio*). See the critical edition by F. Halkin [77]. However, the *Passio* existed earlier, separately. It corresponds to chapters 1–16 (according to Halkin’s edition) of the composite text *Vita et Passio*. The text published by Halkin is reprinted and translated into English by Anne P. Alwis [11, pp. 157-186 and 186-212, respectively].

¹²² In some documents, both in Latin and Greek and including the *Martyrologium Hieronymianum*, the name of Antinoopolis was mistakenly changed to Antioch, thus explicitly making Antioch an Egyptian city. On the Latin origin of this error, see Rizos [132, pp. 124-126].

¹²³ The only edition of the full text is that of Bollandus and Henschenius in the *Acta Sanctorum, Ianuarius* [24, pp. 575-587]. The earliest manuscript (containing lacunae) is the Lectionary of Luxeuil, datable to ca. 700.

¹²⁴ Alwis [11, pp. 28-31], cf. also [11, pp. 33-34]. Neither Alwis nor Rizos discuss the problem of whether the Greek text published by Halkin was translated from Latin as a whole (thus, in the part of the *Passio*, it would be a Greek translation of a Latin translation of a Greek original) or only in the part corresponding to the *Vita*. For our purposes, however, this question is not important. Alwis considers Basilissa to be a product of pure fantasy [11, pp. 33-34], because she does not know Basilissa’s proper hagiographical dossier.

¹²⁵ I discuss the *Vita* of Julian and Basilissa as modelled after the *Passio* of Cecilia and not vice versa, for the sake of brevity only. In fact, we are so far unable to logically exclude the opposite hypothesis – that it was the *Passio Caeciliae* that was modelled after the *Vita* of Julian and Basilissa.

¹²⁶ Alwis [11, pp. 32-33]; cf. [11, p. 33]: “...frustratingly, Cecilia’s origins are veiled. <...> If my conjectures are correct, then *Cecilia* too was created in Latin and inspired the composition of the VJB’s *vita*.” Now this hypothesis must be taken as proven.

¹²⁷ Even in the recensions where Anastasia remains virgin, her pagan and cruel husband (Publius) is the exact opposite of the saint husbands of Cecilia (Valerian) and Basilissa (Julian).

¹²⁸ All manuscripts mention Julian as the first of two or three martyrs of Antioch (de Rossi, Delehaye [50, p. 1]), but Quentin and Delehaye have restored this commemoration as referring to the church of Julian in Antioch: *Antiochiae*, <in ecclesia Sancti> *Iuliani, Marini* (Quentin, Delehaye [56, p. 11]).

¹²⁹ Rizos [132, pp. 129-130]. An important fact is that both saints, Juliana and Julian, have an additional commemoration day in common, February 13.

¹³⁰ The *Passio* of Juliana *BHG* 962z is published critically by Christine Angelidi [166], but there is no critical edition of the Latin recensions (*BHL* 4522–4526; the most important ones, *BHL* 4522–4523, remain unpublished except for *BHL* 4523m). Corinna Bottiglieri, the author of the most recent study of Juliana’s dossier, inclines to identifying the Greek text as the original of the Latin, whereas she cannot exclude the possibility of the contrary case [26, p. 656]. The name of the senatorial lady Sophia would suggest, for these texts, a date belonging to the Byzantine period (no earlier than the 560s), but they might have been derived from earlier legends.

ABBREVIATIONS

ICUR – Inscriptiones Christianae Urbis Romae.
CCSL – Corpus Christianorum. Series Latina.

Fig. 1. (Table 3, Nrs. 1, 2, 5, 6). Annunciation, Doubts of Joseph, Adoration of the Magi, Massacre of the Innocents, and Jerusalem. Photo by Maria Lidova

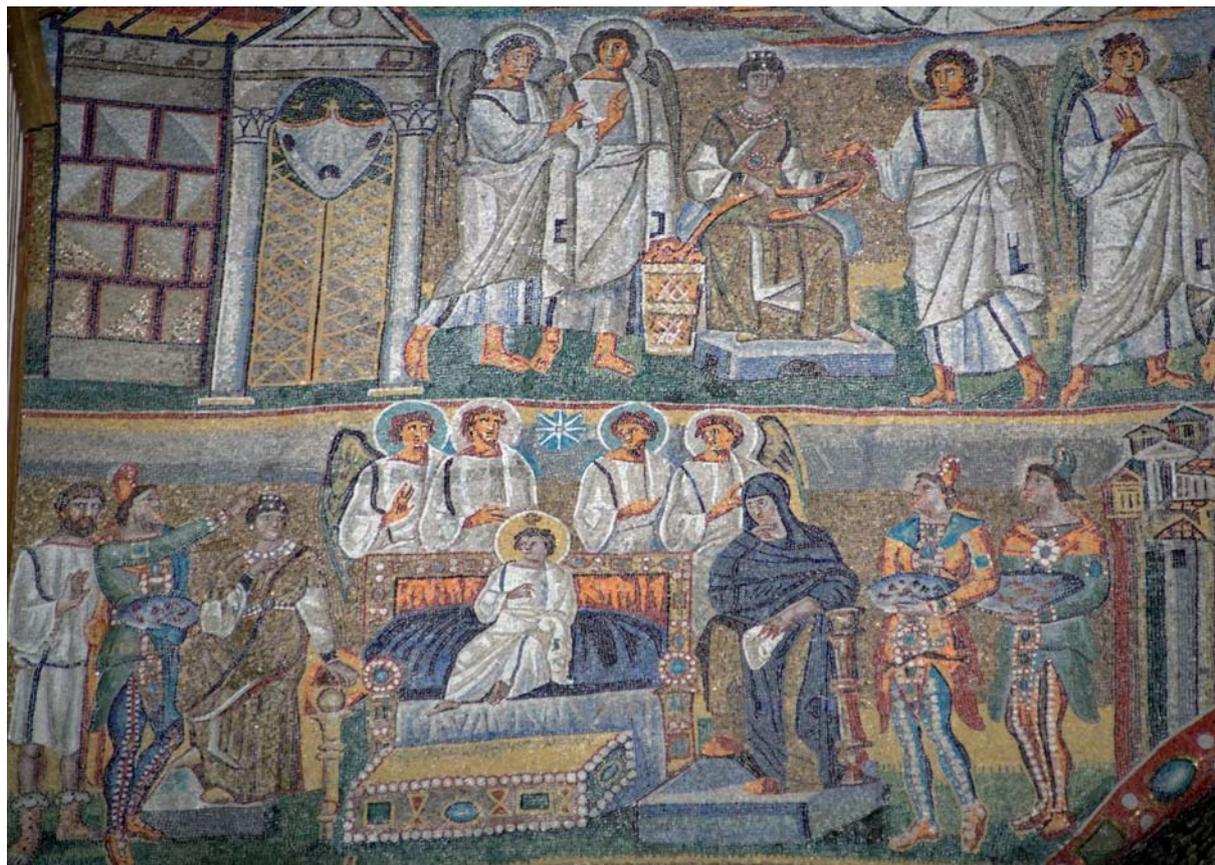

Fig. 2. (Table 3, Nrs. 1 and 5). Annunciation and Adoration of the Magi. Photo by Maria Lidova

Fig. 3. (Table 3, Nrs. 3, 4, and 7). Presentation of Jesus, escape to Egypt, and unidentified scene. Photo by Maria Lidova

Fig. 4. (Table 3, Nrs. 7 and 8). Unidentified scene and Magi and scribes with Herodes. Photo by Maria Lidova

Fig. 5. (Table 3, Nr. 7). Unidentified scene. Photo by Maria Lidova

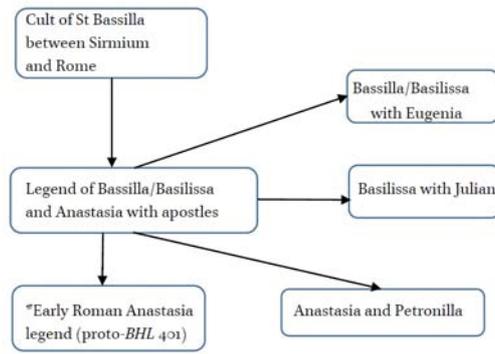

Fig. 6. The Filiation of the Roman Legends of Bassilla/Basilissa and Anastasia

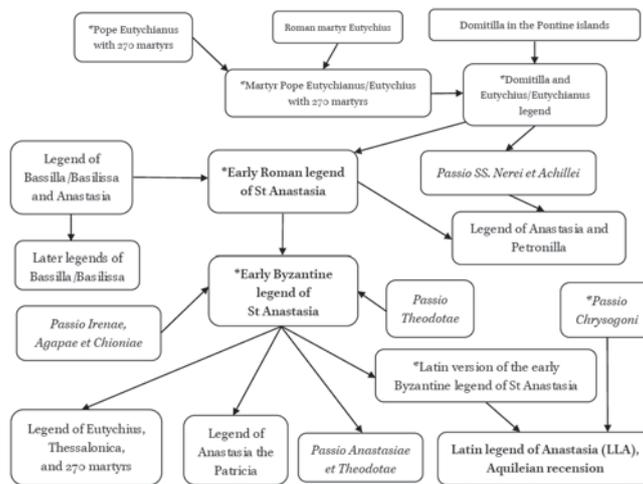

Fig. 7. The Filiation of the Legends Related to St Anastasia

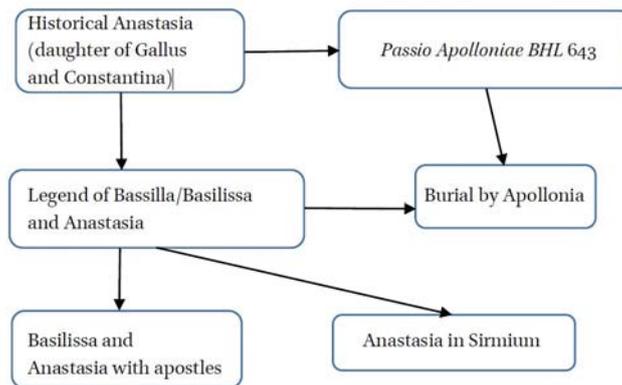

Fig. 8. Filiation of the Earliest Legends Related to St Anastasia

REFERENCES

1. Kondakov N.P. *Istoriya vizantiyskogo iskusstva i ikonografii po miniatyuram grecheskikh rukopisey. Podgotovili k pečati po avtorskomu ekzempljaru pervogo izdaniya 1876 goda G.R. Parpulov i A.L. Saminskiy* [History of Byzantine Art and Iconography According to the Illuminations of Greek Manuscripts. Published According to the Author's Copy of the First Edition of 1876 by G.R. Parpulov and A.L. Saminsky]. Plovdiv, s.n., 2012. XII, 301 p.
2. Lourié B. *Vvedenie v kriticheskuyu agiografiyu* [An Introduction to Critical Hagiography]. Saint Petersburg, Axioma Publ., 2009. 238 p.
3. Petrova M.S. Pretekstat i Paulina. K voprosu o chastnoy zhizni i povedencheskikh traditsiyakh Pozdney Antichnosti [Pretextatus and Pauline: Toward the Question of Private Life and Traditions of Behaviour in the Late Antiquity]. *Intellektualnyye traditsii v proshlom i nastoyashchem* [Intellectual Traditions in Past and Present], 2014, iss. 2, pp. 192-220.
4. Dunaev A.G., ed. *Preobrazhenskiy P. Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov* [Writings of Early Christian Apologists]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1999. VII, 945 p. (Antichnoye khristianstvo. Istochniki [Christianity in Antiquity. Sources]).
5. *Prolog. T. 2. Ch. 1. Mart – May* [Prologue. Vol. 2. Pt. 1. March – May]. Moscow, s.n., 1643. 462 ff.
6. Deliyannis Mauskopf D., ed. *Agnellus of Ravenna. The Book of Pontiffs of the Church of Ravenna*. Washington, DC, The Catholic University of America Press, 2004. XIII, 369 p. (Medieval Texts in Translation).
7. Ajoulat N. Eusébie, Hélène et Julien. *Byzantion*, 1983, vol. 53, pp. 78-103, 421-452.
8. Allen P. *John Chrysostom. Homilies on Paul's Letter to the Philippians Introduced, Translated, and Annotated*. Atlanta, GA, Society of Biblical Literature, 2013. XXXIV, 345 p. (Writing from the Greco-Roman World; 36).
9. Allen P., Mayer W. Chrysostom and the Preaching of Homilies in Series: A Re-Examination of the Fifteen Homilies in Epistulam ad Philippenses (CPG 4432). *Vigiliae Christianae*, 1995, iss. 49, pp. 270-289.
10. Álvarez-Pedrosa J.A. La representación de Maria Regina en los mosaicos del arco triunfal de Santa María la Mayor de Roma: un diálogo necesario entre iconografía y filología. López Salvá M., Sanz Extreño I., Paz Américo P. de, eds. *Los orígenes del cristianismo en la filosofía, la literatura y el arte*. Vol. 1. Madrid, Dykinson, 2016, pp. 323-335.
11. Alwis A.P. *Celibate Marriages in Late Antique and Byzantine Hagiography: The Lives of Saints Julian and Basilissa, Andronikos and Athanasia, and Galaktion and Episteme*. London, New York, Continuum, 2011. XII, 340 p.
12. *Ambrogio, Sant'. Opere morali*. Vol. II/I. *Verginità e vedovanza*. Milan, Bibliotheca Ambrosiana, Rome, Città Nuova Editore, 1989. 322 p. (Sancti Ambrosii episcopi Mediolanensis Opera; Vol. 14/1).
13. Romestin E. de, ed. *Ambrose, St Select Works and Letters*. New York, The Christian Literature Co., 1896. XXIII, 473 p. (Nicene and Post-Nicene Fathers, ser. 2, vol. 10).
14. Rolfe J.C., ed. *Ammianus Marcellinus. History: Books 20–26*. Vol. II. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1940. VII, 683 p. (Loeb Classical Library; 315).
15. Arce J. *La tumba del Emperador Juliano*. Lucentum, 1984, 3, pp. 181-191.
16. Aubineau M. *Les homélies festales d'Hésychius de Jérusalem. In 2 Vols. Vol. 1*. Brussels, Société des Bollandistes, 1978–1980. LXXVI, 596 p. (Subsidia hagiographica; 59/1).
17. Auf der Maur H. *Feiern im Rhythmus der Zeit I. Herrenfeste in Woche und Jahr*. Regensburg, Pustet, 1983. 230 p. (Gottesdienst der Kirche. Handbuch der Liturgiewissenschaft; 5).
18. Baldovin J.F. *The Urban Character of Christian Worship: The Origins, Development, and Meaning of Stational Liturgy*. Rome, PIO, 1987. 319 p. (Orientalia Christiana Analecta; 228).
19. Barnes T.D. *Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1993. XVIII, [2], 343 p.
20. Botte B., ed. Baumstark A. *Liturgie comparée. Principes et Méthodes pour l'étude historique des liturgies chrétiennes*. Chevetogne, Éditions de Chevetogne, 1953. XVI, 291 p. (Collection Irénikon).
21. Bedjan P. *Acta martyrum et sanctorum*. Vol. 5. Paris, Leipzig, Harrassowitz, 1890. XIII, 704 p.
22. Beyers R., ed. *Libri de Nativitate Mariae. Libellus de Nativitate Sanctae Mariae*. Turnhout, Brepols, 1997. 456 p. (Corpus Christianorum. Series Apocryphorum; 10).
23. Bidez J., ed. *L'Empereur Julien. Œuvres complètes*. T. I. Partie 2. 2e éd. Paris, Les Belles Lettres, 1960. 445 p.
24. Bollandus I., Henschenius G., eds. *Acta Sanctorum Ianuarii*. T. II. Antverpiae, Ioannes Meursius, 1643. [26], 1160, [75] p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database, Ianuarii II*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 1999.
25. Bollandus I., Henschenius G., eds. *Acta Sanctorum Februarii*. T. II. Antverpiae, Iacobus Meursius, 1658. xvi, [20], 901, [39] p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database, Februarii II*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 1999.

26. Bottiglieri C. Passio Iulianae (BHL 4523m). Goulet M., ed. *Le légendier de Turin*. Ms. D.V.3 de la Bibliothèque Nationale Universitaire. Florence, Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2014, pp. 641-669. (Millennio medievale, 103; Testi, 22).
27. Bradshaw P.F. The Dating of Christmas in the Early Church. Larsen T., ed. *The Oxford Handbook of Christmas*. Oxford, Oxford University Press, 2020, pp. 3-14.
28. Bradshaw P. F., Johnson M. E. *The Origins of Feasts, Fasts and Seasons in Early Christianity*. London, SPCK; Collegeville, MN, Liturgical Press, 2011. XVI, 222 p. (Alcuin Club Collections; 86).
29. Brandt O. The Early Christian Baptistry of Saint Peter's. McKitterick R., Osborne J., Richardson C.M., Story J., eds. *Old Saint Peter's, Rome*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 81-94.
30. Brenk B. *Die frühchristlichen Mosaiken in S. Maria Maggiore zu Rom*. Wiesbaden, F. Steiner Verl., 1975. 188 p.
31. Caldwell III C.H. The Roman Emperor as Persian Prisoner of War: Remembering Shapur's Capture of Valerian. Clark J.H., Turner B., eds. *Brill's Companion to Military Defeat in Ancient Mediterranean Society*. Leiden – Boston, Brill, 2018, pp. 336-358. (Warfare in the Ancient Mediterranean World; 2).
32. Calza R. *Iconografia romana imperiale da Carausio a Giuliano (287–363 D.C.)*. Rome, L'Erma di Bretschneider, 1973. 434, [2] p. (Quaderni e Guide di Archeologia; 3).
33. Carragáin É.Ó. Interactions between Liturgy and Politics in Old Saint Peter's, 670–741. McKitterick R., Osborne J., Richardson C. M., Story J., eds. *Old Saint Peter's, Rome*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 177-189.
34. Cazzaniga E., ed. *S. Ambrosii Mediolanensis episcopi. De virginibus libri tres*. Torino, In aedibus Paraviae, 1948. XXXII, 94 p. (Corpus Scriptorum Latinorum Paravianum).
35. Cecchelli M. "Divagazioni" sulla chiesa di S. Anastasia al Palatino. *Romanobarbarica*, 2006–2009, 19, pp. 33-48.
36. Cerrito C. Contributo allo studio del "titulus Anastasiae". Brandt O., Pergola P., eds. *Marmoribus vestita: miscellanea in onore di Federico Guidobaldi*. In 2 Vols. Città del Vaticano, Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 2011, pp. 345-371. (Studi di antichità Cristiana; 63).
37. Chantraine H. Die Erhebung des Licinius zum Augustus. *Hermes*, 1982, 110, pp. 477-487.
38. Chausson F. *Stemmata aurea. Constantin, Justine, Théodose. Revendications généalogiques et idéologie impériale au IV s. ap. J.C.* Roma, L'Erma di Bretschneider, 2007. 304 p. (Centro ricerche e documentazione sull'antichità classica. Monografie; 26).
39. Chausson F. Une sœur de Constantin: Anastasia. Carrié J.-M., Lizzi Testa R., eds. *Humana sapit. Études d'Antiquité tardive offertes à Lellia Cracco Ruggini*. Turnhout, Brepols, 2002, pp. 131-155. (Bibliothèque de l'Antiquité tardive; 3).
40. Chavasse A. *Le Sacramentaire gélasien (Vaticanus Regiensis 216). Sacramentaire presbytéral en usage dans les titres romains au VIIe siècle*. Paris, Desclée & Cie, 1958. XXXIX, 816 p. (Bibliothèque de théologie, série IV, vol. 1).
41. Chavasse A., ed. *Leonis Magni. Tractatus septem et nonaginta. In 2 Vols. Vol. 1*. Turnhout, Brepols, 1973, pp. I-CCXVIII, 1-208; vol. 2, pp. 209-640, [3] (CCSL; 138, 138A).
42. Christol M. *Essai sur l'évolution des carrières sénatoriales dans la seconde moitié du IIIe siècle ap. J.C.* Paris, Nouvelles Éditions Latines, 1986. 354 p. (Études prosopographiques; 6).
43. Coebergh C. L'Épiphanie à Rome avant Saint Léon. Un indice pour l'année 419. *Revue bénédictine*, 1965, 75, pp. 304-307.
44. Coleman-Norton P.R. *Roman State and Christian Church. A Collection of Legal Documents to A.D. 535. In 3 vols. Vol. 3*. London, SPCK, 1966, pp. 845-1358.
45. Connell M.F. Did Ambrose's Sister Become a Virgin on December 25 or January 6? The Earliest Western Evidence for Christmas and Epiphany outside Rome. *Studia liturgica*, 1999, 29, pp. 145-158.
46. Connell M.F. *Eternity Today: On the Liturgical Year. In 2 Vols. Vol. 1*. New York, London, Continuum, 2006. XVI, 238 p.
47. Cracco Ruggini L. En marge d'une "mésalliance": Prétextat, Damase et le Carmen contra Paganos. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres*, 1998, 142, pp. 493-516.
48. De Blaauw S. *Cultus et decor. Liturgia e architettura nella Roma tardoantica e medievale. Basilica Salvatoris, Sanctae Mariae, Sancti Petri*. In 2 vols. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1994. 921 p. (continuing pagination), 16 figs. (Studi e testi; 355-356).
49. De Gaiffier B. Palatins et eunuques dans quelques documents hagiographiques. *Analecta Bollandiana*, 1957, 75, pp. 17-46.
50. De Rossi G. B., Duchesne L. Martyrologium Hieronymianum. de Smedt C., de Backer J., van Otroy F., van den Gheyn J., Delehay H., Poncelet A., eds. *Acta Sanctorum Novembris*. Tomi II pars prior. Bruxellis, Socii Bollandiani, 1894, pp. II-LXXXII, 1-195; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database. Nov. II*. Pars I. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.
51. Deichmann F.W. Ravenna. *Hauptstadt des spätantiken Abendlandes. Vol. 2. Kommentar*. Wiesbaden, F. Steiner Verl., 1976. XII, 380 p., ill.

52. Delehaye H. *Étude sur le légendier romain: les Saints de novembre et de décembre*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1936. 273 p. (Subsidia hagiographica; 23).
53. Delehaye H. Les martyrs d'Égypte. *Analecta Bollandiana*, 1922, iss. 40, pp. 5-154, 299-364.
54. Delehaye H. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae, e codice Sirmondiano, nunc Berolinensi, adiectis synaxariis selectis. Acta Sanctorum, Propylaeum Novembris*. Bruxellis, Socii Bollandiani, 1902, [3], LXXVI, 1181 p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database, Nov. Propylaeum*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.
55. Delehaye H., Peeters P., Coens M., de Gaiffier B., Grosjean P., Halkin F. *Martyrologium Romanus ad formam editionis typicae scholiis historicis instructum. Acta Sanctorum. Propylaeum Decembris*. Bruxellis, Société des Bollandistes, 1940, [XXIII], 660 p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database, Dec. Propylaeum*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.
56. Delehaye H., Quentin H. Commentarius Perpetuus in Martyrologium Hieronymianum. *Acta Sanctorum, Novembris*. Tomi II pars posterior. Bruxellis, Société des Bollandistes, 1931. [3], IX-XXIII, 721 p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database. Nov. II. Pars II*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.
57. Deshusses J. *Le sacramentaire grégorien. Ses principales formes d'après les plus anciens manuscrits. Édition comparative. T. I. Troisième édition, revue et corrigée*. Fribourg, Éditions universitaires, 1992. 461 p. (Spicilegium Friburgense; 16).
58. Di Maio M. The Transfer of the Remains of the Emperor Julian from Tarsus to Constantinople. *Byzantion*, 1978, vol. 48, pp. 43-50.
59. Diefenbach S. *Römische Erinnerungsräume. Heiligenmemoria und kollektive Identitäten im Rom des 3. bis 5. Jahrhunderts n. Chr.* Berlin, New York, W. de Gruyter, 2007. XI, 635 p. (Millennium Studies; 11).
60. Divjak J., Wischmeyer W., ed. *Das Kalenderhandbuch von 354. Der Chronograph des Filocalus. In 2 Vols.* Vienna, Holzhausen, 2014. XII, 637 p. (continuous pagination).
61. Dölger F.J. *Sol Salutis. Gebet und Gesang im christlichen Altertum. Mit besonderer Rücksicht auf die Ostung in Gebet und Liturgie*. 2. Aufl. Münster/West., Verlag der Aschendorffschen Verlagsbuchhandlung, 1925. IX, 445 p.
62. Dubois J., Renaud G. *Édition pratique des martyrologes de Bede, de l'Anonyme Lyonnais et de Florus*. Paris, Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1976. VII, 307 p. (Institut de recherche et d'histoire des textes. Bibliographies – Colloques – Travaux préparatoires).
63. Dubois J., Renaud G. *Le Martyrologe d'Adon. Ses deux familles, ses trois recensions. Texte et commentaire*. Paris, Éditions du CNRS, 1984. XXXII, 485 p. (Sources d'histoire médiévale).
64. Duchesne L. Notes sur la topographie de Rome au Moyen-Âge. III. Sainte-Anastasie. *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, 1887, tome 7, pp. 387-413.
65. Duchesne L. *Scripta minora. Études de topographie romaine et de géographie ecclésiastique*. Rome, École française de Rome, 1973. L, 468 p., 1 pl. (Collection de l'École française de Rome, 13).
66. *EDB: Epigraphic Database Bari. Inscriptions by Christians of Rome (3rd–8th Cent. CE)*. URL: <https://www.edb.uniba.it/search/basic>
67. Feiertag J.L. *Hieronymus Contra Iohannem*. Turnhout, Brepols, 1999. CLII, 104 p. (CCSL; 79A).
68. Foester R., ed. *Libanius. Opera*. Vol. 2. Leipzig, Teubner, 1904. [4], 572 p. (Bibliotheca scriptorium graecorum et romanorum Teubneriana).
69. Folgerø P.O. The Sistine Mosaics of S. Maria Maggiore in Rome: Christology and Mariology in the Interlude between the Councils of Ephesus and Chalcedon. *Acta ad Archaeologiam et Artium Historiam Pertinentia*, 2017, vol. 21, pp. 33-64.
70. Förster H. *Die Anfänge von Weihnachten und Epiphánias. Eine Anfrage an die Entstehungshypothesen*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2007. XII, 342 p. (Studien und Texte zu Antike und Christentum; 46).
71. Gijssels J., Gijssels J., eds. *Libri de Nativitate Mariae. Pseudo-Matthaei evangelium*. Turnhout, Brepols, 1997. 520 p. (Corpus Christianorum. Series Apocryphorum; 9).
72. Glorie F., ed. *Itineraria et alia geographica*. Turnhout, Brepols, 1965. XIII, [5], 495 p. (CCSL; 175).
73. Goodspeed J. The Story of Eugenia and Philipp. *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*, 1904, 21, pp. 38-50.
74. Grierson Ph. The Tombs and Obits of the Byzantine Emperors (337–1042). *Dumbarton Oaks Papers*, 1962, 16, pp. 3-60.
75. Grisar H. L'Anastasis e l'Apostoleion di Roma. Grisar H. *Analecta Romana. Dissertazioni, testi, monumenti dell'arte riguardanti principalmente la Storia di Roma e dei Papi nel Medio Evo*. Vol. I. Roma, Libreria cattolica internazionale, 1899, pp. 595-626.
76. Guenther O., ed. *Epistulae imperatorum, pontificum, aliorum inde ab a. CCCLXVII usque ad a. DLIII datae Avellana quae dicitur collectio*. 2 partes. Pars I. Prague; Vienna, F. Tempsky; Leipzig, G. Freytag, 1895. XCIII, 493 p. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum; 35).
77. Halkin F. La Passion ancienne des saints Julien et Basilisse BHG 970–971. *Analecta Bollandiana*, 1980, 98, pp. 241-296.
78. Hillner J. Constantina, Daughter of Constantine, Wife of Gallus Caesar, and Patron of St Agnes at Rome. *Oxford Research Encyclopedias*. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199381135.013.8066>

79. Hohl E., ed. *Scriptores Historiae Augustae. Editio stereotypa correctior addenda et corrigenda adiecerunt Ch. Samberger et W. Seyfarth. In 2 Vols. Vol. 2.* Leipzig, Teubner, 1965. 308 p. (Bibliotheca scriptorium graecorum et romanorum Teubneriana).
80. Horrocks G. *Greek: A History of the Language and Its Speakers.* Chichester, Wiley-Blackwell, 2010. XX, 502 p.
81. Ibrahim H. Liste des Vies de Saints et des homélies conservées dans les ms. Sinaï arabe 395–403, 405–407, 409 et 423. *Chronos. Revue d'histoire de l'Université de Balamand*, 2018, 38, pp. 47-114.
82. Monfaucon, B., ed. Ioannes Chrysostomus. *Homiliae in Epistulam ad Philippenses. Joannis Chrysostomi Opera omnia quae extant vel quae ejus nomine circumferuntur.* Parisiis, J.-P. Migne, 1862, cols. 177-298 (Migne J.-P., ed. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*; T. 62).
83. Monfaucon, B., ed. *Joannis Chrysostomi Opera omnia quae extant vel quae ejus nomine circumferuntur.* Vol. II, pars I. Parisiis, J.-P. Migne, 1859. 852 cols. (Migne J.-P., ed. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*; t. 50).
84. Jaffé Ph., ed. *Regesta Pontificum Romanorum ab condita ecclesia ad annum post Christum natum MCXCVIII. Editionem tertiam emendatam et auctam iubente Academia Gottingensi sub auspiciis N. Herbers.* T. I. Göttingen, Vandenhoeck et Ruprecht, 2016. XV, 584 p.
85. Jensen R.M. The Apocryphal Mary in Early Christian Art. Gregory A. and Tuckett Ch., eds. *The Oxford Handbook of Early Christian Apocrypha.* Oxford, Oxford University Press, 2015, pp. 289-305.
86. Johnson M.E. Introduction. Johnson M.E., ed. *Between Memory and Hope: Readings on the Liturgical Year.* Collegeville, MN, The Liturgical Press, 2000, pp. XI-XXV.
87. Johnson M.J. Observations of the Burial of the Emperor Julian in Constantinople. *Byzantion*, 2008, vol. 78, pp. 254-260.
88. Johnson M.J. *The Roman Imperial Mausoleum in Late Antiquity.* Cambridge, Cambridge University Press, 2014. XIX, 290 p.
89. Kahlos M. *Vettius Agorius Praetextatus – A Senatorial Life in Between.* Roma, Quasar, 2002. 280 p. (*Acta Instituti Romani Finlandiae*; 26).
90. Kahlos M. Vettius Agorius Praetextatus and the Rivalry Between the Bishops in Rome in 366–367. *Arctos. Acta philologica Fennica*, 1997, no. 31, pp. 41-54.
91. Klauser Th. *Das römische capitulare evangeliorum. I. Typen.* Münster/Westf., Verlag der Aschendorffschen Buchhandlung, 1935 [2. Aufl., 1972]. CXX, 199 p. (*Liturgiewissenschaftliche Quellen und Forschungen*; 28).
92. Klessler O. De introductione argumenti baptismatis Christi in vigiliam et festum Epiphaniae in ecclesia Romana celebratum. *Ephemerides Liturgicae*, 1959, 73, pp. 22-30.
93. Kotter B. *Die Schriften des Johannes von Damaskos. V. Opera homiletica et hagiographica.* Berlin; New York, W. de Gruyter, 1988. XX, 607 p. (*Patristische Texte und Studien*; 29).
94. Krautheimer R. *Corpus Basilicarum Christianarum Romae. Le basiliche cristiane antiche di Roma (Sec. IV–IX).* Vol. I. Città del Vaticano, Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 1937. XIX, 326 p., XL tavv. (*Monumenti di antichità cristiana, II ser.; II*).
95. Krautheimer R. *Three Cristian Capitals: Topography and Politics.* Berkeley, University of California Press, 1983. XIV, 167 p.
96. Krueger P., ed. *Codex Iustinianus.* Berlin, Weidmann, 1877. LXXX, *84, 1103 p.
97. Kunzler M. *Die Liturgie der Kirche.* Paderborn, Bonifatius, 1995. 672 p. (*Amateca: Lehrbücher zur katholischen Theologie*; Bd. 10).
98. Kunzler M. *La liturgia della Chiesa. Seconda edizione ampliata.* Milano, Jaca Book, 2003. 621 p. (*Amateca. Manuali di teologia cattolica*; 10).
99. Lanéry C. *Hagiographie d'Italie (300–550). I. Les Passions latines composées en Italie. Philippart G., dir. Hagiographies. Histoire internationale de la littérature hagiographique latine et vernaculaire en Occident des origines à 1550.* Vol. 5. Turnhout, Brepols, 2010, pp. 15-369. (*Corpus Christianorum*).
100. Lapidge M. *The Roman Martyrs. Introduction, Translation, and Commentary.* Oxford, Oxford University Press, 2018. XVII, 733 p. (*Oxford Early Christian Studies*).
101. Lenski N. *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley, University of California Press, 2003. XIX, 454 p.
102. Freeland J.P., Conway A.J., eds. *Leo the Great. Sermons.* Washington, D.C., The Catholic University of America Press, 1996. XII, 435 p. (*The Fathers of the Church. A New Translation*; 93).
103. Leclercq J., Dolle R., ed. *Léon le Grand. Sermons.* T. I. 2e édition. Paris, Cerf, 1964. 295 p. (*Sources chrétiennes*; 22 bis).
104. Lidova M. *The Imperial Theotokos: Revealing the Concept of Early Christian Imagery in Santa Maria Maggiore in Rome.* Convivium, 2015, II/2, pp. 60-81.
105. Lidova M. Virgin Mary and the Adoration of the Magi. From Iconic Space to Icon in Space. Bogdanović J., ed. *Icons of Space: Advances in Hierotopy.* London, New York, Routledge, 2021, pp. 214-238.
106. Lietzmann H. *Petrus und Paulus in Rom. Liturgische und Archäologische Studien.* Bonn, A. Marcus und E. Weber's Verl., 1915. XII, 787 p.
107. Liverani P. Saint Peter's, Leo the Great and the leprosy of Constantine. *Papers of the British School at Rome*, 2008, no. 76, pp. 155-172.

108. Lourié B. Afterlife of the 2 Enoch Calendar: Major Christian Feasts on the Sixth Day. *Henoch*, 2011, 33, pp. 102-107.
109. Lourié B. A Monothelete Syriac Compilation of Pseudo-Apostolic Acts Preserved in Slavonic Only and the Entrance of Constans II into Rome in 663. Cioată M., Miltenova A., Timotin E., eds. *Biblical Apocrypha in South-Eastern Europe and Related Areas. Proceedings of the session organised in the framework of the 12th International Congress of South-East European Studies (Bucharest, 2–6 September 2019)*. Brăila, Istros, 2021, pp. 125-217. (Bibliothèque de l'Institut d'Études Sud-Est Européennes; 16).
110. Lourié B. The Pseudepigraphical Prophecies on the Virginal Birth: From the Slavonic, Greek, and Georgian to the Second Temple Jewish Background. *Scripta & e-Scripta*, 2019, no. 19, pp. 87-108.
111. Makeeva L.B. *An Introduction to Inductive Logic*. Moscow, Idea-Press, 2014. 128 p.
112. Malosse P.-L. Proposition mystique pour arrêter les invasions barbares ou plaider pour que les païens aient leur place dans l'empire chrétien? Le Discours XXIV de Libanios. *Revue des études grecques*, 2010, no. 123, pp. 113-135.
113. Marini Clarelli M.V. La controversia nestoriana e i mosaici dell'arco trionfale di S. Maria Maggiore. Barsanti C. et al., ed. *Bisanzio e l'Occidente: arte, archeologia, storia. Studi in onore di Fernanda de' Maffei*. Rome, Viella, 1996, pp. 323-344.
114. Martindale J.R. et al. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, 1971. XXII, 1152 p.
115. Mateos J. *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Saint-Croix no 40, Xe siècle. Introduction, texte critique, traduction et notes*. T. I. Le cycle des douze mois. Roma, PIO, 1962. XXVI, 389 p. (Orientalia Christiana Analecta; 165).
116. Mauskopf Deliyannis D. *Ravenna in Late Antiquity*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. XIX, 444 p.
117. Mauskopf Deliyannis D., ed. *Agnelli Ravennatis, Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis*. Turnhout, Brepols, 2006. 392 p. (Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis).
118. Menna M.R. I mosaici della basilica di Santa Maria Maggiore. Andaloro M., a cura di. L'orizzonte tardoantico e le nuove immagini: 312-468. *Corpus della Pittura Medievale a Roma*. Vol. I. Milano, Jaca Book, 2006, pp. 306-346.
119. Mennen I. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden; Boston, Brill, 2011. XIII, 305 p. (Impact of Empire; 12).
120. Migne J.-P., ed. *Symeonis Logothete, cognomeno Metaphrastaе, Opera Omnia*. T. III. Parisiis, J.-P. Migne, 1864. 1430 cols. (Migne J.-P., ed. Patrologiae cursus completus. Series graeca; t. 116).
121. Mirković M. *Sirmium. Its History from the First Century AD to 582 AD*. Sremska Mitrovica, Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad; Historical Archive "Srem", 2017. 316 p. (University of Novi Sad. Faculty of Philosophy. Department of History. Center for Historical Research. Monographs, 1; Historical Archive "Srem". Sremska Mitrovica. Monographs; 13).
122. Mommsen Th., ed. *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII*. Berlin, Weidmann, 1892. XII, 756 p. (Monumenta Germaniae Historica, 9; Auctores antiquissimi; t. 9).
123. Moretti P.F. *La Passio Anastasiae: Introduzione, testo critico, traduzione*. Roma, Herder, 2006. 238 p. (Studi e Testi TardoAntichi; 3).
124. Musurillo H. *The Acts of the Christian Martyrs. Introduction, Texts and Translations*. Oxford, Clarendon Press, 1972. LXXIII, 378 p. (Oxford Early Christian Texts).
125. Nau F. *Un martyrologe et douze ménologes syriaques. Édités et traduits*. Paris, Firmin-Didot, 1912. 163 p. (Patrologia orientalis; t. 10, fasc. 1, Nr. 46) (repr. Turnhout, Brepols, 1993).
126. Nothaft C.P.E. Early Christian Chronology and the Origins of the Christmas Date: In Defence of the "Calculation Theory". *Questions liturgiques*, 2013, vol. 94, pp. 247-265.
127. Nothaft C.P.E. The Origins of the Christmas Date: Some Recent Trends in Historical Research. *Church History*, 2012, vol. 81, iss. 4, pp. 903-911.
128. Poucet J. La Chute des Idoles dans l'épisode égyptien des Enfances de Jésus. Le témoignage de la littérature médiévale. *Folia Electronica Classica, 2014 (janvier – juin), 27*. URL: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/27/TM27.html>
129. Renoux A. [Ch.]. *Le codex arménien Jérusalem 121. II. Édition comparée du texte et de deux autres manuscrits. Introduction, texte, traduction et notes*. Turnhout, Brepols, 1971. 250 p. (Patrologia orientalis; t. 36, fasc. 2, No. 168).
130. Renoux Ch. *Le lectionnaire de Jérusalem en Arménie. Le Čašoc. II. Édition synoptique des plus anciens témoins*. Turnhout, Brepols, 1999. 170 p. (Patrologia orientalis, t. 48, f. 2, Nr 214).
131. Reutter U. *Damasus, Bischof von Rom (366–384). Leben und Werk*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2009. XI, 567 p. (Studien und Texte zu Antike und Christentum; 55).
132. Rizos E. Saint Julian of Cilicia: Cult and Hagiography. Including the Edition and English Translation of the Passio S. Iuliani Anazarbeni (BHG 966) and its Epitome (BHG 967d). *Analecta Bollandiana*, 2021, vol. 139, pp. 106-155.
133. Rubery E. The Early Iconography of Mary. The Mosaics of the Triumphal Arch at Santa Maria Maggiore, Rome in the Context of the Writings of Cyril of Alexandria and the Council of Ephesus of 431. *Studia Patristica*, 2014, vol. 72, pp. 279-325.

134. Salzman M.R. Leo's Liturgical Topography: Contestations for Space in Fifth-Century Rome. *The Journal of Roman Studies*, 2013, vol. 103, pp. 208-232.
135. Savio F. Basilla o Bassilla? *Nuovo bullettino di archeologia Cristiana*, 1912, vol. 18, pp. 11-23.
136. Saxer V. *L'utilisation par la liturgie de l'espace urbain et suburbain: l'exemple de Rome dans l'Antiquité et le Haut Moyen Âge. Actes du XIe congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève, Aoste, 21-28 septembre 1986*. Rome, École Française de Rome, 1989, pp. 917-1033. (Publications de l'École française de Rome; 123).
137. Saxer V. *Sainte-Marie-Majeure. Une basilique de Rome dans l'histoire de la ville et de son église (Ve-XIIIe siècle)*. Rome, École française de Rome, 2001. 720 p. (Collection de l'École française de Rome; 283).
138. Vollmann B.K., ed. Scardigli P. *Die Gothen. Sprache und Kultur*. 2. Aufl. München, C.H. Beck, 1973. VI, 399 p.
139. Seeck O.K. *Licinius, römischer Kaiser 308-324. Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Halbband 25*. Stuttgart, J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1926, cols. 222-231.
140. Shepherd M.H.Jr. The Liturgical Reform of Damasus I. Granfield P., Jungmann J. A., eds. *Kyriakon. Festschrift Johannes Quasten. In 2 Vols. Vol. 2*. Münster/Westf., Aschendorff, 1970, pp. 847-863.
141. Shoemaker S.J. *Ancient Traditions of the Virgin Mary's Dormition and Assumption*. Oxford, Oxford University Press, 2006. XVI, 460 p. (Oxford Early Christian Studies).
142. Sieger J.D. Visual Metaphoras Theology: Leo the Great's Sermons on the Incarnation and the Arch Mosaics at S. Maria Maggiore. *Gesta*, 1987, vol. 26, pp. 83-91.
143. Silvagni A. Intorno a un gruppo di iscrizioni del IV e V secolo appartenenti alla Basilica Vaticana. *Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma*, 1929, vol. 57, pp. 135-147.
144. Smith Lewis A. *Select Narratives of Holy Women from the Syro-Antiochene or Sinai Palimpsest as Written above the Old Syriac Gospels by John the Stylite, of Beth-Mari-Qanūn in A.D. 778. In 2 Vols. Vol. 1*. London, C.J. Clay and Sons, 1900. 328 (Syriac pagination), 46, XXIV p.; Vol. 2. XXI, 210 p. (Studia Sinaitica; 9-10).
145. Spain S. 'The Promised Blessing': The Iconography of the Mosaics of S. Maria Maggiore. *Art Bulletin*, 1979, vol. 61, pp. 518-540.
146. Spera L. Basillae coemeterium. Fiocchi Nicolai V., Cecere M.G.G., Mari Z., ed. *Lexicon topographicum urbis Romae. Suburbium*. Vol. I. Roma, Quazar, 2001, pp. 211-214.
147. Taft R.F. Anton Baumstark's Comparative Liturgy Revisited. *Comparative Liturgy: Fifty Years After Anton Baumstark (1872-1948)*. *Acts of the International Congress. Rome, 25-29 September 1998*. Rome, PIO, 2001, pp. 191-232. (Orientalia Christiana Analecta; 265).
148. Talley Th.J. *The Origins of the Liturgical Year*. New York, Publo Publishing Co., 1986. XII, 254 p.
149. Tarchnischvili M. *Le grand lectionnaire de l'Église de Jérusalem (Ve-VIIIe siècles)*. In 2 Vols., [4 pts.]. Vol. I, [pt. 1]. Louvain, Secrétariat du CorpusSCO, 1959. XVI, 174 p.; Vol. 2, [pt. 2]. 1960. VII, 139 p. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, vols. 188-189, 204-205; Scriptores iberici, tt. 9-10, 13-14).
150. Teitler H.C. *The Last Pagan Emperor: Julian the Apostate and the War against Christianity*. Oxford, Oxford University Press, 2017. XXXII, 271 p.
151. Testini P. *Archeologia Cristiana. Nozioni generali dalle origini alla fine del sec. VI. Propedeutica. Topografia cimiteriale*. Seconda ed. Bari, Edipuglia, 1980. 774 p., 3 pl.
152. Thacker A. Popes, Emperors and Clergy at Old Saint Peter's from the Fourth to the Eighth Century. McKitterick R., Osborne J., Richardson C.M., Story J., eds. *Old Saint Peter's, Rome*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 137-156.
153. van Esbroeck M. *Aux origines de la Dormition de la Vierge. Études historiques sur les traditions orientales*. Aldershot, Variorum, 1995. VIII, 325 p. (Variorum Collected Studies Series; CS 472).
154. van Esbroeck M. Jean II de Jérusalem et les cultes de S. Étienne, de la Sainte-Sion et de la Croix. *Analecta Bollandiana*, 1984, vol. 102, pp. 99-134.
155. van Esbroeck M. *Le saint comme symbole*. S. Hackel, ed. *The Byzantine Saint. University of Birmingham 14th Spring Symposium of Byzantine Studies*. London, Fellowship of Saint Alban and Saint Sergius, 1981, pp. 128-140. (Studies Supplementary to Sobornost, 5; special number of Sobornost and Eastern Church Review, Nr 3).
156. van Esbroeck M. La lettre de l'empereur Justinien sur l'Annonciation et la Noël. *Analecta Bollandiana*, 1968, vol. 86, pp. 352-371; 1969, vol. 87, pp. 442-444.
157. van Esbroeck M. The Virgin as the true Ark of the Covenant. Vassilaki M., ed. *Images of the Mother of God*. Aldershot, Variorum, 2005, pp. 63-68.
158. van Esbroeck M. Une homélie sur l'Église attribuée à Jean de Jérusalem. *Le Muséon*, 1973, iss. 86, pp. 283-304.
159. Verhelst S. *Les traditions judéo-chrétiennes dans la liturgie de Jérusalem: spécialement la Liturgie de saint Jacques Frère de Dieu*. Leuven, Peeters, 2003. 224 p. (Textes et études liturgiques; 18).
160. Botte B., ed. Vogel C. *Introduction aux sources de l'histoire du culte chrétien au Moyen Âge*. Spoleto, Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1981. XXVI, 406 p.

161. West F.S. *Anton Baumstark's Comparative Liturgy in Its Intellectual Context. PhD Thesis*. Notre Dame, IN, University of Notre Dame, 1988. V, 425 p.

162. West F.S. *The Comparative Liturgy of Anton Baumstark*. Bramcote Nottingham, Grove Books Ltd, 1995. 43 p. (Joint Liturgical Studies; 31).

163. Whatley E.G. More than a Female Joseph: The Sources of the Late-Fifth-Century Passio Sanctae Eugeniae. McWilliams S., ed. *Saints and Scholars: New Perspectives on Anglo-Saxon Literature and Culture in Honour of Hugh Magennis*. Cambridge, D. S. Brewer, 2012, pp. 87-111.

164. Whitehead F.B. The Church of S. Anastasia in Rome. *American Journal of Archaeology*, 1927, no. 31, pp. 405-420.

165. Woods D. On the Alleged Reburial of Julian the Apostate in Constantinople. *Byzantion*, 2006, vol. 76, pp. 364-371.

166. Angelidi Ch. To Martyrion tis agias Ioulianis tis ek Nikomidias [The Martyrdom of Saint Juliana of Nicomedia]. *Byzantina*, 1977, vol. 9, pp. 141-166.

167. *Vark'ew vkayabanowt'iwnk'srboc': hatëntir k'agealk' i čarëntnac'* [Lives and Martyrdoms of Saints: Collected Selections from Homeliaries], 2 vols. Vol. 1. Venice, Society of Mechitarists, 1874. [5], 723 p.

168. *didi svnaksari giorgi mtats'mindeli. t'ekst'i gamosatsemad da sametsniero ap'arat'i daurtes manana dolakidzem da dali chit'unashvili* [Great Synaxarion by George the Hagiorite. Text and Apparatus Prepared by Manana Dolakidze and Dali Chitunashvili]. Tbilisi, s.n., 2017. 045, 635 p.

169. *k'ek'elidze k'. kartuli agiograpiuli dzeglebi. natsili p'irveli. k'imeni II*. [Kekelidze K. Georgian Hagiographical Monuments. Part One. Keimena II]. Tbilisi, 1946. 239 p.

Information About the Author

Basil Lourié, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St, 8, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, hieromonk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6618-2829>

Информация об авторе

Вадим Миронович Лурье, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН, ул. Николаева, 8, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, hieromonk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6618-2829>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.11>

UDC 248.3(271)(281.4)
LBC 86.37-3

Submitted: 25.05.2023
Accepted: 31.10.2023

**THE ORIGIN OF THE “JESUS PRAYER”.
A CRITIQUE OF TRADITIONAL OPINION
IN THE CONTEXT OF THE PHENOMENON OF SPONTANEOUS PRAYERS**

Viacheslav G. Patrin

Center for Training Church Specialists of the Volgograd Eparchy, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The history of Byzantine spirituality is inextricably linked with the mystical tradition of Hesychasm, in which the practice of the “Jesus Prayer” occupied the central place. Both in the patristic literature and scientific historiography, particular attention has been paid to the question of the appearance of the formula of the “Jesus Prayer”. The generally accepted opinion was and remains that the formula of the “Jesus Prayer” was compiled on the basis of the texts of the New Testament. We find this opinion in the late Byzantine literature analyzing the formula of the “Jesus Prayer”. Modern scholarly literature also contains its own line of argumentation in favor of this opinion. *Methods and analysis.* Our scholarly interest in this topic was largely motivated by disagreement with this generally accepted view. This disagreement was initially intuitive, and it took us some time to be able to express our intuition logically and factually. The main line of our argumentation is based on the attraction of the phenomenon of spontaneous prayers to the analysis of the history of the “Jesus Prayer”. *Results.* This article summarizes the work that we have done. The fallacy of the traditional scientific approach to the “Jesus Prayer” as a fixed formula compiled on the basis of the texts of the New Testament is pointed out.

Key words: “Jesus Prayer”, origin of the prayer, Egyptian monasticism, meditation on the Holy Scriptures, spontaneous prayers.

Citation. Patrin V.G. The Origin of the “Jesus Prayer”. A Critique of Traditional Opinion in the Context of the Phenomenon of Spontaneous Prayers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 151-160. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.11>

УДК 248.3(271)(281.4)
ББК 86.37-3

Дата поступления статьи: 25.05.2023
Дата принятия статьи: 31.10.2023

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ «МОЛИТВЫ ИИСУСОВОЙ».
КРИТИКА ТРАДИЦИОННОГО МНЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА СПОНТАННЫХ МОЛИТВ**

Вячеслав Геннадьевич Патрин

Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. История византийской духовности неразрывно связана с мистической традицией исихазма, в которой центральное место занимает практика «молитвы Иисусовой». Как в святоотеческой литературе, так и в научной историографии отдельное внимание было уделено вопросу появления формулы «молитвы Иисусовой». Общепринятым было и остается мнение, что формула «молитвы Иисусовой» была составлена на основе текстов Нового Завета. Это мнение мы встречаем еще в поздневизантийской литературе, рефлексировавшей над формулой «молитвы Иисусовой». Современная научная литература также содержит свою линию аргументации в пользу данного мнения. Наш научный интерес к данной теме был во многом продиктован несогласием с

данным общепринятым мнением. Это несогласие изначально было больше интуитивным, и нам понадобилось достаточно много времени, чтобы суметь выразить свою интуицию логически и фактологически. Данная статья подводит итог проделанной работы. Основная линия нашей аргументации строится на привлечении феномена спонтанных молитв к анализу истории «молитвы Иисусовой». Указывается на ошибочность традиционного научного подхода к «молитве Иисусовой» как фиксированной формуле.

Ключевые слова: «молитва Иисусова», происхождение молитвенной формулы, египетское монашество, поучение в Священном Писании, спонтанные молитвы.

Цитирование. Патрин В. Г. Происхождение «молитвы Иисусовой». Критика традиционного мнения в контексте феномена спонтанных молитв // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 151–160. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.11>

Введение. Молитва является, пожалуй, самым известным религиозным феноменом. В христианской традиции молитве отведена высокая роль действия, которое объединяет человека с Богом в вечности. В византийской духовной традиции молитвенная практика занимала важное место в жизни всех слоев общества, но наивысшее свое развитие она получила в практике византийских монахов, известной как практика «молитвы Иисусовой». Развитие данной практики шло на протяжении почти всего существования Византийской империи, начиная с рубежа IV–V вв., когда она, по всей видимости, появилась, и заканчивая XIV в., когда она стала предметом догматических споров, касающихся как ее методов, так и природы мистического «света», который созерцали монахи-исихасты. Мистические высоты христианской молитвы пленяют воображение и ум, и на этом фоне исторические исследования молитвы выглядят не столь впечатляюще. С этим мы можем связать слабую разработанность истории христианской молитвы в научной историографии. Существуют работы по общей истории христианского богослужения (одной из форм молитвы), по богословию и мистике, но общей истории христианской молитвы, или хотя бы истории византийской христианской молитвы, не написано, и, насколько мы можем оценивать ситуацию, не будет в ближайшее время написано. С чисто научной точки зрения главная проблема для написания как истории христианской молитвы в целом, так и для византийской христианской молитвы в частности, заключается в огромном количестве разнообразного материала и в отсутствии общей научной теории, которая могла бы объединить весь этот материал. Как и в случае с литургией, история молитвы пока может разви-

ваться только в контексте отдельных тем и сюжетов, одним из которых также является история «молитвы Иисусовой». Научное изучение истории «молитвы Иисусовой» имеет свою вековую традицию. В рамках исторического исследования ученые часто работают с артефактами, которые они хотят изучить объективно. В случае «молитвы Иисусовой» такими артефактами оказываются молитвенные формулы, которые сравниваются между собой, и на основании этого сравнения делаются выводы. При таком отношении к молитвенной формуле как к историческому артефакту сильно притупляется восприятие ее в религиозном контексте как основного религиозного действия, в котором сама формула вторична. Молитва как формула и молитва как действие – не одно и то же. Молитвенная формула в тексте может быть отражением действия, которое таким образом зафиксировалось, хотя само оно могло быть спонтанным или спонтанно могли быть подобраны слова. В таком случае отношение к формуле как фиксированному тексту оказывается ошибочным. История зарождения «молитвы Иисусовой» традиционно изучалась в контексте ее связи с текстами Нового Завета, однако, при этом не учитывался аспект спонтанности, что привело, по нашему мнению, к неправильным выводам и предположениям. Мы прежде всего опишем то, как развивалось современное научное представление о генезисе формулы «молитвы Иисусовой», а затем изложим наши критические замечания и предложим наше понимание того, как «молитва Иисусова» появилась. Наше исследование может быть полезным для более полного понимания религиозного характера людей ранневизантийского периода.

История традиционного мнения о зависимости «молитвы Иисусовой» от текстов Нового Завета и практики мелеи. Самое раннее высказывание о связи формулы «молитвы Иисусовой» с новозаветными текстами встречается у свт. Каллиста Ксанфопула (XIV в.), который считает, что из Нового Завета были взяты наименования Христа и их порядок для «классической» формулы «молитвы Иисусовой» («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»). Так, святитель пишет, что слова данной молитвы встречаются у апостолов Петра, Павла и Иоанна: «Один из них, как сказали мы прежде, говорит: “никто же может рещи Господа Иисуса, точю Духом Святым” (1Кор.12,3); другой: “благодать и истина Иисус Христом бысть” (Иоан.1,17), – и еще: “всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть” (1Ин.4,2); предпочтенный же другим ученикам Христовым, на вопрос Спасителя ко всем Апостолам: – “кого Мя глаголют человецы бытии”, – ответил от лица всех, блаженнейшее вводя исповедание: “Ты еси Христос, Сын Бога Живаго” (Мф.16,13.16)» [3, с. 360; 15, р. 729–732]. В дальнейшем, по мнению свт. Каллиста, святые отцы составили на основании этих апостольских наименований Христа текст самой «молитвы Иисусовой».

Современная историография по «молитве Иисусовой» начинается с начала XX в. с работы Константина Дмитриевича Попова, посвященной бл. Диадоху Фотикийскому [1; 11]. С точки зрения современной науки исследование Попова устарело, так как многие авторы и тексты, рассматриваемые Поповым, получили новую атрибуцию и датировку. В ходе анализа истории «молитвы Иисусовой» Попов оспаривает позицию Каллиста, в словах которого он увидел идею, что «классическая» формула «молитвы Иисусовой» была изначальной, хотя, нужно отметить, Каллист этого непосредственно не утверждает. По мнению Попова, изначальной формула «молитвы Иисусовой» не была фиксированной. Вопрос заимствования формул «молитвы Иисусовой» из Нового Завета Попов непосредственно не проговаривает, однако его рассуждения о молитве у прп. Марка Подвижника, где он приводит в пример молитву евангельского слепца/слепцов, говорят

в пользу такого мнения о заимствовании [11, с. 662]. Появление «молитвы Иисусовой» Попов связывает с египетским монашеством. Хотя его рассуждения при этом строились на некоторых ошибочных посылках, в целом генетическую связь практики «молитвы Иисусовой» с традицией египетского монашества можно признать бесспорной.

Попов также устанавливал связь между «молитвой Иисусовой» и христианской практикой призывания имени Иисусова [11, с. 658–659]. Эту идею в дальнейшем сделал базовым тезисом архимандрит Лев Жилле, который связал «молитву Иисусову» с иудейской практикой почитания имени Божьего [31, р. 252–253]. Рассуждения Льва Жилле идут логически в сторону мысли, что изначальной формой «молитвы Иисусовой» было простое призывание имени «Иисус» [31, р. 398]. Что касается «классической» формулы данной молитвы, Лев Жилле, подобно свт. Каллисту Ксанфопулу, считает, что она создана на основе новозаветных текстов. Жилле видит формулу этой молитвы, как синтез и модификацию двух евангельских молитв: «воплъ двух слепцов: «Сын Давидов, помилуй нас» (Мф. 9:27) и смиренную просьбу мытаря: «Боже, помилуй меня грешного» (Лк. 18:13)», которые получили приращение «Господи Иисусе Христе», встречающееся в Деяниях 16:31. В «переходе от “Господа Иисуса Христа” к “Сыну Божьему”» Жилле усматривает очень явное исповедание веры, которое, «возможно, было подсказано фразой первосвященника: «...если Ты Христос, Сын Божий» (Мф. 26:63)» [31, р. 395–396]. Бернард Шульц также посчитал «классическую» «молитву Иисусову» модификацией молитвы евангельского слепца. При этом слова «Сыне Давидов», по его мнению, были заменены христианами в древности словами «Сыне Божий» в соответствии с принципами, изложенными Оригеном и св. Марком Отшельником [29, р. 320].

Существенный вклад в изучение истории «молитвы Иисусовой» внес Ириной Осэр. В данном случае важен его подход, заключающийся в проверке мнений и идей в контексте свидетельств источников. Так, он указывает, что «если даже все элементы “Иисусовой молитвы” присутствовали в Евангелиях, и принцип, провозглашенный Оригеном, мог вдохновить христианина собрать их воедино,

придав им вероучительное значение через замену “Сыне Давидов” на “Сыне Божий”, нет ни одного документа, подтверждающего, что эта работа по сбору и исправлению была проведена в первые века» [18, р. 183]. Таким образом, хотя Осэр и не исключает абсолютно возможности заимствования слов для формулы «молитвы Иисусовой» из Нового Завета, он указывает на факт, что в текстах раннехристианского периода этому нет подтверждений.

На основании работы с источниками Осэр отвергает также идею Жилле, что «молитва Иисусова» изначально была лишь призыванием имени «Иисус». Согласно Осэру «неправильно писать: “Тот, кто хотел бы вернуться к первоначальной свободе и сосредоточиться на одном лишь Имени, отказавшись от пространной формулы, <...> вернулся бы к наиболее древней форме практики *молитвы Иисусовой*”. Для пространной формулы у нас есть фолианты документов, для одного лишь Имени – материально почти ничего, формально – вообще ничего. Правда в том, что *молитва Иисусова* далеко не напоминает результат увеличения формулы, но представляет собой результат ее сокращения; она сжимается в короткую формулу, приспособленную для “медитации”, монашеской практики *покаяния (penthos)*. И эта формула была изобретена и распространена, подобно той, о которой сообщает Кассиан, с целью достижения непрерывной молитвы» [18, р. 118]. Таким образом, согласно Осэру, в случае «молитвы Иисусовой» речь нужно вести не о расширении формулы, а об ее сокращении.

Многие взгляды, выраженные Осэром в контексте анализа истории «молитвы Иисусовой», являются крайне специфичными. Так, ученый под «молитвой Иисусовой» склонен понимать только ее развитую формулу, которая обязательно включает в себя просьбу о милости в качестве существенной ее части [18, р. 236] (даже более существенной, чем наименования Христа [18, р. 118, 235]). Такая позиция Осэра, конечно, весьма спорна и плохо согласуется с источниками. Еще одной особенностью в рассуждениях Осэра является его резкое разграничение истории «молитвы Иисусовой» от краткословных молитв по причине того, что, как выразился ученый, «не определяют древность победителей исходя из древности по-

бежденных» [18, р. 236]. Хотя Осэр также относит «молитву Иисусову» к краткословным молитвам (*jaculatoires*), историю данной молитвы он начинает только с VI в. [18, р. 237].

В рамках последующего анализа можно отметить, что Осэр, насколько мы можем судить, первым из исследователей вписывает «молитву Иисусову» в контекст монашеской практики поучения (*μελέτη*)/медитации. Эта идея в дальнейшем будет подхвачена последующими исследователями в области истории данной молитвенной практики и станет рассматриваться, как одно из обоснований того, как формула «молитвы Иисусовой» могла быть взята из евангельских текстов. Так, в середине 70-х гг. XX в. вышла серия статей известных ученых, в которых «молитва Иисусова» рассматривалась, как форма практики мелети. Пьер Аднэ в энциклопедической статье, посвященной «молитве Иисусовой», рассматривая вопрос генезиса данной практики, пишет, что «одним из лучших средств борьбы с помыслами и сохранения непрерывного памятования о Боге было *μελέτη* или медитация в ее раннем значении, а именно: обдумывание, непрерывное словесное повторение, вполголоса или негромко, формулы, подходящей для укоренения духовной идеи или спасительного чувства <...> Это мог быть отрывок из Писания, который монахи заучивали наизусть, чтобы иметь возможность его повторять, когда куда-то шли или занимались рукоделием <...>, или какое-то “изречение” Отцов или текст, взятый из духовного произведения <...>, это могла быть фраза, которую человек сформулировал сам <...>. Особой формой медитации-повторения – возможно, самой эффективной – была практика коротких и частых молитв» [14, р. 1128]. «Классическую» же формулу «молитвы Иисусовой» Аднэ считает «развитием молитвы *Kyrie eleison* и комбинацией реминисценций из различных отрывков Нового Завета» [14, р. 1126–1127].

Практически идентичные идеи с Аднэ высказывает также Антуан Гийомон, находя корни монашеской практики мелети в Ветхом Завете. Он пишет, что «глагол *meletan* в Септуагинте – которому соответствует *meditari* в Вульгате – чаще всего переводит еврейское *hâgâ*; этот термин обозначает чтение Книги

Закона вполголоса, с прилежанием и преданностью, упражнение, которое благочестивый еврей усердно выполнял “ночью и днем”. “Медитация” монахов является частью этой традиции. Это было занятие, совершаемое вслух, как и уединенное чтение у древних <...>. Данная практика состояла в постоянном повторении одной и той же формулы, которая могла быть спонтанной, навеянной глубоким чувством сострадания; но чаще всего она бралась из Писания, обычно сведенная к простому стиху <...>. Таково происхождение так называемой “Иисусовой молитвы”, которая практиковалась в Египте в VIII веке, о чем свидетельствует коптская надпись, найденная в Келлии, и значительно распространилась в греческом и славянском христианстве вплоть до наших дней; она состоит из непрерывного чтения молитвы мытаря в Евангелии от Луки 18:13: “Господи Иисусе (в евангельском тексте заменено на “Бог”), помилуй меня, грешного” [17, р. 289–290].

Другой авторитетный специалист в области раннего монашества, Люсьен Ренье, сохраняет за *μελέτη* его специализированное значение поучения в Священном Писании и считает, что на базе этой практики появилась практика повторения коротких молитв: «Хотя собранные нами свидетельства не позволяют нам утверждать, что эта [краткословная] форма молитвы существовала повсеместно и с самого начала в египетских монашеских кругах, тем не менее, мы можем сказать, что она уже существовала, неявно содержась в *мелети*, том размышлении над текстами Писания, которые, по большей части, сами по себе не были формально молитвами, но которые легко могли и часто должны были стать таковыми благодаря тем мыслям, которые они поддерживали в уме и сердце монаха» [26, р. 480].

Можно сказать, что три вышеупомянутых автора (Аднэ, Гийомон и Ренье) сформировали общую научную позицию о том, как происходил генезис практики «молитвы Иисусовой», и последующие ученые исходили в своих рассуждениях из этой позиции, не подвергая ее критике. Так, Антонио Риго, на данное время ведущий специалист в области истории «молитвы Иисусовой» византийского периода, в обзорной статье по истории «мо-

литвы Иисусовой» включает короткие молитвы наряду с текстами из Св. Писания в практику мелети, при этом тексты коротких молитв, по его мнению, также были взяты из Писания [28, р. 247–248]. В конце XX в. к теме истории «молитвы Иисусовой» обратились отечественные исследователи Василий Миронович Лурье [4, с. 48–50, 68–69, 101; 7, с. 385, 410–411] и Алексей Георгиевич Дунаев [5, с. 245–301]. В вопросе генезиса «молитвы Иисусовой» они остались в рамках сложившейся парадигмы, рассматривая практику «молитвы Иисусовой», как развитие практики мелети, а формулу «молитвы Иисусовой» считая неким развитием упомянутых уже евангельских молитв. В.М. Лурье дополнил аргументацию в пользу развития «молитвы Иисусовой» из практики мелети ссылкой на апофтегму аммы Феодоры из «Митирикона» аввы Исайи (XI в.), в которой по отношению к «молитве Иисусовой» употреблено понятие мелети [7, с. 411]. В.М. Лурье полагает возможным считать, что данная апофтегма принадлежит той самой старице, которая жила в IV веке.

Критика традиционного мнения.

Нам будет сложно восстановить, с чего именно началось наше сомнение в традиционном понимании генезиса «молитвы Иисусовой». Можно только отметить работы, которые оказали на нас значительное влияние в данном вопросе – это уже упоминаемая выше работа о «молитве Иисусовой» Ириней Осэра и в особенности классический труд Фридриха Айлера «Молитва», в котором он уделил большое внимание теме спонтанных молитв [19, р. 39–165]. Прежде чем перейти к теме спонтанных молитв, рассмотрим логику, которая лежит в основании идеи о заимствовании формулы «молитвы Иисусовой» из текстов Нового Завета. Отправной точкой является очевидное сходство текстов, из чего делается вывод о наличии влияния одного текста на другой. Далее, в связи с тем, что текст Нового Завета хронологически более древний, он идентифицируется как тот, который оказал влияние на более поздний текст. Дополнительными факторами, которые подкрепляют эту идею, служит авторитет новозаветных текстов как Священных, и наличие у египетских монахов, в среде которых зародилась практи-

ка краткословных молитв, практики поучения в Священном Писании. Все указанные факты верны, но неверны выводы.

Прежде всего сходство текстов не обязательно указывает на непосредственное влияние одного текста на другой, особенно если речь идет о каких-то общеупотребительных конструкциях. К сожалению, в рассуждениях ученых этот аспект просто опускается, в чем мы склонны видеть определенную культурную особенность современного человека. Так, одним из факторов, который вызвал у нас скептическое отношение к идее заимствования, было обнаружение как в среде простых верующих, так и ученых стереотипного отношения к молитве, как к некоей фиксированной формуле. Эта установка, по сути, лежит в основании того, почему для формулы «молитвы Иисусовой» стали искать письменный первоисточник, и схожие тексты Евангелий были восприняты, как эти самые источники. Феномен восприятия современными верующими молитвы как неких фиксированных текстов – это отдельная тема, но анализ ранней христианской молитвенной практики показывает, что ранним христианам была свойственна молитвенная импровизация, которая касалась не только частных молитв, но и богослужебных. Так, Тертуллиан в своей Апологии пишет относительно молитв христиан, что они молятся без подсказчика, ибо молятся от души [12, с. 163; 30, р. 504]. В Дидахе после описания того, что нужно говорить во время Евхаристии, добавляется: «Пророкам же предоставляют благодарить, сколько хотят» [13, с. 54; 21, р. 182]. Решение Карфагенского Собора 397 г., запрещающее в молитвах именовать «Отца вместо Сына и Сына вместо Отца» и предписывающее адресовать молитву, совершаемую перед алтарем, Отцу [16, р. 333], указывает, что такая молитвенная импровизация во время богослужения имела место и в конце IV века. Таким образом, практика «молитвы Иисусовой» появилась в период, когда у людей не было еще наших современных стереотипов относительно молитв и их фиксированности, поэтому сам подход к «молитве Иисусовой», как изначально фиксированному тексту оказывается культурным анахронизмом. Более того, текст «молитвы Иисусовой» сохранил это качество и в дальнейшем, по-

этому «классическая» формула даже в период византийского исихазма была не единственной [27], а по отношению к самой «классической» формуле допускались модуляции, как об этом пишет свт. Каллист Ксанфопул, что «преуспевшие и совершенные о Христе, каждым из сих воззваний одним: “Господи Иисусе; Иисусе Христе; Христе Сыне Божий” или даже только возгласием: “Иисусе”, довольны бывают» [3, с. 361; 15, р. 732].

Если вернуться к вопросу о схожести формулы «молитвы Иисусовой» и молитв из Нового Завета, то схожесть данных молитв состоит в том, что они являются короткими молитвами, адресованными к Христу с просьбой о помощи или помиловании. Если обратиться к контексту, в котором данные евангельские молитвы были произнесены, мы обнаружим, что имеем дело со спонтанными молитвами, и схожесть «молитвы Иисусовой» с евангельскими молитвами может быть вполне объяснима характером данных молитв. Айлер особо выделял спонтанный тип молитв, считая их необработанность выражением глубинной, базовой религиозности. Это уровень простой речи, в которой мы не занимаемся долгим обдумыванием и подбором слов, но слова просто и свободно выражают внутренние переживания человека [19, р. 52]. Евангельские молитвы были сказаны людьми в сложной ситуации, это было спонтанное, глубоко искреннее обращение ко Христу за помощью. Такие молитвы всегда немногословны и состоят, как правило, из наименования адресата и просьбы [19, р. 54].

Нужно отметить, что с применением понятия «спонтанная» к «молитве Иисусовой» есть очевидные терминологические сложности, так как нельзя сказать, что в практике «молитвы Иисусовой» само молитвенное действие является спонтанным. В данном случае, на наш взгляд, важно различать молитву как действие и молитву как текст. Неспонтанное молитвенное действие может быть выражено в свободных выражениях, которые обладают определенной степенью спонтанности. Таким образом, хотя и не во всех смыслах, характеристика спонтанности остается приложимой также в данном случае. В целом с подбором определения для «молитвы Иисусовой» существуют проблемы в русском язы-

ке. У прп. Иоанна Лествичника по отношению к «молитве Иисусовой» употреблено определение *μονολόγιστος* [20, col. 889 d], которое традиционно переводится на русский язык как «краткословная». Однако понятие «краткословная» не выражает того смысла, который содержит греческое понятие. Здесь можно обратиться к творениям прп. Марка Подвижника, у которого понятие *μονολόγιστος* употребляется по отношению к простому помыслу, который сам по себе еще не является грехом [6, с. 116–117; 24, р. 366]. Грех появляется тогда, когда начинается некое рассуждение над помыслом. Таким образом, можно сказать, что молитва *μονολόγιστος* – это молитва, сказанная просто, без особых размышлений над содержанием. Апофтегма Макария 19 (в Древнем патерике Гл. 12, 11) наглядно иллюстрирует такую форму молитвы: «Некоторые спросили авву Макария: как нам должно молиться? Старец отвечает им: не нужно многословить (*βαττολογεῖν*), а должно воздеть руки и говорить: Господи! Как Тебе угодно и как знаешь, – помилуй! Если же нападет искушение: Господи, помоги! Он знает, что нам полезно, и поступает с нами милосердно» [2, с. 273; 23, р. 214, 216]. В данной апофтегме прп. Макарий на вопрос ученика о том, как ему молиться, рекомендует воздержаться от пространной импровизации (у монахов была практика продолжительных молитв в виде псалмопения, и здесь явно критикуется не эта практика) и в качестве примера приводит две короткие молитвы. Такие молитвы можно назвать простыми, безыскусными. Они близки к спонтанной молитве по своей формулировке, хотя и говорились вполне осознано.

В рамках анализа генезиса «молитвы Иисусовой» необходимо учитывать, что спонтанность в формулировках имеет свои ограничения и опирается на языковые возможности и на культурный контекст. Так, в спонтанной молитве используются наиболее привычные наименования адресата молитвы. Их количество вместе с перечнем основных просьб и определяет диапазон различий спонтанных формул. Основных наименований Христа немного, и все они в той или иной комбинации использовались в формулах «молитвы Иисусовой». Также можно отметить, что если во время жизни Христа Его наименование «Сын

Давидов» было референтным, то в IV–V вв. в контексте христологических споров референтным уже было наименование «Сын Божий», поэтому оно и использовалось в молитвах. Основных просьб было две: помоги и помилуй. Маловариативность наименований адресата молитвы и просьб неизбежно будет иметь следствием схожесть простых молитвенных формул. В случае с «молитвой Иисусовой» нам известны следующие формулы, относящиеся к V–VI вв.: «Иисусе, помоги мне», «Сыне Божий, помоги мне», «Сыне Божий, помилуй мя», «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», «Иисусе, помилуй меня; Иисусе, помоги мне; благословлю тебя, Боже мой» [9, с. 176]. Диапазон различий между евангельскими спонтанными молитвами ко Христу и формулами «молитвы Иисусовой» вполне соответствуют специфике таких безыскусных молитв, и параллели между новозаветными текстами и формулой «молитвы Иисусовой», которые установил свт. Каллист в рамках своего литературно-фразеологического анализа, вполне вписываются в природу таких простых молитв.

Теперь коснемся идеи о связи «молитвы Иисусовой» с практикой поучения (*μελετι*) в Священном Писании и вопроса влияния на формулу «молитвы Иисусовой» евангельских текстов. В большинстве случаев в период раннего монашества термин *μελέτη* имел четкую связь с поучением в Св. Писании [25]. Однако существительное *μελέτη* и глагол *μελετῶ* также часто использовались в контексте других форм духовных упражнений: молитва, размышление о страхе Божьем [22, р. 151], а также могли применяться и по отношению к дурным помыслам [25, р. 694]. Такое широкое применение данного термина говорит о том, что *μελέτη* – это прежде всего не столько практика, сколько форма ментального поведения, выраженного в закикливании внимания на какой-то мысли или предмете, и монахи наполняли эту естественную форму ментального поведения необходимым содержанием (текст Св. Писания, молитва, духовное переживание) или же, другими словами, применяли эту естественную форму поведения к различным духовным предметам и практикам. Таким образом, повторение молитвы было молитвой, а повторение текстов Св. Пи-

сания – поучением в Св. Писании, а не какой-то единой практикой медитации-поучения. На основании источников нельзя сказать, что применение техники повторения по отношению к коротким молитвам появляется позже повторения текстов Св. Писания. Поэтому, на наш взгляд, некорректно говорить, что практика краткословных молитв в целом и «молитвы Иисусовой» в частности развилась из практики поучения (μελέτη) в Св. Писании.

Касательно мнения, что формула «молитвы Иисусовой» была составлена на основе евангельских молитв ко Христу, в ходе практики поучения в Священном Писании, серьезным аргументом против этой идеи является факт, что в текстах египетской монашеской традиции, с которой связано появление практики «молитвы Иисусовой», Евангелия не упоминаются в качестве текстов, используемых для практики поучения (практику поучения в Священном Писании следует отличать от других практик, связанных со Священным Писанием, таких как заучивание или повторение пространственных текстов, а также от припоминания цитат для опровержения помыслов [25]). То есть чисто технически формулы для «молитвы Иисусовой» не могли быть выведены из текстов евангельских молитв в ходе практики поучения в Писании, так как евангельские тексты по какой-то причине для этого не использовались. Генетическая связь между «молитвой Иисусовой» и практикой опровержения (ἀντιρρητικός) помыслов является, по нашему мнению, более возможным вариантом, но саму практику опровержений тоже нельзя сводить только к использованию текстов из Священного Писания. Монах, например, мог прибегнуть к молитве, которой научил его старец, как в приведенной выше апофтегме Макарий 19. Кроме того, важно отметить, что вариативность формул «молитвы Иисусовой» также не вписывается в то, как монахи относились к текстам молитв, взятым из Священного Писания. Такие тексты повторялись без импровизаций, а любая неточность воспринималась негативно, как об этом свидетельствует одна из апофтегм Древнего патерика (Гл. 20, 9) [2, с. 452–453]. В случае же «молитвы Иисусовой» таких ограничений не наблюдается. Говорить о воздействии Евангелия на «молитву Иисусову» все же мож-

но и нужно в общекультурном контексте. Новый Завет как таковой является культуuroобразующим текстом, который формирует основные смыслы, идеи и понятия. Поэтому Евангелие, безусловно, влияло на монахов, которые практиковали краткословную «молитву Иисусову». При этом для формулирования простой молитвы ко Христу им совсем не обязательно было использовать текст Писания, так как они могли вполне ее выразить своими словами.

Заключение. На основании вышеизложенных замечаний можно сказать, что изначально «молитва Иисусова» появилась в виде разнообразных, простых, свободно формулируемых коротких формул-фраз в контексте практики краткословных молитв. В дальнейшем в ходе письменной передачи практики текст молитвы стал фиксироваться и унифицироваться, при этом полной фиксации и унификации формулы не произошло. «Классическая» формула «молитвы Иисусовой» вобрала в себя основные наименования Христа. По всей видимости, это уже был сознательный процесс, поэтому данную формулу можно назвать отредактированным текстом, основой для которого послужили простые молитвенные формулы, в число которых можно включить и евангельские молитвы. Относительно того, как и почему наименования Христа вошли в практику краткословных молитв, можно предположить, что это произошло тогда, когда молитвы Богу стали интенционально адресоваться Христу, Сыну Божьему, то есть сами молитвы стали христонеправленными (Джеймс Вейллингтон описывает такую христонеправленность на примере аввы Евагрия [32]). О такой тенденции писал еще Ориген в III в., критикуя ее [8, с. 57–62; 10, с. 345–348]. В IV–V вв. в результате христологических споров была обоснована корректность такой молитвенной христоцентричности, и на такую переориентацию на Христа косвенно указывают приведенные выше слова из решений Карфагенского Собора 397 года. В данном случае спонтанные формулировки в практике краткословных молитв просто эксплицитно выразили и закрепили эту общую христонеправленность, и сама практика «молитвы Иисусовой» стала естественным выражением этой утвердившейся интенциональной религиозной направленности на Христа.

REFERENCES

1. Diadokh Fotikiyskiy. Podvizhnicheskoe slovo [Diadochos of Photiki. On Spiritual Knowledge and Discrimination]. *Dobrotolyubie. V 5 t. T. 3* [Philokalia. In 5 Vols. Vol. 3]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyria, 2010, pp. 10-72.
2. *Drevniy Paterik, izlozheniyy po glavam* [The Book of the Elders: The Systematic Collection]. Moscow, Pravilo very Publ., 2003. 496 p.
3. Kallist Ksanfopol. Nastavlenie bezmolstvuyushchim [Callistus Xanthopoulos. Century]. *Dobrotolyubie. V 5 t. T. 5* [Philokalia. In 5 Vols. Vol. 5]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyria, 2010, pp. 298-407.
4. Lurié V.M. *Prizvanie Avraama* [The Calling of Abraham]. Vol. 1. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2000. 250 p.
5. Makariy Egipetskiy, Ven. *Dukhovnye slova i poslaniya* [Macarios the Great. The Spiritual Homilies and Letters]. Mt. Athos; Moscow, s.n., 2015. 1146 p.
6. Mark Podvizhnik, Ven. *Asketicheskie tvoreniya* [Marc le Moine. The Ascetic Works]. Sergiyev Posad, Svyato-Troitskaya Sergieva lavra Publ., 2013. 232 p.
7. Meyendorff John, Protopriest. *Zhizn i trudy svyatitelya Grigoriya Palamy. Vvedenie v izuchenie* [Introduction à l'étude de Grégoire Palamas]. Saint Petersburg, Byzantinorossica Publ., 1997. 480 p.
8. Origen. *O molitve* [On Prayer]. Yaroslavl, Tip. Gub. zem. upravly, 1884. 178 p.
9. Patrin V.G. K istorii sporov o vozniknovenii «molitvy Iisusovoy» [To the History of Disputes About the Origin of the "Jesus Prayer"]. *Mir Pravoslaviya* [The World of Orthodoxy], 2006, no. 6, pp. 173-186.
10. Patrin V.G. «Kamen pretknoveniya»: Uchenie o molitve ko Khristu u Origena v kontekste genezisa praktiki "molitvy Iisusovoy" ["The Stumbling Block": Origen's Teaching on Prayer to Christ in the Context of the Genesis of the Practice of the "Jesus Prayer"]. *Mir Pravoslaviya* [The World of Orthodoxy], 2012, no. 8, pp. 330-354.
11. Popov K.D. Blazhennogo Diadokha (V-go veka) episkopa Fotiki Drevnego Epira, uchenie o molitve Iisusovoy i ob otnoshenii podvizhnikov k vrachevaniyu telesnykh bolezney [The Teaching of St. Diadochus (5th Century) Bishop of Photika of Ancient Epirus on the Jesus Prayer and the Attitude of Ascetics to the Cure of Bodily Diseases]. *Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii* [Proceedings of the Kiev Theological Academy], 1902, vol. 3, no. 12, pp. 651-679.
12. Tertullian Kvint Septimiy Florens. *Apologetik. K Skapule* [Quintus Septimius Florens Tertullianus. Apologeticus. Ad Scapulam]. Saint Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2005. 256 p.
13. Uchenie dvenadtsati apostolov [Didache. The Teaching of the Twelve Apostles]. *Pisaniya muzhey apostolskikh* [The Writings of the Apostolic Fathers]. Moscow, Izdatelskiy sovet RPTs Publ., 2003. pp. 41-63.
14. Adnès P. Jésus (prière à). *Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique*. Vol. 8. Paris, Beauchesne, 1974, pp. 1126-1150.
15. Callistus et Ignatios Xanthopouloi. Methodus et Regula cum Deo accuratissima. *Nicephori Callisti Xanthopuli Ecclesiasticae historiae libri XVIII*. Parisius, Migne, 1865, cols. 636-812. (Patrologia cursus completus. Series graeca; vol. 147).
16. *Concilia Africae a. 345-525*. Turnhout, Brepols, 1974. 425 p.
17. Guillaumont A. Le problème de la prière continue dans le monachisme ancien. *L'expérience de la prière dans les grandes religions. Actes du Colloque de Louvain-la-Neuve et Liège (22-23 novembre 1978)*. Louvain-la-Neuve, s.n., 1980, pp. 285-293.
18. Hausherr I. *Noms du Christ et voies d'oraison*. Roma, Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1960. 314 p.
19. Heiler F. *La prière*. Paris, Oxford University Press, 1931. 533 p.
20. Ioannes Climacus. Scala paradisi. *Sancti patris nostri Joannis Scholastici, vulgo Climaci, abbatis montis Sina Opera omnia*. Parisius, Migne, 1860, cols. 583-1248. (Patrologia cursus completus. Series graeca; vol. 88).
21. *La doctrine des douze apôtres (Didachè)*. Paris, Les Éditions du Cerf, 1978. 228 p. (Sources chrétiennes; no. 248).
22. *Les Apophtegmes des Pères: collection systématique, chapitres I-X*. Paris, Cerf, 1993. 452 p.
23. *Les Apophtegmes des Pères: collection systématique, chapitres X-XVI*. Paris, Cerf, 2003. 417 p.
24. *Marc le Moine. I. Traités*. Paris, Cerf, 1999. 428 p.
25. Patrin V. Méditation (meletē) dans les Apophtegmes des pères. *Travaux et mémoires*, 2019, vol. 23, no. 1, pp. 693-696.
26. Regnault L. La prière continue "monologistos" dans la littérature apophtegmatique. *Irénikon*, 1975, vol. 47, pp. 467-493.
27. Rigo A. Le formule la preghiera di nell'Esicasmo athonita. *Cristianesimo nella Storia*, 1986, vol. 7, no. 1, pp. 1-18.
28. Rigo A. La preghiera di Gesù. *Parola, Spirito e Vita*, 1992, vol. 25, pp. 245-291.
29. Schultze B. Untersuchungen über das Jesus Gebet. *Orientalia Christiana Periodica*, 1952, vol. 18, pp. 319-343.
30. Tertullianus. Apologeticus adversos gentes pro christianis. *Quinti Septimii Florentis Tertulliani*,

presbyteri carthaginiensis, opera omnia. Parisius, Migne, 1844, vol. 1, cols. 305-604. (Patrologia cursus completus. Series latina; vol. 1).

31. Un moine de l'Église d'Orient. La prière de Jésus. Sa genèse et son développement dans la

tradition byzantino-slave. *Irénikon*, 1947, vol. 20 (3), pp. 249-273, vol. 20 (4), pp. 381-421.

32. Wellington J. *Christe Eleison! The Invocation of Christ in Eastern Monastic Psalmody c. 350–450*. Berne, Peter Lang Edition, 2014. 241 p.

Information About the Author

Viacheslav G. Patrin, Candidate of Sciences (Theology), PhD (Greek History and Culture), Director, Center for Training Church Specialists of the Volgograd Eparchy, Chapaeva St, 26, 400012 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, patrin.viacheslav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6376-5076>

Информация об авторе

Вячеслав Геннадьевич Патрин, кандидат богословия, PhD (греческая история и культура), директор, Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии, ул. Чапаева, 26, 400012 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, patrin.viacheslav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6376-5076>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.12>

UDC 94:2-335

LBC 63.3(0)4-9+87.3(0)44-257

Submitted: 18.04.2023

Accepted: 10.11.2023

**THE THEME OF THE IMMORTALITY OF THE SOUL IN PLETHON'S PHILOSOPHY
(With the Translation of His Funerary Orations
on Cleopa Malatesta and Helena Palaiologina)¹**

Tatyana A. Senina

Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the views of the last major Byzantine philosopher George Gemistos Plethon on the immortality of the human soul. Scholars are still debating whether Plethon was a pagan who completely rejected Christianity, or a Christian who was too fond of Platonism. *Methods.* Methods employed in this article are source research, information analysis, comparative research. Sources on the subject include: Plethon's funeral orations on Cleopa Malatesta and on Helena Palaiologina, "Book of Laws", commentaries on the Chaldean Oracles, "On the Differences of Aristotle from Plato", "Summary of the Doctrines of Zoroaster and Plato", "Address to the Despot Theodore on the Peloponnese", Theodore Metochites' treatise "On Education". *Analysis.* An analysis of Plethon's writings shows that in his doctrine of the human soul and its posthumous destiny Gemistos was far removed from Christianity. Plethon confessed the pre-existence of souls to bodies and metempsychosis, he considered life in body as the main human mission in universe, as a link and boundary between the mortal and immortal worlds. According to Plethon, permanent periodical connection of immortal and mortal (soul and body) in human is better, than endless immortality after one life. His doctrine about soul does not imply neither deification of body, nor bodily resurrection and terrible judgment at the end of time. *Results.* In Plethon's monodies, his non-Christian views are expressed in a veiled way, but a careful analysis of the text of the monodies in comparison with the other works of the philosopher shows that his views on the destiny of the soul, on the one hand, were very different from those of the Christian Church, and on the other hand, they looked more optimistic, leaving the soul the opportunity both for gradual improvement in a series of rebirths, and for enjoying the divine life between them, subject to virtuous behavior on earth. *Appendix.* The article is accompanied by a Russian translation of Plethon's monodies on Cleopa Malatesta and Helena Palaiologina.

Key words: George Gemistos Plethon, Byzantine philosophy, Platonism, immortality of the soul, metempsychosis, life after death.

Citation. Senina T.A. The Theme of the Immortality of the Soul in Plethon's Philosophy (With the Translation of His Funerary Orations on Cleopa Malatesta and Helena Palaiologina). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 161-176. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.12>

УДК 94:2-335

ББК 63.3(0)4-9+87.3(0)44-257

Дата поступления статьи: 18.04.2023

Дата принятия статьи: 10.11.2023

ТЕМА БЕССМЕРТИЯ ДУШИ В ФИЛОСОФИИ ПЛИФОНА

(с приложением перевода его надгробных слов

Клеопе Малатесте и Елене Палеологине)¹

Татьяна Анатольевна Сенина

Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды последнего крупного византийского философа Георгия Гемиста Плифона на бессмертие человеческой души. Ученые до сих пор спорят, был ли Плифон язычником,

полностью отвергшим христианство, или христианином, слишком увлеченным платонизмом. Сравнительный анализ его сочинений показывает, что в учении о человеческой душе и ее посмертной участи Плифон далеко отошел от христианства. Он исповедовал предсуществование душ телам и постоянное перерождение, жизнь в теле считал главной миссией человека во вселенной в качестве соединительного элемента мира смертных и бессмертных; согласно Гемисту, периодическое соединение в человеке бессмертной души и смертного тела лучше, чем бесконечное бессмертие после одной жизни, и его учение о душе не подразумевает ни обожения тела, ни телесного воскресения и страшного суда в конце времен. В монодиях Плифона нехристианские взгляды выражены завуалированно, однако в них отсутствуют традиционные для византийских авторов отсылки к христианским источникам, и внимательный анализ текста монодий в сопоставлении с другими сочинениями философа показывает, что его воззрения на участь души, с одной стороны, сильно отличались от учения церкви, а с другой – выглядели более оптимистично, оставляя душе возможность как для постепенного совершенствования в череде перерождений, так и для наслаждения божественной жизнью между ними при условии добродетельного поведения на земле. К статье прилагается перевод монодий Плифона на смерть Клеопы Малатесты и Елены Палеологины.

Ключевые слова: Георгий Гемист Плифон, византийская философия, платонизм, бессмертие души, метемпсихоз, жизнь после смерти.

Цитирование. Сенина Т. А. Тема бессмертия души в философии Плифона (с приложением перевода его надгробных слов Клеопе Малатесте и Елене Палеологине) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 161–176. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.12>

Введение. Георгий Гемист Плифон, несмотря на большое количество исследований о нем, остается мыслителем-загадкой. Он создал последовательно философски обоснованную систему платонического богословия и этики, противопоставив ее христианской парадигме, но в то же время всю жизнь находился в почете у христианских императоров Византии и даже был на Ферраро-Флорентийском соборе в составе православной делегации. Исследователи порой приходят к противоположным выводам относительно воззрений философа, что видно из последних монографий о нем: Б. Тамбрун [20] и Н. Синоссоглу [19] видят в Плифоне убежденного антипаламита, платоника и язычника, тогда как В. Гладки [13] считает, что Гемист оставался православным, хотя сильнее других увлекся античной философией, а его языческие сочинения представляют собой скорее литературную игру. В данной статье анализируются взгляды Плифона на бессмертие души с целью выяснить, насколько они в действительности расходятся с христианскими.

Методы. В работе используется метод аналитического исследования источников, проясняющий их логику и содержание путем их сопоставления. Источники по теме включают сочинения Плифона: «Законы» (= *Зак.* [17, р. 1–260; рус. пер.: 2, с. 221–290]), «Монодия на прославленную императрицу Клеопу»

(= *Кл.* [23, т. Δ', с. 161–175]), «Монодия на Елену (Ипомонию) Палеологину» (= *Ел.* [23, т. Γ', с. 266–280]), «Магические изречения магов – последователей Зороастра, толкование на эти изречения» (= *Толк.* [16, р. 1–19]), «О том, чем различаются Аристотель и Платон» (= *Различ.* [14, р. 1–90]), «Сводка Зороастровых и Платоновых учений» (= *Зор.* [17, р. 262–268]), «Совет деспоту Феодору о Пелопоннесе» (= *Феод.* [23, т. Δ', с. 113–125]), а также трактат Феодора Метохита «Об образованности» [10, с. 27–252].

Воззрениям Плифона на загробную участь души посвящена работа И.П. Медведева [4], однако по большей части она содержит пространные цитаты из двух монодий Плифона и дает не очень подробный анализ темы, без сопоставления с другими сочинениями философа; более пристальное внимание ученый уделил преимущественно взгляду Плифона на самоубийство. Учение Плифона о душе и посмертии рассматривается и в монографиях Б. Тамбрун, Н. Синоссоглу и В. Гладки, но достаточно подробно лишь у последнего [13, р. 137–144]; а поскольку эти авторы пришли к противоположным выводам о Плифоне как мыслителе, имеет смысл заново исследовать данную тему, привлекая к рассмотрению не только надгробные монодии, но и другие произведения философа.

Анализ. В поздней Византии многим интеллектуалам было свойственно критическое отношение к христианской церкви, и они нередко расходились с официальным православным учением. Большинство из них официально не порывали с церковью, однако их философские размышления о Боге, человеке и его предназначении, о земной жизни и посмертии вдохновлялись не христианскими догматами, а любознательностью и свободным поиском истины, во многом опирались на античную философию и объективно содействовали «крушению возвращенного почтения и доверия к авторитету религии и духовенства» [2, с. 93]. Это можно сказать о многих византийских ученых, предшественниках и современниках Плифона, но он пошел по этому пути значительно дальше остальных, открыто конструируя взамен христианства собственную религию на основе платонизма.

Тема бессмертия души и ее посмертной участи является одной из центральных в христианстве, и к поздневизантийскому периоду церковное учение о душе вполне устоялось. Душа творится Богом для каждого человека отдельно и дается ему вместе с телом, отделяется от тела при смерти и вновь соединится с обновленным нетленным телом при воскресении, когда все люди предстанут на суд Божий; многие авторы именно душу (либо ум как ее высшую часть) считали образом Божиим в человеке. Душа бессмертна и нетленна не по природе, поскольку она творится вместе с телом, а по божественной благодати. Цель жизни христианина – через соблюдение заповедей уподобиться Богу, соединиться с Ним и после смерти вечно пребывать в небесном царствии, а после воскресения унаследовать новую землю, предназначенную для вечной жизни спасенных (см.: [5; 6]). Вера христиан в воскресение и вечную жизнь всех людей с телом основана на учении о воскресении Христа и на словах самого Христа (Ин. 11:25), оно считается настолько важным, что без веры в воскресение христианство не имеет смысла: «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15:14).

Плифон, как и христиане, утверждает, что душа бессмертна и вечна (Кл., р. 171; Ел., р. 277; Зор., р. 266), и резко порицает мнение,

«что для человека после окончания этой жизни не существует какого-либо блага» (Различ., р. 27); душа разумна, имеет некое сродство с Богом и способна «постичь божество и вечность» (Кл., р. 172–173; Ел., р. 277). Но, даже восхваляя умершую Клеопу в числе прочего за благочестие – «служение Богу постоянными молитвами и постами, как предписано по нашему закону», «участие в наших священных праздниках» и причастие «святейшего из наших святейших таинств» (Кл., р. 167–168), – Плифон нигде прямо не упоминает ни христианство, ни Христа. «Наши», то есть христианские законы, праздники и таинства для философа не являются чем-то исключительным: это лишь одни из многих законов и обрядов, по которым живут люди на земле, а православие – не универсальное всеобщее учение, но лишь частное, как предмет веры христиан, а не всех людей вообще [15, р. 119–120]. Не случайно, говоря о бессмертии души, он ссылается не на христианские догматы или Библию, а на то, что это «положение не только наше или недавно сделавшееся всем известным... но древнее и издавна всегда утверждаемое и воспеваемое весьма многими и уважаемыми из земнородных, почти у всех людей так или иначе пользующееся влиянием», и что все люди вообще, независимо от их религии, «явно одинаковым образом относятся и к Божией славе, и к бессмертию души» (Кл., р. 171–172; ср. Ел., р. 279).

Это замечание важно для Плифона: в послесловии к «Законам», говоря о соединении в человеке смертного и бессмертного и о круговороте рождений и смертей благодаря переселению душ, он подчеркивает, что «данные истины совечны миру и всегда живут среди людей, даже если бывает так, что они господствуют то над большинством людей, то над меньшинством, и уж, конечно, над теми, кто благотворно руководствуется общими понятиями, заложенными в наши души богами» (Зак., с. 287). «Общие понятия», таким образом, внушаются богами и объединяют всех людей независимо от конкретных религий и культур. «Человек есть некая природа, составленная из божественной сущности и из смертной – как это признается у всех, и у эллинов, и у варваров, сколько-нибудь причастных разуму, – и божественное у него душа,

а смертное – тело» (Феод., р. 126), – говорит Плифон, традиционное противопоставление *христиане – варвары* заменяя на античное *эллыны – варвары*.

Доказательством бессмертия души философ считает и способность человека совершить самоубийство: ведь «человеческая душа не желала бы чего-либо такого, если бы и ей смерть тела должна была нести погибель» (Кл., р. 173; ср. Ел., р. 278). И.П. Медведев рассуждения о самоубийстве счел наиболее интересными в монодиях Плифона [4, с. 274]; они действительно нетривиальны, с учетом христианской аудитории Гемиста, ведь в христианстве самоубийство считается тяжким грехом. Однако надо заметить, что Плифон говорит о самоубийстве, предпринимаемом, «чтобы не уступить чему-либо позорному и наносящему вред» душе (Кл., р. 174), и указывает, что самоубийца поступает «либо разумно, либо нет» (Ел., р. 278), – в зависимости, очевидно, от побудительных причин; а самоубийство как способ избежать позорного греха в христианстве не только не запрещено, но даже приравнивается к мученичеству, и среди святых существует несколько формальных самоубийц².

На мой взгляд, интереснее другое. Во-первых, в обеих монодиях Плифон словно бы старается развеять сомнения неверующих в загробную жизнь: «вероятно, есть некоторые решающиеся сомневаться насчет этого и опасющиеся, как бы, после того как человек умирает, и душа не разлагалась вместе с этой грудой тела и ничего больше нигде [от человека] не оставалось» (Кл., р. 171); однако «нужно и о смерти родных и друзей, да и о нашей собственной помышлять как об отбытии лучшего и важнейшего в нас к некоему подобающему для него месту, а не как о погибели каждого. Ведь ужасно мнение, будто смерть всякого из нас есть уничтожение» (Ел., р. 274), – любопытное свидетельство о наличии скептиков среди византийцев той эпохи. В Византии фактически не существовало разработанного учения об участи души между смертью и воскресением тела, и на протяжении веков шли споры о посмертном состоянии души. Некоторые считали, что души после смерти и до воскресения пребывают в своего рода анабиозе; Иоанн Дамаскин в трак-

тате «О ста ересях» под № 90 упоминает «мертвотушников», которые считали, что душа погибает вместе с телом; Иоанну Италу среди прочих еретических воззрений вменяли мнение о разрушении и превращении в небытие души со смертью тела (см.: [11, р. 109–112]). Вполне вероятно, что подобные мнения разделялись кем-то и впоследствии, в том числе в эпоху Плифона.

Во-вторых, указав, что «хорошо проведенная жизнь» Клеопа подготовилась «к тамошнему жительству», Плифон замечает: «А кто к нему не подготовился здесь, тот, прибыв туда, по справедливости испытал бы головокружение и, пожалуй, повернул бы обратно, поскольку столкнулся с чуждыми для него по непривычке и совсем непригодными обстоятельствами» (Кл., р. 169–170). Эта странная с точки зрения христианства³ фраза намекает, видимо, на учение о переселении душ; хотя Плифон говорит, что добродетельные достигают спасения и наслаждения жизнью с Богом (ср.: Кл., р. 164, 168–169), противоречия здесь нет, ведь философ считал, что между двумя перерождениями проходит определенное время, когда душа наслаждается «лучшей и более божественной жизнью», «совершая мистерии вместе с ранее умершими» и общаясь с более близкими ей по природе богами и познавая божественное, причем это длится «не малое время», чтобы душа, пребывая постоянно в земном теле, «не переполнялась бедствиями от этой смертной природы», но приобщалась и к высшей жизни (Зак. [17, р. 196]).

Вторую монодию Плифона даже формально трудно считать христианской. Там нет речи о «наших» законах или таинствах и вообще каких-либо намеков на христианскую религию, а род Елены возводится к древним фракийцам и превозносится исключительно за достижения и просвещенность античной эпохи (Ел., р. 268–269). Покойная восхваляется за общечеловеческие добродетели, за праведность, которая состоит в том, чтобы «никогда не делать умышленно никакого зла и постоянно творить благие дела» (Ел., р. 273). Говоря о Боге, Плифон рассуждает: «Что во главе всех сущих стоит некий единый Бог, создатель (Θεὸν τὴν ἕνα δημιουργόν) и истинно их производитель, и что Он в высшей степени

благ (ἄκρως ἀγαθόν), признаёт решительно всякий, или сам придя к этому умозаключению, или согласившись с так считающими, если только не сильно поврежден умом. Также всякий признает, что между Им и нами есть некое другое естество, будь то единое по роду или разделенное на много родов, лучшее нас, а Ему сильно уступающее, и нет, в свою очередь, того, кто так бы не думал. Ведь никто не сочтет, что лучшее среди творений Бога это мы» (Ел., р. 275–276). Сказанное здесь о Боге вызывает вопрос о религиозном исповедании автора (особенно учитывая то, что он обращался к христианской аудитории, которая уж точно должна верить не в «некоего», а во вполне определенного Бога), тем более, что формулу ἄκρως ἀγαθός Плифон использует в Зак.: «самое начало всех сущих, верховный Бог, которого мы на языке наших отцов называем Зевсом, в высшей степени благ (ἄκρως ἀγαθός ἐστίν)» [17, р. 242]. Кроме того, Плифон прямо вступает в противоречие с христианским учением о человеке как о лучшем создании Бога и Его образе (см.: [18, р. 143–144]).

«А о лучших, чем мы, природах (φύσεις), – продолжает Плифон, – всякий, пожалуй, сказал бы, что они суть умы или некие души, лучшие наших. Если же те природы таковы, то что иное может быть для них важнейшим делом и занятием, нежели созерцание сущих (ἡ τῶν ὄντων θεωρία) и сообразно ему представление о Создателе всего (ἡ τοῦ τῶν ὄλων δημιουργοῦ ἔννοια)?» – этого способен достичь и человек, «помимо другого созерцания сущих», ведь он причастен не только животному началу, «но и к тому, что свойственно лучшим нас родам, если сам достигает по возможности того же созерцания, что и они, соучастие же в делах по необходимости [предполагает] и сопричастие по сущности. ...Стало быть... человек составлен из двух сущностей, одной некоей божественной, а другой звероподобной, и эта [последняя] смертна, а божественная наша сущность бессмертна, коль скоро бессмертна сущность у лучших нас родов. Ибо никоим образом не может быть правдоподобным, чтобы Бог, будучи чрезвычайно благим и вне всякой зависти, не произвел бы, помимо прочих, и бессмертные, более близкие к Нему сущности. Если же те бессмерт-

ны, тогда и то, что в нашей сущности подобно им, бессмертно, поскольку никак не могло бы смертное стать сходным с бессмертным, и имеющее ограниченную и истощающуюся силу к бытию не может хоть сколько-нибудь быть сходным с имеющим бесконечность и беспредельность» (Ел., р. 276–278). Речь тут явно не об ангелах, как может показаться на первый взгляд, поскольку они, по христианскому учению, бессмертны по благодати [а не по природе], не бесконечны и не беспредельны, будучи сотворенными и ограниченными некоторым местом⁴.

Плифон говорит здесь о своих богах, подчиненных верховному Зевсу. Сравним с Зак.: «...человек составлен из двух родов: одного – звериного и смертного, а другого – бессмертного и родственного богам. Ведь поскольку человек явно совершает дела то звероподобные, то подобные делам богов, необходимо, пожалуй, каждому из этих действий придать и собственную соответствующую ему сущность. А что некоторые из дел человека подобны делам богов и что именно они из числа важнейших, – ясно: ведь не скажем же мы, что у богов есть иное дело поважнее, чем созерцание сущих (τῆς τῶν ὄντων θεωρίας), итогом которого является представление о Зевсе (ἡ Διὸς ἔννοια); и человек оказывается причастен вместе с ними созерцанию сущих и даже не чужд представлению о Зевсе, до чего как до последнего предела доходят и сами боги. Следовательно, ему необходима, пожалуй, и сущность, подобная сущности богов и совершающая подобное же дело, а также бессмертная, если бессмертна и сущность богов: ведь смертное не может когда-либо стать хоть сколько-нибудь подобным бессмертному; ибо имеющее ограниченную и конечную силу бытия совершенно не сравнимо с имеющим силу безграничную и беспредельную» [17, р. 246]. Очевидно, что в монодии Плифон излагает то же самое – нехристианское – учение, что и в Зак. (см. также: [19, р. 302–304]).

В частности, следует отметить в процитированных отрывках из Ел. и Зак. противоречие с учением о конечном воскресении и преображении людей: согласно христианству, «тленному сему подобает облечься в нетление и смертному сему – облечься в бессмер-

тие» (1 Кор. 15:53; ср. 15:42–44 о «духовном теле»), но Плифон полностью отрицает возможность для смертного в человеке, то есть тела, уподобиться бессмертному, по сути отрицая христианское учение о воскресении Христа и обожении человека.

Таким образом, если К. Вудхауз говорит, что в *Ел.* «нет ничего, что можно было раскритиковать как неправославное» [22, р. 312], а В. Гладки пишет, что, хотя «основные черты философии Гемиста, представленной публике» в монодиях, «несомненно, являются платоническими по своему вдохновению, это не означает, что они находятся в противоречии с христианством» [13, р. 28], и даже утверждает, будто в *Ел.* Плифон переформулировал по-христиански взгляды, выраженные в *Зак.*, что якобы доказывает, будто он в конце жизни вернулся к православию [13, р. 280]⁵, – следует заключить, что эти авторы обмануты маскировкой Гемиста и не слишком хорошо знают современное Плифону христианское учение⁶.

Плифон не верил в телесное воскресение: для него тело – всего лишь «одежда» и «земляной покров» души (*Кл.*, р. 169), «звериное начало», роднящее нас с животными (*Феод.*, р. 126; *Ел.*, р. 277); тем не менее он считал жизнь в теле нужной для человека, поскольку наша миссия – вечно быть «границей» (μεθόριον) между миром смертных и бессмертных ради вселенской гармонии, а так как тело смертно и число человеческих душ ограничено, необходимо постоянное перевоплощение (*Зак.*, с. 256–257, 266, 267–269, 271, 287; *Толк.* 11, р. 9) (см. также: [20, р. 228–240]). Хотя тело не предназначено для вечности, необходимо «до известной степени заботиться и о нем, пока оно еще пребывает в этой жизни, чтобы оно было по мере возможности здоровым и опрятным и в прочих отношениях гармонировало с душевным устройением» (*Толк.*, 16, р. 12). Душа «каждый раз посылается богами сочетаться с этим смертным телом, то с одним, то с другим, ради гармонии вселенной, чтобы, через сообщение смертных [природ] с бессмертными в нас и в нашем образе, во вселенной таким образом соединялось одно с другим» (*Зор.*, р. 266). Причем, с точки зрения Плифона, вечное периодическое соединение бессмертного и смерт-

ного лучше, чем бесконечное бессмертие после единственной жизни (*Зак.*, с. 289–290).

Подробнее об участии души Плифон рассуждает в *Толк.*: душа бессмертна, но не творится с телом, а предсуществует ему и первоначально пребывает в божественном «свете Отца» (*Толк.*, 7, р. 7), будучи сотворена Его силой – Умом или вторым богом (*Толк.*, 7, р. 9), которого, как творца всей вселенной, «роды людские считают первым» (*Толк.*, 32, р. 17); согласно Гемисту, второй после Зевса бог – это Посейдон (*Зак.*, с. 232–233) (см.: [20, р. 146–147; 13, р. 98–99]). В определенное время душа «сходит свыше, чтобы служить этому смертному телу», а потом восходит обратно, в одно из мест, «в соответствии с проживаемым ею» (*Толк.*, 7, р. 4–5). Первоначальное «освященное со всех сторон место души», куда она призвана вернуться, Плифон отождествляет с раем (*Толк.*, 13, р. 10), но если человек жил в теле плохо, его душа после смерти попадает в разные места «в соответствии с тем, как она здесь жила» (*Толк.*, 12, р. 9). Служение ее заключается в том, «чтобы в человеке соединились смертные с бессмертными и таким образом всё устроилось бы в некую единую гармонию» (*Толк.*, 11, р. 9; ср. *Зор.*, р. 266).

Ф. Мазэ полагал, что у Плифона существование без тела для души – «в некотором роде каникулы», а истинное предназначение человека – земная жизнь [15, р. 268]. Плифон действительно считал земную роль человека, как своего рода скрепы мира, необходимой для общего гармоничного бытия вселенной, но и жизнь вне тела он, по-видимому, рассматривал как важное время, с одной стороны, наслаждения высшими благами, а с другой – обучения души божественным истинам, что должно помочь ей затем в земном служении: Гемист придерживался платоновской концепции обучения как припоминания (*Оразлич.*, 31, р. 26). В земной жизни душа должна «выйти из забвения» и вспомнить, что ей заповедана «погоня за прекрасным», в этом состоит цель жизни и угождение Творцу (*Толк.*, 6, р. 7). То же самое философ утверждает и в других сочинениях: конечная цель человека – причастие и созерцание «прекрасного самого по себе» и наслаждение этим (*Различ.*, 39, р. 34; ср. *Ел.*, р. 276; *Зор.*, р. 266, 268).

В. Гладки излагает учение Плифона о душе и ее природе (со ссылками в том числе на *Зак.* и *Толк.* [13, р. 138–144]) и другие нехристианские взгляды философа, но удивительным образом настаивает, что это не делает его нехристианином. Аргументы в пользу этого утверждения сводятся либо к попыткам свести все языческие обороты Плифона к риторике или литературной игре [13, р. 209, 278–279], либо к предположению, что современники, критиковавшие Гемиста за нехристианские взгляды, были просто тенденциозны [13, р. 229], а их истинной движущей силой был аристотелизм, в пике платонизму Плифона [13, р. 232]. Правда, Гладки сам признает, что, вообразив Плифона христианином, трудно объяснить существование «Законов» [13, р. 272], но его собственное толкование их как неупорядоченной «записной книжки», не выражавшей личной философии Плифона [13, р. 263], на мой взгляд, не выдерживает критики. Странно также думать, будто воззрения уважаемого всеми философа, которому ко времени создания *Зак.* и произнесения *Ел.* было почти 90 лет, были всего лишь литературной игрой. За невозможностью полемизировать по данной теме в рамках настоящей работы, ограничусь замечанием, что Гладки плохо представляет себе интеллектуальную среду той эпохи. Например, он считает, что переписка Плифона с друзьями, крамольная с православной точки зрения, «не предназначалась широкой публике» [13, р. 245]. На самом же деле «в эстетике эпистолярного общения, письмо не было сугубо интимным обращением: его следовало предавать огласке. Писатель, когда составлял послание, предполагал, что у него будет не один читатель. ...очень часто письмо зачитывали в литературных салонах... Соответственно, любое эпистолярное послание, как, впрочем, и другие риторические сочинения, изначально создавалось для публичного прочтения» [1, с. 162–163]. Свидетельство православности Плифона Гладки видит в том, что император и двор, знакомые, почитатели и ученики не считали философа еретиком и язычником и не разрывали с ним общение из-за этого [13, р. 232–233, 245–250, 269]. Но, во-первых, дружба среди поздневизантийских интеллектуалов носила выраженный светский, а не религиозный характер, и обыч-

но ставилась выше вероучительных разногласий, так что друга защищали от нападок, даже если не во всем были согласны с ним, а особенно крепки были личные связи учителей и учеников⁷; а во-вторых, если крамольные взгляды не выражались слишком открыто, за них обычно и не осуждали [1, с. 120–126].

Предпочтительнее делать выводы о взглядах Гемиста, исходя из его текстов, а они содержат явно нехристианские и антихристианские идеи. Кроме того, при чтении Плифона бросается в глаза отсутствие у него ссылок на Библию или христианских авторов, – а это для христианина той эпохи совсем не типично. Христианство было неотъемлемой частью образования византийцев, и из сочинения Плифона «Против книги в защиту латинского догмата» [17, р. 300–311] видно, что отцов церкви он прекрасно знал. Остальные византийские интеллектуалы, сколь бы ни была велика их любовь к эллинской культуре, в светских сочинениях всегда употребляли христианские образы и аллегории наряду с античными [1, с. 191–201], чтобы, за отсутствием первых, не прослыть отступниками от веры. Например, Феодор Метохит в трактате «Об образованности» постоянно ссылается в качестве авторитетов на Платона и других античных авторов, превозносит научные занятия и призывает: «...ни в коем случае не следует ни подавлять свой ум старыми изречениями, ни связывать способность познания уж не знаю, какого рода узамы, ни ходить одним строем согласно поговорке, ни бояться прыгнуть чуть дальше, чем дозволено. Напротив, в соответствии с интересующим нас речением, подобает во всяком деле поспешать вперед с дерзновением, изведывать новое и словно бы вносить свой вклад в общее пиршество» [10, с. 58–59]. Однако перед этим он говорит прямо противоположное: перечислив основные православные догматы [10, с. 49–55], призывает соблюдать постановления отцов церкви и вести себя согласно «с церковными обычаями и нравами», причем «следовать этим постановлениям и обычаям в высшей степени точно, беспрекословно и без излишнего любопытства... ничего в них не меняя и ни в коем случае не пытаясь их анализировать и судить», и не занимаясь умствованием и софистическим исследованием относитель-

но божественных вещей [10, с. 55–56]. Методит сам же и указывает причину, по которой вынужден делать такие оговорки, противоречащие всему духу и дальнейшему содержанию его трактата: за свободные богословские рассуждения «в теперешние времена» очень легко быть обвиненным в зловерии [10, с. 59–60]. Плифон ни разу не делает подобных оговорок и реверансов в своих сочинениях, игнорируя христианские источники и авторитеты, что само по себе весьма показательно [19, р. 146–147].

Можно также отметить, что взгляды Плифона на участь души выглядят, пожалуй, довольно оптимистично в контексте эпохи: при жизни философа империя пережила не только военный крах и окончательное территориальное умаление, но и опустошительные эпидемии чумы, когда смерть уносила всех подряд, невзирая на возраст и образ жизни. Чума терзала Византию начиная с 1347 г. в течение ста лет, держа людей в постоянном страхе как перед лицом личной смерти, так и эсхатологическом, в ожидании конца света; вместе с постоянной угрозой со стороны турок это повергало византийцев в депрессию, отчаяние и панику [1, с. 287–310]. Но если другие интеллектуалы придерживались традиционных взглядов на бедствия как кару Божию и наказание за грехи и думали о близящемся страшном суде⁸, Плифон предлагал совсем иную картину посмертия: читая его сочинения, можно прийти к выводу, что такая жизнь души, попеременно то в божественных сферах среди высших существ и других умерших, то

на земле ради служения вселенской гармонии, выглядит не так ужасно, как мучительная смерть от чумы или от турецкого меча с последующим страшным судом, исход которого неясен и, особенно с учетом всех требований и правил христианского благочестия, не внушает большого оптимизма.

Выводы. В своем учении о человеческой душе и ее посмертной участи Плифон далеко отошел от христианства. Он исповедовал предсуществование душ телам и постоянное перерождение, жизнь в теле считал главной миссией человека во вселенной в качестве границы между миром смертных и бессмертных; его учение о душе не подразумевает ни обожения тела, ни телесного воскресения и страшного суда в конце времен; для него вечное периодическое соединение бессмертной души и смертного тела в человеке лучше, чем бесконечное бессмертие после единственной жизни. Хотя в публичных речах Гемиста нехристианские взгляды выражены завуалированно, более пристальное рассмотрение его монодий в сопоставлении с другими сочинениями философа и отсутствие в них отсылок к христианским источникам показывает, что его истинные воззрения на участь души, с одной стороны, сильно отличались от учения церкви, а с другой – выглядели более оптимистично, оставляя возможность как для постепенного совершенствования в череде перерождений, так и для наслаждения божественной жизнью между ними при условии добродетельного поведения на земле.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В заключение прилагается выполненный по изданию С.П. Ламброса [23] перевод монодий Плифона на Клеопу Малатесту и Елену Палеологину. Номера страниц издания указаны в угловых скобках < >. Слова в круглых скобках вставлены для связности текста.

Мудрейшего Плифона монодия на прославленную императрицу Клеопу⁹

<161> Мудрый Солон, обращаясь к тем, которые кажутся счастливыми себе самим и многим другим людям, увещевал взирать на конец жизни словно на некую печать, которую она накладывает на человеческие судьбы и деяния¹⁰. Мне же представляется, что это увещание относится не только к большой неустойчивости в наших расчетах из-за круговращения судьбы, но и к самой <162> добродетели, в которой и он сам, если действительно был мудрецом, пожалуй, полагал человеческое счастье и блаженство, как где-то сам говорит в стихах, сравнивая себя с богатыми:

«Мы же не будем менять доблесть на денег мешок;

Ведь добродетель всегда остается, а деньги

Этот сегодня имел, завтра получит другой»¹¹ <163>.

Но это, пожалуй, может быть сказано о совершенной добродетели со знанием, которая и бывает делом одного истинного мудреца. Ибо необходимо держаться обретенного человеком знания и действовать безопасно, поскольку оно само, пожалуй, уже ведет постоянно к высшему благу. Ведь многим из усердно упражняющихся в добродетели, однако же упражняющимся в ней без рассуждения и влекущимся к видимой славе, свойственно, пока они успешно совершают многие и великие дела, пользоваться большой славой; но, тем не менее <164>, случается им по неведению во многом погрешать, подобно неким неискусным блюстителям добродетели, как бы (сама) добродетель ни была хороша. А конец жизни у проживших ее безупречно доставляет крепкую уверенность тем, кто в самом деле прекрасно поступал в житии, поскольку они не были ниспровергнуты прегрешениями. В этом отношении, несомненно, и из речей всякий счел бы надгробные и погребальные гораздо убедительнее прочих хвалебных речей о людях, как основанные на достоверных деяниях и обретшие некую твердую уверенность. И афиняне, жившие по законам Солона, полагали, что надо использовать их прежде всего в отношении тех, которые прекрасно прожили жизнь.

Также и мы, побужденные сказать вот это слово об умершей супруге божественнейшего нашего правителя, отчасти ради нее самой, не считая недостойным украсить словом получившую прекрасный конец жизни – спасение ради совершенного исполнения добродетели, – а отчасти и лично от себя в виде благодарности приносим ей это слово <165>, ведь она всегда выказывала к нам милосердие и благоволение.

Ибо она происходила из Итальянской страны, чьи жители, как мы знаем, прежде подчинялись ромеям и владели большой и лучшей во всем мире областью, и пределы ее владычества очерчивались на севере Истром¹², на юге Ливийскими¹³ пустынями, на западе Океаном и на востоке рекой Тигром¹⁴. Произросла же она от предков, которые, по причине своей добродетели и военного опыта, начальствовали над городами и там всегда пользовались у всех доброй славой. Таким вот образом произойдя от таковых (родителей), прибыв же сюда, она вступила в супружество с нашим божественнейшим правителем, с прекрасным и добрым прекрасная и добрая¹⁵, многосветло украшенная по телу и по душе: телом красивая и статная, душой же – благое вместилище всякой добродетели. Ведь некоторые женщины бывают красивы телом, однако этому совершенно противоположны какие-нибудь позорные деяния души, не приносящие пользы, а скорее пагубные и для них (самих), и для других. Эта же (женщина), наряду с блистающей красотой тела обнаруживая еще более <166> блистательную и божественную красоту души, являла телом некое отображение душевной красоты. Таким образом она облекла себя красотой всякой добродетели: рассудительностью, целомудрием, милосердием, добротой, благочестием, любовью к мужу, благородством, – будучи по природе одаренной для каждой (из них) и возрадив их поучением и упражнением, она сделалась неким блистающим украшением среди женщин. И мы представим свидетельства каждой из этих (добродетелей) в немногих словах, но достаточные, чтобы говоримое не показалось пустой болтовней.

Ибо в рассудительности она, пожалуй, не имела недостатка не только при испытании ее всякий раз в беседах, хорошо умея и слушать, и высказываться, но и в стремлении к прочим добродетелям и к прекрасному: вернейшее свидетельство того, что величайшее благо для человека – это <167> добродетель и прекрасное, дело же рассудительности – суждение и выбор в пользу лучшего.

А великое свидетельство ее целомудрия – совершеннейший переход от Итальянской распушенности и беспечности к уравновешенности и благопристойности нашего образа жизни, так чтобы не дать над собой превосходства в этом ни одной из наших женщин.

Поводом же для ее милостивости и доброты ни в чем не бывал никто из злых, но во многом были многие из добрых, как у относящейся с кротостью к согрешающим, благотворящей же нуждающимся: и многим из этих вот мужчин и женщин, и другим, уже ушедшим из жизни, а лучше сказать, пребывающим у Бога.

Доказательство же ее благочестия – служение Богу постоянными молитвами и постами, как предписано по нашему закону¹⁶.

Истинная же забота ее о любви к мужу, помимо иного, состояла в послушании супругу, и она, подражая в отношении прочего ему и благой Эриде Гесиода¹⁷, соревнуясь, упражнялась в том, чтобы <168> не только не отстать, но и превзойти, словно бы некоторым образом, насколько возможно, соперничая (с ним).

Благодарство же ее в том, что она не изнемогла от непустьяковых трудов и скорбей рядом с переносившим все таковое (супругом).

Вот так и в таких занятиях проводя жизнь и в этом подвизаясь и поучаясь, она всегда прилагала прекрасные (деяния) к прекрасным, и будучи (еще) девочкой – прекрасной, доброй и достойной родителей, – и до самого расцвета своих лет; и я бы, пожалуй, прибавил, что совсем недавно она приняла участие в наших священных праздниках¹⁸ и причастилась святейшего из наших святейших таинств¹⁹; но из-за жестокой болезни, превосходящей всякое врачебное предприятие, она уходит из здешней жизни. Вот почему, пожалуй, можно с достаточным основанием считать ее Божией любимицей, в такую пору взятую Богом²⁰, оставив после себя подданным глубокую печаль, а божественному нашему правителю величайшее уныние из-за этой утраты <169>.

Но если бы не было чего-либо бессмертного в человеке, справедливо было бы неизлечимо уныние по поводу смерти. Что же мы скажем ныне? Что есть в нас как нечто смертное, так, безусловно, и бессмертное, посему наше важнейшее – то, что преимущественно есть человек – бессмертно, смертно же в нем вот это (тело), наподобие некоей одежды соединенное с человеком. Поэтому было бы нехорошо как-то сильно падать духом из-за потери этой одежды ни нами самими, ни друзьями, куда важнейшее наше – то, что как раз и есть мы сами, – не только продолжает существовать и спасается, но и перешло к лучшему образу жизни, нежели здешний, лучшему и чистейшему, через оставление этого смертного и земного покрова достигнув божественных вещей и наслаждаясь (ими), особенно если (еще) здесь (у человека) был какой-либо навык в попечении о них. Из числа таковых, надеемся, окажется и ныне отходящая, хорошо проведшая жизнь, хорошо послужившая Богу и хорошо приготовившаяся к тамошнему жительству. А кто к нему не подготовился здесь <170>, тот, прибыв туда, справедливо испытал бы головокружение и, пожалуй, повернул бы обратно, поскольку столкнулся с чуждыми для него по непривычке и совсем непригодными обстоятельствами.

О смерти надо, пожалуй, помышлять как о дальнем путешествии, причем происходящем лучшим образом, нежели ожидалось. Ведь многие плачут об отъезжающих любимых, помышляя о взаимном разлучении в настоящем, однако же при мысли о том, что те отправляются с надеждой, радуются вместе с отъезжающими, поскольку точно знают, что вскоре произойдет с теми. Таким образом, право же, не очень странно для нас печалиться о смерти любимых, когда мы ненадолго разлучены с ними этим самым уходом. Однако, помышляя, что они сами попадают в лучшую и более божественную жизнь и что мы разлучены с ними ненадолго, лучше снова займемся благими делами, ведь следует в значительной мере отсекасть скорбь и переносить несчастье по возможности спокойно <171>.

Пожалуй, не будет неуместным изложить вкратце и кое-что самое общеизвестное о бессмертии и вечности души. Ведь, вероятно, есть некоторые решающиеся сомневаться насчет этого и опасующиеся, как бы, после того как человек умирает, и душа не разлагалась вместе с этой грудой тела и ничего больше нигде (от человека) не оставалось. Итак, если всякий не вынет из души этот страх, от всех остальных слов не будет (ему) никакой пользы или (лишь) какая-то малая. Ведь что человеческая душа бессмертна – положение не только наше или недавно сделавшееся всем известным во многих концах мира, но древнее и издавна всегда утверждаемое и воспеваемое весьма многими и уважаемыми из земнородных, почти у всех людей так или иначе пользующееся влиянием, поскольку очевидно, что все люди считают нужным воздавать некие почести умирающим – не как являющимся уже ничем, но как несомненно являющимся чем-то и продолжающим существовать. Ибо люди явно одинаковым образом относятся и к Божией славе, и к <172> бессмертию души. Ведь все полагают, что существует некое Божество и почитают (Его), и все, согласно своим представлениям воздавая почести отходящим от людей, явно показывают, что считают их существующими и продолжающими быть, а потому, пожалуй, одинаково считают верным то и это мнение.

Если и следует сомневаться насчет какого-либо мнения, то, право, не нужно сомневаться относительно того, что таким вот образом явно, открыто и всегда пользовалось влиянием у многих людей. Еще никто из неразумных не почитал что-либо за божество, потому что (таковой) не постигает причин (происходящего),

и к вечности таковой не стал бы стремиться, потому что не постигает бесконечности. Если же (кто не постигает) бесконечности, то он не постигает и вечности; но одному (только) разумному естеству среди многих других дано знание и о причинах, и о бесконечности, поэтому человек, как улучивший от Бога разумную душу, постигает Божество и вечность и стремится (к ним). Действительно, и Бога, и самого себя, пожалуй, возможно познавать не совершенно чуждым и смертным естеством, но некоторым образом родственным, ибо познающему необходимо общаться с <173> познаваемым, а имеющие общение должны быть, пожалуй, и родственны друг другу; стало быть, жажда вечности не напрасно вложена в человека и не должна остаться бесцельной. Ведь ничто иное из великого Бог не оставил по естеству недоконченным, но всё Он сотворил, по всей видимости, завершённым и стремящимся постоянно или по большей части к некоему подобающему ему пределу. А потому, коль скоро в наличии и то, и другое – представление о Боге и стремление к вечности, – то вечна и человеческая душа ²¹.

А еще, пожалуй, кто-нибудь может это заключить и на примере добровольных смертей, ибо никто из бессловесных не становится намеренно убийцей самого себя, а среди людей есть такие, которые себя убивают. Если же нет никого, кто стремился бы к собственной гибели – ведь бессловесные, хоть и не стремятся к вечности, поскольку не понимают ее, однако не спешат добровольно к собственной гибели, – то, конечно, и человеческая душа не желала бы чего-либо такого, если бы и ей смерть тела должна была нести погибель. Но она, когда <174> больше уже не считает полезной для себя жизнь в теле, убив его или позволив убить желающим, явно сама уходит из жизни, чтобы не уступить чему-либо позорному и наносящему ей вред.

Но из многих и более пространных речей относительно этих предметов довольно и этого в настоящих обстоятельствах. Поскольку же нам предлежит такая несомненная слава ввиду того, что наша душа бессмертна, нам стоит быть благороднейшими и лучшими в спокойном перенесении и иных несчастий, помимо этих. Посему, о божественнейший наш повелитель, утешая сам себя такими словами, отложи большую часть уныния, размышляя еще и о том, что теперь тебе надлежит обратиться к заботам о благополучии государства, а уныние всегда особенно этому препятствует. Ведь ты видишь, до какой степени уже постигли нас ужасы, что в огромной опасности находится наше (государство) и нуждается в великой заботе, чтобы оно могло оберегать (нас) и сохраняться бы само. А это – в твоей власти, и ты один можешь позаботиться об этом как подобает, ведь все остальные, пожалуй, последуют за тобой: мы спасаемся, если <175> Бог даст, однако большая опасность (грозит) нерадивому. Помысли и о том, что, если произойдет что-то дурное – чего да не будет, – все возложат большинство обвинений (за это) на тебя, а если бы случилось нечто спасительное, и от этого славу получишь ты. Итак, как имеющий получить и от того, и от другого величайшую известность, а вместе считая это и своим долгом пред Богом, который тебе вверил это начальство над нами, решительнее и усерднее употребляй власть, и Бог да подаст тебе управлять государством со спасительным попечением и как нужно. Нужны же великие и непустьяковые (меры), приводящие ко спасению, чтобы тебе иметь хорошую славу не от нас одних, но и у всех остальных людей.

Георгия Гемиста монодия на Елену (Ипомонию) Палеологину ²²

Матери наших императоров и правителей, только что ушедшей из этой жизни, разве не (следует) воздать достойную похвалу, и не легко ли это для того, кому выпало восхвалять? Ведь поистине <267> немного женщин из получивших то же достоинство, среди которых можно найти равную ей, и не малы совершенные ею прекрасные деяния.

Итак, она была родом фракийка, а фракийцы – это древнее племя из числа величайших племен в мире <268>, оно простирается не только по эту сторону Истра ²³ от Эвксинского Понта ²⁴ до Италии, но и по ту сторону Истра среди говорящих там на одном языке населяет земли до Океана ²⁵ и землю, почти необитаемую из-за холода, весьма же распространено и от Истра до здешних мест ²⁶. Так что не ничтожный это издревле <269> народ, но мужественный и отнюдь не непросвещенный. Ведь Эвмолп, ради бессмертия души установивший у афинян Элевсинские мистерии ²⁷, был фракийским мужем ²⁸, и говорят, что эллины от фракийцев научились почитать хоровод Муз ²⁹. А народ, почитающий Муз, не (может быть) непричастным к искусствам, необразованным и считать человеческую душу низкого происхождения, поскольку (ей свойственно) бессмертие <270>.

Из этого племени был отец только что ушедшей из жизни императрицы, начальник вовсе не ничтожной области при реке Аксиос ³⁰, чья вода среди речных вод самая лучшая и здоровая для питья, и он был из числа мужей отважнейших, праведнейших и преданнейших друзьям <271>.

От такового отца рожденную сию мать наших императоров и правителей взял в жены их отец, много лучший по достоинству и судьбе, нежели ее предки, сам прекрасный и добрый император и потомок таких великих императоров ³¹, царствовавший над этим нашим ромейским родом, о чьих прежних успехах вкупе с добродетелью говорить было бы, пожалуй, излишним. Но о чем речь в настоящих обстоятельствах <272>

не будет тягостной, так это о том, что из многих государств и царств в течение всего (сохранившегося) в памяти времени трудно найти такое же, где бы сошлись добродетель и счастье и долго сохранялись бы так, как прежде в государстве ромеев.

У ныне же оплакиваемой императрицы это счастье состояло, во-первых, в том, что она, рожденная от благих и не безвестных (людей), вступила в брак с (человеком) много лучшим, чем ее окружение, выйдя замуж за императора ромеев, только что унаследовавшего царство после смерти отца³². Но после этого не беспримесным было счастье из-за противоборствующих обстоятельств, по причине страшных и тяжких осад от варваров, а особенно той, что случилась немного спустя после начала царствования: она была самой длинной и ужасной осадой нашего Города³³. Но императрица явила свою величайшую умеренность в обоих отношениях, благодаря добродетели перенося складывающиеся обстоятельства, не ослабевая в несчастьях³⁴ и не зазнаваясь <273> в счастливых обстоятельствах, но в каждом случае сохраняя подобающее (поведение). Ведь благородием вместе с благородством она была сильнее, чем свойственно женщине, а по целомудрию не хуже Пенелопы³⁵. Как же ей не иметь совершенной праведности, если мы видим, что она никогда не сделала ничего дурного ни мужчинам, ни женщинам, добро же (творила) многим? И какое иное определение для праведности более законно, нежели – никогда не делать умышленно никакого зла и постоянно (совершать) благие дела? А счастливейшим среди многих других счастливых (обстоятельств) для нее явилось то, что она стала матерью многих хороших детей и самих императоров, правителей, а также и занимавших второстепенные места в царстве³⁶, и потому надзирала за тем, чтобы все они были единокорными друг с другом, а если когда-либо и случалось некое разногласие, не доводило бы это до чего-то непоправимого, как обыкновенно бывает у многих из получивших одинаковую власть, – вследствие чего разногласия оканчивались без шума³⁷ <274>.

И вот, она, настолько прекрасная и добрая душой, столь же счастливая по судьбе среди многих, ныне отходит из этой жизни отнюдь не в неподобающем возрасте. И нелегко вынести случившееся безболезненно, ибо нам, людям, не свойственно безболезненно переносить и другие здешние разлуки друг с другом и отъезды, особенно те, которым предстоит стать очень длительными, ведь мы больше наслаждаемся общением с любимыми вблизи, а потому, естественно, скорбим о взаимной разлуке. Так вот, нужно и о смерти родных и друзей, да и о нашей собственной помышлять, как об отбытии лучшего и важнейшего в нас³⁸ к некоему подобающему для него месту, а не как о гибели каждого. Ведь ужасно мнение, будто смерть всякого из нас есть уничтожение, и если где (такое мнение) появляется, будь то у частных лиц или в государствах, оно делает их худшими и более низкими, чем те, которые придерживаются противоположного мнения. Притом же оно и ложно. И в первую очередь его ложность очевидна уже по тому самому, что оно делает людей худшими <275> тех, которые держатся противоположного взгляда. Ведь неправдоподобно, чтобы ложное мнение делало людей лучше, а истинное – хуже, но от чего люди делаются хуже, то и есть ложное, а от чего лучше, то истинно. Поэтому пусть всякий, глядя только на то общее, что у нас есть с животными, не думает, будто и все наше бытие подобно бытию животных, но, взирая и на другие наши деяния и созерцания, пусть признает, что в нас заключена и некая иная сущность, более божественная, нежели у животных. Ибо это так и есть.

Что во главе всех (сущих) стоит некий единый Бог, создатель и истинно их производитель, и что Он в высшей степени благ, признает решительно всякий, или сам придя к этому умозаключению, или согласившись с так считающими, если только не сильно поврежден умом. Также (всякий признает), что между Им и нами есть некое другое естество, будь то единое <276> по роду или разделенное на много родов, лучшее нас, а Ему сильно уступающее, – и нет, в свою очередь, того, кто так бы не думал. Ведь никто не сочтет, что лучшее среди творений Бога – это мы. А о лучших, чем мы, природах всякий, пожалуй, сказал бы, что они суть умы или некие души, лучшие наших. Если же те природы таковы, что иное может быть для них важнейшим делом и занятием, нежели созерцание сущих и сообразно ему размышление о Создателе всего? Для того, кто по естеству сподобился этого, ничто иное, пожалуй, не будет лучшим и более блаженным занятием, и очевидно, что человек, помимо другого созерцания сущих, способен достичь (и) этого.

Итак, человек причастен не только к животным отправлениям, действуя как животные, но и к тому, (что свойственно) лучшим нас родам, если сам он достигает, по возможности, того же созерцания, что они; <277> соучастие же в делах по необходимости (предполагает) и сопричастие по сущности. Ведь нужно, чтобы сущности соответствовали делам, а дела – сущностям. Стало быть, подобно тому как кто-либо, видя общее у человека с делами животных, полагает, что он обладает и сходной с животными сущностью, так и, видя его сопричастность делам родов лучших, чем мы, и справедливо считая, что он имеет и сходную с теми сущность, пусть полагает, что у него от сходной сущности бывают и сходные дела, и признает, что человек составлен из двух сущностей: одной некоей божественной, а другой звероподобной, – и последняя смертна, а божественная наша (сущность) бессмертна, коль скоро бессмертна сущность у лучших нас родов. Ибо ни-

как не может быть правдоподобным, чтобы Бог, будучи чрезвычайно благим и лишенным всякой зависти, не произвел бы, помимо прочих, и бессмертные, более близкие к Нему сущности. Если же те бессмертны, тогда бессмертно и то, что в нашей сущности <278> подобно им, поскольку никак не могло бы смертное стать сходным с бессмертным, и имеющее ограниченную и истощающуюся силу к бытию не может хоть сколько-нибудь (походить) на обладающее бесконечностью и беспредельностью. И даже те, кто убивает себя, поступая либо разумно, либо нет – это не имеет значения для того, на что мы хотим указать, – показывают, что человек есть сущность, составленная из двух (частей), одной бессмертной, другой же смертной. Ибо нет ничего, что желало бы себе гибели, но всякое (существо), по возможности, не отказывается от бытия и спасения. Итак, человек, сам себя <279> губя, умерщвляет отнюдь не смертным смертное, а своим бессмертным – смертное³⁹.

Мы видим из этих и подобных соображений, о которых полностью в настоящих обстоятельствах говорить не время, а также и из того, что по (всему) миру древнейшие и славнейшие на нашей памяти из народов – иберы, кельты, тирренцы, фракийцы, эллины, ромеи, египтяне, мидийцы, индусы и другие, не презренные у людей, – считают наши души бессмертными.

Итак, справедливо и мы сказали, что кончина наших близких, друзей и наша собственная – это путешествие важнейшей нашей (части) в некое подобающее ей место и разлучение друг с другом на некоторое время, а не навсегда. А потому в этом всякий человек должен находить утешение и не считать смерть близких и друзей величайшим из несчастий, но скорее, по причине их добродетели и правильной жизни, <280> считать ее надеждой на благоприятное отбытие к тамошнему (жительству). Можно иметь такую надежду и относительно только что ушедшей отсюда этой императрицы, насколько украшенной добродетелью, настолько же и прекрасно пожившей, как все мы знаем. Ведь вовсе не сокрыто от всякого из имеющих хоть немного ума, что там удел благих – лучшие воздаяния, а дурных – худшие; ведь мы веруем, что Бог есть справедливейший и непреклонный судия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01028 «Георгий Гемист Плифон и место платонизма в философско-богословской традиции Византии середины XI – XV веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-28-01028/>.

The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01028, “George Gemistus Plethon and the Role of Platonism in the Philosophical and Theological Tradition of Byzantium in the Mid-11th and 15th Centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01028/>.

² Например, мученицы Домнина Эдесская (память 17 октября по ст. ст.) и Дросида (22 марта).

³ Ср.: «как человекам положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение» (Евр. 9:27–28).

⁴ См., например, «Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина, кн. 2, гл. 3 [9, с. 187–190].

⁵ Первый вариант «Законов», как считается, был написан до 1439 г.; монодия на смерть Елены составлена в 1450 г.; Плифон умер в 1454 году.

⁶ Впрочем, в современном нам христианстве можно встретить весьма далекие от православной догматики представления о тех или иных вещах. Как не без ехидства заметил Н. Синиоссоглу, попытка ряда современных авторов представить философию Плифона как не совсем языческую и не совсем христианскую, но своего рода сплав того и другого, соответствует тенденции «реабилитации» всех инакомыслящих и объединения их в «туманное, потенциально все-включающее [all-inclusive] христианство» [19, р. 154] (аллюзия на современную систему обслуживания «все включено»). Подробно о расхождении Плифона с современным ему византийским православием на примере сравнения с учением Григория Паламы см.: [18].

⁷ Сам Плифон был учеником Димитрия Кидониса, а учениками Плифона были столь разные по догматическим взглядам люди, как св. Марк Ефесский и кардинал Виссарион.

⁸ Так считал, в частности, Димитрий Кидонис, как и другие византийские интеллектуалы, какими бы поклонниками эллинской культуры они ни были (о чем см. в книге Т. Куц [1]). К примеру, пламенный почитатель Платона Феодор Метохит вполне традиционно писал, что «протяженность здешней жизни коротка, даже если у кого-то она и окажется длиннее, а плоды будущей бессмертной жизни, как и само та-

мошнее жителство, огромны, но зависят от тех добрых деяний, что мы совершаем здесь» [10, с. 74].

⁹ Существует другой, отличающийся от данного, перевод этой монодии [3]. Итальянка Клеопа Малатеста, дочь Малатесты деи Сонетти, графа Песаро, стала женой Феодора II Палеолога, деспота Морей (1407–1443), сына императора Мануила II, в 1421 или 1422 году. Умерла в 1433 году. В заглавии стоит βασιλίδη, как обычно именовали императриц, хотя в реальности Клеопа была женой деспота, а не императора, и правильнее было бы именовать ее деспиной.

¹⁰ Солон отказался признать счастливым Крезза, заметив, что будущее «полно всяких случайностей», поэтому называть человека счастливым можно только после смерти, а не при жизни, «пока он еще подвержен опасностям». Крезз понял значение этих слов, когда был побежден Киросом. См.: Плутарх, *Солон*, § 27–28, пер. С. Соболевского [7, с. 91–93].

¹¹ Перевод стихов дан по тому же изданию: Плутарх, *Солон*, § 3 [7, с. 71]. Буквальный перевод таков: «Но мы не будем меняться с ними | Добродетелью на богатство, ибо та неизменна, | А деньгами в иное время обладает другой человек».

¹² Древнее название реки Дунай.

¹³ То есть африканскими.

¹⁴ Границы Римской империи к началу II века.

¹⁵ καλῶ ὄντι καὶ ἀγαθῶ καλῆ καὶ ἀγαθῆ. В Античности καλὸς καὶ ἀγαθός было устойчивым выражением для обозначения идеального человека.

¹⁶ Ср.: Лк. 2:37; Мф. 17:21.

¹⁷ Гесиод в «Трудах и днях» различает двух Эриды: злую, вызывающую вражду и войны, и благую, побуждающую людей к труду и полезному соревнованию.

¹⁸ Имеются в виду какие-то церковные праздники.

¹⁹ То есть евхаристии, таинства тела и крови Христовых.

²⁰ Может быть, Плифон имеет в виду то, что Клеопа скончалась в праздничный период, а возможно, подразумевается выраженное еще в Ветхом Завете мнение о блаженстве рано умершего праведника, которого Бог забирает из жизни потому, что он за малое время уже достиг совершенства (см.: Прем. 4:8–14).

²¹ Я. Димитракопулос показал, что данный аргумент Плифон заимствовал у Фомы Аквинского, чьи греческие переводы, сделанные Димитрием Кидонисом, по-видимому, хорошо знал [12, р. 294–296]. Димитракопулос приводит параллельные отрывки из «Суммы против язычников» (II, 55, 13; II, 79, 6) и «Суммы теологии» (I, 75, 6). Статья вообще весьма интересна и информативна в плане выявления возможного влияния идей Фомы на богословие Плифона.

²² Елена Палеологина, урожденная Драгаш (ок. 1372 – 13 марта 1450 г.), была супругой ви-

зантийского императора Мануила II Палеолога и матерью императоров Иоанна VIII и Константина XI. Дочь сербского аристократа и землевладельца Константина Драгаша, она вышла замуж за Мануила в 1392 году. После смерти мужа в 1425 г. приняла монашеский постриг с именем Ипомония в Константинопольском монастыре во имя Христа Спасителя, так называемой обители госпожи Марфы (τῆς κυρᾶς Μάρθας). Канонизирована Православной церковью в лике преподобных, память совершается 29 мая, в день падения Константинополя.

²³ Древнее название реки Дунай.

²⁴ То есть от Черного моря.

²⁵ Атлантического.

²⁶ Фракийские племена были многочисленны и обитали на территории современного Балканского полуострова и части Малой Азии. Фракийский язык был распространен на территории современных Болгарии, европейской Турции и Македонии, частично Греции, Румынии и Сербии.

²⁷ Мистерии, проводившиеся в городе Элевсин недалеко от Афин, праздновались в течение 2000 лет, были в большом почете у греков и прекратились только к V в., после того как император Феодосий I указом от 392 г. закрыл святилище, а через несколько лет место опустошили готы. Мистерии основывались на мифах о Деметре и ее дочери Персефоне, похищенной Аидом, и были тесно связаны с темой смерти и воскресения-возрождения. Главная часть мистерий была тайной и доступной только посвященным, поэтому большая часть обрядов никогда не фиксировалась письменно и остается толком неизвестной. В настоящее время выяснено, что в церемониальный обряд входил прием некоей смеси, по-видимому, психоделического свойства, погружавшей посвящаемых в глубокие мистические состояния (см.: [21]).

²⁸ Эвмолп, по преданию, был фракийским вином, сыном Посейдона и Хионы, дочери Борея, и учредил в Афинах Элевсинские мистерии.

²⁹ По преданию, именно фракийцы, жившие в местечке Пиерия вблизи Олимпа (отсюда одно из названий Муз – Пиериды), первыми начали поклоняться этим покровительницам искусств и наук.

³⁰ Аксиос (или Вардар по-македонски) – самая длинная река в современной Македонии и одна из основных рек Греции.

³¹ Отцом императора Мануила II был император Иоанн V Палеолог, сын императора Андроника III, матерью – Елена Кантакузина, дочь императора Иоанна VI.

³² Мануил стал императором 16 февраля 1391 г.; Елена Драгаш вышла за него замуж через год.

³³ Имеется в виду осада Константинополя султаном Баязидом, начавшаяся в 1394 г. и длившаяся с

разной интенсивностью до 1402 г., когда турецкое войско было разбито Тимуром-Тамерланом.

³⁴ οὔτε ἐν ταῖς δυστυχίαις ταπεινοῦμαι. Интересно, что Плифон берет глагол ταπεινοῦμαι не в аскетическом значении «смиряться», а в отрицательном смысле: «слабеть», «унижаться». Теоретически перевод может быть даже: «не смиряясь в несчастях», – что с христианской точки зрения звучит неблагочестиво.

³⁵ Имеется в виду жена Одиссея, много лет ждавшая его возвращения, отвергая домогательства множества мужчин.

³⁶ Помимо двух дочерей (имена неизвестны) и сыновей Константина и Михаила, умерших в детстве, у Мануила и Елены было шесть сыновей, из которых двое стали последними византийскими императорами (Иоанн VIII и Константин XI), трое были деспотами Морей (Феодор II, Димитрий и Фома), а один – правителем Фессалоники (Андроник).

³⁷ Плифон сильно смягчает картину. О взаимоотношениях в семье последних Палеологов см., например: [8, с. 43–61, 111–123]. Именно августа Елена настояла в 1448 г. на коронации императором Константина XI, а не его брата Димитрия.

³⁸ То есть души.

³⁹ То есть умерщвляет смертное тело по решению бессмертной души.

REFERENCES

1. Kushch T.V. *Na zakate imperii: intellektualnaya sreda pozdney Vizantii* [At the Decline of the Empire: The Intellectual Environment of Late Byzantium]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 456 p.
2. Medvedev I.P. *Vizantiyskiy gumanizm XIV–XV vv.* [Byzantine Humanism in the 14th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1997. 341 p. (Vizantiyskaya biblioteka [Byzantine Library]).
3. Medvedev I.P. *Rech Georgiya Gemista Plifona na pokhronakh Kleopy Malatesty* [The Speech of George Gemistos Plethon at the Funeral of Cleopas Malatesta]. Barabanov N.D., ed. *Polemologos. Sbornik statey pamyati professora V.V. Kuchmy* [Polemologos. Collection of Articles in Memory of Professor V.V. Kuchma]. Volgograd, Izd-vo VolGU Publ., 2012, pp. 198–206.
4. Medvedev I.P. *Tanatologiya Georgiya Gemista Plifona* [The Thanatology of George Gemistos Plethon]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Collection of Works of the Institute of Byzantine Studies], 2008, vol. 45, pp. 267–277. DOI: 10.2298/ZRVI0845267M

5. Mikhaylov P.B. Dusha. Ucheniye o dushe v pozdnevizantiyskiy period (X–XV vv.) [Soul. The Doctrine of the Soul in the Late Byzantine Period (10th – 15th Centuries)]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], vol. 16. Moscow, TsNTs «Pravoslavnyaya entsiklopediya» Publ., 2007, pp. 461-466.

6. Nikiforov M.V. Bessmertiyе. Svyatootcheskoye ucheniye [Immortality. Patristic Teaching]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. IV. Moscow, TsNTs «Pravoslavnyaya entsiklopediya» Publ., 2002, pp. 727-728.

7. *Plutarkh. Sravnitelnye zhizneopisaniya. Traktaty. Dialogi. Izrecheniya* [Plutarch. Parallel Lives. Treatises. Dialogues. Sayings]. Moscow, Pushkinskaya biblioteka Publ.; AST Publ., 2004. 960 p. (Zolotoy fond mirovoy klassiki [The Golden Fund of World Classics]).

8. Runciman S. *Padenie Konstantinopolya v 1453 godu* [The Fall of Constantinople in 1453]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 416 p.

9. Afinogenov D.E., Bronzov A.A., Sagarda A.I., Sagarda N.I., eds. *Tvoreniya prepodobnogo Ioanna Damaskina. Istochnik znaniya* [Works of Saint John of Damascus. Source of Knowledge]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 416 p.

10. Makarov D.I., Polemis J., eds. Theodore Metochites. *Slovo o npravstvennykh problemakh, ili Ob obrazovannosti* [On Morals or Concerning Education]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2020. 256 p. (Paradeigmata byzantina [Byzantine Examples]; 1).

11. Constan N. “To Sleep, Perchance to Dream”: The Middle State of Souls in Patristic and Byzantine Literature. *Dumbarton Oaks Papers*, 2001, no. 55, pp. 91-124. DOI: 10.2307/1291814

12. Demetracopoulos J.A. Georgios Gemistos Plethon’s Dependence on Thomas Aquinas’ “Summa contra Gentiles” and “Summa Theologiae”. *Archiv für mittelalterliche Philosophie und Kultur*, 2006, Bd. 12, pp. 276-341.

13. Hladký V. *The Philosophy of Gemistos Plethon. Platonism in Late Byzantium, Between Hellenism and Orthodoxy*. Farnham; Burlington, Ashgate, 2014. 402 p.

14. Lagarde B. *Georges Gémiste Pléthon, «Des Différences entre Platon et Aristote» (édition, traduction et commentaire). Thèse de doctorat*. Vol. I. Paris, Université de Paris IV – Sorbonne, 1976. XLIX, 90 p.

15. Masai F. *Pléthon et le Platonism de Mistra*. Paris, Les Belles Lettres, 1956. 423 p. (Les classiques de l’humanisme).

16. Tambrun-Krasker B., ed. *Oracles Chaldaïques. Recension de Georges Gémiste Pléthon*. Athens, Paris, Bruxelles, 1995. 187 p. (Corpus philosophorum medii aevi. Philosophi byzantine; 7).

17. Alexandre C., Pellissier A., eds. *Pléthon. Traité de Lois, ou Recueil des fragments, en partie inédits, de cet ouvrage*. Paris, Firmin Didot Frères, 1858. 578 p.

18. Sénina T.A. Les conceptions anthropologiques de Saint Gregoire Palamas et de George Gemiste Pléthon: un debat sur le rôle de l’homme dans l’univers. *The Journal of Eastern Christian Studies*, 2021, vol. 73, iss. 3–4, pp. 139-158. DOI: 10.2143/JECS.73.3.3289995

19. Siniossoglou N. *Radical Platonism in Byzantium: Illumination and Utopia in Gemistos Plethon*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 472 p. (Cambridge Classical Studies).

20. Tambrun B. *Pléthon. Le retour de Platon*. Paris, Vrin, 2006. 302 p. (Philologie et Mercure).

21. Wasson R.G., Hofmann A., Ruck C.A.P. *The Road to Eleusis. Unveiling the Secret of the Mysteries*. Berkley, Cal., North Atlantic Books, 2008. 192 p.

22. Woodhouse C.M. *George Gemistos Plethon. The Last of the Hellenes*. Oxford, Oxford University Press, 1986. 400 p.

23. Lampros Sp.P., ed. *Palaiologieia kai Peloponnēsiaka* [Writings Related to Palaiologi and the Peloponnese]. Vol. 3. Athens, B.N. Gregoriades Publ., 1926. 372 p.; Vol. 4. Athens, B.N. Gregoriades Publ., 1930. 330 p.

Information About the Author

Tatyana A. Senina, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation, mon.kassia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Сенина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, mon.kassia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.13>

UDC 94“13”:929
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2023
Accepted: 31.10.2023

CHTHONIC COSMOLOGY IN THE EPITAPH OF GEORGE ACROPOLITAN ON THE DEATH OF EMPEROR JOHANNES III DUCAS VATATZES

Evgeny V. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article critically examines the epitaph of George Akropolites on the death of Emperor Johannes III Ducas Vatatzes. The Epitaph of George Akropolites is a remarkable example of Byzantine rhetoric. The highly educated Byzantine author, proud of his splendid education and skillful rhetorician, fully expressed in this work his knowledge of ancient topics and biblical aesthetics. *Methods and materials.* The article is written in the context of hermeneutic methodology. We assume that the epitaph of George Akropolites requires a deeper interpretation, which will help to reveal the implicit meanings hidden in the text of George Akropolites. *Analysis.* First, in the epitaph of George Akropolites, Charon is synonymous with death. This is not an ancient reminiscence, as it may seem, but a popular character of the Acritic folklore of the 9th – 11th centuries, popular among the military class. Akropolites would soon become acquainted with this class, becoming praetor in 1256, when he would be extremely unsuccessful in commanding an army in western Macedonia. Secondly, it is worthwhile to look closely, following K. Praechter, at the expression of George Akropolites “the emperor became the paranáloma of Charon”. In our opinion, paranáloma is an extremely interesting word that takes us into the archaic and chthonic world and presents George Akropolites as a remarkable connoisseur of a wide variety of philosophical and medical texts, particularly the Neoplatonic writings of John Philoponus (c. 480–570) and Simplicianus of Cilicia (c. 490–560). *Results.* In summary, we have before us a whole literary tradition revolving around a natural-philosophical reading of the folkloric underworld and Charon, which gives for George Akropolites a large stock of metaphors and an opportunity to show his education.

Key words: George Akropolites, epitaph, rhetoric, Charon/Charos, acritic songs, “underworld”, paranáloma, garbage.

Citation. Stelnik E.V. Chthonic Cosmology in the Epitaph of George Acropolitan on the Death of Emperor Johannes III Ducas Vatatzes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 177-182. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.13>

УДК 94“13”:929
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2023
Дата принятия статьи: 31.10.2023

ХТОНИЧЕСКАЯ КОСМОЛОГИЯ В ЭПИТАФИИ ГЕОРГИЯ АКРОПОЛИТА НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ИОАННА III ДУКИ ВАТАЦА

Евгений Викторович Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье критически рассматривается эпитафия Георгия Акрополита на смерть императора Иоанна III Дуки Ватаца. На наш взгляд, в тексте Акрополита можно выделить еще два пласта значений. Первый из них – это фольклорный слой представлений, который проникает в эпитафию через образ Харона/Хароса и эстетику акритских песен IX–XII веков. Византийский автор вводит сюжет схватки императора со смертью в лице Харона/Хароса, чем подчеркивает, что умерший император прожил жизнь настоящего война. Недаром именно Иоанн III Дука Ватац играет такую большую роль в византийском фольклоре. Второй пласт, который, несомненно, должен был продемонстрировать эрудицию автора, это неоплатонические

трактаты и медицинские сочинения авторитетных античных авторов. Это очень своеобразный набор «научных» текстов, в которых ученые рассуждения растворяются в достаточно архаичном хтоническом мировоззрении. Это хтоническое мировоззрение построено на идее своеобразного символического обмена между миром живых и миром мертвых. Ключевым понятием в этом мировоззрении является слово *παράναλωμα*, которое раскрывает механизмы этого архаичного метаболизма.

Ключевые слова: Георгий Акрополит, эпитафия, риторика, Харон/Харос, акритские песни, «нижний мир», параналома, мусор.

Цитирование. Стельник Е. В. Хтоническая космология в эпитафии Георгия Акрополита на смерть императора Иоанна III Дуки Ватаца // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 177–182. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.13>

Введение. Эпитафия великого логофета Георгия Акрополита (ок. 1217–1282 гг.) на смерть никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца (умер 3 ноября 1254 г.) [12, р. 12–29] уже не раз попадала в поле зрения византистов. Это вполне объяснимо.

Эпитафия Георгия Акрополита является замечательным примером византийской риторики. Высокообразованный византийский автор, гордящийся своим великолепным образованием [29, р. 278], искусный ритор [11, р. 7], в полной мере выразил в этом сочинении свое знание античной топики и библейской эстетики. Чтение этой эпитафии, по словам К. Прехтера, – увлекательная задача, которая «напоминает расплетение сложной паутины различных нитей» [28, S. 479].

Текст эпитафии, по своей сути, набор античных значений и образов, в компиляции которых Георгий Акрополит проявил свою значительную литературную эрудицию. Перед читателем эпитафии предстают «крепкие стены Вавилона», племя авсонов, Стентор, Платон, Тит Веспасиан, Пифия, Плутон, Харон и многочисленные скрытые цитаты и выражения греческих и римских авторов.

Мастерство византийского ритора гармонично вплетает в эту античную ткань христианские ссылки на Евангелие от Иоанна, книгу Плача Иеремии, на Второе послание к Коринфянам, Книгу пророка Исайи.

Такое смешение образов замечательно отражает риторический характер эпитафии Акрополита. Античные реминисценции пересекаются с христианскими значениями, создавая яркую ткань образов, но одновременно и пустоту. Метафоры удачно «нейтрализуют» друг друга, пустая форма, в конце концов, создает эффект театральности и искус-

ственности. Не даром, как писал в свое время румынский византист Н. Йорга, Акрополита отличает достаточно замысловатый стиль [20, р. 287].

В конце концов выясняется, что всемирная катастрофа – смерть императора Иоанна Дуки, не так уж и ужасна, а даже желательна, так как его сын и законный приемник (Феодор II Ласкарис, который и заказал Акрополиту написать эпитафию [14, S. 16]) намного лучше. Утешение, которое следует за плачем, оказывается более важным. Возможно, такая диспропорция вызвана еще и личными мотивами, Георгий Акрополит не мог забыть публичную бастонаду (сорокалетний Акрополит получил 24 или даже 48 ударов), которую ему устроил император Иоанн Дука в 1252 г. [14, S. 6].

Эпитафия Георгия Акрополита представляет собой широкое поле для поиска смыслов, чем и привлекает к себе исследователей.

Так, К. Прехтер исследовал в эпитафии «аппарат античной риторики» (синкретизм, экфразис, полисиндетика, анафора и пр.), считая, что по большей части он заимствован из трудов античных литераторов, Менандра (342–291 гг. до н. э.), в частности [28, S. 484]. К. Прехтер искал и находил ссылки Акрополита на тексты Аристотеля и неоплатонические сочинения [28, S. 489–490].

В.Е. Вальденберг в статье 1929 г. [33] находил неявные концепции политической власти, которые в конечном счете сводятся к платоновской идее царя-философа [33, S. 94].

П.И. Жаворонков в 1986 г. реконструировал на основе эпитафии мировоззрение Георгия Акрополита как историка, делая акцент на социально-политических убеждениях византийского автора [1, с. 126].

Эпитафия Георгия Акрополита многослойна и прекрасно иллюстрирует сложную византийскую интеллектуальную культуру XIII века.

Методы. Статья написана в контексте герменевтической методологии. Мы исходим из того, что эпитафия Георгия Акрополита требует более глубокой интерпретации, которая поможет выявить неявные смыслы, скрытые в его тексте. Для такого прочтения необходимо учитывать исторический контекст эпитафии Георгия Акрополита, личность автора, риторические законы жанра и особенности мышления византийских интеллектуалов XIII века.

Анализ. Задачей нашей статьи станет распутывание совершенно другой «нити». Мы попытаемся реконструировать мировоззрение Георгия Акрополита, но мировоззрение, не выработанное философскими штудиями и размышлениями, которое не стыдно представить на суд крайне узкого общества византийских интеллектуалов, а мировоззрение хтоническое, наполненное «народной» магией и фольклорной логикой. Нас будут интересовать представления византийского автора о смерти, темы не всегда приличной, которая должна быть точно не актуальной для Георгия Акрополита как автора богословских сочинений.

Нашей целью будет рассмотрение образа Харона и связанных с ним обстоятельств смерти в эпитафии Георгия Акрополита. На наш взгляд, этот образ, с одной стороны, имеет очень интересное «народное» происхождение, с другой стороны, является отсылкой Акрополита к очень интересному, но слабо изученному пласту натурфилософских сочинений, уходящих своими корнями к своеобразному неоплатоническому прочтению трактата Аристотеля «О душе» Иоанном Филопоном (ок. 480–570 гг.) и Симпликием Киликийским (ок. 490–560 гг.) и медицинским трактатам Гиппократата, Эрасистрата и Галена.

Во-первых, в эпитафии Георгия Акрополита Харон – это синоним смерти [12, р. 13]. Это не античная реминисценция, как может показаться, а популярный персонаж акритского фольклора IX–XI вв., распространенного среди военного сословия. С этим сословием Акрополит скоро познакомится, став претором в 1256 г., когда будет крайне неудачно командовать армией в западной Македонии [11, р. 12].

Харон – не риторический прием (идиома), как в тексте патриарха Фотия [25, р. 140^{11–14}], а сам по себе Смерть. Харон в эпитафии Георгия Акрополита, перенял все функции античного Аида, став полноправным правителем загробного мира, он вполне аналогичен античному Плутону. Такой Харон – хтоническое божество «нижнего» мира, именно Харона (или Хароса, или Харонтаса) представляют акритские песни.

Стоит обратить внимание, что у Акрополита Харон вооружен мечом (типичное оружие Хароса в акритских песнях [34, с. 226, 230]), а этот меч оказывается сильнее боевой секиры мертвого императора. Противопоставление меча секире намекает нам о схватке между императором и Харосом. А это является еще одним типичным сюжетом акритских песен, когда герой на пике своей военной славы (Дигенис, Василий, Константин) всегда вступает в бой с Харосом [35, с. 300, 302–303].

Акрополит пишет, что император Иоанн стал добычей меча Харона, хотя его боевая секира превосходила самого Плутона (καὶ κατεκαυχῆσατο καὶ αὐτοῦ τὸ τοῦ Πλούτωνος βέλεμνον?) [12, р. 13]. Император был властен и могущественен, но Смерть в лице Харона установила предел его власти.

Иоанн Дука как воин, так же как Дигенис Акрит в «народных» песнях, вступил в схватку со смертью, так же как и Дигенис Акрит, он ее не может одолеть. В определенном смысле смерть Иоанна Дуки – это еще и наказание за его чрезмерную гордыню. «Разве он не возвышался и не хвастался и гордился чрезмерно?» – спрашивает Георгий Акрополит. Разве Харон не восстановил порядок, уравновесив гордыню Иоанна Дуки его полным поражением?

Кроме этого, как писал П. Гротовский, в византийской официальной символике меч был выражением судебной власти [17, р. 366] и сам по себе выражал идею правосудия и наказания за грехи. Власть меча – это не что иное, как власть наказывающего римского права [2, с. 54]. В этом смысле Харон/Харос, пришедший к императору Иоанну Дуке с мечом, воплощал идею расплаты четко и недвусмысленно.

Тема зависти хтонических сил успешным или счастливым людям очень популярна в греческой литературе. Поэтому Харон/Харос

выравнивает счастливую жизнь, принося в нее страдание, часто по наставлению самого Бога [35, с. 303, 305].

Мы видим, что в этом отрывке эпитафии Георгий Акрополит опирается на фольклорный сюжет схватки с Харосом, что делает текст более живым и близким для византийского читателя. К такому же приему прибегал Михаил Пселл в поэме, посвященной смерти севасты Марии Склир, умершей около 1054 года.

Во-вторых, стоит внимательно вслед за К. Прехтором [28, S. 487] присмотреться к выражению Георгия Акрополита «император стал параналомой Харона» (Χάρωνος γεγένηται παρανάλωμα) [12, р. 13]. На наш взгляд, парανάλωμα – это крайне интересное слово, которое уводит нас в архаический и хтонический мир, а Георгия Акрополита представляет как замечательного знатока самых разных философских и медицинских текстов, в частности неоплатонических сочинений Иоанна Филопона [18, S. 390] и Симпликия Киликийского [31, р. 194].

В переводе эпитафии Георгия Акрополита П. И. Жаворонковым Иоанн Дука стал «добычей» Харона [3, с. 219]. Такая трактовка понятия парανάλωμα вызывает у нас вызывает сильные сомнения. Парανάλωμα – это всегда потеря, превращение в «отброс», в мусор или пепел¹. Перед нами не акт присвоения (получение добычи или выгоды), а прямо наоборот – процесс вычитания из жизни и мира живых людей. Акрополит пишет, что всемогущий император стал «добычей» меча Харона, а Харон превратил его в «отброс», император Иоанн Дука стал параналомой Харона.

Выражение «параналома Харона», на наш взгляд, выражает целое хтоническое мировоззрение, основанное на своеобразном символическом обмене и достаточно традиционных медицинских представлениях о смерти, с которыми Акрополит мог познакомиться, изучая медицину у Никифора Влеммида (1197–1272 гг.) [14, S. 3].

Труп в этих очень традиционных античных медицинских представлениях – это и есть параналома, то есть грязь или нечистоты. Параналома – результат растраты самого существа жизни, как если бы жизнь была субстанцией (кровь часто может быть такой субстанцией). Риторическое выражение парανά-

λωμα γιγνόμενοι, идущее как минимум от Эзопа, означает умереть, стать грязью, обратиться в отброс или смешаться с грязью. Это устойчивое выражение стало достаточно распространенным в византийской философской и богословской литературе синонимом случайной, трагической или внезапной гибели. Так, у Григория Назианзина параналома возникает из-за какой-то нелепой случайности и является еще одним риторическим топосом непредсказуемой человеческой судьбы [30, р. 188].

Показательно, что часто словосочетание парανάλωμα γεγένεσθαι используется византийскими авторами в отношении изменчивой и неуловимой военной удачи и непредсказуемой судьбы человека на войне вообще [23, р. 91; 22, р. 216]. Превратится в параналому может означать стать «жертвой» обидной и часто бессмысленной². У Василия Кесарийского (ок. 330–379 гг.) вино превращает сильного, молодого, прекрасно вооруженного война в параналому. Что может быть обидней [5, р. 457]? Каин, убив Авеля, тоже превратил его в параналому [6, р. 113].

Как морализирует неизвестный автор словаря Суда (X в.), люди растрачивают свою жизнь в «неумных развлечениях» [32, alpha 3293], такая жизнь тратится впустую [32, kappa 71]. Человеческая жизнь «стирается», будто монета [32, epsilon 2727].

Такая слабость человеческой жизни и ненадежность человеческого тела являлась важным аргументом христианской проповеди. Без веры в Бога, как писал Василий Кесарийский, человек обречен всегда быть «добычей охоты смерти» [4, р. 448], человек неизбежно станет параналомой, лишь христианский Бог может освободить от этой страшной участи.

У Григория Нисского слабое человеческое тело без Бога обречено на гибель [16, р. 14¹⁰], а вот душа живет вечно и имеет настоящую возможность спастись верою. В этом смысле человеческое тело – это всего лишь «форма» [21, р. 644] или «сосуд» [26, р. 124⁵⁻⁶], вмещающий христианскую душу. Когда Харон разбивает эту «форму», он освобождает душу из «временного убежища»³. В этом смерть даже положительна. В самой смерти нет ничего плохого, а отвратительность трупа – это на самом деле не что иное, как отвратительность греха.

Итак, если труп – это параналома (отброс) [26, р. 124⁵⁻⁶], то «нижний мир» – это целое царство грязи, мусора, место скверны и экскрементов.

В этом контексте Аид, как писали Антигон из Каристы (III в. до н. э.) [24, р. 32¹⁰⁶] и Евдокс Книдский (ок. 408–355 гг. до н. э.) [9, р. 39¹²⁷] – это «Хароновы пропасти» (Χαρώνεια βάραθρα), которые представляются баратром (βάραθρον), ямой, или рвом, наполненными нечистотами и отбросами.

Показательно, что в письме Мартиану Василий Кесарийский также описывал сточную канаву – баратр (βάραθρον), которую он называл Хароновой. Χαρώνεια у Василия, «предписывающая явиться каждого» [4, р. 448], – устойчивый литературный топос неизбежной смерти. Христианский автор прибегает к нему в чисто риторических целях – не только четко и понятно для собеседника выразить свою мысль, но и блеснуть своими знаниями.

Похожее описание «нижнего» мира мы можем найти в неоплатонических Комментариях на сочинение Аристотеля «О душе» Иоанна Филопона (ок. 480–570 гг.) [18, S. 390] и его традиционного оппонента Симпликия Киликийского (ок. 490–560 гг.) [31, р. 194], которые в свою очередь опираются на медицинские сочинения Эрасистрата, Галена и Гиппократов. Эти авторы в своих сочинениях внимательно рассматривали Χαρώνεια πνεύματα, то есть «тяжелый», «спертый», заразный воздух, который время от времени вырывается из «нижнего» мира на поверхность и несет гибель людям и животным [10, fragment 104].

Выводы. В итоге перед нами предстает целая литературная традиция, вращающаяся вокруг натурфилософского прочтения фольклорного подземного мира и Харона, которая дает для Георгия Акрополита большой запас метафор и возможность показать свою образованность.

Превращение всесильного императора в «отброс» – целая драма в эпитафии Георгия Акрополита. Показательно, что эта драма дается в эмоционально сильных фольклорных образах (Харон/Харос), которые опираются на весьма «темные» архаичные медицинские представления. В этих конструкциях существенную роль играют хтонические представ-

ления экономии и растраты самого существа жизни. То есть смерть и загробный мир в их архаичном понимании совсем не вытеснены богословским образованием и религиозным сознанием, а присутствуют фоном даже в таком рафинированном сочинении, как эпитафия Георгия Акрополита на смерть императора Иоанна III Дуки Ватаца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Паранάλωμα может относиться к факту растраты чего-либо [27, р. 116], пустой траты времени [8, р. 504], или говорить о действии огня, поглотившего и оставившего после себя лишь пепел [15, р. 91; 13, р. 124²⁰]. У Зонары паранάλωμα – это уничтожение [19, vol. 2, р. 1513].

² Элиан описывает, как в ловушки, подготовленные охотниками, попадают куропатки, привлеченные пением. Обманутые, они становятся «жертвой» своего любопытства [7, р. 57]. Люди ведут себя ничуть не лучше глупых животных.

³ Фотий разъясняет, что не сама смерть превращает тело в параналома, но скорее время разлагает труп. Болезнь приносит за собой порчу, а смерть окончательно разрушает непрочную форму тела, чтобы возникла новая, более крепкая.

REFERENCES

- Zhavoronkov P.I. Nekotoryye aspekty mirovozzreniya Georgiya Akropolita [Some Aspects of the Worldview of George Akropolites]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1986, vol. 47 (72), pp. 125-133.
- Medvedev I.P. Smertnaya kazn v tolkovanii Feodora Valsamona [Death Penalty in the Interpretation of Theodore Balsamon]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1986, vol. 47, pp. 53-61.
- Zhavoronkov P.I., ed. Epitafiya Georgiya Akropolita imperatoru Ioannu Duke [Epitaphium of George Akropolites to Emperor John Dukas] *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1987, vol. 47 (72), pp. 217-227.
- Basiliius Caesariensis. *Opera omnia. Vol. 3.* Paris, J.-P. Migne, 1857. 1848 p. (Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca; vol. 31).
- Basiliius Caesariensis. *Opera omnia. Vol. 4.* Paris, J.-P. Migne, 1857. 1524 p. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 32).
- Basiliius Seleuciensis. *Opera omnia.* Paris, J.-P. Migne, 1864. 1864 p. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 85).

7. *Claudii Aeliani de Natura Animalium Libri xvii, Varia historia, Epistolae, Fragmenta. In 2 vols. Vol. I.* Leipzig, Teubner, 1864. 488 p.
8. *Claudii Aeliani de Natura Animalium Libri xvii, Varia historia, Epistolae, Fragmenta. In 2 Vols. Vol. 2.* Leipzig, Teubner, 1866. 665 p.
9. *Die Fragmente des Eudoxos von Knidos.* Berlin, De Gruyter, 1966. 299 S.
10. *Erasistrati fragmenta: collegit et digessit.* Pisa, Giardini editori e stampatori in Pisa, 1988. 215 p.
11. *George Akropolites. The History. Introduction, Translation and Commentary.* Oxford, Oxford University Press, 2007. 440 p.
12. *Georgii Acropolitae Opera. In 2 Vols. Vol. 2.* Stuttgart, Teubner, 1978. 120 p. (Continens Scripta minora, praecedit dissertatio de vita scriptoris).
13. De Boor, ed. *Georgii monachi Chronicon.* Lipsiae, In aedibus B.G. Teubneri, 1904. 699 p.
14. Georgius (Acropolita). *Die Chronik.* Stuttgart, Hiersemann, 1989. 294 S.
15. *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope. In 2 Vols. Vol. 1.* Bonn, Weber, 1838. 802 p.
16. *Gregorii Nysseni Opera, Supplementum: Auctorum Incertorum, Sermones de Creatione Homini, Sermo de Paradiso.* Leiden, Brill, 1972. 188 p.
17. Grotowski P. *Arms and Armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261).* Leiden, Brill, 2010. 630 p.
18. *Ioannis Philoponi in Aristotelis de anima libros commentaria. Commentaria in Aristotelem Graeca. In 23 Vols. Vol. 15.* Berlin, Reimer, 1897. 607 p.
19. Ioannis Zonara. *Lexicon. Ex tribus codicibus manuscriptis nunc primum.* Lipsiae, Vmtibvs Siegf. Lebr. Crvsii, 1808. Vol. 1. 1070 p.; Vol. 2, pp. 1076-2060.
20. Īorga N. Médaillons d'histoire littéraire byzantine. *Byzantion.* 1925, vol. II, pp. 286-287.
21. Joannes Chrysostomus. *Opera omnia. Vol. 5.* Paris, J.-P. Migne, 1862. 790 p. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 55).
22. *Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem. Et Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti.* Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 1828. 624 p.
23. *Nicephori Gregorae Byzantina historia: graece et latine. In 3 Vols. Vol. 1.* Bonn, Weber, 1829, 568 p.
24. *Paradoxographorum Graecorum reliquiae, recognovit, brevi adnotatione critica.* Milan, Istituto editoriale italiano, 1965. 340 p.
25. Photius. *Bibliothèque. Vol. 1–9. Vol. 7. Codices 246–256.* Paris, Les Belles Lettres, 1974. 234 p.
26. Photius. *Bibliothèque. Vol. 1–9. Vol. 8. Codices 257–280.* Paris, Les Belles Lettres, 1977. 232 p.
27. *Plutarchi vitae parallelae. Ad optimorum librorum fidem. T. IV.* Lipsiae, Sumtibus et typis Caroli Tauchnitil, 1829. 312 p.
28. Praechter K. Antikes in der Grabrede des Georgios Akropolites auf Johannes Dukas. *Byzantinische Zeitschrift*, 1905, Bd. 14, S. 479-491.
29. Richter G. Des Georgios Akropolites Gedanken über Theologie, Kirche und Kircheneinheit. *Byzantion*, 1984, vol. LIV, pp. 276-299.
30. Sajdak I. *Anonymi Oxoniensis Lexicon in orationes Gregorii Nazianzeni / Lexica Graeca minora.* Hildesheim, Olms, 1965. 398 p.
31. *Simplicii in libros Aristotelis. Commentaria in Aristotelem graeca. In 23 vols. Vol. 11.* Berlin, G. Reimer, 1882. 361 p.
32. Bekker I., ed. *Suidae Lexicon.* Berolini, Typis et impensis G. Reimeri, 1854. 1128 p.
33. Valdenberg V. Notes sur l'oraison funebre de G. Acropolite. *Byzantinische Zeitschrift*, 1929/1930, Bd. 30, S. 91-95.
34. Politis N.G. Akritika asmata. O thanatos tou Digeni [The Death of Digenes]. *Laographia [Folklore]. T. 1.* Athens, Typois P.D. Sakellariou, 1909, pp. 169-275.
35. *Tragoudia rōmaiika [Roman Songs] = Popularia carmina Graeciae recentioris.* Lipsiae, B.G. Teubner, 1860. 650 p.

Information About the Author

Evgeny V. Stelnik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

Информация об авторе

Евгений Викторович Стельник, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

www.volsu.ru

ПЕРИФЕРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.14>

UDC 27-526.6(091)

LBC 86.37-34

Submitted: 28.05.2023

Accepted: 11.08.2023

NEW FINDINGS OF PECTORAL CROSSES ON THE TERRITORY OF HISTORICAL ALANIA (II) ¹

Viktor N. Chkhaidze

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. One of the material evidences of the Christianization of the territory of historical Alania (the east of the Krasnodar Territory – the northern regions of Chechnya) in the period from the 10th to the beginning of the 13th centuries is the data of staurography: the finds of crosses-encolpia, pectoral crosses, crosses-quadrifolia. The study of this category of finds allows us to consider the features and chronology of the process of Christianization of the population of the largest state in the North Caucasus in the Middle Ages, to study more closely the historical and social portrait of ordinary members of the Christian community of Alania and its elite. **Methods.** As a result of the messianic activity of Byzantium, which led to the baptism of the Alans at the beginning of the 10th century, as well as the establishment of the Alan Diocese (914), objects of small Christian plastics – crosses of provincial Byzantine as well as ancient Russian origin – are becoming widespread on the territory of Alania. And already with the spread of Christianity in the local Alan environment there are imitative and imitation types of crosses that are not found outside the North Caucasus. To date, more than 125 different crosses are known on the territory of Alania. **Analysis.** To this case, we can add the finds of five more interesting specimens found in recent years in the eastern regions of the Krasnodar Krai, the south of the Stavropol Krai, the Republic of Karachay-Cherkessia. The first quadrifolia cross (fig. 1, 1) is a reverse leaf with the image of an unknown Holy Warrior (St. George?), dating from the second half of the 11th– 12th centuries. Such quadrifolia crosses (including two direct analogies) are known on the territory of Alania, originally imported from the urban craft centers of the Asia Minor provinces of Byzantium or Western Georgia, or could be made according to imported prototypes by local (or visiting) craftsmen. The four following crosses indicate the links between Alania and Ancient Russia. Two crosses (fig. 1, 2–3) – with three-part endings and a rhombic middle cross, one cross has traces of manufacturing defects – the right blade is not completely cast. These crosses were brought from the territory of the Old Russian state, where they are quite widespread and date back to the 11th – 12th century abroad. They are found on the territory of Latvia, Bulgaria and Romania, where they were also imported. The fourth cross (fig. 1, 4) is equi-pointed with rectangular branches. Similar crosses are known in the territory of Ancient Russia, from where they also came to the North Caucasus, where imitative crosses were made. They date from the end of the 11th – beginning of the 12th centuries. The fifth cross (fig. 1, 5) – with a square central part. Such crosses are widely found in many regions of Kievan Rus, but in the territory of the North Caucasus they were imported. **Results.** The considered finds of crosses complement the body of small Christian plastic products of the 11th – 13th centuries of ancient Russian origin, represented on the territory of Alania by crosses-encolpions, cast icons and coils. The presented finds of crosses not only add to the evidence of Christianization of Alania in the 11th – 12th centuries, but also indicate close trade, religious and ethno-cultural contacts of the population of the North Caucasus with the Asia Minor provinces of Byzantium, Georgia and Ancient Russia.

Key words: North Caucasus, Alania, Old Rus', Christianity, staurography, quadrifolia, pectoral crosses.

Citation. Chkhaidze V.N. New Findings of Pectoral Crosses on the Territory of Historical Alania (II). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 183-190. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.14>

УДК 27-526.6(091)
ББК 86.37-34

Дата поступления статьи: 28.05.2023
Дата принятия статьи: 11.08.2023

НОВЫЕ НАХОДКИ НАТЕЛЬНЫХ КРЕСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ АЛАНИИ (II)¹

Виктор Николаевич Чхаидзе

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Одним из материальных свидетельств христианизации территории исторической Алании (восток Краснодарского края – северные районы Чечни) в период с X по начало XIII в. являются данные ставрографии: находки крестов-энколпионов, крестов-тельников, крестов-квадрифолиев. Изучение данной категории находок позволяет рассмотреть особенности и хронологию процесса христианизации населения крупнейшего государства на Северном Кавказе в эпоху средневековья, более пристально изучить исторический и социальный портрет рядовых членов христианской общины Алании и ее элиты. В результате миссионерской деятельности Византии, приведшей к крещению алан в начале X в., а также учреждению Аланской епархии в 914 г. на территории Алании получают распространение предметы мелкой христианской пластики – кресты провинциального византийского, а также древнерусского происхождения. А уже с распространением христианства в местной аланской среде возникают подражательные и имитационные типы крестов, которые не встречаются за пределами Северного Кавказа. К настоящему времени на территории Алании известно более 125 различных крестов. К этому корпусу можно добавить находки еще пяти интересных экземпляров, найденных в последние годы в восточных районах Краснодарского края, юга Ставропольского края, Республики Карачаево-Черкесия. Первый крест-квадрифолий (рис. 1, 1) – обратная створка с изображением неизвестного Святого воина (св. Георгий?), датируется второй половиной XI – XII веком. Такие кресты-квадрифолии (включая две прямые аналогии) известны на территории Алании, изначально – привозные из городских ремесленных центров малоазийских провинций Византии или Западной Грузии, или могли изготавливаться по импортным прототипам местными (либо приезжими) мастерами. Четыре следующих креста-тельника указывают на связи Алании и Древней Руси. Два креста (рис. 1, 2–3) – с трехчастными окончаниями и ромбическим средокрестием, один крест имеет следы производственного брака – правая лопасть не полностью отлилась. Данные кресты были привезены с территории Древнерусского государства, где они имеют достаточно широкое распространение и датируются рубежом XI–XII веков. Встречаются они на территории Латвии, Болгарии и Румынии, куда также импортировались. Четвертый крест (рис. 1, 4) – равноконечный с прямоугольными ветвями. Подобные кресты известны на территории Древней Руси, откуда они также поступали на Северный Кавказ, где производились кресты подражательных типов. Они датируются концом XI – началом XII века. Пятый крестик (рис. 1, 5) – с квадратной центральной частью. Подобные крестики широко встречаются во многих регионах Киевской Руси, на территории же Северного Кавказа они являлись привозными. Рассмотренные находки крестов-тельников дополняют корпус изделий мелкой христианской пластики XI–XIII вв. древнерусского происхождения, представленный на территории Алании крестами-энколпионами, литыми иконками и змеевиками. Представленные находки крестов не только пополняют свидетельства христианизации Алании в X–XII вв., но и свидетельствуют о тесных торговых, религиозных и этнокультурных контактах населения Северного Кавказа с малоазийскими провинциями Византии, с Грузией и Древней Русью.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Алания, Древняя Русь, христианство, ставрография, кресты-квадрифолии, нательные кресты.

Цитирование. Чхаидзе В. Н. Новые находки нательных крестов на территории исторической Алании (II) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 183–190. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.14>

Введение. История христианства на Северном Кавказе в эпоху средневековья сохранилась, прежде всего, в памятниках каменного зодчества – сохранных величественных храмах и в развалинах множества небольших однонефных церквей. Изучение этих памятников открывает многовековую историю христианской миссии, политические и культурные истоки и последствия выбора христианской веры северокавказскими правителями, и в первую очередь правителями Алании. В период с X по начало XIII в. на исторической территории этого государства христианская церковь переживала расцвет. Об этом свидетельствуют не только скудные данные письменных источников, но и массовый археологический материал, полученный в ходе исследования бытовых и погребальных памятников. Одной из наиболее показательных категорий находок являются предметы ставрографии – кресты-энколпионы, кресты-тельники, кресты-квадрифолии. В отличие от памятников храмовой архитектуры, запечатлевших государственную программу христианизации населения, величие и твердость устоев христианской религии, ставрографические находки позволяют чуть более пристально рассмотреть бытовую жизнь самих христиан, их вкусы, достаток, занятия, торговые связи, этнокультурное окружение.

Методы. Как объекты церковной археологии, предметы личного благочестия позволяют раскрыть новые данные по истории распространения христианской веры на Северном Кавказе в эпоху средневековья. Эти находки предоставляют разнообразную информацию о жизни религиозной общины и отдельных ее членов, предоставляют уникальные сведения, позволяющие делать предположения о происхождении мастеров, проживавших на территории Алании и изготавливавших предметы мелкой христианской пластики, разветвленности местных ремесленных сетей, качестве и ассортименте их продукции и пр.

В результате миссионерской деятельности Византийской империи в Северо-Западном Предкавказье в начале X в. происходит крещение алан, а уже в 914 г. учреждается Аланская епархия с центром в Нижнем Архызе (название города в источниках не сохранилось) [2, с. 14–21]. В итоге этих событий на

территории исторической Алании получают распространение предметы мелкой христианской пластики: кресты-энколпионы, простые кресты-тельники, кресты-квадрифолии византийского провинциального, а также древнерусского происхождения. С распространением христианства, помимо импортных предметов личного благочестия, в местной аланской среде возникают подражательные типы крестов, находки которых за пределами Северного Кавказа не встречаются (см.: [25, с. 56–57]).

К настоящему времени на территории исторической Алании известно более 125 различных крестов – энколпионов, тельников и квадрифолиев, суммарно датированных X–XIII вв. [28, с. 288–298, ил. 6–13; 29, с. 278–279, рис. 1]. В этой связи каждая новая находка представляет исключительный интерес.

Анализ. К корпусу крестов, происходящих с территории исторической Алании, следует добавить находки еще пяти экземпляров (один крест-квадрифолий и четыре крестательника), в последние годы найденных в восточных районах Краснодарского края, на юге Ставропольского края и в Республике Карачаево-Черкесия.

1. Створка креста-квадрифолия из медного сплава, с изображением святого воина (Карачаево-Черкесия) (рис. 1, 1). Высота – 4,5 см, размер лопастей по вертикали и горизонтали – 4,2 × 3,8 см, толщина – 0,3 см. Квадрифолий представлен в виде квадрата с округлыми углами. Оглавие отсутствует, ниже имеется отверстие для шнура (след вторичного использования). Обратная сторона плоская, края оконтурены бортиком. Лицевая сторона значительно затерта, что указывает на длительное использование изделия. Сохранились контуры фигуры неизвестного Святого воина (св. Георгий?), изображенного пешим, держащим в правой руке короткое копьё, левой рукой опирающимся на небольшой щит (округлой формы?), изображенный ребром. Фигура пропорциональна, ступни ног расставлены в стороны.

Можно полагать, что прототипом рассматриваемого креста-квадрифолия (который вторично использовался в качестве одностороннего креста) являлись кресты-реликварии (состоящие из двух створок), в форме квадрифолиев, известные на Северном Кавказе.

На крестах присутствуют различные композиции: Распятие, Богородица и Иоанн Богослов, Богородица Одигитрия, два Святых воина (см.: [15, с. 93–98, рис. 1–2, 3, 2–3, 4; 28, с. 297–298, ил. 13, 1–4]).

Две створки от этих крестов-квадрифолий из Краснодарского края можно считать прямыми аналогиями рассматриваемому: первый (двустворчатый) квадрифолий был обнаружен на р. Уруп, близ станицы Отрадной [8, рис. 21, 1; 13, с. 96–99, рис. 2, 1а–б, 2а–в; 14, с. 254–257, рис. 2; 15, с. 94–95, рис. 2, 1а–б, 2а–в; 27, с. 254, рис. 4, 1; 28, с. 297–298, ил. 13, 1]; вторая створка происходит с Ильичевского городища [26, с. 443, рис. 1, 2; 27, с. 253, рис. 3; 28, с. 298, ил. 13, 2]. На обоих квадрифолиях присутствуют следы золочения. На лицевой створке первого квадрифолия помещено изображение Распятия. На оборотных створках, аналогичных рассматриваемой, – неизвестный Святой воин с копьем в правой руке, опирающийся левой рукой на щит.

Можно полагать, что все эти кресты-квадрифолии являлись если не привозными из городских ремесленных центров малоазийских провинций Византии или Западной Грузии, то могли изготавливаться в Алании по импортным прототипам местными (либо приезжими) мастерами. Их дата: вторая половина XI – XII век.

2–3. Два бронзовых креста с трехчастными окончаниями и ромбическим средокрестием (восток Краснодарского края) (рис. 1, 2–3). Размеры первого креста: 3,3 × 2,4 см, второго – 3,2 × 2,1 см. Кресты односторонние. Оглавие в виде плоского ушка. На лицевой стороне присутствует рельефный орнамент, образующий своими концами парные выступы на лопастях. В средокрестии – ромбовидный медальон с выпуклой точкой внутри. Окончания всех четырех лопастей – криновидные, орнаментированные. В округлых медальонах внутри – спиральные завитки, символизирующие проросшее зерно. Обратная сторона гладкая. Второй крест имеет производственный брак – правая лопасть не полностью отлилась.

Данные кресты были импортированы с территории Древнерусского государства, где они имеют достаточно широкое распространение [18, с. 74, № 324–325; 5, с. 92, № 843; 9, с. 124, № 204]. При этом на Руси встречаются

кресты, лицевая сторона которых украшена желтой и зеленой эмалью [5, с. 92, № 845; 18, с. 74, № 325]. Кресты встречены в Северной Руси [10, с. 164, табл. XXI, 34; 11, с. 13, рис. 1, 8], Новгороде [20, с. 470, рис. 4, 1–2; 23, с. 50, рис. 16, 7], на Киевщине [24, табл. XXI, 243], на территории Беларуси [1, с. 22–23, рис. 6, 10–11] и пр. Такие кресты являются привозными для территории Латвии [16, с. 229, 237, рис. 2, 23], Болгарии [4, с. 237, 239, 477, № 1194–1198, обр. 69, табл. СХСІ] и Румынии [30, р. 357–358, fig. 192, 5].

Дата этих крестов: рубеж XI–XII веков. Появление их на Северном Кавказе также может являться следствием импорта.

4. Равноконечный бронзовый крест с прямоугольными ветвями (юг Ставропольского края) (рис. 1, 4) размерами 3,0 × 2,5 см. Крест односторонний, с округлыми завершениями лопастей, орнаментирован четырьмя гравированными окружностями на концах лопастей и линией, идущей по контуру и образующей крест. В центре, на кресте, имеется контурное изображение еще одного креста. Обратная сторона гладкая. Оглавие обломано.

Подобные кресты известны на территории Древней Руси ([5, с. 82, № 733; 17, с. 14, № 44] и пр.), откуда они также поступали на Северный Кавказ, где производились кресты подражательных типов (см.: [12, с. 191, рис. 3, 10; 28, с. 294, ил. 10, 10]). Их дата: конец XI – начало XII века.

5. Маленький бронзовый крестик с квадратной центральной частью (Карачаево-Черкесия) (рис. 1, 5) размерами 2,7 × 2,4 см. Крестик двусторонний. Оглавие в виде плоского ушка. Лопасты – в виде завитков, концы расширены. В квадратном средокрестии – крест в виде линий с выпуклой точкой по центру.

Прямые аналогии кресту (см.: [5, с. 40, № 347; 9, с. 216–217, № 471]). Ранее такой крестик был найден у пос. Шестая шахта (Карачаево-Черкесия) [12, с. 189, рис. 3, 6; 28, с. 294, ил. 10, 7]. Подобные крестики широко встречаются во многих регионах Киевской Руси: на Волыни, Галичине, территории Черниговского Полесья, Южного Поднепровья, на Полтавщине, в Беларуси, на севере Руси ([1, с. 28, рис. 8, 3–7; 3, с. 255, рис. 6, 2; 19, с. 250, рис. 3, 3–6; 21, с. 63, рис. 13, 12; 22, с. 198–199, рис. 5, 4; 24, табл. XVII, 182] и пр.).

Общая дата этих крестиков: XII – первая половина XIII века. Можно полагать их русское происхождение, на территории же Северного Кавказа они являлись привозными.

Рассмотренные находки крестов-тельников, безусловно, дополняют корпус изделий мелкой христианской пластики XI–XIII вв. древнерусского происхождения, представленный на территории Алании крестами-энколпионами (до 20), и, в единицах, литыми иконками и змеевиками [6, с. 83–86, рис. 1–2; 7, с. 153–155, рис. 1; 28, с. 288–290, ил. 6]. Помимо этого, можно ставить вопрос не столько об импортном проникновении этих предметов на Северный Кавказ, сколько о непосредственном присутствии в Западной Алании мастеров – выходцев из Руси, благодаря которым такие кресты-тельники и могли распространяться в аланской среде. Косвенно на это может указывать крест с производственным браком, а также год от года увеличивающееся число ставрографических находок, связанных с древнерусскими ремесленными традициями.

Результаты. Можно констатировать, что находки древнерусских крестов, а также византийских провинциальных (закавказ-

ких?) квадрифолиев в Алании свидетельствуют о тесных торговых, религиозных и этнокультурных контактах населения Северного Кавказа с малоазийскими провинциями Византии, с Грузией и Русью. Остается констатировать, что под этим воздействием в Алании начали изготавливаться кресты (и квадрифолии?) не только по импортным образцам, но и местные формы, не встреченные за пределами Кавказа. Налицо свидетельства процесса христианизации Алании в X–XIII вв., пополняющие корпус археологических источников, относящихся к церковной истории северокавказского региона.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена по гранту Российского научного фонда № 22-28-01488 по теме «Христиане Северного Кавказа X–XIII вв.: исторический, социальный и демографический портрет», <https://rscf.ru/project/22-28-01488/>.

The research is funded by the Russian Science Foundation, project 22-28-01488 on the topic “Christians of the North Caucasus of the X–XIII centuries: historical, social and demographic portrait”, <https://rscf.ru/project/22-28-01488/>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

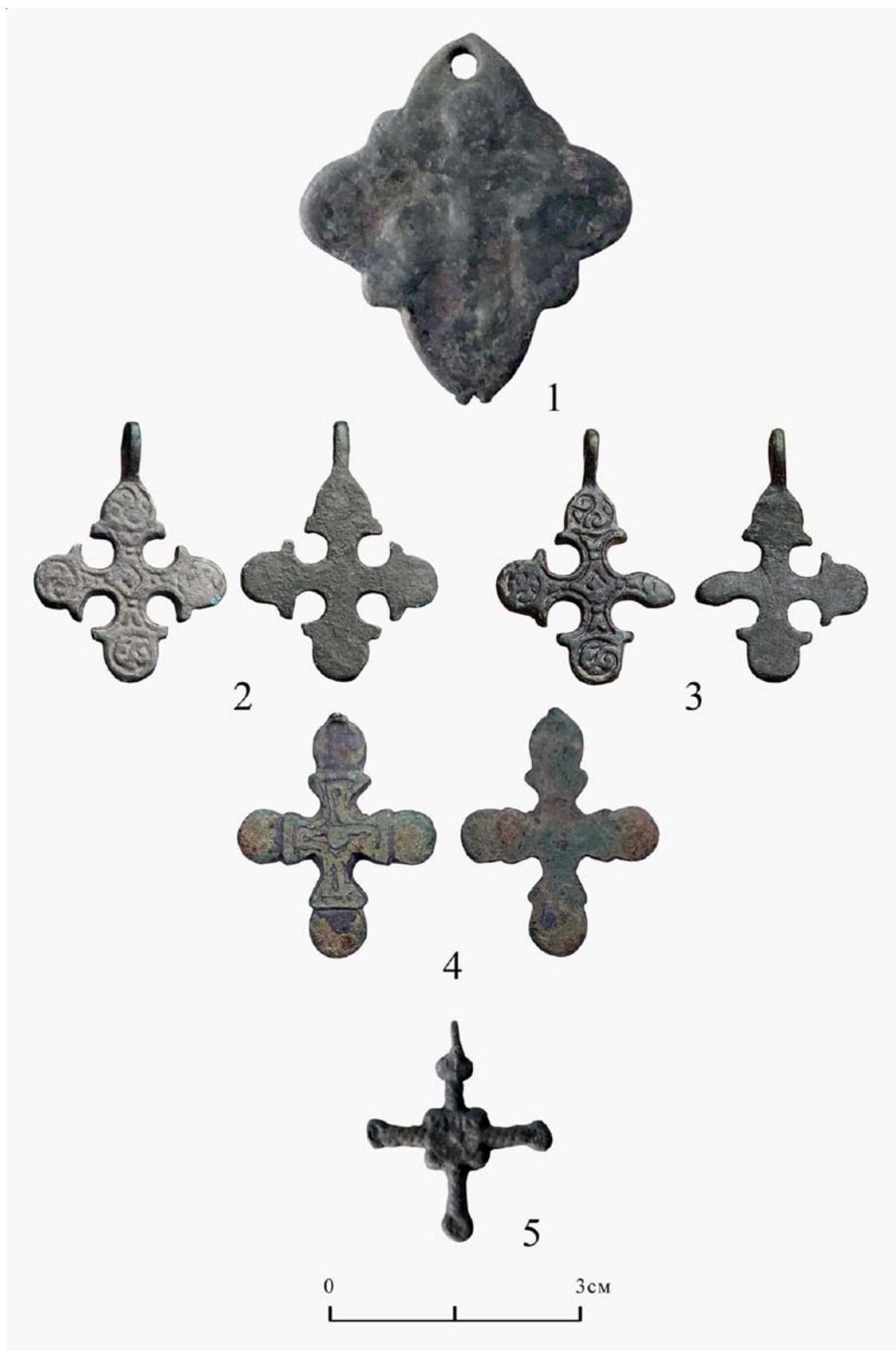

Рис. 1: 1 – квадрифолий из Карачаево-Черкесии; 2–3 – кресты из Краснодарского края; 4 – крест из Ставропольского края; 5 – крест из Карачаево-Черкесии

Fig. 1: 1 – quadrifolium from Karachay-Cherkessia; 2–3 – crosses from Krasnodar Krai; 4 – cross from Stavropol Krai; 5 – cross from Karachay-Cherkessia

REFERENCES

1. Bashkov A.A. *Khristianskie drevnosti Belarusi kontsa X–XIV v. (predmety khristianskogo kulta individualnogo ispolzovaniya)* [Christian Antiquities of Belarus of the Late 10th–14th Centuries (Objects of the Christian Cult of Individual Use)]. Minsk, Izd. I.P. Logvinov, 2011. 193 p.
2. Beletskiy D.V., Vinogradov A.Yu. *Istoriya i iskusstvo khristianskoy Alanii* [History and Art of Christian Alania]. Moscow, IV RAN Publ., 2021. 440 p.
3. Vlasova G.M. Bronzovye izdeliya XI–XIII vv. iz s. Zelenche [Bronze Products of the 11th–13th Centuries from the Village of Zelenche]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Materials on Archaeology of the Northern Black Sea Region]. Vol. IV. Odessa, Odes. kn. izd-vo, 1962, pp. 246–259.
4. Doncheva-Petkova L. *Srednovekovni krestovi-enkolpioni ot Balgariya (IX–XIV vv.)* [Medieval Crosses-Encolpia from Bulgaria (9th–14th Century)]. Sofia, Prof. Marin Drinov Publ., 2011. 752 p.
5. Kayl V.A., Nechitaylo V.V. *Katalog natelnykh khristianskikh krestov, podvesok i nakladok s izobrazheniem kresta perioda Kievskoy Rusi X–XIII st.* [Catalogue of Christian Crosses, Pendants and Linings Depicting the Cross of the Kievan Rus Period of the 10th–13th Centuries]. Lugansk, s.n., 2006. 128 p.
6. Kuznetsov V.A. Enkolpiony Severnogo Kavkaza [Encolpia of the North Caucasus]. *Slavyane i Rus* [The Slavs and Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 80–86.
7. Kuznetsov V.A. Drevnerusskie predmety, naydennye na Severnom Kavkaze [Ancient Russian Objects Found in the North Caucasus]. *Drevnie slavyane i ikh sosedi* [Ancient Slavs and Their Neighbors]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 153–155.
8. Kuznetsov V.A. *Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV veka* [Christianity in the North Caucasus Before the 15th Century]. Vladikavkaz, Ir Publ., 2002. 159 p.
9. Kutasov S.N., Seleznev S.N. *Natelnye kresty, krestovklyuchennye i krestovidnye podveski* [Body Crosses, Cross-Connected and Cross-Shaped Pendants]. Moscow, Iskateli Publ., 2010. 320 p.
10. Makarov N.A. *Naselenie russkogo Severa v XI–XIII vv.: po materialam mogilnikov vostochnogo Prionezh'ya* [The Population of the Russian North in the 11th–13th Centuries: Based on the Materials of the Burial Grounds of the Eastern Prionezh'ye]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 216 p.
11. Makarov N.A. K otsenke khristianizatsii drevnerusskoy derevni v XI–XIII vv. (Pogrebeniya s krestami i obrazkami v mogilnikakh Belozerya i Kargopolya) [In the Evaluation of the Christianization of the Old Russian Village in the 11th–13th Centuries (Burials with Crosses and Icons in the Burial Grounds of Belozerye and Kargopolye)]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology], 1991, vol. 205, pp. 11–21.
12. Malakhov S.N. Srednevekoveye enkolpiony i kresty-telniki iz Verkhnego Prikubanya [Medieval Encolpions and Crosses from the Upper Prikuban]. *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza* [Antiquities of the Western Caucasus]. Vol. 1. Krasnodar, Krasnodarskiy gosudarstvennyy istoriko-arkheologicheskiy muzey-zapovednik, 2013, pp. 183–194.
13. Malakhov S.N. Materialy k tserkovnoy arkheologii Alanii (3) [Materials for the Church Archaeology of Alanya (3)]. *Iz istorii kultury narodov Severnogo Kavkaza* [From the History of Culture of the Peoples of the North Caucasus]. Vol. 6. Stavropol, Izd-vo Grafa, 2014, pp. 92–102.
14. Malakhov S.N. *Alaniya i Vizantiya. Istochnikovedcheskie aspekty politicheskikh i tserkovnykh svyazey* [Alania and Byzantium. Source Studies Aspects of Political and Church Relations]. Moscow, SEM Publ., 2015. 372 p.
15. Malakhov S.N. Kresty s izobrazheniem svyatykh voinov iz srednevekovoy Alanii [Crosses Depicting Holy Warriors from Medieval Alanya]. *Islam i khristianstvo v sudbakh narodov Kavkaza* [Islam and Christianity in the Destinies of the Peoples of the Caucasus]. Pyatigorsk, s.n., 2015, pp. 92–100.
16. Mugurevich E. Krestovidnye podveski XI–XV vekov v Latvii [Cross-Shaped Pendants of the 11th–15th Centuries in Latvia]. *Arheologija un Etnografija* [Archaeology and Ethnography], 1974, vol. XI, pp. 222–237.
17. Muraveva A.N. *Enkolpiony i kresty-telniki XI – n. XVI v. iz arkheologicheskikh kollektсий Vladimiro-Suzdalskogo muzeya-zapovednika. Katalog* [Encolpions and Crosses of the 11th–Early 16th Centuries from the Archaeological Collections of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve. Catalogue]. Vladimir, Vladimiro-Suzdalskiy Muзей-Zapovednik, 1999. 27 p.
18. Nechitaylo V.V. *Katalog khristianskikh nagrudnikh vyrobiv mystetstva periodu Kyivskoi Rusi X – persha polovina XIII st.* [Catalogue of Christian Breastplates of the Kievan Rus Period of the 10th–13th Centuries]. Kyiv, s. n., 2001. 94 p.
19. Pavlova M.P. Natilni khresty s poseleennia Feofaniia (rozkopky 2016–2017 rr.) [Cross Pendants from Feofania (2016–2017 Excavations)]. *Arkheologiya i davnia istoriya Ukrainy* [Archaeology and Ancient History of Ukraine], 2019, vol. 4 (33), pp. 247–254.
20. Pokrovskaya L.V., Stepanov A.M., Singkh V.K. *Natelnye kresty, krestovidnye i krestovklyuchennye priveski XI – nachala XII v. (po materialam Troitskikh XIII i XIV raskopov)* [Pendant Crosses, Cross-Like Pendants and Pendants with Inscribed Crosses of the 11th–Early 12th Century (Based on Materials from

Excavations Troitsky 13th and Troitsky 14th in Novgorod)]. *V kamne i v bronze. Sbornik statey v chest Anny Peskovoy* [In Stone and Bronze. Essays Presented in Honor of Anna Peskova]. Saint Petersburg, ИМК РАН Publ., 2017, pp. 467-474.

21. Prishchepa B. Arkheologichni doslidzhennia sadib epokhi Kyivskoi Rusi na posadi kniazhoi Peresopnitsi [Archaeological Research of Estates of the Kievan Rus Epoch on the Prince's Peresopnitsa Posad]. *Volyno-podilski arkheologichni studii* [Volyn-Podolsk Archaeological Studies]. Vol. 3. Lutsk, Volynsky kraieznavchyi muzei, 2012, pp. 61-75.

22. Savitskii V. Nagrudni miniaturni khresty ta pidvisky z khrestamy kniazhoi doby u zbirtsi Liubomlskogo kraieznavchogo muzeiu [Chest Miniature Crosses and Pendants with Crosses of the Princely Era in the Collection of the Lyubomlsky Museum of Local Lore]. *Kniazha doba: istoriia i kultura* [Princely Epoch: History and Culture]. Vol. 8. Lviv, Institut ukrainoznavstva NANU, 2014, pp. 181-207.

23. Sedova M.V. *Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X-XV vv.)* [Jewelry of Ancient Novgorod (10th–15th Centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 196 p.

24. Khanenko B.I., Khanenko V.N. *Drevnosti russkie. Kresty i obrazki* [Russian Antiquities. Crosses and Icons]. Vol. II. Kiev, s.n., 1900. 66 p.

25. Chkhaidze V.N. Vizantiyskie kresty-enkolpiony i telniki na Severnom Kavkaze i ikh alanskie derivaty [Byzantine Crosses-Encolpia and Pectoral Crosses in the North Caucasus and Their Alan Derivatives]. *Vizantiyskiy mir: realii i interpretatsii: tez. dokl. XIV nauch. Syuzumovskikh chteniy* [Byzantine World: Realities and Interpretations. Abstracts of the 14th Scientific Suzumov Readings]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2018, pp. 55-57.

26. Chkhaidze V.N. Dva alanskikh natelnykh kresta s Ilichevskogo gorodishcha [Two Alan Crosses from the

Ilichevsky Settlement]. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktualnye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashh. 50-letiyu Krupnovskikh chteniy i 50-letiyu Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Archaeological Heritage of the Caucasus: Actual Problems of Study and Preservation. 31st Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov Readings and the 50th Anniversary of the Derbent Archaeological Expedition]. Makhachkala, Maraev Publ., 2020, pp. 442-444.

27. Chkhaidze V.N. Novye nakhodki alanskikh natelnykh krestov na Ilichevskom gorodishche [New Finds of Alan Pectoral Crosses on the Ilyich Settlement]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus], 2020, vol. 18, pp. 252-259.

28. Chkhaidze V.N. Kresty Alanii (X–XIII vv.) [Crosses of Alanya (10th – 13th Centuries)]. Beletskiy D.V., Vinogradov A.Yu. *Istoriya i iskusstvo khristianskoy Alanii* [History and Art of Christian Alania]. Moscow, IV RAN Publ., 2021, pp. 282-298.

29. Chkhaidze V.N. New Findings of Crosses on the Territory of Historical Alania. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 276-283. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.17>

30. Barnea I. Obiecte de cult. *Dinogetia. I. Așezarea feudală timpurie de la Biserica-Ţa-Garvăn*. Bukurești, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1967, pp. 357-366.

Information About the Author

Viktor N. Chkhaidze, Candidate of Sciences (History), Head of the Centre for Byzantine-Caucasian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation, chkhaidze@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0806-6218>

Информация об авторе

Виктор Николаевич Чхаидзе, кандидат исторических наук, заведующий Центром византийско-кавказских исследований, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация, chkhaidze@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0806-6218>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.15>

UDC 94(395.5)
LBC 63.3(5Арм)4

Submitted: 04.10.2022
Accepted: 25.10.2023

THE QUESTION OF BYZANTINE ARMENIA IN “ANCIENT ARMENIAN GEOGRAPHY” (OR “ASHKHARATSUYTS”)

Hakob Zh. Harutyunyan

Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia

Abstract. *Introduction.* Until now, the issue of four Byzantine (Justinian) Armenias in historiography has been considered according to the data of the Byzantine historian of the 6th century Procopius of Caesarea, which does not give grounds for a final answer to the questions posed. *Analysis.* When comparing the data of Procopius with the information of “Ashkharatsuyts” (“Ancient Armenian Geography”), we find many discrepancies (especially when considering the contour of the borders of I, II and III Armenias). According to the “Ancient Armenian Geography”, the territory of I Armenia was expanded both at the expense of the other two, and at the expense of Cilicia and northwestern Syria. *Results.* So, under Emperor Justinian, a new defensive line was created, which we for the first time in historiography called the “Mamikonian line”. One can rely on the information of Ashkharatsuyts almost without hesitation, since this work was written in the 5th – 7th centuries, and the lion’s share of the information was supplemented by the second author of the work, Anania Shirakatsi (it is convincingly proven that the first author was the father of Armenian historiography, Movses Khorenatsi). Justinian trusted the Mamikonian family, being convinced that they had previously faithfully served the kings of Greater Armenia, the Arshakids, and was practically not mistaken in his calculations.

Key words: Ashkharatsuyts (Ancient Armenian geography), Byzantium, Armenia (Byzantine), Mamikonians, administrative-territorial divisions, authors of Ashkharatsuyts, Justinian.

Citation. Harutyunyan H.Zh. The Question of Byzantine Armenia in “Ancient Armenian Geography” (or “Ashkharatsuyts”). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 191-200. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.15>

УДК 94(395.5)
ББК 63.3(5Арм)4

Дата поступления статьи: 04.10.2022
Дата принятия статьи: 25.10.2023

ВОПРОС ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМЕНИИ В «ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ» (ИЛИ «АШХАРАЦУЙЦЕ»)

Акоп Жораевич Арутюнян

Ереванский государственный университет, г. Ереван, Республика Армения

Аннотация. До настоящего времени вопрос четырех византийских (юстиниановских) Армений в историографии рассматривался на основе данных византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского, что не дает оснований для окончательного ответа на многие вопросы. При сопоставлении данных Прокопия со сведениями «Ашхарацуйца» («Древнеармянской географии») мы находим множество несовпадений (особенно при рассмотрении контура границ I, II и III Армений). По сведениям «Древнеармянской географии», территория I Армении была расширена как за счет двух остальных, так и за счет Киликии и северо-западной Сирии. Итак, при императоре Юстиниане была создана новая оборонительная линия, которую мы впервые в историографии назвали «линией Мамиконянов». На сведения «Ашхарацуйца» можно опираться почти без колебаний, поскольку данный труд был написан в V–VII вв., и большая доля сведений была дополнена вторым автором работы – Ананией Ширакаци (мы считаем, что первым автором был отец армянской историографии Мовсес Хоренаци). Юстиниан доверял роду Мамиконянов, будучи убежденным в том, что они раньше верно служили царям Великой Армении Аршакидов, и практически не ошибся в своих расчетах.

Ключевые слова: «Ашхарацуйц» («Древнеармянская география»), Византия, Армения (Византийская), Мамиконяны, административно-территориальные деления, авторы «Ашхарацуйца», Юстиниан.

Цитирование. Арутюнян А. Ж. Вопрос Византийской Армении в «Древнеармянской географии» (или «Ашхарацуйце») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 191–200. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.15>

Введение. Вопрос территории Византийской Армении (или четырех Армений) принято рассматривать согласно данным 31-й Новеллы (Novellae Constitutiones, Νεαραὶ διατάξεις) императора Юстиниана (527–565 гг.) от 18 марта 536 г. «Об учреждении четырех архонтов в Армении»¹. Нам кажется, что следует расширить круг изучения данной проблемы, поскольку исследователями до настоящего времени игнорировались данные «Ашхарацуйца», или «Древнеармянской географии» (дослов. пер. «Карта мира», или «Показ мира»). Проблема заключается в том, что данный источник рассматривает вопрос, как подсказывает само название, в географическом ракурсе. Поскольку «Ашхарацуйц» является литературным памятником V–VII вв., в начале изложения мы должны остановиться на вопросах, которые напрямую связаны с дальнейшими нашими выводами [9; 10; 11].

Метод. Методологической основой исследования является рассмотрение сведений источников в историко-сравнительном ракурсе, герменевтический анализ всех сведений «Ашхарацуйца» о четырех Армениях. С другой стороны, очень важными представляются сведения Прокопия Кесарийского о делении армянских земель, перешедших к Римской империи, а далее – Византии после 387 г. и в последующие времена. Для Византийской империи перекройка границ четырех Армений имела важное стратегическое значение. К такому заключению можно прийти после системного анализа сведений двух вышеназванных источников, а также сопоставляя эти данные со сведениями античных источников.

Анализ. Первый автор «Ашхарацуйца» Мовсес Хоренаци в главе «О войне с ассирийцами и победе; о Пайаписе Каалеа и Кесарии и о Первой и прочих Армениях» пишет: «Однако он (Арам Айказуни (Արամ Հայկազունի), царь Армении в 1827–1769 гг. до н. э. из династии Хайкидов; на арм. яз. Հայկազունի. – А. А.) предписывает жителям страны научиться армянской речи и языку. Вот почему греки и поныне называют эту страну

Проти (Փրութի, Πρότερος, – А. А.) Армения, что в переводе означает «Первая Армения». Дастакерт же, построенный и обведенный невысокой стеной наместником Арама Мшаком и названный им по своему имени, коренные жители этой страны, не умея правильно произнести, именовали «Мажак», пока в дальнейшем другие не обстроили и не расширили его и не назвали Кесарией. В том же порядке Арам, начиная от этих мест до своих исконных границ, заселил многие пустынные земли, которые были названы *Второй* и *Третьей* Армениями, как и *Четвертой* (Четвертую Армению античные авторы называли *Софена*, в армянских источниках нередко встречается название *Цопк*. – выделено нами. – А. А.). Такова первоначальная и истинная причина наименования нашего западного края Первой и Второй, а также Третьей и Четвертой Армениями. Другое же, что утверждают некоторые в греческой стороне, – для нас неприемлемо; прочие (пусть думают), как хотят» (Хоренаци. I, 14). Это первое и последнее упоминание о четырех Армениях, хотя в хронологическом аспекте оно анахронично, ибо армянский историк говорит о событиях конца XIX – начала XVIII в. до н. э.² Если этот текст сравнить со сведениями «Ашхарацуйца», то выявляется совершенно иная картина. Здесь упоминается сначала Вторая Армения, затем Первая и, наконец, Третья. Что касается Четвертой, то о ней «Ашхарацуйц» говорит при описании царства Великой Армении. Речь идет о провинции Цопк в своих естественных границах, а не о юстиниановской Четвертой Армении³. Дело в том, что эти четыре Армении никогда не были самостоятельными государствами, как это представлено в «Ашхарацуйце». Значит, кто-то после авторов армянского источника (Мовсес Хоренаци и Анания Ширакаци) искажил данные. Хоренаци как патриоту явно было не по душе говорить о четырех Армениях. Перелистывая его «Историю», мы видим, что он не только неоднократно говорит о византийцах как о жителях этой страны, но и при этом иногда называет Восточно-Римскую

империю Византией [20, III, 13, 20 и дал.]. Для него географические названия Константинополь и Византия являются синонимами. Следует добавить, что Хоренаци в своих трудах также иногда именует Восточно-Римскую империю «Греческим уделом» [20, III, 43, 48, 49 и дал.]. Нам кажется, что: 1) ни Хоренаци, ни Ширакаци никогда не стали бы говорить о юстиниановских Армениях как о государствах, как это упомянуто в «Ашхарацуйце»; 2) авторы никогда не нарушили бы очередность при перечислении первых трех Армений (в тексте «Ашхарацуйца» первой упомянута Вторая Армения, затем Первая, а последней – Третья); 3) Хоренаци, по всей вероятности, ограничился только перечислением четырех Армений, а Ширакаци как географ-естествознаватель к основному тексту добавил главным образом орографию этих Армений, и далее – весьма поверхностно – гидрографию; 4) юстиниановские Армения упомянуты как 17-я страна *Всеобщей Азии* (выделено нами. – А. А.) (см.: [4, V, 83] (16-я – Кипр, 18-я – Азиатская Сарматия); 2, V, 59 (19-я страна – Вторая, 20-я – Первая и 21-я – Третья Армения в его списке, здесь 18-я страна – Кипр, 22-я – Каппадокийский Понт); 22, V, с. 33 (паткановское издание «Ашхарацуйца» в этом отрезке полностью соответствует изданию А.А. Акопяна [2, V, 59–67])). Однако на этом недочеты «Ашхарацуйца» не заканчиваются: 5) переписчик армянского источника явно плохо знал (или совсем не знал) географию. Так, в «Ашхарацуйце» перечисление азиатских стран начинается с полуострова Малая Азия (1-я страна – Вифиния во всех трех использованных нами изданиях «Ашхарацуйца»), далее названы остальные страны полуострова, однако при этом совсем «неподходящее» место отведено юстиниановским Армениям, которые представлены после Кипра, а не наоборот. Итак, мы вплотную подошли к вопросу рассмотрения Армения по «Ашхарацуйцу» [7; 12].

До Юстиниана армянские территории, входившие в состав империи, состояли из трех частей: а) Малая Армения (Armenia Minor); б) Внутренняя Армения (Armenia Interior, маленькая северо-западная окраина бывшей Великой Армении, перешедшей Риму после раздела царства в 387 г.). В состав Внутренней Армения входили 9 или 11 провинций соглас-

но разным спискам. Мы представим список в расширенном варианте: Екегеац по К.П. Патканову (у Н. Адонца Екелесена, на арм. точнее Екехиq/Եկեղիք), Держжан, Мананаги по К.П. Патканову (Маналия, согласно Н. Адонцу, точнее Мананахи / Մանանիք), Даранаги по К.П. Патканову (Дараналия, согласно Н. Адонцу, на арм. точнее Даранахи / Դարանիք), Хордзиан (у К.П. Патканова эта провинция отсутствует ⁴), Мендзур по К.П. Патканову (у Н. Адонца Мундзур, на арм. точнее Мзур / Մզուր), Палнатун (у К.П. Патканова эта провинция иногда включается в состав Цопка ⁵), Аливи по Н. Адонцу (К.П. Патканов ошибочно пишет Арюц (Арьюць), Шатгомк по К.П. Патканову (Н. Адонц правильно пишет Шалагом / Շաղաղոմ), наконец, названия Карин и Спер у обоих исследователей ⁶; в) автономные княжества, или сатрапии, которых было 5 или 6 (иногда обе Софены считаются как одна) – Андзит, Ингилен (Իγγիլեն, Ingilena, на арм. яз. Ангех Тун / Անգեղ տուն), Астианена (на арм. һаштеанq / Հաշտեանք), Балабитене (на арм. Балаховит / Բախովիտ), Софена, или Большой Цопк, и Софанена, или Маленький Цопк (который также именовали Шахидским, чтобы избежать путаницы между двумя Цопками).

Из перечисленных выше территориальных делений в какой-то исторический период государственность имели только Малая Армения и Большой Цопк. Малая Армения приобрела независимость после сражения при Гавгамелах 331 г. до н. э.

Благодаря походу Александра Македонского Армения получила независимость. Возникли два царства – *Великая Армения* и *Малая Армения*. О том, что происходило на данной территории, рассказывает Курций Руф [29, III, II, 6, IV, XII, 12]. Об этих событиях упоминает и Арриан: «Армянами руководили Оронт (Ορόντης) и Митрауст (Μιθραύστης)...» [26, III, VIII, 5]. Согласно античным историкам Великая и Малая Армения после сражения под Гавгамелами приобрели независимость. Царем Великой Армения стал Оронт. Об этом говорит Диодор Сицилийский: «Письмо, которое было написано на ассирийском, было послано от Оронта, который правил в сатрапии Армения (речь идет о существовании XIII сатрапии в период правления Ахеменидов; сатрапия практически соответствовала занимаемой

территории вновь основанной Великой Армении. – А. А.) и был другом Певкеста» [27, XIX, XXIII, 3].

В настоящий момент очень трудно определить точный период времени этого важного события. Мы можем только предположить, что Митрауст и Ерванд (он же Оронт) перед сражением при Гавгамелах провозгласили независимость Армении. Приняв за основу это предположение, надо будет решить другую проблему, а именно: что заставило военачальников Митрауста и Ерванда (Оронта) принять участие в сражении против Александра Македонского?

Историческим периодом провозглашения независимости можно считать временной отрезок, датируемый до сражения при Гавгамелах – после октября 331 года. В это время потерпел поражение Дарий III Кодоман (336–330 гг.), а армянские военачальники, возвращаясь в Армению из Гавгамел, успешно разделили между собой территорию недавно освобожденной Армении. После этих событий в самом начале своего правления Митридат VI Понтийский (Евпатор, Μιθραδάτης Στ' Εὐπάτωρ, прав. 117–63 гг.) присоединил к Понту Малую Армению. С этого времени данное царство лишилось государственности. Общеизвестен факт, что Феодосий Великий (Theodosius Magnus, Θεοδοσίος ὁ Μέγας, прав. 379–395 гг.) превратил Малую Армению в две провинции – Первую Армению со столицей Себастия и Вторую Армению, столицей которой была Мелитена (на арм. яз. Малатья / Ушцшрһш). Этот статус Малой Армении сохранился до реформ Юстиниана. Софена имела государственность с 189 по 94 г. до н. э. [8].

Итак, государственность имели Малая Армения и Софена. Что касается Внутренней Армении, она всегда находилась в составе Великой Армении. Вышеперечисленные 11 провинций находились в составе армянской «Ашхарацуйцовской» провинции Бардзр Айк (или Барцр (Бардзр), на арм. яз. – Высокая Армения / Բարձր Հայք).

В Новелле Юстиниана о I Армении читаем: «...Мы отводим ей города Феодосиополь, что и раньше принадлежал ей, Саталу, Никополь, Колонию, отняв их у так называемой Первой Армении, еще Трапезунт и Керасунт из состава бывшего Понта Полемонийского...

образуем целую провинцию из семи городов с их окрестными землями» [1, с. 166; 16, с. 303]. Столицей стал г. Юстинианополь (Цумина).

О Первой Армении в «Ашхарацуйце» читаем: «Семнадцатая страна всеобщей Азии Вторая Армения (хайк / Հայք, на арм. яз. – А. А.), которая ныне называется Первая Армения. Находится восточнее Киликии и Таврских гор, доходит до гор Амана (Аманос / Ամանոս, на арм. яз. – А. А.), который отделяет ее от Ассирийской Коммагены и [распространяется] до Евфрата. Имеет реки с именами Зигон-Басилик (Басиликон / Բազիլիկոն, на арм. яз. – А. А.) и Ороманд (Оромандон / Օրմանդոն, на арм. яз. – А. А.), Пюрам (Пюрамис / Պյրմիսի на арм. яз. – А. А.), Парат (Паратис / Պարտիս на арм. яз. – А. А.) [Мела (Мелас / Մելաս на арм. яз. – А. А.)], Киакк (Киаккас / Կիակկաս, на арм. яз. – А. А.) и Каромо (Каромосос / Կարմոսոս на арм. яз. – А. А.) и двое ворот в направлении входа в Сирию» [4, V, 83–85]. При сопоставлении этих двух текстов мы видим огромную разницу в их содержании. Из семи городов юстиниановского текста южнее всего находились города Сатала (на 40° параллели), чуть южнее этой параллели – г. Феодосиополь (Карин). Южнее этих городов находилась новая столица данного административного деления Юстинианополь-Цумина, которая в армянских текстах известна под названием Чермес⁷. Чермес находился еще южнее в составе провинции Екелесена (Աκίλισσην у Птолемея и Страбона; см.: [28, V, XIII, 5; 30, XI, XIV, 2, 5 и дал.]). Эти данные дополняются не только «Ашхарацуйцем», но и «Историей Армении» Мовсеса Хоренаци [20, II, 60, 62, 91 и дал.]. Фактически получается, что провинции Великой Армении произвольно были разделены на две части, поскольку располагавшиеся южнее и западнее провинции Мзур, Даранали и Аливи были отданы новоорганизованной Юстинианом Второй Армении. Однако «Ашхарацуйц» доводит юго-западные рубежи до гор Тавра. Верно, что крайнее западное окончание этих гор – восток Киликии, где они сливаются с горами Аманоса, так как тянутся в направлении с северо-востока на юго-запад. В западном конце гор Армянского Тавра совершенно справедливо (южнее этих гор) представлена Ассирийская Коммагена, по территории которой протекает Евфрат (вернее,

западный Евфрат, находится на северных подножиях Аманоса или Черных гор).

Итак, благодаря орографическому описанию мы имеем возможность достаточно подробно представить, какие территориальные изменения претерпела юстиниановская I Армения после реформ императора в последующие времена. Далее в тексте армянского источника представлена география в гидрографическом ракурсе. Первой названа река Зигон-Басиликон, которая по непонятным причинам названа ошибочно: этот топоним обозначает горы⁸, которые на востоке начинаются с древнеармянского города Лусатарич (находился в провинции Гаврек в Четвертой Армении, ныне город Капан-Маден в Турции, в провинции Элязыг), где сливаются реки Евфрат и Арацани и на северо-западе тянутся до гор Антитавра. Далее протекает река Ороманд – приток реки хурман-Дереса. Реки Ороманд и Мелас (течет чуть севернее города Мелитене-Малатья) из списка армянского источника – это левые притоки Евфрата. Ороманд – это также название гор, расположенных южнее Антитавра и составляющих с ним единое целое. Потому иногда горы Ороманд называют Антитавром. Эти горы на северо-восточной окраине пересекаются с горами Зигон-Басиликон и образуют тупой угол. Если река Ороманд – это левый приток Евфрата, то Пюрам и Парат – правые. С гор Зигон-Басиликона берут начало реки Киаккас (Киакк) и Каромосос (Каромос), которые также являются левыми притоками Евфрата.

Таким образом, если с помощью орографии «Ашхарацуйц» определяет новые южные границы I Армении, то с помощью гидрографии – северные рубежи. Это говорит о том, что территория I Армении в постюстиниановскую эру удвоилась. Что касается двух ворот (проходов) на сирийской границе, то первые – это Киликийские ворота (ворота Малис, ныне перевал Арсланбохаз у города Зенджирли, где в эпоху хеттов находился Самаль). Вторые ворота – Ассирийские или Платана (не путать с Ассирийскими Воротами Джебель-Макхуль и Джебель-Хамрин, которые находятся на р. Тигр, на территории современного Ирака)⁹. Ворота Платана в горах Аманоса, юго-восточнее которых находится античный город Антиохия (Антиохия-на-Оронте (Ἀντιόχεια ἢ ἐπὶ Ὀρόντου, в арм. источниках Авагн Антиоц

/ Ավազὺ Ὀւնիոք (Старшая Антиохия, именовалась также Антиохия Великая, Ἀντιόχεια ἡ Μεγάλη)). Итак, на крайнем юге узкой полосой I Армения доходила до этих ворот.

Перейдем к вопросу II Армении по «Ашхарацуйцу»: «Первая Армения, которая ныне называется Второй Арменией, находится восточнее Каппадокии и по долготе распространяется до Евфрата. Имеет гору Арг (Аргос / Արցու, на арм. яз. – А. А.), реку Галис (на арм. яз. ԿԱԼԻՍ / Հալիս, Ἴαλις) и еще тридцать маленьких рек» [4, V, 86–87]. Расположение I Армении помогает определить границы II Армении, ядром которой была Каппадокия (Καππαδοκία, Cappadocia, в арм. источниках Гамирк / Գաւիրք (Gamirk) со столицей Кесария (поэтому ее часто называют Кесария Каппадокийская, чтобы не путать с Кесариями Палестинской, Ливанской, Мавританской и Филипповой)) [25]. Малоазийская Кесария была местом рукоположения первых армянских католиков и более известна под названием Мажак. В «Ашхарацуйце» совершенно справедливо Арг (на арм. Аргос / Արցու, точнее Аргэос) представлен как западная окраина II Армении, возле г. Кесария, а на востоке она доходит до р. Галис. В урбанизационном аспекте II Армения не претерпела никаких изменений. Об этом свидетельствует юстиниановский текст: «Вторая Армения организуется из бывшей Первой Армении с первенствующим в ней городом Севастия. Ей уделяем Севастополь, что и раньше принадлежал ей, сверх того, Коману из прежнего Понта Полемонийского, Зелу из Еленопонта и еще Брису. Таким образом, провинция эта заключается в пяти городах...» [1, с. 166–167; 16, с. 303–304]. Если учесть, что Галис – самая длинная река в Малой Азии (1 151 км), упоминание о 30 маленьких реках в данном регионе может вполне соответствовать действительности. В этом регионе самый известный приток Галиса – Каппадокс (Καππάδοξ, ныне Делиджеырмак). Эта река, в свою очередь, образуется слиянием Канака и Карасу (притоки Каппадокса Кыльчезю, Будакезю, античные имена этих рек неизвестны).

Затем упоминается III Армения: «Далее устанавливаем и Третью Армению, что прежде называлась Второй, резиденцией которой является древний город Мелитена... отстоящий недалеко от течений Евфрата...

Ей отводятся города Арка, Арабиссон (в арм. пер. Р.М. Бартикяна – Арабиссос. – *А. А.*), Ариаратия, другая Комана (Золотая), Кукусон (в арм. пер. Р.М. Бартикяна – Кукусос. – *А. А.*), которые она и раньше заключила в себе, состоя из территории шести городов» [1, с. 167–168; 16, с. 304]. «Третья Армения, которая находится восточнее Каппадокии и по долготе распространяется до Евфрата, имеет две реки и двадцать две большие горы» [4, V, 88]. Города III Армении находились в южной половине, а южнее всех располагался Кукусон-Кукусос (Κουκουσός; именуется также Кокисон, ныне Гёксун в Турции). Арабиссон в настоящее время известен под названием Ярпуз [23, с. 166, 167, 169]. Город Арка находился чуть западнее Мелитены. Ариаратия (Ἀριάρθεια) находится на р. Цамндав (ныне Заманты-су, Страбон упоминает ее под названием Кармал, см.: [30, XII, II, 5, 8]). Наконец, Команы (речь идет о Золотой Комане (Comana Chryse, или Каппадокийская Комана на реке Саросе, об этой Комане упоминает и Страбон, см.: [30, XI, XII, 2, XII, II, 3, III, 33 и дал.]))¹⁰.

Не случайно, что после каппадокийской Команы следует описание Каппадокийского Понта: «[Каппадокийский Понт находится восточнее Полемонского Понта, на побережье, и распространяется до Мосхийских (Москких, Μοσχικά, Мосқакан / УпцӀишцӀишцӀи, на арм. яз. – *А. А.*) гор, которые отделяют его от Великой Армении. Имеет три горы и четыре реки» [4, V, 89–90]. Реорганизация Каппадокий была произведена в тот же год (18 марта 536 г.), что и четырех юстиниановских Армений¹¹. Итак, была отнята часть III Армении в пользу I-й. Далее к I-й присоединили часть Каппадокии. Поскольку в «Ашхарацуйце» при описании 15 провинций Великой Армении второй упоминается география Софены, авторы «Ашхарацуйца» в разделе четырех Армений ничего не говорят о Софене¹².

Мы вплотную подошли к ответу на вопрос: «Зачем, по какой причине были организованы эти территориальные изменения?». Если в период византийско-сасанидского противостояния юстиниановские деления соответствовали интересам империи, то накануне арабских нашествий надо было предпринять новые шаги и провести изменения для укрепления обороноспособности.

Результаты. Итак, I Армения была расширена как за счет территорий II и III Армений, так и узкой полосой до Киликийских ворот и г. Антиохия. В столицу I Армении Цумина вновь переселились правящие после упадка государственности в Великой Армении Аршакиды (с 387 г.). Они предпочитали жить под властью христианских императоров, нежели персов-зороастрийцев. После 428 г. усилился процесс переселения армян в западную часть Армении, как простолюдинов, так и верхушки общества, в том числе и Аршакидов. На закате государственности Великой Армении самыми верными слугами Аршакидов были Мамиконяны, которые заняли должность спарпетов (должность верховного главнокомандующего войском)¹³. Естественно, первыми из всех переселившихся были именно Мамиконяны. Для обеспечения обороноспособности империя организовала новую оборонительную линию, которую без колебаний можно назвать «линией Мамиконянов». А почему не Аршакидов? Если династия последних находилась в упадке, то с Мамиконянами все было наоборот. Достаточно упомянуть имена византийских императоров из рода Мамиконянов – Артавазда (Ἀρταύασδος, 741–743 гг.) и Льва (Левона) V Армянина (Λέων Ε΄ ὁ Ἀρμένιος) 813–820 гг.; правда, есть мнение, что он из армянского рода Арцруни. Наконец, можно предположить, что оборонительную «линию Мамиконянов» начал строить император Ираклий I (610–641 гг.), а завершил Константин II (641–668 гг.), когда начался натиск арабов на Византию.

Итак, сведения «Ашхарацуйца» о первых трех Армениях, организованных Юстинианом в других границах, представлены в исследованном нами армянском источнике, на который до сих пор никто из ученых не обращал внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст см.: [1, с. 165 и дал.; 16, с. 303–306].

² Что касается Четвертой Армении, то автор упоминает о ней и в дальнейшем, см.: [20, II, 8, 91, III, 34]. Хоренаци также несколько раз упоминает данную территорию в варианте Цопк (на арм. яз. Շօփք (Tsop'k'), Софене, Σοφηνή, Sophene), см.: [20, II, 84, III, 4, 9, 45].

³ См.: [4, с. 285, 292 (на арм. яз.); 2, V, 59–65, 123–129 (на древнеарм. яз.); 22, V, с. 33–35, 43–44].

⁴ К.П. Патканов и С.Т. Еремян включили Хордзян в состав Цопка. См.: [22, V, с. 43–44; 14, с. 55–56, 116 (на арм. яз.)].

⁵ См.: [22, V, с. 43–44; 14, с. 76–77, 116].

⁶ Более подробно см.: [22, V, с. 43; 1, с. 46–47].

⁷ Чрмес приобрел известность в последней четверти III в. благодаря будущему царю Великой Армении Тиридату III Великому 287/298–330 гг. В 287–298 гг., когда он находился под покровительством Римской империи (императора Диоклетиана), Чрмес был его резиденцией. См.: [18, с. 40, 43, 63 и дал.].

⁸ Вероятно, это ошибка ввела Б.А. Арутюняна в заблуждение: ученый путает местами Зигон-Басиликон и Зигон-Баситеон, см.: [13, с. 67]. Правильный ответ мы находим у С.Т. Еремяна, см.: [14, с. 52; 15, квадраты В 2–3 и Г 2; также: 3, с. 45–47; 21, с. 38–39 (Карта «Перед кончиной императора Византии Юстиниана I»)] (см. рисунок). С.Т. Еремян это название переводит как «Царская линия», см.: [14, с. 52].

⁹ Более подробно см.: [19, с. 174–176 (авт. Н.Б. Янковская)].

¹⁰ Золотая Комана называется, кроме Каппадокийской, также Армянской или просто Хризополем (ныне здесь с. Шар, Турции). См. также (Арр. Mithr. 64–66) и [24, с. 107–118].

¹¹ Следует особо отметить, что в «Ашхарациуйце» Каппадокия перечислена как 14-я страна Всеобщей Азии, но с оговоркой, что это только I Каппадокия и она расположена восточнее II Каппадокии.

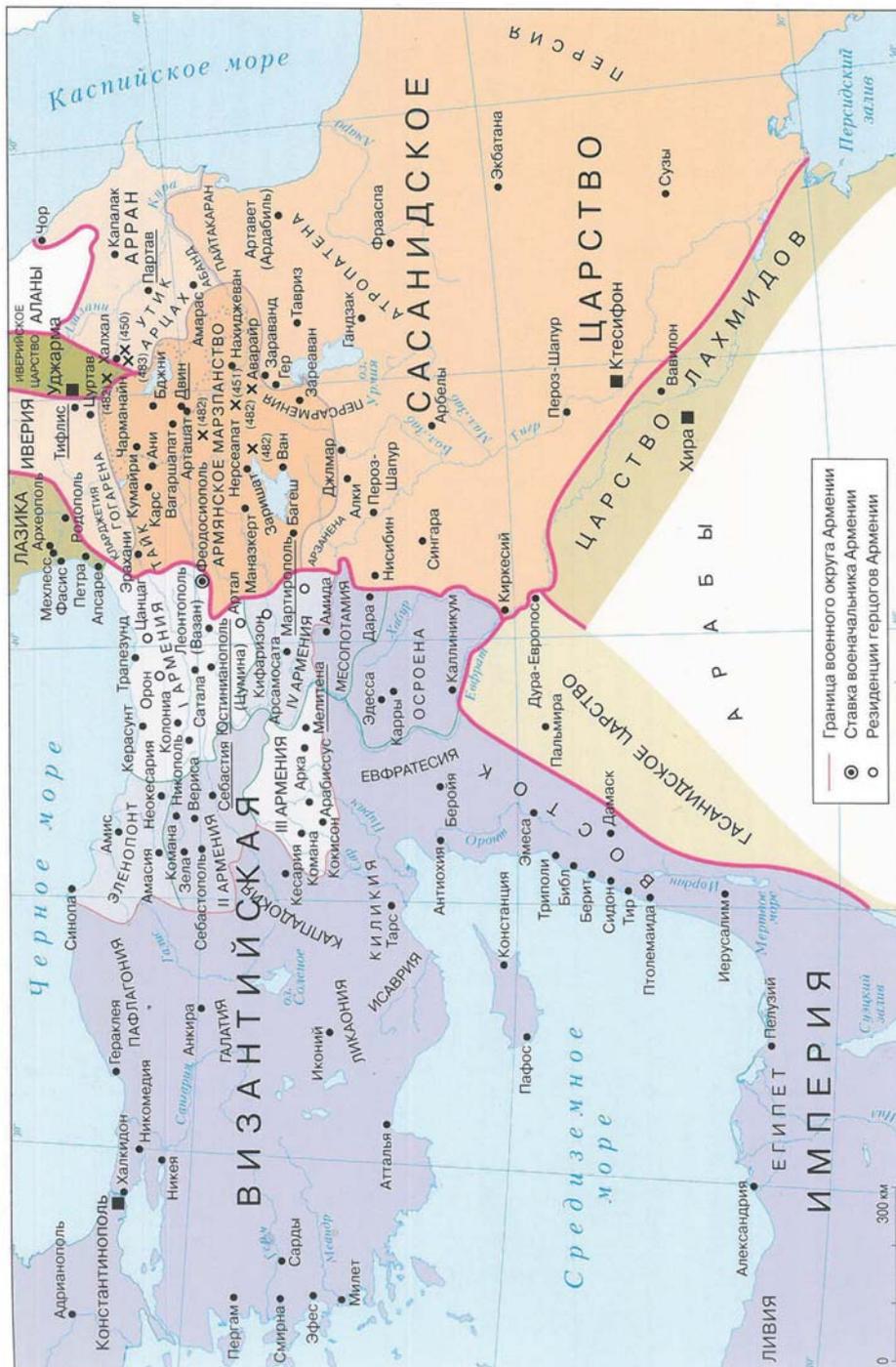
¹² Более подробно см.: [5; 6; 8].

¹³ Благодаря сведениям Фавтоса можно восстановить список армянских спарпетов IV века. В 303–330 гг. эту должность занял Артавазд Мандакуни (при Тиридате III Великом), после чего пост перешел к дому Мамиконянов – Ваче Мамиконян в 330–339 гг. и Артавазд в 339–350 гг. (оба при царе Хосрове III Котаке), Васак и Мушех (Мушег) в 350–367 гг. (при царе Аршаке II), Гнел в 367–374 гг. при Папе и, наконец, Манвел в 373–378 гг. (в годы царя Варздата – 374–378 гг.). Впоследствии Манвел провозгласил себя регентом малолетних царей Аршака III и Вагаршака (Вахаршак – Валаршак, на арм. Վաղարշակ), то есть был некоронованным царем с неограниченными полномочиями [24, III, 4, 11 и дал.]. О Мамиконянах см. также: [17] (Июган Мамиконян – историк VIII в.; провинция Тарон в Великой Армении была уделом Мамиконянов и находилась в составе провинции Туруберан (по очередности – 3-я провинция).

ПРИЛОЖЕНИЕ

(565)

Перед кончиной императора Византии Юстиниана I

Армения перед кончиной императора Юстиниана I (565). Из: [21, с. 39]

Armenia before the death of Emperor Justinian I (565). From: [21, p. 39]

REFERENCES

1. Adonts N.G. *Armeniya v epokhu Yustiniana. Politicheskoe sostoyanie na osnove nakhararskago stroya* [Armenia in the Era of Justinian. Political State Based on the Nakharar System]. Yerevan, Izd. Erevanskogo universiteta, 1971. 526 p.
2. Akopyan A.A. Ashkharatsuyts VII veka [Ashkharatsuyts of the 7th Century]. *Andes amsorya*, 2015, no. 1-12, pp. 35-104. (in Old Armenian).
3. Akopyan T.Kh. *Istoricheskaya geografiya Armenii (Ocherki)* [Historical Geography of Armenia (Essays)]. Erevan, Izd. EGU, 1968. 508 p. (in Armenian).
4. Ananiya Shirakatsi. *Izbrannye trudy. Ashkharatsuyts* [Anania Shirakatsi. Selected Works. Ashkharatsuyts]. Erevan, Sovetakan grokh Publ., 1979. 398 p. (in Armenian).
5. Harutyunyan Ha.Zh. Sofena i tsarstvo Sofeny soglasno "Geografii" Strabona [Sophena and the Kingdom of Sophena According to the Strabo's "Geography"]. *Vestnik ErGU* [Bulletin of YSU], 1996, no. 1, pp. 67-74 (in Armenian).
6. Harutyunyan Ha.Zh. Yuzhnye gubernii Armenii v IV veke [Southern Provinces of Armenia in the 4th Century]. *Armenovedcheskiy ezhegodnik Ask* [Armenian Studies Yearbook Ask], Beirut, s.n., 1997, pp. 111-123 (in Western Armenian).
7. Harutyunyan Ha.Zh. Politicheskaya karta Maloy Azii soglasno «Armyanskoy geografii» (ili «Ashkharatsuyts»-u) [Political Map of Asia Minor According to the "Armenian Geography" (Or "Ashkharatsuyts")]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2012, no. 3, pp. 60-66.
8. Harutyunyan Ha.Zh. Dvoynoy status Sofeny v mirovozzrenii Strabona [The Dual Status of Sophena in the Worldview of Strabo]. *Istoriik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni: materialy Mezhdunar. foruma, posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A.S. Shifmana (g. Kazan, 13–15 noyabrya 2013 g.)* [The Historian in Historical and Historiographic Time. Proceedings of the International Forum Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Prof. A.S. Shifman (Kazan, November 13–15, 2013)]. Kazan, Yaz Publ., 2013, pp. 174-178.
9. Harutyunyan Ha.Zh. K voprosu opredeleniya avtorstva drevnearmyanskoy karty (ili «Ashkharatsuyts»-a) [On the Issue of Determining the Authorship of the Ancient Armenian Map (Or "Ashkharatsuyts"-a)]. *Integratsiya mirovykh nauchnykh protsessov kak osnova obshchestvennogo progressa: sb. materialov I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Kazan, 28–29 maya 2013 g.)* [Integration of World Scientific Processes as the Basis of Social Progress. Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference (Kazan, May 28–29, 2013)]. Kazan, s.n., pp. 1-5.
10. Harutyunyan Ha.Zh. Orientatsiya drevnearmyanskoy karty «Ashkharatsuyts» [Orientation of the Ancient Armenian Map "Ashkharatsuyts"]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost* [East, Afro-Asiatic Societies: Past and Present], 2013, no. 3, pp. 88-94.
11. Harutyunyan Ha.Zh. K voprosu o sodержanii «Ashkharatsuyts»-a [To the Question of the Content of "Ashkharatsuyts"]. *Vestnik obshchestvennykh nauk* [Herald of Social Sciences], 2016, no. 3, pp. 108-115 (in Armenian).
12. Harutyunyan Ha.Zh. Ostrov Kipr soglasno dannym «Ashkharatsuyts»-a [Cyprus Island According to the "Ashkharatsuyts"]. *Imperiya romeev vo vremeni i prostranstve: tez. XXI Vseros. sessii vizantinistov* [The Roman Empire in Time and Space. Proceedings of the 21th All-Russian Session of the Byzantinists]. Moscow; Belgorod, Epitsentr Publ., 2016, pp. 5-6.
13. Harutyunyan B.A. *Atlas istorii Armenii* [Atlas of the Armenian History], pt. 1. Yerevan, Makmilian Publ., 2004. 103 p. (in Armenian).
14. Eremyan S.T. *Armeniya po «Ashkharatsuyts»-u (Armyanskoy geografii VII veka) (opyt rekonstruktsii armyanskoy karty VII veka na sovremennoy kartograficheskoy osnove)* [Armenia According to the "Ashkharatsuyts" (Armenian Geography of the 7th Century) (The Experience of Reconstructing the Armenian Map of the 7th Century on a Modern Cartographic Basis)]. Yerevan, AN Arm. SSR Publ., 1963. 152 p. (in Armenian).
15. Eremyan S.T. *Karta «Armeniya po «Ashkharatsuyts»-u (Armyanskoy geografii VII veka)* [Map "Armenia According to the "Ashkharatsuyts" (Armenian Geography of the 7th Century)"]. Yerevan, AN Arm. SSR Publ., 1963. 1 map (in Armenian).
16. Bartikyan R.M., ed. *Inoyazychnye istochniki ob Armenii i armanakh. T. 5. Vizantiyskie istochniki. I. Prokopiy Kesariyskiy* [Foreign Sources About Armenia and Armenians. Vol. 5. Byzantine Sources. 1. Procopius of Caesarea]. Yerevan, AN Arm. SSR Publ., 1967. 361 p. (in Armenian).
17. Abramyan A., ed. *Iogan Mamikonyan. Istoriya Tarona* [Iogan Mamikonyan. History of Taron]. Erevan, Izd. Matenadaran, 1941. 299 p.
18. Eremyan S.T., ed. *Istoriya armyanskogo naroda* [History of the Armenian People]. Vol. II. *Armeniya v epokhu rannego feodalizma* [Armenia in the Era of Early Feudalism]. Yerevan, AN Arm. SSR Publ., 1984. 687 p. (in Armenian).
19. Dyakonov I.M., ed. *Istoriya drevnego mira. T. I. Rannyaya drevnost* [History of the Ancient World. The Early Antiquity]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 470 p.
20. Sarkisyan G.Kh., ed. *Movses Khorenatsi. Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Erevan, Izd. Ayastan, 1990. 291 p.

21. Mutafyan K., Lev E. van. *Istoricheskiy atlas Armenii. Blizhniy Vostok i yuzhnyy Kavkaz s VIII veka do R.H. do XXI veka* [Historical Atlas of Armenia. The Middle East and the South Caucasus from the 8th Century BC Until the 21st Century]. Moscow, Tip. UP Print Publ., 2012. 143 p.

22. Patkanov K.P. *Armyanskaya geografiya VII veka po r. Kh. (pripisyvavshayasya Moiseyu Khorenskomu)* [Armenian Geography of the 7th Century AD Ch. (Attributed to Moses Khorensky)]. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1877. 84 p.

23. Trever K.V. *Ocherki po istorii kultury drevney Armenii (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Essays on the History of the Culture of Ancient Armenia (The 2nd Century BC – the 4th Century AD)]. Moscow; Leningrad, Izd. AN SSSR, 1953. 293 p., XXIII tab.

24. Gevorgyan M.A., ed. *Favstos Buzand. Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Yerevan, AN Arm. SSR Publ., 1953. 236 p.

25. Khorikyan O.G. Territoriya i granitsy Kappadokii v Akhemenidskoy Persii [Territory and Boundaries of Cappadocia in Achaemenid Persia]. *Vestnik obshchestvennykh nauk* [Herald of Social Sciences], 2010, no. 1–2, pp. 107-118 (in Armenian).

26. Eberhard A., ed. *Arriani Scripta Minores*. Lipsia, B.G. Teubner, 1867. 253 p.

27. Dindorfius L., ed. *Diodori Bibliotheca Historica. Vol. IV*. Lipsia, Teubner, 1867. 483 p.

28. Stückelberger A., Grasshoff G., eds. *Ptolemaios Handbuch der Geographie: griechisch-deutsch: Einleitung, Text und Übersetzung, Index. Vol. 2. Buch 5–8 und Indices*. Basel, Schwabe, 2006, pp. 476-1018.

29. Foerster W., ed. *Rufus Festus. Sexti Rufi Festi Breviarum rerum gestarum populi Romani*. Vindobona, Alfred Hoelder, 1874. 147 p.

30. *Strabo. The Geography of Strabo. Vol. 6*. Cambridge, Mass.; London, Harvard Univ. Press, 1960. 397 p. (Loeb Classical Library).

Information About the Author

Hakob Zh. Harutyunyan, Doctor of Sciences (History), Professor, Yerevan State University, Khachatura Abovyana St, 52, 0025 Yerevan, Republic of Armenia, hakobharutyunyan@ysu.am, <https://orcid.org/0000-0003-3746-9657>

Информация об авторе

Акоп Жораевич Арутюнян, доктор исторических наук, профессор, Ереванский государственный университет, ул. Хачатура Абовяна, 52, 0025 г. Ереван, Республика Армения, hakobharutyunyan@ysu.am, <https://orcid.org/0000-0003-3746-9657>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.16>

UDC 94(323)“1072/1204”
LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 01.07.2023
Accepted: 16.10.2023

THE VENETIAN COMMUNITY IN BYZANTINE THEBES (1072–1204): A PROSOPOGRAPHICAL STUDY ¹

Gang Wu

Fudan University, Shanghai, People's Republic of China

Abstract. Thebes is among the best-documented Venetian colonies in Byzantium, with records dating back to 1072. While it is widely acknowledged that Venetians played a crucial role in the development of Byzantine Thebes, the details about the Venetian community of the city remain largely unexplored, which has hindered a deeper understanding of the true extent of the Venetian impact on Thebes. To address this scholarly gap, the article examines the community using Venetian documentary sources, focusing on the works of R. Morozzo della Rocca and A. Lombardo. The study adopted a prosopography methodology, reconstructing and analysing the biographies of individuals and families in groups. The investigation covers the community's leading families and individuals, as well as clergy and ecclesiastical establishments of special interest. Following this vein, the author of the article concludes with a more detailed picture of the Venetian community. It seems to have played a notable and persistent role in Thebes. Ecclesiastical establishments and the clergy constituted the basis of Venetian activities. Bolstered by reliable and sustainable sources of income, these institutions fulfilled the basic religious and administrative needs of the Venetian community. Apart from possible industrial and agricultural engagements, the community members predominantly emerge as active participants in commercial ventures, linking in particular to the renowned Theban silk textiles. While Venetians did form matrimonial and commercial alliances amongst themselves, their assimilation with the native Byzantine populace of the city seems to have been minimal.

Key words: Thebes (Boeotia), Venetian, prosopography, silk industry, da Molin, Voltani, Falier.

Citation. Gang Wu. The Venetian Community in Byzantine Thebes (1072–1204): A Prosopographical Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 201–211. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.16>

УДК 94(323)“1072/1204”
ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 01.07.2023
Дата принятия статьи: 16.10.2023

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ОБЩИНА В ВИЗАНТИЙСКИХ ФИВАХ (1072–1204 гг.): ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ¹

Ганг Ву

Фуданьский университет, г. Шанхай, Китайская Народная Республика

Аннотация. Фивы являлись одной из венецианских колоний в Византии, наилучшим образом обеспеченных документальными свидетельствами, записи которых восходят к 1072 году. Хотя широко известно, что венецианцы играли решающую роль в развитии византийских Фив, подробности о венецианской общине города остаются недостаточно изученными. Это в значительной степени препятствует более глубокому пониманию истинного размаха венецианского влияния на Фивы. Восполняя этот пробел науки, статья представляет исследование городской общины, основанное на сохранившихся венецианских документальных источниках, в первую очередь опубликованных Р. Морозцо делла Рокка и А. Ломбардо. Выполненное исследование опирается на методологию просопографии, используемую для реконструкции и анализа биографий индивидуальных лиц и семейных групп. Изыскания охватывают занимавшие в общине лидирующие позиции семьи и лиц, а также вызывающих специальный интерес представителей духовенства и церкви. Следуя указанному направлению, автор статьи рисует более подробную картину венецианской общины.

Она, похоже, играла заметную и постоянную роль в Фивах. Церковные учреждения и духовенство составляют основу венецианской активности. Поддерживаемые надежными и устойчивыми источниками дохода названные институты восполняли основные религиозные и административные потребности городского общества. Помимо возможных ремесленных и сельскохозяйственных предприятий члены общины преимущественно проявляли себя в качестве активных участников в коммерческих акциях, в особенности связанных с известными фиванскими шелковыми тканями. В то время как венецианцы действительно заключали брачные и коммерческие союзы между собой, их ассимиляция с местным византийским населением города, кажется, оставалась незначительной.

Ключевые слова: Фивы (Беотия), Венеция, просопография, производство шелка, да Молин, Волтани, Фалье.

Цитирование. Ганг Ву. Венецианская община в византийских Фивах (1072–1204 гг.): просопографическое исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 201–211. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.16>

Introduction. Venetians were attested as trading in Byzantium, especially from the 11th century onward [26, pp. 472-473]. As a result of this engagement, Venetian colonies were established across the empire, with Thebes (Boeotia) being among the most prominent ones. During this era, Thebes stood out as a prime example of the expanding urban economy in Byzantium [17, p. 635; 29, pp. 130-133; 49, pp. 476-477], largely owing to its prosperous silk industry. At its zenith, the Theban silk industry surpassed all its counterparts in other industrial centres within the empire and even overshadowed Constantinople [12; 43; 26; 45; 48; 51].

Although the impact of Venetians on Thebes' thriving economy has been generally acknowledged, there is a lack of in-depth research on the city's Venetian community². To address this gap, this article seeks to conduct a comprehensive study on the Venetian presence in Byzantine Thebes, aiming to explore several key questions: Who were the Venetians interested in Thebes? How did their community function and operate? Case studies on other Venetian colonies in Greece, such as Almyros and Sparta, have proved to be illuminating, providing valuable details into local societies and the broader Byzantine-Venetian interactions [19, pp. 239-248; 5]. With the better presence of Thebes than most other Venetian colonies in surviving sources, this study holds the promise of uncovering comparable or additional insights. Furthermore, Thebes' exceptional status as a centre of the silk industry adds significance to the study, whose conclusions could shed even more light on the industry's *modus operandi*, which remains inadequately

understood. Our investigation will encompass the years from the first attestation of Venetian presence in the city (1072) to the end of its Byzantine rule (1204).

Byzantine Thebes and Venetians. Thebes belonged to the theme of Hellas, which gradually joined with the Peloponnese into one integrated theme from the late 10th century onward [37, p. 22; 16, pp. 76-78; 18, p. 61]. During our research period, the joint theme of Hellas and Peloponnesos was administered by a civilian governor often referred to as a *praitor* while remaining under the supreme, though largely nominal, authority of the military governor *me gas doux* ([18, pp. 61-67; 30, p. 335]; cf.: [16, p. 77]). The theme's administrative centre was Thebes in the 10th century [8, pp. 90-93]. The role was possibly assumed by Athens in the first half of the 12th century [32, pp. 3-4, 21, 23], but shifted to Thebes and Euripos by c. 1200 [36, pp. 98*, 107-108; 20, pp. 129-131]. In terms of ecclesiastical administration, Thebes was the seat of its own metropolitan see. However, compared to neighbouring metropolises, including Corinth, Athens, and Naupaktos, it ranked far behind in the ecclesiastical hierarchy [9, pp. 361, 366]. This disparity could be indicative of Thebes having a relatively small population, estimated to be between 4000 and 5000 during the 12th century [42, pp. 96-97].

When it comes to the economy, Thebes and its surrounding Boeotia exemplified the ongoing economic expansion within the empire. Agriculture and pastoralism were certainly among the region's key economic sectors [11, p. 770; 12, pp. 56-57]. However, what truly set Thebes apart was its

flourishing silk industry. Starting from the 12th century, Thebes was increasingly known in literary sources as a prominent centre for the silk industry, a reputation corroborated by archaeological evidence [50, pp. 390-391; 51, pp. 71-72; 27; 33, pp. 635-637]. By c. 1110, Boeotia was already a major source of textiles presented at the annual St. Demetrios fair in Thessalonica, which attracted merchants across the Mediterranean [41, p. 54]. According to Niketas Choniates' (1155–1217), when Normans plundered Thebes in 1147, they took captive female weavers from the city [38, p. 74]. These weavers would have devoted themselves to silk weaving in Sicily for generations thereafter [38, p. 98]. Theban silk textiles and female weavers were praised by John Tzetzes (c. 1110 – the 1180s) in many of his literary outputs, including a letter addressed to his friend John Ismeniotēs in 1148, who sent him a Theban silk textile presumably derived from the aforementioned fair in Thessalonica [22, pp. 101-102]³. Benjamin of Tudela, who visited Thebes in the 1160s, testified that the city's Jewish inhabitants were the empire's finest craftsmen in silk and purple garments [1, p. 10]. In the mid-1180s, Michael Choniates identified Thebes as a major provenance of clothes used by Constantinopolitan citizens [36, pp. 69-70]. Also from Niketas Choniates, we know that by 1195, the imperial court had maintained an annual import of Theban silks. The same account also informs us that in 1195, the emir of Ankara specifically demanded the tribute of Theban silk textiles from the Byzantine emperor [38, p. 461].

The Venetians were the first Italians to trade in the Eastern Mediterranean. Their commercial engagement with Byzantium might be traced back to the 9th century. After the 11th century, their business expanded with the burgeoning Byzantine economy [25, pp. 471-473]. Thebes was a city of great importance to the Venetians. Within the surviving Venetian documents, Thebes was one of the most-featured Venetian colonies in Byzantium, only after Constantinople and Corinth [31, p. 156]. It was also among the few specified inland cities where Byzantine emperors granted the Venetians commercial privileges. First recorded in Alexios I's chrysobull in 1082⁴, the privileges were repeatedly renewed in the course of the 12th century. With these concessions, the

Venetians could trade all kinds of goods without taxes and beyond the jurisdiction of maritime officials [47, pp. 43-54, 95-98, 113-124, 179-189].

While the Venetians could have engaged in the trade of agricultural and pastoral products from Thebes [11, p. 770; 3, pp. 24-26], their primary interest likely lay in silk textiles. We learn from an instruction of the Genoese government to its ambassador in 1171 that the Venetians possessed the privilege of trading Theban silk textiles, which the Genoese coveted ([39, p. 348]; cf.: [26, p. 466; 23, p. 682]). Hence, by that year, it is evident that the Venetians were likely the sole foreign merchants granted permission to trade Theban silk textiles, a privileged status undoubtedly stemming from the aforementioned imperial concessions.

Also in 1171, Manuel I initiated an anti-Venetian coup, resulting in the arrest of all Venetians in Byzantium and the confiscation of their properties. This ushered in a period of conflict between Byzantium and Venice, which persisted until c. 1183 [35, p. 104]. Manuel I's coup must have inflicted a heavy blow on the Venetian community in Thebes; several community members are attested as imprisoned or bankrupt. However, the activities of this community are still documented during and after the conflict, indicating its continuous and active presence throughout Byzantine rule.

The Venetians played a pivotal role in driving Thebes' flourishing economy through their investments and trade of the city's surplus products. The development of the silk industry, which hinged upon an efficient and far-reaching trading network, exemplified this impact. Although local inhabitants were important customers [38, p. 74], it was the industry's reach into interregional and international markets that truly elevated its prominence. Thessalonica and Constantinople represented the interregional outlets. Thessalonica held the annual fair that showcased Boeotian textiles [41, p. 54], while Constantinople's citizens and the imperial court were Theban textiles' primary consumers. With regard to the international markets, the aforementioned demand for Theban silk textiles by the emir of Ankara and the abduction of Theban silk weavers by the Normans indicate the existence of established outlets in both the East and the West by the 12th century. As also evidenced by our study below,

the Venetians, being the primary traders across all these destinations, must have actively engaged in channelling the Theban silk textiles with its interregional and international markets.

Sources and Methodology. The primary sources of this study are the collection of Venetian documents edited by Raimondo Morozzo della Rocca and Antonino Lombardo⁵. They will be complemented by a few scattered published documents relevant to the subject.

To extract direct information about the Venetian community in Thebes, we will focus on documents specifically mentioning Thebes (*Stives* in Latin). There are about twenty such documents pertaining to commercial matters [10, nos. 12, 13, 110, 137, 166, 234, 235, 239, 273, 274, 275, 308, 353, 378, 380, 403, 418, 426]. Except for later copies of the same documents⁶, these documents can be further divided into two groups: one focused on elucidating the details of commercial ventures, and the other concerned with implementing reparations for disrupted ventures. The first group could be written as contracts that establish occasional associations for commercial journeys and their accompanying obligations (e.g., *cartula memorialis*, *cautionis* or *manifestationis*). They can also appear in the form of receipts that discharge individuals from their obligations (e.g., *cartula securitatis*). Documents of this group usually contain the information of the participants of the ventures, that is, investors, merchant travellers and, on occasion, sailing masters (*naucleri*). The investment shares and the travelling routes are often specified as well [10, nos. 12, 13, 110, 137, 166, 234, 235, 239, 273, 308, 353, 426].

The second group of documents stems from reparations paid by Byzantine emperors to redress Manuel I's anti-Venetian coup in 1171. These documents record the execution of reparation money for individual ventures affected by the coup. For this reason, they usually give a basic overview of the ventures, as in documents from the first group. They were all written as creditors' receipts for the compensated part of the debts [10, nos. 378, 380, 403, 418].

Apart from commercial documents, there are also a few others covering subjects such as concessions, attestations and inheritance disputes, which can also be informative for our purposes [10, nos. 233, 243, 244; 13, no. 25; 44, no. 22].

In these documents, the contractors or litigants are recorded with their full names, followed by their parishes of origin. This information usually allows us to pinpoint the same person across different documents. In addition, the end of each document includes a session of signatures, where we can also find the names of the notaries and notarial witnesses, though without their parish information. The above materials serve as basic information about the Venetians based in Thebes. Using their names and parishes as identifiers, other relevant documents with no direct Thebes reference will be pinpointed and examined to gather additional information about the Thebes-based families or individuals. All these will be processed as data for a prosopographical study⁷: biographies of individuals and families will be reconstructed and analysed in groups to create a general picture of the Venetian community in Byzantine Thebes.

The Venetian Community. More than 60 Venetians are recorded in documents with direct reference to Byzantine Thebes⁸, suggesting that they were either residing in the city, frequently visiting it, or had some form of remote connection to it. This observation indicates the presence of a substantial Venetian community in Thebes, despite the city's relatively small population. Apart from their commercial enterprises, the documents also attest to their engagements in clerical, notarial and possibly industrial work.

Several families and individuals are well presented in our sources. Their extensive documented activities and social network can serve as ideal entry points for our investigation.

The Family of da Molin. The da Molin family, consisting of Gosmiro, Matheus, Fantino and Pietro, probably originated from the parish of San Stae. Among them, Gosmiro is mentioned in a document dating back to 1073, serving as the sailing master of a commercial expedition to Thebes [10, no. 13]⁹. Matheus is known as a presbyter and notary in Thebes, responsible for notarising and transcribing some of our documents dated after 1176 [10, nos. 234, 273, 274, 275, 353].

Fantino is recorded in an attestation for the testament of Marco Succugullo. The attestation states that when Marco died in Thebes sometime before 1171, he detailed the amount of money Fantino owed him for purchasing a samite and a mantle [10, no. 243]¹⁰. Following this vein,

Fantino was certainly involved in trading Theban silk textiles, while Marco acted as an intermediary or entrepreneur of silk workshops. From other documents, we learn that Fantino had been in close commercial partnership with Domenico Centocori during the 1150s and 1160s, with trading activities in both Constantinople and Almyros [10, nos. 117, 151, 152]¹¹. In this case, the attestation shows that their trading network extended to Thebes. Fantino's failure to pay Marco on time was possibly linked to the anti-Venetian coup in 1171, which may have ruined Fantino's business and even led to his imprisonment. Fantino was dead by 1181 [10, no. 348]. Regarding his nuclear family, available information mentions his wife Teonata, who invested in a commercial journey undertaken by her son-in-law in 1173 [10, no. 251]. Additionally, two sons, Giacomo and Filippo, were in debt in 1181 [10, no. 348].

Pietro is the best-attested member of the da Molin family, primarily known for his roles as a travelling merchant and an occasional notarial witness in Thebes [10, no. 234]. His father, Gonzo, had served in the Byzantine imperial fleet in 1150 and appeared to maintain close ties with the Succugullo and Bembo families ([10, no. 98]; cf.: [31, p. 469])¹². In his Thebes-centred enterprises, Pietro collaborated with Pietro Venier and Frugerio Senatori, embarking on commercial expeditions bound for Constantinople in c. 1170 [10, nos. 235, 378, 380, 403, 418]¹³. Apart from Thebes, he engaged in trading cotton and clothes in Corinth and conducted shipping operations in Almyros during the late 1160s, notably in cooperation with Guidoto Gradenigo [10, nos. 192, 202, 336]. The coup of Manuel I in 1171 drew Pietro into imprisonment and financial ruin. He was apprehended in Constantinople aboard a vessel transporting clothing from Corinth. The sailing master, Domenico de Gregorio, and members of the Vitale and Badoer families accompanied him [10, no. 336]¹⁴. There are more than five reparation documents addressing the confiscated investments of the ventures Pietro was undertaking [10, nos. 369, 378, 380, 403, 418]¹⁵. He must have been eventually released and returned to Venice before 1180, when he commenced repaying his debts [10, no. 319]. Nevertheless, upon his return, Pietro redirected his business interests away from Byzantium, shifting his focus towards Alexandria and the

Levant instead [10, nos. 340, 376, 394, 395, 421]. As a result, his Theban enterprise seemed to have been abandoned. In the late 1180s, Pietro's sons and nephews started to inherit and take over his business [10, nos. 393, 423, 425, 446].

The Family of Voltani (Vultani). The Voltani family comprised Vido and several Vitales. Vido is only known as a notarial witness in 1171 [10, no. 239]. The case of Vitale is more intricate, as the name appears in several documents with multiple parishes of origin. If we take into account all surviving Venetian documents, it is plausible to suggest that the Voltani family originated from Ammiana [10, nos. 22, 79, 129, 273]. This idea gains support from their partnerships with the Sisinulo family, which also originated from Ammiana but operated primarily in Constantinople¹⁶, hinting at a shared Ammiana origin [10, nos. 129, 273, 305, 308, 379]. Based on this premise, considering the lack of further information on parish changes, at least three Vitales can be identified as active in Thebes between the 1160s and 1180s: one from the parish of San Cassiano who later relocated to Santa Maria Zobenigo [10, nos. 166, 305, 308], another from San Moisè [10, nos. 234, 239, 273], and the third from San Fantino [10, nos. 353, 379, 441].

The Voltani family established strong connections through marriages with other Venetian families sharing a common interest in Thebes, including the families of Sisinulo, Morosini, and Pasqualigo [10, nos. 234, 308, 353]. The anti-Venetian coup in 1171 also devastated the business of the family. The investment entrusted to the Vitale from San Fantino for a venture was confiscated, leaving him in debt to Domenico Sisinulo [10, no. 379]. Even in 1185, about two years after the resolution of the conflict between Byzantium and Venice, potential political risks were still carefully considered when the same Vitale invested in another venture [10, no. 353]. However, the Voltani family seems to have fared much better than the da Molins during the conflict between the two powers. Despite interruptions, the family did not suspend their business in the years following 1171. An extant document reveals that the Vitale from San Moisè and his cousin Giacomo Sisinulo, son of Domenico, were still engaged in a joint commercial enterprise in 1175 [10, no. 273]. It has been reasonably argued that this unusual case underscores the indispensability of Venetians to the

Byzantine authority, which endorsed the venture regardless of ongoing antagonism [4, p. 304]. Since the Voltani family had been committed to the Thebes-Constantinople trading route [10, nos. 166, 234, 308, 353], there is a possibility that they were involved in transporting the annual ration of the silk textiles ordered by the imperial court from Thebes [38, p. 461].

The Family of Falier (Faletro). The Falier family, consisting of two Enricos, Pietro, Giovanni and Frislanda, likely originated in the parish of San Giovanni Battista. This family is attested primarily by a series of five documents concerning an inheritance dispute in the 1160s caused by a joint commercial venture involving family members. It appears that an unnamed male member of the family and his brother Enrico started a *collegancia* with the ship of the Mastropiero family¹⁷. While the Falier family seemed to be based in Thebes, the Mastropiero family resided in Venice but frequently travelled between the two cities. Sometime before 1166, the ship of Marco Mastropiero suffered a shipwreck. Among the casualties were Enrico, possibly the unnamed Falier and Marco. As a result, the daughter of Enrico, Frislanda, sought the court of Doge Vitale II Michiel (1156–1172) to claim the inheritance of what her father had invested in the *collegancia*. In response, the doge sent a letter to the three sons of the unnamed Falier – Enrico, Pietro and Giovanni – in Thebes, who had inherited their father. The letter demanded their appearance in court to resolve the dispute. Having received the letter in Thebes, the three brothers entrusted Orio, another member of the Mastropiero family, in 1166 to act on their half and negotiate with Frislanda. Seemingly after some exchanges between the parties with the intermediary of Orio, Enrico finally arrived at the court of the doge in Venice in 1168, representing the three brothers to settle the dispute [13, no. 25]. The specific details of the court's decision have not survived to the present day.

From other documents, we learn that Pietro and Giovanni were making a commercial journey in 1167, travelling through Corinth, Constantinople and Venice. This explains why they had to entrust Enrico to resolve the inheritance dispute on their behalf. We are also informed about the existence of another brother, Bonofiglio, who was a participant in the same journey [10, nos. 185, 186].

He probably did not have a continuous presence in Thebes like his three brothers. Besides, we find information about an offspring of this Falier family, Stefano. He was in Constantinople in 1190, investing in a commercial venture between Almyros and Constantinople.

Beyond Thebes, there was a contemporary Sparta-based Falier family, which originated from the parish of San Pantalon, of which the well-documented Viviano is a representative. However, there is no solid evidence indicating any interaction between this Falier family and its Theban counterpart [10, nos. 135, 205, 206, 226, 233, 286, 302, 311, 314, 315, 316, 320, 332, 338, 360, 361, 358, 365]. These two branches of the Falier family appear to have pursued separate paths without significant intermingling.

Ecclesiastical Establishments and the Clergy. Our document group is also informative about the notable and persistent role of the Venetian church in Thebes. Regarding ecclesiastical establishments, a decree issued in 1168 by Doge Vitale II Michael suggests that the convent of San Giovanni Evangelista in Torcello was granted with certain measures, which the Republic owned in Thebes [44, no. 22]. This points to the existence of the convent's dependencies or representatives in Thebes, who could utilise this concession as a stable source of income. In addition, a church of St. Nicolas is mentioned in a document dated 1159, whose presbyter Giovanni Rustico was investing in a commercial journey via Thebes and Thessalonica [10, no. 137]. This church could be associated with either the dependencies of the convent of San Giovanni Evangelista in Torcello or could function as a separate ecclesiastical asset of the Theban Venetian community. Possible remains of this church have been found in Thebes, which suggests that it could have belonged to a monastery [6, p. 153; 28, pp. 430-431].

The Venetian clerics are mostly known from these documents as notaries. Those notarised documents made in Thebes were clerics of the local community; they are all recorded as presbyters. Among them, Matheus da Molin seems to have held the longest tenure, spanning from 1176 to 1185 [10, nos. 234, 273, 274, 275, 353]. A certain Marino was incumbent between 1170 and 1172 [10, nos. 234, 239], while Marco Bolani was documented only for October 1170 [10,

nos. 233, 235]. Giovanni Rustico was known in Thebes only from the above document dated August 1159, notarised by himself. It is worth noting that he also acted as a presbyter and notary in Almyros between 1169 and 1170 [10, nos. 216, 217, 219].

Among the clerics noted in documents composed in Venice, the case of presbyter Bonus Senior Saturninus is relevant to our investigation. He seems to have been associated with the church of Saint Cassian in Venice, where Bonus Senior Saturninus was frequently attested as a notary or notarial witness between the late 1160s and 1190s [13, no. 25; 10, nos. 244, 266, 278, 279, 297, 338, 341, 342, 343, 391, 398, 403, 412, 419]. Interestingly, there is an attestation revealing that Bonus Senior Saturninus was in Thebes before November 1171, when he performed the last rites for Marcus Succugullo before the death of the latter [10, no. 243]. The timing of his presence coincided with the tenure of the above-mentioned presbyter Marino.

Altogether, these cases show that the Venetian clergy had maintained a continuous existence in Thebes for an extended period, likely dating back to the inception of the city's Venetian community. There were clerics like Matheus da Molin, whose presence was likely more permanent. Meanwhile, there were also clerics who were visiting or had shorter stays, such as Bonus Senior Saturninus. Equipped with sustainable ecclesiastical properties, these clerics played a vital role in meeting the spiritual and administrative needs of the Venetian community in Thebes, thereby forming the very foundation of the community itself.

Native Byzantines? There has been a discussion regarding the possibility of native Byzantines being recorded in Venetian documents. J. Herrin has reasonably used the family name *Greco* as an indicator [19, pp. 248–250]. Within documents with direct reference to Thebes, M. Chairete speculated that *Iohannes Cetocori*, who appears as a notarial witness in a document copied in 1172, could be a local Byzantine [7, p. 583; 10, no. 239]. However, variants of the family name *Cetocori* actually appear multiple times in extant documents, which suggest that the *Cetocori* family was Venetian, originating from the parish of Santa Trinita [10, nos. 117, 151, 152].

Pursuing this line of inquiry, we may use the abundant prosopographical data available from contemporary Byzantine sources related to Thebes to conduct a sensible comparative examination. Only one possible correlation can be proposed. In the *Cadaster of Thebes*, which records the ownership of some landed estates near Thebes between the late 11th and early 12th centuries¹⁸, we encounter a current landowner named Nikolaos Marianos Mousilenos (Μουσιληνοῦ) [46, p. 11.A7]. The family name *Mousilenos* resembles that of Iohannes Muisolino, a notarial witness in Thebes in 1170, as recorded in a Venetian document [10, no. 235]. However, it is important to note that the Muisolino family is confirmed to be Venetian rather than Byzantine. The family (written in Latin also as *Musulino* or *Muysolino*) is attested from 1072 onward as conducting shipping business from Venice via Alexandria, Corinth and Almyros [10, nos. 11, 35].

If the identification can be established, it would imply that the Venetians in Thebes indeed held legal ownership of land. However, considering that the *Cadaster* recorded many absentee owners rather than peasant producers [46, pp. 142–143], it is likely that the land only served as a supplementary source of income for the commerce-oriented Venetian community. Moreover, the challenges in identifying Byzantine individuals in these documents suggest that the Venetians' communal life in Thebes was notably exclusive to Venetians.

Conclusions. Drawing from documentary sources and employing a prosopographical approach, our investigation paints a more detailed picture of the Venetian community in Byzantine Thebes. Undoubtedly, the community constituted a sizable portion of the local population. Since its emergence in 1072, the community's presence seems to have endured uninterrupted, persisting even during periods of intensive antagonism between Venice and Byzantium. The Venetian community probably operated distinctively, with limited interaction and assimilation with the native Byzantines. Families within the community like da Molin, Voltani, and Falier strengthened their bonds through marriages and commercial partnerships.

The ecclesiastical establishments formed the basis of the community. There were Venetian

churches or monasteries with sufficient and sustainable sources of income derived, for example, from ducal concessions. The clerics, apart from being religious leaders, also fulfilled the community's basic administrative needs, acting, for example, as notaries. While some clerics had a more permanent presence in Thebes, those who only visited the city or had shorter stays are also attested.

Beyond the ecclesiastics, Venetians were primarily recognised as active participants in various commercial ventures, assuming roles as investors, merchant travellers, or sailing masters. Their extensive network facilitated connections between Thebes and prominent trading hubs across the Eastern Mediterranean, most notably Venice, Constantinople and Corinth. The principal goods traded from Thebes seem to have been primarily silk textiles. In this regard, Venetians might have also been involved in transporting the annual silk ration ordered by the Byzantine imperial court. Apart from commercial engagements, Venetians possibly served as entrepreneurs, operating textile workshops, and also acted as absentee landowners.

Another member of the Aurifice family, Leo, is known as the sailing master of a commercial venture a year before following the same route, see [10, no. 12].

¹⁰ Other members of the Succugullo family: Stefano was going from Constantinople to Acre in 1150. He was also in Constantinople as a notarial witness in 1156. Domenico was in Venice as a notarial witness, see [10, nos. 98, 122, 139].

¹¹ A relative of Domenico Giovanni lived in Thebes, see [10, no. 239].

¹² Gonzo was the uncle of Giovanni Bembo. A member of the Bembo family lived in Thebes, see [10, no. 233].

¹³ Frugerio Senatori also appears in [10, no. 233], which suggests that he was in Sparta sometime before 1170 with a group of Venetians.

¹⁴ Several members of the Badover family lived in Thebes, see [10, nos. 233, 235, 244, 353].

¹⁵ A commercial venture invested by his cousin Giovanni Bembo seems to have been ruined as well, see [10, no. 319].

¹⁶ Some of the family members later moved from Ammiana to Rialto and the parish of Santa Giustina; see [10, nos. 202, 305]. A member of the family, Marco, was possibly a permanent resident in Thebes, see [10, no. 239].

¹⁷ It is unclear whether this family is related to the later doge Orio Mastropiero (1178–1192).

¹⁸ For a recent discussion on the dating of this document, see [15].

NOTES

¹ This work was supported by the National Social Science Fund of China (Grant No. 23CSS005).

The scientific editing of the article was realised by Yury Vin.

² The study of M. Chairete on the Venetian merchants in Thebes from the 11th century provides a useful introduction but without much detailed examination of sources, see [7].

³ John Ismeniotēs was most likely in Thessalonica managing imperial properties, see [2, p. 241].

⁴ The exact dating of Alexios I's chrysobull remains debated, see [14; 34; 24].

⁵ [10]; as to [40], it is not informative in the case of Byzantine Thebes.

⁶ [10, nos. 274, 275] are copies of [10, nos. 273]; some documents survive only in later copies: [44, no. 22; 10, nos. 234, 235, 239, 353].

⁷ For a recent collection of prosopographical studies in the field of Byzantine studies, see [21].

⁸ The notaries and witnesses named in documents produced outside Thebes are not included in the count.

⁹ One of the investors in this commercial venture was Sevastus Aurifice, the son of a Venetian noble.

REFERENCES

1. Adler M. *The Itinerary of Benjamin of Tudela: Critical Text, Transl. and Comment*. London, Henry Frowde; Oxford, Oxford Univ. Pr., 1907. XVI, 193 (95-193, special pagination) p.

2. Papadopoulos-Kerameus A., ed. *Analekta ierosolymitikēs stachyologias* [Analects of Jerusalem Stachyology]. In 4 vols. Vol. 4. Saint Petersburg, Typ. Kirspaoum Publ., 1897. XII, 613 p. (In Greek).

3. Angold M. The Shaping of the Medieval Byzantine "City". *Byzantinische Forschungen*, 1985, vol. 10, pp. 1-37.

4. Angold M. Venice in the Twelfth Century: Between the Adriatic and the Aegean. Skobla M., Herrin J., eds. *Byzantium, Venice and the Medieval Adriatic*. Cambridge, Camb. Univ. Pr., 2021, pp. 296-315.

5. Armstrong P. Merchants of Venice at Sparta in the 12th Century. Cavanagh W., Gallou Ch., Georgiadis M., eds. *Sparta and Laconia from Prehistory to Pre-Modern*. London, British School at Athens, 2009, pp. 313-321.

6. Bouras Ch., Boura L. *Elladikē naodomia kata ton 12° aiōna* [Greek Church Architecture in the

12th Century]. Athens, Commercial Bank of Greece Publ., 2002. 641 p. (In Greek).

7. Chairete M. Benetoi emporoi stē Thēba apo ton IA aiōna [Venetian Merchants in Thebes from the 11th Century]. *Praktika A' Diethnous Sunedriou Boiōtikōn Meletōn, Thēba 12–14 Septembriou 1986, Epetēris tēs Etaireias Boiōtikōn Meletōn* [Proceedings of the 1st International Congress of Boeotian Studies, Thebes September 12–14, 1986, Yearbook of the Society of Boeotian Studies], 1999, vol. 1, pp. 577–589. (In Greek).

8. Connor C.L., Connor W.R. *The Life and Miracles of Saint Luke of Steiris: Text, Transl. and Comment.* Brookline, Hellenic College Pr., 1994. XVIII, 178 p.

9. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critiq., introd. et notes.* Paris, Institut français d'études byzantines, 1981. XVI, 521 p.

10. Morozzo della Rocca R., Lombardo A., eds. *Documenti del commercio veneziano nei secoli XI–XIII.* In 2 vol. Vol. 1. Rome, R. Istituto Storico Italiano per il Medio Evo, 1940. XXX, 457 p.

11. Dunn A. Historical and Archaeological Indicators of Economic Change in Middle Byzantine Boeotia and Their Problems. *Praktika B' Diethnous Sunedriou Boiōtikōn Meletōn, Libadeia 12–14 Dekembriou 1992, Epetēris tēs Etaireias Boiōtikōn Meletōn* [Proceedings of the 2nd International Congress of Boeotian Studies, Livadeia, December 6–10, 1992, Yearbook of the Society of Boeotian Studies], 1995, vol. 2, pp. 755–774.

12. Dunn A. The Rise and Fall of Towns, Loci of Maritime Traffic, and Silk Production: The Problem of Thisvi-Kastorion. Jeffreys E., ed. *Byzantine Style, Religion and Civilization: In Honour of Sir Steven Runciman.* Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2006, pp. 38–71.

13. Lanfranchi L., ed. *Famiglia Zusto.* Venice, Il Comitato (Comitato per la pubblicazione delle fonti relative alla storia di Venezia), 1955. XXVI, 111 p.

14. Frankopan P. Byzantine Trade Privileges to Venice in the Eleventh Century: The Chrysobull of 1092. *Journal of Medieval History*, 2004, vol. 30, iss. 2, pp. 135–160.

15. Georgiou S. Remarks on the Dating of the Cadaster of Thebes. *Aiōnos. Miscellanea di Studi Storici*, 2020, vol. 23, pp. 95–107.

16. Glykatzī-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX–XIème siècles. *Bulletin de correspondance hellénique*, 1960, vol. 84, fasc. 1, pp. 1–111.

17. Harvey A. The Economy, Jeffreys E., Haldon J., Cormack R., eds. *The Oxford Handbook of Byzantine Studies.* Oxford, Oxford Univ. Pr., 2008, pp. 631–641.

18. Herrin J. Realities of Provincial Government: Hellas and Peloponnesos, 1180–1205. Herrin J. *Margins*

and Metropolis: Authority Across the Byzantine Empire. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2013, pp. 58–102.

19. Herrin J. *The Social and Economic Structure of Central Greece in the Late Twelfth Century. A Thesis... for the degree of D. Ph. Faculty of Arts, Univ. of Birmingham.* Birmingham, Univ. of Birmingham, 1972. 318 p.

20. Hörandner W. Dichtungen des Euthymios Tornikes in Cod. gr. 508 der Rumänischen Akademie. Hörandner W., Odorico P., Rhoby A., Schiffer E., eds. *Facettes de la littérature byzantine: contributions choisies.* Paris, Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes, École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2017, pp. 91–140.

21. Herrin J., Saint-Guillain G., eds. *Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204.* Farnham, Ashgate, 2011. XVIII, 347 p.

22. Leone P., ed. *Ioannis Tzetzae Epistulae,* Leipzig, Teubner, 1972. XXII, 218 p.

23. Jacoby D. Byzantium, the Italian Maritime Powers, and the Black Sea Before 1204. *Byzantinische Zeitschrift*, 2008, vol. 100, no. 2, pp. 677–699.

24. Jacoby D. The Chrysobull of Alexius I Comnenus to the Venetians: The Date and the Debate. *Journal of Medieval History*, 2002, vol. 28, iss. 2, pp. 199–204.

25. Jacoby D. Italian Traders in Byzantium, c. 800–1204. Drocourt N., Kolditz S., eds. *A Companion to Byzantium and the West, 900–1204.* Leiden, Brill, 2022, pp. 471–495.

26. Jacoby D. Silk in Western Byzantium Before the Fourth Crusade. *Byzantinische Zeitschrift*, 1991/1992, vol. 84/85, no. 2, pp. 452–500.

27. Koilakou Ch. Biotechnikes egkatasaseis byzantinēs epochēs stē Thēba [Byzantine Era Industrial Facilities in Thebes]. Kombine-Dialete D., ed. *Archaiologika tekmeria biotechnikon egkatasaseon kata tē Byzantinē epochē 5os–15os aiōnas. Eidiko thema tou 22^{ou} Symposiou byzantinēs kai metabyzantinēs archaiologias kai technēs, Athēna, 17–19 Maiou, 2002* [Archaeological Evidence of Craft Facilities During the Byzantine Epoch of the 5th–15th Century. Special Issue of the 22nd Symposium on Byzantine and Post-Byzantine Archeology and Art, Athens, May 17–19, 2002]. Athens, Politistiko idryma omilou Peiraiōs, 2004, pp. 223–227. (In Greek).

28. Koilakou Ch. Ē symbolē tōn anaskaphōn stēn ereuna tōn byzantinōn naōn tēs Thēbas [The Contribution of the Excavations to the Research of the Byzantine Temples of Thebes]. Aravantinos V., Kountoure E., eds. *100 Chronia Archaiologikou Ergo stē Thēba: Oi prōtergates tōn ereunōn kai oi synechistes tous, synedriako kentro Thēbas, 15–17 Noembriou 2002* [100 Years of Archaeological Work in Thebes: The Pioneers of Research and Their

- Continuers, Thebes Convention Center, November 15–17, 2002. Athens, Archaeological Resources Fund]. Athens, Archaeological Resources Fund Publ., 2014, pp. 397–438. (In Greek).
29. Laiou A.E., Morrisson C. *The Byzantine Economy*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2007. 270 p.
30. Lambros S.P. *Michaēl Akominatou tou Chōniatou: ta sōzomena* [Michael Acominates of Choniates: The Surviving]. In 2 vols. Vol. 1. Athens, Typ. Parnassou Publ., 1879. VIII, 368 p. (In Greek).
31. Lilie R.-J. *Handel und Politik zwischen dem byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeloi (1081–1204)*. Amsterdam, A.M. Hakkert, 1984. XXIII, 714 p.
32. Loukaki M. *Les Grâces à Athènes: Éloge d'un Gouverneur Byzantin par Nikolaos Kataphlōron*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2019. XXIX, 206 p.
33. Louvi-Kizi A. Thebes. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh Through the Fifteenth Century*. In 3 vol. Vol. 2. Washington, D. C., Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 631–638.
34. Madden T.F. The Chrysobull of Alexius I Comnenus to the Venetians: The Date and the Debate. *Journal of Medieval History*, 2002, vol. 28, iss. 1, pp. 23–41.
35. Madden T.F. Venice's Hostage Crisis: Diplomatic Efforts to Secure Peace with Byzantium between 1171 and 1184. Kittell E.E., Madden T.F., eds., *Medieval and Renaissance Venice*. Urbana, Univer. of Illinois Pr., 1999, pp. 96–108.
36. Kolobou Ph., ed. *Michaelis Choniatae Epistulae*. Berlin, De Gruyter, 2001. VI, 150*, 396 p.
37. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. In 4 vol. Vol. 2. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1994. XIV, 233 p.
38. Dieten I.-A., van, ed. *Nicetae Choniatae Historia*. In 2 Thl. Thl. 1. Berlin, De Gruyter, 1975. CXIX, 655 p.
39. Sanguineti A., Bertolotto G., eds. Nuova serie di documenti sulle relazioni di Genova coll' Impero bizantino. *Atti della Società Ligure di Storia patria*, 1897, vol. 28, fasc. 2, pp. II, 339–573.
40. Lombardo A., Morozzo della Rocca R., eds. *Nuovi Documenti del commercio veneto dei secoli XI–XIII*. Venice, a Speze della Deputazione di storia patria per le Venezie, 1953. XI, 129 p.
41. Romano R., ed. *Pseudo-Luciano, Timarione*. Naples, Università di Napoli, Cattedra di filologia bizantina, 1974. 196 p.
42. Rosen E., de. *The Economic Fate of Urban Settlements in Rhomanian Boeotia, Thessaly, and Western Macedonia (783–1204). A Thesis... for the decree of D. Ph. Institute of Archaeology and Antiquity, College of Arts and Law, Univ. of Birmingham*. Birmingham, Univ. of Birmingham, 2018. 337 p.
43. Rosen E., de. The Silk Industry of Middle Byzantine Boeotia. *Diogenes*. Birmingham, Univ. of Birmingham, 2019, vol. 7, pp. 30–48.
44. Lanfranchi L., ed. *San Giovanni Evangelista di Torcello*. Venice, Alfieri, 1948. XX, 220 p.
45. Savvides A.G.C. Ἐ Byzantinē Thēba, 996/7–1204 m.Ch. [Byzantine Thebes, 996/7–1204 AD]. *Istorikogeōgraphika*, 1988, vol. 2, pp. 33–52. (In Greek).
46. Svoronos N. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes. *Bulletin de correspondance hellénique*, 1959, vol. 83, pp. 1–145.
47. Tafel G.L.F., Thomas G.M. *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig, mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante vom neunten bis zum Ausgang des fünfzehnten Jahrhunderts*. In 3 Thl. Thl. 2. Amsterdam, A.M. Hakkert, 1964. Repr. Wien, 1856. XV, 496 p.
48. Weigand E. Die Helladisch-Byzantinische Seidenweberei. *Eis mnēmēn Spyridōnos Lamprou* [In Memory of Spyridon Lambrou]. Athens, Hestia, 1935, pp. 503–514.
49. Whittow M. The Middle Byzantine Economy (600–1204). Shepard J., ed. *The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2019, pp. 465–492.
50. Wu G. How Did Byzantines Weave? A Synthesis of Textual, Pictorial, Ethnographic, and Archaeological Evidence. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 2021, vol. 61, no. 3, pp. 368–395.
51. Wu G. The Metropolitan and the Theban Silk Industry: A Hypothetical Reconstruction. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 2022, vol. 46, no. 1, pp. 64–80.

Information About the Author

Gang Wu, PhD (King's College London), Assistant Professor, Department of History, Fudan University, Handan Rd., 220, Yangpu District, Shanghai, People's Republic of China, wug@fudan.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0003-1981-2888>

Информация об авторе

Ганг Ву, доктор философии (Королевский колледж Лондона), доцент, Отделение истории, Фуданьский университет, Ханьдань шоссе, 220, Янпу р-н, г. Шанхай, Китайская Народная Республика, wug@fudan.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0003-1981-2888>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.17>UDC 94(495):904
LBC 63.3(4Гре)4юSubmitted: 02.06.2023
Accepted: 30.10.2023**REVISITING THE “GOODS OF KISTERNA” IN MANI,
SOUTHERN PELOPONNESE.
A COMPLICATED YET CAPTIVATING STORYLINE ¹****Sophia Germanidou**School of History, Classics and Archaeology, Newcastle University,
New Castle upon Tyne, United Kingdom

Abstract. This article reconsiders the textual and archaeological evidence on the delimitation and, most importantly, on the naming and the praised “goods” around or in “Kisterna”, a still disputable area situated in the NW (Messinia province) or southern (Laconia province) Mani peninsula. These are a Venetian document, as well as the French and Greek versions of “Chronicle of Morea”, the historical works of George Pachymeres, Nikephorus Gregoras, Makarios Melissenos and archaeological heritage, that is, the castle of Leuktro in Stoupa, Oriokastro in Ano Poula, Tainaro cape in Kinsternes bay. According to the interpretation introduced, the regional landscape and topography, the naming could potentially be associated with cisterns and basins where fish by-products preservation and processing was taken place. These workshops were known from the Roman period as cetariae and probably as “lakkoi” in the Byzantine era. The article by its structure includes the parts “Introduction – Aims”, “Deconstructing a) the term and the reason of the “theme” and “Deconstructing b) the naming”, “Revisiting a) the primary sources” and “Revisiting b) the archaeological evidence” as well as “Conclusions”.

Key words: Kisterna, Mani, Messinia, Laconia, Slavs Melings, Franks, Leuktro-Beaufort, Tainaro, Ketaria-cetariae, cisterns-fish tanks, Chronicle of Morea, George Pachymeres, Nikephoros Gregoras, Makarios Melissenos.

Citation. Germanidou S. Revisiting the “Goods of Kisterna” in Mani, Southern Peloponnese. A Complicated Yet Captivating Storyline. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 212-239. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.17>

УДК 94(495):904
ББК 63.3(4Гре)4юДата поступления статьи: 02.06.2023
Дата принятия статьи: 30.10.2023**ОБОЗРЕВАЯ «АРТЕФАКТЫ КИСТЕРНЫ» НА МАНИ,
ЮЖНЫЙ ПЕЛОПОННЕС.
СЛОЖНЫЙ И ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ СЮЖЕТ ¹****София Германиду**Школа истории, классики и археологии, Университет Ньюкасла,
г. Ньюкасл на Тайне, Соединенное Королевство

Аннотация. Статья рассматривает текстовые и археологические свидетельства об установлении границ и, что самое важное, наименовании, равно известных артефактах в «Кистерне» и ее окрестностях – районе, локализация которого на северо-западе полуострова Мани (в Мессинии) или на юге (в Лаконии) все еще остается спорной. Это венецианский документ, французская и греческие версии «Морейской хроники», исторические труды Георгия Пахимера, Никифора Григоры, Макария Мелиссина и археологическое наследие, замок Леуктро в Ступе, Ориокастра в Ано Пула, Кистерны на мысе Тенарон. Согласно представленной интерпретации, а также с учетом регионального ландшафта и топографии, топонимика могла потенциально ассоциироваться с цистернами и бассейнами, где производилась пресервация и переработка рыбных субпродуктов. Эти мастерские были известны с римского периода как «цетарии» (cetariae), а в византийскую эпоху, возможно, как «ямы» («λάκκοι»). Статья по своей структуре включает части «Введение – цели», «Раскрытие

а) термин и мотив “темы”», «Раскрытие б) наименование», «Пересмотр а) источники», а также «Пересмотр б) археологические свидетельства» и «Выводы».

Ключевые слова: Кистерна, Мани, Мессиния, Лакония, славяне мелинги, франки, Леоктро-Бифор, Тенарон, Кетария-цетарие, цистерны-рыбные танки, «Морейская хроника», Георгий Пахимер, Никифор Григора, Макарий Мелиссин.

Цитирование. Германиду С. Обзорная «артефакты Кистерны» на Мани, южный Пелопоннес. Сложный и захватывающий сюжет // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 212–239. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.17>

“...we can’t even admit that among the abundant and renowned place names preserved through the centuries in textual and oral tradition, would such a marginal name as Gisternes(a) be imposed to define (characterize) the area (of NW or southern Mani)...”

Dikaios Vayacacos ²

Introduction – Aims. Hardly does any scholar who has engaged with the turbulent history, the intriguing archaeology, and the still obscure topography of the Mani peninsula during the late Byzantine period remain unperplexed when it comes to decoding a range of local enigmatic place names [27; 28; 68]. The variation, also, in regional geomorphology and hydro-geology shape an often contradicting physical landscape that adds to this complexity: craggy, rugged terrains alternate with soft plains and terraced valleys; extreme dryness gives place to water-abundant springs and thick vegetation; steep ravines and sharp gorges slope evenly to a flat shoreline (Fig. 1–2) ³. Serving further as a ‘melting pot’ of different ethnicities that co-existed, interacted, or opposed to each other, Mani’s background becomes even more challenging for investigation.

In such a context of cultural and environmental diversity, the location under the designation (the “theme” of or around) “Kisterna”⁴ ignited a spirit of lasting inquiry regarding its administration status, its boundaries, and the implications of its naming. According to the current state of research, based on a handful of references dated from the end of the 13th century until the end of the 14th century, Kisterna is placed either somewhere in NW Mani, modern day Messinia province (Fig. 3–4), close to the castle of Leuktro in Stoupa ⁵, or in Ano Poula promontory, at the alleged site of Oriokastro, near Tainaro cape, modern day Laconia province

(Fig. 3, 5–6) [68]. Past scholarship has linked the Asomatoi/Kinsternes bay in Tainaro cape with the 13th – 14th century Kisterna, not, however, without acknowledging the inconsistencies of this assumption (for discussion, see [49]). In any case, sources also imply or state that the Slavs (Melings) were settled in the uplands around Kisterna – a fact for further consideration.

The notable geographical discrepancy between the suggested locations is caused by the ambiguity of their formation conveyed and the lack of details encountered in the written sources. Though it is not the main purpose of this study to focus on framing the exact boundaries of Kisterna, this is a crucial matter that needs to be discussed, even in short. I mostly engage in the definition of the term by George Pachymeres in his History (book I, chapter 31), compiled after 1306, where the area around or in Kisterna features as a “theme”, extensive (“elongated”), and abundant in “goods” [21, pp. 122-123]. My primary aim is to decipher, as possible, which these goods might have been through a re-evaluation of little known or overlooked textual references, scarce or understudied archaeological remains, and established or controversial etymologies. The impact of the regional landscape and topography is also considered, although the physical evidence has been densely and heavily altered by modern infrastructure.

Deconstructing a) the term and the reason of the “theme”. According to scholarship, the use of the word “theme”, attested only to Pachymeres, is an anachronism, deprived of its initial and original meaning ⁶. This holds true because, by the time of Pachymeres, the system of the Byzantine organization into themes had long been abolished, transformed into, and replaced by administrative divisions based predominately on their geography ([4, p. 65] with relevant bibliography on the themes). Moreover, Pachymeres, a learned

man, was inclined to use idiomatic words that were outdated and unfamiliar to his peers, often inspired by the ancient past [2]. However, as a state official with access to imperial documents and thus a likely reliable source [38, pp. 33-34], he was hardly unaware of his choice of words. He may have opted for this ‘phantom’ term as the most appropriate to define an extended territory, distinct in its military and fiscal organisation: the “theme” could be an effective option for him to communicate to his readers that the area around or in Kisterna represented somehow more than just a province. Therefore, it must not have been accidentally inserted in his text as just a misconception or simply an archaism.

Deconstructing b) the naming. A question that remarkably has not drawn adequate attention is: why was this area called Kisterna? From where did the toponym originate, and from what kind of context? As there is an apparent etymological connection to the Latin word *cisterna* < *cistern*, sometimes also used in Byzantine Greek as ‘κ/γ(ν)στέρνα’ alongside the same in meaning word ‘δεξαμενή’, speculations involved the presence of bodies of water, within natural [68, p. 65; 31, p. 67] or constructed configurations [7, p. 504, subn. 5]. Likewise, scholars have argued for the numerous, usually rock-cut, cisterns in Mani, an area of karstic subterrain where water was valuable for storage (Fig. 2). Such hydraulic structures were so crucial for sustaining livelihood that they became a common feature, prevailing in the maniot landscape.

Evidently, Kisterna, due to its etymological and conceptual connotations, alludes to the high number and density of cisterns. That should be undeniable; however, were those cisterns used for water collection and storage, as it is generally accepted? Supposedly, the naming of this area may not be proven that simple but far more complicated than expected.

Revisiting a) the primary sources. In addition to George Pachymeres, Kisterna is cited in a couple of other texts, referring to events that took place during the second half of the 13th century: a Venetian document and the French and Greek versions of the “Chronicle of Morea”. The sources themselves are dated from the end of the 13th century and last almost a century, reaching the end of the 14th century, which coincides with the Frankish occupation of southern Peloponnese.

This restricted timescale demonstrates that the place name equally suddenly appeared and disappeared: nothing was previously known about it, and no collective memory or local oral tradition has survived of it after. There is the exception of Asomatoi/Kinsternes bay in Tainaro, which, however, is a much later, non-official, and alternative appellation, rarely recorded in map registers after the 16th century [32, p. 19].

Here are the relevant citations of Kisterna in their original language (Latin, medieval French, and Byzantine Greek), loosely translated, in the chronological order of the event that they refer to (and not that of the source).

1. The Greek version of “Chronicle of Morea” (circa 1340 and 1380) refers to events of circa 1250, when William I Villehardouin, prince (1246–1278) of Morea/Achaia Principality, built a castle named Leuktro (Beaufort by the Franks in Stoupa, Messinia or Oriokastro in Ano Poula, Laconia) on the coast close to Kisterna to subdue the Zygos, the uplands of Taygetos mountain where the Slavs Melings and Ezerites tribes were settled (Fig. 7) ([42, pp. 160-161]; see also [3]). The “Chronicle of Morea” says (lines 3034–3037): “ἀν θέλη νὰ ἔχη τὸν ζυγὸν ὄλον στὸ θέλημάν του, νὰ ποιήσῃ κάστρο εἰς τὸν αἰγιαλὸν πλησίον τῆς Γιστέρνας. ...Λεῦτρο τὸ ὀνομάσαν”) [30, pp. 128-129].

2. The Greek version of “Chronicle of Morea” refers also to events of the battle of Prinitza (1263–1264), when the byzantine officer Makrynos was sent to the territories of Mani against the Franks. Then the body of the Slavs Melings of Kisterna (Gisterna) was sided with the commander [42, p. 205]. In the Greek Chronicle, it is briefly reported (lines 4593–4594): “ὁ δρόγγος γὰρ τοῦ Μελιγοῦ, τὸ μέρος τῆς Γιστέρνας, ἐκεῖνοι ἐρροβόλεσαν μετὰ τὸν βασιλέα”) [30, p. 192].

3. George Pachymeres, referring to events of 1262–1263, makes casual mentions of the castles of Monemvasia, Mani, Geraki, Mystras, the theme all around, or in Kisterna, to the lands that were handed over to the Byzantines to set free the prince William I Villehardouin, captured after the battle of Pelagonia (1259). Pachymeres adds that the theme around or in Kisterna was an extended area with abundance of goods (Book I, chapter 31): “καὶ ἅμα πᾶν τὸ περὶ τὴν Κινστέρναν θέμα πολὺ, γε ὄν τὸ μῆκος καὶ πολλοῖς βρύον τοῖς ἀγαθοῖς” [21, pp. 123.25–26].

4. A Venetian document of 1278 furnishes us with information about Slavs, who seized merchandise from Venetian ships with the help of the Byzantines from “Mani”, that is, perhaps, Oitylo in Laconia, Kisterna, and the castle of Leuktro, literally: “Mayna, Cisterna, and Belfonte in partibus Sclavonie” [47, p. 433].

5. The French version of “Chronicle of Morea”, circa 1340, refers to events in 1296. Then Michael Spani, the powerful lord of Kisterna and of other castles around it, joined the forces of the Frankish prince of the Principality of Achaia, Florent of Hainault, after his request for military backup. This version of Chronicle narrates (par. 823): “Spany, un puissant hommes des Esclavons, qui estoit sires de la Gisterne et des autres chastiaux entour” [39, p. 137; 66, p. 17].

From the aforementioned scarce in number and sparing in detail references, it seems that Kisterna and Zygos were two vaguely separated areas (Fig. 7): Kisterna extended to the coast, where the castle, named Leuktro (Beaufort), was built by the Franks. It was adjacent to the uplands, the Zygos, where Slavs were settled (in general, see [33]). Both areas were under the Frankish Principality of Morea until 1262, when they were retrieved to the Byzantines. Moreover, it was the Slavs, the tribes of Melings and Ezerites, that in fact exercised control, sometimes circumstantially, over the region. Especially the Spanis family had undertaken an influential role as military chiefs and local governors, initiating socio-economic activities ranging from piracy to church and artistic sponsorship [3; 27; 28].

A comprehensive interpretation of the place names may sufficiently reveal the former viewpoint of van Leuven [68]. However, I am in favor of claiming what is clearly stated and matched by the material traces: Leuktro castle should be identified with the surviving same-name focal fortification in Stoupa, in NW (modern day Messinian/Outer) Mani. Then Kisterna was the adjacent area, from time to time, encircled or even ruled by the Slavs (Fig. 7). It is rather strange that the Slavs Melings advised William I Villehardouin to construct a castle so as to sabotage other rival Slavic tribes (see point 1). These could be the Ezerites or another leading family, for example, the Eleavoukoi in Gianitsa (modern day Elaiochori), NE of Kalamata. However, most probably the reality might have been what the

Greek Chronicle of the Morea doesn't tell us: that the prince made a strategic move to isolate the Slavs from the fertile flatland [29], the trade routes, and the ports of Kisterna. This highlights the importance of Kisterna, along with the intensity of the struggle over who was (or was not) going to lay hands on its “goods”.

The emphasized exaggeration regarding the abundance of goods in Kisterna (“πολλοίς... τοῖς ἀγαθοῖς”: a great number of goods, “βρύον” < producing abundantly and amply) [61, p. 222] draws the image of a thriving rural landscape. Although the territory around the castle of Leuktro, wherever it may be situated in Messina or Laconia, remains fruitful even today (Fig. 4–7), Mani was never renowned, especially for its cultivation capacities. A reason for that is the lack of hydraulic sources: extended karstic formations prevent the creation of aquifers; therefore, despite frequent rainfalls, water can't accumulate, and springs are sparse. That is corroborated by the naming of the peninsula, presumably deriving from the Greek word “μανός” < barren land (an etymology, however, that can be challenged)⁷. Other areas in Messinia and Laconia could arguably compete for prolific agro-pastoral production compared to Mani, so probably that wasn't for which Kisterna was praised.

George Pachymeres probably did not stress only the quantity or variety of the goods with his comment but implied their distinct quality, their trade value and their significant contribution to the regional economy. He did not feel the need to explain more, possibly because the name of Kisterna itself indicated, though in a dissimulated manner, that it was not the fertile lands that provided for the goods but rather the management of natural resources that allowed for the prosperity. Pachymeres's persistence in focusing on the coastal area around Leuktro, no matter where the castle might have been built by the Franks, points out that the production, processing or trade of these goods were favored by proximity to the shoreline.

Pachymeres's account was widely followed by Nikephoros Gregoras in his Byzantine History, compiled between 1337 and 1358. In the instance where he cites the lands delivered to the Byzantines by the Franks to free their captured prince William I Villehardouin, among the three “best” (highly appreciated) territories handed over

was the “Leuktra” (Neutr. Pl.): “τρεις τὰς βελτίους ...καὶ τὴν περὶ τὰ Λεύκτρα Μαΐνην, ἢ Ταιναρία πάλαι παρ’ Ἑλλησιν ἐκαλεῖτο”) [67, p. 102], as it is said in chapter IV (“Leuktra of Maini, which was called once Tainaria by the Greeks”). Some new information is added here, misleading, according to some scholars (see [30, p. 128]): the region as an entity is officially called Mani, but in the “old days by the Greeks” (i.e., the indigenous pagan population?), it was called Tainaria (Fem. S.), alluding to the Tainaro cape at the southernmost promontory tip of southern Laconian/Inner Mani. Gregoras, contemporary to Pachymeres, ignores or hesitates to appoint Kisterna as a part of Mani/Tainaria, near Leuktro. Right or wrong, Gregoras’s statement influenced later authors to use the term Tainaro to refer to the entire Mani peninsula. But whatever the case, still, no light was shed on this area around Leuktro and why it was among the “best” ones.

Apart from Pachymeres and Gregoras, a third source that refers to the area is the “Maius” (extended and supplementary) version of George Sphrantzes “Chronicon”, compiled before 1585 by Makarios Melissenos. Although Melissenos’s intentions are doubted by the scholarship, yet he is considered to have added “important changes... additional information... masterful descriptions” to the original text, being self-appointed as a “literary figure” rather than a forger [55, pp. 9-10; 56, pp. 139-191]. Melissenos’s work has been published and reproduced by Bekker [19], Migne [18], Papadopoulos⁸; in Grecu’s edition, the place names of Leuktro and Tainaro are slightly altered in spelling [57]:

a) The lands that the Franks exchanged for the liberation of William I Villehardouin in 1262–1263 include reference to the Leuktra (Neutr. Pl.) of Mani, that once was called “the Ketaria” by George Sphrantzes (*Chronikon*. Book II, Chapter II), added in Latin as Cetaria: “τὸ Λεῦκτρα Μαΐνης, τὸ ὁποῖον Κεταρία πάλαι ἐκαλεῖτο”) [19, p. 131; 18, p. 744]. Similarly, the “Nektaria” (Fem. S. or Neutr. Pl.), as once called, is applied to the whole Zygos, reaching up ...Oitylo (“...χώρα Πελοποννήσου τὸ Λεῦκτρα Μαΐνης, τὸ καὶ Νεκταρία πάλαι καλούμενον καὶ πάντα τὸν ἐκείνου ζυγὸν ἄχρι καὶ τῆς Πύλου τοῦ λεγομένου Οἰτύλου”) [57, p. 270.1–2].

b) There were territories that Theodore Palaiologos ceded to his brother, Constantine,

in 1428. Among them, the Leuktra (Neutr. Pl.) of Mani was once called by the Greeks Tainaria (Fem. S.) cape (see *George Sphrantzes. Maius chronikon*. Book I, Chapter I): “τὰ Λεῦκτρα Μαΐνης, ἢ καὶ Ταιναρία πάλαι ἄκρα ἐκαλεῖτο παρ’ Ἑλλησι”) [19, p. 17; 18, p. 650] or “Netaria” (Neutr. Pl.) was once named by the Romans in the Peloponnese (“τὰ Λεῦκτρα Μαΐνης, τὰ καὶ Νετάρια ποτε καλούμενα... Καὶ... οἱ Ῥωμαῖοι ἐν τοῖς τῆς Πελοποννήσου χεῖρα ἐπέβαλον...”) [57, p. 162.27–28, etc.].

Evidently, these citations recall the established tradition of Gregoras⁹, but there is confusion caused not only by Melissenos but also by his editors. This is regarding the wrong spelling of Tainaro, in particular the displacement of T and its replacement by N, the persistence of the -ε- instead of the correct -αι- and of the neutrum plural or feminine singular form (Νετάρια-Netaria) instead of the common neutrum singular (τὸ Ταίναρον-Tainaron). In the first instance (a), an awkward alternative spelling as “Ketaria” (or Nektaria), attested as Cetaria in Latin, is delivered, offering us a daring chance not to link it a priori to Tainaro. It might be possible that Melissenos (and his editors) confused the two places and subsequently two place names: Tainaro, which was well and widely known bearing the same unaltered name for centuries, and Ketaria, which referred specifically to the area around Leuktro, the once called Kisterna, from the end of the 13th century until the end of the 14th century. That name, Ketaria, according to Melissenos, was widely used “in the old days” by the indigenous “Greeks” (pagans?) as they are mentioned. This toponym was so strange, remote, and unheard to him that it provoked uncertainty, yet, it still somehow echoed Tainaro.

Before rejecting Ketaria as a misconception of Tainaro or even a ‘fabrication’ by Melissenos, it is worth tracing the meaning of the Latin word ‘Ketaria’. The term ‘cetaria, -ae’ is not very common, found in written sources dated from the 1st century BC until about the 8th century CE. It refers to complexes of built or rock-cut shallow basins, vats or tanks that were interconnected via channels, forming the infrastructure for processing (but not breeding) fish. It is demonstrated by some examples in other Mediterranean regions [5; 12; 20; 22; 45] (Fig. 8–10). These constructions occupied extensive areas and necessitated plenty of water for their operation; therefore, cetariae were usually installed in rocky coastal locations

or, less often, alongside river banks or streams. Small settlements were developed around them to host the workforce involved – the high number of slaves, assistants, traders, and clients – but also to keep the smell and the discarded fish remains distant from residential zones [15; 1]. Cetariae produced the highly valued and much appreciated salted by-fish condiments, gaurum sauce, and fish paste. These commodities had not only culinary value but also trade advantages, as they were light and easy to transport and also preservable for a long time (see in general [13; 24; 41; 43; 48; 64; 65]). The processing of fresh fish involved several stages, as the flesh had to be gutted and cleaned, salted, dried, pickled, and ground under suitable environmental conditions. Forest or dense vegetation prevented evaporation, so ideal were barren, rocky hillsides exposed to long, intense sunlight.

The operation of cetariae depended additionally on the provision of raw materials such as clay for the manufacture of hundreds of amphorae to store the commodities and plaster to coat and insulate some of the basins. Huge quantities of salt, a valuable merchandise, were also indispensable to this industry and increased the cost of these products (see in general [13; 24; 41; 43; 48; 64; 65]). A similar landscape also fitted other industries, for example, the production of purple dye from molluscs [10] or, less probable, the process of flax into linen fibres and threads [6, pp. 128-131]. These activities were practiced in similar establishments and often operated in parallel with fish factories. Evidently, the impact of cetariae on provincial economies and trade markets was so significant that resulted in naming whole towns after them, especially in the western Mediterranean [43, p. 113].

It is now interesting to trace how Ketaria ended in Melissenos’s work and what this could possibly mean. Melissenos added new place names that did not exist in the original Sphrantzes’ “Chronicon” in several instances [11, pp. 17-18], due to his personal knowledge of the area or, more likely, copying from a Latin manuscript [55, p. 150]. If Ketaria truly existed as a place name, this could indicate the operation of cetariae on the coastline of NW (Messinia) or southern (Tainaro-Laconia) Mani, with Leuktro castle (in Stoupa or in Ano Poula) as the focal-supervising point. The industrial activity must have characterised the region to such a degree that it allegedly led

to its unofficial appellation during the Roman and late Roman times (“Νετάρια ποτε καλούμενα”). By the time of the Frankish conquest in 1205, the Latin name would have already fallen out of use, but the memory, or possibly, the operation of the fish processing factories must have been still vivid. No wonder why the new rulers called their conquered land Kisterna, probably after the feature that was mostly distinguished in the regional landscape: the cisterns, basins, and tanks functioned as cetariae ¹⁰.

Still, another piece of the puzzle is missing: the name assigned to this area by the Byzantines. This would be a toponym that was widespread before the middle of the 13th century. This toponym is “Lakkoi” (“Λάκκοι”), found in the French, Greek, and Aragonese (1393) versions of the “Chronicle of Morea”. The place name in singular form (Lakkos – Λάκκος) was used to define a cluster of villages around Pamisos, the river artery that runs through the central Messinia plain (Fig. 1) [44, p. 67; 8, pp. 72-76]. Its tributaries shaped water-catching pits, supposedly attributing to the appellation “Lakkos”. However, at least in one instance, this toponym refers to another area, somewhere around NW Mani, when the twelve Frankish baronies were founded in 1205. Among them, there was a certain tenant-in-chief, Sir Luc, who was granted only four fiefs at the area “Lakkoi of Gritsenon/Gritsena” (La Gritte, Lacogrisco) (see in detail [68, pp. 45-52]).

The exact location of Lakkoi in NW Mani has not been identified with certainty. The fact that the baronies were associated with the existence of a castle adds further to the problem. A general idea is that the name has to do with the vertical cavities and natural formations (gorges, caves) that shape the regional landscape. However, it is also plausible that Lakkoi referred to depressions such as pits, basins, and tanks, meaning the extended cetariae complexes with the castle of Leuktro (in Stoupa or in Ano Poula) serving as the focal-supervising point. It has been advocated that the fortified sites assumed no particular defensive role [68, pp. 57, 65] but rather controlled access to passages, livestock transhumance, trade activities, and tax collection of the Slavs that were in need of the lowlands [29].

Lakkoi is further stressed as a place name by the troubling term “ton Gritsenon (Gritsena)”, “Grisco”, or “Gritte” that contributes to the characterization of the fief [37, pp. 308-312; 40,

p. 101]. According to J. van Leuven [68, pp. 51-52], Gritsena could be linked to Gournitsa village, in the north of Kardamyli, but no etymological interpretation has been attempted. The word may be of Slavic origin, either deriving from the word grič < hill, craggy terrain, or grez < marsh, wetland. It is also known as an Albanian family name, common in the wider area south of Leuktro, surviving until post medieval times (Fig. 11–12) [34, pp. 291-292]. Alternatively, it could be associated with the Greek word “γρύτι”, referenced in “Geoponics”, the famous treatise, to the process of fish catching (especially in rivers), garum preparation, and salting: (*Geoponica*, XX, 7, 1; XX, 12, 25) [17, pp. 517-518, 519-520; 59, p. 451].

Either way, Lakkoi sounds like a potential byzantine place name to have succeeded the Roman and late Roman Ketaria and to have coincided with the Frankish Kisterna, no matter where it was situated, in NW or southern Mani. Based on this hypothesis, the schematic representation of the place names through the ages should be reconstructed as Ketaria (R and LR) → Lakkoi (BYZ) → Kisterna (FRA) → unknown (OTTOMAN). The lacuna during the Ottoman rule (1460–1821) may be attributed to the overall decline in the strategic, political, and economic importance of the area, the oblivion of past names in parallel to the complete assimilation of the multi-ethnic inhabitants into a Hellenized culture, and the predominance of Mani appellation for the entirety of the peninsula [49].

Revisiting b) the archaeological evidence.

Archaeology does not provide much evidence to reinforce the proposed interpretations. Nothing is preserved around the castle of Leuktro, the suggested location of Kisterna in NW Mani, as modern-day Stoupa is densely built. Only salt pan formations, still standing out along the expanding rocky shoreline, indicate that the tremendously valuable commodity, essential for fish and purple dye processing, was centuries-long provided (Fig. 13) [60]. The castle of Leuktro itself, built on a coastal hilltop location, supervised the passages to and from Kalamata and Laconia and to the Taygetos uplands (Fig. 4, 7), and aimed rather to control the trade activities of the Slavs Melings than serve as a military outpost. Textual references and circumstantial finds confirm habitation at the hilltop and the slopes at least from Roman times, while probably a byzantine phase pre-

existed before the construction of the castle by William I Villehardouin in circa 1250 [46, pp. 217, 219]. Today the castle lies heavily ruined, but still attention-grabbing is the Frankish cistern, among the earliest and finest samples of their hydraulic technology (Fig. 14–16). Measuring 4.35 m (length), 3.85 m (width), 3.50 m (depth up to preserved wall) / 4.60 m (depth up to vault formation), it was most probably fed by water guided off the roof of the (today dilapidated) tower at its south side [7, pp. 502-504; 9, pp. 152-153].

Some six kilometers north of Leuktro lies Kardamyli, and right in front of its harbor bay is a picturesque islet today called Meropi (original name unknown, previously recorded in Venetian maps as “La Madonna”). It was once fortified almost entirely, but for its southern side, segments of the walls from different periods are still preserved (Fig. 17). It has been claimed that it might have been the castle of Lello, one of the fiefs of the Lakkoi/Gritsenon barony handed over to Frankish families in 1205 [27, pp. 183-196; 28, pp. 226-239; 68, pp. 49-51]; however, this remains open to debate. A post medieval monastery was founded there in the 18th century, built with scattered ancient and early Byzantine building material (Fig. 18), whereas fragments of Roman or late Roman vessels are dispersed, especially on the western side of the islet. In addition to protecting the harbour, the islet could host the trade of goods that were produced along the shoreline. Interestingly, similar settings have been noticed in several cetariae [58].

Very few cetariae are known in the Peloponnese, even less in Messinia, usually being confused with fish breeding tanks. Such could be the rock-cut tank measuring 6.00 m in length and 3.00 m in width, with adjacent salt pans at the Dialiskari rocky coast at Marathos/Marathoupoli, in western Messinia (Fig. 19–20) [62]. The possible existence of adjacent plastered vats indicates that there might have been a small scale fish processing facility alongside fish breeding, as noticed in other areas of SW Messinia (Methoni, Koroni, Palaio Navarino in Pylos) (Fig. 21–22) [53]. Salt processing was also taking place in extended areas across the coastal southernmost part of Mani, in particular at Asomatoi/Kinsternes bay in Tainaro cape [60].

Tainaro has reached almost mythological extremes in collective psychology due to

its association with the ancient Oracle of the Dead, the psychopompeion. However, a recent groundbreaking study deconstructed its ‘supernatural’ dimension [16], acknowledging the secular character of the archaeological remains at Asomatoi/Kinsternes bay, dated back to the Hellenistic period and after (Fig. 23). Among them, the salt pans and the numerous non-functionally identified cisterns and basins stand out: of various sizes and shapes, open or initially covered, some of them plastered, interconnected with stairs or channels, allude to a cetariae workshop (Fig. 24–26). Moreover, Greek and Latin authors share the information that “the sea of Lakedaïmona was rich in the mollusc providing the purple dye” [70, p. 110]. Processing molluscs for purple dye and trading this precious commodity was an activity usually practised in the same establishments with fish by-products. The favorable landscape and the suitable geomorphology of the coastal rocky location reinforce this interpretation: deprived of thick vegetation, coupled with the remoteness from a residential area. A ‘core’ settlement identified, including the famed temple of Poseidon, was purposed to host slaves and workers (Fig. 27).

Conclusions. If even a slice of this intellectual venture is correct, no matter Kisterna’s localisation in NW (surrounding Leuktro castle in Stoupa) or in southern (Oriokastro in Ano Poula promontory or in Tainaro) Mani, it might contribute to our understanding of its naming and which goods it represented. The hypothesis structured links evidence from written sources, material traces, and etymologies within intensified, centuries-long aquaculture activities that promoted regional sustainability, secured the population’s resilience, and advanced the micro-economy. The plausibility of a place name reflecting such an impact on shaping local histories and archaeologies cannot be ruled out, following a challenging interdisciplinary approach. This is deemed necessary, especially when it comes to decoding the past of one of the most obscure, but at the same time, intriguing edge of the Byzantine empire, such as the Mani peninsula.

NOTES

¹ I thank very much Prof. Alejandro Quevedo for granting me the right to use the photo (Fig. 8)

and Konstantina Gerolymou for the photo and her consultations concerning the location of the tanks (Fig. 21, 22). Greek personal names were transliterated according to the Oxford Dictionary of Byzantium [50; 51; 52]; otherwise, I have applied the spelling closest to the Greek. The words (place name and toponym) are used interchangeably. The scientific editor is Yu.Ya. Vin.

² That was Dikaios Vayacacos, a member of the Academy of Athens, strongly opposed by scholar A. Koutsilieris. The debate was first encountered some 60 years ago ([35, p. 79]; also see [36; 70; 69]).

³ [23, pp. 359-360]; here relevant bibliography about geography and history of Mani is included; also see [34, pp. 13-36]; as to attribution of fig. 2, see [44, maps no. 11-20].

⁴ As to the expression “of or around”, the problem is created by the ambiguous notion of the preposition “περί” that can be read as “around” or “related to” the theme of Ki(n)sterna. About the place name itself, both writings, with or without the -n-, apply. I follow the spelling of the Greek “Chronicle of Morea”.

⁵ Stoupa, the modern name of the area around Leuktro castle, is of unknown origin. Either etymologically deriving from the Latin “stuppa” or the Greek “στυππεῖον”. It can be associated with the act of pounding, presumably while processing raw materials such as fish to condiments, molluscs to purple dye, flax to linen fibres and threads. The Leuktro/a name remains equally a riddle; there is a remote allusion to the ancient Greek verb λειῶ < hitting with stones. In details, see [49]; here the relevant bibliography and past views on the subject-matter are presented, and the reader may consult it for the previous scholarship.

⁶ For discussion, see [49]; also see in general [25, pp. 212-215] with relevant bibliography on the subject as well as [26, pp. 53-74; 63].

⁷ Mani, the name of the peninsula, is first referenced in the 10th century. The origin of the name is uncertain, believed to derive from the word μανός < barren land. I also see as probable the origin from the Latin word manus, alluding to the elongated formation of the peninsula and recalling the later Venetian appellation of Brazzo. The argumentation, however, on this issue goes beyond the frame of this paper.

⁸ The publication of I.B. Papadopoulos [54] is not accessible to the author of this article.

⁹ It is worth mentioning that Dorotheos’s Chronicon, contemporaneous to Melissenos’s Chronicon, follows Pachymeres’s account, attributing the name of Kisterna as “τῆς γῆς στέρναν” (a surface? cistern) [14, p. 475].

¹⁰ Interestingly enough, Kisterna in the French “Chronicle of Morea” (see point 5) is written with G- (Gisterna), not with C- (Cisterna), whereas the word cistern is used to literally describe tanks storing drinkable water [68, pp. 49-61, par. 563, 564].

APPENDIX

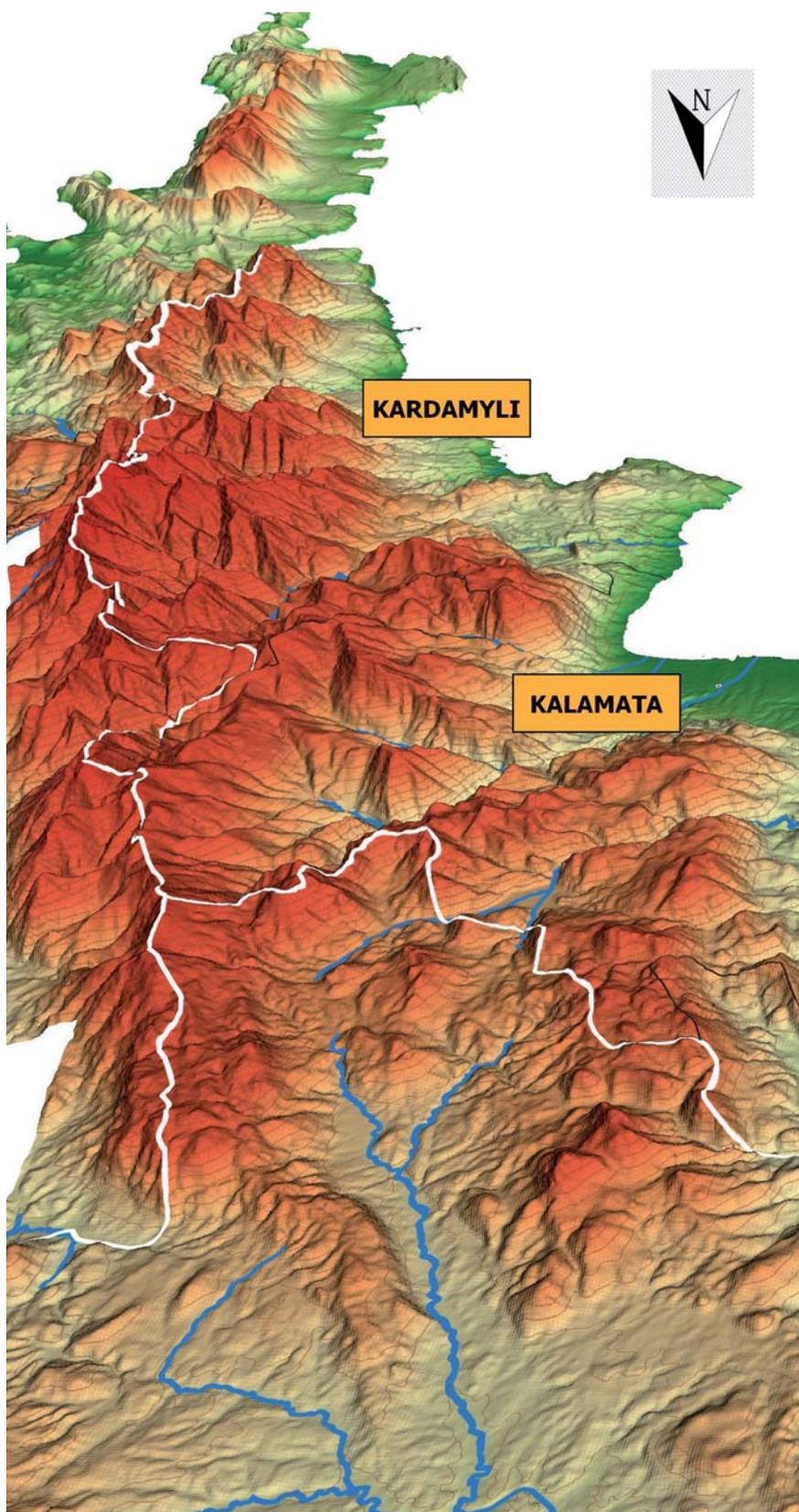

Fig. 1. The intense contrast of the relief on the Mani peninsula depicted in reversed orientation from south to north (creation: Athanasios Dimou, Surveyor Engineering and Geoinformatics)

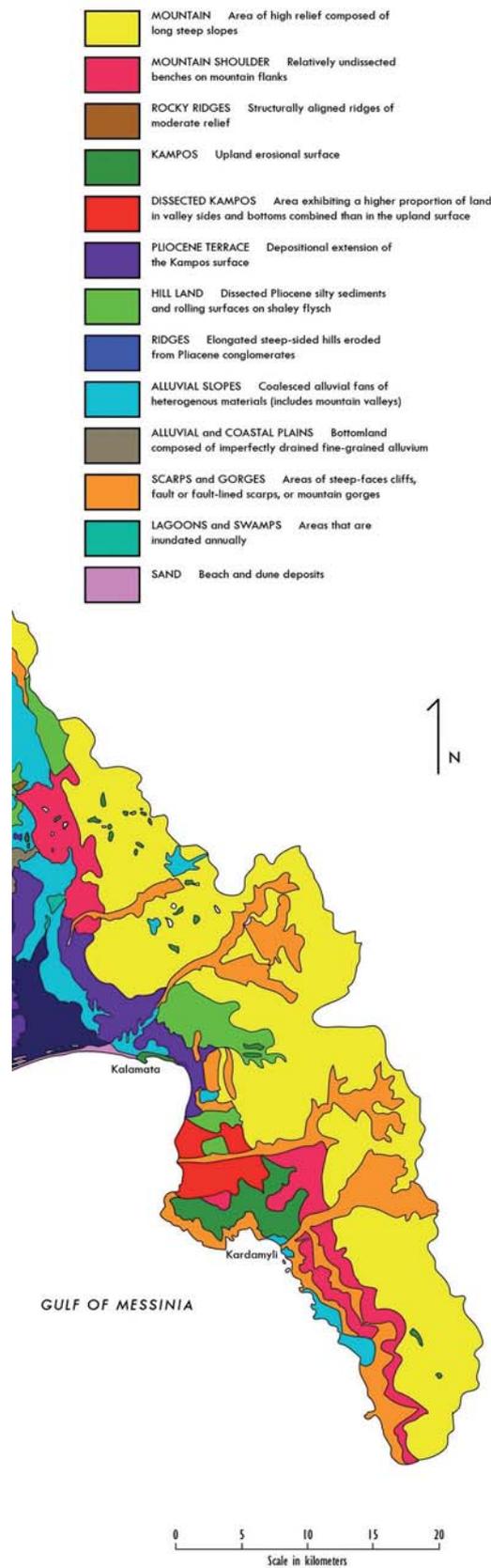

Fig. 2. Features of geomorphology and geology in the Mani peninsula (creation: Lida Kitsaki, Senior Graphic Design Associate)

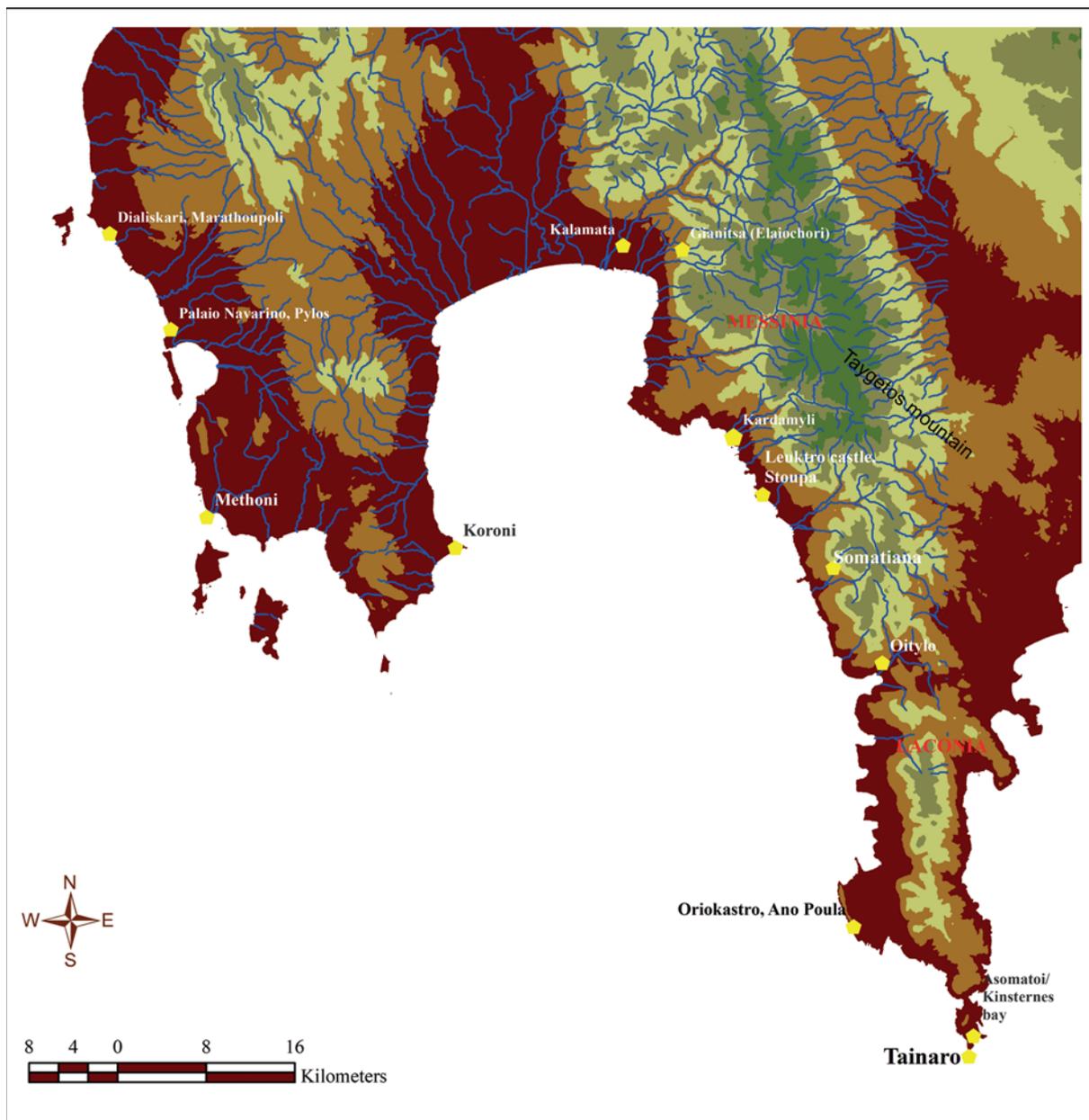

Fig. 3. Map of the Mani peninsula and units of Messinia and Laconia provinces, referencing the main place names of the text (creation: the author)

Fig. 4. View of the coastal plains and the shoreline from a semi-ruined loophole at the walls of Leuktro castle in Stoupa, NW (Messinian/Outer) Mani

Fig. 5. View to the north of Ano Poula promontory and the surrounding plains in southern (Laconian/Inner) Mani. A red sign spots the location of the presumed Oriokastro

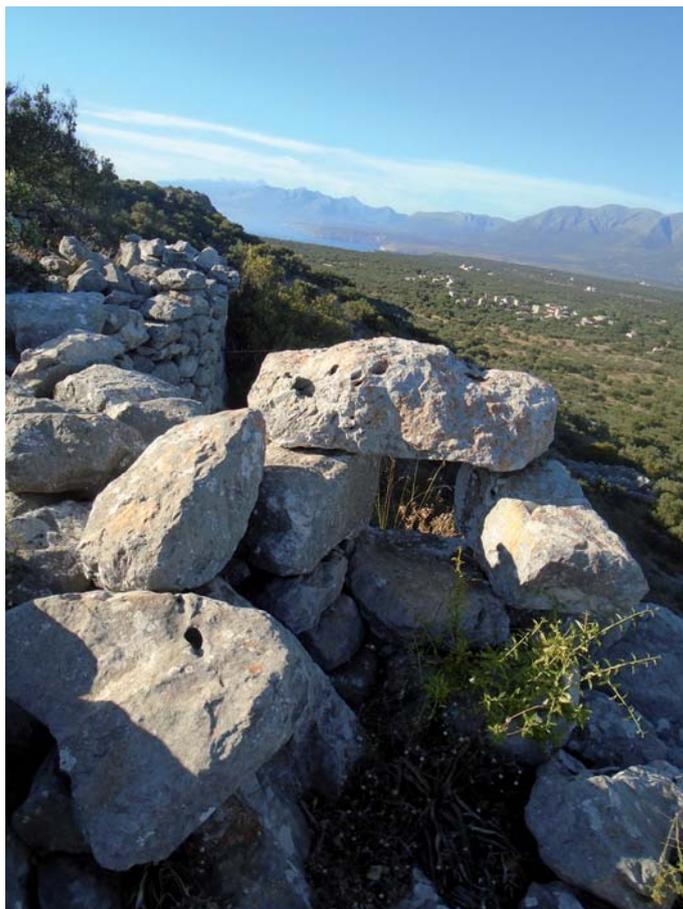

Fig. 6. The loophole protecting the entrance to the promontory of Ano Poula visible to the north

Fig. 7. The landscape around the two possible localizations of Ki(n)sterna in Messinia or Laconia.
View of Zygos, the uplands hillside of Taygetos mountain, the plains and the coastline

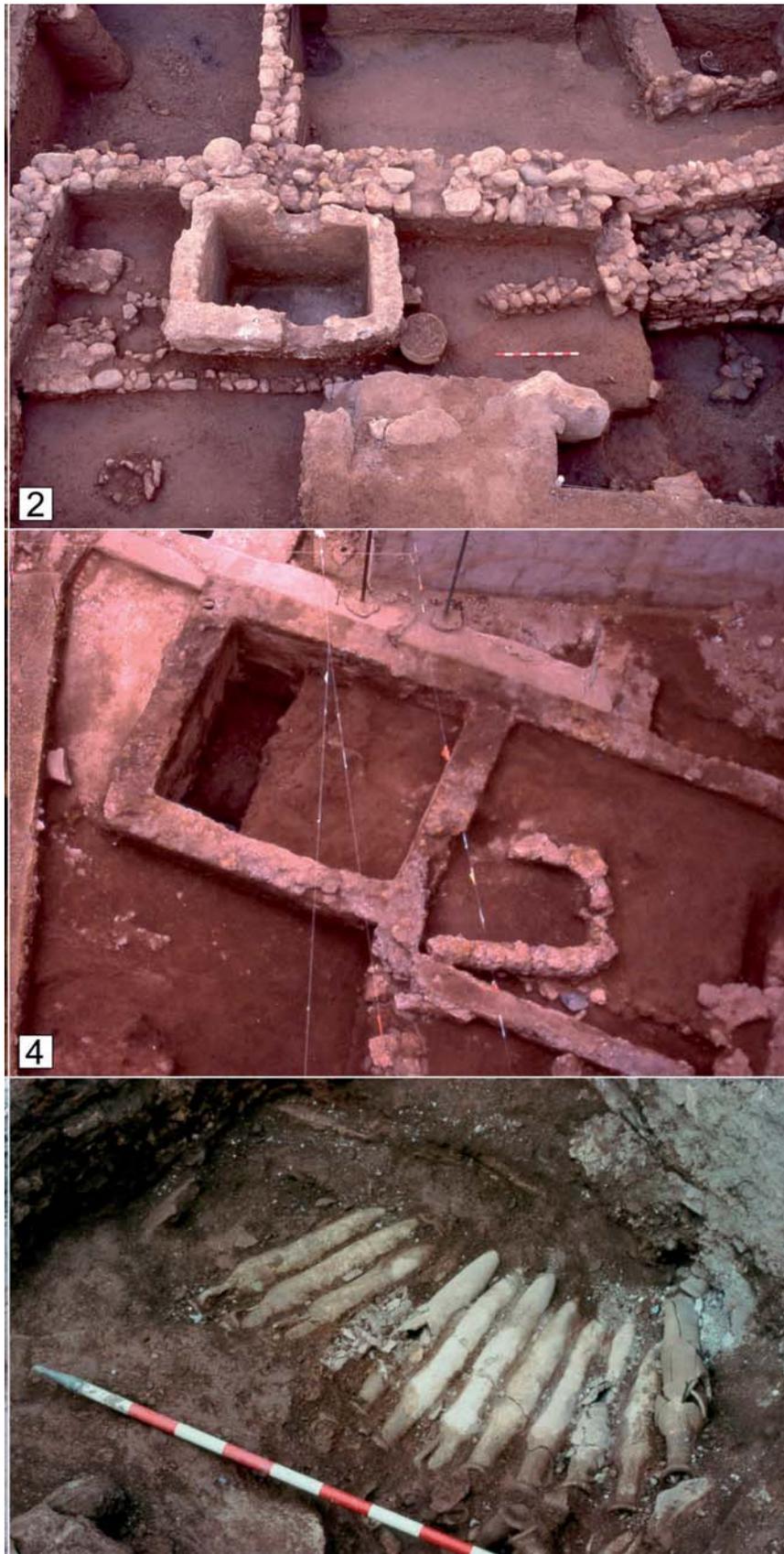

Fig. 8. Roman cetariae (with the amphorae found in situ), excavated in Águilas, a coastal town in south-eastern Spain

Fig. 9. The archaeological site of Roman fish salting workshop at Baelo Claudia (Southern Spain), Factory VI, Vat P-5

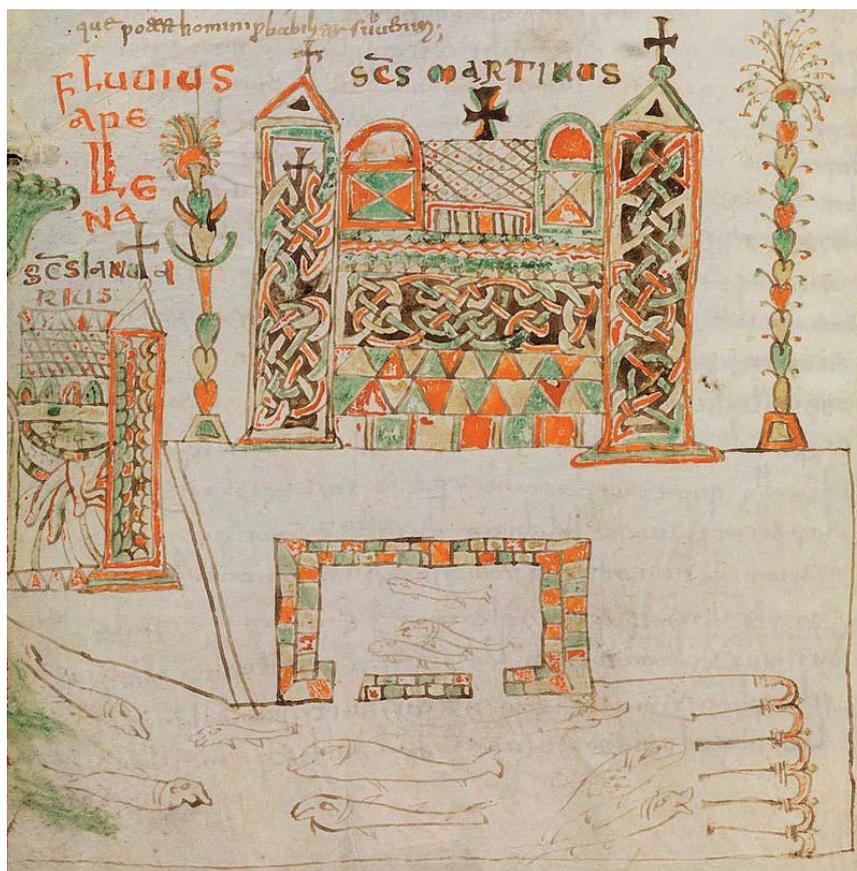

Fig. 10. A monastic fish breeding installation – a vivarium. The depiction of manuscript illumination, 8th century. Cassiodorus. Institutiones, Public Library of Bamberg, Ms. Patr. 61, fol. 29v

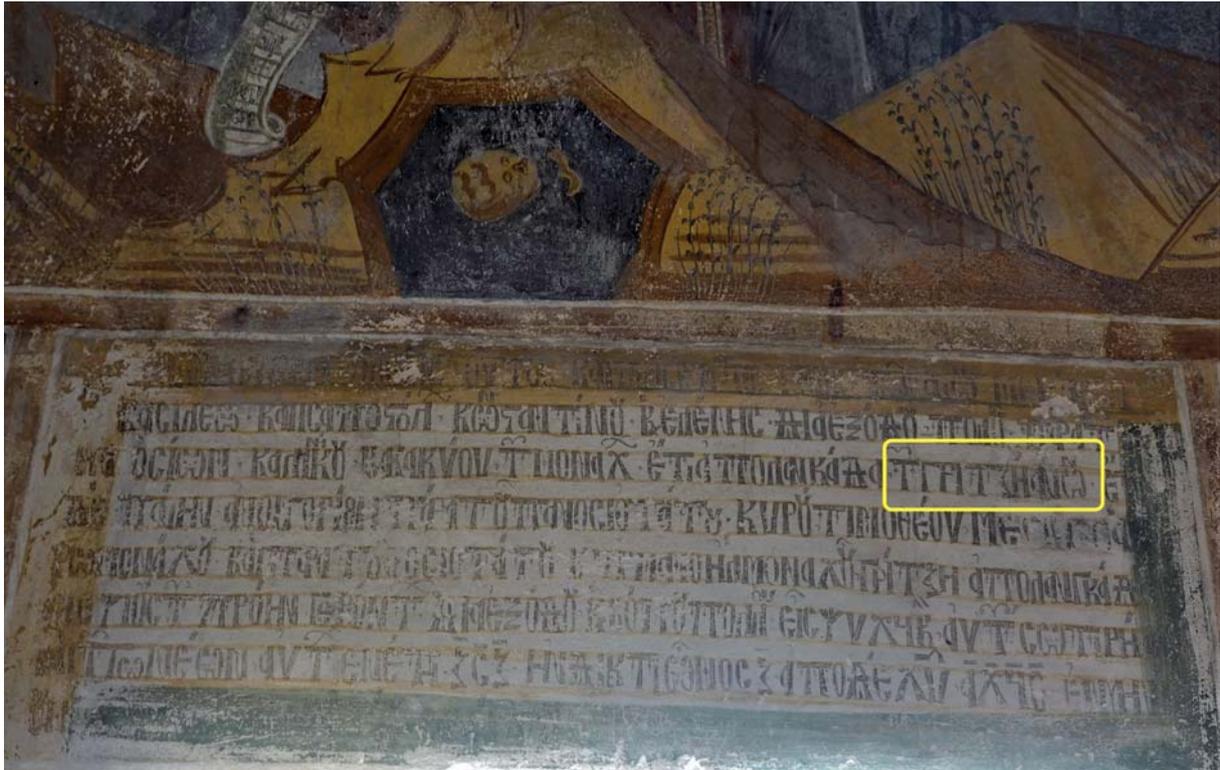

Fig. 11. An inscription of 1699 mentioning the family name of Gritsenon in the church of Saint Constantine in Somatiana village (ex Svina), Southern of Leuktro castle, in NW (Messinian/Outer) Mani

Fig. 12. The church of Saint Constantine in Somatiana village, and part of the Zygos landscape in NW (Messinian/Outer) Mani

Fig. 13. Salt pans across the rocky shoreline in Agios Nikolaos village, south of Stoupa, in NW (Messinian/Outer) Mani

Fig. 14. The Frankish cistern at the castle of Leuktro in Stoupa, NW (Messinian/Outer) Mani

Fig. 15. The spring of the collapsed barrel vault and the beam sockets' traces of the Frankish cistern at the castle of Leuktro, in Stoupa

Fig. 16. Detail of the immured clay conduit at the cistern of Leuktro castle, channeling the water in the interior

Fig. 17. View of the northern fortification walls on the islet Meropi in Kardamyli, NW (Messinian/Outer) Mani

Fig. 18. The church and the monastery premises at ruins on the islet Meropi in Kardamyli

Fig. 19. Rock-cut channel and salt pans at Dialiskari, in Marathos/Marathoupoli, western Messinia

Fig. 20. The fish breeding (?) or cetaria tank at Dialiskari, in Marathos/Marathoupoli, western Messinia

Fig. 21. An open (initially unroofed) tank of unidentified function at Livadeia promontory in Koroni castle, SW Messinia

Fig. 22. A plastered basin, probably for salt or fish processing at Livadeia promontory in Koroni castle, SW Messinia

Fig. 23. View of the archaeological site opposite the Asomatoi/Kinsternes bay in Tainaro, (Laconian/Inner) Laconia

Fig. 24. The salt pans and salt processing structures at Asomatoi/Kinsternes bay in Tainaro

Fig. 25. An open rock-cut plastered tank near the Asomatoi/Kinsternes bay in Tainaro

Fig. 26. An open plastered circular rock-cut tank formation near the Asomatoi/Kinsternes bay in Tainaro

Fig. 27. Part of the landscape, tanks, channels and the famous mosaic at the temple of Poseidon near the Asomatoi/Kinsternes bay in Tainaro

REFERENCES

1. Amores F., García E., Gonzales D., Lozano M.C. Una factoria altoimperial de salazones en Hispalis. Lagóstena L., Bernal D., Arévalo A., eds. *Cetariae 2005: Salsas y Salazones de pescado en occidente durante la Antigüedad. Actas del Congreso Internacional (Cádiz, 7–9 Noviembre de 2005)*. Oxford, John and Erica Hedges Ltd., 2007, pp. 335–339.
2. Arnakis G.G. George Pachymeres—A Byzantine Humanist. *The Greek Orthodox Theological Review*, 1966–1967, vol. 12, no. 2, pp. 161–167.
3. Avraméa A. Le Magne byzantine: problèmes d’histoire et de topographie. *EYΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. In 2 vols. Vol. 1*. Paris, Éditions de la Sorbonne, 1998, pp. 49–62.
4. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Pr., 1992. XVIII, 438 p.
5. Berdowski P. In Search of the Lexical Meaning of the Latin Terms *cetarius* and *cetaria*. *Glotta, Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache*, 2013, Bd. 89, S. 47–61.
6. Bon A. *Le Péloponnèse byzantin jusqu’en 1204*. Paris, Pr. univer. de France, 1951. XII, 231 p.
7. Bon A. *La Morée franque. Recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d’Achaïe (1245–1430)*. Paris, Éd. de Boccard, 1969. Pt. 1, XVIII, 746 p.
8. Breuillot M. *Châteaux oubliés de la Messénie médiévale*. Paris, L’Harmattan, 2005. 320 p.
9. Breuillot M. L’ eau et les châteaux francs de Messénie (Péloponnèse, XIIIe–XVe s.). Gautier D., Mouillebouche H., eds. *Actes du troisième colloque international du château de Bellecroix (Chagny). 18–20 octobre 2013*. Chagny, Éd. du Centre de Castellologie de Bourgogne, 2014, pp. 148–161.
10. Carannante A. Archaeomalacology and Purple-dye. State of the Art and New Prospects of Research. Cantillo Duarte J.-J., Bernal Casasola D., Ramos Muñoz J., eds. *Moluscos y púrpura en contextos arqueológicos atlántico-mediterráneos. Nuevos datos y reflexiones en clave de proceso histórico. Actas de la III Reunión Científica de Arqueomalacología de la Península Ibérica (3.2012. Cádiz)*. Actas. Historia y Arte, No 10. Cádiz, Serv. de Publ. de la Univ. de Cádiz, 2014, pp. 273–282.
11. Caroll M. Puzzling Names in the “Chronicon maius” of Macarius Melissenus: Pseudo-Phrantzes. *Byzantion*, 1974, vol. 44, no. 1, pp. 17–22.
12. *Cassiodorus. Institutiones. Public Library of Bamberg, Ms. Patr. 61*. URL: <https://www.bavarikon.de/object/SBB-KHB-00000SBB00000157>
13. Curtis R.I. *Garum and Salsamenta: Production and Commerce in Materia Medica*. Leiden; New York, C.J. Brill, 1991. XV, 226 p.
14. Dorotheos, metrop. *Biblion istorikon periechon en sunopsei diaphorous kai eksochous istorias* [A Historical Book Containing, in Summary, Various and Separate Stories]. Venice, para Nikolaō Glykei Publ., 1814. [1], 583 p.
15. Edmondson J.C. *Two Industries in Roman Lusitania. Mining and Garum Production*. Oxford, BAR Publ., 1987. [2], 355 p., fig. 23.
16. Gardner C.A.M. The “Oracle of the Dead” at Ancient Tainaron: Reconsidering the Literary and Archaeological Evidence. *Hesperia*, 2021, vol. 90, no. 2, pp. 339–358.
17. Beckh H., ed. *Geoponica sive Cassiani Bassi scholastici de re rustica eclogae*. Lipsiae, Teubner, 1895. XXXVIII, 641 p.
18. Georgii Phrantzae Chronicon / Annales. Migne J.P., ed. *Patrologiae cursus completus. Series graeca. In 161 Vols. Vol. 156*. Parisiis, Apud J.-P. Migne, 1866, cols. 637–1022.
19. Bekker I., ed. *Georgius Phrantzes, Ioannes Cananus, Ioannes Anagnostes*. Bonnae, Imp. Ed. Weberi, 1838. III, 566 p.
20. *Fábricas de Salazón. Baelo-Claudia. Museos Arqueológicos de Bologna. Cádiz. Andalucía. Francis. WEB personal*. URL: <http://www.redjaen.es/francis/?m=c&o=80149&letra=&ord=&id=80156>
21. Failler A., Laurent V., eds. *Georges Pachymérés. Relations historiques. In 3 Vols. Vol. 1*. Paris, Les Belles Lettres, 1984. XXXVI, 325 p.
22. *Garum Factory. Baelo-Claudia. Museos Arqueológicos de Bologna. Cádiz. Andalucía. Foto by C. Raddato. World History Encyclopedia*. URL: <https://www.worldhistory.org/image/13908/garum-factory-baelo-claudia>
23. Germanidou S. Mapping Agro-Pastoral Infrastructure in the Post-Medieval Landscape of Maniot Settlements: The Case-Study of Agios Nikon (ex. Poliana), Messenia. *Journal of Greek Archaeology*, 2018, vol. 3, pp. 359–404.
24. Grainger S. *The Story of Garum: Fermented Fish Sauce and Salted Fish in the Ancient World*. London, New York, Routledge, 2021. XII, 301, [1] p.
25. Haldon J.F. *Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 1997. XXVIII, 492 p.
26. Haldon J. *The De Thematibus (‘On the Themes’) of Constantine VII Porphyrogenitus. Transl. with Introduct. Chapters and Notes*. Liverpool, Liverpool Univ. Pr., 2021. XII, 283 p.
27. Heslop M. Villehardouin’s Castle of Grand Magne (Megali Mani). A Re-assessment of the Evidence for its Location. Shotten-Hallel V.R., Weetch R., eds. *Crusading and Archaeology. Some Archaeological Approaches to the Crusades*. London, Routledge, 2021, pp. 183–244.
28. Heslop M. Villehardouin’s Castle of Grand Magne (Megali Mani). A Re-Assessment of the

Evidence for Its Location. Heslop M., ed. *Medieval Greece. Encounters Between Latins, Greeks and Others in the Dodecanese and the Mani*. London, Routledge, 2021, pp. 226-285.

29. Huxley G. Transhumance on Taygetos in the Chronicle of Morea. *Illinois Classical Studies*, 1993, vol. 18, pp. 331-334.

30. Kalonaros P. *To Chronikon tou Moreōs. To ellēnikon keimenon kata ton Kōdika tēs Kopegchagēs meta symplērōseōn kai parallagōn ek tou Parisinou* [The Chronicle of Morea. The Greek Text According to the Copenhagen Code After Additions and Variations from the Paris Code]. Athens, Ekd. Dēmētrakou Publ., 1974. 32, 400 p.

31. Katsaphados P.S. *Byzantines Epigraphikes Martyries stē Mesa Manē (13os–14os ai.)* [Byzantine Epigraphic Testimonies in Mesa Mani (13th–14th C.)]. Athens, Idiōtikē ekd. Publ., 2015. 207 p.

32. Katsiardi-Hering O. Ktēmatographikoi chartes tou “Regno di Morea” ē autokratōrikoi chartes. Eisagōgē [Land Maps of the “Regno di Morea” or Imperial Maps. Introduction]. Katsiardi-Hering O., ed. *Benetikoi chartes tēs Peloponnēsou telē 17^{ou} – arches 18^{ou} aiōna. Apo tēs syllogēs tou polemikou archeiou tēs Aystrias* [Venetian Maps of the Peloponnese of the Late 17th – Early 18th Century. From the Collection of the Austrian War Archive]. Athens, Morphōtikoni Ethnikēs Trapezēs Publ., 2018. pp. 13-58.

33. Koder J. On the Slavic Immigration in the Byzantine Balkans. Preiser-Kapeller J., Reinfandt L., Stouraitis Y., eds. *Migration Histories of the Medieval Afroeurasian Transition Zone: Aspects of Mobility Between Africa, Asia and Europe, 300–1500 C.E.*, Leiden, Brill, 2020, pp. 81-100.

34. Komis K. *Plēthysmos kai Oikismoi tēs Manēs 15os – 19os aiōnas* [Population and Settlements of Mani in the 15th – 19th Centuries]. Ioannina, University of Ioannina, 2005. 701, [1] p.

35. Koutsiliaris A. Prosthēkai eis ta paratainaria topōnymia [Supplements to Paratainary Toponyms]. *Platōn* [Plato], 1966, vol. 18, pp. 57-102.

36. Koutsiliaris A. Paratainaria archaiopinē kai byzantina toponymia [Paratainary Ancient and Byzantine Toponyms]. *Platōn* [Plato], 1958, vol. 10, no. 1–2, σ. 240-249.

37. Kriesis A. On the Castles of Zarnáta and Kelefá. *Byzantinische Zeitschrift*, 1963, Bd. 56, Hft. 2, S. 308-316.

38. Lampakes S. *Georgios Pachymeris. Protekdikos and Dikaiophylax. An Introductory Essay*. Athens, National Hellenic Research Foundation. Institute for Byzantine Research, 2004. 259 p.

39. Longnon J. *Livre de la conquête de la princēe de l’Amorée. Chronique de Morée (1204–1305)*. Paris, Librairie Renouard, H. Lorens, 1911. CXX, 430 p.

40. Longnon J. Les noms de lieu de la Grèce franque. *Journal des Savantes*, 1960, vol. 3, pp. 97-110.

41. Lowe B. The Consumption of Salted Fish in the Roman Empire from Historical Case Studies. Buchet Chr., Arnaud P., De Souza P., eds. *The Sea in History – The Ancient World / La Mer dans L’Histoire – L’Antiquité*. Cambridge, Boydell & Brewer, Océanides, 2017, pp. 307-318.

42. Lurier H. E., ed. *Crusaders as conquerors. The Chronicle of Morea*. New York, London, Columbia Univ. Pr., 1964. 346 p.

43. Marzano A. *Harvesting the Sea: The Exploitation of Marine Resources in the Roman Mediterranean*. Oxford, Oxford Univ. Pr., 2013. XVI, [3], 365 p., 46 ill.

44. Mc Donald A.W., Rapp Jr.R.G., eds. *The Minnesota Messenia Expedition. Reconstructing a Bronze Age Regional Environment*. Minneapolis, The University of Minnesota Press, 1972. XVIII, 338 p., 16 pl., 63 fig., 21 maps.

45. *Mirabelle. Archivio digitale della cultura medievale*. URL: [https://www.mirabileweb.it/manuscript/bamberg-staatsbibliothek-patr-61-\(hj-iv-15\)-manuscript/2401](https://www.mirabileweb.it/manuscript/bamberg-staatsbibliothek-patr-61-(hj-iv-15)-manuscript/2401)

46. Molin K. *Unknown Crusader Castles*. Hambledon, London, Bloomsbury Publ., 2001. XXII, 421 p.

47. Morgan G. The Venetian Claims Commission of 1278. *Byzantinische Zeitschrift*, 1976, Bd. 69, Hft. 2, S. 411-438.

48. Mylona D. *Fish-Eating in Greece from the Fifth Century B.C. to the Seventh Century A.D.: A Story of Impoverished Fishermen or Luxurious Fish Banquets?* Oxford, Archaeopress, 2008. VIII, 171 p.

49. Nikoloudis N. The ‘Theme of Kinsterna’. Dendrinos Ch., Harris J., Harvalia-Crook E., Herrin J., eds. *Porphyrogenita: Essays on the History and Literature of Byzantium and the Latin East in Honour of Julian Chrysostomides*. Aldershot, Hampshire, Burlington, Vermont, Ashgate, 2003, pp. 85-91.

50. Kazhdan A.P. et al., eds. *The Oxford Dictionary of Byzantium. In 3 vols. Vol. 1*. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. LIV, 728 p.

51. Kazhdan A.P. et al., eds. *The Oxford Dictionary of Byzantium. In 3 vols. Vol. 2*. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. XXXIII, pp. 727-1474.

52. Kazhdan A.P. et al., eds. *The Oxford Dictionary of Byzantium. In 3 vols. Vol. 3*. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991, pp. XXXIII, 1474-2232.

53. Panopoulou A. Oi techniques tou alatiou stēn Peloponnēso ton 17° aiōna. Me aphormē dyo anekdota schedia tēs Methōnēs kai tēs Korōnēs [The Techniques of Salt in the Peloponnese in the 17th Century. On the Occasion of Two Anecdotal Plans of Methoni and Koroni]. *To ellēniko alati. Ē Triēmero Ergasias (Mytilēnē, 6–8 Noemriou 1998)* [Greek Salt. 8th Three-Day Work (Mytilini, 6–8 November 1998)]. Athens, Politistiko Idryma Omilou Peiraiōs Publ., 2001, pp. 156-165.

54. Papadopoulos I. B., ed. *Phrantzes (Georgios). Chronicon*. Bd. 1. Leipzig, Teubner, 1935. XXXIV, 201 S.
55. Philippides M. *The Fall of Byzantine Empire. A Chronicle by George Sphrantzes 1401–1477*. Amherst, The Univ. of Massachusetts Pr., 1980. IX, 174 p.
56. Philippides M., Hanak W.K. *The Siege and the Fall of Constantinople in 1453. Historiography, Topography, and Military Studies*. Farnham, Surrey, Burlington, Vermont, Ashgate, 2011. XXIV, 759 p.
57. Grecu V., ed. Pseudo-Phrantzes sive Macarie Melissenos. *Chronica (1258–1481)*. Grecu V., ed. *Georgios Sphrantzes. Memorii 1401–1477. În anexă*. Bucuresti, Ed. Acad. RS România, 1966, pp. 149–590.
58. Quevedo A., Sternberg M., De Dios Hernández García J. The Fish-Salting Production Centre of Águilas: Late-Roman Amphora Content Analysis. Bernal-Casasola D., Bonifay M., Pecci A., Leitch V., eds. *Roman Amphora Contents: Reflecting on the Maritime Trade of Foodstuffs in Antiquity. In Honour of Miguel Beltrán Lloris, Proceedings of the Roman Amphora Contents International Interactive Conference (RACIIC, Cadiz 5–7 October 2015)*. Oxford, Archaeopress, 2021, pp. 409–418.
59. Ragia E. The Circulation, Distribution and Consumption of Marine Products in Byzantium: Some Considerations. *Journal of Maritime Archaeology*, 2018, vol. 13, no. 3, Special Issue. The Bountiful Sea: Fish Processing and Consumption in Mediterranean Antiquity. Proceedings of the International Conference, Held at Oxford, 6–8 September 2017, pp. 449–466.
60. Saitas G.K., Zarkia K.I. Topoi kai tropoi syllogēs alatiou stē Mesa kai stēn Eksō Manē [Places and Ways of Collecting Salt in Mesa and Exo Mani]. *To ellēniko alati. Ē Triēmero Ergasias (Mytilēnē, 6–8 Noemriou 1998)* [Greek Salt. 8th Three-Day Work (Mytilini, 6–8 November 1998)]. Athens, Politistiko Idryma Omilou Peiraiōs Publ., 2001, pp. 254–294.
61. Stamatakos I. *Leksikon tēs archaias ellēnikēs glōssēs* [Lexicon of the Ancient Greek Language]. Athens, Bibliopromētheutikē Publ., 1999. 1261 p.
62. Stone D., Kampke A. Dialiskari: A Late Roman Villa on the Messenian Coast. Davis J.L., Bennet J., Alcock S.E., eds. *Sandy Pylos: An Archaeological History from Nestor to Navarino*. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 2008, pp. 192–198.
63. Karagiorgou O., Malatras Ch., Charalampakis P., eds. *Taktikon. Studies on the Prosopography and Administration of the Byzantine Themata*. Athens, Academy of Athens – Research Centre for Byzantine and Post-Byzantine Art, 2021. 904 p., 638, 241 ill., 6 maps.
64. Theodorakopoulou T. To Salt or Not to Salt: A Review of Evidence for Processed Marine Products and Local Traditions in the Aegean Through Time. *Journal of Maritime Archaeology*, 2018, vol. 13, no. 3, Special Issue. The Bountiful Sea: Fish Processing and Consumption in Mediterranean Antiquity. Proceedings of the International Conference, Held at Oxford, 6–8 September 2017, pp. 389–406.
65. Trakadas A. *Fish-salting in the Northwest Maghreb in Antiquity: A Gazetteer of Sites and Resources*. Oxford, Archaeopress, 2015. XII, 161 p., 129 Fig.
66. Van Arsdall A., Moody. H., eds. *The Old French Chronicle of Morea. An Account of Frankish Greece After the Fourth Crusade*. Farnham, Surrey, Burlington, Vermont, Ashgate, 2015. XIII, 258 p.
67. Van Dieten J.L., ed. *Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte / Historia Rhomaïke. In 6 Teile. Erster Teil (Kapitel I–VII)*. Stuttgart, Anton Hiersemann, 1973. VIII, 339 S.
68. Van Leuven J. The Phantom Baronies of the Western Mani. Schryver J., Kennedy H. et al., eds. *Studies in the Archaeology of the Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures, 400–1500*. Leiden, Brill, 2010, pp. 41–69.
69. Vayacacos D.B. To Tainaron kai ta toutou onomata [Tainaron and His Names]. *Eis mnēmēn K.I. Amantou, 1874–1960* [In Memory of K.I. Amantos, 1874–1960]. Athens, Menas Myrtides Ed., 1960, pp. 337–352.
70. Vayacacos D.B. To Tainaron. Mythos kai istoria [Tainaron. Myth and History]. Papachristofillos M., ed. *Peloponnēsiakē Prōtochronia. Istoría, laographía, technē, epistēma* [Peloponnesian New Year. History, Folklore, Art, Epistēma], 1960, t. 4, pp. 97–110.

Information About the Author

Sophia Germanidou, Mary Curie Research Fellow, School of History, Classics and Archaeology, Newcastle University, Claremont Rd, Old Library Building, Desk 30, NE1 7RG New Castle upon Tyne, United Kingdom, sophiagermanidou@yahoo.gr, <https://orcid.org/0000-0002-7147-3628>

Информация об авторе

София Германиду, научный сотрудник-стипендиат стипендии Марии Кюри, Школа истории, классики и археологии, Университет Ньюкасла, ул. Клермон, здание старой библиотеки, каб. 30, NE1 7RG г. Ньюкасл на Тайне, Соединенное Королевство, sophiagermanidou@yahoo.gr, <https://orcid.org/0000-0002-7147-3628>

www.volsu.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.18>

UDC 94

LBC 63.3(0)4-99+63.3(6)4

Submitted: 02.06.2023

Accepted: 19.10.2023

ARAB CONQUESTS. VIEW FROM EGYPT

Anton A. Voytenko

Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The reasons for the success of the Arab conquests present a complex problem. It is difficult to explain the victories of the Arab-Muslim troops, which had much less military-demographic potential than neighboring Eastern Roman Empire (Byzantium) and Sasanian Empire. The article is devoted to identifying the main causes of Egypt's loss by Byzantium and its capture by the Arabs. *Methods.* The main research method was factor analysis, which allows to find out all the possible reasons for the success of the Arabs and the defeat of the Byzantines, to identify their internal relationship and hierarchy, classifying them into basic and situational ones. *Analysis.* The study analyzed the influence of the religious factor (Islam for the Arabs, the Christological schism for Egypt), the military potential of the Arabs and the Byzantines (the expected number of troops, the strategy and tactics of the warring parties, the motivation of the armies, etc.), the degree of the consolidation of the elites, public sentiment. Special attention was paid to the route of the Arabs, the role of Patriarch Cyrus (Mukaukus), two attempts to reconquer Egypt by the Byzantines, the system of administration and taxation of the Arabs on the conquered territory. *Results.* The main factor in the defeat of the Byzantines in Egypt can be considered the weak integration of this region into the Empire, as indicated by the unresolved religious issue (Chalcedonian schism), insufficient military contingent, weak social support for the central government, etc. The main reason for the success of the Arabs in conquering and keeping Egypt under their rule can be considered a "symbiosis" of two factors: 1) early Islam, which contributed to the consolidation of society and the elites, gave meaning for the motivation of the army, contributed to the establishment of the *dhimma* system, which provided Christian communities with autonomy in religious matters, and 2) the genesis of the Arab state, which passed at the same time and created real conditions for borrowing managerial and fiscal models, "natural" for the conquered territories.

Key words: late Antiquity, early Byzantium, Byzantine Egypt, Blues and Greens in Byzantium, Cyrus (Mukaukas) Patriarch of Alexandria, Arab conquests.

Citation. Voytenko A.A. Arab Conquests. View from Egypt. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 240-259. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.18>

УДК 94

ББК 63.3(0)4-99+63.3(6)4

Дата поступления статьи: 02.06.2023

Дата принятия статьи: 19.10.2023

АРАБСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ. ВЗГЛЯД ИЗ ЕГИПТА

Антон Анатольевич Войтенко

Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Российская Федерация

© Войтенко А.А., 2023

Аннотация. Причины успеха арабских завоеваний представляют собой сложную проблему. Трудно объяснить победы войск арабо-мусульман, на порядки уступавших по военно-демографическому потенциалу соседним с ними Восточноримской империи (Византии) и Сасанидскому Ирану. Статья посвящена выявлению основных причин потери Византией Египта и его захвата арабами. Основным методом исследования был факторный анализ, позволяющий выяснить все возможные причины успеха арабов и поражения византийцев, выявить их внутреннюю взаимосвязь и иерархию, распределив их на базовые и ситуативные. В ходе исследования были проанализированы влияние религиозного фактора (ислам для арабов, христологический раскол для Египта), военный потенциал арабов и византийцев (предполагаемая численность войск, стратегия и тактика воюющих сторон, мотивированность армий и т. д.), степень консолидации элит, общественные настроения. Отдельное внимание было уделено маршруту арабов, роли патриарха Кира (Мукаукиса), двум попыткам реконквисты Египта со стороны византийцев, системе управления и налогообложения арабов на завоеванной территории. Основным фактором поражения византийцев в Египте можно считать слабую интеграцию этого региона в Империю, на что указывает неразрешенность религиозного вопроса (халкидонского раскола), недостаточный военный контингент, слабая социальная поддержка центральной власти и пр. Основной причиной успеха арабов по завоеванию и удержанию под своей властью Египта можно считать «симбиоз» двух факторов: 1) раннего ислама, способствовавшего консолидации общества и элит, давшего смыслы для мотивации армии, санкционировавшего установление системы *зимма*, предоставлявшей христианским общинам автономию в религиозных вопросах, и 2) проходившего в это же время генезиса арабского государства, создавшего реальные условия для заимствования управленческих и фискальных моделей, «естественных» для завоеванных территорий.

Ключевые слова: поздняя Античность, ранняя Византия, византийский Египет, византийские димы, Александрийский патриарх Кир (Мукаукис), арабские завоевания.

Цитирование. Войтенко А. А. Арабские завоевания. Взгляд из Египта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 240–259. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.18>

Введение. В 2013 г. в ИСАА МГУ прошел круглый стол, посвященный арабским завоеваниям (см.: [3]). Собравшиеся на нем арабисты, византинисты и специалисты по христианскому Востоку пытались найти объяснения причин столь непонятного феномена, производящего впечатление чего-то противоестественного: военно-демографический потенциал соседних государств на порядок превосходил возможности арабов, и тем не менее, за очень короткий срок Восточноримской империи (Византии) было нанесено катастрофическое поражение, а Сасанидский Иран – полностью завоеван. В то же время была отмечена и другая странная особенность: если часть регионов Византии и территорию Ирана арабы смогли захватить относительно быстро, то Магриб они покоряли около 70 лет [3, с. 52]. Данная статья – это продолжение начатого тогда разговора. Ее основной целью будет попытка понять фундаментальные причины потери Византией Египта и его захвата арабами.

Задачи и методы. Основным методом исследования являлся факторный анализ, уже применявшийся в наших статьях (см.: [4,

с. 306]). В данном случае он служил выявлению причин, обеспечивших успешное завоевание арабами Египта, их возможной взаимосвязи и классификации на фундаментальные и ситуативные (случайные), усиливающие или ослабляющие возможность данного события. Так, например, одной из причин победы арабов называют отсутствие у Византии на египетском театре военных действий талантливых и решительных полководцев. Однако в ситуации, когда Византии выпал шанс все «переиграть» и послать в Египет экспедиционный корпус во главе с решительным полководцем Мануилом, его поход все равно закончился неудачей. Это может говорить о том, что недостаточные военные таланты командующих византийской армией в период арабского вторжения – фактор ситуативный, который вряд ли может быть выбран в качестве основного.

Другой важной задачей является отыскание таких факторов, которые служат базовыми для остальных, являющихся производными от них. Нам представляется, что весь спектр причин арабского завоевания Египта можно представить в виде двух больших «кластеров»: 1) почему проиграли византийцы;

2) почему выиграли арабы. При этом стоит отметить, что они лишь частично пересекаются между собой.

Еще одним инструментом исследования служил сравнительный метод. Он важен не только для сопоставительного анализа двух противоборствующих сторон (степень консолидации элит, общественные настроения, военный потенциал, тактика и стратегия сражающихся сторон, роль отдельных акторов и т. д.), но и при рассмотрении персидского и арабского завоеваний Египта как сходных, но в то же время альтернативных событий, произошедших на одной территории в короткий временной промежуток, то есть с разницей примерно в 20 лет¹. В статье также использованы классические методы историко-филологических исследований: например, текстологический анализ, системный метод и др.

Анализ. Среди всех источников по теме наиболее важными являются два: «Хроника» Иоанна Никиусского и «Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса» Абд ар-Рахмана ибн Абдаллаха ибн ал-Хакама ал-Кураши (далее – ал-Хакам)². Оба источника являются крайне сложными для анализа. «Хроника» была составлена миафизитским (феодосианским) епископом Никиу Иоанном предположительно во второй половине VII в., то есть она отстоит примерно на полвека от интересующих нас событий. Оригинал «Хроники» утрачен, дискуссии о том, на каком языке он был написан, греческом или коптском, ведутся до сих пор³. Последовательным сторонником коптского оригинала является Ф. Бут [12, р. 556–557; 13, р. 642; 14, р. 510]. В то же время недавно были актуализированы замечания Г. Зотенберга, что обозначения «прасинов» в оригинале текста могли стоять в косвенных падежах (*πρασίων, πρασσόντων*) [10, с. 79]. Наличие в коптском тексте греческих слов не в номинативе – явный признак того, что оригинал был составлен на греческом. С греческого или коптского текста был сделан сокращенный арабский перевод. На сокращения указывает несоответствие краткого содержания глав (рубрик) и основного текста (см.: [12, р. 559]). Но он тоже не сохранился. С этой арабской «эпитомы» в 1601 г. был сделан перевод на эфиопский (геэз), который дошел до наших дней. Помимо сложностей, объективно

возникающих при интерпретации сокращенного текста, прошедшего через два перевода, «Хроника» содержит лакуну (610 – первая половина 640-х гг.), где должны были быть описаны события, связанные с вторжением персов и первым этапом арабского завоевания. При этом в тексте есть перестановки (часть материала глав 111–115 перенесено в главу 117 [14, р. 530]). Также имеют место сбивчивые описания событий (например, приезда патриарха Кира в Александрию после его опалы (*Io. Chron. cap. 119; ср. cap. 120*) [25, р. 191, 195–197]), что может указывать либо на более поздние интерполяции, либо на неудачную попытку самого Иоанна скомпилировать сведения из двух разных источников (ср.: [14, р. 520–536]).

Египтянин ал-Хакам писал свой труд уже в IX в. и его по праву можно считать первым подробным свидетельством арабской исторической традиции о завоевании Египта, дошедшим до нас. «Завоевание Египта» принято относить к литературе *футух* (*futūḥ*), особому синтетическому жанру, включающему в историческое повествование материалы административного, религиозно-правового, философского или назидательного характера. Другое объяснение бросающейся в глаза эклектичности нарратива ал-Хакама предполагает, что его труд сочетает в себе разные исторические жанры (история страны, биография, *хитат* и *фада'ил*) [1, с. 8]. Можно сказать, что его сочинение являет собой завершающую стадию генезиса арабской исторической традиции как перехода исторического нарратива от фольклорной стадии к письменной, но при этом не ориентирующейся на классические античные модели. Основным отличием является принцип построения материала: если византийский историк или хронист заимствует свои сведения из разных источников, не называя их, но стараясь на их основе создать непротиворечивое повествование, то у ал-Хакама изначальные «ручейки» фольклорных преданий, оформленные через цепочки авторитетов (*иснады*), аккуратно монтируются один за другим, даже если они явно противоречат друг другу. Подобные несуразности обычно «снимаются» с помощью традиционной исламской гносеологии («а Аллах знает лучше») (ср.: [1, с. 84, 117, 120, 127, 138, 173, 188, 218]). Насколько нам известно, до сих

пор не существует надежных историко-филологических методов работы с арабским историческим нарративом, сходных, например, с теми, которые были предложены болландистами для раннехристианской агиографии, хотя работа в этом направлении велась (см.: [2, с. 219, примеч. 41]). Другие свидетельства арабской традиции о завоевании Египта имеют гораздо меньшее значение, хотя могут содержать интересные для нас подробности.

Из всего корпуса собственно византийских источников наибольшее значение имеют два произведения, составленные во второй половине VIII – начале IX в.: «Хронография» Феофана Исповедника [18] и «Бревиарий» Константинопольского патриарха Никифора [22; 8]. При этом следует отметить проблемы с хронологией и последовательностью событий у обоих авторов, а также странный провал в сведениях относительно арабских завоеваний по сравнению с более детальным описанием войны с персами.

Историография, непосредственно посвященная арабскому завоеванию Египта, небогата. Не претендуя на полноту охвата всех работ, следует остановиться на самых важных исследованиях. В 1902 г. вышла книга А. Батлера «Арабское завоевание Египта» [16], которая до сих пор остается единственной монографией, целиком посвященной этой проблеме. Британский ученый проделал недюжинную работу по привлечению и сопоставлению разных источников (арабо-мусульманских, копто-арабских, коптских и византийских). Батлеру уже были доступны и «Хроника» Иоанна Никиусского (в издании Г. Зотенберга и в переводе Р. Чарльза [16, р. X–XI, XXIII]) и труд ал-Хакама в извлечениях Г. Вайля и Э. Катремера [16, р. XII]. Одной из главных ценностей работы является подробный и критический анализ данных арабской исторической традиции (что во многом облегчает наши задачи), а также детальная реконструкция хода событий, основанная на взвешенной «гармонизации» источников. Недавние попытки представить книгу Батлера сильно устаревшей [13, р. 641] на проверку оказываются несостоятельными. После выхода книги критике подвергались отдельные ее положения: главным образом, она касалась маршрута и тактики арабов (см.: [13, р. 663]).

Наконец, относительно недавно появились две статьи Ф. Бута, посвященные этой теме [13; 14]. Их автор пытается оспорить некоторые выводы А. Батлера, однако его собственные заключения далеко не бесспорны и вызывают много вопросов. Основным недостатком Бута, на наш взгляд, является то, что в своих рассуждениях он отдает бесспорный приоритет «Хронике» Иоанна Никиусского, пытаясь представить данные ал-Хакама, дающие отличные от «Хроники» сведения, как ненадежные, вместо того чтобы провести взвешенный анализ по сопоставлению всех спорных свидетельств.

В русскоязычной историографии следует выделить главу о завоевании Египта из второго тома «Истории халифата» О.Г. Большакова [2, с. 103–128]. Известный российский арабист, так же как и А. Батлер, пытается детально реконструировать события, делая отдельные замечания относительно причин поражения византийцев. Как нам представляется, он сильно преувеличивает роль «пращинов» и «венетов», по сути делая их политическими партиями [2, с. 106, 111, 112, 114, 117], придерживается устаревшей точки зрения об этническом характере христологического раскола в Египте, где миафизитство для коптов было «своеобразной формой внутренней духовной автономии» ([2, с. 106]; ср.: [1, с. 4]), и высказывает довольно странное мнение об отсутствии в византийском Египте единого командования [2, с. 118, 243, примеч. 44]. В ряде случаев Большаков предлагает отличные от Батлера версии событий (о времени завоевания Фаюма, о причине сдачи Киром Египта [2, с. 108–109, 118]), которые являются не бесспорными.

Прежде чем начать разбор предполагаемых факторов и причин, следует указать на одно важное обстоятельство. После Юстиниана I, старавшегося на все ключевые посты в провинциях ставить представителей центральной власти, со времени Юстина II начинается процесс «регионализации» империи, когда местным элитам стало возможно занимать высшие административные должности в своих регионах (см.: [4, с. 307]). Это обстоятельство важно указать, поскольку очевидно, что оно объективно усиливало процессы децентрализации в провинциях.

В успехе арабских завоеваний одним из основных (или даже основным) называется фактор ислама. Действительно, ранний ислам – важная составляющая часть арабских побед. Он непосредственно влиял и на консолидацию элит (прежде всего, военных), и на мотивированность войска. Ал-Хакам указывает, что мусульманин, убитый на поле боя, попадает в рай [1, с. 92], а Феофан добавляет, что по исламским верованиям в рай идет не только погибший, но и «убивающий врага», а сам рай предоставляет попавшим туда все, о чем только может мечтать пустынный кочевник (*Theoph. Chron.* А.М. 6122) [18, р. 334]. А если иметь в виду, что становление ислама и генезис арабской государственности происходят параллельно, то следует думать, что этот фактор сильно повлиял и на политику в отношении завоеванных христиан, и на складывание системы управления завоеванными территориями. Но при этом нельзя считать фактор ислама всеобъемлющим, поскольку контур предполагаемой военной экспансии арабо-мусульман не совпадает с реальными границами завоеванных ими территорий: например, несмотря на все попытки, им так и не удалось завоевать Нубию и Малую Азию.

Религиозный фактор в Византии имел не консолидирующее, а, скорее, дестабилизирующее значение. Почти двести лет Империя пыталась решить проблему христологического раскола, перепробовав несколько возможных сценариев: от силовых и репрессивных мер в отношении нехалкидонитов до признания *de facto* их автономности, которое по некоторым данным наметилось при императоре Тиберии и позволило феодосианам в конце VI в. сформировать полноценные церковные структуры (см.: [4]). Однако при Ираклии дальнейшее движение в этом направлении свернули, и был реанимирован силовой сценарий унии (назовем ее для краткости монофелитской). Причины такого поворота до конца не ясны, однако А. Батлер предлагает вполне реалистичную гипотезу, объясняющую мотивацию Ираклия: после победы над персами, воссоединения утраченных территорий, возвращения Иерусалима и реликвий Креста, он решил на волне религиозного энтузиазма радикально решить проблему раскола [16, р. 135–137, 174–175]. Но в конечном итоге это

лишь усугубило ситуацию (ср.: [16, р. 156, 158]). Как нам представляется, не стоит доверять оптимистическим заявлениям Ф. Бута о том, что патриарху Киру (Мукаукису) в Египте почти удалось решить проблему [14, р. 512]. Британский ученый просто склонен некритически доверять победным реляциям Кира, а также иным монофелитским документам, и некорректно интерпретировать данные египетских источников о том, что Киру удалось вовлечь в унию часть феодосианского епископата. Мы уже указывали на основную ошибку Бута, который отождествляет епископат с понятием «Церковь» и фактически отказывается другим церковным группам (мирянам, среднему и низшему клиру, монашеству) в субъектности (см.: [4, с. 311]). При действующем феодосианском патриархе, не принявшем унию, позиции феодосианского монашества, ясно выраженной, например, в коптском «Житии Самуила из Каламуна», и особенностях епископской хиротонии в Египте, заменить перешедший в унию епископат особого труда не составляло. Безусловно, сближению не способствовали и те репрессии против миафизитов, которые имели место в ходе войны (*Io. Chron cap.* 117) [25, р. 187]⁴.

Другой, не менее важной проблемой является то, как повлиял двухсотлетний раскол на поведение египетских миафизитов после прихода мусульман. Ранее существовало мнение, что они рассматривали вторжение арабов, как освобождение от «византийского ига» и открыто их поддержали. Свидетельства такого рода можно найти у ал-Хакама: начиная с послания коптского патриарха Вениамина к своей пастве с приказанием «хорошо встречать Амра», до разных примеров сотрудничества с арабами как рядовых коптов, так и представителей коптских элит [1, с. 79, 80, 91, 93, 95]. Однако эту точку зрения убедительно критиковал еще А. Батлер [16, р. 211–212]. Данные ал-Хакама по этому вопросу, скорее всего, весьма тенденциозны. Он писал свой труд в IX в., когда исламские элиты Египта проявляли явные тенденции к сепаратизму, идеологическим обоснованием которого стало подчеркивание близости арабов и коптов, красной нитью проходящее через весь труд египетского историка (ср.: [1, с. 9]). Поэтому ал-Хакамом (или той исторической традици-

ей, которая стояла за ним) реальные случаи коллаборационизма могли быть кратно преувеличены. Более реальными в этом вопросе кажутся данные Иоанна Никиусского, который также пишет о случаях перехода коптов на сторону арабов или симпатиях к ним (*Io. Chron. cap.* 111, 113, 114, 119, 121) [25, p. 179, 181, 182, 189, 201]. Однако его сведения не производят впечатления, что поддержка мусульман со стороны местного населения носила массовый характер (ср.: [16, p. 278–279]). Тем более, что отношение самого Иоанна к исламу достаточно негативное (*Io. Chron. cap.* 114, 121) [25, p. 182, 201]. Как нам представляется, ключевым является следующий эпизод: после захвата Фаюма Амр ибн ал-Ас (далее – Амр) приказал префекту Георгию навести мосты через Нил, «и люди стали помогать мусульманам» (*Io. Chron.* 113) [25, p. 181]. То есть местное население стало помогать арабам после захвата тех областей, где они жили, но не до него. Такой тип поведения, на наш взгляд, свойственен социальным группам, полностью утратившим свою политическую субъектность⁵. Недавние исследования разных редакций «Истории александрийских патриархов» выявили в одной из них тенденцию рассматривать арабов, как освободителей нехалкидонитов (см.: [13, p. 664–665]). Однако нет никаких оснований считать, что эта тенденция адекватно выражает доминантные настроения египетских миафизитов накануне и во время завоевания (ср.: [13, p. 665, note 113]). Поэтому в данном случае правильнее предполагать, что базовой моделью поведения египтян было пассивное отношение как к византийской власти, так и к арабам. В такой ситуации задача удержания территорий целиком ложится на военную администрацию и армию.

Говоря о военном потенциале византийцев в Египте, стоит для начала остановиться на одном примечательном факте. При всей разнице военных потенциалов и тактике ведения боя у персов и арабов, и тем и другим на завоевание Египта в VII в. понадобилось примерно одно и то же время, около двух лет⁶. Мы не имеем точных сведений о численности военного контингента византийцев. Цифра, приводимая ал-Хакамом «более ста тысяч» [1, p. 92, ср. с. 103], представляется силь-

но завышенной и вполне отвечающей особенности арабского исторического нарратива преувеличивать цифры противника и преуменьшать свои (см.: [2, с. 234, примеч. 36]). Однако у арабского автора XV в. Джалалуддина ас-Суйути дается число эвакуированных византийских солдат после сдачи Александрии – 30 тыс. (см.: [16, p. 366–367, note 3]). Ал-Хакам, описывая эвакуацию из столицы Египта, тоже приводит цифру в 30 тыс., но только для «мужчин-румийцев», которым удалось уплыть из города [1, с. 103]. Цифра в 30 тыс. выглядит довольно реалистично. Можно предположить, что примерно таким и был контингент регулярных византийских войск в Египте на момент вторжения. Естественно, что регулярные войска располагались по всему Египту: какая-то их часть находилась на юге, какая-то – в Александрии, остальные, как можно предполагать, были распределены по гарнизонным городам Фаюма и Дельты, таким как Пелузий (ал-Фарама), Билбейс или Никиу. Значительный контингент должен был быть сосредоточен в крепости Вавилон (Балайун), стратегическими воротами между Верхним и Нижним Египтами. Однако гарнизон крепости вряд ли превышал 3 тыс. (см.: [2, с. 110]). Известные нам данные указывают на то, что военный контингент в Египте был способен удерживать территорию в мирное время, обеспечивая безопасность границ от мелких набегов, тогда как более-менее значительное формирование могло «пробить» границу и значительно продвинуться вглубь территории. Любопытные данные на этот счет содержатся в гомилии Шенуте «О нашествии кочевников» (V в.), когда наиболее опасным для Египта направлением был юг. Объединению кочевых племен удалось вторгнуться в Египет с юга и достигнуть города Койс (Эль-Кейс, Кинополь) (*Sin. De Aeth. Inv.* II) [21, p. 68]. В VII в. ситуация повторилась, но теперь уже на восточном направлении. Персы, а затем арабы относительно быстро взяли Пелузий и получили выход на восток Дельты.

По сообщению ал-Хакама войско византийцев состояло из «румийцев» и «коптов» [1, с. 90]. Под «румийцами» здесь надо понимать регулярные византийские части, а под «коптами» – мобилизованных рекрутов. Мобилизация местного населения, в том числе и в

Египте, обычно проводилась византийцами в период военных кампаний или военных вторжений, пример такого рода содержится в «Житии св. Пахомия» (*Vita prima*. 4) [20, р. 3]. Моральный дух и настроения подобных подразделений зачастую были невысокими, иллюстрацией чего могут быть слова ал-Хакама, что копты не хотели сражаться с арабами [1, с. 91]. Конкретный пример такого рода приводит Иоанн Никиусский, описывая битву у Саманнуда (восточный рукав Дельты): при приближении арабов рекруты⁷ отказались воевать (*Io. Chron. cap. 114*) [25, р. 182]. Вероятно, боевой дух регулярных частей был немногим лучше. Византийцам удалось выиграть только одно сражение, как раз у Саманнуда, где командующий войсками Феодор проявил инициативу (*Io. Chron. cap. 114*) ([25, р. 182]; ср.: [2, с. 112]). Все остальные сражения, насколько мы можем судить по данным источников, византийцы проиграли. При бегстве командующего они теряли волю к сопротивлению, что наглядно видно на примерах обороны Фаюма, Антинои и особенно Никиу (*Io. Chron. cap. 112, 115, 118*) [25, р. 181, 184, 188]. В целом можно сказать, что действия византийских войск в большинстве случаев были запоздалыми и реактивными (ср.: [16, р. 224]).

Как нам представляется, сообщениям о численности арабского войска, содержащимся у ал-Хакама, вполне можно доверять. Амр вторгается в Египет с войском численностью 3,5 тыс. или (что более вероятно) 4 тыс. человек [1, с. 76]. В таком составе ему удастся взять Пелузий, Билбейс и продвигаться вглубь по восточному рукаву Дельты. Но уже возле Умм Дунайна (Тендуниас?) Амр запрашивает у халифа подкрепления и получает еще 4 тыс. воинов [1, с. 79]. Возле Вавилона Амр еще раз запрашивает поддержки и получает еще 4 тыс. [1, с. 81]⁸. Таким образом, если взять в расчет особенность арабского исторического нарратива преуменьшать численность своих войск, то можно предположить, что их численность при осаде Вавилона составляла от 12 до 15 тыс. человек (ср.: [16, р. 229]). Это примерная численность арабского контингента, силами которого арабы взяли Фаюм (город), Вавилон, Никиу, Карьюн и осадили Александрию (ср.: [16, р. 472–473]). Естественно, следует учитывать, что в заво-

ванных городах арабы, скорее всего, оставляли воинские гарнизоны, поэтому численность войск, осаждавших Александрию, была несколько меньше.

Ал-Хакам поначалу сообщает, что в походе Амра принимали участие люди племени 'акк. Но позднее мы узнаем, что состав войска не был так однороден: в частности, в его состав входили «неарабские народы» ал-хамра' («народ из румийцев») и ал-фарисийун («народ из персов»). Сами эти народы говорили, что они арабы, но арабы им не верили, опасаясь измены с их стороны [1, с. 150]. Вероятнее всего, речь идет о каких-то арабоязычных или семитоязычных этнических группах, проживавших в границах Византии и Ирана. И здесь следует вспомнить, что Батлер в качестве одной из причин победы арабов называл их «самое близкое расовое родство со значительной частью населения, куда они вторгались» [16, с. 150]. В числе таковых он называет кочевые и оседлые племена, жившие в Византии и Иране и свободно перемещавшиеся «для торговли или войны в сердцевине обеих империй» [16, с. 150]. Можно предполагать, что они хорошо знали географию и общую обстановку там. В Египте такие группы тоже были, прежде всего в Восточной пустыне. Именно они могли помочь арабам, особенно в начале их похода, когда те продвигались к Вавилону. Другой такой группой Батлер считает иудеев (точнее, какую-то их часть) [16, р. 159–161]. Здесь будет уместно вспомнить замечание Феофана, что с возникновением ислама в него перешла часть иудеев, приняв Мухаммеда за истинного Мессию (*Theoph. Chron. A.M. 6122*) [18, р. 333]. Батлер полагает, что основной причиной, по которой иудеи могли помогать арабам, были репрессии против них после освобождения Иерусалима от персов. Спасаясь от насилия, часть иудеев сбежала за Иордан, ожидая лучших времен. Какие настроения были у египетской диаспоры, мы в точности не знаем: ал-Хакам сообщает, что перед вступлением Амра в Александрию ее покинули 70 тыс. иудеев [1, с. 103].

Другой возможной причиной того, что арабы неплохо знали маршруты, по которым нужно двигаться, было то, что часть мусульманской элиты могла ранее посещать Египет по торговым делам. В частности, на это может указывать приводимый у ал-Хакама ле-

гендарный рассказ о путешествии Амра в Александрию в доисламское время ([1, с. 74–76]; ср.: [16, р. 292, note 1]). Имеющиеся данные позволяют сделать вполне определенный вывод, что арабы обладали прекрасной разведкой, а это предполагает наличие определенного числа агентов и осведомителей. Так, они ликвидировали военачальника Иоанна и его отряд благодаря тому, что местный «глава факции» (вероятно, одной из цирковых партий) выдал его местонахождение (*Io. Chron. cap. 111*) [25, р. 179]. Они очень хорошо знали диспозицию византийских войск в сражении при Айн-Шамсе, поскольку зашли к ним во фланг и тыл, что и решило исход сражения (*Io. Chron. cap. 112*) ([25, р. 180–181]; ср.: [16, р. 230–231]). Наконец, расправа арабов над Эскуатусом и «его людьми» в городе Са (?) не выглядит случайной: скорее всего, арабы знали, что они были родственниками военачальника Феодора (*Io. Chron. cap. 118*) [25, р. 188].

Основу арабского войска составляла легкая кавалерия. И арабы выгодно использовали все ее преимущества (скорость и маневренность), применив тактику, к которой византийцы, по всей видимости, не были готовы. Войско арабов могло оперативно разделяться на части, а затем так же быстро соединяться вместе (в частности, это видно из схемы сражения при Айн-Шамсе). Очень хорошая маневренность и координация действий видна в битве при Ком Шарике [1, с. 94]. Даже если в случае с Ком Шариком мы имеем дело с полубогатырским повествованием, это не меняет сути самой тактики: военачальник арабов, поняв, что византийцы сильно превосходят его, выслал конный отряд к Амру за подкреплением, которое оперативно прибыло. Другой особенностью тактики арабов было оставление части укрепленных городов в своем тылу, о чем сообщает Иоанн (*Io. Chron. cap. 112*) [25, р. 180]. Взятие укрепленных городов было наиболее уязвимым местом их военной тактики. У арабов не было хороших осадных орудий (катапульт, стенобитных машин и др.), поэтому они предпочитали выдвигать довольно льготные условия для сдачи по договору, либо вынуждены были брать осажденных измором, отрезая им пути снабжения из хоры, ища скрытые лазейки внутри город-

ских стен или надеясь на предателя. Пелузий, опорный пункт, который нельзя было обойти, арабы, после месяца осады, взяли на «противоходе»: воспользовавшись вылазкой гарнизона и перейдя в контратаку, они на его плечах ворвались внутрь городских стен (см.: [2, с. 105]). В такой ситуации оставление ряда городов не занятыми предстает неожиданной и выигрышной позицией: их сопротивление можно было сломить после взятия основных опорных пунктов Нижнего Египта (таких как Вавилон или Александрия), что в конце концов и произошло. Источники показывают, что в ходе кампании арабы почти всегда владели инициативой. К этому стоит добавить спаянность и мотивированность исламского войска, о котором мы писали ранее. Учитывая, что разница военных контингентов в решающей стадии кампании, скорее всего, была примерно 1 к 2 в пользу византийцев (12–15 тыс. против 30 тыс.), и беря в расчет факт того, что византийский корпус был рассеян по всему Египту (ср.: [2, с. 106]), соотношение сил в основных битвах (Айн-Шамс, Фаюм, Никиу, Теренуфис, Ком Шарик) могло быть примерно равным. В такой перспективе победы арабов не выглядят чем-то чудесным.

С маршрутом движения арабского войска полной ясности нет. На сегодняшний день существуют четыре версии их движения. Первая описана у ал-Хакама, и этот маршрут, по сути, повторяет маршрут движения персов. По этой версии, арабы вторглись в Египет через восточное побережье Средиземного моря, поднялись по восточному рукаву Дельты, затем осадили и взяли Вавилон, после чего двинулись к Александрии. Захватив Александрию, они предприняли поход на юг Египта, заняв по пути Фаюм. При этом ал-Хакам приводит несколько разных версий его захвата [1, с. 187–188]. Это противоречит сведениям Иоанна Никиусского, который указывает, что рейд на Фаюм арабы предприняли ранее осады Вавилона (*Io. Chron. cap. 111–112*) [25, р. 178–181]. А. Батлер предложил свою версию, старающуюся совместить данные ал-Хакама и Иоанна: набег Амра на Фаюм состоялся в мае 640 г., в ожидании подкрепления перед битвой при Айн-Шамсе и перед осадой Вавилона [16, р. 544–545]. Батлер предположил, что таким образом Амр маневриро-

вал, уклоняясь от лобового столкновения с основными силами византийцев в ожидании подхода корпуса аз-Зубайра ибн ал-Аввама [16, р. 225]. Не все согласились с такой интерпретацией событий. О.Г. Большаков фактически вернулся к версии ал-Хакама, посчитав изложение «Хроники» не логичным и склонившись к мнению о том, что ее главы 111–112 «оказались не на месте» [2, с. 108–109]. Наконец, четвертую версию предложил Ф. Бут. С его точки зрения, арабы наступали двумя армиями. Первая армия (условно «южная») вторглась в Египет ранее Амра: либо это был параллельный Амру «оппортунистический рейд», либо армия, отправленная им заранее, с целью выхода в центральную часть Египта и нанесения максимального ущерба обороне ромеев. Эта армия либо пересекла Красное море, либо шла в обход вдоль западного его побережья, а затем через *вади* или дорогу Адриана к восточному берегу Нила. Вторая армия, под командованием Амра, вторглась через Палестину и шла, избегая взятия укрепленных городов, к Гелиополю (Айн-Шамсу). На вершине Дельты обе армии должны были встретиться [13, р. 665–666]. Все доказательства о существовании «южной армии» у Бута основаны на сведениях Иоанна о захвате Бахнасы (который он однозначно отождествляет с Оксиринхом) и указании в «Истории александрийских патриархов» о том, что арабы двигались по горам, под которыми он понимает рельеф Восточной пустыни [13, р. 664–665]. При этом Бут не может сколько-нибудь удовлетворительно объяснить полное отсутствие сведений о походе «южной армии» в арабской традиции *футух* (ср.: [13, р. 667]). При столь шатких основаниях гипотеза о «южной армии» сильно напоминает построения альтернативной истории.

Как нам представляется, наиболее разумной из всех существующих является версия А. Батлера, которая нуждается в некоторой коррекции. Самым непонятным пунктом в «Хронике» является взятие Бахнасы, если отождествлять этот арабский топоним с Оксиринхом. Однако Батлер утверждал, что в Фаюме было место со сходным названием [16, р. 223, note 2]. Другое предлагаемое объяснение состоит в том, что топоним был передан некорректно, и вместо «Бахнаса» его

следует понимать как «Ахнаса»/«Ахнас», то есть Гераклеополь (см.: [2, с. 242, примеч. 11]). Тогда весь маневр арабов локализуется в Фаюме и его окрестностях. Первой целью их рейда в Фаюм, как свидетельствует «Хроника», было пополнение фуража (*Io. Chron. cap. 111*) [25, р. 179]. Второй возможной целью было предотвращение удара византийцев в их тыл с юга. Как свидетельствует «Хроника», в Фаюме или его окрестностях погибло сразу два военачальника по имени Иоанн (*Io. Chron. cap. 111–112*) [25, р. 178–181]: один – командующий рекрутами, другой – предположительно посланный Ираклием возглавить византийские войска Иоанн Барка/Варкайна, о ком есть сведения у Никифора (*Nic. Brev. 23*) [22, р. 70; 8, с. 359]. Иоанн (Барка), вероятно, двигался с юга к Фаюму, но не смог его достичь. Он был остановлен и разгромлен в Гераклеополе: видимо, именно этот город имеется в виду, когда Иоанн рассказывает о гибели «командующего войсками и его товарищей» (*Io. Chron. cap. 111*) [25, р. 179]. После разгрома главнокомандующего арабы разделились с Иоанном, командиром рекрутов, который погиб в результате предательства. Купировав угрозу с юга и соединившись с присланным им четырехтысячным корпусом, арабы отправились навстречу войскам под командованием Феодосия и Анастасия, выдвинувшимся к Айн-Шамсу, и разгромили их. Обезопасив свои позиции с юга и разбив византийский корпус под Айн-Шамсом, вероятно, присланный на выручку гарнизону Вавилона, Амр приступил к полноценной осаде этой крепости, запросив подкрепления, которое прибыло с аз-Зубайром ибн ал-Аввамом. Единственным вопросом, который остается, является дата захвата арабами города Фаюм (Арсинои). Вероятно, он был взят уже после начала осады Вавилона, когда их армия насчитывала 12–15 тыс. человек и могла маневрировать. Похожий по типу, но неудачный по результатам рейд Амр совершил в район Саманнуда, «оставив большой отряд своих людей в Вавилоне» (если, конечно, понимать слова «Хроники» «в Вавилоне» как «у Вавилона», ср.: [16, р. 268, note 1]). Остальные события более или менее согласуются у Иоанна и ал-Хакама, кроме, может быть, странного упоминания «Хроники» о походе арабов на

Антиною (*Io. Chron. cap. 115*) [25, p. 184] – однако, исходя из контекста, речь может идти о походе на юг, который арабы предприняли после сдачи Александрии.

Арабские элиты, как военные, так и политические (хотя в истории раннего халифата это разделение практически невозможно), демонстрируют достаточно высокую степень консолидации. Стоит отметить, что почти все военачальники арабов, принимавшие участие в походе и известные нам по именам (Амр, Шарик ибн Абда, аз-Зубайр ибн ал-Аввам, Убада ибн ас-Самит и др.), были асхабами, то есть сподвижниками Мухаммеда, или, по выражению О.Г. Большакова, «старой гвардией ислама» [2, с. 3], где сохранялось сознание единства цели, единства *уммы* и высокая дисциплина, но в то же время при общении и принятии решений у них еще имели место элементы военной демократии. Следует также отметить, что ранний ислам создавал условия для успешного выдвижения талантливых полководцев, которое не зависело от условностей иерархии или интриг двора. Безусловно, одним из сдерживающих это факторов был родовой и племенной принцип. И взаимоотношения внутри исламской элиты в тот период нельзя назвать идеальными. Известна неприязнь халифа Умара к Халиду ибн аль-Валиду, но тем не менее он не мог просто так снять Халида во время военной кампании, хорошо понимая его популярность в войсках (см.: [2, с. 17, 76–78]). Известны разногласия между Умаром и Амром по поводу налогообложения Египта [1, с. 177–180], что в конечном итоге закончилось снятием Амра с должности и назначением на нее Абдаллаха ибн Са'да, молочного брата Усмана [1, с. 191–192]. Однако в критической ситуации реконквисты Мануила Умар снимает Абдаллаха ибн Са'да с должности командующего и вновь назначает Амра [1, с. 193]. Уже отмечалась, что в период войн арабское общество имело высокую степень консолидации, тогда как в период мирных передышек она начинала снижаться [2, с. 3]. То же можно сказать и об элитах. Гибель халифа Умара (по крайней мере, по данным источников) не была результатом внутриэлитного конфликта, тогда как убийство халифа Усмана является своеобразным индикатором противоречий внутри элит, приведших

к гражданской войне (Великой *фитне*). Однако эти события случились уже после покорения арабами Египта.

Уровень консолидации византийских элит был на порядок, а, может быть, и на несколько порядков ниже, чем у арабов. Выше мы указывали на утверждение О.Г. Большакова о том, что у византийцев в Египте не было единого административного и военного командования, им управляли два августала (соответственно Верхнего и Нижнего Египта), имело место «раздробление на автономные провинции» [2, с. 243]. Это утверждение, по нашему мнению, не выдерживает критики. Римская, а затем византийская система управления Египтом всегда предполагала централизованную структуру. Последняя известная нам административная реформа имела место при Юстиниане I: во главе египетских провинций были поставлены дуксы, совмещавшие военную и гражданскую власть, среди которых ведущее место занимал августал Египта и Александрии, при этом все они подчинялись префекту Востока (см.: [9, с. 209]). В период военных действий функции командующего мог брать на себя император. Ираклий лично не возглавил египетскую кампанию: как предполагается, он пребывал в депрессии после сирийского поражения (ср.: [16, p. 162–163, 299–300]). Функции по общему управлению были возложены на патриарха Кира (ср.: [1, с. 57]), а главнокомандующим полевой армией был послан Иоанн Барка, который, как мы знаем, вскоре погиб. После этого главнокомандующим стал Феодор (см.: *Io. Chron. cap. 111*) [25, p. 178–180]. Как можно думать, принцип единоначалия в византийской системе управления Египтом не нарушался.

В данном случае мы имеем дело с определенной чехардой и переназначениями, которые не способствовали консолидации. Одним из примеров такого рода является история с Киrom, который за попытки переговоров о сдаче Вавилона был снят Ираклием с должности и вызван из Египта, но впоследствии вновь туда вернулся. С большой долей уверенности можно полагать, что подобные кульбиты были вызваны турбуленцией внутри столичной элиты, связанной со смертью Ираклия и борьбой за власть его наследников, следствием чего было изменение общего видения

ситуации в Египте. При этом мы находим ясные указания, что итоги переговоров с Амром о сдаче Египта Кир доводил до высших военных чинов (Феодора и командующего рекрутами Константина) и, вероятно, обсуждал их с ними. И только после этого итоги переговоров были доведены до сведения в Константинополе (*Io. Chron. cap. 120*) [25, р. 194]. Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство: нерешительность и отсутствие инициативы на местах. В качестве примера можно привести поведение префекта Аркадии Феодосия, который вместо того, чтобы двинуть свои части на арабов, топчется на месте в ожидании исхода их сражения с Иоанном (*Io. Chron. cap. 111*) [25, р. 179].

Военные таланты византийских управленческих элит в Египте оставляли желать лучшего. Основным качеством Феодора, исходя из данных «Хроники», можно назвать нерешительность. Инициативу он проявляет только один раз, в битве у Саманнуда. Полководец Леонтий предстает безынициативным командующим без знания военного дела: прибыв в город Абуит в Фаюме, он вместо того, чтобы помочь Феодору, уходит с половиной войска в Вавилон (*Io. Chron. cap. 111*) [25, р. 179–180]. Но чемпионом по трусости и беспринципности можно считать Доментиана. Сначала он бежит из Абуита ([А]буита), бросая жителей на произвол судьбы (*Io. Chron. cap. 112*) [25, р. 181]. Второй раз он бросает свое войско в городе Кебриас, что приводит к панике и сдаче Никиу (*Io. Chron. cap. 118*) [25, р. 188]. После бегства в Александрию между ним и полководцем Миной вспыхивает ссора из-за оставления Никиу (*Io. Chron. cap. 119*) [25, р. 190], которая является либо катализатором, либо одним из эпизодов серьезной смуты, имевшей место в Нижнем Египте при подходе арабов к Александрии.

При этом мы видим, что, когда события касаются Малой Азии, уровень консолидации византийских элит неуклонно возрастает. У Никифора есть сообщение о том, что при подходе арабских войск и флота на фоне длительной турбуленции, связанной с борьбой за императорский престол, «военные и государственные правители» (*οἱ τε στρατιωτικοὶ καὶ πολιτικοὶ ἄρχοντες*) убеждают не способного справиться с ситуацией императора Феодо-

сия освободить трон и ставят на его место стратига Льва патрикия (*Nic. Brev. 52*) [22, р. 120; 8, с. 371]. Следует отметить и еще одно обстоятельство. Хотя уровень консолидации византийских элит был в интересующий нас период достаточно слабым, в соседнем с ней Сасанидском Иране он был еще ниже. Анализ событий персидской войны Ираклия⁹ показывает, что после поражения персов в Месопотамии в окружении Хосрова созрел заговор, который поддержали византийцы. Таким образом, удачную кампанию Ираклия против персов можно лишь отчасти объяснить его умелой тактикой на театре боевых действий. Значительная составляющая ее успеха, по-видимому, заключалась в расчетливых дипломатических действиях Ираклия по расколу персидской элиты. Ситуация серьезной политической турбуленции продолжается в Иране до вторжения арабов, о чем есть недвусмысленные сведения у Феофана (*Theoph. Chron. A.M. 6120*) [18, р. 329]. После их вторжения мы также видим в Иране признаки серьезных разногласий внутри элит, обычно объясняемых надменностью или скверным характером Йездигерда III. Йездигерд поссорился с правителем Рейи и перебрался в Исфахан, затем такая же история произошла где-то в Фарсе, затем – в Кермане [2, с. 100, 178, 181]. Правитель Мерва не захотел пускать его в город, вызвав ему на подмогу вождя эфталитов. Когда вождь потребовал в обмен за поддержку себе в жены дочь Йездигерда, тот пришел в ярость и крикнул: «Ты осмеливаешься равняться со мной, собака!». После чего шахиншах был вынужден искать убежища на мельнице, где и был убит [2, с. 185–186]. Византийские императоры в подобной ситуации проявляли куда большую гибкость: например, когда Ираклию потребовалась поддержка турецкого царька (*τὸν Τοῦρκων κύριον*) в борьбе с персами, он без колебаний отдал ему в жены свою дочь (*Nic. Brev. 12*) [22, р. 54, 56; 8, с. 355–356].

Одной из наиболее трудных и запутанных проблем в истории арабского завоевания Египта является роль патриарха Кира (Мукаукиса). Можно сказать, что на сегодняшний день в историографии есть определенный консенсус в том, что именно Кир являлся последовательным сторонником капитуляции, даже

если такую позицию вслед за Ф. Бутом называть политикой «умиротворения» (appeasement) арабов [14, р. 520, 522, 540, 550]. В своей статье Бут попытался реанимировать версию некоторых источников о том, что Кир платил дань арабам еще до их вторжения в 639 г. (ср.: *Theoph. Chron. A.D. 6126*) [18, р. 338], которую А. Батлер посчитал «ложными огнями» (false lights) [16, р. 208–209]. Бут полагает, что Кир был отозван из Египта ранее 640 г. именно за эту несанкционированную выплату дани, причем связано это было с вторжением арабов, которое произошло еще до похода Амра 639 года. При этом британский ученый ссылается на «Бревиарий» Никифора, где под 638 г. указано, что Кир «прежде» (ἤδη χρόνος τῆς πρότερον) был вызван в Константинополь по этому делу и попал в опалу (*Nic. Brev. 26*) [22, р. 70; 8, с. 360; 14, р. 517, 521–522, note 77]. Раннее нашествие сарацин на Египет (633 г.) Бут обнаруживает в «Житии преп. Максима Исповедника», где в ходе судебного разбирательства выяснилось, что 22 года назад Ираклий послал претора (στρατηγός) Нумидии Петра в Египет против сарацин ([11, р. 15]; ср.: [14, р. 515]). Однако это сообщение выдернуто Бутом из общего контекста. В частности, на преп. Максима там же возводятся абсурдные обвинения в том, что он «предал сарацинам Египет, Александрию, Пентаполь, Триполи и Африку» [11, р. 15], хотя хорошо известно, когда они были завоеваны. Речь, скорее всего, идет о том, что Ираклий после тяжелого поражения от арабов в Палестине в 634 г. планировал послать войска претора Петра для усиления контингента в Египте, боясь прорыва туда арабов. А преп. Максиму было выдвинуто обвинение в том, что он отговорил Петра так поступать. К тому же Бут противоречит самому себе, когда, интерпретируя данные 12 Послания преп. Максима, говорит, что в ожидании мусульманского завоевания Египта (ок. 636–640 гг.) монахини из двух миафизитских общин в Александрии бежали в Северную Африку [14, р. 544]. Это как раз хорошо согласуется с данными «Жития»: нападения арабов на Египет до 639 г. не было, но его опасность существовала.

Ссылаясь на данные Никифора, Бут почему-то безоговорочно доверяет его хронологии, не замечая очевидных вещей. Ранее

Никифор (под 635 г.) сообщает о посылке в Египет Иоанна Барки и пишет о дани при заключении договора с «саракинским филархом» Амром (Ἀμβροῦ), которое не поддержал Ираклий (*Nic. Brev. 23*) [22, р. 70; 8, с. 359]. Совершенно очевидно, что и в первом (под 638 г.), и во втором (под 635 г.) случае речь идет об одном и том же событии, которое Никифор дает по двум разным источникам, не совсем умело их компилируя. И в первом, и во втором случае фигурирует Амр и странное на первый взгляд предложение Кира выдать ему в жены дочь императора. На самом деле этот «топос» хорошо вписывается в византийский этикет при заключении мирного договора. Бут не учитывает того обстоятельства, что Никифор, также как и Феофан, могли пользоваться источниками, где хронология «от сотворения мира» давалась по двум разным эрам, Александрийской и Византийской, разница между которыми могла составлять 8 лет. Таким образом, перед хронистами стояла сложная задача синхронизации разных версий событий из разных источников, с которой они не всегда умело справлялись. Делать какие-либо однозначные выводы, беря в качестве оселка хронографию Никифора, крайне наивно.

О чем могла идти речь у Феофана и Никифора? Если мы сопоставим эти данные со сведениями ал-Хакама, то вывод напрашивается сам собой. Речь идет о переговорах Кира и Амра в Вавилоне о сдаче крепости (предположительно, октябрь 640 г.), которые вызвали ярость Ираклия и явились причиной отзыва Кира из Египта [1, с. 85–93]. В «Хронике» Иоанна сведений об этих переговорах нет, там лишь кратко упоминается конец истории, когда византийские войска все же были вынуждены заключить с арабами договор и эвакуироваться из крепости (*Io. Chron. cap. 117*) [25, р. 186–187]. В традиции *футух* эти переговоры слились с договором о сдаче Александрии, где указывался и размер налога. В источниках, которыми пользовались Феофан и Никифор, они превратились в уплату дани и попытки заключения мирного договора с принятым в таких случаях предложением «политического» брака.

Другой, не менее важной проблемой, является время возвращения Кира в Египет и те мотивы, которые побудили его или цент-

ральную власть сдать Александрию. Следует согласиться с О.Г. Большаковым в том, что столица Египта могла выдержать многолетнюю осаду: город окружали мощные стены, а подвоз всего необходимого осажденным мог быть осуществлен по морю [2, с. 115]. Но другие его суждения вызывают большие вопросы. Он полагает, что Кир вернулся в Александрию уже в правление императора Константа и его задачей было заключение фиктивного мира, чтобы византийцы получили передышку длиною почти в год и ударили снова ([2, с. 118]; ср.: [19, р. 9]). К сожалению, провал этого плана Большаков никак не объясняет, если, конечно, не считать за объяснение вот такое литературное клише: «Расчеты Кира и его единомышленников оказались опровергнуты жизнью» [2, с. 120]. Подобные утверждения расходятся как с проводимой Киrom политикой «умиротворения» арабов, вызвавшей гнев Ираклия, так и с политикой Константа, предпринявшим как минимум две попытки реконкисты Египта. Если выстраивать события непротиворечиво, то выходит, что Кир должен был приехать в Египет в правление Мартины и ее сына Ираклиона. Сообщение Никифора о том, что он был возвращен на свою родную кафедру (τῷ οἰκεῖῳ θρόνῳ ἀποκαθίστησι) именно при Мартине (*Nic. Brev.* 30) [22, р. 80; 8, с. 361] подтверждает наше мнение. В «Хронике» Иоанна Никиусского о возвращении Кира сказано крайне путанно, в главах 119–120 явно скопированы два разных источника, и, возможно, перепутаны Пирр и Кир (ср.: [14, р. 522]). Но даже из этого путанного рассказа ясно, что Кир был возвращен на кафедру при Ираклионе, а скончался уже при Константе, хотя Иоанн путает Константа с его отцом Константином III (*Io. Chron. cap.* 119, 120) [25, р. 191, 196].

Возвращение Кира должно было совпасть с изменением вектора византийской политики в отношении Египта, однако совершенно понятно, какую позицию занимали по этому вопросу Ираклий, изгнавший Кира за его капитулянтство, и Константин, пытавшийся отвоевать Египет. Мы в точности не знаем, каким образом возник альянс Мартины-Ираклиона и Кира. А. Батлер предполагает, что Киру удалось убедить их в правильности своей позиции [16, р. 305–306], но, возможно, это было

просто совпадением интересов какой-то части константинопольской элиты в ситуации турбуленции и борьбы за престол.

Намного важнее понять, почему Кир придерживался политики «умиротворения». Однозначного ответа на этот вопрос нет, но наиболее приемлемой (хотя и с оговорками) нам представляется точка зрения Батлера. По его мнению, Кир после сдачи Египта надеялся объединить всех христиан и, вдохновившись примером Иерусалима, с помощью арабов стать единственным патриархом здесь [16, р. 306–307]. Совершенно понятно, что это были иллюзии. Но кое-какие основания для них у Кира все же имелись. Во-первых, его успехи по втягиванию в унию части феодосианского епископата. Во-вторых, торжественная встреча, оказанная ему в Александрии по возвращении (*Io. Chron. cap.* 12) [25, р. 192–193]. Если верить исправлению Ф. Бута [14, р. 543–544], в оригинале 120-й главы «Хроники» Кир выносит крест не из монастыря тавенниситов (как в переводах Р. Чарльза и Г. Зотенберга), а из церкви феодосиан (*tā' odosāwūān*), естественно, тех, кто уклонился в унию. В такой перспективе депрессия Кира, повлекшая его смерть, выглядит вполне логичной. После прихода к власти Константа вектор политики в отношении Египта поменялся, и Кир оказался между многих огней: реконкистой византийцев, частью египтян, которые были недовольны, что арабы не предоставили им обещанной возможности эвакуации, и александрийцами, страдавшими от увеличения поборов (ср.: *Io. Chron. cap.* 121) [25, р. 201]. По мнению Батлера, у Кира перед глазами был пример Кипрского епископа Аркадия, которого император обвинил в измене, хотя, скорее всего, тот был ни к чему не причастен [16, р. 360] (ср.: *Io. Chron. cap.* 120) [25, р. 199].

Еще одним сложным вопросом является роль партий ипподрома («прасинов» и «венетов») в дестабилизации обстановки в Египте, особенно в тех событиях, которые случились после взятия арабами Вавилона. Фрагментарность сведений источников не дает надежных данных для точного определения функций димов в византийском обществе. Не будет преувеличением сказать, что это один из самых трудных вопросов в истории ранней Византии¹⁰. На наш взгляд, наиболее верным

было бы определить их функции как нечто среднее между спортивным клубом и политической партией.

Иоанн Никиусский описывает ситуацию после взятия Вавилона как смуту. Но совершенно очевидно, что она была разнонаправленной, и привязывать разные враждующие между собой группы к «венетам» и «прасинам», руководствуясь только абстрактными представлениями, было бы ошибкой. Впервые о партиях ипподрома (применительно к арабскому завоеванию) говорится в главе 118: Мина, глава партии «зеленых» (то есть «прасинов»), и Косьма, глава партии «синих» (то есть «венетов»), осадили Миср и «преследовали римлян во дни мусульман» (*Io. Chron. cap. 118*) [25, p. 187–188]. В главе 119 говорится, что одна группа враждующих выступала за продолжение войны с арабами, другая – за подчинение им. У жителей Мисра вспыхнул конфликт с «жителями Нижнего Египта», который вскоре закончился (вероятно, это продолжение истории из главы 118).

Далее смута переместилась в Александрию, где, как мы уже указывали, начинаются конфликты внутри военных и гражданских элит. Мина, сочувствующий миафизитам, враждует с Доментианом. Мину поддерживает Феодор. И тут мы опять узнаем о партиях ипподрома: Доментиан набрал большой отряд «венетов», Мина – «прасинов». Так они поддерживали свою враждебность (*Io. Chron. cap. 118*) [25, p. 189]. После следует рассказ, как Доментиан с помощью «венетов» защищал Филиада, префекта Аркадии (вероятно, сменившего Феодосия), от самосуда толпы (*Io. Chron. cap. 119*) [25, p. 190]. Безусловно, вражда партий ипподрома могла быть «тлеющим» фактором дестабилизации даже в VII в., особенно в восточных провинциях Империи. Об этом у нас есть свидетельство св. Анастасия Синаита, современника Иоанна Никиусского. В «Вопросоответах» он сообщает, что если сегодня уйдут сарацины, то завтра же Восток, Аравия с Палестиной и многие другие области (χώρα) пробудят в себе «прасиновенетство» (ἀνευείρονται τὸ πρᾶσινοβένετον) и перебьют друг друга (*An. Sin. Q. 65.4*) ([24, p. 117]; ср.: [12, p. 584]). И тем не менее данные «Хроники» ясно указывают на то, что в Египте в интересующий

нас период роль партий ипподрома была вспомогательной. Они служили инструментом выяснения отношений внутри элит.

Анализ двух попыток возвращения Египта со стороны Византии, а также ситуации после них дает довольно интересные результаты. На наш взгляд, эти события крайне недостаточно освещены в историографии. В «Хронике» о событиях реконквисты не сказано ничего, кроме событий, которые ей предшествовали: глава Александрии Мина перестарался со сбором налогов, за что был смещен Амром (*Io. Chron. cap. 121*) [25, p. 200–201]. Также там содержатся другие интересные нам сведения. Амр год¹¹ покорял Северный (то есть Нижний) Египет, где в качестве объектов, оказавших сопротивление, названы города Дельты: Саха, Тух, Дамсис и Дамиета (*Io. Chron. cap. 115*) [25, p. 183]. Судя по контексту, это происходило уже после подписания договора о сдаче Египта (ср.: [16, p. 356–357]). Ал-Хакам сообщает о покорении силой городов Дельты: аль-Хайса, Балхиба, Султайса, Картаса, Сахи и Масила [1, с. 103–104, 108]. Можно думать, что сообщения ал-Хакама являются «эхом» событий, связанных с сопротивлением части городов Дельты, которое мы находим у Иоанна. Не менее интересен рассказ о разрушении селения ал-Хирба (Хирбат Вардан) за партизанские действия. Селение также находилось в Дельте и, возможно, было христианским монастырем [1, с. 195].

Около 645 г. в Египет на кораблях к Александрии был послан большой экспедиционный корпус во главе с военачальником Мануилом (ал-Хаси). В Александрии к нему присоединились горожане (то есть «румийцы, которые были там»). Византийцы выбили оттуда арабский гарнизон и начали продвижение по Дельте. Их поддержали восставшие жители «селений». Далее у ал-Хакама сказано, что византийское войско занималось грабежом тех селений, через которые проходило. Но рассказ египетского историка в этом месте может быть тенденциозным: не исключено, что он таким образом описывает акции по пополнению византийцами фуража (хотя случаи мародерства также могли иметь место). После вторжения Мануила халиф Усман сменил военное руководство арабов: снял Абдаллаха

ибн Са'да и назначил Амра. Войско византийцев носило смешанный характер («румийцы и копты»). Финальная битва состоялась под Никиу, причем инициатива сражения принадлежала византийцам. Поначалу им удалось нанести поражение арабам. Далее рассказ о сражении впадает в «эпическое» описание поединка двух воинов, который и принес арабам победу, поэтому об истинных причинах поражения византийцев можно только догадываться. Мануил был убит, а византийский корпус в конце концов покинул Египет [1, с. 192–194, ср. 195–196].

Самое важное в рассказе ал-Хакама – это сообщение о поддержке византийцев частью населения Александрии и частью поселений Дельты. Собрав все имеющиеся у нас данные вместе, можно полагать, что социальной опорой византийской власти в Египте (помимо военного контингента, гражданской и военной администрации) было население Александрии (или какая-то его часть) и часть городов Дельты (ср.: [16, р. 486–487]), вероятно, интегрированных в Империю через морскую торговлю. При этом совершенно понятно, что удержать Египет с такой слабой социальной поддержкой византийцы вряд ли могли даже при хорошем и инициативном командующем. Арабы же очень быстро извлекли уроки из произошедшего: они разрушили стены Александрии [1, с. 193, 194], усилили ее гарнизон и решали задачи по строительству флота (ср.: [1, с. 193, 210–211]).

Вторая попытка византийской реконкисты (ок. 654 г.) в арабской традиции получила название «битвы мачт» [1, с. 208–210]. Она также закончилась провалом. У ал-Хакама содержатся два совершенно разных рассказа, которые А. Батлер объединяет в один [16, р. 489]. Констант (у ал-Хакама ошибочно – Ираклий) послал в Александрию новый экспедиционный корпус, который либо проиграл морскую битву, либо погиб во время шторма. Далее ал-Хакам приводит известную из византийских источников историю об убийстве Константа на Сицилии (см.: *Nic. Brev.* 33 [22, р. 84; 8, с. 362], *Theoph. Chron.* А.М. 6160 [18, р. 351]), но связывает его с поражением египетской экспедиции [1, с. 210]. Самое важное в данной истории – это сообщение о том, что навстречу кораблям византийцев уже вышел

арабский флот, правда, сильно уступающий им по численности [1, с. 208–209].

События последующих ста лет ясно указывают на то, что прочерченная в ходе арабских завоеваний граница – это линия, разделявшая реальные сферы влияния Византии и халифата. Попытка византийцев подчинить Карфаген терпит неудачу (*Nic. Brev.* 41) [22, р. 98; 8, с. 366] (*Theoph. Chron.* А.М. 6190) [18, р. 370], в Месопотамии им удается временно занять один город (*Nic. Brev.* 67) [22, р. 138; 8, с. 376]. В то же время все усилия арабов овладеть с разных сторон Малой Азией оказываются безуспешными (*Nic. Brev.* 34, 52–53, 61) [22, р. 84, 86, 120, 122, 124, 130; 8, с. 362–363, 371–372, 374], (*Theoph. Chron.* А.М. 6205, 6218, 6222, 6226) [18, р. 383, 404–406, 409, 410]. Анализ данных Феофана и Никифора указывает на то, что арабские кампании в Малую Азию с течением времени все более и более превращались в приграничные набеги, цель которых не завоевание территории, а захват добычи. Их квинтэссенцией могут быть слова Феофана о походе Салима в Каппадокию (середина VIII в.): узнав, что византийский император вооружился против него, он убоился и возвратился назад без успеха и не причинив опустошений (*Theoph. Chron.* А.М. 6248) [18, р. 430].

Нам осталось проанализировать систему управления и налогообложения, введенную арабами в Египте. Мы уже отмечали, что ранний ислам повлиял и на политику в отношении иноверцев, и на становление административной системы. Ключевым для религиозной политики был институт *зимма* или договора, где завоеватели брали на себя обязанности по защите населения, требуя взамен налог, а частичное поражение христиан в правах компенсировалось предоставлением им (прежде всего, миафизитам) автономии в религиозных делах. Если посмотреть на развитие миафизитских структур в Египте на протяжении второй половины VI в., то доминантой его развития как раз и было создание структуры, полностью автономной от Константинополя (см.: [6, с. 404]). В этом смысле намерения завоевателей и завоеванных совпадали. У ал-Хакама есть полулегендарный рассказ о компенсации «жителям селений», не нарушившим договора, того ущерба, который был им при-

чинен византийцами во время первой попытки реконкисты [1, с. 194]. Рассказ интересен, прежде всего, с точки зрения арабской ментальности: важной для традиционных обществ верности условиям договора.

Вторым важным фактором являлось то, что привлечение «зиммиев» в административные структуры было санкционировано исламом. Основой для этого могла послужить традиция о предсмертных словах Мухаммеда о коптах, которые будут мусульманам помощниками в религии, поскольку избавят их от забот этого мира, чтобы у мусульман было время для религиозного поклонения (см.: [16, р. 436, note 2]). И у ал-Хакама, и у Иоанна есть примеры того, что административные посты в Египте после арабского завоевания занимают прежние чиновники, как копты, так и «румейцы» (*Io. Chron. cap. 113, 121*) [25, р. 181, 200–201; 1, с. 207, 255].

Выше мы отмечали и еще одну особенность. Процесс складывания арабской государственности шел параллельно с периодом арабских завоеваний. В частности, по мнению О.Г. Большакова, «патриархальная эпоха» в истории халифата закончилась вместе с гибелью Усмана [2, с. 4]. Наиболее рациональной моделью поведения в такой ситуации является полное (или почти полное) заимствование на завоеванных землях прежней системы управления и налогообложения вместе с ее носителями. Естественно, что при этом она должна быть поставлена под контроль завоевателей. На сегодняшний день достаточно фактов для понимания того, что арабы именно так и поступили (ср.: [2, с. 124]). В частности, ал-Хакам пишет, что Амр «назначил румейцев сборщиками налогов у коптов» [1, с. 171]. Данные ал-Хакама говорят о том, что принципы земельного налогообложения почти полностью копировали прежнюю систему, при этом от налогов освобождались церковные земли [1, с. 171–172]. В нарративе ал-Хакама следование местной традиции оформлялось в том числе и как советы ал-Мукаукиса [1, с. 179–180]. Ономастика папирусов также подтверждает, что административными чиновниками на местах были не арабы (см.: [1, с. 10]).

Отдельный вопрос составляет размер налога с завоеванного населения. Ал-Хакам дает некоторые общие цифры: Амр собрал

12 млн (динаров), Абдаллах ибн Са'д, увеличивший размер фиска, – 14 млн, а ал-Мукаукис (то есть конец византийского правления. – *А. В.*) – 20 млн [1, с. 179]. Данные ал-Хакама могут быть неточными, особенно в отношении Византии, но, скорее всего, они верно отражают тенденцию. Поэтому следует предположить, что размер налога в начале правления арабов был не выше, чем византийский, а, вероятно, даже ниже. В то же время у Иоанна Никиусского описаны отдельные эксцессы, связанные с увеличением налогового бремени (*Io. Chron. cap. 113, 120, 121*) [25, р. 182, 199, 200–201]. Но можно предположить, что в описываемый период они носили временный или случайный характер, а описания Иоанном страданий египтян от гнета (*Io. Chron. cap. 120*) [25, р. 195] относятся к общественным работам по восстановлению канала Траяна, соединяющего Нил с Красным морем. Но подобные повинности не были для Египта чем-то принципиально новым.

Результаты. Проведенный анализ позволяет утверждать, что основным фактором отпадения Египта (а также, вероятно, Палестины и Сирии) была недостаточная интеграция этого региона в Византийскую империю. Начавшийся после Юстиниана I процесс «регионализации» мог значительно ухудшить ситуацию. На слабую интеграцию Египта указывает как оставшийся нерешенным религиозный вопрос, являвшийся дестабилизирующим фактором на этой территории и приведший к пассивности египтян, так и недостаточный военный контингент, способный отражать плохо организованные набеги на границах, но не справлявшийся с организованным вторжением. Данные источников о ходе арабских завоеваний и попытке реконкисты указывают на то, что византийская власть на момент завоеваний обладала слабой социальной поддержкой в Египте (часть населения Александрии, часть городов Дельты), явно недостаточной для удержания региона в условиях серьезно внешнеполитического «вызова».

Индикатором слабой интеграции региона в Империю может служить факт его завоевания персами за двадцать лет до вторжения арабов. При всей разнице военной тактики персов и арабов и тем и другим на завоевание Египта понадобилось около двух лет.

Возвращение византийцами Египта из-под власти персов объясняется низкой степенью консолидации персидских элит, позволившей византийцам для достижения успеха действовать комбинированно, то есть одновременно и военными и дипломатическими средствами. При высоком уровне консолидации арабо-мусульманских элит в период завоеваний такой сценарий в их отношении был невозможен. Если брать в расчет гипотезу А. Батлера о причинах политики патриарха Кира по «умиротворению» арабов, то она также представляет собой попытку решить проблему церковного единства в Египте независимо от византийского центра.

Сравнительный анализ показывает, что области Малой Азии демонстрируют гораздо большую степень интеграции, индикатором чего являются безуспешные попытки арабов захватить эти территории, тогда как неудачные попытки византийцев вернуть Египет, провал их экспедиции в Карфаген, скромные и временные их успехи в Месопотамии указывают на реальные границы сфер влияния Византии и халифата. Не ясным до конца вопросом остается время и степень интеграции той части Византийской империи, которая отразила натиск мусульман. Есть основания предполагать, что интеграция этих территорий в целом завершилась накануне серьезных для Империи испытаний. С. Метивье в своей монографии, посвященной ранневизантийской Каппадокии, в опровержение известного тезиса о том, что эта провинция уже с IV в. была регионом, где безраздельно доминировали имперские институты, пишет: «Конфигурация Византийской империи, сформированная в Малой Азии ударами арабо-мусульман, как можно полагать, явилась результатом длительного процесса, начавшегося со времени арианского кризиса, основания Константинополя, переселения императора в город Константина и формирования Константинопольского патриархата» [23, р. 428]. Отпадение Сирии и Египта в этой ситуации «сняло» для Империи проблему миафизитов и помогло через VI Вселенский Собор прийти к «халкидонскому консенсусу» (ср.: [14, р. 550]). Однако следует иметь в виду и точку зрения П. Брауна, что позднее императорами-иконоборцами была также проделана большая работа по дальнейшей цент-

рализации страны, связанной с устранением альтернативных центров силы, поскольку Империя в создавшихся условиях уже не могла себе позволить быть «содружеством городов», а чувства местного патриотизма стали опасно центробежными (ср.: [15, р. 277, 281]).

Успех арабов по завоеванию и удержанию под своей властью Египта (и, возможно, других регионов Византии) определяется «симбиозом» двух факторов: а именно тем, что становление ислама совпало у них с генезисом государства. Ранний ислам способствовал консолидации общества и элит, дал смыслы для мотивации армии, повлиял на выработку поначалу успешной религиозной политики, предполагающей значительную автономию у подчиненных арабам христианских общин. А параллельный генезис государственных институтов создал реальные условия для взаимодействия и быстрого освоения тех управленческих и фискальных моделей, которые были «естественными» для завоеванных территорий. Вероятно, этот же «симбиоз» способствовал быстрой обучаемости арабов и принятию ими правильных тактических решений. А именно они, по нашему мнению, позволили арабам использовать все преимущества легкой кавалерии, скрыть городские стены Александрии, лишив, таким образом, византийцев выгодного плацдарма для попытки реконкисты, и быстро создать флот, купирующий такие попытки в принципе.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаем сердечную признательность П.В. Кузенкову (СевГУ) за его ценные советы в ходе нашей работы над статьей.

ACKNOWLEDGMENTS

I express my heartfelt gratitude to Pavel Kuzenkov (Sevastopol State University) for his valuable advice during my work on the article.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее мы стараемся придерживаться хронологии А. Батлера: вторжение персов в Египет произошло осенью 616 г., арабов – в декабре

639 г. [16, p. 505, 544]. В современной историографии сложился определенный консенсус относительно даты вторжения персов в Египет: весна 619 года. Однако сложно себе представить, что персы завоевали Египет за один год, поскольку тем же годом принято датировать сдачу Александрии. Батлер уже указывал на основную ошибку «авторов, описывающих этот период» не различать вторжение персов в Египет и взятие ими Александрии [16, p. 503]. При отсутствии надежных документальных источников, это подтверждающих, принятая дата вторжения персов (619 г.) остается, скорее, продуктом конвенционализма.

² При написании арабских географических названий и имен собственных мы (за редкими исключениями) не используем принятых в арабистике транскрипций для обозначения «хамзы» и «айна», а также диакритических знаков для фонетических особенностей гласных и некоторых согласных. При анализе «Хроники» Иоанна Никиусского мы опираемся на английский перевод Р. Чарльза [25], но принимаем во внимание коррекцию некоторых мест, сделанную Ф. Бутом (см.: [12; 13; 14]). При анализе текста «Завоевания Египта» ал-Хакама мы опираемся на русский перевод С.Б. Певзнера [1].

³ Необычную точку зрения высказал ее издатель Г. Зотенберг. Поначалу он утверждал, что оригинал был написан на греческом, но потом пришел к выводу, что часть глав была составлена по-коптски (см.: [12, p. 556–557]). Ни одного другого такого случая в христианской литературе Египта нам не известно, также как нам не понятна мотивация автора, пишущего часть книги по-гречески, а другую часть – по-коптски. Но вполне возможна ситуация, когда оригинал, написанный по-гречески, был довольно быстро переведен на коптский, и уже с коптской версии был сделан арабский перевод.

⁴ Мы не включили сюда упоминание Иоанна о репрессиях против гайянитов (*Io. Chron. cap. 116*) [25, p. 186], поскольку это было наказание за мятеж против патриарха Кира, причины и обстоятельства которого не совсем ясны.

⁵ Полная утрата египтянами политической субъектности, как мы предполагаем, произошла в римское время (см.: [5]).

⁶ А. Батлер датирует взятие персами Александрии зимой 617/618 г., а полное завоевание Египта – 618 г. [16, p. 501–504]. По его мнению, капитуляция Александрии перед арабами имела место в ноябре 641 г., полная эвакуация византийских войск из Египта – в сентябре 642 г. [16, p. 544–545]. При этом следует отметить, что дата окончания персидского завоевания дискуссионна: высказывалось мнение, что верхней хронологической границей захвата областей Верхнего Египта следует считать 621 г., при этом захват Александрии, как мы

указали выше, принято датировать 619 годом. Однако сдвиг на год или два в данном случае принципиально ничего не меняет.

⁷ Р. Чарльз уточняет, что эфиопское слово, здесь стоящее, может означать *militia* или *turba militaris* [25, p. 182, note 2].

⁸ Ал-Хакам дает и другую цифру: в Вавилон во главе с аз-Зубайром ибн ал-Аввамом было послано 12 тыс. человек [1, с. 82]. Скорее всего, здесь имеет место путаница: цифра общего количества войск под Вавилоном превратилась в число войск, посланных халифом на подкрепление к Амру.

⁹ В данном случае мы опираемся на пространные комментарии в английском переводе «Пасхальной хроники», где предпринят анализ персидской войны на основе всех имеющихся данных [17, p. 184–185, notes 485–486].

¹⁰ По нашему мнению, статья М.В. Левченко [7], где описан полный спектр мнений о партиях ипподрома в историографии, еще не потеряла своей актуальности.

¹¹ В эфиопском оригинале стоит 12 лет. Однако Р. Чарльз, разделяя мнение А. Батлера, исправил 12 лет на 12 месяцев [25, p. 183].

REFERENCES

1. Pevzner S.B., ed. *'Abd ar-Rahman ibn 'Abd al-Hakam. Zavoevanie Egipta, al-Magriba i al-Andalusa* [Ibn 'abd al-Ḥakam. The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain]. Moscow, Nauka Publ.; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1985. 353 p.
2. Bolshakov O.G. *Istoriya Khalifata. V 4 t. T. 2. Epokha velikikh zavoevaniy (633–656)* [History of the Caliphate. In 4 vols. Vol. 2. The Period of Great Conquests (633–656)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 294 p.
3. Voytenko A.A. Kruglyy stol: «Pochemu udalis arabskie zavoevaniya? Analiz voennykh i sotsialno-politicheskikh faktorov, obuslovivshikh uspekhn musulmanskoj ekspansii VII veka», ISAA MGU, 23 aprelya 2013 [Round Table: “Why Did the Arab Conquests Succeed? Analysis of the Military and Socio-Political Factors that Determined the Success of the Muslim Expansion of the 7th Cent.”], IAAS MSU, April 23, 2013]. *Egipet i sopredelnye strany. Elektronnyy zhurnal* [Egypt and Neighbouring Countries. Online Journal], 2016, vol. 1, pp. 48–52. URL: <http://www.enc-journal.com/index.php/arkhiv-номерov-ru/8-arkhiv/11-vypusk-1-arkhiv>
4. Voytenko A.A. Patriarshestvo Petra IV i Damiana kak vremya genezisa Koptskoy Tserkvi: problemy i predlagaemye resheniya [The Time of Patriarchs Peter IV and Damian as the Nodal Point of the Genesis of the Coptic Church: Problems and

Proposed Solutions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 304-317. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.22>

5. Voytenko A.A. Egiptyane i Vizantiya. K voprosu o politicheskoy subyektivnosti v pozdney Antichnosti [Egyptians and Byzantium. On the Question of Political Subjectivity in Late Antiquity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 156-170. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.12>

6. Voytenko A.A. Etapy i mekhanizmy konfessionalnogo razmezhevaniya v period khristologicheskikh sporov (Egipet i Siriyskiy Vostok) [Stages and Mechanisms of Confessional Demarcation in the Period of Christological Disputes (Egypt and the Syriac Orient)]. Maslov A.A., ed. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i afrikanistika (Moskva, 14–22 aprelya 2022 g): materialy nauch. konf.* Moscow, ISAA MGU Publ., 2022, pp. 402-404.

7. Levchenko M.V. Venety i prasiny v Vizantii v V–VII vv. [Blues and Greens in Byzantium in the 5th–7th Cent.]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1947, vol. 1 (26), pp. 164-183.

8. Lipshits E.E., ed. Nikifora patriarha konstantinopolskogo kratkaya istoriya so vremeni posle tsarstvovaniya Mavrikiya [Nikephoros, Patriarch of Constantinople, Short History]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1950, vol. 3 (28), pp. 349-387.

9. Fikhman I.F. *Vvedenie v dokumentalnuyu papirologiyu* [Introduction to Documentary Papyrology]. Moscow, Nauka Publ.; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1987. 524 p.

10. Frantsouzoff S.A. Khronika Ioanna Nikiusskogo: nekotorye osobennosti yazyka i sodержaniya [The Chronicle of John of Nikiou: Some Peculiarities of Its Languages and Contents]. *Vestnik PSTGU III: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series III. Philology], 2010, vol. 4 (22), pp. 77-86.

11. Allen P., Neil B., eds. *Scripta saeculi VII vitam Maximi Confessoris illustrantia*. Turnhout, Brepols; Leuven University Press, 1999. 250 p. (Corpus Christianorum. Series graeca; 39).

12. Booth Ph. Shades of Blues and Greens in the Chronicle of John of Nikiou. *Byzantinische Zeitschrift*, 2011, vol. 104, pp. 555-601.

13. Booth Ph. The Muslim Conquest of Egypt Reconsidered. *Travaux et mémoires*, 2013, t. 17, pp. 639-670.

14. Booth Ph. The Last Years of Cyros, Patriarch of Alexandria († 642). *Travaux et mémoires*, 2016, t. 20/1, pp. 509-558.

15. Brown P. *Society and the Holy in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles (CA), University of California Press, 1989. 347 p.

16. Butler A. *The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of Roman Dominion*. Oxford, The Clarendon Press, 1902. XXIII, 564 p.

17. Whitby M., Whitby M., eds. *Chronicon Paschale 284–628 AD*. Liverpool, Liverpool University Press, 1989. XXIX, 239 p.

18. Boor K. de, ed. *Theophanis Chronographia. Vol. 1*. Leipzig, Teubner, 1883. VIII, 503 p.

19. Jarry J. L'Égypte et l'invasion musulmane. *Annales islamologiques*, 1966, vol. 6, pp. 1-29.

20. Halkin F., ed. *Sancti Pachomii Vitae Graecae*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1932. 474 p. (Subsidia hagiographica; 19).

21. Leipoldt I, ed. *Sinuthii Archimandritae vita et opera omnia. III*. Paris, Typ. Reipublicae, 1908. 270 p. (CSCO. Scriptorum copticorum; II, 4).

22. Mango C., ed. *Nikephoros, Patriarch of Constantinople, Short History*. Washington DC, Dumbarton Oaks, 1990. 247 p. (CFHB; 13).

23. Métivier S. *La Cappadoce (IVe–VIe siècle). Une histoire provinciale de l'Empire romain d'Orient*. Paris, Éditions de la Sorbonne, 2005. 496 p.

24. Richard M., Munitiz J.A., eds. *Anastasioi Sinaitae Quaestiones et Responsiones*. Turnhout, Brepols, 2006. LXI, 287 p. (Corpus Christianorum. Series graeca; 59).

25. Charles R., ed. *The Chronicle of John, Bishop of Nikiou*. London, Williams and Norgate, 1916. XII, 216 p.

Information About the Author

Anton A. Voytenko, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 29, Bld. 8, 119071 Moscow, Russian Federation, cesras@cesras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-9909>

Информация об авторе

Антон Анатольевич Войтенко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН, просп. Ленинский, 29, стр. 8, 119071 г. Москва, Российская Федерация, cesras@cesras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-9909>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.19>

UDC 94

LBC 63.3(0)4-99

Submitted: 10.06.2023

Accepted: 16.10.2023

ON THE FISCUS OF JUSTINIAN: TO THE POSITION OF THE QUESTION

Vadim V. Serov

Barnaul Orthodox Seminary, Barnaul, Russian Federation;
Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. In the historiography of the Early Byzantium, the concept of “an Emperor’s fiscus” mismatches with the late ancient original. The fiscus was not a synonym for the state treasury, but it was simultaneously the funds for public purposes and private and personal resources. Emperors supported this ambiguous legal nature of fiscus, implying some specific targets of their policy. The balance varying between them between public and non-public constituents in the fiscus is called fiscal policy in its own sense. Emperor Justinian I carried out the same policy apropos the fiscus. As with some of his predecessors, he sustained the originally formed dual nature of the fiscus, consistently striving for the separation of private from public. Justinian admitted a little identification of the public function of fiscus and the state (public) treasure, but only on the level of abstract concepts. Thereby, the Emperor did demonstrate the separation of his personal and private property from the state. At the same time, the emperor’s personal property, as well as the fiscus as a whole, was a part of the nationwide resources from the point of view of Justinian I. Thus, the fiscal policy of Justinian was a continuation of the fiscal policy of Zenon and Anastasius I, but it also had a few features. They were expressed, in particular, in the use of an unusual term for Roman legislation, the “fiscus”, in a Greek way.

Key words: Justinian I’s legislation, fiscus, state treasure, public and private parts of the fiscus.

Citation. Serov V.V. On the Fiscus of Justinian: To the Position of the Question. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 260-269. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.19>

УДК 94

ББК 63.3(0)4-99

Дата поступления статьи: 10.06.2023

Дата принятия статьи: 16.10.2023

ФИСК ЮСТИНИАНА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Вадим Валентинович Серов

Барнаулская православная духовная семинария, г. Барнаул, Российская Федерация;
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В историографии ранневизантийской истории сложилось устойчивое представление о том, что императорский фиск – это казна государства. Соответственно, никакой, в том числе персональной политики императоров в отношении фиска как частноправовой структуры с этой точки зрения быть не могло. Данные источников, однако, показывают, что все ранневизантийские императоры проводили свою фискальную политику, целью которой было нахождение такого соотношения частных и публичных элементов, составлявших фиск, которое наиболее соответствовало бы текущему моменту. *Методы.* Анализ данных, преимущественно законодательных, основывается на концепции правовой двойственности фиска и императорской фискальной политики. Автор прежде уже обращался к теме фискальной политики ранневизантийских императоров до Юстина I включительно, так что концепция не только получила апробацию, но и создала основу для сравнения фиска в юстиниановскую эпоху с фиском в правление предшественников Юстиниана. *Анализ и результаты.* Подобно некоторым из предшественников, Юстиниан I поддерживал изначально сложившуюся двойственную природу фиска, отделяя частное в нем от публичного. Сближение с государственной казной публично-правовых частей фиска не означало фактического их отождествления, которое нередко

допускалась на уровне отвлеченных понятий. Тем самым император демонстрировал обособленность от государства собственного имущества. Ему Юстиниан уделял большое внимание, что проявлялось, в частности, в своеобразном понимании того явления, которое определялось словом «фиск». Он, в частности, являлся для Юстиниана несомненной частью общегосударственных ресурсов. Кроме того, слово «фиск» использовалось в законодательстве Юстиниана чаще и разнообразнее, чем в предыдущие десятилетия.

Ключевые слова: законодательство Юстиниана I, фиск, государственная казна, публично-правовая и частноправовая природа фиска.

Цитирование. Серов В. В. Фиск Юстиниана: к постановке вопроса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 260–269. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.19>

Введение. За все время изучения так называемой юстиниановской эпохи, охватывающее не одно столетие, не появилось специальной публикации об императорском фиске в правление Юстиниана I. Историография финансов и, в частности, финансового управления в ранней Византии неизменно сосредоточивалась на составе, функциях и компетенциях таких структур, как *comitiva rei privatae* и *comitiva sacrarum largitionum*, а также на их развитии от складывания вплоть до VII в. [20; 19, p. 411–469; 17; 15, S. 18–115]; слову «фиск» в ней всегда придавалось значение не конкретного явления, но абстрактного термина, обозначающего многоаспектный интерес верховной власти в сфере финансов. Данная историографическая ситуация обусловлена, как представляется, двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, идущей из раннего средневековья традицией именовать в официальных документах «фиском» казну государства; данная традиция, основанная на упрощенном понимании в варварских королевствах того, что в поздней античности называлось фиском, укрепилась благодаря финансовой науке Нового времени¹. Во-вторых, психологической особенностью человеческого восприятия какого-либо понятия на протяжении длительного временного отрезка, которая заключается в последовательном, хотя и непредумышленном изменении смыслового наполнения общественно значимого понятия, который при этом остается прежним по звучанию, в изменяющихся с течением времени социально-экономических и политических условиях. Понятие «фиск», таким образом, претерпело естественную трансформацию, активная фаза которой наступила лишь после того, как заметно изменилась общественно-политическая среда, в которой появился и дол-

гое время обращался термин. В Византии такое время наступило не ранее конца VII века. До этого смысл термина тоже менялся, однако малозаметно для поверхностного взгляда, в связи с чем вопрос об идентификации «фиска» в отдельный отрезок времени, как и любого другого позднеантичного понятия, является актуальным в продолжение всего ранневизантийского периода.

Ключевую роль в решении подобного вопроса играет изучение источников выбранного временного отрезка и выявление в них отношения современников к соответствующему понятию. Применительно к императорскому фиску, который уже проделал заметную эволюцию в первые века своего существования, важно учитывать и степень изменения представления о нем к началу ранневизантийской эпохи. Как известно, всякое публичное явление по мере развития и усложнения его состава и функций обретает абстрактные черты, теряя непосредственную связь со своим создателем. Нечто подобное происходило и с фиском, хотя императоры замедляли подспудно протекавший процесс функциональной универсализации фискального имущества, всячески поддерживая принципиальное различие между фиском и государственной казной [9]. Это проявлялось, между прочим, в постоянном реформировании названных выше составных фиска, а также в сохранении в официальном документообороте соответствующей терминологии, в частности слов «фиск» и «государственная казна», не тождественных друг другу. Это направление фискальной политики свидетельствует о том, что ранневизантийские императоры уделяли собственному хозяйству особое внимание и место во внутренней политике, и предпочитали не смешивать фискальные ресурсы с финансовой массой всего

государства, хотя и имели возможность полноправно распоряжаться ею как своей собственной. *Fiscus*, в отличие от *publicum*, теоретической основой деятельности которого в продолжение почти всего ранневизантийского времени оставался публично-правовой консерватизм, управлялся и рассматривался императорской властью во многом с частноправовых позиций. Отношение к фиску не оставалось полностью неизменным; развитие этого института демонстрирует поиск императорами наиболее адекватного текущему моменту соотношения в нем частноправовых и публично-правовых составляющих. Целью настоящей работы является реконструкция подобного рода соотношения в правление Юстиниана I, для чего необходимо рассмотреть восприятие императорской властью в 20–50-е гг. VI в. понятия «фиска» и особенности использования термина «фиск» в законодательных источниках.

Методы. Соответственно, главным объектом исследования является императорский фиск как таковой, безотносительно к входящим в его состав частям. В законодательстве времени правления Юстина I и Юстиниана I (то есть собственно юстиниановской эпохи) проанализирована терминология, характеризующая субъективное отношение правящего императора к фиску. В историографии подобный метод исследования прежде не применялся.

Анализ. Принципы и направления фискальной политики, то есть императорской политики в отношении всего того, что составляло фиск в широком его понимании, сложились задолго до наступления юстиниановской эпохи². Ее в самом общем виде характеризует двойственность, порожденная правовым дуализмом римской императорской власти, при которой император являлся одновременно и публичной персоной, олицетворявшей все государство, и частным лицом, обладавшим семейными связями и личным имуществом. Фиск, изначально предназначенный для решения публичных задач за счет дополнительных по отношению к государственным финансовым средствам, неизбежно должен был со временем слиться с публичными имущественными фондами и стать единой государственной казной в распоряжении монарха. Однако за время существования фиска как финансового

учреждения этого не случилось, и причиной тому были сами императоры, сохранявшие представление о фиске как об институте одновременно публично-правовом и частном. Полной приватизации фискального имущества препятствовало глубоко укорененное в позднеантичной политической этике представление о природе императорской власти, изжитое не ранее VIII в. [1]. Окончательного же огосударствления фиска не происходило из-за принципиального нежелания большинства императоров передать в публичное пространство ресурсы, которыми можно управлять более свободно, без оглядки на общественные традиции и нормы публичного права. Таким образом, двойственность фиска и непоследовательность фискальной политики были порождением природы императорской власти, а конкретно-историческая характеристика фиска зависела от того, на какое место в правовой сфере ему определял тот или иной император. Колебания субъектов фискальной политики то в сторону усиления публично-правовой «ипостаси» фиска, то в противоположном направлении создавали эффект практически непрерывного реформирования фискальных структур и их функций³ и проявлялись в соответствующей этому процессу изменчивости содержания официальных понятий, при которой объективная необходимость в юридической дефиниции очередной структурно-функциональной новации приводила к изменению привычных фискальных терминов или вводу в оборот архаичных понятий с приданием им нового смысла [5, с. 157–160, 234–236, 368–372, 392, 436–438, 485–486].

В правление ближайших предшественников Юстиниана I, по крайней мере Анастасия I, особенностью фискальной политики становится расширительное толкование правовой природы фиска как совокупности определенных видов императорского имущества и финансовых мероприятий, что привело к формальному отождествлению фиска с финансами государства: в законодательстве Анастасия слово «фиск» встречается только в сочетании с «патроном», а в тех конституциях, где это слово должно присутствовать по смыслу, его заменяет «государственная казна» (δημόσιος)⁴. Относя к государственному имуществу те составные фиска, которые и ра-

нее обладали преимущественно публично-правовым статусом («частные имущества» и «священные щедроты»), Анастасий I объединил собственное императорское имущество в отдельную структуру со старым названием *patrimonium*, которое, таким образом, заменило узкое понятие фиска [10, с. 60–61].

Фискальная политика Юстиниана не стала в данном смысле революционной. В целом она соответствовала названным долговременным тенденциям, а отдельные ее направления прямо продолжают деятельность некоторых предшественников. Действия Юстиниана в отношении императорского имущества поэтому можно признать вполне традиционными, сделав при этом оговорку о вариативности внутри спектра видов фискальной активности. Иными словами, политика Юстиниана I в отношении фиска характеризуется некоторыми особенностями, рассмотрение которых позволяет пролить дополнительный свет на личность этого автократора и на характер его правления.

Это можно проследить, сравнивая действия Юстиниана и прежних императоров в отношении наиболее одиозных институтов фиска. Так, древний институт доносительства в фиск, некогда весьма популярный способ увеличения фискальной имущественной массы, в ранневизантийское время подвергался периодическому демонстративному осуждению со стороны императоров, пока, наконец, Анастасий I не только формально отмежевался от этого общественно порицаемого явления, но и существенно ограничил потенциальные возможности деляторов (доносителей в фиск) [10, с. 55–56]. Юстиниан I не делал по поводу доносительства и доносчиков громких публичных заявлений. Нет в источниках и указаний на сколько-нибудь активную деятельность доносителей в его правление. Предположение о том, что известные случаи конфискации (точнее – экспроприации)⁵ частного имущества в пользу государства [12, с. 334–336] были организованы лично императором при помощи доносчиков, остается необоснованным. Тем самым Юстиниан фактически продолжил политику Анастасия, фактом умолчания признав доносительство в фиск аморальным явлением, однако не пошел и дальше, не отменив его и оставив в качестве, по меньшей мере, одного из оснований для законного судопроизводства.

Другое старинное направление фискальной политики – завладение выморочным имуществом – при Юстиниане I, напротив, в сравнении с Анастасием Дикором заметно оживилось, что выразилось, кроме прочего, в заметно большем количестве посвященных этой теме конституций. По традиции недвижимость, не имевшая законного собственника, подлежала передаче какому-либо ответственному распорядителю, к числу которых в свое время был отнесен и фиск. Большинство ранневизантийских императоров демонстрировали стремление завладеть выморочным имуществом, однако встречались и такие, кто проявлял в данной сфере фискальной политики осторожность. Юстиниан в своем законодательстве обозначил собственное отношение к вопросу о принадлежности признанных бесхозными владений, и оно представляется примечательным. Согласно формулировкам его постановлений, выморочное имущество могло отойти как фиску, так и государственной казне⁶. В ряде ситуаций император уступал фискальное право виндикации иным учреждениям⁷, а казну или фиск помещал в конец очереди претендентов⁸. Обращает на себя внимание относительная мягкость позиции верховной власти, которая отказывается от законной претензии на овладение бесхозной недвижимостью, а также уравнивание юридического статуса императорского фиска и государственной казны.

Более твердую позицию Юстиниан продемонстрировал в отношении недвижимости, отнимаемой у нарушителей закона. Таковая безоговорочно отходила, как и раньше, государству или в фиск, но теперь конечным получателем оказывается, как правило, ведомство частных имуществ императора, а государственная казна фигурирует в качестве посредника⁹. В прежние времена обе организации являлись законными получателями публично экспропрированного имущества, но по точно установленным основаниям каждая¹⁰. Обычно в государственную казну «публиковалось» (от *publicare*) имущество имперских служащих (C.J. 12.63.2; Nov. 128.XXI) или осквернителей общественной морали (C.J. 1.4.33; Nov. 6), то есть нарушителей публичного права (Nov. 116.I; Ed. Just. 13.IX); фиск мог претендовать на все остальное, выражая, таким об-

разом, преимущественно частнопредварительный интерес. Новым в этом списке в ранневизантийское время стала претензия на экспроприированную собственность осужденных за преступления против церкви. С точки зрения постклассического права, ее получателем должна была выступать государственная казна, так как православие защищалось государством. Однако каждый император вполне мог зачислить себя в персональные покровители ортодоксального христианства и на этом основании претендовать на право отторгнуть имущество преступников против веры «на счета фиска». Юстиниан так и поступал. Количество виндицируемых фискальными структурами имуществ при нем заметно превышает объем недвижимости, отходившей по решению суда в государственную казну.

Аналогичная ситуация сложилась при Юстиниане и в сфере наказания за нарушение чьих-либо прав. Издревле взыскания такого рода передавались пострадавшей стороне. Сформировавшееся в римском праве понятие публичного деликта установило в качестве получателя штрафов казну государства. Позднее ее в этом потеснил фиск, приобретший функции публичной организации. В том, как император распределял изъятые по суду имущество между казной и фиском, проступает его отношение к последнему. Пример Юстиниана отчетливо показывает его стремление юридически закрепить в качестве источника пополнения имущественной массы фиска большинство известных оснований для публичной экспроприации. Государственная казна осталась безусловным получателем имущественных и денежных взысканий, пожалуй, только в случаях наказания государственных служащих, как гражданских (С.Ж. 12.63.2.2; С.Ж. 10.30.4; Nov. 128.XXI), так и военных (С.Ж. 1.27.2.9), и только за преступления против государства. Таким образом, Юстиниан I продемонстрировал высокую степень заинтересованности в получении фиском различного имущества, изъятых у собственников за правонарушения. Впрочем, важно отметить не только данную черту его фискальной политики, но и то обстоятельство, что император продолжал рассматривать казну государства среди реально действовавших финансовых учреждений, со специфической

деятельностью и своими источниками финансирования. Государственная казна с этой точки зрения по-прежнему оставалась не равнозначной фиску структурой, более того, Юстиниан официально признал фиск частью казны государства¹¹, кажется, впервые в ранней Византии дав ему именно такое определение.

Вообще, Юстиниан был склонен рассуждать о своем собственном имуществе и его месте в государстве и системе права. Следы рассуждений подобного рода встречаются в законодательстве¹². Очевидно, использование там слова «фиск» – впервые после Льва I – было осознанным и опиралось на вполне определенное понимание его места в финансовой системе государства.

Поскольку административная эволюция фиска в основном описана [17; 9], отметим лишь наиболее значимые для разрабатываемой темы черты организационного устройства фиска при Юстиниане I. В его конституциях упоминаются следующие фискальные структуры: эрарий, фонд «священных щедрот», императорские «дома», частные имущества, патримоний и некий «тезавр». Все они сопровождаются местоименным эпитетом «наш», который вообще-то употреблялся в императорском законодательстве довольно широко и не всегда юридически корректно¹³, однако весьма точно передает положение дел в сфере финансово-имущественных отношений с участием императора. Как можно заметить, термин «государственная казна» (*publicum*, δημόσιον) всегда фигурирует без этого личного местоимения, что объясняется отсутствием у Юстиниана претензий на использование публичных финансовых ресурсов по для сугубо личных целей. На деле такое происходило нередко, но с точки зрения права не считалось нормой. Для осуществления личных целей в рамках государственной политики и были в свое время сформированы фискальные структуры публично-правового назначения. Наличие таковых в фиске Юстиниана I вместе с его личными имуществами показывает преэминентность административной линии в фискальной политике этого императора.

Естественный в данной связи вопрос о других, кроме фиска как комплексного учреждения, частях государственной казны¹⁴ тре-

бует предпринять поиск таковых методами исключения и аналогии, выявляя финансовые фонды, к которым официально не прилагался эпитет «наш», причем практика подобного словоупотребления должна иметь стабильный долговременный характер¹⁵. Анализ законодательного материала показывает, что без названного маркера принадлежности к фиску в юстиниановское время функционировали два финансовых учреждения – *ταμειακόν* и *πολιτικά*. Второй из терминов в VI в. почти всегда обозначал внутренние дела, прежде всего, – экономические и финансовые – городских общин, которые сохраняли признаки самоуправления (С.Ж. 12.63.2; Nov. 17.IV; Nov. 30.VIII). Одним из направлений так называемой куриальной политики императора Юстиниана являлось подчинение городских финансов полному контролю со стороны государства [6; 11]. Полного подчинения не произошло и, вероятно, не могло произойти по причине отсутствия или неполноты необходимых условий, одним из которых должна была оказаться готовность государства не только усвоить финансовую систему городов, но и целиком заместить социально-политическую систему в них и соответствующим образом видоизменить систему полисных ценностей городского населения. Возможно, Юстиниан искренне стремился превратить полисные финансы в часть государственной казны, однако присутствие термина *πολιτικά* в его конституциях демонстрирует незавершенность данного политического процесса¹⁶.

Идентификация в качестве части государственной казны тамейакона (*ταμειακόν*) сталкивается с большими трудностями. Этимологически данный термин связан с земельными отношениями эллинистических государств Востока, где он обозначал государственные (то есть царские) угодья (например, [8, с. 44]). В ранней Византии *ταμειακόν* появляется в законах Зенона в латинской транскрипции¹⁷ и в контексте, который не позволяет усомниться в том, что этот старинный институт и в конце V в. продолжал функционировать в прежнем своем качестве царского имущества, не отделенного отчетливо от государственных финансов. Особый юридический статус тамейакона подчеркивался сохранением его оригинального названия. Несмотря

на то, что в законодательных источниках V–VI вв. этот вид имущества ассоциирован и с государственной казной, и с частным имуществом императора (Nov. 30), современные исследователи однозначно видят в нем только фискальное имущество, тождественное «божественным домам» [7; 22, р. 163–165], то есть относящееся к частноправовой составной фиска, игнорируя то обстоятельство, что, помимо отсутствия при термине *ταμειακόν* местоимения «наш», среди фискальных терминов юстиниановской эпохи одновременно с тамейаконом существовали и те самые «божественные дома», неизменно бывшие «нашими», а само слово *ταμειακόν* было производным от *ταμειῶν*¹⁸ и, следовательно, должно было означать часть казны, предназначенной для удовлетворения публичных нужд правящего императора (Nov. 30.VI). Таким образом, нельзя не увидеть в *ταμειακόν* те же специфические черты, которые были свойственны позднеантичному фиску, объявленному верховной властью частью государственной казны. И фиск, и тамейакон представляли собой институты, в которых сочетались права и обязанности субъектов публичного и частного (императорского) права одновременно. При этом величина каждой правовой ипостаси в том и другом институтах определялась субъектом фискальной политики, заинтересованным в сохранении подобного правового дуализма. Сложность интерпретации статуса *ταμειακόν* создается эндемичностью составляющих его недвижимых имуществ. Эти поместья в Каппадокии «и в других провинциях диоцеза Понтики» (Nov. 30.I.1) сохраняли свой изначальный статус отдельного ведомства в государственной казне, отличного от более молодого, хоть и похожего на него фиска.

Данный вывод, впрочем, не решает вопроса о причинах отсутствия при термине «тамейакон» эпитета «наш» как маркера частноправовой природы учреждения. Вероятно, данная особенность была следствием все той же традиции, в рамках которой существовал в ранней Византии этот эндемичный эллинистический институт, который изначально не нуждался в подобном уточнении. Нечто подобное наблюдается и в отношении контекстного употребления термина «фиск», например, в словосочета-

нии «патрон фиска», где слово «наш» никогда не появлялось ни при Юстиниане I, ни до него.

Что касается применения эпитета «наш» к термину «фиск» в законодательных источниках юстиниановской эпохи, то оно не отличалось своеобразием в сравнении с любым другим периодом ранневизантийского времени. Законы Юстиниана, в которых фиск фигурирует без личного местоимения, в сумме приблизительно в полтора раза превышают конституции, где использовано выражение «наш фиск». При этом контекст не имел значения: с эпитетом или без него, фиск мог выступать и как частное, и как публичное лицо, что означает, что всех ранневизантийских императоров, включая Юстиниана, устраивала правовая двойственность фиска, которая подчеркивалась вариативностью личного отношения к нему со стороны императора.

Тем не менее в ряде случаев, описываемых в законах, правовая двойственность фиска продемонстрирована вполне определенно и, видимо, сознательно. Как частное лицо фиск при Юстиниане продолжал действовать в своем праве¹⁹. В Кодексе Юстиниана (C.J. 10.1) и Дигестах (Dig. 49.14) имеются соответствующие главы, составленные из более раннего материала, и, хотя там говорится скорее о прерогативах фиска в системе частноправовых отношений, имеет значение позиция императорской власти, все еще признающей свой фиск объектом частного римского права. Фиск в типичных частноправовых ситуациях, в общем, равен прочим участникам отношений²⁰. Таких случаев в законах Юстиниана приведено немного, что может свидетельствовать как в пользу сокращения частноправовой деятельности фиска, так и в пользу того, что повседневная правовая практика, будучи давно урегулированной, не нуждалась в новых регламентациях со стороны законодателя. Важнейшим показателем реального положения фиска здесь было бы перечисление его налоговых обязательств перед государственной казной.

Исчерпывающих сведений такого рода ни в одном из известных источников юстиниановского права нет, но некоторые данные о том, что с фискальных имуществ производилась регулярная выплата подоходного налога, там все же имеются. Так, в Дигесты Юстиниана включены высказывания признанных

юристов Папиниана и Гермогениана, о налоговом бремени имений фиска [4, с. 281 (Dig. 49.14.36), 287 (Dig. 49.14.46.5)]; в попавшей в Кодекс Юстиниана конституции Зенона упоминаются налоговые сборы, которые должны были выплачивать императору вместе с рентой приобретатели его поместий как обычные частные владельцы (C.J. 11.69.2); наконец, и сам Юстиниан проговаривается в новеллах о существовании у колонов в императорских поместьях налоговых обязанностей в пользу государства²¹. Таким образом, фиск при Юстиниане выступал перед государством в роли налогоплательщика, пусть и привилегированного. Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация на самом деле вполне нормальна и даже логична для позднеантичных социально-политических реалий, которые признавала и признавала и сама императорская власть.

В данной связи не вызывает удивления желание Юстиниана сохранять в юридическом обиходе термин «фиск» как таковой, несмотря на давнюю практику использования нескольких его заменителей (вроде «нашего эрария»), а также на уникальную возможность отказаться от устаревшего латинского слова, предоставленную заявленным Юстинианом переходом в законодательной сфере с латыни на преимущественно греческий язык. Юстиниан I с присущим ему правовым новаторством [13] вполне мог изъять из юридического оборота это ставшее во многом анахронизмом понятие, к тому же символизировавшее относительность императорского могущества, заявляемого имперской пропагандой. В самом деле, зачем императору понадобилось воспроизводить термин *fiscus* по-гречески²², если его можно было без труда заменить естественными в греческом дискурсе синонимами принятого в латыни обозначения фиска (*aerarium*) – ταμείον или θῆσαυρον, или же напротив, принять в качестве определения для всех имперских финансов другой старинный термин – δημόσιος? Ответ только один – Юстиниан не был готов к подобному замещению по причине того, что фиск продолжал существовать в качестве важного политического и экономического института с собственным лицом и наименованием, предполагавшим его традиционное восприятие современниками.

Результаты. Анализ законодательного материала юстиниановской эпохи, имеющего отношение к институту императорского фиска, показал, что Юстиниан I продолжал фискальную политику, проводившуюся его предшественниками – Зеноном и Анастасием I, которые более заметно, чем другие императоры, обособляли в фиске свое личное имущество. Однако, в то время как названные императоры избегали использовать в законах термин «фиск», Юстиниан делал это нарочито, причем в законах, опубликованных как на латыни, так и на греческом языке.

Эта формальная, но очень показательная черта фискальной политики Юстиниана I подчеркивает личное его отношение к древнему учреждению. Он действовал в рамках традиции, которая предполагала некоторую вариативность в пределах устоявшихся форм, и всячески подчеркивал свое следование традициям в фискальной политике. Он сохранил в законодательстве многие устоявшиеся формы, содержавшие слово «фиск»; он напомнил в своих конституциях и созданных по его распоряжению юридических источниках о некогда сложившихся и уже не везде действовавших функциях императорского фиска как частноправовой структуры – о доносительстве в фиск, об основаниях и порядке фискальной виндикации имущества частных лиц, о праве фиска на получение штрафов.

Перфекционистское стремление подтвердить древние права фиска привело к обновлению дефиниции его правового статуса. Впервые в истории фиска он был описан как часть государственной казны, с которой он отождествлялся по своей публично-правовой деятельности.

Фискальная терминология не занимает в законодательстве Юстиниана большого места, однако специфика ее использования, включая очевидно персональное отношение к понятию «фиск», позволяет сделать вывод о рациональности фискальной политики этого императора, что предполагало некое изучение имевшегося опыта и разработку актуальных направлений, одним из которых стало наведение порядка в системе управления имуществами фиска. Тем самым фискальная политика Юстиниана I оказывается органической частью всей его деятельности во главе государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следование этой традиции привело в дальнейшем к тому, что и в исторической науке, в том числе занятой изучением поздней античности, фиском стали считать общегосударственные финансовые ресурсы, которые в действительности охватывали не только собственно фискальные, но и все известные имперские и императорские фонды (см., например: [18, р. 274–312; 2, с. 228; 14, с. 235]).

² Краткий обзор фискальной политики до начала VI в., а также определение этого понятия см.: [10, с. 43–66].

³ Подробнее об этом см.: [17].

⁴ Например, [16, р. 84(1.34.1), 100–101 (2.7.22; 24)] (далее – С.Ж. с принятым обозначением конституции или ее части римскими и арабскими цифрами).

⁵ Слово *confiscatio* в официальном ранневизантийском словообороте не встречается. Применительно к фиску соответствующее действие обычно описывалось частноправовым термином *vindicatio*, применительно к государственной казне – *publicatio*.

⁶ Ср.: С.Ж. 6.51.1.13: в эрарий (здесь – это часть фиска); [23, р. 685–686 (Nov. 134.X)]: в фиск (φίσκω), и [23, р. 162–163 (Nov. 22.XXII)]: в казну (δημόσιον) (далее – Nov. с общепринятым числительным обозначением конституции и глав в ней).

⁷ Например, ортодоксальной церкви (С.Ж. 1.5.15; С.Ж. 17) и курии (Nov. 89).

⁸ С.Ж. 6.51.1.14a: *fiscum*; Nov. 1.I: *δημόσιον*.

⁹ Наиболее яркие примеры – в Nov. 58, где дома, в которых незаконно совершаются таинства, подлежат «обобществлению» (*δημόσια*) с последующей передачей в *ταμείον* (об этом имеющем отношении к фиску учреждении ниже); Nov. 112.II: *δημῶσει ... φίσκω*; Nov. 142.I.

¹⁰ См., например, Nov. 117.VIII: в фиск согласно древним законам; Nov. 134.XIII: согласно древним законам, или в казну, или в фиск.

¹¹ Nov. 129 (*passim*): *δημοσίου μοῖραν*.

¹² Например: С.Ж. 6.51.1.14: «нашему частному имуществу должно быть предоставлено то, что полезно всем, что мы и постановили, полагая, что наша собственность является выгодой и для поданных»; С.Ж. 7.37.3.1: «императоры передают кому-либо вещи не из своего частного имущества, но из фискальных имуществ»; Nov. 104.2: «Сицилия всегда была чем-то вроде личной выгоды императоров».

¹³ Ср.: «наши сенаторы» (Nov. 74.IV.1), «наши подданные» (Nov. 78), «наш город» (Nov. 80.IV), «наше государство» (Nov. 81), «наши архонты» (Nov. 82).

¹⁴ Nov. 129.Pr.: *δημοσίου μοῖραν ἑτέραν*; IV: *πᾶσαν ἄλλην τοῦ δημοσίου μοῖραν*.

¹⁵ Поскольку эпитет «наш» мог применяться от случая к случаю; тот же «фиск», например, обрел его нерегулярно, и отсутствие притяжатель-

ного местоимения «наш» рядом с ним в том или ином императорском постановлении заслуживает отдельного рассмотрения в ином, нежели дуалистическая конструкция фиск – казна, свете.

¹⁶ В них τὰ πολιτικά чаще всего упоминаются в одном контексте с δημόσια: С.Ж. 12.63.2.6; Nov. 17.IV.1; Nov. 88.II.

¹⁷ С.Ж. 11.69.2: fundi tamiaci iuris.

¹⁸ [21, р. 91]: «быть квестором (то есть казначеем)»; [3, кол. 1225]: в узком смысле – «наполнять казнохранилище».

¹⁹ С.Ж. 3.1.13.1 (530 г.): ius fiscale.

²⁰ Например, в сфере обязательств: С.Ж. 10.8.3.

²¹ Например, Nov. 30.III: «они доставляют сборщикам обременение в пользу государственной казны».

²² С.Ж. 1.5.17; Novv. 112; 115; 117; 123; 124; 128; 129; 134. Стоит отметить, что ни одного случая использования греческой кальки слова «фиск» не приходится на время реформ 530-х годов.

REFERENCES

1. Valdenberg V.E. *Gosudarstvennoe ustroystvo Vizantii do kontsa VII veka* [State System of Byzantium up to the 7th Century]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2008. 224 p.
2. Vasilyev A.A. *Istoriya Vizantiyskoy imperii. Vremya do Krestovyykh pokhodov (do 1081 g.)* [History of Byzantine Empire (Up to 1081)]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 512 p.
3. Veisman A.D. *Grechesko-russkiy slovar* [Greek-Russian Dictionary]. Saint Petersburg, Avt. izd., 1899. 1371 col.
4. Kofanov L.L., ed. *Digesty Yustiniana* [The Digest of Justinian]. Vol. VII/2. Moscow, Statut Publ., 2005. 564 p.
5. *Zakonodatelnye pamyatniki administrativnoy i finansovoy politiki ranney Vizantii. Pt. I: Period 364–491 gg.* [Legislative Sources of the Administrative and Financial Policy of the Early Byzantium, 364–491]. Barnaul, AzBuka Publ., 2004. 544 p.
6. Kurbatov G.L. *Osnovnye problemy vnutrennego razvitiya vizantiyskogo goroda v IV–VII vv.* [Main Problems of Domestic Development of the Byzantine City in the 4th to 7th Cent.]. Leningrad, LGUPubl., 1975. 256 p.
7. Levchenko M.V. *Materialy dlya vnutrenney istorii Vostochnoy Rimskoy imperii V–VI vv.* [Documents on the Internal History of the East Roman Empire]. *Vizantiyskiy sbornik* [The Byzantine Collection]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1945, pp. 12–94.
8. Pavlovskaya A.I. *Egipetskaya khora v IV v.* [Egyptian Chora in the 4th Cent.]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 256 p.
9. Serov V.V. *Razvitie sistemy upravleniya imperatorskim fiskom v III–VI vv.* [Development of the Administrative System of Emperor's fiscus in the 3rd–6th Cent.]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient Antiquity and Middle Ages], 1998, vol. 29, pp. 165–175.
10. Serov V.V. *Finansovaya politika rannevizantiyskogo imperatora (analiz meropriyatiy Anastasiya I)* [Financial Policy of an Early Byzantine Emperor (Analysis of the Anastasius I's Measures)]. Barnaul, APK Publ., 2000. 208 p.
11. Serov V.V. *K voprosu o meste kuriy v rannevizantiyskom gosudarstve: finansovyy aspekt* [To the Question on the Position of curiae in Early Byzantium: A Financial Aspect]. *Vizantiyskiy vremennik*, 2001, vol. 60 (85), pp. 46–55.
12. Serov V.V. *Finansovaya politika imperatora Yustiniana Velikogo* [Financial Policies of Justinian the Great]. Barnaul, AzBuka Publ., Novosibirsk, Nauka Publ., 2011. 375 p.
13. Smetanin V.A. *Uzlovye problemy vizantiyskogo prava* [Key Problems of the Byzantine Law]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient Antiquity and Middle Ages], 1999, vol. 30, pp. 62–64.
14. Udaltsova Z.V. *Sotsialno-ekonomicheskaya i administrativnaya politika Yustiniana* [Social, Economic, and Administrative Policy of Justinian]. *Istoriya Vizantii* [History of Byzantium]. Moscow, Nauka Publ., 1967, vol. 1, pp. 219–245.
15. Brandes W. *Finanzverwaltung in Krisenzeiten. Untersuchungen zur Byzantinischen Administration im 6.–9. Jahrhundert.* Frankfurt am Main, Löwenklau-Gesellschaft e. V., 2002. 789 p.
16. Krüger P., ed. *Codex Justinianus.* Berlin, Apud Weidmannos, 1906. 520 p.
17. Delmaire R. *Largesses sacrées et res privata. L'aerarium imperial et son administration du IVe au VIe siècle.* Roma, Palais Farnèse, 1989. 759 p.
18. Diehl Ch. *Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle.* Paris, Ernest Leroux, 1901. 736 p.
19. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey.* Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1986. 1518 p.
20. Karayannopoulos J. *Das Finanzwesen des Frühbyzantinischen Staates.* München, R. Oldenbourg, 1958. 308 p.
21. Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis.* Toronto, Hakkert, 1974. 207 p.
22. Métivier S. *La Cappadoce (IVe–VIe siècle). Une histoire provincial de l'Empire romain d'Orient.* Paris, Sorbonne, 2005. 496 p.
23. Schoell R., Kroll G., eds. *Novellae.* Berlin, Apud Weidmannos, 1954. 805 p.

Information About the Author

Vadim V. Serov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Barnaul Orthodox Seminary, im. Yadrintseva Lane, 66, 656008 Barnaul, Russian Federation; Professor, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, Dimitrova St, 66, 656099 Barnaul, Russian Federation, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>

Информация об авторе

Вадим Валентинович Серов, доктор исторических наук, доцент, профессор, Барнаульская православная духовная семинария, пер. им. Ядринцева, 66, 656008 г. Барнаул, Российская Федерация; профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, ул. Димитрова, 66, 656099 г. Барнаул, Российская Федерация, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.20>

UDC 94“1261”:355.4

LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2023

Accepted: 01.11.2023

THE RECAPTURE OF CONSTANTINOPLE IN 1261: AN ACCIDENT OR A PATTERN?

Nikolay D. Barabanov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The recapture of Constantinople by a small detachment of Nicaeans in 1261 looks like an accident and the successful combination of circumstances for the Byzantines. However, we cannot accept this event as accidental. Of particular importance are the consistent conquering efforts of the Empire of Nicaea. In this case, the capture of the city should be considered as the final stage of a long and multifaceted military operation. The main objective of the article is the military-historical reconstruction of these events. The long-term military campaign of Michael VIII Palaiologos to conquer Constantinople is also of interest for the study of combat practice. In addition, it is of particular importance in the study of the Early Palaiologan military-strategic concept and the Late Byzantine military art in general. *Methods.* The reconstruction of the events of the long-term campaign to retake Constantinople is based on the use of all classical methods of historical research and a systematic approach. *Analysis and results.* The result of our research makes thinking that Constantinople was not taken by chance in 1261. The retaken of the capital was as a result of the implementation of the essentially insidious plan of Emperor Michael VIII. Lacking sufficient armed forces and means for a full-fledged siege of the city, the emperor twice tried to seize the capital of the Latin Empire. He counted on the effect of an internal factor in the form of treason or support for anti-Latin forces. It is quite obvious that the second option was successful. *Authors' contribution.* N.D. Barabanov analyzed the event-chronological aspect of the campaign of Michael VIII in 1259–1261, while V.A. Zolotovskiy reconstructed the final military operation to capture Constantinople by Byzantine troops in 1261.

Key words: Byzantium, Latin Empire of Constantinople, Empire of Nicaea, Constantinople, Michael VIII Palaiologos and his politics.

Citation. Barabanov N.D., Zolotovskiy V.A. The Recapture of Constantinople in 1261: An Accident or a Pattern? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 270-283. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.20>

УДК 94“1261”:355.4

ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2023

Дата принятия статьи: 01.11.2023

ВЗЯТИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 1261 г.: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Николай Дмитриевич Барабанов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Взятие Константинополя небольшим отрядом никейских войск в 1261 г. выглядит случайностью, удачным для ромеев стечением обстоятельств. Однако признать событие таковым нельзя, если поставить его в контекст последовательных завоевательных усилий Никейской империи. В этом случае захват города следует рассматривать как закономерность, как завершающий этап длительной и многоплановой военной операции. Основной задачей статьи является военно-историческая реконструкция событий одного из важ-

нейших этапов истории Византии. Долгосрочная военная кампания Михаила VIII Палеолога по завоеванию Константинополя представляет также интерес в связи с возможностью анализа боевой практики, раннепалеологовской военно-стратегической концепции и развития поздневизантийского военного искусства в целом. Итог осуществленного нами обзора темы заставляет думать о том, что в 1261 г. Константинополь был взят не случайно, а в результате осуществления по сути коварного замысла императора Михаила VIII, который, не имея достаточных для полноценной осады города вооруженных сил и средств, дважды пытался овладеть столицей Латинской империи в расчете на внутренний фактор в виде измены или поддержки антилатинских сил. Второй вариант оказался успешным. *Вклад авторов.* Н.Д. Барабанов проанализировал событийно-хронологический аспект кампании Михаила VIII в 1259–1261 гг., в то время как В.А. Золотовский произвел реконструкцию завершающей военной операции по захвату Константинополя византийскими войсками в 1261 году.

Ключевые слова: Византия, Латинская империя, Никейская империя, Константинополь, Михаил VIII Палеолог и его политика.

Цитирование. Барабанов Н. Д., Золотовский В. А. Взятие Константинополя в 1261 г.: случайность или закономерность? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 270–283. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.20>

Введение. Взятие Константинополя небольшим отрядом никейских войск в 1261 г. выглядит случайностью, удачным для ромеев стечением обстоятельств. Однако признать событие таковым нельзя, если поставить его в контекст последовательных завоевательных усилий Никейской империи. В этом случае захват города следует рассматривать как закономерность, как завершающий этап длительной и многоплановой военной операции. Основной задачей статьи является военно-историческая реконструкция событий одного из важнейших этапов истории палеологовской империи. Долгосрочная военная кампания Михаила Палеолога по завоеванию Константинополя представляет также интерес в связи с возможностью анализа боевой практики, раннепалеологовской военно-стратегической концепции и развития поздневизантийского военного искусства в целом.

Анализ. После восшествия на престол Михаила Палеолога главной задачей на пути к восстановлению империи была организация кампании по завоеванию Константинополя. Это событие могло быть достаточным основанием для признания легитимным правления нового императора, получившего властные полномочия посредством заговора.

Подготовка. Прежде всего, было необходимо нейтрализовать угрозу военной экспансии, исходившую от западных противников Византии. Первым этапом на пути обеспечения безопасности было сражение при Пелагонии, произошедшее в середине 1259 г.¹, в ходе которого византийские войска разбили

мощную тройную коалицию, организованную против Михаила Палеолога его главным соперником – деспотом Михаилом II Эпирским, а также его латинскими союзниками: Манфредом Гогенштауфеном, королем Сицилии, и князем Ахайи Гийомом Виллардуэном.

Сражением у Пелагонии первая западная война Палеологов не окончилась, а лишь ознаменовала переход в новую фазу. Как сообщает Пахимер, после непродолжительного пребывания на востоке с целью восстановления укреплений [13, р. 141^{1–10}] войска Иоанна Палеолога продолжили западную кампанию, продвинувшись вглубь эпирской территории, захватили несколько ключевых крепостей. По данным историка, в ходе военных действий войском Иоанна были захвачены крепости Канина, Белград, Полог, Колония, Кастория, Пелагония, Деврас, Черников, Дяволис, Прилап, Водена, Бостр, Петра, Преспа, Стеридол, Ахрид, иллирийские крепости. Иоанн Палеолог дошел до Диррахия, осадой занял Патру и Трику [13, р. 151^{9–14}]. По завершении похода Иоанн провел ряд мероприятий, вполне традиционных для византийской военной практики. Как сообщает Пахимер, он подчинил и обустроил эти земли, «основал крепости и воздвиг сторожевые посты» [13, р. 153^{3–4}]. Очевидно, что целью данной кампании Палеологов было расширение и укрепление системы линейной фортификации, представленной совокупностью крепостей, усиленных заградительными укреплениями и гарнизонами, на территории, имевшей приоритетное значение в стратегических планах противников.

Таким образом, по завершении первой западной кампании Палеологов, владения империи были не только расширены; за счет захваченных крепостей, а также нейтрализации сил Михаила Эпирского и Гийома Виллардуэна были созданы все необходимые условия для сосредоточения сил империи на главной цели никейского императора – завоевании Константинополя².

Однако для отвоевания Константинополя требовалась не только профессионально и адекватно ситуации выработанная стратегическая концепция, профессиональное войско, но также создание определенных внешнеполитических условий. Организация «константинопольской кампании», безусловно, обязывала императоров к привлечению основных военных сил империи, что было возможно лишь при устранении внешней угрозы безопасности Никее. Закончившаяся успехом кампания Иоанна Палеолога на какое-то время обеспечила мирное сосуществование с западными соседями империи. Это сделало возможным перераспределение военных сил Никее, их сосредоточение и объединение под единым имперским командованием с ориентировкой на новую цель – захват прилегающих к Константинополю стратегически важных территорий. Вместе с тем ухудшение экономического и внешнеполитического положения Латинской империи также способствовало удачному исходу кампании. Очевидно, осознавая значение перечисленных обстоятельств, Михаил Палеолог начал экспедицию весной 1260 года³.

Согласно Акрополиту, войско Михаила Палеолога было слабым, что, скорее всего, характеризует его численность. Уточняя свое мнение, историк указал, что Михаил Палеолог привлек войско недостаточное для осады столицы («οὐδὲ γὰρ ἦεν ἀξιόμαχον στρατιὰν εἰς τοιαύτης πόλεως πολιορκεῖν») [19, p. 185¹²⁻¹³]. Эта фраза историка делает еще более очевидным предположение о том, что захват, если не города, то хотя бы Галаты изначально являлся целью кампании. Однако Акрополит объясняет это тем, что император планировал захватить Константинополь малыми силами в надежде на помощь знатного латинянина Аселя, захваченного в битве при Пелагонии и сохранившего себе жизнь обещаниями открыть ворота города [19, p. 185¹³⁻¹⁸]⁴.

На первом этапе кампании, войдя во Фракию, никейские войска захватили Силимврию, а также все близлежащие к Константинополю крепости, за исключением Афамя [13, p. 157⁸⁻¹¹]⁵. Описывая события, Акрополит указал, что для сокрытия заговора и отведения подозрения от Аселя, Михаил расположил армию у Галаты, ожидая открытия ворот и создавая видимость подготовки к осаде [19, p. 186³⁻⁷]. Тем временем к Аселю были тайно направлены посланники с требованием выполнения обязательств. Однако, как повествует историк, Асель продолжал медлить. Спустя какое-то время, Михаил Палеолог предпринял попытку запугать Аселя, подослав ночью к его дому своих людей. Но и эти меры не заставили его выполнить обещание. В качестве объяснения латинянин сообщил, что комендант («τὸ ἄρχοντα τῆς πόλεως») усилил охрану и забрал ключи от ворот города [19, p. 186⁹⁻¹⁷]. Таким образом, замысел Михаила VIII, который рассчитывал на помощь Аселя, провалился.

Сведения Акрополита о неудавшемся предательстве Аселя могут вызвать сомнение, особенно ввиду того, что Пахимер и Григора не упоминают об этом плане императора. Однако следует учесть, что Акрополит в сравнении с упомянутыми историками хронологически был ближе к изучаемому событию и явно имел больше информации. Другой вопрос, почему Пахимер и Григора не включили эту информацию в свои сочинения. Данный сюжет может вызвать множество предположений, рассматривать которые сейчас смысла не имеет. Скорее всего, это связано с развитием образа Михаила VIII, претерпевшего изменения за время, прошедшее до момента написания их сочинений. В контексте последующих событий и особенно взятия города в результате заговора и измены его жителей описанный Акрополитом замысел императора выглядит вполне разумным. Не имея сил и средств для полноценной осады и штурма Константинополя, он рассчитывал на возможность использования откровенного предательства или сил оппозиции Латинской империи.

После провала акции Аселя борьба за столицу продолжилась. Согласно Пахимеру, Михаил Палеолог в надежде на взятие Константинополя силами империи, привлекая осадные машины, провел операцию, целью

которой был штурм и захват Галаты. Во время штурма император наблюдал за ходом действий, расположившись неподалеку от Галаты, одновременно «приводя противника в изумление» («Ὡς γοῦν ὁ κρατῶν, τὰς δυνάμεις συναγαγὼν, πολλὰς οὐσας καὶ διαφόρους, τῷ Γαλατᾷ προσέβαλεν, αὐτὸς μὲν, ἐφ' ἱκανὸν μακρόθεν σκηνοποιησάμενος, ἐφ' ὑψηλοῦ καθήστο, προσορῶν τὰ δρώμενα, ἅμα δὲ καὶ πειρώμενος εὐσύνοπτος εἶναι τοῖς ἐναντίοις πρὸς ἔκπληξιν») [13, p. 171²⁵⁻²⁸]. Осада началась обстрелом стен, при этом отряды лучников обстреливали валы, на которых появились сопротивляющиеся латиняне. Анализируя сообщение историка, можно прийти к выводу, что на определенном этапе сражения ситуация всецело находилась под контролем армии Михаила VIII. Однако, как повествует Пахимер, ход сражения был изменен вспомогательным отрядом латинян, прибывшим из Константинополя в Галату на лодках. Завершилось сражение полным поражением армии Палеолога, отступившей спешно и без особого сопротивления. Усиление сопротивления осажденных, поддержанных латинянами Константинополя, а также распространение слухов («растеклись слухи») о приближавшемся венецианском подкреплении («καὶ ἅμα φήμης διαχεθείσης, ὡς ἐξ ἀποστολῆς ἐπέστησαν ἄλλοι πλείστοι καὶ ἰσχυροί») [13, p. 175⁶⁻⁷]), в понимании Пахимера, были главной причиной к отступлению никейских сил, организованному по инициативе Михаила Палеолога [13, p. 175⁷⁻⁹].

Таким образом, несмотря на различие в объяснении причин похода к Галате, данные Акрополита, Пахимера и Григоры явно указывают лишь на организацию осады города. Заметим, что прямое следование источникам, предопределившее понимание исследователями сражения у Галаты как самоцели экспедиции лета 1260 г., кажется крайне поверхностным, не раскрывающим роли и значения этого события. Анализ хода экспедиции от организации до завершения, позволяет нам предположить, что она была лишь первым этапом в большом долговременном стратегическом плане по завоеванию Константинополя, окончательно реализованным 25 июля 1261 года. Главной же целью похода лета 1260 г. была экономическая и территориальная изоляция, захват латинских владений для создания

военно-оперативных пунктов, истощение сил защитников Константинополя, а также, очевидно, создание «выгодного образа» будущей экспедиции по завоеванию Константинополя в глазах латинян ⁶.

В то же время хотелось отметить вполне ясную роль и стратегическую необходимость захвата Галаты в кампании по завоеванию Константинополя. Нейтрализация Галаты в случае успеха операции фактически открывала путь к столице со стороны Золотого Рога. Захваченные крепости, как следует из источников, не только сузили материальную базу и фортификационный потенциал латинян, но и служили плацдармом для нанесения перманентных ударов по силам города с целью их истощения ⁷, а также, возможно, ослабления бдительности обороняющихся. Завоевание крепостей, окружавших Константинополь, могло обеспечить необходимые условия для подготавливаемого Михаилом VIII покорения утраченной столицы. Очевидно, сложность захвата такого укрепленного города, как Константинополь предполагала проведение долгосрочной операции. Аналогичные мероприятия по подготовке штурма города отражены в источниках, повествующих о кампании Мехмета II. Штурму города предшествовали захват ближайших территорий и крепостей [2, с. 36, 38, 47, 84, 85, 113, 129, 147], разрушение крепостной стены Константинополя [2, с. 31]. Кроме того, султан создал дополнительные крепости [2, с. 35, 78, 112, 113, 147] для контроля над территориями и подготовки плацдарма для нанесения основного удара.

Организация летней кампании 1260 г. Михаилом Палеологом поставила Балдуина II и венецианцев перед необходимостью усилить обороноспособность столицы империи. Наибольшие трудности, вызванные слабой экономикой Латинской империи ⁸, состояли в пополнении гарнизона города подготовленными воинами. В связи с большой протяженностью «феодосиевых стен», являвшихся главной оборонительной линией Константинополя, требовались колоссальные затраты на адекватное усиление гарнизона ⁹.

Другой силой, заинтересованной в безопасности Константинополя, была Венеция. Еще В. Хейд писал о том, что существование Латинской империи зависело от республи-

ки [21, р. 427]. В одном из доступных нам источников имеется указание на обеспокоенность лигурийцев. В документе, опубликованном Д. Джианакопелосом и, вероятно, относящемся ко времени после битвы у Галаты, упоминаются ссуды, которые подеста приказал потратить на усиление защиты Константинополя [17, App. В, Doc. № 1].

Дипломатия. Продолжение кампании по завоеванию Константинополя, обеспечение города соответствующим уровнем обороны требовали от Михаила Палеолога сосредоточения всего материального и военного потенциала. Это было возможно лишь при условии установления военно-политического баланса как с сопредельными государствами, так и с потенциальными противниками. Осознавая это, Палеолог предпринял ряд дипломатических шагов.

Прежде всего, в декабре 1260 г. великий логофет Акрополит был направлен с секретной миссией к болгарскому царю Константину Тиху. Результатом этой миссии было установление дружественного нейтралитета [19, р. 175²⁶; 16, р. 253].

Следующим шагом была нейтрализация восточных соседей империи. Стабильность на малоазийских рубежах была обеспечена предоставлением убежища султану Изз ал-Дину Кай-Кавусу II, бежавшему от монголов в Никиею [39, р. 72–73]. Одновременно с этим Михаил Палеолог остановил продвижение монголов заключением мирного соглашения, одним из условий которого было содержание сельджукского султана под полным контролем императора [13, р. 185^{10–21}, 187^{4–7}; 32, р. 81^{14–16}] ¹⁰.

Устранив в результате сражения при Пелагонии противников из Эпира и Ахайи, Михаил Палеолог приступил к созданию военно-морского союза с генуэзцами. Создание этого альянса было стратегической необходимостью, так как окруженный морем и неприступными стенами Константинополь был несокрушим без сильной сухопутной и морской армии. Доказательством тому могли служить неудачные попытки штурма города Иоанном III Ватацем и болгарским царем Иоанном Асенем.

Альянс с византийцами не являлся новшеством в генуэзской дипломатии. Уже в эпоху династии Комнинов были подписаны соглашения, по которым императоры Мануил I

и Иоанн I предоставляли Генуе коммерческие привилегии и квартал в Константинополе. Попытки подписания соглашений против Венеции предпринимались в 1231 и 1239 гг. [3, с. 106, 111–112]. Однако по ряду причин эти проекты так и не были реализованы ¹¹.

Некоторые исследователи признали инициатором создания союза Михаила Палеолога ¹². Результатом переговоров было соглашение, подписанное в Нимфее 13 марта 1261 г. [28, р. 801; 33, р. 176]. 28 апреля Михаилом VIII в Геную было направлено соглашение с приложением, в котором император акцентировал внимание на помощи генуэзцев в защите интересов Никеи, при этом император предложил возместить затраты Генуи на снаряжение кораблей и содержание команды. Приблизительно через два с половиной месяца, 10 июля 1261 г., взаимовыгодный договор был ратифицирован в Генуе [28, р. 802]. После этого без промедления к Палеологу была направлена группа из шестнадцати триер под командованием брата подесты Марио Бокканегру [7, р. 43–44].

Весной 1261 г. Михаил II Ангел, восстановив армию после поражения при Пелагонии, вторгся в европейские владения Никеи. Для противостояния эпирскому войску Михаил VIII направил к западным рубежам армию деспота Иоанна. Тем самым борьба на данном направлении была продолжена.

Миссия Стратигопула. В то же время император приказал кесарю Алексею Стратигопулу отправиться с отрядом из восьмисот ромеев и куманов («καὶ Βίθωνος μὲν ὀλίγους μικρὸν ὑπὲρ τοὺς ὀκτακοσίους, τοὺς» [32, р. 83¹⁰]) во Фракию для предотвращения продвижения болгарской армии Константина Тиха [13, р. 191^{12–15}]. Император рекомендовал Стратигопулу «и иную цель». По пути следования отряд кесаря должен был, проходя у Царицы городов, главным образом «грозить мечом итальянцам, и только это делать, поскольку войска мало» [13, р. 191^{20–23}]. Следуя описаниям первого этапа «константинопольской кампании» Стратигопула ¹³, представленным в сочинениях Пахимера и Григоры, кроме этого, никаких поручений от Михаила Палеолога кесарь не получал ¹⁴.

Существенно отличается трактовка этих событий Акрополитом, упомянувшим лишь

о том, что кесарь был направлен против западных врагов империи, и, «приблизившись к Константинополю..., [должен был] приступ некий... сделать (ἔφοδόν τινα... ποιήσασθαι)» [19, р. 190⁷⁻⁹]. Приведенная фраза явно указывает на то, что в задачи отряда Стратигопула входило нападение на Константинополь. Можно предполагать, что миссия полководца и его отряда имела не одну цель. Тем не менее, несмотря на некоторые различия в понимании авторами целей похода кесаря, источники указывают на непредвиденность захвата Константинополя¹⁵.

В научной литературе сообщения источников породили два противоположных мнения относительно характера захвата Константинополя. Большинство ученых, всецело доверяя данным и оценкам византийских авторов, определили это событие как спонтанный, неподготовленный захват города малыми силами. При этом подчеркивалось, что никейский военный отряд объективно не был предназначен, а также не был способен сокрушить оборону столицы Латинской империи [5, с. 310; 1, с. 127; 35, р. 449; 9, р. 40–41; 42, с. 236; 41, с. 38–40; 36, pp. 251–252]. Степень невнимания исследователей к столь значимому событию характеризуется мнением Т.М. Колбаба. Она считает, что захват Константинополя в 1261 г. дело провидения, чудо, то есть перефразируя автора, это случайное, незапланированное людьми событие, произошедшее под действием иррациональной трансцендентной силы [23, р. 130]. Более близкой к истине представляется точка зрения А. Гарднера, предположившего, что кампания была подготовлена и ее целью был захват Константинополя [16, р. 255]. Полагаем, что материал источников дает все основания для выдвижения гипотезы о запланированном и детально проработанном характере похода кесаря к столице Латинской империи. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение Пахимера, который, описывая события константинопольского похода, указал, что после прибытия к городу Стратигопула, в расположение его войска сразу же прибыли телематарии [13, р. 191²⁵⁻²⁷, 193^{1-9, 17-21}; 32, р. 84¹⁵⁻²³, 85¹⁻⁶, 85⁸⁻¹¹].

Телематарии. В период латинского господства окрестности Константинополя от Пропонтиды до Черного моря населялись людьми, названными в источниках телемата-

риями¹⁶. Исходя из значения этого термина, можно сделать вывод, что они обеспечивали себя заработком, работая по найму. Поскольку латиняне Константинополя испытывали затруднения в людских ресурсах, они, очевидно, использовали труд телематариев как внутри, так и вне стен города. В то же время, установив дружественные отношения с телематариями, Никея имела возможность ежедневно получать достоверную информацию относительно событий внутри города¹⁷.

Определяя происхождение телематариев, исследователи предположили, что они могли быть сыновьями солдат византийской армии, распущенной после захвата столицы в 1204 г. [17, р. 95, note 12]. Также, по мнению Д. Джиакоплоса, они, возможно, могли быть беженцами ромейского происхождения, покинувшими территории, захваченные болгарскими и латинскими войсками после 1204 г. [17, р. 95].

В связи с вышеуказанным заметим, что предположения исследователей носят исключительно умозрительный характер, так как данные источников не дают прямых указаний на этническое или социальное происхождение телематариев. С уверенностью можно утверждать, что эта группа населения проживала в пригородах Константинополя. Так, Пахимер впервые упомянул телематариев в пассаже, посвященном экспедиции Михаила Палеолога летом 1260 г. [13, р. 157¹²⁻²⁸]. Указание на ведение ими хозяйственной деятельности, а также собственно военная помощь, оказанная ими при захвате Константинополя войску Стратигопула, позволяют предположить, что телематарии были представлены сельским населением, занимавшимся помимо этого военной деятельностью в качестве вольнонаемников¹⁸.

Полагаем, что в группу телематариев входило население пригорода, состоявшее из беженцев, недавних переселенцев. Подтверждением последнего тезиса выступает упоминание о телематариях, принимаемых на службу султаном Египта Бейбарсом. Этим наименованием Пахимер обозначил вольнонаемных воинов-куманов. Также следует обратить внимание на указание Пахимера о наличии в войске ромеев телематариев в сражении при Апросе. Очевидно, в этом случае упомянуты обычные наемники ромейского происхождения – добровольцы, вербуемые на службу при

необходимости увеличения численности войск. Наше предположение и, соответственно, возражение мнению М. Бартусиса основывается также на отсутствии иных упоминаний о службе телематариев, которых следует ожидать со всей очевидностью в случае обретения телематариями особого воинского статуса и установлении постоянного характера их службы.

Дафнусия. Предположение о спланированном силовом захвате Константинополя представляется более аргументированным в связи с передислокацией главных венецианских морских сил из Константинополя к крепости Дафнусия и последующей ее осады¹⁹. Эта экспедиция латинян к никейской крепости означала нарушение договора, заключенного в сентябре 1260 г. между Михаилом Палеологом и Балдуином II (о достигнутых договоренностях сообщает Акрополит [19, р. 186¹⁹⁻²⁰]). Причины отплытия венецианского флота численностью в тридцать судов к Дафнусии представлены в источниках неоднозначно²⁰.

Согласно Акрополиту, цель командующего экспедицией, недавно назначенного на должность подеста Марко Градениго, было побуждение латинян к активной борьбе с никейцами [19, р. 191⁵⁻⁸]. Эти данные сделали возможным предположение А. Милиаракиса о том, что, с одной стороны, Венеция стремилась захватить Дафнусию, так как от Босфора до Ираклийского Понта она была единственным портом [43, с. 592, сн. 1]. По мнению Д. Джианакопоса подеста попал в ловушку Михаила VIII, который старался побудить флот венецианцев удалиться из Константинополя, чтобы облегчить задачу войску Стратигопула [17, р. 100]. О. Кристя считает, что в 1261 г., как и в 1257 г. в Месемврии, Венеция только отвечала на инициативы Никеи, которые угрожали военной безопасности и снабжению столицы Латинской империи. Экспедиция Градениго должна была воспрепятствовать превращению Дафнусии в мощную морскую базу Византии и ее союзника Генуи [11, р. 141]. С другой стороны, Дафнусия была единственным портом-убежищем для венецианских судов, преследуемых генуэзцами [15, р. 342]. Здесь следует отметить важное сообщение Акрополита, который упомянул, что весь латинский флот, включавший множество лодок, судов, триер и дромонов, выступил к острову Дафнусия, чтоб

«попытаться его захватить и пожить добычей» [19, р. 191⁹⁻¹²]. Акрополиту вторит Пахимер, подчеркивая, что «все итальянские силы отправились захватить остров Дафнусия, ушли и уже много дней там находятся» [13, р. 193⁶⁻⁸].

Оба приведенных пассажа, свидетельствуя о выводе всех сил Константинополя к Дафнусии, явно указывают на большое значение острова для венецианцев. В то же время упоминание о захвате острова, представленного как главная задача экспедиции, дает возможность предположить, что Дафнусия, принадлежавшая Венеции временно, вышла из-под ее подчинения и находилась под контролем Никеи. Возможность грабежа, о которой сообщил Акрополит, явно указывает на тот факт, что население острова было представлено греками. Исходя из этого, можно сделать вывод, что временную независимость Дафнусия обрела в ходе восстания, организованного жителями города.

Данные, представленные Марино Санудо Торчелло, стали основанием для крайне неопределенного и, безусловно, спорного утверждения Д. Джианакопоса о заговоре между подестой и Михаилом Палеологом [17, р. 99–100; 22, р. 114]. Сообщениям латинянина, по логике исследователя, также вторят высказывания, встречающиеся в источнике Hebraeus Abulfarae. Автор указал, что Михаил VIII спровоцировал отбытие венецианских кораблей, пообещав Балдуину II крепость Дафнусия. После ухода императора и флота Константинополь был захвачен прибывшими никейцами. Анализируя гипотезу, выдвинутую ученым, хотелось бы заметить, что упомянутое в арабском источнике участие в походе Михаила VIII [17, р. 101]²¹ свидетельствует о прямом искажении фактов, либо же о неосведомленности автора и, соответственно, ставит под сомнение некоторые его высказывания²².

Фактически, из неромейских источников лишь Мартин да Каналь вторит византийцам. Венецианский хронист сообщил, что «из-за недостаточной охраны греческий полководец с большой компанией греков захватил ночью Константинополь, в то время как подеста был на Востоке с большинством венецианских сил» [25, р. 480].

Главные источники, сообщающие данные по второму этапу кампании, это труды Акропо-

лита и Пахимера²³, тогда как остальные – лишь повторение сочинения великого логофета. При этом необходимо учитывать, что Пахимеру в то время было уже 19 лет [24, S. 288]. Это означает, что историк имел возможность получить информацию о происходившем без существенных искажений.

Снова Стратигопул. История военного похода начинается с того момента, когда по приказу императора Михаила войско под руководством кесаря Алексея Стратигопула выдвинулось во Фракию и Македонию [19, р. 190⁴⁻⁷; 13, р. 191¹²⁻²¹; 32, р. 83³⁻¹²]. По сообщению источников, этот поход был спровоцирован активизацией военных действий армии Михаила II Ангела²⁴. После непродолжительного марша войско Стратигопула остановилось лагерем у Силимврии [32, р. 83¹⁹; 13, р. 191²⁴⁻²⁷]. В течение первых суток после разбивки лагеря к Алексею прибыли телематарии. В беседе со Стратигопулом телематарии информировали его об отплытии флота и, очевидно, сообщили о численности гарнизона, после чего предложили ему захватить город [32, р. 84¹⁵⁻²³, 85¹⁻⁶, 85⁸⁻¹¹; 13, р. 193^{1-9, 17-21}].

Обсудив предложение телематариев на военном совете, «подавшись на уговоры» своего племянника Алексея, кесарь принял решение о подготовке захвата города. Вторжение в Константинополь было начато ночью [19, р. 191¹⁵⁻¹⁶; 32, р. 85¹⁹⁻²⁰; 13, р. 195²⁻³] по прошествии нескольких дней после принятия решения о взятии города [32, р. 85¹⁸]. Описание боевых действий, приведенное Акрополитом и Григорой с одной стороны, и Пахимером с другой, по ряду аспектов разнятся, но в одном они совпадают: помощь телематариев заключалась в подготовке и проведении первой части операции. Они должны были собственными силами, устранив стражу, открыть ворота у источника Божьей матери (ворота со стороны Силимврии), где их ожидало перебравшееся через внешнюю стену войско Стратигопула [32, р. 85¹¹⁻¹⁷].

Отличаются сообщения греков в описании способа преодоления никейской армией внешней стены города. Пахимер указывает, что воины Стратигопула перебравшись через стену посредством лестниц [13, р. 195⁴⁻⁹, 197³⁻⁵]. Описывая порядок преодоления внешней стены, Акрополит и Григора указывают,

что войско кесаря пробралось через стену посредством тайного хода, ведущего к источнику храма Божьей матери [19, р. 191; 32, р. 85], который, добавляет Григора, «как будто бы нарочно заранее кем-то был вырыт» [32, р. 85¹³⁻¹⁴]. Это пояснение делает возможным предположение о связи событий июля 1261 г. с событиями лета 1260 г., в очередной раз ставя под сомнение случайный характер кампании по завоеванию Константинополя.

С сюжетом штурма и собственно завоевания города также связан следующий ряд проблем:

- боевой состав войска Стратигопула;
- численность и боеспособность городской стражи;
- хронология событий.

Одним из наиболее важных элементов успеха осаждающей город или крепость армии являлась ее боеспособность, напрямую зависевшая от состава войска. Данные касательно состава отряда кесаря Алексея, приведенные в источниках, крайне противоречивы. Акрополит обращает внимание на этот вопрос лишь при описании хода сражения в городе, указывая на присутствие в нем ромеев и скифов [19, р. 192⁵⁻⁶]. Под скификоном, упомянутом Пахимером [13, р. 191¹³], в историографии принято понимать куманскую конницу [13, р. 191], что аргументируется данными историка о найме на службу скифов и турок в период правления Иоанна Ватаца [44, с. 954–955; 9, р. 40]. По свидетельству Григоры, Михаил, направляя кесаря в поход, советовал ему в случае надобности пополнить войско солдатами из Фракии и Македонии [32, р. 83¹¹⁻¹²]. Тем не менее под упомянутыми скифами вероятнее всего понимать куманов, находившихся к моменту организации похода на службе у Михаила Палеолога. Данные, характеризующие куманов как прекрасных лучников [19, р. 180¹³⁻¹⁷], также позволяют нам предположить их участие в осаде города. В этой связи необходимо заметить, что при описании событий 1260 г. Пахимер указывает на присутствие никейских лучников [13, р. 173⁴⁻⁷], которые «стреляли так метко, что ни одно лицо противника не было оставлено без внимания» [13, р. 173⁵⁻⁷]. Полагаем, что в этих двух пассажах речь идет об одних и тех же воинах. Однако необходимо учитывать тот

факт, что в 1261 г. боевые действия велись на внутренней территории крепости.

Принимая во внимание способ, посредством которого воины пробрались в Константинополь, а также гипотетический боевой потенциал армии, которая могла бы одержать победу над стражей крепости, следует предположить участие в операции солдат, обладавших достаточным оборонительным вооружением для принятия на себя удара первой, самой ожесточенной и наиболее организованной волны сопротивления. Таким образом, думается, что на первом этапе захвата города, в его активной фазе, никейское войско было представлено вифинской тяжелой пехотой, о которой сообщает Григор [32, р. 83^{10, 13}]. В последующем боевой потенциал атакующих, вероятнее всего, был дополнен и многократно увеличен за счет лучников куманской конницы.

Для реконструкции хода сражения немаловажным является вопрос о численности участвовавших в баталии войск. Однако единственное указание на численность войска кесаря в 800 единиц зафиксировано в сочинении Григоры [32, р. 83¹⁰]. Количество воинов, сообщенное историком, не является случайной цифрой. Так, в одном из пассажей он указывает на наличие в подчинении у великого коноставла Михаила Палеолога войска латинян аналогичной численности [32, р. 18¹⁷⁻¹⁸, 19²⁴⁻²⁵]. Таким образом, войско в указанном количестве, вероятно, составляло боевую единицу средней численности, возможно, таксию.

Численность противоборствующей стороны – стражи города нам неизвестна. Исходя из имеющихся данных об отбытии из Константинополя всего венецианского флота, а также отсутствия сообщений о крупных военных действиях в самом городе, можно предположить, что столицу покинули все существенные боевые силы, включая гарнизон. Войско кесаря планомерно брало под контроль территорию города, очевидно, лишь эпизодически сталкиваясь с малочисленной стражей и незначительными силами горожан. По данным Пахимера, воины кесаря лишь однажды столкнулись в городе с латинянами в сверкающих доспехах («прибыли итальянцы, сверкая оружием, явно демонстрируя готовность защищаться» [13, р. 197³⁰⁻³²]). В непродолжительном сражении, не описанном в источнике детально, одержали

победу византийцы [13, р. 199³⁻⁶], после чего «скифы» из войска кесаря «принялись грабить» горожан [13, р. 199⁶⁻⁸].

Описание событий, произошедших после начала сражения за город, также сильно разнится в источниках. Как указывает Григор, вошедшие ночью войска кесаря утром зажгли дома латинян [32, р. 85¹⁹⁻²³]. Венецианцы, отбившие с флотом, узнали об этом в течение дня, после чего они отправились к Константинополю [32, р. 86¹³⁻¹⁵]. Утром следующего дня латиняне прибыли к городу. Обнаружив собственные дома в огне, они упростили кесаря разрешить вывезти семьи [32, р. 86¹⁵⁻¹⁸]. Следующим утром латиняне покинули город [32, р. 86¹⁸⁻²¹]. Таким образом, указанное историком время до полного изгнания латинян из столицы составило 2,5–3 суток. В то же время указание Григоры о том, что армия, прибывшая с флотилией, даже не вступила в бой с ромеями и была вынуждена лишь спасти собственные семьи, свидетельствует о том, что уже к этому времени ключевые оборонительные рубежи Константинополя полностью контролировались войском кесаря.

Установить временные рамки военной операции по данным Акрополита и Пахимера не представляется возможным, однако они дают нам несколько иное представление о хронологии событий. Акрополит, в частности, указывает, что дома латинян и венецианцев были подожжены при возникновении угрозы вторжения прибывших к городу латинян [19, р. 192²⁰⁻²⁴]. Последние спасли собственные семьи и увезли из города Балдуина II [19, р. 193²⁻³].

Пахимер сообщил о захвате города в той же последовательности событий, при этом привнес в сюжет новые данные. В пассаже, связанном с прибытием к столице латинян, узнавших о захвате города, историк указывает, что греки, дабы избежать столкновения с ними, по совету лекаря Балдуина II Иоанна Филакса подожгли дома латинян и венецианцев [13, р. 201⁵⁻²³]. Дезорганизовав этим вражеское войско, греки стремились отвлечь внимание латинян от сопротивления ромеям, вынудив сосредоточиться на спасении своих семей. Таким образом, Стратигопул не только отвлек венецианцев от участия в военных действиях, но и создал все условия для предотвращения

провокации с их стороны. На следующий день после пожара латиняне покинули столицу [13, р. 203⁶⁻⁹]. Таким образом, днем окончания кампании по взятию города, ознаменовав его отвоевание, обозначено 25 июля 1261 г. [19, р. 193⁷⁻⁸]. Если учесть вышеуказанное, то полное время операции по захвату города, включая подготовку, заняло у никейской армии до 4-х суток, то есть ее начало пришлось на вечер 20, либо утро 21 числа [32, р. 86⁵⁻¹³].

Реакция Михаила VIII. После описания хода завоевания города историки изложили события, связанные с оповещением императора о случившемся. При этом характерно, что данные источников фактически идентичны: к Михаилу прибыл некий человек с вестью о взятии Константинополя [19, р. 193¹⁰⁻²⁴, 194¹⁻²³; 13, р. 205¹³⁻²¹⁵²⁹; 32, р. 86²¹⁻⁸⁷¹⁰]. На фоне недоверия его словам император собрал совет, на котором предстояло решить вопрос об истинности известия. Примечателен тот факт, что при описании этого события Акрополит указывает на присутствие на совете людей, знавших о походе латинян к Дафнусии [19, р. 194⁹⁻¹¹]. Данное сообщение позволяет нам сделать вывод о том, что столь значимое событие не могло быть скрыто от императора, которому, возможно, было о нем известно еще до похода Стратигопула. Учитывая совпадение времени отплытия латинского войска и захвата Константинополя, с большей очевидностью можно предположить, что причина, вынудившая весь латинский контингент столицы отправиться к Дафнусии, была обусловлена действиями, инициированными по решению Михаила Палеолога.

Отсутствие свидетельств, явно указывающих на непосредственное участие императора Михаила в кампании по завоеванию Константинополя, было обусловлено двумя разнородными факторами.

Первое условие: вовлечение в военную кампанию императора привело бы к включению в нее сопровождающей охраны и большого контингента войск. Это могло привести к исключению момента внезапности, во многом определявшего успех в действиях любой средневековой армии, а, следовательно, к сосредоточению и ожесточенному сопротивлению всех сил противника. Подобная ситуация прослеживается по данным источни-

ков. Так, в завоевательном походе лета 1260 г. принял участие довольно значительный по численности контингент никейских войск во главе с императором, что привело к печальным для Михаила Палеолога последствиям. Кампания никейской армии, не сумевшей одержать победу над малочисленными силами обороняющихся латинян, была провалена [13, р. 173²³⁻¹⁷⁵¹¹]. Подобный боевой опыт мог подвигнуть императора к принятию верного с точки зрения тактики решения о неучастии, оставляя тем самым стратегическую инициативу на стороне войска кесаря Алексея.

Второе условие носило риторический характер. На наш взгляд, узурпация власти Михаилом Палеологом, безусловно требовавшая подтверждения его Богоизбранности как главного условия легитимации правления, могла повлиять на оценку событий и характер описания военных действий в официальных нарративных источниках. Полагаем, это могло определить общее для всех историков понимание завоевания Константинополя как Божьего провидения [19, р. 190¹¹⁻¹⁹¹¹; 13, р. 211^{11-13, 16-17, 21-23}], судьбы («неизбежная имормена, управляющая всем, как бездушным, так и городами») [13, р. 193¹⁹⁻²⁰]²⁵, чуда, предопределившего победу малочисленного войска Богоугодного василевса над латинянами, не раз успешно оборонявших Царицу городов на протяжении 57 лет [13, р. 213¹⁻⁸].

Выводы. Таким образом, подводя итоги вышесказанному, следует выделить несколько положений. Захват столицы отрядом Алексея Стратигопула представляется нам результатом многоэтапной и долгосрочной кампании. На первом этапе византийская армия предприняла ряд мер, направленных на захват территорий, крепостей и городов вблизи столицы империи, создавая базу для последующих атак. Кроме того, отряды ромеев регулярно совершали рейды к Константинополю с целью ослабления бдительности гарнизона. Эти мероприятия приобрели большее значение в связи с принятием на службу наемного генуэзского флота, а также последовавшим за этим отплытием основных сил латинян из столицы к Дафнусии. Планомерная реализация указанных мероприятий позволила малочисленному контингенту никейских войск сломить сопротивление латинян и отвоевать город.

После захвата Константинополя кесарь стремился уберечь город от сохранявшейся опасности военно-морского нападения латинян. С поддержкой греческого населения Стратигопул организовал круглосуточную охрану улиц и разрушенных за время латинского господства стен столицы [13, р. 215²²⁻²⁷]. Тремя неделями позднее, 15 августа 1261 г., было организовано торжественное прибытие в город императора Михаила VIII [37, Chron. 7, S. 63, № 3, 1–5]²⁶.

Итак, итог осуществленного нами обзора темы заставляет думать о том, что в 1261 г. Константинополь был взят не случайно, а в результате осуществления по сути коварного замысла императора Михаила VIII Палеолога, который, не имея достаточных для полноценной осады города вооруженных сил и средств, дважды пытался овладеть столицей Латинской империи в расчете на внутренний фактор в виде измены или поддержки антилатинских сил. Второй вариант оказался успешным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сражение произошло в долине при Пелагонии. Вопрос датировки битвы имеет дискуссионный характер [34, р. 71 (лето («в июле?») 1259 г.); 18, р. 116–119; 17, р. 66–72 (лето 1259 г.); 35, р. 448 (осень 1259 г.); 20, р. 16–17; 9, р. 36–38 (1259 г.)]. По мнению А. Файе, битва при Пелагонии произошла в период с конца 1258 до начала 1259 г. [14, р. 30–39; 13, р. 118, note 2].

² По сообщению Пахимера, после окончания военных действий на Западе, Иоанн Палеолог перенаправил никейские войска на Восток. Так как в этот период Никея не испытывала явной угрозы для безопасности малоазийских владений, очевидно, историк указывал на передислокацию войск в восточный регион под командование Михаила Палеолога для участия в константинопольской кампании [13, р. 153⁵⁻⁶].

³ А. Файе определил хронологию этого похода между январем и апрелем 1260 г. [14, р. 46–47]. Д. Джианакполос полагал, что на решение об организации этой кампании, прежде всего, повлияло слабое экономическое состояние Латинской империи [17, р. 75–76].

⁴ Указанное лицо точно идентифицировать невозможно, что, в частности, подтверждается отсутствием упоминаний о нем в PLP. Тем не менее в научной литературе утвердилось мнение, что

под упомянутым Акрополитом Аселем, понимался именно Ансо де Туси [4, с. 81; 17, р. 76, note 7].

⁵ Силимврия находилась в 60 км на запад от Константинополя.

⁶ Следуя размышлениям Григоры [32, р. 78], Д. Джианакполос предполагает, что захват Галаты был стратегически необходим Михаилу Палеологу на пути к захвату Константинополя [17, р. 78, note 19]. По фортификации Галаты см.: [37]. Также мы бы хотели подчеркнуть вполне логичное предположение Д. Найкола о том, что Михаил VIII прекрасно осознавал, что без флота Галату не удастся захватить [33, р. 175–176].

⁷ Как сообщает Акрополит, поход на Галату закончился продлением соглашения о мире с латинянами еще на один год. При этом автор указал, что это соглашение «довел[о] их (латинян. – В. 3.) до крайне тяжелого положения» [19, р. 186²¹⁻²²].

⁸ Подчеркивая экономическую слабость Латинской Романии, Р. Вольф указал, что для получения ссуды Балдуин II вынужден был отдать в заложники собственного сына Филиппа [40, р. 45]. Об этом, в частности, упомянул Санудо [30, р. 171].

⁹ В качестве доказательства указанного тезиса, следует заметить, что по всей протяженности стен располагалось сто девяносто две башни, на расстоянии в сто семьдесят два фута друг от друга, что, безусловно, требовало многочисленного гарнизона [31, р. 46].

¹⁰ О союзнических отношениях Михаила с султаном, начавшихся после участия ромейского отряда латинских наемников в союзном турецком войске, сообщает Акрополит [19, р. 176¹⁹⁻²⁴, 177¹⁻²²]. Также см.: [26, р. 349].

¹¹ Вероятно, соглашение не было достигнуто из-за боевых действий Генуи против союзника Иоанна III Ватаца – Фридриха Сицилийского, а также по причине негативного отношения первого к экономическому доминированию латинян в Средиземном и Черном морях. Так, Григора указал, что Ватац стремился забрать морское могущество из рук итальянцев [32, р. 43²⁰].

¹² Характеризуя эту акцию, А. Гарднер заявил, что создание альянса с Генуей было одним из важнейших достижений Михаила Палеолога [16, р. 254–255]. Так же оценил инициативу Палеолога К. Чапман [10, р. 42]. Предположение об отправке никейских посланников в Геную выдвинул Ж. Лоньон [27, р. 226].

¹³ Ввиду отсутствия в источниках информации о точной дате начала экспедиции, в научной литературе датировка получила различные вариации. А. Милиаракис предположил, что поход был начат в начале 1261 г. [43, с. 589].

¹⁴ Следует указать, что Пахимер сообщает о недостаточном количестве воинов для организации

большого, чем предписывалось императором [13, р. 191²²⁻²³]. Мануил Олово, описывая войско Стратигопула, также как и большинство современников акцентировал внимание на его малочисленности: «στράτευμα βραχὺ μὲν ὄν» [29, р. 67].

¹⁵ К уже указанным источникам следует отнести и Мануила Оловола: «γράμμα δὲ σὸν βασιλεῦ, ...τούτοις ἐτίθει τὰ τοῦ σκοποῦ καὶ βραχὺ μὲν παρῶσαι τὰ πρὸς δυσμάς, τὴν δὲ Κωνσταντίνου περιελεῖν καί, τοῖς ἐν αὐτῇ δεῖμον τε φόβον τε καὶ θροῦν αἰφιδίως ὑποβαλεῖν» [29, р. 66].

¹⁶ οἱ θεληματοῦργοι [13, р. 157¹⁸]. Д. Джиянакопλος без аргументации предположил, что по своему происхождению телематарии были греками [17, р. 95]. По данным Санудо, «венцианцы с большим трудом сумели дочинить (пригород. – В. 3), потому как встретились с ожесточенным сопротивлением живущих рядом с Константинополем граждан» [30, р. 171].

¹⁷ В этой связи, следуя сообщениям Пахимера, можно сделать вывод, что дружеские отношения ромеев с телематариями, очевидно, кроме всего прочего выполнявших функции разведчиков, были установлены еще до похода к Галате, сразу после захвата Силимврии [13, р. 157^{18, 25-28}].

¹⁸ В отношении телематариев М. Бартусис ограничился сообщением об их дальнейшей судьбе. Исследователь предположил, что они представляли отдельную категорию военнослужащих, находившихся на обеспечении империи не только в XIII, но и в XIV в. [9, р. 44; 8, р. 13–15].

¹⁹ Об этом сообщают византийские историки [19, р. 191¹⁰⁻¹²; 13, р. 193⁵⁻⁹; 32, р. 85⁵⁻⁸]. Д. Джиянакопλος и М. Бартусис расположили крепость к востоку от Босфора на небольшом острове в Черном море на расстоянии семидесяти миль от Босфора [17, р. 97–98]. По мнению Р. М. Шукурова, Дафнусией называли остров, расположенный в Черном море, в 52 милях от Босфорского пролива [6, с. 183, примеч. 193].

²⁰ По данным Акрополита, Константинополь остались защищать лишь дети, женщины, гарнизон и охрана императора [19, р. 191¹²⁻¹⁵].

²¹ Несмотря на столь явное искажение фактов, Б. Шпулер охарактеризовал Hebraeus Abulfarae – современника событий, арабского историка, как одного из наиболее осведомленных и беспристрастных авторов из писавших о Византии [38, S. 12].

²² Продолжая анализировать текст Д. Джиянакоплова, хотелось бы заметить, что автор определил отбытие венецианцев к Дафнусии как совпадение, экспедиция же Стратигопула не была направлена на захват Константинополя. В то же время исследователь не забывает и о переговорах с телематариями и жителями столицы, предваившими ее захват. В этой связи рассуждения Д. Джиянакоплова пред-

ставляются абсолютно неясными. Исследователь определенно заявляет о случайности захвата Константинополя, вызванного неожиданным уходом латинских сил города, одновременно акцентируя внимание на роли стовора жителей столицы с Михаилом Палеологом, во многом повлиявшем на дальнейшие события [17, р. 102].

²³ В трактовке Д. Джиянакоплова, различие в источниках определено большей религиозностью Акрополита [17, р. 107]. Эта критика, вероятно, вызвана поверхностным знакомством с текстом Пахимера, отведшего «божественному предопределению» центральное место в своем сочинении и придавшего ему роль главной движущей силы в захвате Константинополя.

²⁴ Следуя сообщениям источников, помимо основной стратегической цели, поход никейского войска мимо латинских территорий был направлен на устрашение противника и причинение ему возможного экономического ущерба с целью деморализации [19, р. 190⁷⁻¹¹; 13, р. 191²⁰⁻²⁴; 32, р. 83¹²⁻¹⁸].

²⁵ Пахимер передал предсказание, согласно которому «Алексей, Алексопул и Кутрицакий» захватят Константинополь [13, р. 203¹¹⁻²¹].

²⁶ По данным одной малой хроники, повторное воцарение Михаила Палеолога произошло после захвата Константинополя отрядом кесаря Алексея Стратигопула, 25 июля 1261 г. [12, Chron. 8, S. 75].

REFERENCES

1. Diehl Ch. *Istoriya Vizantiyskoi imperii* [History of the Byzantine Empire]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. lit., 1948. 160 p.
2. Lyubarskiy Y.N., Sobol T.I., eds. *Vizantiyskie istoriki o padenii Konstantinopolya v 1453 godu* [Byzantine Historians on the Fall of Constantinople in 1453]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2006. 192 p.
3. Zhavoronkov P.I. Nikeyskaya imperiya i Zapad (vzaimootnosheniya s gosudarstvami Apenninskogo poluostrova i papstvom) [The Empire of Nicaea and the West (Relations with the States of the Apennine Peninsula and the Papacy)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1974, vol. 36, pp. 100-121.
4. Zhavoronkov P.I. Nikeyskaya imperiya i frantsuzskoe rytsarsstvo (Anso de Kaio i Anso de Tusi) [The Nicene Empire and French Chivalry (Anso de Cayo and Anso de Toucy)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 2000, vol. 59 (84), pp. 79-85.
5. Uspenskiy F.I. *Istoriya Vizantiyskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. Vol. 5. Moscow, AST Publ.; Astrel Publ., 2005. 560 p.
6. Shukurov R.M. *Velikie Komniny i Vostok* [The Grand Komnenoi and the Orient] (1204–1461). Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2001. 448 p.

7. Balard M. *La Romanie génoise: (XIIe – début du XVe siècle)*. Vol. I. Rome, École française de Rome, 1978. 494 p.
8. Bartusis M.C. On the Problem of Smallholding Soldiers in Late Byzantium. *Dumbarton Oaks Papers*, 1990, vol. 44, pp. 1-26.
9. Bartusis M.C. *The late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1992. XVII, 438 p.
10. Chapman C. *Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire byzantin (1261–1282)*. Paris, E. Figuière, 1926. 204 p.
11. Cristea O. La reconquête byzantine de Constantinople et l'action vénitienne à Daphnousia. *Il Mar Nero*, 2004, vol. 4, pp. 137-142.
12. Schreiner P., ed. *Die Byzantinischen Kleinchroniken. T. I*. Wien, Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. 688 S.
13. Failler A., Laurent V., eds. *Georges Pachymérés. Relations historiques. Vol. I. Liv. I–III*. Paris, Soc. d'éd. "Les belles lettres", 1984, pp. 327-667.
14. Failler A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1980, vol. 38, pp. 5-103.
15. Finlay C. *A History of Greece, from Its Conquest by the Romans to the Present Time, B.C. 146 to 1864. Vol. III*. Oxford, Clarendon Press, 1877. 538 p.
16. Gardner A. *The Lascarids of Nicaea: The Story of an Empire in Exile*. London, Methuen & Co., 1912. XIII, 321 p.
17. Geanakoplos D. *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Byzantine-Latin Relations*. Cambridge, HUP, 1959. XII, 434 p.
18. Geanakoplos D. Greco-Latin Relations on the Eve of the Byzantine Restoration: The Battle of Pelagonia (1259). *Dumbarton Oaks Papers*, 1953, vol. VII, pp. 99-141.
19. Heisenberg A., ed. *Georges Acropolites. Historia. Vol. I. Lipsiae, In aedibus B.G. Teubneri*, 1903, pp. 1-198.
20. Head C. *Imperial Twilight: The Palaiologos Dynasty and the Decline of Byzantium*. Chicago, Nelson-Hall, Cop., 1977. VIII, 210 p.
21. Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au Moyen Age. Vol. I*. Leipzig, O. Harrassowitz, 1885. 556 p.
22. Hopf C., ed. *Istoria del regno di Romania sive Regno di Morea composa per Marino Sanudo. Chroniques Gréco-Romanes*. Berlin, Weidmann, 1973, pp. 99-170.
23. Kolbaba T.M. Byzantine Perceptions of Latin Religious Errors: Themes and Changes from 850 to 1350. *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World*. Washington, DO Research Library and Collection, 2001, pp. 117-143.
24. Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453)*. München, Beck, 1897. 1193 S.
25. Polidori-Galvani F.L., ed. *La Cronique des Venéciens de maistre Martin da Canal. Archivio storico Italiano*, 1845, T. VIII, pp. 229-798.
26. Laurent V. Une famille turque au service de Byzance, les Mélikès. *Byzantinische Zeitschrift*, 1956, Bd. XLIX, S. 349-368.
27. Longnon J. *L'empire Latin de Constantinople et la principauté de Morée*. Paris, Payot, 1949. 363 p.
28. Manfroni C. Le relazioni fra Genova l'imperio bizantino e i Turchi. *Atti della Società ligure di storia patria*, 1896, t. XXVIII, pp. 651-809.
29. Treu M., ed. *Manuelis Holoboli Orationes. Programm des Königlichen Victoria-Gymnasiums zu Potsdam, Ostern, 1906/1907. Bd. 2*. Potsdam, s.n., 1907, S. 30-98.
30. Hopf C., ed. *Marini Sanudi Torselli. Fragmentum. Chroniques Gréco-Romanes*. Berlin, Weidmann, 1973, pp. 170-174.
31. Millingen A. van. *Byzantine Constantinople: The Walls of the City and Adjoining Historical Sites*. London, J. Murray, 1899, XI, 361 p.
32. Schopen L., Bekker I., eds. *Nicephorus Gregoras. Historia Romana. Vol. I*. Bonn, Weber, 1829. 568 p.
33. Nicol D.M. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural*. Cambridge; New York, CUP, 1988, X, 465 p.
34. Nicol D.M. The Date of the Battle of Pelagonia. *Byzantinische Zeitschrift*, 1956, Bd. 46, S. 68-71.
35. Ostrogorsky G. *History of the Byzantine State*. New Brunswick, N.J., RUP, 1969. XL, 624 p.
36. Papadopoulou T. The esperia gene in Byzantine Literature Before and After the First Capture of Constantinople (mid.-12th to mid.-13th c.). *Byzantium and the West Perception and Reality (11th – 15th c.)*. Abingdon, Oxon; New York, Routledge, 2019, pp. 245-256.
37. Schneider A.M., Nomides M. *Galata: Topographisch-archäologischer Plan*. Istanbul, Universum Matbaası, 1944. VIII, 59 S.
38. Spuler B. *Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220-1350*. Leipzig, J.C. Hinrichs, 1939. XIV, 533 S.
39. Vásáry I. *Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. New York, CUP, 2005. 230 p.
40. Wolff R.L. Mortgage and Redemption of an Emperor's Son: Castile and the Latin Empire of Constantinople. *Speculum*, 1954, t. XXIX, pp. 45-84.
41. Agoritsas D.K. *Kōstantinoupolē: ē polē kai ē koinōnia tēs sta chronia tōn prōtōn Palaiologōn (1261–1328)* [Constantinople: The City and Its Society in the Age of the First Palaiologoi (1261–1328)]. Thessaloniki, Center of Byzantine research, 2016. 576 p.
42. Karagiannopoulos I. *To Byzantino kratos [The Byzantine State]*. Thessaloniki, Ekdoseis vanias, 1996. 397 p.

43. Miliarakis A. *Istoria tou basileiou tēs Nikaias kai tou Despotatou tēs Ēpeirou* [History of the Nicene Empire and the Despotate of Epirus] (1204–1261). Athens, Typographeion Adelphōn Perri, 1898. VII, 676 p.

44. Savvidis A.G.K. Oi Komanoi (Koumanoi) kai to Byzantio, 11os – 13os ai. m.Ch. [The Komani (Koumanoi) and Byzantium 11th – 13th Century AD]. *Byzantina*, 1985, t. 13/2, pp. 938-955.

Information About the Authors

Nikolay D. Barabanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, Barabanov.azi@volsu.ru, byzbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7873-5806>

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Информация об авторах

Николай Дмитриевич Барабанов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, Barabanov.azi@volsu.ru, byzbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7873-5806>

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.21>

UDC 94“13”:27-72

LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 05.05.2023

Accepted: 16.06.2023

**THE CHURCH AND INTERNAL CONFLICTS IN BYZANTIUM:
THE CATALANS' PRESENCE IN THE EMPIRE
IN THE EARLY 14th CENTURY ACCORDING TO THE CORRESPONDENCE
OF ATHANASIOS I, PATRIARCH OF CONSTANTINOPLE ¹**

Pavel I. Lysikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The present research is related to the problem of the image of Other in Byzantine sources, but the focus is on its single aspect, namely the problem of the Byzantine attitude towards “the Latins” and, in particular, Western mercenaries which will be considered on the example of Athanasios I, patriarch of Constantinople’s (1289–1293, 1303–1309) relation to mercenaries of the Catalan Company staying for a long time (1303–1309) on the territory of the empire. It represents source analysis of the patriarch’s correspondence that is, we believe, the most underrated historical sources in this respect. Our goals are to find out the position of the Byzantine church towards the Catalan company and to determine the value of the Athanasios’ epistolary as a source for studying the Byzantine-Catalan conflict. The subject of research is 10 letters of Athanasios somehow reflecting his views on the Catalans’ presence in the empire. *Methods and materials.* The principles of the hermeneutic method allow us to interpret holistically the letters of the patriarch. *Analysis and results.* It is concluded that Athanasios who saw the Catalans, representatives of the West, as a threat to the existence of the Byzantine state and church from the very beginning was against their involvement in the empire to defend its eastern boundaries. After the Catalans’ arrival, three main themes can be distinguished in his criticism of them which the patriarch expressed in his letters sent mainly to the emperor: he opposed lawlessness and violence on their part towards the local population; warned the basileus about inadmissibility of the Catalans’ interference in state affairs; feared that their long stay in Byzantium would be harmful to the church and the Orthodox population in the ways that it was at the time of the Fourth Crusade and Latin Domination. These letters contain not much factual information but they allow to confirm and even complement data of other sources, mainly narrative ones, as well as to deepen our knowledge on relations between state and church in Byzantium under conditions of internal crisis in the early 14th century.

Key words: Byzantium; early Palaiologan period; Andronikos II Palaiologos; Athanasios I, patriarch of Constantinople; Catalan company; Roger de Flor; Catalan revolt.

Citation. Lysikov P.I. The Church and Internal Conflicts in Byzantium: The Catalans’ Presence in the Empire in the Early 14th Century According to the Correspondence of Athanasios I, Patriarch of Constantinople. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 284-302. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.21>

УДК 94“13”:27-72

ББК 63.3(0)4-9

Дата поступления статьи: 05.05.2023

Дата принятия статьи: 16.06.2023

**ЦЕРКОВЬ И ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ В ВИЗАНТИИ:
КАТАЛОНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XIV в.
В ПИСЬМАХ ПАТРИАРХА АФНАСИЯ I ¹**

Павел Иванович Лысиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Тема настоящего исследования связана с проблемой образа Другого в византийских источниках, но в центре внимания находится отдельный ее аспект – проблема отношения византийцев к «латинянам» и, в частности, к западным наемникам, которая будет рассмотрена на примере отношения

константинопольского патриарха Афанасия I (1289–1293, 1303–1309) к наемникам Каталонской компании, длительное время (1303–1309) находившимся на территории империи. Оно представляет собой источниковедческий анализ текста корреспонденции патриарха – на наш взгляд, одного из наиболее недооцененных в данном отношении исторических источников. Задачи работы заключаются в выяснении позиции церкви по отношению к каталонцам, а также в определении значения эписистолярия патриарха как источника по изучению византийско-каталонского конфликта. Предметом исследования выступают 10 писем Афанасия, так или иначе отражающие взгляды патриарха на каталонское присутствие в империи. Делается вывод о том, что Афанасий, видевший в каталонцах как в представителях Запада угрозу существованию византийского государства и церкви, с самого начала был против их привлечения в империю для обороны ее восточных границ. После прибытия наемников в его критике в их адрес, которую патриарх выражал в письмах, направляемых главным образом императору, можно выделить три основные темы: он выступал против беззаконий и насилия со стороны каталонцев по отношению к византийцам; предупреждал василевса о недопустимости их вмешательства в государственные дела; опасался, как бы длительное пребывание латинян в Византии не навредило церкви и православному населению в том духе, как это было во время Четвертого крестового похода и в период латинского господства. Письма Афанасия содержат не так много фактической информации, однако они позволяют подтвердить и даже детализировать сведения других источников, прежде всего нарративных, а также углубить наши представления об отношениях государства и церкви в Византии в условиях внутреннего кризиса в начале XIV века.

Ключевые слова: Византия, раннепалеологовский период, Андроник II Палеолог, патриарх Константинопольский Афанасий I, Каталонская компания, Рожер де Флор, каталонский мятеж.

Цитирование. Лысиков П. И. Церковь и внутренние конфликты в Византии: каталонское присутствие в империи в начале XIV в. в письмах патриарха Афанасия I // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 284–302. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.21>

Введение. Присутствие в Византии наемников Каталонской компании (*старокат. la companya; кат. la companya*) (сентябрь 1303 – весна 1309 г.), вылившееся в их конфликт со своими нанимателями («каталонский мятеж») и в конечном итоге завершившееся созданием ими собственного государства на Балканах, является одним из значимых эпизодов политической истории империи начала XIV века. Мятеж в значительной степени повлиял на внутреннее и внешнее состояние государства, подорвал его обороноспособность и создал почву для формирования целого ряда «апостасий» (об этом подробнее: [13]). Связанные с ним события нашли отражение в обширном и разнообразном источниковом материале. Настоящее изыскание представляет собой источниковедческий анализ текстов одного из недостаточно изученных в данном отношении источников византийского происхождения – эписистолярия константинопольского патриарха Афанасия I (1289–1293, 1303–1309). Наши задачи, таким образом, состоят: 1) в выяснении позиции церкви по отношению к присутствию каталонцев в империи, что особенно значимо ввиду известного влияния, которое патриарх оказывал на Андроника II и государственные дела; 2) определении значения корреспонден-

ции Афанасия как источника по изучению этого важного эпизода поздневизантийской истории.

Общий обзор историографии темы.

Тема нашего исследования по своей сути связана с проблемой образа Другого в восприятии византийских авторов, однако в центре внимания находится отдельный ее аспект, а именно проблема отношения византийцев к «латинянам» и, в частности, к наемникам западного происхождения, которая в последние десятилетия часто освещалась в специальной литературе (см.: [16; 44; 43; 8] и др.). Она будет рассмотрена на примере отношения патриарха Афанасия I к наемникам Каталонской компании в контексте двух более широких тем, посвященных изучению различных аспектов истории византийского государства времени правления Андроника II Палеолога (1282–1328).

Первая тема охватывает комплекс проблем, связанных с присутствием Каталонской компании в империи. До публикации значительного массива писем (115) Афанасия, выполненной А.-М.М. Толбот в 1975 г. [67], значение этого источника недооценивалось подавляющим большинством исследователей византийско-каталонских отношений в начале XIV в. (см., к примеру, ключевые в данном отношении работы А. Рубио-и-Льюча [60],

Г. Шлюмберже [61], Л.Н. д'Ольвера [29], отчасти исследования К. Сеттона [62] и Д. Якоби [39] и др.). Пожалуй, в качестве исключения следует указать монографию А. Лайу, посвященную взаимоотношениям Византии и Запада в период правления Андроника II – тематически гораздо более широкое исследование, в котором «каталонский вопрос», тем не менее, занимает важное место. Автор, основываясь в том числе на данных эпистолярия Афанасия (в частности, ерр. 17 и 37²), акцентировала внимание на влиянии, которое оказывал на императора патриарх во время кризиса, вызванного присутствием каталонцев в империи [48, р. 194–199]. После издания части корреспонденции Афанасия ситуация изменилась не сразу: так, например, в специальном исследовании М. Морфакидиса, в котором автор сопоставил сведения греческих и каталонских источников о деятельности «компании» на Востоке, письма Афанасия даже не упоминаются [55, р. 217–220]. Впрочем, недавние работы демонстрируют значительный прогресс в историографии вопроса. Особо отметим статью Х.Н. Каньельяса [24], повторно опубликовавшего и прокомментировавшего 4 письма патриарха (ерр. 9, 46, 68, 94), иллюстрирующих позицию последнего по отношению к каталонцам и особенно к их лидеру Рожеру де Флору. Так или иначе, обосновать, почему он ограничился именно этими письмами, у автора получилось, на наш взгляд, недостаточно убедительно [24, р. 307].

Вторая тема связана с проблемой отношений государства и церкви в период двух патриаршеств Афанасия I (1289–1293, 1303–1309). Необходимо отметить, что многие работы, посвященные изучению эпистолярного наследия патриарха, не касались предмета настоящего изыскания: научные интересы их авторов были сосредоточены либо на определении форм и аспектов влияния, оказываемого владыкой на императора (см. работы Р. Гийана [35], Дж. Гилла [34], Н.Д. Барабанова [5] и др.), либо на выяснении взглядов Афанасия на те или иные вопросы (церковь [4; 13; 68], арсениты [3; 6; 7], отдельные социально-экономические [46; 1; 2] и внешнеполитические [47; 19] проблемы и т. д.), по которым его письма предлагают ценный и достаточно обширный материал. Н. Банеску [18, р. 40–46], А.-М.М. Толбот [64,

р. 20], Дж.Л. Буджамра [21, р. 73sq., 117sq., 197–202; 20, р. 39–45; 22, р. 364sq.] и М. Патадакис [57, р. 133sq.], не обойдя вниманием нашу тему, ограничились анализом в совокупности лишь 7 писем Афанасия (ерр. 9, 17, 35, 37, 46, 68, 94). Специальное исследование, которое бы позволило более полно проанализировать содержание этих и ряда других писем, опубликованных к настоящему времени и раскрывающих позицию патриарха по отношению к каталонцам, на данный момент отсутствует, что, таким образом, определяет новизну настоящей работы.

Общий обзор источников. Предметом нашего исследования выступают 10 писем Афанасия I, так или иначе отражающие взгляды патриарха на каталонское присутствие в империи: 7 писем (ерр. 8, 9, 35, 46, 68, 81, 94), содержащие достаточно очевидные упоминания каталонцев в целом или конкретно Рожера де Флора, а также 3 письма (ерр. 15, 17 и 37), в которых присутствуют менее явные указания на события, связанные с деятельностью «компании»: в них идентификация наемников является спорной. Все вышеуказанные письма, кроме одного (ер. 8), адресованы Андронику II, который являлся получателем подавляющего большинства опубликованных посланий Афанасия. Ряд других писем патриарха также привлекается к исследованию для иллюстрации или подтверждения тех или иных выводов. Нарративный материал предлагает репрезентативные данные, опираясь на которые, мы в процессе источниковедческого анализа по возможности уточняем хронологические рамки написания интересующей нас части эпистолярия Афанасия. Это прежде всего сочинения современников и участников описываемых событий – византийского историка, придворного, церковного и государственного деятеля Георгия Пахимера [33, vol. IV] и каталонского хрониста, казначея Каталонской компании Рамона Мунтанера (за неимением лучшего пользуемся старым изданием: [26], с привлечением английского перевода: [66, vol. II]), труды более поздних византийских авторов – ученого-энциклопедиста Никифора Григоры [56] и аристократа, военачальника и государственного деятеля Иоанна Кантакузина [38], а также хроники не византийского происхождения, составленные значительно позже

«восточной кампании» – «Морейская хроника» неизвестного автора [65] (самая ранняя (Копенгагенская) из сохранившихся греческих рукописей датируется 1380-ми гг.: [41, р. 305]) и хроника флорентийского государственного деятеля Джованни Виллани [27], составленная между 1333 и 1341 гг. [25, р. 164–169].

Кроме того, по ходу изложения материала мы обращаемся к сведениям значительного массива письменных источников различных видов главным образом византийского и западного происхождения, авторы которых по большей части также являлись современниками Афанасия: это стихотворения придворного поэта Андроника II Мануила Фила (по изд.: [52; 53]), письма ученого-филолога Мануила Мосхопула (по изд.: [50; 63]), сочинения еще одного ученого-филолога начала XIV в. Фомы (Феодула) Магистра (посольская речь [69] и письмо [70]); актовые и делопроизводственные источники, относящиеся к деятельности Каталонской компании (по изд.: [28]); и даже агиографический источник, написанный после 1337 г. [58, № 5112] на церковнославянском языке – Житие архиепископа Данило II, во время каталонского мятежа являвшегося игуменом сербского монастыря Хиландар на Афоне [10].

Анализ. *Каталонцы в византийской этнонимии.* Прежде чем приступить к анализу писем Афанасия, на наш взгляд, необходимо сделать краткий обзор этнонимов, употребляемых патриархом для обозначения, предположительно, наемников Каталонской компании. Ниже мы приводим перечень таких наименований (расположены в порядке от наиболее к наименее вероятному), сопровождаемый замеченными нами параллелями из современных (или близких по времени) автору византийских (и не только) источников.

<Κατελάνοι>. Интересный факт: среди многообразия этнонимов, которые встречаются в письмах Афанасия и которые, по нашему мнению, следует идентифицировать с наемниками «компаний», мы не находим, собственно, этноним «каталонцы». Единственный пример его употребления в ер. 46 [67, ер. 46, р. 98⁶⁵] относится не к дружине Рожера де Флора, а к каталонским купцам, торговавшим в Константинополе со второй половины XIII в. (об этом: [67, р. 355]). В то же время, к примеру, в параллельных византийских нарративных

сочинениях этноним *Κατελάνοι* по отношению к каталонским наемникам употребляется достаточно часто ([33, vol. IV, p. 431⁴ et passim]; [56, p. 220⁸ et passim]; ср.: [38, p. 462¹⁹⁻²⁰]).

А) *Μογάβαροι*. Встречается дважды в ер. 35 [67, ер. 35, р. 72^{19,54}]. Очевидно, является искаженной формой этнонима *Άμογάβαροι*, часто встречающегося в нарративных источниках ([33, vol. IV, p. 431⁴ et passim]; [56, p. 220⁹ et passim]), который, в свою очередь, произошел от *almugavers* – каталонского названия этносоциальной группы [26, р. 380 et passim; 66, р. 483 et passim], населявшей горные регионы Арагона и состоявшей из маргинальных элементов, живших за счет грабежа сопредельных арабских территорий³. Из альмогаваров, исходя из сведений источников, формировались пехотные части каталонского войска, однако византийские авторы могли использовать соответствующий экзоним как в собственном смысле, так и в отношении «компаний» в целом. В данном письме мы имеем дело как раз с последним.

Б) *Σικελοί*. Во мн. ч. употреблено один раз в ер. 68 [67, ер. 68, р. 162¹⁰]. Встречается также вариант в ед. ч. – *Σικελός* [67, ер. 94, р. 244¹⁴, 246³⁵]. Согласимся с мнением В. Лорана и А.-М.М. Толбот о том, что в «сицилийцах» следует видеть каталонцев, а в «сицилийце» – их лидера Рожера де Флора [49, no. 1608, 1624; 67, р. 381, 423]. То, что этим этнонимом обозначались представители совсем иной этнической группы, подтверждается рядом современных письмам источников, причем нарративный материал в этом отношении бесполезен. Речь идет, прежде всего, о нескольких стихотворениях Мануила Фила, посвященных различным событиям, связанным с каталонским присутствием в империи. Так, в одном он, торжествуя по поводу убийства де Флора (30 апреля 1305 г.), называет его «кесарем-сицилийцем» (*ὁ Σικελιώτης καῖσαρ*)⁴ [52, XXX, р. 288; 53, р. 53, nota 44], а в остальных использует этноним «сицилийцы» (и производное от него прил. «сицилийский») в отношении каталонцев, разорявших территории Фракии и Македонии в 1306–1308 гг. [52, XIV, р. 34 (*Σικελιώται*, заголовок); XVIII, р. 59⁶ (*ἡ Σικελική ὄφρυς*); CLXXI, р. 193⁶ (*Σικελική δυσμενής ἐπομβρία*); 53, carm. 44, р. 51⁷ (*Σικελοί*), р. 51¹⁴ (*ἡ Σικελική ὄφρυς*) et nota 44 (*Σικελιώται*, заголовок);

сарт. 61, р. 79⁵ (οἱ Σικελικοὶ ἄνθρακες]). Кроме того, в двух письмах Мануила Мосхопула также фигурирует обозначение каталонских наемников как «сицилийцев», впрочем, не столь определенное. В первом из них, адресованном его дяде и опубликованном Л. Леви (датировано осенью 1305 г.: [63, р. 146sq.]), Мосхопул пишет о «сицилийцах» (Σικελῖῶται), совершавших грабительские нападения на суше и на море, в результате чего он не мог совершить задуманные им поездки на Лесбос и Афон [50, III, р. 60–61]. Во втором письме (к великому логофету Акрополиту, опубликовано И. Шевченко) также встречается указанный этноним: Мосхопул написал его, находясь в заключении, и среди заключенных упоминает «сицилийцев (Σικελῖῶται)... и исмаилитов», очевидно, имея в виду каталонцев и турок ⁶ [63, I, р. 138^{46–47}] (об этом: [63, р. 145; 67, р. 381]). Наконец, указание на связь каталонских наемников с Сицилией (οἱ ἐκ Σικελίας ἰόντες) содержится в одном письме Фомы Магистра, адресованном монаху Иосифу и сообщающем о событиях каталонского мятежа [70, р. 219], а также в его посольской речи (πρεσβευτικός) к императору в защиту оклеветанного, с точки зрения автора, византийского полководца Хандрина [58, № 30572], стяжавшего славу в боях с сицилийцами (οἱ ἐκ Σικελίας ὀρῳόμενοι) и персами (= турками) в Македонии и Фессалии [69, р. 201] ⁷.

Многочисленные свидетельства византийских источников о «сицилийском происхождении» каталонцев, как уже не раз указывалось в специальной литературе [23, р. 766; 9, с. 253; 55, р. 219], объясняются тем фактом, что до прибытия в Византию «компания» длительное время участвовала в анжуйско-арагонской войне за Сицилию на стороне Фредерика II, брата короля Арагона Хайме II. После заключения мира в Кальтабеллотте (31 августа 1302 г.) Рожер де Флор именно с Сицилии направил Андронику II двух рыцарей (cavallers) с предложением своих услуг ([26, р. 379; 66, vol. II, р. 481]; ср.: [33, vol. IV, р. 433^{12–13}]). Возможно, в каталонском войске, прибывшем в империю, присутствовали итальянцы, набранные в ходе сицилийской кампании, однако как в византийских, так и каталонских источниках прямые указания на это отсутствуют. Единственный источник, который, кажется, подтверждает эту гипотезу –

это хроника флорентийца Джованни Виллани, в которой под 1302 г. помещены события отплытия войска frate Ruggeri в империю: согласно историку, оно состояло из «множества каталонских, генуэзских солдат и [солдат из] других итальянских государств на Сицилии, [воевавших] в упомянутой выше войне (за Сицилию. – П. Л.) за одну и другую стороны» (una grande gente di soldati catalani, genovesi, e altri italiani stati in Sicilia alla detta guerra per l'una parte e per l'altra) [27, р. 55–56]. Тем не менее этого свидетельства по своей сути стороннего источника, полагаем, явно недостаточно для каких-либо далеко идущих выводов ⁸.

В данной связи также интересен тот факт, что лидер каталонских наемников Рожер де Флор имел смешанное германо-итальянское происхождение: его отец был сокольничим «из Аламании» (Dalamanya) при дворе императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена, а мать происходила из итальянского города Бриндизи (в то время принадлежал Сицилийскому королевству), где Рожер родился и рос до 8 лет [26, р. 367–368; 66, vol. II, р. 466–468] (см. также: [58, № 24386]). Отметим, что некоторые источники западного происхождения, современные событиям «восточной кампании», называют его «Рожер из Бриндизи» (лат. Rogerius de Brundusio; старокат. Roger de Brandiç), подчеркивая, таким образом, итальянское происхождение «каталонца» (см., к примеру, официальный ответ Хайме II на письма каталонских вождей де Флора и Беренгера д'Энтенсы по поводу прибытия «компании» в Византию (биллингва, октябрь 1303 г.): [28, IX, р. 9], письмо Беренгера д'Энтенсы к Хайме II (каталанский, 20 июня 1304 г.) [28, X, р. 10], а также отчет о деятельности кампании на Востоке, составленный на латыни все тем же д'Энтенсой для Хайме II (до сентября 1305 г.) [28, XV, р. 16]).

В) Ἰταλοί. Применительно к каталонским наемникам употребляется в ерр. 46 и 81 [67, ер. 46, р. 96¹⁹, ер. 81, р. 210¹⁶⁶]. Идентификация этого этнонима с каталонцами в обоих письмах не бесспорна, но тем не менее принимается большинством исследователей (ер. 46: [49, no. 1693; 21, р. 198; ср.: 67, р. 355 (под вопросом)]; ер. 81: [63, р. 149; 49, no. 1636; 48, р. 197; 67, р. 407; ср.: 3, с. 56 (под вопросом)], а в отношении ер. 81 подтверждается свиде-

тельством Пахимера (здесь наемники названы Ἀμογάβαροι) [33, vol. IV, p. 653¹²⁻¹³]. В еще двух письмах Афанасия, где также встречается указанное обозначение, причем оба раза – в контексте Лионской унии 1274 г., под ним следует понимать представителей Запада (или католической церкви) в широком смысле: [67, ep. 9, p. 24³, ep. 69, p. 166⁵⁰]. Этноним применительно к каталонцам широко представлен в сочинении Пахимера (у Григоры, напротив, он отсутствует), причем как в собирательной форме [33, vol. IV, p. 445⁷ et passim], так и в ед. ч. – Ἰταλός, обозначая Рожера де Флора [33, vol. IV, p. 483²⁶ et passim], а также ряде других источников: в стихотворении Фила [52, ССХIV, p. 226¹¹], уже упоминавшихся ранее письме Мосхопула [50, III, p. 61], письме [70, p. 212 (заголовок), 219 (текст)] и πρεσβευτικὸς [69, p. 194] Фомы Магистра. «Итальянские корни» каталонцев в византийских источниках появились, вероятно, по той же причине, что и «сицилийские» – ввиду участия «компании» в длительных войнах за Сицилийское королевство, однако это может объясняться еще проще – указанным экзонимом византийцы зачастую называли в целом людей с Запада (см., к примеру, варианты употребления Ἰταλοί у Пахимера: [33, vol. V, p. 212, s.v. Ἰταλός], или выше, на примере эпистолярия Афанасия).

Г) Λατῖνοι. В отношении каталонцев употребляется единожды – в ep. 17 [67, ep. 17, p. 42¹⁵]. Как В. Лоран, так и А.-М.М. Толбот указывали на то, что под этим этнонимом должны были «скрываться» наемники «компании» [49, no. 1612; 67, p. 322sq.]. Данное предположение подтверждается свидетельствами нарративных источников, которые достаточно часто обозначают каталонские дружины как «латинян» [33, vol. IV, p. 431¹; 56, p. 221^{15, 22} et passim], а Рожера де Флора как «латинянина» (Λατῖνος) [33, vol. IV, p. 431³; 56, p. 218⁸ et passim] (также: [33, vol. IV, p. 645⁵ (заголовок)]). Впрочем, указанный этноним равным образом прилагался и к другим представителям Запада [33, vol. V, p. 238, s.v. Λατῖνος], что значительно затрудняет его идентификацию. У того же Афанасия Λατῖνοι фигурируют еще в двух письмах: в ep. 23 [67, ep. 23, p. 52⁴⁻⁶] речь идет, вероятно, о монахах (φρέριοι у Пахимера) францисканского ордена, обосновавшихся в монастыре в Константинополе (имущество

монастыря было конфисковано, а сами монахи изгнаны из столицы императором под давлением патриарха в мае 1305 г. [33, vol. IV, p. 585²⁹⁻⁵⁸⁷]) (об этом: [67, p. 330]), а в ep. 93 он порицает, очевидно, генуэзцев за то, что они использовали голод в столице (одно из прямых последствий каталонского мятежа, зима 1306/1307 г.) в своих целях и обогащались, продавая зерно по завышенным ценам [67, ep. 93, p. 244¹⁸⁻²²] (см. также: [49, no. 1652; 67, p. 422]).

Д) Φράγγοι. Для обозначения каталонцев употребляется в одном письме Афанасия – ep. 15 [67, ep. 15, p. 38²⁵]. Указанная идентификация не бесспорна: так, ее придерживается В. Лоран [49, no. 1611], тогда как А.-М.М. Толбот, напротив, полагает, что под данным этнонимом следует видеть генуэзцев или венецианцев [67, p. 320sq.]. Впрочем, аргументацию исследовательницы на этот счет следует признать неубедительной: то, что в другом письме патриарха (ep. 84) Φράγγοι явно относится к итальянцам (= Монферратского маркграфства) [67, ep. 84, p. 222¹¹⁻¹⁶], вовсе не означает, что этот вывод следует экстраполировать на другое письмо (в этом мы уже смогли убедиться самостоятельно из анализа вариантов употребления многих из вышеуказанных этнонимов). Ситуация усложняется отсутствием примеров использования подобного слова для обозначения каталонцев в параллельных византийских источниках (см.: [55, p. 218]) (Пахимер, к примеру, вообще не употребляет этот этноним в отношении кого бы то ни было). Тем не менее в данном случае нам могут помочь сведения негрекоязычных авторов.

Так, уже неоднократно цитировавшийся ранее Мунтанер довольно часто называет «компанию» «франками» (franchs), причем этот этноним появляется в тексте в эпизодах, связанных с войнами, в которых участвовали наемники на Востоке (например: [26, p. 391, 392, 395, 396, 397; 66, vol. II, p. 497, 502, 504] и т. д.). В одном месте он, изображая страх, который византийское население испытывало перед каталонцами, пишет: «нам нельзя было кричать «франки», чтобы они (византийцы. – П. Л.) тут же не собирались бежать» (ne podiem cridar Franchs, que tantost no pensassen de fugir) [26, p. 415; 66, vol. II, p. 526]. Отметим, что хронист явно различает «франков» и «французов» (противников Арагона в Сицилийской войне

[26, p. 84, 102, 104 et passim; 66, vol. I, p. 106, 129, 132 et passim] или, что еще более показательно, рыцарей герцога Афинского [26, p. 456; 66, vol. II, p. 576]), используя для этого разные обозначения: *franchs* в отношении каталонцев и *francesos* для французов. В ряде каталонских документов официального характера, составленных на латыни и относящихся ко времени после завоевания «компанией» Афинского герцогства (1314–1321 гг.), она обозначается как «благословенное войско франков, находящееся в герцогстве Афинском и в прочих областях Романии» (*felix Franc(h)orum exercitus existens in ducatu Athenarum et in aliis partibus Romanie*) [28, LXX, p. 88; LXXI, p. 89; CIX, p. 132; CXVI, p. 141] или как «компания франков, находящихся в областях Романии» (*societas Francorum existentium in partibus Romanie*) [28, CIII, p. 124].

Еще одну интересную параллель мы находим в славянском Житии Данило II. Житие – весьма ценный источник, в той или иной мере восполняющий пробелы в реконструкции событий каталонского присутствия в империи. Живое и достаточно подробное описание осады наемниками монастырей Святой Горы сопровождается перечислением целого ряда этнонимов, среди них – *фрoузи* (в другом месте – *фрoугы* [10, с. 341], то есть «франки»), *н рнмиане* (вероятно, то же, что «итальянцы»), *звoмн каталанн н мoговарн* [10, с. 354] (см. также: [9, с. 253])⁹. Очевидно, обозначение каталонцев как «франки» все же имело определенное распространение на Балканах в XIV в., но едва ли когда-либо выходило за пределы интеллектуальной среды, что отчасти подтверждается этнографическими данными¹⁰; так или иначе, современные византийские источники фактически не зафиксировали употребление этого этнонима. Тем значимее, на наш взгляд, привлечение к исследованию истории каталонского присутствия в Византии эпистолярия константинопольского патриарха.

Письма Афанасия о каталонцах. Все письма патриарха, в которых так или иначе поднимается «каталонская проблема», будут рассмотрены ниже в хронологическом порядке их написания.

Ер. 37. Адресат. Письмо адресовано Андронику II.

Датировка. Как ранее убедительно доказали В. Лоран и А.-М.М. Толбот, письмо

следует поместить в промежуток между 13 декабря 1302 и 7 апреля 1303 г., то есть еще до избрания Афанасия I на второе патриаршество (23 июня 1303 г.: [58, № 415]) (с аргументацией: [49, App., no. 7; 67, p. 345–347]).

Комментарий. Письмо в целом – это призыв к всеобщему покаянию перед Богом, которое, по убеждению Афанасия, могло предотвратить завоевание византийской Малой Азии турецкими отрядами: «не только упомянутая область Востока обрела и вкусила бы свободу, но это бы также сокрушило составших (*ἐπαναστάντας*) исмаилитов (турок. – П. Л.) и господствовало над их пределами» [67, ep. 37, p. 78^{21–23}]. Если бы не божественное вмешательство, ни Константинополь не был бы спасен до времени составления письма с 13 декабря, «когда раздался тот пронзительный гром, ни области Востока от самой Ании до Скутари» (*ἡνίκα ὁ τετραυρὸς ἐκεῖνος ἐγένετο κτύπος, οὔτε τὰ τῆς Ἀνατολῆς, ἀπ’ αὐτῆς τῆς Ἀνέας μέχρι τοῦ Σκουταρίου*) [67, ep. 37, p. 78^{10–12}]. Существительное *κτύπος* могло бы относиться к землетрясению незначительной магнитуды, которое было предсказано Афанасием и произошло в столице 17 января 1303 г. [33, vol. IV, p. 395^{1–6, 20–22}, 397^{12–14}], но патриарх имеет в виду событие, случившееся за месяц до этого природного явления. Согласимся с А.-М.М. Толбот [67, p. 345sq.], что речь идет, скорее всего, о значительном проникновении турок вглубь малоазийских владений империи вследствие поражения византийцев в Бафейской битве 27 июля 1302 г. и неудачной попытки перейти из глухой обороны в наступление, предпринятой сыном и соправителем Андроника II Михаилом IX весной этого же года¹¹, в результате которого противники вышли к азиатскому берегу Босфора. Далее Афанасий предупреждает императора не полагаться исключительно на военную силу в поиске выхода из сложившейся ситуации и заключает, что он не будет найден, «даже если бы сам Запад, если бы была возможность, весь собрался воедино [к нам] на помощь» (*οὐδ’ ἂν αὐτὴ ἢ ἐσπέριος, εἰ ἦν δυνατόν, ὄλη συνήχθη εἰς τὴν βοήθειαν*) [67, ep. 37, p. 78^{12–14}]. Датировка письма указывает на то, что в этом фрагменте, по всей видимости, содержится намек на обсуждавшееся на момент создания источника прибытие в империю наемников Каталонской

компаний. Мы не знаем точно, в какое время велись переговоры между Рожером де Флором и Андроником II, их можно лишь поместить в промежуток с 31 августа 1302 г. (дата заключения мира в Кальтабеллотте, завершившего затяжной анжуйско-арагонский конфликт за Сицилию, см.: [48, р. 128–130]) по сентябрь 1303 г. (прибытие каталонцев в Константинополь, дат.: [30, р. 54sq.])¹².

Ер. 37 – не единственное письмо, в котором Афанасий предупреждает императора не обращаться за помощью к латинянам; похожая по содержанию фраза встречается также в ер. 84 [67, ер. 84, р. 224^{73–74}] (1305 г.: [67, р. 411]). Негативное отношение патриарха к людям с Запада обычно объясняется среди прочего тем фактом, что он видел в них исключительно угрозу византийскому государству и православной церкви и ожидал неминуемую агрессию с их стороны (см.: [64, р. 19sq.; 20; 57, р. 125–135]). Эти опасения, как известно, имели под собой почву (см., например: [20, р. 36–39; 14, с. 223–226]), но едва ли антилатинская позиция Афанасия, как считает Дж.Л. Буджамра, «была основана на суровой политической реальности» [20, р. 36sq.]: завоевание Византии в ходе Четвертого крестового похода и почти 60-летнее господство латинян в Константинополе служили достаточным и вполне весомым напоминанием о последствиях использования западных сил в своих интересах. Что касается каталонцев, подозрения Афанасия в их отношении также подтверждаются данными других источников, в которых имеется достаточно намеков на то, что «компанию» стремились использовать в своих интересах более могущественные силы (в частности, арагонский дом) в целях подготовки плацдарма для дальнейшего захвата империи; в конце концов об этом прямо говорит Фредерик II в письме к Хайме II (1304 г.), поддерживавшему контакты с каталонцами на всем протяжении их восточной кампании: [28, XI, р. 12^{8–11}] (см. также: [23, р. 765sq.; 48, р. 137–140]).

Ер. 8. Адресат. Письмо адресовано некоему архонту (= чиновнику), не названному по имени.

Датировка. В. Лоран помещает письмо сначала в достаточно странный хронологический промежуток между концом 1303

и 21 марта (?) 1304 г., а затем, ниже, отодвигает верхнюю границу к апрелю 1305 г. [49, no. 1593]. А.-М.М. Толбот указывает на период с сентября 1303 по Рождество 1304 г. в качестве времени создания источника [67, р. 313sq.]. Датировка основана на упоминании в письме некоего «великого дуки» (μεγάλου δουκός), которого оба специалиста уверенно идентифицировали с лидером каталонцев Рожера де Флора. Согласно нарративным данным, он обрел данный титул на основании ранее полученного хрисовула Андроника II по прибытию в Константинополь в сентябре 1303 г. ([33, vol. IV, р. 433^{19–20}; ср.: [26, р. 381; 66, vol. II, р. 484]), и носил его вплоть до 25 декабря 1304 г., когда он отказался от него в пользу другого каталонского вожда, Беренгера д'Энтенсы [33, vol. IV, р. 533^{7–9}, 545^{18–20}; ср.: 26, р. 399; 66, vol. II, р. 506–507]. Впрочем, В. Лоран посчитал, что Афанасий мог и не обратить внимание на факт передачи титула другому человеку и продолжать присваивать его Рожеру вплоть до момента, когда последний был возведен в новое достоинство (кесаря, 10 апреля 1305 г.; дат.: [33, vol. IV, р. 570, note 82]). Так или иначе, события, о которых идет речь в письме, по мнению французского византиниста, следует определенно датировать 1304 годом.

Отметим, что Рожер де Флор – первый великий дука, известный с начала правления Андроника II, и первый из трех каталонцев, носивших указанный титул [36, р. 549sq.]. Так как письмо написано явно до начала каталонского мятежа, на что указывает его содержание, упомянутым в нем человеком могли быть двое – де Флор или д'Энтенса. Мы предполагаем, что речь здесь идет именно о Рожере, поскольку события, на которые ссылается Афанасий, должны были быть явно связаны с малоазийской экспедицией «компаний» (см. *Комментарий*), следовательно, время создания источника можно ограничить хронологическим промежутком с октября 1303 (отплытие каталонцев в Кизик, дат.: [30, р. 55]) по октябрь 1304 г. (переправа в Галлиполи, дат.: [30, р. 61sq.]), во всяком случае, не позже 25 декабря 1304 года.

Комментарий. Письмо начинается с пространного рассуждения патриарха на тему угрозы, нависшей над христианами вследствие

отказа от Божьих заповедей. Спасти «нашу ойкумену» от ее уничтожения Господом, по мнению автора, может предлагаемое им «лечение» (ἡ θεραπεία), состоящее в том, чтобы «удерживать совершающих злодеяния от этих и других (злодеяний), ненавистных Богу» [67, ep. 8, p. 23²–24¹⁵]. В качестве примера он приводит действия каталонцев, которым «было приказано набрать гребцов (ἄνδρας... κωπηλατεῖν) для плавания вниз (κατάπλουον, то есть по направлению к югу от Константинополя, см.: [67, p. 314]) великого дуки», однако «они набрали не столько, сколько требовала необходимость, но столько, сколько были способны взять живьем (ζωυρεῖσθαι)», не только в столице, но и к северу от нее, близ Иерона (περὶ τὸ Ἱερὸν ἄνω, локализация: [67, p. 314]), за выкуп возвращая захваченным свободу [67, ep. 8, p. 24^{16–21}].

А.-М.М. Толбот предложила несколько событий, о которых могла идти речь в этом письме [67, p. 314], тем не менее, на наш взгляд, наиболее вероятным из них является отплытие каталонцев в Малую Азию в октябре 1303 г., поскольку в переправе всего личного состава войска Рожера де Флора (согласно Пахимеру, это не менее 8 000 [33, vol. IV, p. 431⁵], по Мунтанеру – 6 500 человек, размещенных на 36 галерах [26, p. 382; 66, vol. II, p. 485–486]) действительно должны были быть задействованы значительные людские ресурсы (очевидно, речь идет о потребовавшемся доборе гребцов на корабли из числа местного населения). Ни Пахимером, ни тем более Мунтанером не засвидетельствован данный факт, что делает это письмо патриарха источником уникальной информации, дополняющим наши представления о преступлениях каталонцев на византийской территории.

Ep. 9. Адресат. Письмо адресовано Андронику II.

Датировка. В. Лоран и А.-М.М. Толбот помещают письмо в промежуток между концом 1303 и летом 1304 г. [49, no. 1594; 67, p. 315]. Поскольку в тексте снова упомянут великий дука, в котором мы вслед за указанными специалистами видим Рожера де Флора, terminus ante quem для источника является 25 декабря 1304 г. (см. выше).

Комментарий. Афанасий начинает письмо с похвалы императору за то, что тот освободил Византию от Лионской унии 1274 г.,

но теперь, когда «беда, приключившаяся с христианами, вынудила острова быть переданными великому дуке» (συμβᾶσα Χριστιανοῖς συμφορὰ ἠνάγκασε νήσους δοθῆναι τῷ μεγάλῳ δουκί), патриарх просит Андроника II отправлять туда «сопричастных Церкви Христовой» (κοινωνοὶ τῆς Χριστοῦ ἐκκλησίας). В противном случае, по убеждению автора, каталонцы «учинят большое преступление и сделают сопричастным (συκοινωνὸν ποιήσουσι) [их вере] находящееся там православное население, даже если оно не желает [этого]» [67, ep. 9, p. 24^{4–9}].

Анализируя этот фрагмент письма, А.-М.М. Толбот указала на предложение, направленное Андроником II Рожеру де Флору в январе 1305 г., согласно которому он в том числе обязывался передать каталонцу «всю область Востока, кроме значимых городов» (πᾶσαν χώραν ἀνατολῆς, πλὴν τῶν περιφανῶν πολισμάτων) [33, vol. IV, p. 553^{32–33}], и «все острова Романии» (tot lo regne del Natuli e totes les illes de Romania) [26, p. 401; 66, vol. II, p. 508], и которое было формализовано 10 апреля 1305 г., когда лидер «компании» получил титул кесаря [33, vol. IV, p. 571^{4–10}]. Так или иначе, в письме де Флор назван великим дукой, что ограничивает время его составления 25 декабря 1304 г. (см. *Датировка*). Кроме того, неясно, почему Афанасий был обеспокоен только ситуацией на островах, не обращая внимание на малоазийские территории империи. Мы полагаем, что информация письма может быть интерпретирована следующим образом. Согласно Мунтанеру, еще осенью 1303 – зимой 1304 г., пока «компания» располагалась на зимовке в Артаке, флот каталонцев под руководством адмирала Феррана д'Онеса находился на боевом патрулировании в Эгейском море и защищал острова от нападений турок с моря, устроив стоянку на Хиосе [26, p. 388–389; 66, vol. II, p. 493]; он покинул стоянку и переправился в Анию, расположенную несколько южнее на противоположном малоазийском берегу, когда к ней подошло сухопутное войско под руководством де Флора (ок. июля 1304 г.) [26, p. 393; 66, vol. II, p. 498–499]. Вслед за этим уже сам великий дука посетил Хиос, Лемнос и Митилену (Лесбос), где он отметил, помимо прочего, расправой над начальником приморской крепости Ассос, бежавшим сюда после ее

сдачи туркам [33, vol. IV, p. 479²⁶–483³]. Таким образом, предположим, что под фразой *νήσουσ δοθῆναι τῷ μεγάλῳ δουκί* могли иметься в виду указанные события.

Ер. 9 – единственное из «каталонских» писем Афанасия, в котором он не обвинил наемников в физическом насилии и жестокости по отношению к местному населению, но вместо этого высказал беспокойство по поводу того, какое влияние они могли оказать на его духовное состояние. В правление Михаила VIII патриарх был непримиримым противником Лионской унии, за что подвергся гонениям, но и после ее отмены он продолжал бороться с попытками распространения и пропаганды католицизма в империи [64, p. 19sq.; 20, p. 29–36; 57, p. 128–133]. Так, например, в мае 1305 г. он добился от Андроника II изгнания из столицы членов францисканского ордена и конфискации их имущества [33, vol. IV, p. 585²⁹–587¹³]. В этом письме Афанасий хвалит императора за разрыв с католической церковью, и здесь эта параллель не случайна: по его мнению, истинному христианству вновь, как и 30 лет назад, грозила опасность со стороны Запада, что могло иметь последствия в виде принудительного обращения православных в чужеродную веру и в конечном итоге гибели государства. Впрочем, дальнейшее развитие событий показало, что опасения патриарха были напрасны, поскольку конфликт Византии и «компании», спровоцированный убийством де Флора, по существу, имел лишь одно, материальное, измерение.

Ер. 46. Адресат. Письмо адресовано Андронику II.

Датировка. В. Лоран помещает письмо в широкие рамки периода второго патриаршества Афанасия [49, no. 1693]. А.-М.М. Толбот ограничивает его написание твердым *terminus ante quem* – убийством Рожера де Флора [67, p. 355], которое произошло 30 апреля 1305 г. (датировка: [48, p. 146; 30, p. 66sq.]). Мы полагаем, что можно с осторожностью уточнить представленную датировку рамками экспедиции «компании» в Малую Азию, то есть с октября 1303 по октябрь 1304 г., на что в целом указывает содержание письма.

Комментарий. Афанасий сетует императору на то, что он страдает душой и телом, и эта болезнь усугубляется по причине общего

бедственного положения вещей в государстве. Ведь патриарх находится в окружении (дословно – «посреди» (*μέσων*), употреблено явно в переносном смысле) несчастных людей, страдающих от беззакония и угнетения [67, ep. 46, p. 96^{13–18}], «не говоря уже о тех, кто полумертвыми спасаются от исмаилитов (турок. – П. Л.) и самих итальянцев (каталонцев. – П. Л.)» (*ἴνα μὴ λέγω τοὺς παρὰ τῶν Ἰσμηλιτῶν καὶ αὐτῶν Ἰταλῶν ἡμιθνεῖς ἀνασφζομένους*) [67, ep. 46, p. 96^{18–19}]. По убеждению Афанасия, только Андроник II сможет урегулировать сложившуюся ситуацию (следовательно, исцелить самого патриарха) и смягчить Божий гнев, который обрушился на византийцев «вследствие [наших] злодеяний», побудив своих подданных к исправлению их образа жизни – источника бедствий империи [67, ep. 46, p. 96^{23–32}].

В рамках темы нашего исследования это письмо достаточно малосодержательно и лишь подтверждает то, что уже было известно на основе нарративных данных. Упоминание в тесной связи этнонимов «исмаилиты» и «итальянцы» должно указывать либо на события каталонского мятежа, поскольку уже ко времени сражения при Апросе (последняя треть июня – начало июля 1305 г., см.: [30, p. 73; 48, p. 162]) «компания» обеспечила себе союз с каким-то из турецких бейликов [33, vol. IV, p. 601^{5–6}] и продолжала использовать турок вплоть до ухода из Византии, либо на малоазийский поход каталонской дружины, который сопровождался грабежами и насилием со стороны наемников по отношению к местному населению. В пользу последнего говорит указание на присутствие каталонских купцов в Константинополе, которые были изгнаны из столицы в связи с начавшимся открытым византийско-каталонским конфликтом [67, ep. 46, p. 98^{64–65}] (об этом: [67, p. 355sq.]).

Ер. 15. Адресат. Письмо адресовано Андронику II.

Датировка. В. Лоран датировал письмо 1304–1305 гг., уточнив, что к моменту, когда оно было составлено, Афанасий I недавно вернулся на патриарший трон, а каталонцы, «вероятно, еще не окопались (*ne semblent pas encore retranchés*) на полуострове Галлиполи» [49, no. 1611]. Последняя формулировка оставляет вопросы относительно события, о котором идет речь¹³. А.-М.М. Толбот, отказавшись

от идентификации упоминаемых в письме «франков» с каталонскими наемниками, датировала его периодом второго патриаршества Афанасия I (1303–1309) [67, р. 320]. Источник не содержит явных датирующих признаков, тем не менее, на основании косвенных данных мы предполагаем, что время его составления следует ограничить рамками кампании каталонцев в Малой Азии (см. *Комментарий*).

Комментарий. Афанасий вновь сокрушается по поводу неутешительного положения византийцев, которое они вольны облегчить, «склонившись к раскаянию и обращению». Так или иначе, даже архиереи, не прислушиваясь к словам патриарха, отказываются устраивать всенощные бдения по его примеру и наушению, чтобы отвратить Божий гнев от христиан, и, напротив, подвергают владыку насмешкам [67, ер. 15, р. 36²–38¹⁵]. Поэтому Афанасий просит императора обратить свои заботы к Богу, который взамен дарует ему свою поддержку и «приумножит [его] радость соразмерно печалям» [67, ер. 15, р. 38^{16–25}]. Это особенно актуально сейчас, «ведь не только франки [предаются] осквернению божественных храмов и растлению женщин, но и как бы христиане, даже внутри столицы, совершают такие бесчинства, от упоминания которых мы удерживаемся силою» (οὐδὲ γὰρ μόνον οἱ Φράγγοι βεβήλωσιν θεῶν ναῶν *** καὶ φθορὰν γυναικῶν, ἀλλὰ καὶ οἱ τάχα Χριστιανοί, καὶ τῆς βασιλείδος ἐντὸς, λυττῶσι τοιοῦτοις, ἃ καὶ διὰ τὴν βίαν ἀναφέρειν ἐμποδιζόμεθα). Афанасий убежден, что даже если бы он рассказал об этих бесчинствах, они все равно остались бы безнаказанными «вследствие промедления, или когда благодаря дружбе или подаркам некие (люди), вмешиваясь, затеяют истину» [67, ер. 15, р. 38^{25–30}]. Патриарх просит императора направить к нему честного человека «из архиереев или синклита, священника или монаха», чтобы они во имя Бога провели совместное расследование и сообщили обо всем, что должно подлежать наказанию и что вредит «от Бога царственности» Андроника II [67, ер. 15, р. 577^{31–34}].

О затруднениях, которые вызывает идентификация упомянутых в письме «франков» с каталонцами, мы уже говорили выше. Отсутствие в источнике каких-либо явных датирующих признаков не способствует однозначному

решению проблемы. Так или иначе, учитывая время составления письма (это определено второе патриаршество Афанасия), а также тяжесть преступлений, на которые автор в очередном своем послании жалуется василевсу, мы полагаем, что на роль этих латинян лучше всего подходят именно каталонцы. Учитывая, что патриарх сообщает о преступлениях, совершаемых наемниками, как бы между прочим, в общем контексте с «бесчинствами» византийцев, для него каталонцы на момент составления письма еще не стали той угрозой безопасности столицы, в которую они превратятся со времени своей переправы в Галлиполи. Это достаточно хорошо демонстрирует содержание двух следующих писем Афанасия.

Ер. 17. Адресат. Письмо адресовано Андронику II.

Датировка. В. Лоран датировал письмо широкими рамками 1304–1305 гг., впрочем, далее уточнив, что оно должно было быть написано в течение времени пребывания в непосредственной близости от Константинополя наемников Рожера де Флора [49, no. 1612]. А.-М.М. Толбот подтвердила выводы своего французского коллеги [67, р. 322]. Исходя из содержания письма, мы разделяем представленную точку зрения, уточнив, что речь в нем идет явно о событиях, предшествующих каталонскому мятежу, то есть до убийства Рожера де Флора, которое, напомним, произошло 30 апреля 1305 года. В качестве твердого *terminus post quem* следует указать октябрь 1304 г. (завершение малоазийской экспедиции «компании» и переправа наемников в Галлиполи).

Комментарий. Письмо в целом облечено в форму настоятельного призыва к императору обеспечить безопасность столицы и ее жителей по причине беспокойной обстановки за ее пределами. Так, патриарх рекомендует императору чаще совершать осмотр (προβδους) стен и ворот, причем делать это лично, поскольку «глаза более надежны, чем уши» (ὀφθαλμοὶ γὰρ ὠτίων πιστότεροι) [67, ер. 17, р. 42^{10–14}]. Далее он требует от императора, чтобы тот запретил вход в город вооруженным людям, «и особенно латинянам[,] поскольку это также важно для безопасности» (κέλευσον ὁ δίκαιον, τῆς πόλεως εἶσω μηδένα μεθ' ὄπλων εἰσερχεσθαι, καὶ μάλιστα τῶν Λατίνων. εἰς γὰρ ἀσφάλειαν μέγα καὶ τοῦτο) [67, ер. 17, р. 42^{14–16}].

Под этнонимом Λατῖνοι мы вслед за В. Лораном и А.-М.М. Толбот понимаем наемников «компаний», на что указывает общий контекст военной опасности, нависшей над столицей. Содержание письма наводит на мысль, что каталонцы на момент его составления еще не вступили в открытое противостояние с византийцами, но тем не менее патриарх все же рекомендует императору не доверять им и не впускать в столицу. Начиная с октября 1304 г. наемники беспрестанно разоряли европейские территории империи, а Рожер де Флор проводил время в бесконечных переговорах с Андроником II, пытаясь удовлетворить финансовые требования «компаний». Согласно информации источников, каталонцы (в частности, их лидеры – сам де Флор и Беренгер д'Энтенса) неоднократно посещали Константинополь в течение осени 1304 – весны 1305 г. (хронология событий: [30, р. 62–65]), и, возможно, именно это имеет в виду Афанасий в указанном месте своего письма.

Ер. 35. Адресат. Письмо адресовано Андронику II.

Датировка. В. Лоран и А.-М.М. Толбот поместили письмо в достаточно широкий промежуток с 1304 по май 1305 г., с уточнением, что первые месяцы 1305 г. более вероятны [49, по. 1630; 67, р. 343]. Полагаем, несомненным *terminus post quem* для письма является август 1304 г., когда сын и соправитель Андроника II Михаил IX, предварительно разместив свой двор в Адрианополе, выступил в поход против вторгшихся на территорию империи болгар (23 августа 1304 г.) [33, vol. IV, р. 491^{10–25}], на что есть прямое указание в источнике. Можно даже немного сузить нижнюю границу, переместив ее на октябрь 1304 г., в свою очередь, *terminus ante quem* для письма вновь выступает 30 апреля 1305 г. (см. *Комментарий*).

Комментарий. Афанасий обращает внимание императора на бедственное положение дел в государстве, которое, по его мнению, вызвано тем, что Бог «отвернул свой лик» от византийцев по причине их прегрешений [67, ер. 35, р. 72^{7–14}]. В частности, он упоминает «случившееся в Анатолии и то, что до сих пор также происходит в Македонии..., а также там, где находится василевс Михаил» (τὰ συμβάντα ἐν τῇ Ἀνατολῇ καὶ συμβαίνοντα μέχρι τοῦ νῦν καὶ τῇ Μακεδονίᾳ, φημί, πρὸς δὲ καὶ ἔνθα ὁ

βασιλεὺς κύρις Μιχαήλ) [67, ер. 35, р. 72^{13–16}], «не обойдя молчанием полное разрушение со стороны кровожадных, или могаваров» (ἵνα ἐάσω τὴν ἐκ τῶν αἰμοβόρων ἢ Μογαβάρων πανωλεθρίαν) [67, ер. 35, р. 72^{18–19}]. Под событиями в Анатолии, вероятно, имеется в виду наступление турок на малоазийские территории империи, которое продолжилось вскоре после того, как каталонцы переправились в Галлиполи [33, vol. IV, р. 555^{7–10}, 557^{22–28}], а в «происходящем в Македонии» (см. содержание этого топонима у Афанасия в: [67, р. 344]) следует видеть серию болгаро-византийских столкновений, начало которым положили нападения болгар на пограничные византийские крепости» [33, vol. IV, р. 489⁸–491²⁵]. Патриарх предлагает себя в качестве советника, прислушиваясь к которому император сможет вновь заручиться Божьей милостью и в конечном итоге урегулировать ситуацию [67, ер. 35, р. 74^{36–52}]. Как и в ер. 17, здесь Афанасия также беспокоит безопасность столицы, ради чего он просит «считать могаваров нашими врагами» (πολεμίους λογιζομένων ἡμῶν τοὺς Μογαβάρους) и освободить от них христиан [67, ер. 35, р. 74^{53–55}]. По всей видимости, ко времени составления письма каталонцы уже переправились из Малой Азии в Галлиполи и начали безнаказанно грабить теперь уже европейские владения империи, при этом речь идет о событиях, вне сомнения, предшествовавших убийству их лидера и началу открытого мятежа против Андроника II.

Ер. 68. Адресат. Письмо адресовано Андронику II.

Датировка. В. Лоран и А.-М.М. Толбот датировали это письмо началом 1305 г. [49, по. 1624; 67, р. 380sq.]. Вновь очевидным *terminus ante quem* для источника является 30 апреля 1305 года. Параллельное место из сочинения Пахимера, которое и позволяет датировать наш источник, композиционно и хронологически связано с событиями, последовавшими за провозглашением Рожера де Флора кесарем (10 апреля 1305 г.) (см. *Комментарий*). Таким образом, полагаем, что можно ограничить время составления этого письма промежутком с 10 по 30 апреля 1305 года.

Комментарий. Как и предыдущее письмо, ер. 68 начинается с обращения к василевсу с указанием на бедственное положение госу-

дарства «вследствие общих прегрешений», которые «привели поселки и города к убыткам и прочим расходам» [67, ер. 68, р. 160²⁻⁵]. Так или иначе, выход из кризиса Афанасий видит во взимании более высоких (дополнительных?) налогов с населения [67, ер. 68, р. 160⁵⁻⁷]. Далее патриарх предупреждает, что «не должно... чтобы налоги собирались кем-то дерзостным и кровожадным¹⁴ и весьма богатым безрассудством из тех, кто не имеют сострадания, кого минувшее уличило в том, что они ничемные сицилийцы и кровопийцы, ничем или немногим хуже спорыньи и гусеницы» (δέον... μηδὲ πρὸς τινος τῶν ἀσυμπαθῶν ἰταμοῦ καὶ αἰμοχαροῦς καὶ πλουτοῦντος πολὺ τὸ κακόβουλον ἐνεργεῖσθαι, οἷους καὶ τὸ παρεληλυθὸς ἀπήλεγξε τοῦ καιροῦ Σικελοὺς καὶ ζῶμεῖς, ἐρυσίβης καὶ κάμπης μηδὲν ἢ μικρὸν ἀποδέοντας) [67, ер. 68, р. 160⁷⁻¹⁶²]. Государственными делами (τὰ πολιτικά) императору следует управлять с полученными им от Бога милосердием и состраданием по отношению к византийскому населению [67, ер. 68, р. 162¹³⁻¹⁶].

Речь в письме, очевидно, идет о событиях, описанных в труде Пахимера. 10 апреля 1305 г. в Константинополе Рожеру де Флору был пожалован титул кесаря, взамен чего тот обязывался покинуть Галлиполи и переправиться в Малую Азию с 3 тыс. каталонцев, а остальных отправить на родину. Помимо этого, он получил 33 тыс. иперпиров на руки, а также оговаривалось, что для нужд «компании» будет собрано 100 тыс. модиев пшеницы. Возможно, для того чтобы ускорить отъезд наемников, Андроник II позволил им участвовать во взимании этого экстраординарного натурального налога наряду с византийскими чиновниками, что, в свою очередь, привело к очередным беззакониям с их стороны [33, vol. IV, р. 57^{12-10, 18-23}]. Письмо патриарха, таким образом, подтверждает нарративные данные и отражает его определенно негативную реакцию на столь неоднозначное решение императора.

Ер. 94. Адресат. Письмо адресовано Андронику II.

Датировка. В. Лоран датировал это письмо осенью 1304 г. [49, no. 1608], а А.-М.М. Толбот – началом 1305 г., совершенно верно обратив внимание на его тесную связь с предыдущим письмом [67, р. 423]. Ер. 94 следует поместить в тот же временной промежуток, что и ер. 68,

то есть с 10 по 30 апреля 1305 г., на что прямо указывает его содержание.

Комментарий. Письмо практически полностью посвящено проблеме каталонского присутствия в империи. Афанасий сравнивает Андроника II с Моисеем: он просит императора избавить «православный народ от мрачной деспотии сицилийца (Рожера де Флора. – П. Л.)» (τῆς ἀμείδους δυναστείας τοῦ Σικελοῦ τὸ ὀρθόδοξον), как Моисей «прежде избавил свой народ от 10 казней египетских» [67, ер. 94, р. 244¹⁰⁻¹⁴]. По убеждению патриарха, душа каталонского лидера настолько сурова и неукротима, что злодейством и нечестивостью превосходит все ветхозаветные казни вместе взятые [67, ер. 94, р. 244¹⁴⁻²⁴⁶]. Автор призывает адресата поступить так, чтобы де Флор (ὁ λυμεών – «разрушитель») обманулся в надеждах, «пусть даже он и был записан и причислен священными простагами к тем, кто собирает налоги» (καὶ σελτοῖς ἐνεργεῖν ἐνεγράφη καὶ κατηλέχθη (sic) простάγμασι), то есть лишить его этих функций. Волк (λύκος), «тщетно разевающий пасть», должен быть изобличен, чтобы он осознал, что Бог наблюдает и не позволяет злу восторжествовать [67, ер. 94, р. 246³⁰⁻³⁸]. Глагол ἐνεργέω применительно к каталонцам встречается и в ер. 68, и там он также имеет явный фискальный смысл (ср. употребление в других письмах: [67, р. 450], см. также: [15, р. 125sq.]; ср.: [12, с. 254]). Помимо всего прочего, письмо содержит также сложно интерпретируемое указание на грядущую гибель Рожера [67, ер. 94, р. 246¹⁷⁻²⁶], которое, по предположению В. Лорана [49, no. 1608], должно было после убийства каталонца окончательно закрепить за Афанасием в глазах императора образ провидца (см. также: [67, р. 423]; ср.: [12, с. 254сл.; 42, р. 81–83]).

Поскольку ерр. 68 и 94 содержательно связаны друг с другом, полагаем, можно утверждать, что они были составлены приблизительно в одно и то же время¹⁵. О наделении наемников правом на сбор экстраординарного налога на пшеницу сообщает предыдущее письмо и Пахимер. Из рассматриваемого источника мы узнаем об издании по этому случаю соответствующих императорских распоряжений – простагм, посредством которых, очевидно, произошло юридическое оформление указанного решения василевса (акты не

сохранились и не учтены Ф. Дельгером в: [59]). Оба письма сигнализируют о том, что нетерпимость патриарха по отношению к наемникам достигла крайней точки, на что в значительной мере повлиял факт их прямого вмешательства в государственные дела.

Ер. 81. *Адресат.* Формально у письма нет адресата (по крайней мере, подобное указание отсутствует в заголовке [67, ер. 81, р. 202, ad app. 1]), однако он подразумевается, исходя из его содержания – это Андроник II (см. об этом: [67, р. 403]).

Датировка. В. Лоран и А.-М.М. Толбот датируют письмо зимой 1305/1306 г. [49, no. 1636; 67, ер. 81, р. 403]. Датировка письма связана с хронологической локализацией события, которому оно посвящено – заговора Иоанна Дримия¹⁶, и основана на свидетельстве Пахимера [33, vol. IV, р. 653²²] и косвенном указании еще одного письма Афанасия (ер. 11), посредством которого автор оправдывался перед императором за то, что не мог присутствовать на суде над некими смутьянами (τινῶν φρουαττομένων κατὰ Θεοῦ καὶ βασιλείας καὶ ἐκκλησίας, в которых исследователи эпистолярия патриарха опознали дримитов [49, no. 1634; 67, р. 316]), поскольку ему препятствовала сделать это холодная погода [67, ер. 11, р. 26^{5-10, 13-16}]. А. Файе предложил иную точку зрения, а именно датировать конфликт маем или летом 1305 г. [31, р. 239–242], однако его аргументация представляется нам достаточно дискуссионной.

Комментарий. Источник представляет собой пространное изложение решения синода о лишении Дримия и его сообщника из Мир Ликийских (не названного по имени) священнического звания и их отлучении от церкви, которое Афанасий направил Андронику II в форме письма. Единственное упоминание каталонцев связано с их возможной причастностью к этому заговору: «когда [эти] нечестивцы лишились божественных надежд и связали их с безбожными псами, страшной продажей, насколько было в их власти, великого наследия Христа, отвержением православной веры и гнусным предательством [своих] сограждан, отправляя послов к безбожным амаликитянам (туркам, союзникам «компании». – П. Л.) и итальянцам (каталонцам, см. выше. – П. Л.), и живущим по Истру» (очевид-

но, болгарам. – П. Л.) (ἐλλίδων ἀπορραγόντων θεϊκῶν, καὶ ταύτας ἀθείους κυσὶν ἀναρτησάντων τῶν δυσσεβῶν, ἀπεμπολήσει φρικώδει ὄσον τὸ κατ' αὐτοὺς τῆς μεγάλης κληρονομίας Χριστοῦ, καὶ ἀθετήσει ὀρθοδοξίας, καὶ προδοσία τοῦ ὁμοφύλου αἰσχυρᾶ, ἐν ἀθείοις πρεσβευομένους Ἀμαλικίταις καὶ Ἰταλοῖς, τοῖς τε περὶ τὸν Ἰστρον οἰκοῦσιν) [67, ер. 81, р. 210¹⁶²⁻¹⁶⁷].

Данное упоминание – самое позднее по времени и вообще единственное, которое можно определенно датировать временем после 30 апреля 1305 г., однако оно обрывочно и малоинформативно и лишь подтверждает то, что уже было и так известно по нарративным источникам [33, vol. IV, р. 653¹²⁻¹³]. После убийства де Флора «каталонская проблема» практически полностью исчезает из его писем. Так или иначе, отметим, что последствия действий «компании» (в частности, голод, поразивший жителей столицы зимой 1306/1307 г.¹⁷) продолжали составлять одну из наиболее важных тем в переписке Афанасия с императором.

Заключение. Письма константинопольского патриарха показывают, что в каталонцах, как и в других представителях западного мира, Афанасий I, последовательный противник унии и распространения католического влияния в империи, видел прежде всего угрозу византийскому государству и церкви. С самого начала (ер. 37) он, памятуя о событиях недавнего прошлого, воспринял в штыки идею привлечения латинских наемников, считая, что только всеобщее покаяние и обращение к Богу сможет изменить сложившееся положение дел и остановить продвижение турок в Малой Азии. Первые случаи беззаконий со стороны каталонцев, сведения о которых достигали Константинополя, подтверждали опасения патриарха и вызывали его возмущение, о котором он сообщал императору в ряде адресованных ему писем (ерр. 8, 46, 15). Афанасий порицал наемников за чинимые ими насилия и грабежи. Кроме того, он опасался (ер. 9), как бы длительное пребывание латинских солдат в Византии не навредило церкви и православному населению таким же образом, как это было во время Четвертого крестового похода и в период латинского господства, поскольку чистота христианской веры для патриарха выступала неизменным залогом благополучия и процветания государства и общества. После

переправы «компании» в Галлиполи, вызвавшей обострение отношений наемников с нанимателями, владыка усилил свое давление на Андроника II, призывая его обезопасить столицу (ер. 17) и даже разорвать отношения с каталонцами (ер. 35), полагая, что пришло время снять маски и считать врагами тех, кто вел себя как враги. Вмешательство Рожера де Флора и его людей в государственные дела империи, санкционированное императором, спровоцировало шквальную критику их действий со стороны патриарха, опасавшегося повторения сценария 1204 г. и направившего два резких по содержанию письма (ер. 68, 94) в его адрес. Афанасий взывал к благоразумию василевса, который, по его мысли, должен был наложить запрет на участие латинских солдат в сборе налогов и избавить византийское население от их господства. Отметим, что на основании имеющихся источниковых данных нельзя сделать однозначный вывод о том, в какой степени Андроник II был в целом восприимчив к предложениям, рекомендациям, советам или же критике его политики со стороны патриарха; влияние же Афанасия на императора в «каталонском вопросе» следует определенно признать ограниченным: по крайней мере, факт претворения его советов и даже требований в жизнь не фиксируется нарративными источниками. Владыка предлагал прямолинейное и крутое решение проблемы, тогда как император пользовался исключительно средствами дипломатии и до последнего стремился избежать прямого столкновения, в итоге лишь отсрочив его начало.

Образ каталонцев в корреспонденции патриарха по мере обострения ситуации становился все более ярким и метафоричным: Афанасий неоднократно прибегал к игре слов, использовал замысловатые аллегории с отсылками на Священное Писание, чтобы подчеркнуть жестокость наемников и убедить василевса в необходимости разрыва отношений с «компанией». Отметим интересную деталь: если владыка хотел конкретизировать объект своей критики, то употреблял более точные этнонимы и обозначения – «могавары», «сицилийцы» / «великий дука», «сицилиец», тогда как, упоминая о каталонцах мимоходом, в более общем контексте, он в основном ограничивался многозначными наименованиями –

«итальянцы», «латиняне», «франки». Афанасий, судя по всему, различал каталонцев и прочих латинян, хотя, в сущности, для него они были все теми же людьми с Запада, которых следовало опасаться и подозревать и с которыми лучше было бы не иметь никакого дела.

Корреспонденция патриарха содержит не так много фактической информации о деятельности «компании» на Востоке, однако она дает возможность подтвердить и даже дополнить сведения других источников, прежде всего нарративных, новыми фактами и деталями. Так, безусловно значимой представляется информация о наборе гребцов из византийского населения перед началом малоазийского похода каталонцев, об их присутствии на островах в Эгейском море во время этой экспедиции, об участии наемников в сборе натурального налога, санкционированного особыми распоряжениями императора. Письма Афанасия позволяют углубить наши представления об отношениях государства и церкви в Византии в условиях внутреннего кризиса в начале XIV в., а также на примере взглядов патриарха уточнить позицию церкви, касающуюся присутствия латинян в империи, которое таило в себе угрозу вооруженного захвата власти и насильственного обращения в западную веру православного населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящая статья была представлена в виде доклада в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Крещение Руси и принятие ислама Волжской Булгарией: веки становления единого российского государства и общества», проходившей 22 сентября 2022 г. в г. Волгограде.

² Здесь и далее нумерация писем Афанасия I дается по изданию А.-М.М. Толбот [67].

³ Слово «альмо(у)гавар» имеет арабское происхождение (араб. al-mughāwir – «тот, кто совершает вылазки в стан врага»). Литература об альмогаварах: [51, р. 419; 37, р. 174; 11, с. 334сл. и примеч. 27; 40, р. 163sq.] и др.

⁴ Без заголовка, который был восстановлен Э. Мартини по найденной им рукописи и в котором содержится единственное указание на де Флора, текст указанного стихотворения Фила совершенно обезличен и не поддается датировке.

⁵ Как и Афанасий в ерр. 35 и 68 (см. примеч. 9), в сарм. 44 (в издании Э. Мартини) Фил прибегает к игре слов, чтобы подчеркнуть сви-

репость каталонских наемников: τὸ τῆς Σκόλλης (= Σικελίας. – П. Л.) γένος [53, сgm. 44, р. 53²⁸], то есть «племя Скиллы», чудовища из древнегреческих мифов, пожиравшего мореходов.

⁶ Ἰσπανοὶ – распространенный среди византийских авторов этноним для обозначения турок: [54, S. 142, s.v.].

⁷ Кроме того, в двух стихотворениях Фил указывает на связь каталонцев с Сицилией более замысловато: наемное войско называется поэтом «пламенем из Этны» (ἐξ Αἴτνης φλόξ): [52, CCVII, р. 219³³; CCXV, р. 227²²].

⁸ Об этническом составе войска каталонцев см. также недавнее исследование Д. Якоби: [40, р. 158–161]; ср.: [55, р. 219].

⁹ Интересно, что в еще одном месте неизвестный автор Жития (очевидно, кто-то из учеников Данило) называет «ливадийскими франками» (φρογζην λιβαδιησιν) войско французских рыцарей во главе с герцогом Афинским Готье V де Бриенном, которому каталонцы (в Житии – союзники «компания»), турки Халила) нанесли сокрушительное поражение в битве на р. Кифисс 15 марта 1311 г. [10, с. 354] (об этом: [9, с. 268]).

¹⁰ Так, греческий фольклор сохранил до нашего времени только этноним «каталонцы» (см.: [60, р. 11–18; 17, р. 51sq.]). Отметим, что в Копенгагенской версии «Морейской хроники», написанной на народном греческом языке, на котором, следует полагать, в XIV в. говорило население Пелопоннеса, также встречается лишь одно обозначение каталонцев – Κατελώνοι [65, р. 472^{7272, 7289}].

¹¹ См. также новейшие исследования: [45, р. 273sq. (со ссылкой на ер. 37); 32].

¹² Так или иначе, Ф. Дёльгер датировал несохранившийся хрисовул, отправленный Андроником II Рожеру де Флору, посредством которого император обеспечивал каталонца гарантиями принять «компанию» с установленным содержанием, пожаловать ему титул великого дуки и обручить со своей племянницей, весной 1303 г.: [59, Nr. 2252].

¹³ Согласно Пахимеру, каталонцы приняли меры по укреплению Галлиполи еще до убийства де Флора (январь 1305 г.: [33, vol. IV, р. 553^{6–15}]). По информации Мунтанера, это произошло только после смерти кесаря (май 1305 г.: [26, р. 405; 66, vol. II, р. 514], ср.: [33, vol. IV, р. 577^{27–28}]). Возможно, впрочем, что речь идет в целом о переправе каталонцев на запад и занятии ими Галлиполи, но в таком случае остается неясной верхняя граница периода (1305), которым французский ученый датировал составление письма.

¹⁴ Как и в ер. 35 (αἰμοβόροι ἢ Μογάβαροι), в ер. 68 Афанасий также прибегает к игре слов (впрочем, менее очевидной), для того чтобы сделать акцент на жестокости каталонцев: ἰταμός – Ἰταλός, αἰμοχαρής – Μογάβαρος. См.: [49, no. 1624].

¹⁵ Интересно также то, что как в ер. 68, так и в ер. 94 для обозначения каталонцев и их лидера используется один и тот же экзоним – «сицилийцы» и «сицилиец» соответственно, который не встречается ни в более ранних, ни в более поздних письмах Афанасия.

¹⁶ Заговору Иоанна Дримия посвящена обширная историография, см. нашу статью: [14, с. 216–219].

¹⁷ Этим событиям посвящено множество писем Афанасия: ерр. 72, 73, 74, 78, 100 в издании А.-М.М. Толбот; см. также: [46].

REFERENCES

1. Barabanov N.D. Konstantinopolskiy patriarch Afanasiy I o nedugakh vizantiyskogo obshchestva na rubezhe XIII–XIV vv. [Athanasios I, Patriarch of Constantinople, on the Maladies of the Byzantine Society at the Turn of the 13th–14th cc.]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], 1978, vol. 15, pp. 52–59.
2. Barabanov N.D. Sotsialnaya terminologiya v perepiske Afanasiya I [Social Terms in the Correspondence of Athanasios I]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], 1979, vol. 16, pp. 38–45.
3. Barabanov N.D. O kharaktere vystupleniya Ioanna Drimiya v nachale XIV v. [On Nature of the John Drimys' Revolt in the Early 14th Century]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], 1980, vol. 17, pp. 53–60.
4. Barabanov N.D. Borba vnutri vizantiyskoy tserkvi na rubezhe XIII–XIV vv. [The Struggle Within the Byzantine Church at the Turn of the 13th–14th cc.]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], 1981, vol. 18, pp. 141–156.
5. Barabanov N.D. Otnosheniya tserkvi i gosudarstva v Vizantii na rubezhe XIII–XIV vv. (patriarch Afanasiy I i Andronik II Paleolog) [Relations Between Church and State in Byzantium at the Turn of 13th and 14th Centuries (Patriarch Athanasios I and Andronikos II Palaiologos)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], 1983, vol. 20, pp. 52–63.
6. Vishnyak M.A. Obraz arsenitov v epistol'yarnom nasledii patriarkha Athanasiya I Konstantinopolskogo [The Image of the Arsenites in the Correspondence of Athanasios I, the Patriarch of Constantinople]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoria. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.2>
7. Vishnyak M.A. *Arsenitskiy raskol (1265–1310) v pismennom nasledii svyatitelya Afanasiya I, patriarkha*

Konstantinopolskogo (1289–1293; 1303–1309): dis. ... kand. bogosloviya [The Arsenite Schism (1265–1310) in Written Heritage of St Athanasios I, patriarch of Constantinople (1289–1293; 1303–1309). Cand. Diss.]. Sergiev Posad, 2018. 345 p.

8. Drobyshev M.I. Inostrantsy-khristiane v “Strategikone” Kekavmena 1075–1078 godov [Christian Foreigners in Kekaumenos’s Strategicon of 1075–1078]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija* [Perm University Herald. History], 2020, vol. 1 (48), pp. 115–121.

9. Živojinović M. Žitije arhiepiskopa Danila II kao izvor za ratovanja Katalanske kompanije [The Life of Archbishop Daniel II as a Source on the Warring of the Catalan Company]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Collection of Papers of the Institute for Byzantine Studies], 1980, vol. 19, pp. 251–273.

10. Daničić Đ., ed. *Arhiepiskop Danilo i drugi. Životi kraljeva i arhiepiskopa srpskih* [Archbishop Daniel and Others. The Lives of the Serbian Kings and Archbishops]. Zagreb, Svetozar Galc Publ., 1866. XV, 386 p.

11. Zolotovskiy V.A. Vooruzhennyye sily Vizantii v nachale XIV v. (printsipy komplektovaniya i boevoye primeneniye na primere bitvy pri Aproz) [Armed Forces of Byzantium in the Beginning of the 14th Century (Principles to Complete Army and Fighting Employment on the Basis of an Example – The Battle at Apros)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], 2011, vol. 40, pp. 324–341.

12. Kazhdan A.P. Rets. na [Book Review]: The Correspondence of Athanasios I, Patriarch of Constantinople. Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials. An Edition, Translation and Commentary by A.-M.M. Talbot. Washington, 1975. LII+467 p. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina chronika], 1975, vol. 39, pp. 252–255.

13. Lobova L.Yu. Sostoyaniye vizantiyskoy tserkvi kontsa XIII – nachala XIV v. v vospriyatii patriarkha Athanasiya [State of the Byzantine Church in the Late 13th – The Early 14th cc. as Perceived by the Patriarch Athanasios]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], 1997, vol. 28, pp. 34–48.

14. Lysikov P.I. Social and Political Destabilization in Byzantium in the Early 14th Century: Causes and Consequences. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 206–230. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.17>

15. Ahrweiler H. L’histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupation turques

(1081–1317), particulièrement au XIIIe siècle. *Travaux et mémoires*, 1965, vol. 1, pp. 1–202.

16. Ayensa i Prat E. Catalan Domination in Greece During the 14th Century: History, Archaeology, Memory and Myth. *Catalan Historical Review*, 2020, vol. 13, pp. 43–58.

17. Asdracha C. L’image de l’homme occidental à Byzance: le témoignage de Kinnamos et de Choniatès. *Byzantinoslavica*, 1983, vol. 44, pp. 31–40.

18. Bănescu N. Le patriarche Athanase I-er et Andronic II Paléologue: état religieux, politique et social de l’Empire. *Bulletin de la Section historique (histoire – géographie – sciences sociales)*, 1942, t. XXIII, no. 1, pp. 28–56.

19. Belke K. Die vier Briefe des Patriarchen Athanasios I. an den Metropoliten von Apameia und die Eroberung Bithyniens durch die Osmanen am Anfang des 14. Jahrhundert. *Byzantina Mediterranea: Festschrift für Johannes Koder zum 65. Geburtstag*. Wien; Köln; Weimar, Böhlau Verl., pp. 29–42.

20. Boojamra J.L. Athanasios of Constantinople: A Study of Byzantine Reactions to Latin Religious Infiltration. *Church History*, 1979, vol. 48, no. 1, pp. 27–48.

21. Boojamra J.L. *Church Reform in the Late Byzantine Empire: A Study for the Patriarchate of Athanasios of Constantinople*. Thessaloniki, Patriarchikon Idryma Paterikon Meleton Publ., 1982. 239 p.

22. Boojamra J.L. Social Thought and Reforms of Athanasios of Constantinople (1289–1293; 1303–1309). *Byzantion*, 1985, vol. 55, fasc. 1, pp. 332–382.

23. Burns R.I. The Catalan Company and the European Powers, 1305–1311. *Speculum*, 1954, vol. 29, no. 4, pp. 751–771.

24. Cañellas J.N. El patriarca Atanasio I de Constantinopla y Roger de Flor. *Acta historica et archaeologica mediaevalia*, 2002, no. 32, pp. 293–329.

25. Green L., ed. *Chronicle into History: An Essay on the Interpretation of History in Florentine Fourteenth-Century Chronicles*. Cambridge, Univ. Pr., 1972. vi, 177 p.

26. Bofarull A. de, ed. *Crónica catalana de Ramon Muntaner*. Barcelona, Impr. de J. Jepús, 1860. 612 p.

27. Dragomanni F.G., ed. *Cronica di Giovanni Villani*. T. 2. Firenze, S. Coen tip. ed., 1845. 464 p.

28. Rubió i Lluch A., Ferrer i Mallol M.T., eds. *Diplomatari de l’Orient Català (1301–1409): col·lecció de documents per a la història de l’expedició catalana a Orient i dels ducats d’Atenes i Neopàtria*. Ed. facs. Barcelona, Inst. d’Estudis Catalans, 1947. LXV, 800 p.

29. D’Olwer L.N. *L’expansió de Catalunya en la Mediterrània oriental*. Barcelona, Ed. Barcino, 1926. 262 p.

30. Failler A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymères (livres VII–XIII). *Revue des études byzantines*, 1990, vol. 48, pp. 5-87.
31. Failler A. Le complot antidynastique de Jean Drimys. *Revue des études byzantines*, 1996, vol. 54, pp. 235-244.
32. Failler A. Les origines de l'Empire ottoman et la bataille de Bapheus (1302). *Revue des études byzantines*, 2019, vol. 77, pp. 175-202.
33. Failler A., ed. *Georges Pachymères. Relations historiques*. Vol. 4. Liv. X–XIII. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999, pp. 306-727; Vol. 5. Index. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 2000. XVII, 373 p.
34. Gill J. Emperor Andronicus II and Patriarch Athanasius I. *Byzantina*, 1970, vol. 2, pp. 11-19.
35. Guillard R. La Correspondance inédite d'Athanase, patriarche de Constantinople (1289–1293; 1304–1310). Guillard R. *Études byzantines*. Paris, Presses universitaires de France, 1959, pp. 53-79.
36. Guillard R. *Recherches sur les institutions byzantines. T. I*. Berlin, Akad.-Verl.; Amsterdam, A.M. Hakkert, 1967. xvi, 607 p.
37. Humphries P.D. "Of Arms and Men": Siege and Battle Tactics in the Catalan Grand Chronicles (1208–1387). *Military Affairs*, 1985, vol. 49, no. 4, pp. 173-178.
38. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. I*. Bonna, Weber, 1828. xxxvi, 560 p.
39. Jacoby D. La "Compagnie catalane" et l'État catalan de Grèce: quelques aspects de leur histoire. *Journal des savants*, 1966, no. 2, pp. 78-103.
40. Jacoby D. The Catalan Company in the East: The Evolution of an Itinerant Army (1303–1311). Halfond G.I., ed. *The Medieval Way of War: Studies in Medieval Military History in Honor of Bernard S. Bachrach*. Farnham, Ashgate Publ. Co, 2015, pp. 153-182.
41. Jeffreys M.J. The Chronicle of the Morea: Priority of the Greek Version. *Byzantinische Zeitschrift*, 1968, Bd. 68, H. 2, pp. 304-350.
42. Každan A.P. Two Letters of Athanasius I, Patriarch of Constantinople: An Attempt at Reinterpretation. Laiou-Thomadakis A.E., ed. *Charanis Studies: Essays in Honor of Peter Charanis*. New Brunswick, New Jersey, Rutgers Univ. Pr., 1980, pp. 79-83.
43. Kazhdan A. Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century. *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World*. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001, pp. 83-100.
44. Koder J. Zum Bild des "Westens" bei den Byzantinern in der frühen Komnenenzeit. *Deus qui mutat tempora. Menschen und Institutionen im Wandel des Mittelalters*. Sigmaringen, Jan Thorbecke Verl., 1987, pp. 191-202.
45. Korobeinikov D. *Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century*. New York, Oxford Univ. Pr., 2014. xxi, 372 p.
46. Laiou A. The Provisioning of Constantinople During the Winter of 1306–1307. *Byzantion*, 1967, vol. 37, pp. 91-113.
47. Laiou A. A Byzantine Prince Latinized: Theodore Palaeologus, Marquis of Montferrat. *Byzantion*, 1968, vol. 38, pp. 386-410.
48. Laiou A.E. *Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328*. Cambridge, Harvard Univ. Pr., 1972. xii, 390 p.
49. Laurent V., ed. *Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1: Les actes des patriarches. Fasc. 4: Les registes de 1208 à 1309*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1971. xxviii, 636 p.
50. Levi L. Cinque lettere inedite di Emanuele Moscopulo (Cod. Marc. Cl. XI, 15). *Studi italiani di filologia classica*, 1902, vol. X, pp. 55-72.
51. Lévi-Provençal E. Almogávares. *The Encyclopaedia of Islam. Vol. I: A–B*. Repr. ed. Leiden, Brill, 1986, p. 419.
52. Miller E., ed. *Manuelis Philae Carmina. Vol. 2*. Parisius, Typ. imperialis, XX, 496 p.
53. Martini Ae., ed. *Manuelis Philae Carmina inedita*. Neapolis, Typi academici, 1900. XV, 240 p.
54. Moravcsik G. *Byzantinoturcica. T. II: Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen*. 3., unveränd. Aufl. Leiden, Brill, 1983. xxv, 376p.
55. Morfakidis M. La presencia catalana en Grecia: relaciones entre griegos y catalanes segun los fuentes. *Erytheia*, 1987, vol. 8, no. 2, pp. 217-231.
56. Schopen L., ed. *Nicephori Gregorae Byzantina historia. Vol. I*. Bonna, Weber, 1829. 568 p.
57. Patedakis M. Athanasios' I Patriarch of Constantinople Anti-Latin Views and Related Theological Writings. Rigo A., Ermilov P.V., eds. *Byzantine Theologians. The Systematization of Their Own Doctrine and Their Perception of Foreign Doctrines*. Roma, Università degli studi di Roma "Tor Vergata", 2009, pp. 125-142.
58. Trapp E. et al., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit: CD-ROM Version*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2001. 1 CD-ROM.
59. Dölger F., ed. *Regesten der Kaiserurkunden des Östromischen Reiches von 565–1453. Bd. 4. Regesten von 1282–1341*. München; Berlin, Verl. C. H. Beck, 1960. xxx, 165 p.
60. Rubió y Lluch A. *La expedición y dominación de los catalanes en Oriente juzgadas por los griegos: monografía leída en las sesiones ordinarias celebradas por la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona, en los días 12 y 26 de Febrero y 12 de Marzo de 1883*. Barcelona, Impr. de J. Jepús, 1887. 123 p.

61. Schlumberger G. *Expédition des "Almugavares" ou routiers catalans en Orient, de l'an 1302 à l'an 1311*. Paris, Libr. Plon, 1902. IV, 396 p.

62. Setton K.M. *Catalan Domination of Athens, 1311–1388*. Rev. ed. London, Variorum, 1975. xx, 323 p. (1st ed.: 1948).

63. Ševčenko I. The Imprisonment of Manuel Moschopoulos in 1305. *Speculum*, 1952, vol. 27, no. 2, pp. 133-157.

64. Talbot A.-M.M. The Patriarch Athanasius (1289–1293; 1303–1309) and the Church. *Dumbarton Oaks Papers*, 1973, vol. 27, pp. 11-28.

65. Schmitt J., ed. *The Chronicle of Morea, To Chronikon tou Moreōs: A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century*. London, Methuen & Co, 1904. xcii, 640 p.

66. Goodenough L., ed. *The Chronicle of Muntaner*. Vol. 1. London, The Hakluyt Soc., 1920. xc, 370 p.; Vol. 2. London, The Hakluyt Soc., 1921, pp. xxiv, 371-760.

67. Talbot A.-M.M., ed. *The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople: Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial*

Family, and Officials. Washington, Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1975. li, [1], 467 p.

68. Patedakēs M. Ē diamachē tou Patriarchē Athanasiou A (1289–1293, 1303–1309) me ton klēro tēs Agias Sophias (1306–1307) mesa apo endeka anekdotes epistoles [The Strife of the Patriarch Athanasios I (1289–1293, 1303–1309) with the St Sophie Clergy (1306–1307) according to 11 Inedited Letters]. *Ellēnika* [Hellenika], 2006, vol. 56, no. 2, pp. 279-319.

69. Theodoulou rētoros tou Magistrou Presbeutikos pros ton basilea Andronikon ton Palaiologon [Presbeutikos of Theodoulos Magistros, Rhetor, to the Emperor Andronikos II Palaiologos]. Boissonade J.Fr., ed. *Anecdota graeca e codicibus regiis. Vol. 2*. Repogr. Nachdr. Hildesheim, Georg Olms Verlagsbuchh., 1962, pp. 188-211.

70. Theodoulou rētoros tou Magistrou tō isaggelō patri mou kai philosophō Iōsēph Peri tōn en tē Italōn kai Persōn ephodō gegenēmenōn [A Letter of Theodoulos Magistros, Rhetor, to My Angel-like Father and Philosopher Joseph On the Happened Attack by the Italians and the Persians]. Boissonade J.Fr., ed. *Anecdota graeca e codicibus regiis. Vol. 2*. Repogr. Nachdr. Hildesheim, Georg Olms Verlagsbuchh., 1962, pp. 212-228.

Information About the Author

Pavel I. Lysikov, Senior Lecturer, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, blademaster18@mail.ru, lysikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>

Информация об авторе

Павел Иванович Лысиков, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, blademaster18@mail.ru, lysikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.22>

UDC 94(495).02
LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 09.05.2023
Accepted: 07.11.2023

BETWEEN RHOS AND VARANGIANS: HETAIREIA OF INFANTRYMEN IN THE BYZANTINE IMPERIAL GUARD IN THE LAST THIRD OF THE 10th CENTURY

Kemran M. Karashayski

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is dedicated to the study of the hetaireia of infantrymen – the Byzantine Imperial Guard troop in the 970–980s, which included mercenaries from Rus' and Scandinavia. *Methods.* The research is based on a combination of systemic and institutional approaches in the analysis of Byzantine and Old Icelandic written sources that allow us to establish a chronological framework for the existence of this military formation, its composition, structure and place in the development and transformation of the foreign mercenary corps in the Byzantine Empire during the 10th century. *Analysis.* The unit is known by the rank of its commander, the hetaireiarches of infantrymen, mentioned in “Escorial Taktikon” (970s). The main information on the hetaireia of infantrymen and related foreign mercenary groups in Byzantine service is contained in the treatise “De Cerimoniis” (963), the historical work by Leo the Deacon (late 10th century), the military treatise “De castrametatione” (second half of the 980s) and in the Old Icelandic sagas such as “Hrafnkels saga Freysgoða”, “Finnboga saga ramma”, “Hallfreðar saga vandræðaskálds” and “Brennu-Njáls saga”. *Results.* As the study shows, the hetaireia of infantrymen was organised during the reign of the emperor John I Tzimiskes (969–976) and existed from 970 to 988–989, becoming one of the stages in the formation of the so-called “Varangian-Russian” corps as part of the Byzantine armed forces. Presumably, this unit consisted of two troops of northern mercenaries with a total number of about 400–800 warriors.

Key words: Byzantium, Rhos, Varangians, hetaireia, military mercenarism.

Citation. Karashayski K.M. Between Rhos and Varangians: Hetaireia of Infantrymen in the Byzantine Imperial Guard in the Last Third of the 10th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 303-309. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.22>

УДК 94(495).02
ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 09.05.2023
Дата принятия статьи: 07.11.2023

МЕЖДУ РОСАМИ И ВАРАНГАМИ: ЭТЕРИЯ ПЕХОТИНЦЕВ В ГВАРДИИ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ X ВЕКА

Кемран Меметович Карашайски

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению этерии пехотинцев – отряда стражи византийских императоров в 970–980-х гг., в который входили наемники из Руси и Скандинавии. *Методы.* Исследование основано на сочетании системного и институционального подходов при анализе византийских и древнеисландских письменных источников, позволяющих установить хронологические рамки существования данного воинского формирования, его состав, структуру и место в развитии и трансформации корпуса иноземных наемников в Византийской империи на протяжении X века. *Анализ.* Подразделение известно по должности его командующего, этериарха пехотинцев (ὁ ἑταιρείάρχης τῶν πεζῶν), упомянутой в «Эскуриальском тактиконе» (970-е гг.). Основные сведения об этерии пехотинцев и связанных с ней иноземных наемных отрядах на византийской службе содержатся в трактате «О церемониях» (963 г.), историческом сочинении Льва Диакона (конец X в.), военном трактате «Об устройстве лагеря» (вторая половина 980-х гг.), а также древнеисландских сагах, таких как «Сага о Храфнкеле Годи Фрейра», «Сага о Финнбоги Сильном», «Сага о Хальфреде Трудном Скальде» и «Сага о Ньяле». *Результаты.* Как показывает проведенное исследова-

ние, этерия пехотинцев была организована в правление императора Иоанна I Цимисхия (969–976) и просуществовала с 970 по 988–989 гг., став одним из этапов формирования так называемого «варяго-русского» корпуса в составе византийских вооруженных сил. Предположительно, данное подразделение состояло из двух отрядов северных наемников общей численностью около 400–800 воинов.

Ключевые слова: Византия, росы, варанги, этерия, военное наемничество.

Цитирование. Карашайски К. М. Между росами и варангами: этерия пехотинцев в гвардии византийских императоров в последней трети X века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 303–309. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.22>

Введение. В последней трети X в. в Византии в составе корпуса императорской стражи появляется новое воинское формирование – этерия пехотинцев. О ее существовании известно по данным «Эскуриальского тактикаона» (970-е гг.), в котором впервые упоминается должность командующего этим подразделением – этериарх пехотинцев (ὁ ἐταρειάρχης τῶν πεζῶν) [28, р. 271]. Еще В.Г. Васильевский убедительно показал, что в качестве пехоты в наемных частях императорского войска выступали отряды росов [2, с. 201–202]. Этот тезис соотносится со сведениями источников и не вызывает возражений со стороны исследователей. Так, издатель тактикаона, Н. Икономидис, предположил, что в состав этерии пехотинцев входили именно воины-наемники из числа росов [28, р. 327–328]. М.В. Бибииков соотнес это подразделение с сообщением Иосифа Генесия (середина X в.) об «этерии скифов из Таврики» / «τοὺς ἐκ Ταυρικῆς καθ’ ἐταρείαν Σκύθας» в 855/856 г. [1, с. 78]. А.М. Филипчук связал появление новой этерии с варяжским отрядом, отправленным в Византию в конце 970-х гг. князем Владимиром Святославичем [15, с. 12]. В свою очередь А.А. Роменский выдвинул предположение, что отправка варягов в 979–980 гг. могла быть вызвана предшествующими договоренностями византийского посольства с Ярополком Святославичем [13, с. 89–91].

Материал и методы. Говоря о формировании и составе этерии пехотинцев, помимо воинов из Восточной Европы – росов (οἱ Ῥῶς), необходимо выделить еще одну группу наемников, которые начали прибывать в империю со второй половины 930-х гг., – выходцев непосредственно из Скандинавии, позднее обозначаемых в Византии термином «варанги» (οἱ Βάρανγοι).

В настоящей работе мы попытаемся охарактеризовать этерию пехотинцев с точки зре-

ния этногеографического состава, структуры и численности этого подразделения, уточнить время его создания и существования, а также обозначить место в развитии корпуса иноземных наемников на службе византийских императоров. Исследование основано на сочетании системного и институционального подходов. Источниковая база представлена нарративными и документальными текстами византийского и древнеисландского происхождения.

Анализ. Активное привлечение на службу в вооруженных силах Византийской империи контингентов иноземных наемников (οἱ ἔθνικοί) – характерное явление для правления императоров Македонской династии (867–1056). Такие отряды служили как в полевых армиях, так и составляли отдельные гвардейские подразделения – так называемые этерии (οἱ ἐταρείες). В середине IX – X в. в числе «иноземцев этерии» / «οἱ ἔθνικοὶ τῆς ἐταρείας» и «людей императора из числа иноземцев» / «βασιλικοὺς ἀνθρώπους ἔθνικοὺς πάντας» значились хазары (οἱ Χάζαροι), фарганы (οἱ Φαργάνοι), венгры (οἱ Τοῦρκοι), арабы (οἱ Ἀγαρηνοί), франки (οἱ Φράγγοι) [21, р. 749, 772].

Формирование подразделения собственно императорской этерии в качестве немногочисленного отряда дворцовой стражи относится к первой трети IX в. и связано с правлением императоров Льва V (813–820) и Михаила II (820–829). В правление Василия I (867–886) этерия была организована в крупный и боеспособный корпус императорских телохранителей, а как минимум к концу первой трети X в. насчитывала порядка 1200 воинов и была разделена на три отряда – великую (ἡ μεγάλη ἐταρεία), среднюю (ἡ μέση ἐταρεία) и третью (ἡ τρίτη ἐταρεία) этерии [12, с. 130–134; 28, р. 327–328], каждая из которых, в свою очередь, состояла из двух тагм (банд), включавших около 200 воинов [31, р. 110]. С начала

X в. на имперскую службу начинают активно приниматься отряды наемников-росов, чье количество и значение в византийской армии на протяжении этого столетия неуклонно растет, вероятно вплоть до формирования из них новой, четвертой этерии.

Упоминание чинов, связанных с командованием пехотными частями, встречается уже в «Клиторологии» Филофея (899 г.). В числе низших рангов здесь обозначены друнгари пехотинцев (οἱ δρουγγάριοι τῶν πεζῶν) [28, р. 161]. Однако идентифицировать их в качестве командующих подразделениями наемных росов едва ли возможно. Первые подобные отряды появляются на византийской службе предположительно в 904–906 гг. [16, с. 103–105] и совершенно точно в 910–911 гг. [23, р. 202–203]. Что касается «этерии скифов из Таврики» в середине IX в., то в них, вероятно, следует видеть хазар [4; 18, р. 45, 56, 64]. По крайней мере, в тексте Генесия нет указаний на то, что это была именно пехотная этерия.

В качестве собственно императорских гвардейцев росы впервые упоминаются в трактате «О церемониях» (963 г.). При приеме арабского посольства из Тарса в 946 г. присутствует отряд «крещеных росов» / «οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς», что «держат щиты и носят свои мечи» / «βαστάζοντες σκουτάρια, φοροῦντες καὶ τὰ ἑαυτῶν σπαθία» [21, р. 579]. Данная формула служит ярким признаком отношения подразделения к императорской страже. В том же отрывке она используется при описании воинов третьей этерии из числа фарганов и хазар – «всех носящих мечи и держащих щиты» / «πάντων φοροῦντων σπαθία καὶ βαστάζόντων σκουτάρια» [21, р. 576]. А.М. Филипчук отнес контингент крещеных росов к числу этерий, предположив, что они составляли одну тагму – 300 человек [14, с. 20–23].

Первое упоминание об этериотах-пехотинцах (οἱ πεζεταίροι), на наш взгляд, следует отнести к сообщению Льва Диакона (конец X в.) о походе императора Иоанна I Цимисхия (969–976) к Доростолу в апреле 971 г.: «пешие этериоты» / «τῶν δὲ πεζεταίρων» [27, р. 140], сопровождавшие императора, захватывают и казнят несколько «тавроскифских» воинов [6, с. 73]. Этот же термин Лев Диакон использует в отношении отдельных контингентов войска князя Святослава Игоревича:

военачальник Икмор сражается во главе «отряда пеших дружинников» / «πεζεταίρων φάλαγγος» [27, р. 149].

Представляется, что наряду с тагмой бессмертных (ἀθανάτων φάλαγγα) в 970 г. императором Иоанном был организован еще один личный отряд – этерия пехотинцев. Она могла быть сформирована на основе тагмы крещеных росов при прибавлении к ним других групп наемников, а также пленников из числа «тавроскифов». Последних должно было быть в избытке после победоносных сражений при Аркадиополе (март 970 г.) и Преславе (апрель 971 г.). Вербовка пленных в императорскую этерию была распространенной практикой. Например, в 968 г. император Никифор II Фока (963–969) сделал своими этериотами венгров, захваченных в ходе их набега на владения империи в Македонии [7, с. 140]. Сам Иоанн использовал для разведки своих воинов, владеющих «скифским» языком [6, с. 58], а также давал пленным «тавроскифам» важные дипломатические поручения [6, с. 72–73].

Варяги, что, согласно известию Повести временных лет под 980 г., были отправлены Владимиром в Византию (конец 970-х гг.), вряд ли были включены в состав этерии пехотинцев. На это ясно указывает совет киевского князя не держать это буйное воинство в Константинополе, рассредоточив его по империи. Скорее всего, варяжский контингент был направлен на службу в азиатских фемах [19, р. 42], для борьбы с восстанием Варды Склира 976–979 гг. и войн с арабами [13, с. 89–90].

Военный трактат «Об устройстве лагеря» (вторая половина 980-х гг.) сообщает, что на марше императора сопровождают его пехотные части: «Пусть император имеет при себе собственных токсотов, если пожелает; пусть при нем будут также росы и малартии» [3, с. 350] / «Ὁ δὲ βασιλεὺς ἐχέτω μεθ' ἑαυτοῦ τοξότας ὄσους ἂν βούληται· ἐχέτω δὲ καὶ Ῥῶς καὶ μαλαρτίους» [30, р. 280–281]. И далее: «пехотинцы, сопровождающие императора, то есть росы, малартии и токсоты» [3, с. 362] / «καὶ μετ' αὐτὰς οἱ μετὰ τοῦ βασιλέως περιπατοῦντες πεζοὶ οἱ τε Ῥῶς καὶ μαλαρτίοι καὶ τοξόται» [30, р. 294–295]. В.В. Кучма полагал, что речь в трактате идет о двух тагмах численностью около 150 человек каждая [3, с. 274–275, 350]. Примечательно, что в императорском лагере

этерии и тагма бессмертных размещались рядом [3, с. 325–326, 331; 30, р. 250–251]. Это дополнительное свидетельство институциональной близости указанных подразделений.

Мы полагаем, что наряду с росами в этерию пехотинцев входил и другой иноземный контингент. К подобному выводу подталкивают три обстоятельства. Во-первых, имперская практика формирования воинских соединений из групп наемников, имеющих общее этническое или географическое происхождение. Таковыми являлись, к примеру, солдаты третьей этерии – тюрки-фарганы (οἱ Φαργάνοι), хазары (οἱ Χάζαροι) и венгры (οἱ Τοῦρκοι) [21, р. 576, 661, 693, 749, 772], а позже – отряды росов (οἱ Ῥῶς), варангов (οἱ Βάραγγοι) и кульпингов (οἱ Κουλίγγοι) [1, с. 155–157, 167; 17, р. 218, 243, 258]. Во-вторых, упоминание наряду с росами отряда неких малартиев (οἱ μαλάρτιοι). И в-третьих, сообщения древнеисландских саг о службе скандинавских наемников в византийских гвардейских подразделениях начиная со второй половины 930-х гг. (см. подробнее: [11, с. 56–64; 19, р. 194–222]).

В 937–944 гг. «ходил под рукой конунга Гарды» / «er handgenginn Garðskonunginum» [11, с. 56–57] Торкель Светлая Прядь, сын Тьостара. Выражение, которым «Сага о Храфнке-ле Годи Фрейра» обозначает службу Торкеля, – «handgenginn» / «приближенный [правителя]» [32, р. 184], как кажется, четко указывает на отношение к элитной императорской части. В этот период исландец мог служить в тагме крещеных росов. То, что Торкель был христианином, опосредованно подтверждает эпизод разграбления и сожжения языческого храма по его приказу [25].

Указание на службу скандинавов непосредственно в дружине византийского императора в первой половине 970-х гг. находим в «Саге о Финнбоги Сильном». Нарратив и хронология саги запутаны и неточны [11, с. 65–66; 19, р. 196]. Однако если исключить из нее явно фантастические элементы и хронологические противоречия, связанные с основным повествованием, то получится, что в правление хладирского ярла Хакона Могучего (970/971–995) при «конунге Йоне» / императоре Иоанне I Цимисхий (969–976) служил норвежский дружинник (hirdmaðr) Берси Белый [22].

Около 970–980-х гг. (до 986 г.), согласно «Саге о Халльфреде Трудном Скальде», в Константинополе побывал Грис Сэмингссон. В империи исландец получил «большие почести» / «miklar sæmdir» [24] и привез с собой «меч, который ему подарил конунг Гарды» / «sverðið það er Garðskonungur hafði gefið honum» [10, с. 429, 432]. Более того, как тонко заметил С. Блендаль, Грис горько оплакивал смерть горячо любимого и почитаемого им предводителя – Иоанна Цимисхия [19, р. 195–196; 24]. Эти детали, на наш взгляд, прямо указывают на близость к императорской особе и, соответственно, на службу Берси Белого и Гриса Сэмингссона в этерии пехотинцев, окруженной особой заботой со стороны ее основателя.

Сообщение «Саги о Ньяле» о службе Кольскегга Хамундарсона четко обозначает рубеж ликвидации этерии пехотинцев и создания «варяго-русского» корпуса. Кольскегг отправляется с Руси в Константинополь около 988–989 годов. Вероятно, он мог войти в состав шеститысячного контингента, отправленного князем Владимиром Святославичем императору Василию II (976–1025). В Византии исландец становится «предводителем войска вэрингов» / «var höfðingi fyrir væringjaliði» [20]. Это первое обозначение службы наемника-скандинава с использованием терминов «вэринг» (væringi) и «войско вэрингов» (væringjalið) [9, с. 161].

В 988–989 гг. на основе полученного от киевского князя воинского контингента императором Василием II организовывается то, что в историографии принято называть «варяго-русский» корпус или, как предложил О.М. Луговой, «росская мира» [8, с. 14]. Согласно «Хронографии» Михаила Пселла, к отряду «тавроскифов» была присоединена «других наемников соединенная сила» / «ξενικὴν ἐτέραν ξυλλοχισάμενος δύναμιν» [13, с. 315]. Под ними следует понимать именно этерию пехотинцев, так как едва ли в состав корпуса, вопреки практике формирования однородных иноэтнических подразделений, могли быть включены воины иного этногеографического происхождения.

Скандинавские воины из Восточной Европы, служившие в составе этерии, назывались хорошо знакомым византийцам

именем «росы». Но мог ли существовать иной термин для обозначения этериотов, являющихся выходцами непосредственно из Скандинавии, до того, как в конце X – начале XI в. сформировалось и вошло в употребление понятие «варанги» [8, с. 10]? Обратим внимание на форму, что используется в трактате «Об устройстве лагеря»: «росы и малартии» / «Ῥῶς καὶ μαλάρτιοι». Подобное выражение, с одновременным указанием на этногеографическую и профессиональную принадлежность, имеется в «Советах и рассказах» Кекавмена: «росы и варанги, контараты и моряки» / «Ῥώσους καὶ Βαράγγους κονταράτους τε καὶ πλοῖμους» [5, с. 192–193].

Термин «малартии» чрезвычайно редкий. Он встречается, собственно, только в трактате «Об устройстве лагеря» и императорских хрисовулах 1074 и 1079 годов. Н. Икономидис считал, что это была категория солдат, вооруженных палицами или булавами (от латинского *malleus* – молот; *malleator* – молотобоец). Эти воины могли быть схожи с другими булавоносцами – матзукатами [29, р. 115–116] и манглавитами [12, с. 125]. Отметим, что уже в первой половине XI в. титула манглавита могли быть удостоены иноземные наемники. В частности, его получил будущий норвежский конунг Харальд Сигурдарсон [5, с. 298–301]. Дж. Деннис полагал, что малартии сходны с контаратами и имели на вооружении копья, мечи и щиты. По мнению исследователя, они, как и росы, составляли отряд силой в одну тагму, то есть около 300–500 воинов [30, р. 283].

Крайне осторожно укажем на еще один вариант трактовки. Термин «μαλάρτιοι» может быть связан с древнеисландским *máli*: 1) договор, соглашение; 2) солдатская плата. Отсюда: *ganga á mála* – пойти на службу [к иностранному правителю], *málagipt* / *málagjof* / *málagjöld* / *málagull* / *málasilfr* – плата за военную службу, *málamaðr* – человек, получающий жалованье, солдат, наемник [32, р. 289]. В данном случае «*máli*» представляется сущностно близким древнерусскому «ряд» (договор, соглашение) и древнескандинавскому «*vátg*» (верность, обет, клятва) [9, с. 163]. Тогда под малартиями следовало бы понимать скандинавов-наемников, не относящихся к числу росов и заключивших с империей отдельный договор

о службе, вследствие чего обозначавших себя как «наемники» / «*málamenn*», что и было воспринято византийцами.

Организационная структура этерии пехотинцев должна была соответствовать третьей этерии, также состоявшей из иноземных наемников [31, р. 110]. Следовательно, под началом этериарха пехотинцев, предположительно, находились две тагмы (банды) численностью в 200–400 воинов каждая и командующие ими комиты этерии (οἱ κόμητες τῆς ἐταιρείας) или οἱ ἐπί τῆς ἐταιρείας. Общая численность этерии пехотинцев, таким образом, составляла 400–800 воинов, что соотносится с данными источников о дружинах скандинавских наемников на византийской службе в X – первой половине XI в. [5, с. 298–299; 23, р. 202–203, 212–213, 218–219; 26, р. 367–368].

С сожалением приходится констатировать факт отсутствия сфрагистического материала: печатей этериархов пехотинцев, архонтов этерии или этериотов-пехотинцев на сегодняшний день нам неизвестно. Это, впрочем, может служить дополнительным подтверждением нашего вывода о краткосрочности периода существования данного подразделения.

Результаты. Этерия пехотинцев была организована около 970 г. в качестве отряда личной стражи при императоре Иоанне I Цимисхий (969–976) и просуществовала не более двух десятилетий – с 970 по 988–989 годы. В ее состав вошли как уже пребывающие на службе росы, так и новые группы воинов с территорий Руси и Скандинавии – вольные отряды наемников и пленные, попавшие к византийцам в результате русско-византийской войны 970–971 годов. В конце 980-х гг. подразделение вошло в состав «варяго-русского» корпуса, организованного императором Василием II (976–1025). Исходя из этого, линия развития подразделений северных наемников в составе гвардейских частей византийских вооруженных сил X в. выстраивается следующим образом: тагма крещеных росов (вторая половина 930-х гг. – 970 г.) – этерия пехотинцев (970 г. – конец 980-х гг.) – «варяго-русский» корпус (с 988–989 гг.).

REFERENCES

1. Bibikov M.V. *Byzantinorossica III. Svod vizantiyskikh aktovykh svidetelstv o Rusi*

[Byzantinorossica III. Corpus of Byzantine Testimonies About Rus’]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2018. 304 p.

2. Vasilevskiy V.G. Varyago-russkaya i varyago-angliyskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vekov [Varangian-Russian and Varangian-English Squad in Constantinople of the 11th and 12th Centuries]. *Trudy V.G. Vasilevskogo. T. 1* [Works of V.G. Vasilevsky. Vol. 1]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. Nauk Publ., 1908, pp. 176-377.

3. Kuchma V.V., ed. *Dva vizantiyskikh voennykh traktata kontsa X v.* [Two Byzantine Military Treatises from the Late 10th Century]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2002. 412 p.

4. Karashayski K.M. «Eteriya skifov iz Tavriki»: k istoriografii voprosa [Hetaireia of the Scythians from Taurica: To the Historiography of the Question]. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf.* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Proceedings of the 6th International Scientific Conference]. Moscow, IV RAN, 2022, pp. 221-224.

5. Litavrin G.G., ed. *Kekavmen. Sovety i rasskazy* [Kekaumenos. Strategikon]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2003. 711 p.

6. Kopylenko M.M., ed. *Lev Diakon. Istoriya* [Leo the Deacon. The History]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 239 p.

7. Dyakonov I.V., ed. *Liutprand Kremonskiy. Antapodosis. Kniga ob Ottone. Otchet o posolstve v Konstantinopol* [Liutprand of Cremona. Antapodosis. Book About Otto. Report on the Mission to Constantinople]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2006. 191 p.

8. Lugovyi O.M. *Rosy ta varangy u Vizantii X–XII st.: formuvannia ta strukturna rol naimanogo viiskovogo kontingentu: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Rhos and Varangians in Byzantium During the 10th–12th Centuries: The Formation and Structural Role of a Mercenary Contingent. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Odessa, 2008. 19 p.

9. Melnikova E.A. Varyagi, varangi, veringi: skandinav na Rusi i v Vizantii [Varangians, Varangs, Varings: Scandinavians in Russia and Byzantium]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika]. Moscow, Nauka Publ., 1998, vol. 55 (80), pt. 2, pp. 159-164.

10. Melnikova E.A. Epokha knyazya Vladimira v drevneislandskoy literature [The Age of Prince Vladimir in Old Icelandic Literature]. *Rus epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov, kultura: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 14–16 okt. 2015 g.)* [Rus’ of the Age of Vladimir the Great: State, Church, Culture. Proceedings of

the International Scientific Conference (Moscow, October 14–16, 2015)]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2017, pp. 410-441.

11. Melnikova E.A. «On byl v Griklande predvoditelem voiska»: skandinav v Vizantii [“He Was in Greece, the Commander of the Retinue”: A Scandinavian in Byzantium]. *Almanakh severoevropetskikh i baltiyskikh issledovaniy* [Nordic and Baltic Studies Review]. Petrozavodsk, Petrozavodskiy gos. un-t Publ., 2022, no. 7., pp. 47-94. DOI: <http://dx.doi.org/10.15393/j103.art.2022.2322>

12. Mokhov A.S. *Dvortsovaya strazha v Vizantii pervoy poloviny IX veka: manglavity i imperatorskaya eteriya* [Palace Guard in Byzantium in the First Half of the 9th Century: Manglabites and Imperial Hetereia]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2016, vol. 44, pp. 124-136. DOI: 10.15826/adsv.2016.44.007

13. Romenskiy A.A. *Imperiya romeev i «tavroskify»*. *Ocherki russko-vizantiyskikh otnosheniy posledney chetverti X v.* [The Empire of Rhomaioi and “Tauroscythians”. Essays on Rus’-Byzantine Relations in the Last Quarter of the 10th Century]. Kharkov, Maidan Publ., 2017. 340 p.

14. Filipchuk O.M. Skilky koshtuvav ruskyi naimanets u Vizantii v X st.? [How Much Cost a Russian Mercenary in Byzantium in the 10th Century?]. *Ruthenica*, 2008, vol. 7, pp. 7-29.

15. Filipchuk O.M. *Rusi sered «viisk narodiv» u Vizantii IX–XI st.: naimantsi ta soiuzniki: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Rus’ Among the “Armies of Ethnikoi” in Byzantium of the 9th–11th Centuries: Mercenaries and Allies. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Chernivtsi, 2010. 22 p.

16. Shchhavelev A.S. *Khronotop derzhavy Ryurikovichy (911–987 gody)* [Chronotope of the Rurikid Polity (911–987)]. Moscow, Akvilon Publ., 2020. 560 p.

17. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., eds. *Actes de Lavra. Première partie: Des origines à 1204*. Paris, Éditions P. Lethielleux, 1970. 447 p.

18. Ahrweiler H. Les relations entre les byzantins et les russes au IX siècle. *Bulletin d’information et de coordination de l’Association internationale des études Byzantines*, 1971, no. 5, pp. 44-70.

19. Blöndal S. *The Varangians of Byzantium: An Aspect of Byzantine Military History*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 242 p.

20. Brennu-Njál’s saga. 81. kafli: Brennu-Njál’s saga. *The Icelandic Saga Database*. URL: https://www.sagadb.org/brennu-njals_saga.is

21. Reiskius I.I., ed. *Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae byzantinae libri duo. Vol. 1*. Bonna, Weber, 1829. 807 p.

22. Finnboga saga ramma. 18. kafli: Finnboga saga ramma. *The Icelandic Saga Database*. URL: https://www.sagadb.org/finnboga_saga_amma.is

23. Haldon J.F. Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies. *Travaux et mémoires*, 2000, vol. 13, pp. 201-352.

24. Hallfreðar saga vandræðaskálds. 3. kafli; 10. kafli: Hallfreðar saga vandræðaskálds. *The Icelandic Saga Database*. URL: https://www.sagadb.org/hallfredar_saga_vandraedaskalds

25. Hranfinkels saga Freysgoða. 15. kafli: Hrafinkels saga Freysgoða. *The Icelandic Saga Database*. URL: https://www.sagadb.org/hranfinkels_saga_freysgoda

26. Thurn I., ed. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. Berlin, De Gruyter, 1973. 580 p.

27. Hasius C.B., ed. *Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem*. Bonna, Weber, 1828. 624 p.

28. Oikonomidès N. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris, Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 403 p.

29. Oikonomidès N. *Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe-XIe s.)*. Athènes, Fondation nationale de la recherche scientifique, Institut de recherches byzantines, 1996. 321 p.

30. Dennis G.T., ed. *Three Byzantine Military Treatises*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1985. 380 p.

31. Treadgold W.T. *Byzantium and Its Army, 284-1081*. Stanford University Press, 1995. 250 p.

32. Zoëga G.T. *A Concise Dictionary of Old Icelandic*. Oxford, The Clarendon Press, 1910. 553 p.

Information About the Author

Kemran M. Karashayski, Postgraduate Student, Department of Archeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, kemkarr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5022-6354>

Информация об авторе

Кемран Меметович Карашайски, аспирант кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, kemkarr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5022-6354>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.23>

UDC 94“1341/1347”:355.426
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2023
Accepted: 07.11.2023

**THE TOOLS OF THE STRUGGLE FOR POWER
OF THE CONSTANTINOPLE TRIUMVIRATE AND JOHN KANTAKOUZENOS
IN THE CIVIL WAR OF 1341–1347 ¹**

Anastasiya V. Zykova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* As part of the study of the types of non-military measures used by the Constantinople triumvirate (basilissa Anna of Savoy, megas doux Alexios Apokaukos, and patriarch John XIV Kalekas) and John Kantakouzenos during the civil war of 1341–1347, their significance for the course and end of this internal conflict is clarified. The relevance of this work is determined by the insufficient coverage of this aspect in historiography and is also related to the broader topic of the use of non-military measures in various historical periods. *Methods and materials.* This work is based on the basic principles (historicism, determinism, and objectivity) and methods (historical-comparative, historical-systemic, and historical-genetic) of historical science. *Analysis.* Based on the analysis of written sources, four types of non-military measures are identified: psychological, political-diplomatic, socio-economic, and ideological measures. We found out that the representatives of the Constantinople triumvirate resorted to all of the above groups of measures, while Kantakouzenos was able to use only two of them. *Results.* At the end of the work, it was concluded that non-military measures determined the sluggish nature of the conflict and played an important role in the civil war of 1341–1347. In addition, this internal conflict in Byzantium, in our opinion, represents a striking example of medieval hybrid warfare.

Key words: John VI Kantakouzenos, Nicephorus Gregoras, Alexios Apokaukos, Anna of Savoy, John XIV Kalekas, internal conflicts in Byzantium, Byzantine civil war of 1341–1347, hybrid warfare.

Citation. Zykova A.V. The Tools of the Struggle for Power of the Constantinople Triumvirate and John Kantakouzenos in the Civil War of 1341–1347. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 310-319. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.23>

УДК 94“1341/1347”:355.426
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2023
Дата принятия статьи: 07.11.2023

**ИНСТРУМЕНТАРИЙ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ТРИУМВИРАТА И ИОАННА КАНТАКУЗИНА
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1341–1347 ГОДОВ ¹**

Анастасия Валерьевна Зыкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В рамках исследования видов невоенных мер, применяемых константинопольским триумвиратом (василисса Анна Савойская, великий дука Алексей Апокавк и патриарх Иоанн XIV Калека) и Иоанном Кантакузином в ходе гражданской войны 1341–1347 гг., выясняется их значимость для хода и окончания этого внутреннего конфликта. Актуальность нашей работы определяется недостаточной освещенностью данного аспекта в историографии, а также связана с более широкой темой применения невоенных мер в различные исторические периоды. На основе анализа письменных источников выделены четыре типа невоенных

мер: психологические, политико-дипломатические, социально-экономические и идеологические. Мы выяснили, что представители константинопольского триумvirата прибегали ко всем вышеуказанным группам мер, в то время как Кантакузин имел возможность применять только две из них. В конце работы был сделан вывод, что невоенные меры определили вялотекущий характер конфликта и сыграли не последнюю роль в гражданской войне 1341–1347 годов. Кроме того, этот внутренний конфликт в Византии, на наш взгляд, представляет собой яркий пример средневековой гибридной войны.

Ключевые слова: Иоанн VI Кантакузин, Никифор Григора, Алексей Апокавк, Анна Савойская, Иоанн XIV Калека, внутренние конфликты в Византии, гражданская война 1341–1347 гг., гибридная война.

Цитирование. Зыкова А. В. Инструментарий борьбы за власть константинопольского триумvirата и Иоанна Кантакузина в гражданской войне 1341–1347 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 310–319. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.23>

Введение. Поздневизантийский период был временем нестабильности и постоянных военных конфликтов. Периодические гражданские войны первой половины XIV в. в значительной мере подорвали социально-экономическое и военно-политическое состояние империи. Наиболее катастрофической как для внутри-, так и для внешнеполитического положения Византии была гражданская война 1341–1347 годов. Несмотря на свою масштабность и разрушительность, этот конфликт не отличался большим количеством боестолкновений, а так называемые невоенные меры зачастую превалировали над военными. Первыми к таким мерам стали прибегать члены константинопольского триумvirата (василисса Анна Савойская, великий дука Алексей Апокавк и патриарх Иоанн XIV Калека), которые посредством их применения хотели ослабить положение своего противника – Иоанна Кантакузина – в византийском обществе и подорвать его военную мощь, тем самым окончательно отстранив его от власти. К невоенным мерам обращался и сам Кантакузин, который стремился с их помощью приблизиться к императорскому престолу и заполучить желаемое регентство над малолетним наследником престола Иоанном V Палеологом.

Несмотря на то что положение триумvirата в начале гражданской войны было более выигрышным, чем положение Кантакузина, его представители постоянно изыскивали дополнительные способы борьбы против своего противника. Они начали прибегать к ним незадолго до начала вступления конфликта в открытую фазу (26 октября 1341 г.), когда в столице бушевали политические интриги и шло формирование противоборствующих сторон, и не переставали их использовать до вхо-

да Кантакузина в Константинополь (3 февраля 1347 г.). Ни один из участников триумvirата не оставался в стороне. Наиболее активным являлся, несомненно, Апокавк, действия которого позволили на первых этапах войны (до лета 1343 г.) обеспечивать превосходство столицы над кантакузинистами и привлекать на сторону регентского совета различные категории населения и потенциальных союзников. Анна и Калека также использовали те инструменты, что имелись в их распоряжении. До убийства Апокавка они играли в войне относительно скромную роль [8, с. 121], оказывая ему содействие по мере своих возможностей, однако после 11 июня 1345 г. василисса фактически единолично продолжила борьбу с Кантакузином при помощи невоенных мер (насколько это было возможно на заключительном этапе конфликта).

Кантакузин начал прибегать к невоенным мерам со второго периода гражданской войны (июль 1342 г.), то есть после своего вынужденного побега из Византии к сербскому кралю Стефану Душану. Уже на территории Сербии он стал искать дополнительные способы борьбы с триумvirатом и применял их вплоть до своей окончательной победы [15, р. 585; 18, р. 776]. В империи Кантакузину оказывала поддержку его супруга Ирина [20, р. 72–73], которая стремилась различными способами удерживать старых или привлекать новых союзников.

Методы и материалы. Данная работа базируется на основных принципах (историзма, детерминизма и объективности) и методах (историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический) исторической науки, которые позволили рассмотреть виды невоенных мер, применяемых регентс-

ким советом и Кантакузином в ходе гражданской войны 1341–1347 гг., а также определить их значимость для ее хода и окончания.

Источниковая база настоящего исследования достаточно обширна. Она включает в себя нарративные сочинения (истории Никифора Григоры [18] и Иоанна Кантакузина [15]), агиографические (житие Саввы Ватопедского [30]) и риторические источники (энкомий Паламе [22]), актовый материал (четыре хрисовула Иоанна V [10, № 123, 124, 127; 11, № 8]). Отметим, что часть актового материала не сохранилась, поэтому мы привлекаем к нашему исследованию их каталоги – регесты (византийские [16; 24] и венецианские [25]). Также в работе используются источники западного происхождения – два официальных письма папы Клементя VI, адресованные Иоанну V и Анне [12].

Внутренним конфликтам в Византии в первой половине XIV в., в особенности гражданской войне 1341–1347 гг., посвящено значительное количество общих и специальных работ (к примеру: [4; 8; 13; 17; 19; 28]), однако исследования, в которых бы комплексно рассматривались невоенные меры этого периода, практически отсутствуют. Кроме того, проблема данного изыскания связана с более широкой темой применения невоенных мер в различные исторические периоды, однако следует отметить, что гражданские войны в Византии никогда не изучались в подобном ключе: такой способ ведения войны в целом считается более подходящим к истории нового и новейшего времени, нежели к эпохе средневековья².

Анализ. Стоит отметить, что мы понимаем под понятием «невоенные меры» – совокупность конкретных действий во внутренней и внешней политике, которые осуществляются государством (в отношении внешних конфликтов) или противоборствующими сторонами внутри государства (в отношении внутренних конфликтов) в тех случаях, когда необходимо дополнить или усилить деятельность, относящуюся к военной политике. Невоенные меры предназначены для привлечения на свою сторону дополнительных сил (союзников, наемников), уменьшения возможностей противника (лишение его доступа к ресурсам (экономическим или военным), изоляция, создание негативного образа политического противника

и т. д.), иные способы устранения угроз (договоры, соглашения и т. д.) и др.

В источниках представлено значительное количество невоенных мер, применяемых как триумвиратом, так и Кантакузином, которые можно представить в виде следующей типологии:

1. Психологические меры нацелены на подрыв психологического и эмоционального состояния противника. Этот тип невоенных мер реализовывался исключительно представителями константинопольского триумвирата в первые годы гражданской войны. Кантакузин, ввиду его положения и долгого отсутствия в империи, не имел возможности применять этот способ борьбы со своими противниками.

Константинопольское правительство, прежде всего в лице Апокавка, стремилось заставить Кантакузина отказаться от регентства над малолетним наследником престола Иоанном V и, таким образом, от его стремления участвовать в государственных делах империи. Для этого оно еще до вступления внутреннего конфликта в открытую фазу начало прибегать к психологическим невоенным мерам. Одним из наиболее ярких примеров здесь могут выступать события октября 1341 г., когда Апокавок заключил в тюрьму членов семьи Кантакузина – его мать Феодору, младшего сына Андроника и Ирину, жену его сына Матфея [18, р. 609¹⁰; 15, р. 136^{18–20}; 19, р. 32, 129]. В результате подобных действий Феодора скончалась в заточении 6 января 1342 г., что Кантакузин в своем сочинении интерпретирует как унижение (буквально: подвергся «и прочему дурному обращению» (καὶ ἄλλῃ κακῳσει) [15, р. 327^{5–6}] и «совершали в отношении его многие чудовищные дерзости» (καὶ πολλῶν ἀτόπων ἄλλων ἐφ’ ὕβρει ἐκείνου εἰργασμένων) [15, р. 327^{6–7}]).

На всем протяжении гражданской войны многие родственники, друзья и сторонники Кантакузина также подвергались жестокому обращению – их бросали в тюрьмы (δεσμωτήρια τε ψκουν [15, р. 325^{3–4}], εἰρκταῖς τισι ζοφεραῖς ἐγκλείσας [18, р. 607^{5–6}]), пытали и жестоко издевались над ними ([18, р. 620^{13–15}]; см. также [28, р. 67, 72]). Такому отношению были подвергнуты Константин (в 1342 г.) и Михаил Асаны [23, № 1504, 1513], Михаил Вриенний [23, № 3262; 15, р. 343], Никифор

Кантакузин [23, № 10986], Димитрий Кавасила [23, № 10084], Константин Палеолог [23, № 21494], Арсений Цамплакон [23, № 27752], Сиралис [23, № 27160], некая Асанина [23, № 1520], а также светские и духовные представители многих посольство Кантакузина в Константинополь – Димитрий Сгуропул [23, № 25015, 15, р. 140], Иоанн Пофос [23, № 23447], Димитрий Касандрин [23, № 11315; 15, р. 192], Ласкарис [23, № 14515; 15, р. 192], афонские монахи – настоятель монастыря Гавры [15, р. 140], протоиерей Исаак и преподобный Савва [30, р. 293; 7, с. 65]. Апокавк и Калека заключали в тюрьмы не только послов, но и даже тех, кто доставлял в столицу письма от Кантакузина к императрице, в которых он говорил о своей невинности и просил вступить в переговоры и прекратить внутренний конфликт [16, № 2219; 15, р. 141, 183; 17, S. 155; 18, р. 615–616]. Аресту также подлежали и те, кто доставлял письма от Кантакузина его сторонникам [16, № 2219].

Еще один способ психологического воздействия заключался в том, что Апокавк, разослав царские грамоты во все города, назвал Кантакузина врагом (πολέμιον [15, р. 144²; 28, р. 67]), тем самым оказывая давление на его предполагаемых сторонников. В связи с такими действиями значительная часть аристократии отказывалась поддерживать Кантакузина (особенно в первые несколько лет конфликта) и целенаправленно переходила на сторону столицы, чтобы не попасть под подозрение (μή παρὰ τοῖς ἄρχουσι Ῥωμαίων ὑποπτεύεσθαι [15, р. 198^{10–11}]), не подвергнуться издевательствам, публичному унижению и разграблению своего имущества³ [15, р. 241^{19–22}; 29, S. 34]. Репрессивные меры являлись действенным инструментом борьбы с Кантакузином.

2. Социально-экономические меры включают в себя лишение противника доступа к ресурсам (деньгам, продовольствию), нанесение ему экономического ущерба, разорение имущества противника и его сторонников, подстрекательство к бунтам. Этот тип невоенных мер также реализовывался в основном представителями константинопольского триумvirата, Кантакузин же смог применить его лишь единожды.

Сторонниками Кантакузина являлись в основном представители знати, обладавшие

значительным состоянием. Апокавк, понимая настроения народных масс и их ненависть к крупной земельной аристократии [4, с. 137; 8, с. 125], подстрекал население грабить дома и разорять имущество друзей и родственников Кантакузина (καθαίρεσιν σφῶν ἡκηκόεισαν, καὶ ἀπαγωγὴν καὶ δήμευσιν τῶν οἰκείων [18, р. 608²⁴–609¹]; см. также [13, р. 535]), а также выступать против них и поднимать восстания (ἀνασεῖσαι τὸν ὄχλον διὰ τῶν δημάρχων, καὶ ἀναφλέξει τὴν ἄλογον καὶ ἀταμίευτον τοῦ δήμου [18, р. 608^{11–13}]). Все это привело к социальным волнениям во Фракии (Анастасиополь, Адрианополь), Македонии (Серры, Фессалоники) и европейской части (Константинополь) империи, где во главе мятежей стояли сторонники регентского совета⁴, которые призывали лишить аристократию всего того, что они получили за счет угнетения δήμος. Выступления городских масс на этих территориях, спровоцированные триумvirатом и Апокавком в частности, были выгодны столице, поскольку неугодные Константинополю наместники стратегически значимых городов империи насильственно смещались со своих постов, а их место занимали сторонники триумvirата⁵, что в свою очередь могло гарантировать верность этих городов регентскому совету. Глубокие социальные противоречия в византийском обществе Константинополь использовал в своих интересах, что в конечном счете привело на некоторое время к утрате Кантакузином поддержки на этих территориях.

Многие земельные владения кантакузинистов были конфискованы представителями триумvirата и их сторонниками⁶ не только в столице, но и других крупных городах империи, а затем распределены между ее жителями [18, р. 610^{1–2}; 15, р. 192]. Подобные действия коснулись и имущества самого Кантакузина и его матери Феодоры (μετὰ δὲ τοῦτο καὶ τοὺς φίλους καὶ συνήθεις διερευνώμενοι τοὺς μεγάλου δομεστίκου [15, р. 165^{12–13}] и πρὸς τὴν οἰκίαν ἀφῆκτο τὴν μεγάλου δομεστίκου καὶ διαρπάζειν ἐκέλευς τὰ ὄντα καὶ τὴν οἰκίαν καταστρέφειν [15, р. 137^{10–11}]; см. также [13, р. 535]). Из источников мы знаем, что семья Кантакузина обладала большим состоянием до 1340-х годов. Впрочем, в результате целенаправленного грабежа его владений со стороны сторонников константинопольского три-

умвирата, большую часть имущества, вероятно, он и его семья утратили [18, p. 609¹⁰⁻¹¹; 15, p. 184²²⁻²³–185¹⁻¹¹; 17, S. 126]. Следует предположить, что собственность Кантакузина была разграблена в значительной степени и в других областях империи. Все эти действия со стороны столицы подорвали экономическую мощь сторонников Кантакузина и его самого и лишили их социальной опоры, что вынудило последнего бежать в Сербию и изыскивать новые способы оплаты услуг потенциальных союзников.

Из источников нам известно, что Кантакузин также смог прибегнуть к социально-экономическим мерам. После захвата Гратианополя в 1344 г. [26, S. 276] он конфисковал все имущество наместника этого города Ангелици [23, № 155] и потратил его на выплаты туркам [15, p. 426]. Вероятнее всего, Кантакузин использовал эту меру не раз во многих городах империи, которые он захватывал или которые добровольно переходили на его сторону.

3. Политико-дипломатические меры направлены на поиск новых союзников и одновременно лишение противника уже имеющихся в его распоряжении союзных сил, ослабление его военной мощи. Это самая многочисленная и разнообразная группа, в которой следует выделить: меры по поиску союзников внутри византийского общества и меры, направленные на привлечение потенциальных союзников со стороны иностранных государств, в том числе заключавшиеся в переманивании их из лагеря противника.

Меры по поиску союзников внутри византийского общества. На первом этапе гражданской войны представители триумвирата прибегали только к этой группе мер, поскольку они стремились заручиться поддержкой среди византийского населения, прежде всего представителей аристократии, обеспечить их лояльность и укрепить их связь с Константинополем. Для этого они обещали всем, кто присоединится к ним, различные привилегии – новые источники доходов, земельные владения, должности, титулы, которые приблизили бы их к императорской фамилии [18, p. 610⁵⁻⁶]. К примеру, согласно хрисовулам Иоанна V от 1344 и 1345 гг. Иоанн Хумн и Андрей Палеолог получили большие земельные наделы за свою преданность ([11,

p. 22–23; 10, p. 26–28]; также см.: [24, № 2900 и 2907]). Регентский совет активно применял практику раздачи новых назначений «в награду за благосклонность» (εὐνοίας ἄθλον [15, p. 139³⁻⁴]) верным сторонникам династии Палеологов или же переманивал таким образом друзей и родственников Кантакузина: более высоких почестей были удостоены Мануил Гавала [23, № 3309; 15, p. 138, 139], Иоанн Гавала [23, № 93286; 15, p. 118; 18, p. 696²⁰⁻²²], Михаил Мономах [23, № 19306; 15, p. 381], Иоанн Ватац [23, № 2518; 15, p. 180], Андроник Палеолог [23, № 21433; 15, p. 218], Ги де Лузиньян [15, p. 191–192], Георгий Хумн [23, № 30945; 15, p. 218], Константин, Исаак и Андроник Асаны [23, № 1504, 1494, 1489; 15, p. 116, 125, 185, 218]. Наиболее верные Иоанну V получили свое повышение в день коронации молодого императора – 19 ноября 1341 года.

Подобную политику триумвират в лице патриарха распространял и на представителей церкви. Те, кто продолжал поддерживать Кантакузина, снимались со своих постов, а на их место возводились сторонники Палеолога (и, что немаловажно, антипаламиты). Лазарь, патриарх Иерусалимский, за свою приверженность кантакузинистам был низложен со своего поста, а на его место поставлен Герасим [16, № 2220; 5, с. 96]. Калека назначал на высшие церковные посты в крупные города империи, помимо своих приверженцев, также и тех, кто изначально поддерживал Кантакузина, но впоследствии переходил на сторону столицы. К примеру, после предательства Кантакузина Макарий [23, № 92599; 30, с. 293, сфм. 512; 16, № 2228] был поставлен во главе митрополичьей кафедры в Фессалониках [15, p. 212¹⁸⁻²⁰].

Для привлечения на свою сторону представителей военной аристократии, в том числе и родственников Кантакузина, триумвиратом применялись и другие инструменты. К примеру, тесть Кантакузина Андроник Асан решил не оказывать поддержку своему зятю по причине того, что он отказался освободить из тюрьмы его сыновей, в то время как Апокавк согласился выполнить эту просьбу, в результате чего приобрел достаточно сильного сторонника [15, p. 112–116; 24, № 2871; 29, S. 33]. Впрочем, Апокавк не успел освободить Мануила и Иоанна Асанов из темницы и переманить их на свою сторону. Его опередила

Ирина Кантакузина, обеспечив своего мужа сильными и верными союзниками ⁷ [18, р. 625²³⁻²⁴–626¹⁻³; 15, р. 161].

Впрочем, Кантакузин и его сподвижники также изыскивали способы применения и других политико-дипломатических мер внутри византийского общества. Его супруга тратила оставшиеся у их семьи денежные средства на оказание помощи тем друзьям и родственникам, имущество которых подверглось разграблению со стороны триумvirата и которые не перешли на сторону столицы [18, р. 625]. Такие действия со стороны Ирины, на наш взгляд, должны были показать преданность семьи Кантакузина своим сторонникам и способствовать укреплению связей между ними.

Кантакузин также использовал систему поощрений, заключавшуюся в раздаче титулов и должностей. Несмотря на то что он в период гражданской войны формально не являлся императором, тем не менее все привилегии, дарованные им своим сторонникам, оставались у их получателей и не были отняты триумvirатом. К примеру, Иоанн Ангел [23, № 204, 91038; 15, р. 319–322] являлся наместником Фессалии (1342–1348) на всем протяжении внутреннего конфликта, а Ватац получил более высокий титул, в результате чего и перешел на сторону Кантакузина, и сохранял его до своей смерти ⁸ [23, № 2518; 15, р. 476]. Следует предположить, что после того как почти вся территория Фракии и Македонии была завоевана Кантакузином (начиная с лета 1343 г. в армии последнего находились боеспособные турецкие отряды [18, р. 741; 15, р. 498, 546; 2, с. 41–42]), он даровал новые должности своим сподвижникам и в этих областях ⁹. Практику новых назначений Кантакузин использовал в целях закрепления за собой стратегически значимых территорий и одновременно ослабления своих противников.

Меры, направленные на привлечение потенциальных союзников со стороны иностранных государств. Представители триумvirата также стремились заручиться поддержкой иностранных государств или же предпринимали попытки лишить Кантакузина его союзников. Для этого представители регентского совета изыскивали различные меры дипломатического воздействия для достижения своих собственных целей: отправляли

предложения о заключении династических браков (такой союз был заключен в 1343 г. между сестрой Иоанна V и сыном сербского краля и будущим наследником престола Стефаном Урошем V [18, р. 642¹⁻¹⁰; 8, с. 43; 9, с. 153]) или церковной унии с латинянами (Константинополь вел переговоры с папой Клементом VI о союзе в 1343 г.) [15, р. 540¹⁻⁷; 12, по. 466, 490; 24, № 2890]. Регентский совет, в частности василисса Анна, убеждал главу римско-католической церкви, что после того, как он поможет им справиться с Кантакузином и его союзниками турками, они открыто выкажутся за римское вероучение и заставят все византийское население принять его (αὐτῆς αὐτίκα τὰ τῆς Ῥωμαίων ἀποστολικῆς ἐκκλησίας πρεσβευσούσης φανερώς καὶ τοῖς ἄλλοις ὑφηγησομένης [15, р. 539²²⁻²⁴]). Триумvirат применял также инструменты финансового поощрения, чтобы иностранцы выступили на стороне столицы или же перестали оказывать поддержку Кантакузину и покинули его войско. Анна преподносила щедрые подарки Орхану, правителю османов, за союз против Кантакузина [15, р. 498¹¹⁻¹⁵; 18, р. 762¹⁸⁻²⁰; 24, № 2904]. Такие же предложения она не раз отправляла в бейлики Карасы и Сарухан, обещая им в обмен на вооруженный союз крупные суммы денег и давая разрешение на грабеж византийских территорий [18, р. 763¹⁵⁻²⁰; 15, р. 584–585, 591–592, 593; 24, № 2902, 2906, 2912]. Также императрица обращалась за помощью к венецианцам, прося у них помощи против турок и требуя их отправить посольство в Сербию, с целью убедить краля отказаться от поддержки Кантакузина [24, № 2888; 25, № 155]. Отметим, что Апокавк несколько раз отправлял и сербам различные подарки, требуя от них взамен выступить на стороне Константинополя [15, р. 362, 373]. Желая избавиться своего соперника от боеспособных турецких отрядов, василисса Анна выплатила Умуру, правителю бейлика Айдын, 10 тыс. золотых, чтобы он вернулся в Смирну [18, р. 694⁹⁻¹¹; 2, с. 39–40]. Еще одна мера по привлечению иностранцев во внутривизантийские дела империи заключалась в жаловании наемникам титулов и привилегий – болгарин Момчил получил от Анны титул деспота [18, р. 704²⁰⁻²¹].

Стремясь одержать победу над Кантакузином, триумvirат несколько раз прибегал

к предложениям непосредственной передачи иностранным государствам собственных территорий в Македонии и Родопских горах в обмен на потенциальную военную помощь. Сербскому кралю они предлагали земли вплоть до Христополя [18, р. 642¹⁰⁻¹⁵; 15, р. 306³⁻⁶], а болгарскому правителю было передано 9 городов вокруг Стенимаха и Цепайны [15, р. 406¹⁸⁻²²].

Однако отметим, что и сами кантакузинисты прибегали к «торговле» византийскими территориями или закрывали глаза на их планомерный захват в обмен на поддержку со стороны соседних государств. Болгарскому царю Ирина Кантакузина обещала за помощь ее мужу (только в случае его смерти) передать во владение Дидимотихон [15, р. 337]. С Душаном Кантакузин заключил договор [15, р. 271–273; 4, с. 143], согласно которому сербы окончательно закрепили за собой те территории, которые были завоеваны ими у Византии в 20–30-е гг. XIV в. и который позволил им делать новые приобретения в Македонии [9, с. 135–136]. Фактически условия соглашения были таковыми, что Кантакузин обменял значительную часть территорий Византии на армию, при помощи которой он планировал захватить власть в Константинополе.

Кантакузин, так же как и Константинополь, использовал меры финансового поощрения своих союзников. Имеющиеся в его распоряжении денежные средства в начале войны он потратил на покупку военной помощи со стороны сербов [18, р. 640⁹⁻¹⁴], а также в период внутреннего конфликта преподносил щедрые подарки туркам и немцам (Γερμανούς) [15, р. 345, 361²¹, 425; 8, с. 44, 46]. Несмотря на то что кантакузинисты не располагали значительными средствами, они тратили все, что у них было на боеспособные иностранные отряды, которые, помимо жалования, могли получать дополнительный доход и в результате грабежа византийских территорий. Для укрепления союза с турками Кантакузин заключил династический брак с правителем Османского бейлика – в 1346 г. дочь Кантакузина Феодора была выдана замуж за Орхана [18, р. 762–763; 15, р. 585; 27, S. 52–53].

4. Идеологические меры направлены на лишение поддержки противника со стороны церкви, которая играла важную роль во

внутриполитических конфликтах, или обретение новых союзников, главным образом в лице представителей духовенства. Эта невоенная мера применялась в основном представителями константинопольского триумvirата, поскольку у них было больше возможностей для ее реализации.

Патриарх Калека не только отлучил Кантакузина от церкви после того, как тот объявил себя императором в Дидимотихоне, но и дважды предал анафеме тех, кто поддержал последнего [18, р. 614¹⁻⁵; 16, № 2218]. Лишив Кантакузина поддержки церкви, он, таким образом, поставил под сомнение законность его власти, фактически сделав узурпатором.

Поскольку Кантакузин являлся приверженцем учения Григория Паламы, а тот, не раз открыто выражая свое недовольство действиями патриарха, фактически поддержал великого доместика [22, col. 602; 5, с. 83; 7, с. 64–67], многие сторонники и того, и другого были подвергнуты отлучению, сняты со своих постов, заключены в тюрьмы. Афонское монашество, которое тоже было вовлечено в междоусобицу, подвергалось репрессиям – монахи, направленные Кантакузином в столицу в составе нескольких посольств с целью примирения, были заточены в монастыри [15, р. 141, 209–212; 7, с. 65]. Некоторые из них ради сохранения своего положения перешли на сторону Константинополя: речь идет уже о ранее упоминавшемся игумене монастыря Лавры Макарии (см. п. 3, а также [7, с. 65–66]). Заметим, что после того, как Макария поддержал триумvirат, его прежняя обитель получила от правительства ряд привилегий – было издано несколько императорских хрисовулов, подтверждающие новые владения в Константинополе и на Лемносе [10, р. 20–26, 33–34]. Это способствовало проведению того политического курса во втором по значимости городе империи – Фессалониках, который был необходим столице.

Впрочем, когда в конце гражданской войны положение регентского совета, прежде всего, Анны Савойской, оказалось под угрозой, она попыталась приблизить к себе последователей Паламы [18, р. 767²³–768⁴], тем самым стремясь найти опору в их кругах.

Результаты. Константинопольский триумvirат использовал невоенные меры на про-

тяжении всего конфликта, поскольку не имел достаточных ресурсов для нанесения открытого военного удара по противнику. Он стремился ослабить Кантакузина любыми средствами: политико-дипломатические меры были направлены на то, чтобы лишить его возможности оказывать вооруженное сопротивление или выступить против Константинополя, а психологические, социально-экономические и идеологические имели своей целью пошатнуть положение противника в византийском обществе, оставить его без опоры и поддержки со стороны различных категорий населения. Впрочем, не все попытки константинопольского триумvirата увенчались успехом. К тому же, преждевременная гибель Апокавка не позволила императрице и патриарху закрепить за собой то преимущество, которое они имели в начале внутреннего конфликта. Зачастую вновь обретенные союзники из числа иностранных государств в последний момент отказывались выполнять свои обязательства перед столицей империи, а представители аристократии в завершающей стадии конфликта, предчувствуя скорый крах константинопольского правительства, стали переходить на сторону Кантакузина, что не позволило регентскому совету достичь поставленной цели – победы в гражданской войне.

Иоанн Кантакузин не столь активно прибегал к невоенным мерам, как Константинополь, ввиду ограниченности его возможностей и ресурсов. Используя в основном политико-дипломатические и в незначительной степени социально-экономические меры, он сумел обеспечить себя иностранными наемниками (сербам и туркам), выступавшими ключевым инструментом гражданской войны, и именно с их помощью подчинить своему влиянию византийские территории и получить желаемое им право на регентство над несовершеннолетним наследником престола.

В заключение отметим, что невоенные меры сыграли не последнюю роль в гражданской войне 1341–1347 годов. Их постоянное применение Константинополем говорит о неспособности триумvirата оказывать вооруженное сопротивление Кантакузину, в то время как последний прибегал к ним с целью увеличения военной мощи и ослабления влияния его противников на византийских territori-

ях. Невоенные меры сделали конфликт затяжным, поскольку и регентскому совету, и Кантакузину приходилось постоянно изыскивать новые способы борьбы со своими политическими противниками, кроме того, они определили его вялотекущий характер, фактически исключив прямые столкновения между противостоящими сторонами. Таким образом, гражданская война 1341–1347 гг., на наш взгляд, является одним из ярких примеров средневековой гибридной войны, то есть вооруженного конфликта, в ходе которого противники стремятся избежать прямых военных столкновений, вместо этого применяя различные невоенные меры для подавления друг друга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящая статья была частично представлена в виде доклада на XV Международном Византийском семинаре «Χερσόβιος θέματα: империя и полис» (5–9 июня 2023 г., г. Севастополь – Балаклава) [3].

² Некоторые исследователи отмечают, что первым военным конфликтом в средние века, в котором применялись невоенные меры (являются частью гибридных войн), являлась Тридцатилетняя война [1]. В сборнике статей [14], где рассматривается история гибридных войн и применение невоенных мер с древних времен до современности, самый ранний конфликт, который подходит под подобную характеристику, относится к I в. н. э., все остальные же – по большей части к истории военных конфликтов XIX–XX веков.

³ Кантакузин сообщает, что из-за боязни издевательств и смерти 42 представителя аристократии спешно покинули столицу [15, р. 138⁷]; из страха начали поддерживать триумvirат Георгий Хумн, Иоанн Ватац и Феодор Синадин [15, р. 120–123, 198–199, 227]. Григора же утверждает, что, например, Ватац стал сторонником столицы из-за обещанных ему привилегий [18, р. 741].

⁴ В Адрианополе подтолкнули выступить $\delta\eta\mu\acute{o}\varsigma$ против кантакузинистов некие Вран [23, № 3186], Мугдуф [23, № 19414] и Франгопул [23, № 30086]. По всей видимости, выступавшие относились к неимущим слоям населения города, о чем, например, может свидетельствовать социальная принадлежность одного из руководителей восстания – Врана, живущего практически в нищете [15, р. 176]. В Фессалониках во главе восстания стояли «политические» зилоты, поддерживавшие Иоанна V и регентский совет в [18, р. 674–675].

⁵ К примеру, Синадин – наместник Фессалоник (1341–1342) был изгнан захватившими в городе

власть зилотами, а на его место были поставлены Михаил Палеолог – предводитель последних [23, № 21527] и Иоанн Апокавк – представитель центрального правительства [23, № 1187; 4, с. 141; 6, с. 621].

⁶ Ги де Лузиньян [23, № 92566] конфисковал имущество Иоанна Кантакузина и его сторонников в Серрах (ἐν Φεραῖς) [15, р. 192].

⁷ Как отмечает Григора, Кантакузин был обязан своей супруге Ирине «царской властью... во всяком случае большей ее частью» [18, р. 625] (также о роли Ирины в гражданской войне см.: [15, р. 336; 20, р. 73]).

⁸ Ватац несколько раз на протяжении гражданской войны менял сторону. В 1343 г., перейдя в лагерь Кантакузина, он получил от него в благодарность титул великого стратопедарха. Однако после убийства Апокавка, Ватац вновь переходит на сторону Константинополя в надежде занять его место [15, р. 552].

⁹ К примеру, Иоанн Асан стал наместником Морры в 1343 г. [23, № 1499, 91373; 26, S. 369], Мануил Асан – Визии в 1344 г. [23, № 1506; 21, S. 291], а сын Кантакузина Матфей – Гратианополя [23, № 10983; 26, S. 276].

REFERENCES

1. Bagaeva A.V. Tridtsatiletnyaya voyna – prototip gibridnykh voyn [The Thirty Years War as a Prototype of Hybrid Wars]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2015, no. 4, pp. 258-263.
2. Zhukov K.A. *Egeyskie emiraty v XIV–XV vv.* [Aegean Emirates in the 14th – 15th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 190 p.
3. Zykova A.V. Vse sredstva khoroshi. Instrumentariy borby za vlast konstantinopolskogo triumvirata v grazhdanskoj vojne 1341–1347 gg. [All Means Are Good. The Tools of the Struggle for Power of the Constantinople Triumvirate in the Civil War of 1341–1347]. *XV Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar «Chersonos themata: imperiya i polis»* [15th International Byzantine Seminar “Chersonos themata”: Empire and Polis]. Simferopol, Arial Publ., 2023, pp. 119-124.
4. Litavrin G.G. Vizantiya v period grazhdanskoj vojny i dvizheniya zilotov (1341–1355) [Byzantium During the Civil War and the Zealot Movement (1341–1355)]. Skazkin S.D., ed. *Istoriya Vizantii* [History of Byzantium]. Vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 135-160.
5. Meyendorf I., prot. *Zhizn i trudy svyatitelya Grigoriya Palamy. Vvedenie v izuchenie* [The Life and Works of St. Gregory Palamas. Introduction to Study]. Saint Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1997. 479 p.
6. Ostrogorskiy G.A. *Istoriya Vizantiyskogo gosudarstva* [History of the Byzantine State]. Moscow, Sibirskaya Blagovonnitsa Publ., 2011. 895, 16 p.
7. Polyakovskaya M.A. Uchastie vizantiyskikh monastyrey v politicheskoy zhizni imperii serediny XIV v. [Participation of Byzantine Monasteries in the Political Life of the Empire in the Mid – 14th Century]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1969, vol. 6, pp. 55-78.
8. Radić R. *Crno stoleće: vreme Jovana V Paleologa (1332–1391)* [The Black Century: The Time of John V Palaiologos (1332–1391)]. Belgrade, Zavod za udžbenike Publ., 2013. xxix, 559 p.
9. Chirkovich S. *Serbiya. Srednie veka* [Serbia. Middle Ages]. Moscow, Iskustvo Publ., 1996. 271 p.
10. Lemerle P. et al., eds. *Actes de Lavra. III. De 1329 à 1500*. Paris, P. Lethielleux, 1979. 230 p. (Archives de L’Athos).
11. Regel W. et al., eds. *Actes de Philothee. Saint Petersburg, Tip. IAN Publ., 1913. iv, 42 p. (Actes de l’Athos; VI).*
12. Déprez E., ed. *Clément VI (1342-1352). Lettres closes, patentes et curiales publiées ou analysées d’après les registres du Vatican. T. 1, Fasc. 2*. Paris, E. de Boccard, 1925. 552 p.
13. Guillard R. Études de civilization et de littérature byzantines. I. Alexios Apocaucos. *Revue du Lyonnais*, 1921, Série 6, no. 1, pp. 523-541.
14. Murray W., Mansoor P.R., eds. *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge, CUP, 2012. 334 p.
15. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. II*. Bonna, Impensis ed. Weberi, 1831. 615 p.
16. Darrouzès J., ed. *Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I, Fasc. V. Les Regestes de 1310 à 1376*. Paris, Institut Français d’Études Byzantines, 1977. 602 p.
17. Matschke K.-P. *Fortschritt und Reaktion in Byzanz in 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354*. Berlin, Akademie-Verlag, 1971. 264 S. (BBA; Bd. 42).
18. Schopen L., ed. *Nicephori Gregorae Byzantina historia. Vol. II*. Bonna, Weber, 1830, pp. 569-1385.
19. Nicol D.M. *The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus) ca. 1100-1460. A Genealogical and Prosopographical Study*. Washington, Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1968. 265 p.
20. Nicol D.M. *The Byzantine Lady: Ten Portraits 1250–1500*. Cambridge, CUP, 1994. 143 p.
21. Külzer A., ed. *Ostthrakien (Eurōpē)*. Wien, VÖAW, 2008. 782 S. (Tabula Imperii Byzantini; Bd. 12).
22. Philothei Cpolitani patriarchae Encomium Palamae. *Gregorii Palamae, Thessalonicensis archiepiscopi, opera omnia*. Paris, Excudebatur et

venit apud J.-P. Migne, 1865, cols. 551-656. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; Vol. 151).

23. Trapp E., Walther R., Beyer H.-V. et al. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit: CD-ROM Version*. Wien, 2001.

24. Dölger F., ed. *Regesten der Kaiserurkunden des Östromischen Reiches von 565–1453. T. 5: Regesten von 1341–1453*. München; Berlin, Verlag C.H. Beck, 1965. xxxii, 138 S.

25. Thiriet F., ed. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. T. I: 1329–1399*. Paris, Mouton & Co., 1958. 246 p.

26. Soustal P., ed. *Thrakien (Thrakē, Rodopē und Haimimontos)*. Wien, VÖAW, 1991. 580 S. (Tabula Imperii Byzantini; Bd. 6).

27. Todt K.-P. *Kaiser Johannes VI. Kantakuzenos und der Islam: politische Realität und theologische*

Polemik im palaiologenzeitlichen Byzanz. Würzburg, Echter; Altenberge, 1991. 708 S.

28. Vries-van der Velden E. de. *L'élite byzantine devant l'avance turque à l'époque de la guerre civile de 1341 à 1354*. Amsterdam, J.C. Gieben, 1989. 296 p.

29. Weiss G. *Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1969. xii, 174 S.

30. Tsamis D.G., ed. *Bios agiou Sabas tou neou [The Life of Sabas the Younger]. Philotheou Konstantinoupoleōs tou Kokkinou agiologika erga. Vol. 1. Thessalonikeis agioi [The Hagiographical Studies of Philotheos Kokkinos. Vol. 1. The Saints of Thessaloniki]*. Thessaloniki, Kentron byzantinōn ereunōn Publ., 1985, pp. 159-325.

Information About the Author

Anastasiya V. Zykova, Postgraduate Student, Assistant, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, av_zykova@volsu.ru, nastenka96zykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-2688>

Информация об авторе

Анастасия Валерьевна Зыкова, аспирант, ассистент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, av_zykova@volsu.ru, nastenka96zykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-2688>

www.volsu.ru

ВИЗАНТИЙСКИЙ СОЦИУМ. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.24>

UDC 94(495)+94(560)“13”+82-94

LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 19.05.2023

Accepted: 22.09.2023

CELEBRATING THE NEW YEAR IN BYZANTIUM

Tatiana V. Kushch

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Many cultures consider the first day of the new year a holiday which supposes the performance of specific rituals and rites. The traditions of New Year celebrations reflect the nature of this or that civilization, its historical experience, and religious and world-viewing constants. The said is to the full extent actual for the Byzantine civilization. *The purpose of the work is* to reconstruct the general scenario of official celebrations, to trace its evolution, and to analyse the folk tradition related to it. *Methods and materials.* The main sources of the given research are liturgical books, treatises on ceremonies, and epistolography. *Analysis.* In Byzantium, the New Year was celebrated on September 1 at different levels: church, state, and public. Despite its origin from the laity, the Byzantines viewed this holiday primarily as religious as it opened both the new year cycle and the church calendar. By the tenth century, there developed the order of service (*akolouthia*) for the first day of the new year. The patriarch served special liturgies in St Sophia's Church and performed a crucecession. The emperor was not allowed to participate in the church rituals. In Late Byzantium, the climax of the New Year ritual was the public prayer made in the imperial capital, in the Forum of Constantine, in the presence of the emperor. The ceremonial protocol documented that the ruler must participate in the New Year service. The ordinary people of Byzantium widely celebrated this holiday, spending this day in going to church, paying visits, and exchanging greetings. *Conclusions.* The enlarging of the programme of palatial ceremonies with the emperor's appearance in the New Year celebration shows, from the one hand, the strengthening of the secular component of the holiday and, on the other hand, the trend to sacralization of the palatial life. The comparison of the scenario of the New Year celebration that existed in the Age of the Palaiologoi with the official holiday on such a case in the pre-Petrine Russia shows an important Byzantine influence on Russian culture of celebration and church policy.

Key words: Byzantium, New Year celebrations, Byzantine palace ceremonial, imperial power, church holidays, festive culture of Byzantium.

Citation. Kushch T.V. Celebrating the New Year in Byzantium. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 320-328. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.24>

УДК 94(495)+94(560)“13”+82-94

ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 19.05.2023

Дата принятия статьи: 22.09.2023

ПРАЗДНОВАНИЕ НОВОГО ГОДА В ВИЗАНТИИ

Татьяна Викторовна Куш

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Первый день новолетия во многих культурах считается праздничным и предполагает совершение особых ритуалов и обрядов. Традиции новогодних торжеств отражают характер той или иной цивилизации, ее исторический опыт, религиозные и мировоззренческие константы. Это в полной мере относится и к византийской цивилизации. *Цель статьи* – реконструировать общий сценарий официальных торжеств, проследить его эволюцию, а также рассмотреть народную традицию, с ним связанную. *Методы и материалы.* Основные источники исследования – богослужебная литература, церемониальные трактаты, эпистолография. *Анализ.* В Византии Новый год отмечали 1 сентября на разных уровнях – церковном, государственном, общенародном. Несмотря на свое «гражданское» происхождение, этот праздник являлся для византийцев прежде всего религиозным – им открывался не только новый годичный цикл, но и церковный календарь. К X в. сложилось чинопоследование, приуроченное к первому дню нового года. Патриарх служил особые литургии в храме Св. Софии и совершал крестный ход. Участие императора в церковных обрядах не предусматривалось. В поздней же Византии кульминацией новогоднего ритуала стал молебен, совершаемый на столичном форуме Константина, в присутствии императора. В церемониальном протоколе было зафиксировано обязательное участие правителя в новогодней службе. Праздник широко отмечался и простыми византийцами, которые в тот день посещали храмы, ходили в гости, обменивались поздравлениями. *Выводы.* Включение в программу дворцовых церемоний императорских выходов в Новый год показывает, с одной стороны, усиление светского компонента праздника, с другой, тенденцию к сакрализации дворцовой жизни. Сравнение сценария новогоднего праздника палеологовской эпохи с официальными торжествами по случаю новолетия в допетровской России показывает сильное византийское влияние на русскую праздничную и церковно-политическую культуру.

Ключевые слова: Византия, праздник Нового года, византийский дворцовый церемониал, императорская власть, церковные праздники, праздничная культура Византии.

Цитирование. Куц Т. В. Празднование Нового года в Византии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 320–328. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.24>

Введение. В каждой системе летоисчисления обязательно присутствует точка отсчета – первый день года, в который и происходит смена лет. Выбор границы годичного цикла определялся разными факторами (характером хозяйственной деятельности населения, природными и астрономическими явлениями, мифологическими и религиозными представлениями, историческими событиями) и отражал историко-культурные особенности восприятия людьми времени и его цикличности. Но каковы бы ни были основания для определения границы смены лет, первый день новолетия считался особенным, праздничным, выбивающимся из череды будней, а потому предполагал совершение определенных ритуалов. Обрядовые традиции, сложившиеся вокруг этого праздника, говорят о характере самой цивилизации, ее историческом опыте, ее религиозных и мировоззренческих константах. Это в полной мере относится и к византийской цивилизации.

На протяжении всей своей истории Византия пользовалась унаследованным от Древнего Рима юлианским календарем, что было закреплено решениями Никейского со-

бора 325 года. Однако в древнеримской и византийской системах летоисчисления были разные точки отсчета годичного цикла. В течение многих столетий древнеримский год начинался в первый весенний день, 1 марта. По реформе Юлия Цезаря (46 г. до н. э.) новолетие официально перенесли на 1 января – день, когда избранные римские консулы приступали к исполнению своих обязанностей [6, с. 18]¹. Позднее, уже в имперский период, появилась еще одна точка отсчета – индикт, который использовали для исчисления налогов². Индикт, фискальный год, начинался с 1 сентября [14, р. 33; 3, с. 413–414], при этом счет лет продолжали вести с 1 января. В позднеримский период, таким образом, налоговый цикл не совпадал с календарным годом.

Позднее это расхождение нивелировалось и индикт стал синонимом новолетия. При Юстиниане I (527–565) первый день индикта считался официальным началом нового года (τὸ νέον ἔτος), что было законодательно закреплено 47-й новеллой, вступившей в силу 1 сентября 537 г. [29, vol. 1, р. 448; 13, р. 383; 20, р. 202]. Однако гражданский год, начинавшийся в первый осенний день,

еще долго сосуществовал с другими вариантами летоисчисления (с 25 декабря, 1 марта, праздника Пасхи, начала правления императора) [3, с. 415]. Окончательно «сентябрьский год» утвердился в Византийской империи лишь в X в.³ – до этого времени действовал и «мартовский год», от которого, в частности, рассчитывался церковный праздничный календарь.

Методы и материалы. В нашем распоряжении имеются источники, относящиеся к X в., которые позволяют реконструировать обрядовую сторону новогодних торжеств, утрачиваемых в тот день официальной церковью, и общий сценарий праздника. Речь идет прежде всего о богослужебной литературе – Константинопольском синаксаре и Уставе Великой церкви. Источники же XIV в. (обрядник Псевдо-Кодина, эпистолярный) дают возможность проследить, как со временем изменилась драматургия официальных торжеств, а также охарактеризовать праздничные традиции, существовавшие в поздней Византии на бытовом уровне.

Анализ. Традиция отмечать 1 сентября как новолетие, заложенная в ранневизантийскую эпоху, к X в. уже окончательно сложилась, но при этом «гражданское» происхождение праздника отошло на второй план. Для византийцев Новый год был прежде всего праздником религиозным, ведь счет лет велся от Сотворения мира. Первый осенний день теперь официально открывал годичный цикл церковных праздников и поминальных дней, о чем, в частности, свидетельствует Константинопольский синаксарь (X в.). И хотя первые строки синаксаря упоминали о светском происхождении названия «индикт» («у римлян индикт назывался рубежом») и о времени его введения («со времени Августа Цезаря, который царской властью установил его и составил податной список земель, чтобы определить границу всех уплачиваемых в течение года податей»), все же истинной «хранительницей времени» выступала церковь («церковь чтит полученное по наследству согласно обычаю») [28, col. 1.1].

В столице Византийской империи по случаю новолетия совершались особые религиозные ритуалы, в которых принимали участие патриарх и высшее духовенство. В Уставе

Великой Церкви (X в.) приведено чинопоследование (ἀκολουθία), совершаемое 1 сентября – в нем подробно описан порядок проведения богослужений, последовательность чтений и исполнения тропарей, кондаков и стихир [24, р. 2–9]. В этот же день церковь, кроме индикта, также поминала святых и мучеников (Симеона Столпника⁴, 40 Иракийских мучениц, Аммона, Аифала и др.) и отмечала праздник Собора Пресвятой Богородицы в Миасинах. В храме Св. Софии по этому поводу служили праздничные литургии. Во время вечерни, которую совершал патриарх на амвоне главного храма Константинополя, звучал тропарь новолетия: «Всех творений Создатель, время и годы во Своей власти положи- вый, благослови (новый) год благостью Твоею, Господи, сохраняя в мире людей молитвами Богородицы, великой милостью Твоей» (Ὁ πάσης δημιουργῶς τῆς κτίσεως, ὁ καιροὺς καὶ χρόνους ἐν τῇ ἰδίᾳ ἐξουσίᾳ θέμενος, εὐλόγησον τὸν στέφανον τοῦ ἐνιαυτοῦ τῆς χρηστότητός σου Κύριε, φυλάττων ἐν εἰρήνῃ διὰ τῆς Θεοτόκου τὸν λαόν σου, διὰ τὸ μέγα σου ἔλεος) [24, р. 4.15–18]. Помимо служб в церкви Св. Софии также совершались выходы в другие столичные храмы (церковь Богоматери Халкопратийской и церковь Богородицы в квартале Урбиций [22, р. 207]), где служили вечерню, возжигали свечи, совершали каждение [24, р. 4.19–20, 6.10–13]. Так, главным местом проведения торжеств было освященное пространство храма, что подчеркивало христианское благочестие ромеев и церковный характер торжества. Однако в сценарий новогодних действий был включен и выход за пределы храмов в общественное пространство Константинополя, о чем вскользь упоминается в Уставе. Так, после окончания утренней службы совершался крестный ход на форум (вероятно, речь шла о форуме Константина), где звучало славословие «Слава отцу, и Сыну, и Святому духу» (δοξάζουσιν οἱ ψάλται ἐν Φόρῳ) [24, р. 6.18]. Именно эта часть новогоднего ритуала в дальнейшем получит развитие, выделившись в отдельный акт церемониального «спектакля». В целом же обрядовая сторона новогоднего праздника подчеркивала его христианский характер, а совершаемые по этому случаю ритуалы были вплетены в общую канву церковных служб.

Император, вероятно, мог посещать литургии, совершаемые патриархом в Новый год, однако источники не говорят об обязательном его присутствии на них. Очевидно, это еще не было устоявшейся традицией (возможно, такой традиции еще и не существовало). По крайней мере, участие императора в новогоднем богослужении не включалось перечень официальных императорских выходов, закрепленных церемониальными протоколами, тщательно фиксирувавших любое публичное появление правителя. Да и в самом императорском дворце, по всей вероятности, в день новолетия не устраивалось особых торжеств, в отличие от январских календ, которые, несмотря на их языческий характер и сопротивление церкви, при дворе продолжали отмечать довольно долго [15, р. 182–185; 1, с. 15–18; 23, с. 13–19]. О том, что 1 сентября не попал в число «красных дат» дворцового календаря, свидетельствует, в частности, молчание главного источника по истории парадной жизни империи – трактата «О церемониях византийского двора» Константина VII Багрянородного (913–959). В нем описаны сценарии главных византийских праздников, в которых принимал участие император, но ничего не говорится о торжествах, приуроченных к Новому году. Поскольку обрядник зафиксировал обычаи, существовавшие не только во время его составления, но и в более раннюю эпоху, можно говорить об отсутствии традиции особых императорских церемоний в день новолетия вплоть до конца X века.

Иную ситуацию можно наблюдать при Палеологах. В поздневизантийское время новогодний праздник уже вошел в официальный график мероприятий, проходивших с участием императора, о чем свидетельствует церемониальный трактат Псевдо-Кодина «О чинах Константинопольского двора и должностях Великой Церкви». Трактат был составлен, по мнению Ж. Верпо, после 1347 г. и не позднее конца 1360-х гг. [27, р. 25–31] или, согласно другой точке зрения, после отречения Иоанна VI Кантакузина в 1354 г. с тем же *terminus ante quem* [26, р. 18]. Как отмечают исследователи, анонимный автор обрядника пользовался доступными ему церемониальными протоколами, составленными при дворе ранних Палеологов и, возможно, при дворе

Иоанна V Палеолога (1341–1391) [26, р. 18]. Это говорит о том, что практика торжественно отмечать новолетие бытовала при дворе, по крайней мере, в начале XIV в., а также, вероятно, и в более раннее время. Новогодний праздник, таким образом, в раннепалеологовский период стал частью церемониальной жизни императорского двора.

Псевдо-Кодин так описывает официальный выход василевса в тот день: «Первого сентября (κατὰ μὲν τὴν πρῶτον τοῦ Σεπτεβρίου) патриарх с процессией и святыми иконами отправляется к порфировой колонне, на которой установлен крест, то место в древности называлось форумом⁵; император отправляется туда и слушает там службу, совершаемую по обычаю. После окончания он возвращается во дворец» [27, р. 242]. «Совершаемая по обычаю» служба, вероятно, следовала чину, установленному Уставом Великой церкви. Автор трактата не упоминает о литургиях, проходивших в тот день в константинопольских храмах (которые, безусловно, совершались), поскольку его внимание было сосредоточено на протокольных выходах императора. Однако можно предположить, что молебен на форуме предшествовала литургия в церкви Св. Софии, в которой императорское участие не предусматривалось протоколом. Вероятно, после нее и совершался описанный Псевдо-Кодином крестный ход «со святыми иконами». Император же, окруженный свитой и стражей, направлялся на форум из Влахернского дворца⁶, расположенного в противоположной части города. По прибытии императорской процессии праздник достигал своей кульминационной точки – при большом стечении духовенства, чиновничества и простого народа, участие которого в церемониях по традиции было обязательным, совершалось торжественное богослужение. Хотя автор обрядника умалчивает о том, что происходило после возвращения василевса во дворец, можно осторожно предположить, что там устраивалась праздничная трапеза, пусть не столь пышная и продолжительная, как описанный Псевдо-Кодином императорский обед в канун Рождества [5, с. 216–222].

Новогодний ритуал Псевдо-Кодин поместил в начало 5-й главы, озаглавленной «О некоторых других праздниках, на которых при-

сутствует император, если он находится в Константинополе». Вслед торжествами по случаю Нового года перечислены другие религиозные праздники в соответствии с церковным календарем⁷: Рождество Богородицы (8 сентября⁸), поминание св. Димитрия (26 октября), Иоанна Златоуста (13 ноября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября), поминание св. Василия Великого (1 января), праздник Всех Святых (2 февраля), поминание св. Георгия (23 апреля), Константина Великого (21 мая), Иоанна Предтечи (24 июня), св. апостолов Петра и Павла (29 июня), Преображение (6 августа), Успение Богородицы (15 августа), усекновение главы Иоанна Крестителя (29 августа). Все упомянутые в данной главе богородичные праздники и поминальные дни предполагали посещение императором определенных церквей и монастырей, так или иначе связанных с культом почитаемых в тот день святых или с евангельскими событиями. И только чествование Нового года, по крайней мере, в его кульминационной части, происходило не в пределах храма или монастыря, а на одной из важнейших городских площадей – форуме Константина.

Этот форум, являвшийся центром общественной и церемониальной жизни византийской столицы [10, р. 168], на протяжении многих столетий ассоциировался прежде всего с императорской властью. Форум, построенный основателем города в свою честь одним из первых (в 328 г.) [21, р. 62–64; 9, S. 172–173; 25, р. 31], находился на Месе, главной городской артерии, неподалеку от Большого императорского дворца. В ранневизантийский период, когда различие между государственными и церковными церемониями было еще выраженным, форум Константина предназначался прежде всего для государственных торжеств, таких как, например, празднование 11 мая годовщины основания Константинополя [11, р. 75]. Его украшала порфиновая колонна, на которую в XII в. поместили крест, заменивший статую Константина в образе *Sol Invictus* [16, р. 12–17; 9, S. 172–184; 12, р. 8], но не изменивший символическое значение площади. Форум, по сути, был смысловым центром Нового Рима [9, S. 186–187], зримым образом славы и мо-

гущества императорской власти [8, р. 91]. Через него пролегали маршруты многочисленных светских и религиозных торжественных процессий, будь то императорские триумфы или крестные ходы [11, р. 73–87].

Присутствие императора на службе, проходившей на форуме, подчеркивало светскую составляющую праздника и символическим языком выражало христианскую суть империи ромеев и божественный характер императорской власти. В центре праздника оказывалась фигура императора, который воспринимался зрителями как правитель, вознесенный до божественной сферы [31, S. 234]. В новогодней церемонии, как и в любом другом церемониальном акте, зримо воплощалась имперская идея. Как заметил О. Трайтингер, «мир и идея империи и императора живет в каждой форме их выражения» [31, S. 227]. Выбор форума Константина в качестве места коммеморации был вовсе не случаен – истоки своей государственности и имперского величия византийцы связывали с именем Константина I Великого. Так, место проведения новогоднего ритуала подчеркивало историко-культурную и политическую преемственность от Древнего Рима, неизбежность государственной системы, величие и всемогущество императора. В нестабильные времена – а именно их переживала палеологовская империя – такая связь была особенно необходима в контексте имперской идеологии и пропаганды [8, р. 114].

С другой же стороны, включение в церемониальный протокол императорского выхода в день новогодних торжеств было своеобразным проявлением усилившейся в поздней Византии сакрализации дворцовой жизни [19, р. 217; 5, с. 245]. Присутствие императора на литургии, совершаемой патриархом на форуме Константина, демонстрировало единство светской и церковной власти, *Imperium et Sacerdotium*. Произшедшая при Палеологах эволюция ритуала придавала религиозному по характеру празднику государственный масштаб. Таким образом, на заключительном отрезке византийской истории праздник новолетия официально отмечался не только под эгидой церкви, но и государства.

Поздневизантийский сценарий праздника прижился на русской почве. В северо-вос-

точной Руси официально перешли с «мартовского» на «сентябрьский» год в 1348 г. в связи с возросшим влиянием церкви на государственные дела [7, с. 68]. Ориентация Руси на византийскую литургическую и обрядовую традицию способствовала заимствованию в том числе ритуалов, проводимых в Новый год. Об этом свидетельствует тот факт, что в Московском царстве XVI–XVII вв. (вплоть до петровских преобразований) воспроизводился, судя по всему, новогодний ритуал в соответствии с византийским прототипом. Он, безусловно, претерпел изменения, будучи адаптирован под местные политические задачи и культурные реалии, но по сути и по форме не отличался от того, что происходило на форуме Константина.

1 сентября совершался царский выход к «действию многолетнего здравия», проходившему на Соборной площади Московского Кремля при огромном стечении народа [2, с. 380–383]. В центре площади сооружался помост, огражденный позолоченными решетками и покрытый турецкими и персидскими коврами – он служил своеобразной сценой для «новогоднего спектакля». На него устанавливали три аналоя: на двух помещали Евангелия, на третьем – икону Симеона Столпника Летопроводца. Тут же ставили и два «места» (трона) – патриаршее и царское, обитое «червчатым» (темно-красным) бархатом или серебряной парчой. Патриарх и духовенство в праздничных облачениях с иконами и хоругвями выходили из врат Успенского собора, царский же кортеж под колокольный звон двигался со стороны Благовещенского собора. Патриарх, прибывавший с крестным ходом первым, встречал на помосте царя, облаченного в пурпурные одеяния и шапку Мономаха, и благословлял его [2, с. 380–381]. После того, как патриарх и царь обменивались приветственными речами, начинался молебен по «чину летоководения». Когда заканчивалась служба, наступало время здравниц – патриарх, осенив крестом государя, произносил задравную речь, ему отвечивал царь, затем шли поздравления от бояр, духовенства, собравшегося народа. В завершение государь отвечал «миру» поклоном. По окончании действия царь отправлялся или к обедне, или к себе в хоромы [2, с. 382–383]. Как заметил И.Е. Забе-

лин, «это был праздник царский, в собственном смысле государственный и гражданский. Поэтому первое место здесь принадлежало особе государя, которому и воздавалось общее чествование» [2, с. 383]. Аналогия с византийским празднованием Нового года представляется вполне очевидной – «византийский след» прослеживается в общей драматургии праздника, основных этапах сценарного плана, элементах декора и одеяний, обрядовой форме и идейно-политическом содержании действия. Так, византийский ритуал новогоднего торжества продолжал жить и после гибели империи.

Однако вернемся в позднюю Византию. Кроме того, что мы знаем об официальных торжествах по случаю Нового года, мы также располагаем уникальным свидетельством того, как этот день отмечали обычные византийцы, жившие за пределами столицы. Речь идет об одном из ранних писем Димитрия Кидониса, выдающегося византийского интеллектуала и блестящего эпистолога XIV в. [18, ер. 5]. Письмо было составлено 2 сентября 1346 г. в одном неназванном провинциальном фракийском городе и по содержанию напоминает дневниковые записи [4, с. 206] – автор довольно эмоционально описывает все то, что с ним случилось накануне. День, о котором идет речь в письме, как раз был новогодним. Как пишет сам Кидонис, «это был день, который мы отмечаем как первый день года, когда открыты все храмы и люди совершают молитвы и жертвоприношения; одни молятся о сохранении их нынешнего счастья, другие – об избавлении от того, что их тяготит. Они также молятся о здоровье, военных и мирных делах, погоде и урожае» [18, ер. 5.19–22]. Находясь вдали от семьи, Кидонис с грустью думал о праздничной обстановке в его родной Фессалонике, которую он покинул по служебным делам: «Сейчас у нас в городе празднества и жертвоприношения; ныне храмы полны молящимися, а дома людьми, желающими друг другу счастья; в курии собираются советники, в музеонах – наставники. Наши соученики собираются вокруг учителей и радуются, видя друг друга» [18, ер. 5.25–28]. В этот день каждый город погружался в атмосферу праздника, а в каждом доме звучали здравницы и пожелания благопо-

лучия. Заметим, что молодой интеллектуал, еще не бывавший в Константинополе и не знавший столичных традиций, описывал то, как отмечалось новолетие в провинции.

Сообщение Кидониса показывает, что Новый год был поистине общенародным праздником. Праздничная атмосфера царила повсеместно – и в храмах, и в общественных местах, и в частных домах. К этому празднику византийцы испытывали особое, благоговейное отношение, ведь по нему можно было судить о том, что каким будет год грядущий. Как заметил Кидонис, «и вообще тот день все считают приметой будущего» [18, ер. 5.22–23]. Пожелания счастья, благополучия, достатка в Новом году были непременной частью праздничного ритуала.

Результаты. Письмо Кидониса было написано в 1346 г. – немногим ранее составления трактата Псевдо-Кодина. Хронологическая близость этих двух источников дает нам объемное представление о праздничной культуре поздней Византии и позволяет говорить о широком праздновании Нового года в разных частях империи. Новолетие отмечалось на разных уровнях – церковном, государственном, общенародном. Следуя устоявшейся традиции, в тот день в столице и за ее пределами византийцы посещали храмы, где служились торжественные литургии, и совершали крестный ход. Они обменивались здравницами и пожеланиями счастья в Новом году. В обрядовой стороне официального торжества усилилась светская составляющая – праздник стал частью протокольных церемоний императорского двора. Эта тенденция получила дальнейшее развитие в Московском государстве, унаследовавшем от Византии традицию пышно отмечать Новый год. Сравнение сценария новогоднего праздника палеологовской эпохи с официальными торжествами по этому случаю в допетровской России показывает сильное византийское влияние на русскую праздничную и церковно-политическую культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Традиция вступления в должность консулов с 1 января закрепилась с 153 г. до н. э. [13, р. 6].

² Счет по индиктам был регламентирован при Диоклетиане (284–305) и окончательно утвержден Константином I Великим (306–337) в 312 г., см.: [29, vol. 2, p. 993].

³ П.В. Кузенков пишет вслед за другими исследователями, что сентябрьский год окончательно утвердился с XI в. [3, с. 405]. Однако, судя по данным Константинопольского синаксаря, Миналогия Василия II и Устава Великой Церкви, летоисчисление от 1 сентября официально закрепилось уже в X в. [28, col. 1.1; 17, col. 21A–B; 24, p. 2].

⁴ На Руси Симеона Столпника, поминаемого 1 сентября, в день нового года, называли Семен Летопроведец.

⁵ Форум Константина, см.: [21, p. 62–64].

⁶ Именно Влахернский дворец при Палеологах являлся главной императорской резиденцией, см.: [30, S. 285; 5, с. 50].

⁷ В этой главе не упомянуты ряд двенадцатых праздников (Рождество, Крещение, Вход Господен в Иерусалим, Крестовоздвижение и др.), сценарии которых подробно описаны в 4-й главе трактата «О порядке Господских праздников и обычаях, соблюдаемых в те дни» [27, p. 189–241].

⁸ Даты указаны по юлианскому календарю.

REFERENCES

1. Veselovskiy A.N. Genvarskiya rusalii i gotskie igry v Vizantii [January Rusalies and the Gothic Games in Byzantium]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1885, September, pp. 1-18.
2. Zabelin I.E. *Domashniy byt russkogo naroda v XVI–XVII v. T. 1: Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiy* [Russian People's Home Life in the 16th–17th Century. Vol. 1. The Home Life of the Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova Publ., 1895. 751 p.
3. Kuzenkov P.V. *Khristianskie khronologicheskie sistemy. Istoriya letoschisleniya v svyatootecheskoy i vostochnokhristianskoy traditsii III–XV vekov* [Christian Chronological Systems. The History of Chronology in the Patristic and Eastern Christian Tradition of the 3rd–15th Centuries]. Moscow, Rus. izd. tsentr im. Sv. Vasiliya Velikogo Publ., 2014. 992 p.
4. Polyakovskaya M.A. *Frakiyskiy dnevnik mladogo intellektuala (avgust–sentyabr 1346 g.)* [Thracian Diary of a Young Intellectual (August–September 1346)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1994, vol. 55 (80), no. 2, pp. 206-211.
5. Polyakovskaya M.A. *Vizantiyskiy dvortsovyy tseremonial XIV v.: «teatr vlasti»* [The Byzantine Palace Ceremonial of the 14th Century: “The Theater of Power”]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2011. 334 p.

6. Syuzumov M.Ya. *Khronologiya vseobshchaya* [Universal Chronology]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1971. 97 p.
7. Chicherov V.I. *Zimniy period russkogo zemledelcheskogo kalendarya XVI–XIX vekov* [Winter Period of the Russian Agricultural Calendar of the 16th–19th Centuries]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957. 236 p.
8. Angelov D. *Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2007. 453 p.
9. Bauer F.A. *Stadt, Platz und Denkmal in der Spätantike: Untersuchungen zur Ausstattung des öffentlichen Raums in den spätantiken Städten Rom, Konstantinopel und Ephesos*. Mainz, P. von Zabern Publ., 1996. 305 p.
10. Berger A. Streets and Public Spaces in Constantinople. *Dumbarton Oaks Papers*, 2000, vol. 54, pp. 161–172.
11. Berger A. Imperial and Ecclesiastical Processions in Constantinople. Necipoğlu N., ed. *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2001, pp. 73–87.
12. Berger A. *The Statues of Constantinople*. Cambridge, Cambridge University Press, 2021. 76 p.
13. Blackburn B., Holford-Strevens L. *The Oxford Companion to the Year: An Exploration of Calendar Customs and Time-Reckoning*. Oxford, Oxford University Press, 1999. 937 p.
14. Bryer A. Chronology and Dating. Jeffreys E., Haldon J., Cormack R., eds. *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 31–37.
15. Vogt A., ed. *Constantine Porphyrogénète. La livre des cérémonies. Vol. 2*. Paris, Société d'Édition "Les belles lettres", 1967. 193 p.
16. Dagrón G. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris, Presses Universitaires de France, 1974. 578 p.
17. De Menologio Basilii imperatoris. Migne J.-B., ed. *Leonis Diaconi Historia*. Paris, Imprimerie Catholique, 1894, cols. 13–613. (Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca; vol. 117).
18. Loenertz R.-J., ed. *Démétrius Cydonès. Correspondance. Vol. 1*. Città del Vaticano, Biblioteca apostolica Vaticana, 1956. 221 p.
19. Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle. *Art et société à Byzance sous les Paléologues. Actes du colloque organisé par l'association internationale des études byzantines à Venise en septembre 1968*. Venise, Stamperia di Venezia, 1971, pp. 193–221.
20. Grumel V. *La Chronologie*. Paris, Presses universitaires de France, 1958. 487 p.
21. Janin R. *Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique*. Paris, Institut français d'études byzantines, 1964. 542 p.
22. Janin R. *Les églises et les monastères de Constantinople*. Paris, Institut français d'études byzantines, 1969. 607 p.
23. Koukoules F. *Byzantinōn bios kai politismos* [The Byzantine Life and Civilization]. T. 2, fasc. 1. Athens, Institut français d'Athènes, 1948. 283 p.
24. Mateos J., ed. *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte-Croix n° 40, Xe siècle. T. 1*. Roma, Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1962. 389 p.
25. Mango M.M. The Porticoed Street at Constantinople. Necipoğlu N., ed. *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2001, pp. 29–51.
26. Macrides R., Munitiz J., Angelov D., eds. *Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies*. Farnham, Ashgate, 2013. 540 p.
27. Verpeaux J., ed. *Pseudo-Kodinos. Traité des offices*. Paris, Éditions du Centre national de recherche scientifique, 1966. 420 p.
28. Delehaye H., ed. *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae: e Codice Sirmondiano nunc Berolinensi; adiectis synaxariis selectis*. Bruxellis, Apud Socios Bollandianos, 1902. 1181 p.
29. Kazhdan A.P., ed. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 1. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991. 728 p.; Vol. 2. 1473 p.
30. Tinnefeld F. Der Blachernenpalast in Schriftquellen der Palaiologenzeit. Borkopp B., Steppan Th. *Lithoströton. Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte. Festschrift für Marcelle Restle*. Stuttgart, Franz Hermann, 2000, pp. 277–285.
31. Treitinger O. *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. 237 p.

Information About the Author

Tatiana V. Kushch, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Куш, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.25>

UDC 34(091)“653”

LBC 63.3(0)4-9+67.3(0)414

Submitted: 05.06.2023

Accepted: 01.10.2023

THE OLD AGE IS NOT JOY: DOCUMENTARY EVIDENCE ABOUT OLD AGE AND ELDERS IN MEDIAEVAL BYZANTIUM

Yury Ya. Vin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Annotation. The representations about old age, displayed in Byzantine acts, are revealed in a slightly defined form. However, this problem constantly attracts the attention of Byzantinists. The fundamental interest is adverted to status of the so-called “elders”. Their position is studied in the inextricable connection between age, ethical and social motives of social activity and involvement of the “elders” in the government system, especially rural self-government. In this regard the social role of the “elders” seems to be especially significant. All references to them are characterized in the light of the estate belonging of the “elders” to monasticism and village habitants. The formation of the landlord’s estate and the strengthening of the feudal dependence of the peasantry conditioned the emergence of the seniormen, represented by so-called “protoelders”, as apparatus of the control over the paroikoi population of the seigniorial estate. The further perspective of the subsequent studying the “elders” consists in demonstration of the general development of their social activity. The content of the problems of the studied topic is represented in the sections of the article “Introduction”, “The age and the socio-cultural significance of the old age”, “The elders in the system of the rural management”, “The protoelders” and “Conclusions”.

Key words: old age, elders, protoelders, rural self-government, Byzantium.

Citation. Vin Yu.Ya. The Old Age is Not Joy: Documentary Evidence About Old Age and Elders in Mediaeval Byzantium. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 329-350. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.25>

УДК 34(091)“653”

ББК 63.3(0)4-9+67.3(0)414

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Дата принятия статьи: 01.10.2023

СТАРСТЬ НЕ РАДОСТЬ: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СТАРОСТИ И СТАРЦАХ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВИЗАНТИИ

Юрий Яковлевич Вин

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Представления о старости, отображаемые в византийских актах, раскрываются в мало определенном виде. Однако эта проблема постоянно привлекает внимание византинистов. Принципиальный интерес вызывает статус так называемых «старцев». Их положение изучают в неразрывной связи возрастных, этических и социальных мотивов общественной деятельности и причастности «старцев» к системе управления, в особенности сельского самоуправления. Общественная роль «старцев» в указанном плане оказывается в особенности значима. Все их упоминания характеризуются в свете сословной принадлежности «старцев» к монашеству и жителям села. Становление господского поместья и укрепление феодальной зависимости крестьянства обусловило зарождение представленного так называемыми «протостарцами» старостата как органа контроля над паричским населением господского поместья. В демонстрации общих закономерностей общественной деятельности «старцев» заключаются дальнейшие перспективы их последующего изучения. Содержание проблематики изучаемой темы представлено в разделах статьи «Введение», «Возраст и социокультурная значимость старости», «Старцы в системе сельского управления», «Протостарцы» и «Выводы».

Ключевые слова: старость, старцы, протостарцы, сельское самоуправление, Византия.

Цитирование. Вин Ю. Я. Старость не радость: документальные свидетельства о старости и старцах в средневековой Византии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 329–350. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.25>

Εἰ δὲ καὶ ἄνθρωπος πρὸς γῆρας ἤδη κλίνων τοῦ ὑπερείδοντος δεῖται, καὶ οἰκία καὶ πόλις γεγηρακῦα πρὸς τὸν δυνάμενον βοηθεῖν ἐλείγεται, τί θαυμάσιόν, εἰ καὶ τίνα... ὑλοταγῆν σωτηρίας ἀνταλλαζόμενα;

Коли же и человек, склонясь к старости, нуждается в ободряющем, и дом, и град, сущи постаревши, влекомы к могущему помочь, нечто самое удивительное, еже ли некую... покорность получают взамен во спасение?

Нифон, афонский прот., 1347

Введение. Сведения византийских актов о детстве, сравнительно редкие и недостаточные для всестороннего анализа, следуя положениям римского права, хорошо терминологически дифференцированы по половозрастным показателям. Что касается представлений о старости, отображаемых в актах, то они раскрываются в менее определенном виде. Однако эта проблема неоднократно привлекала и продолжает привлекать внимание византийцев. Без всякого сомнения, в Византии, опирающейся во многом на античную традицию, старость, несмотря на то что она отягощала человека немощью и страданиями от болезней, расценивалась как важнейшее из человеческих достоинств¹.

В свое время Э. Бенвенист, обращаясь к историко-культурному содержанию понятия «старец», показывает, что само по себе оно не отображает, якобы, присущих «старцам» каких-либо привилегий, почестей и почтения, приписываемых тому «народной этимологией», а обозначает только «старость» [42, р. 43–44, 48–49; 2, с. 269, 272–273]. Тем не менее в эпоху Развитого Средневековья «старшие» и тому подобные понятия, наряду с возрастными критериями явно наделяемые неким позитивным этическим содержанием, получают определенное социальное звучание [8, с. 183]. Паче чаяния достоинства «человека» в эпоху Развитого Средневековья нередко предполагали действительно его возрастные

особенности. Так, М. Каплан и его коллеги, характеризуя «византийские сельские элиты» (*les élites rurales byzantines*) (подробнее см.: [50]), не упускают из виду вопроса о так называемых «старцах» (*γέροντες*). Правда, им отведено далеко не самое главное место, но нужно отдать должное названному французскому ученому: он настаивает на том, что важнейшую общественную роль играла самая старость человека, которая в Византии изначально сочеталась с присущей ему социальной стью (например, см.: [55, § 32 etc.]).

Для обозначения лиц старшего возраста по традиции одним из наиболее часто используемых является универсальное греческое понятие «γέρων» («старец»). Скажем сразу же, независимо от контекста его употребления, в любом случае понятие «старец» указывает и на возрастные, и на социальные признаки обладателя этого титула. Представители указанной общественной категории и в Древности, и в Средневековье часто одновременно принадлежали к сословной группе, причастной к общественному управлению, будь то Совет старейшин, Герусия или иные корпоративные властные органы ([1, с. 43 и далее]; также см.: [58, р. 29–30 etc., 41 etc., 57 etc.; 41, bes. S. 31 u.a.]; там же см. основную библиографию). Если касаться античных культурных традиций восприятия старости как отправной точки представлений о ней в Византии, то, наверное, не будет излишним вспомнить о спартанской герусии, правящем совете старейшин, которые избирались в его состав, как известно, достигнув 60 лет, когда-де начиналась «старость» ([1, с. 45]; также см.: [58, р. 30–31, 40, 41; 63, р. 11, 205 etc.]). При этом в Византии на всем протяжении ее истории титул «старца», наряду с прозвищем «калугер», прилагался к монашеству. Оставляя сейчас в стороне обсуждение специфики указанной сословной группы, уместно затронуть тот аспект системы ее управления, наилучшим примером чему является Совет старейшин в Карее на Святой Горе, какие бы наименования ему не давали, включая протат, «катисма старцев» или

иные, подобные тому обозначения. Они испещряют десятки документов, позволяющих характеризовать почетный статус «старцев» в лоне церкви (например, см.: [33, № 8.35 etc.; № 29.11; № 30.45; 37, № 94.9, 15–16, 32 etc.; № 100.8; № 116.10–11; № 123.9–10, 12–14 etc.; № 127.3–4 etc.; № 132.5–7, 12–13; № 138.6–7; № 151.7–9, 14–15 etc.; № 153.1, 19–20 etc.; 35, № 156.10–11; № 157.10–11, 13–14 etc.]).

Именно в этом смысле, возникающем благодаря слиянию возрастных, этических и социальных мотивов, следует рассматривать упоминания «старцев», встречающиеся в византийских актовых материалах не позднее, чем с X в. (например, см.: [36, № 1.7–8]).

Возраст и социокультурная значимость старости. Конечно, освещая вопрос о возрастном цензе старости в византийском Средневековье, ответить на вопрос по этому поводу однозначно довольно затруднительно. Концепции византийцев, ориентирующихся в своих концептуальных представлениях как на Античность, так и западноевропейское Средневековье, весьма расходятся, предполагая, что старость, независимо от социального положения, будь то крестьяне, или представители господствующего класса, исчислялась примерно 60-летним возрастом (например, см.: [67, S. 268 u. a.; 57, p. 52–53; 12, с. 250–251 и далее]). Не пытаясь исчерпать все документальные свидетельства с точки зрения оценки содержания понятия «старость», уместно обратиться к примерам преклонного возраста, не только уже попавших в поле зрения византийцев (например, см.: [12, с. 253 и далее]). Наравне с тем следует отметить, что известны многочисленные акты, касающиеся женщин наиболее старшего возраста, но преимущественно характеристика старости происходит применительно к судьбам мужчин. Так, в хрисовуле 1324 г. Андроника II Палеолога упоминается теща некоего Султана восьмидесяти лет ([33, № 62.69–72 etc.]; см.: [66, p. 93 etc.]). В этой связи возможно обратиться также к завещанию Феодора Сарантина, поскольку, судя по всему, речь идет о членах одного семейства. Во всяком случае, в своем завещании Феодор Сарантин, которому в 1325 г. было 46 лет, несмотря на то что он вспоминает о своих внуках и внучке, ссылается также на его тестя Афанасия Султаноса, пребывавшего

«в больших годах» («ἐπὶ χρόνοις πολλοῖς») [33, № 64.64–67 etc.].

Если же перейти к последовательному обзору документов, то в них, безусловно, выделяется образ настоятеля Пантелеймонова монастыря Митрофана, одного из участников крестного хода, проведенного в 1057 г. по случаю размежевания спорных землевладений. Составленный тогда акт характеризует Митрофана как «мужа в глубочайшей седине (то есть ‘старости’. – Ю. В.) и около семидесяти лет удостоенного (διὰ πρέποντα) в монашеской жизни». За Митрофаном же следовали два других «старца», «внушающих благоговение» с сединой и [исполненных] добродетели» (αἰδεσίμους σὺν τῇ πολῖᾳ καὶ ἀρετῇ) (см.: [30, № 5.23–24 etc.]). Достоинства украшали и старость монаха Никона Зига, давшего в 1071 г. показания о границах владений Лавры Афанасия в проастиии (пригородном хозяйстве) Камена. Это был «с детства здесь воспитанный, муж старый и честной – ‘полностью седой’ (иначе говоря, ‘старый’. – Ю. В.) и освидетельствованный перед всем [собранием]» («ὁ ἐκ παιδῶθεν ἐκῆσε ανατραφίς κε τιμιῶς ὠλοπῶλης μεμαρτοῖρήμενος παρα πᾶση» – sic!) [27, № 35.22–24]. Примерно десятилетием позднее непрерывные споры между монахами двух монастырей разрешили с помощью «достигающих старости мужей» («τῶν ἀρχεότητι διαφερόντων ἀνδρῶν» – sic!). Из них выделялся Димитрий Макрин, который, будучи «мужем разумным (ἄνδρα συνετὸν) и хорошему образу жизни приверженным», подписал в качестве свидетеля акт размежевания (см.: [27, № 40.8–11 etc., 32 etc.]).

Равным образом нельзя пренебречь и сведениями ивирского практика 1152 г. о том, что изъятие выморочных земель хорионов (сел) Контарату и Лесковицы было произведено под непосредственным наблюдением эпиков (жителей) названных сел (см.: [39, № 56.140–152]). Действительно, в случае, который, судя по всему, задевал непосредственные интересы крестьян, наряду с колофонами представителей местной администрации или, как их называли составители практика, «важных архонтов» текст документа украсили собственноручно выписанные имена тринадцати селян ([39, № 56.262–269]; ср.: [39, № 56.253–261, 269–293]). Главную отличительную черту

поименованных в документе селян, охарактеризованных «как свидетели точные» (ὡς εἰδήμονες ἀκριβεῖς), составлял их почтенный возраст, на что указывали приложенные к селянам эпитеты «и более старые, и более почитаемые» («ὑπαιότεροί τε καὶ ἐντιμότεροι») [39, № 56.145–146 etc.]. Впоследствии, очевидно, подобный портрет можно было бы нарисовать и со «старца» иерея Константина из «хоры» (области) Властус, внушавшего уважение и веру «по возрасту» (ἕκ τε τοῦ χρόνου), как и трех других стариков, описанных вместе с ним Димитрием Хоматианом ([46, № 72.49–53; 45, № 72.316–317], также см.: [9, с. 211]).

В последние столетия византийской истории наилучшим образом характеризуется настоятель Лемвиотисского монастыря иеромонах Герасим. Он отмечен рядом положительных качеств, среди которых отнюдь не последнее место отдано «старости» (γῆρα) (см.: [18, р. 260]). Рассказывая о нем, нужно упомянуть иеромонаха Феодосия, который на закате своей жизни в последней четверти XIII в. назвал себя смиренным и жалким старцем. Тем не менее он призвал в качестве свидетелей всех эпиков хоры подтвердить, что на протяжении сорока лет подвизается в монастыре [18, р. 429]. Иначе говоря, речь идет действительно о старом или, по крайней мере, довольно пожилom человеке, который, очевидно, был почитаемым во всей округе монахом.

И уже не приходится сомневаться в возрастных данных Михаила Варихира, принимавшего участие в тяжбе Лемвиотисского монастыря с Михаилом Комниным Враной относительно пашенных полей (хорафиев) и выпасов в окрестностях Палатиев. Хотя Михаил Варихир и не был назван прямо «стариком», когда он был избран властями из числа других местных мужей, «послушных и любящих истину», принести присягу, он явно стяжал доверие благодаря своему «почти» (περίπου) восьмидесятилетнему возрасту [18, р. 180]. Впрочем, процедура разрешения поземельных споров названных собственников совершалась вместе с другими «местными мужами», прямо названными «старыми» («ἄμα ὑπαιοῖς τοῦ κοῦς ἀνδράσιν») [18, р. 280].

В общем плане характеристики старости селян довольно убедительны сведения о раз-

межевании землевладений Ватопедского и Хиландарского монастырей, сохраненные до наших дней в акте 1297 года. Согласно ему, из числа духовенства и местных участников процесса, жителей села Комитисса, выступавших свидетелями в деле, имена которых воспроизведены в ряду наиболее социально активной части селян, четверо достигли семидесятилетнего возраста. Он установлен в отношении Димитрия Либадаса («ὁ καὶ ἐβδομικοστοῦ ἔτους») и еще троих селян, Кириака Клостомалоса, Василия Нектеноса (Νεκτέανος) и Димитрия Фомы (Θωμάς), о каждом из которых повторяется уточнение, что он является человеком, буквально говоря, «того же самого возраста» («αὐτὸς τοῦ αὐτοῦ ἔτους» и тому подобное) (см.: [33, № 26.27–37])².

Также надо сказать о примерах привлечения в качестве «достойных веры» свидетелей наиболее старых монахов и служителей церкви. Судебное решение конца XIII в. по тяжбе Ивирского монастыря с одним из его арендаторов, иереем Николаем Платискалити, опиралось на показания явившихся в суд представлять интересы своей обители наряду с «наипочтеннейшим» настоятелем двух престарелых монахов (см.: [39, № 67.14–15, 37, 56–57]). На суде выяснилось, что выступавшему истцом Николаю Платискалити сначала удалось добиться у занимавшего ранее высокое место в церковной иерархии монаха выгодных для себя условий аренды, хитроумно воспользовавшись его «наивностью из-за старости (ἀφελῆ ὑπὸ γῆρας) и простодушием» [39, № 67.31–34]. В свою очередь, решение спора между монахами Дохиарского и Ксенофонтского монастырей о приоритете одного в отношении другого выносили афонские «старцы», среди которых акт 1361 г. прота Доррофея выделяет особо не просто «достойных веры», но и «старцев более древних» (γερόντων ἀρχαιότερων) (см.: [25, № 37.7–8, 9, 13–14]). А к судебному разбирательству спора из-за земельных владений между монастырями Ватопеда и Каракалы, известному по акту 1389 г. епископа Иериссо Исаака, были привлечены «из всех здешних хор» для свидетельских показаний «достойные веры» старцы («ἐξ ὅλων γέροντας τῶν ἐκεῖσε χωρῶν»), которые охарактеризованы как «престарелые же и в таковых делах испытанные, и благосовестливые в том, чтобы

не скрыть истину о них» («γῆραιός δὲ καὶ εἰς τὰ τοιαῦτα δοκίμους καὶ εὐσυνειδήτους εἰς τὸ μὴ καλύψαι τὴν περὶ τούτων ἀλήθειαν») (см.: [35, № 166.4–5]). Столь изысканно изображенные старцы, как следует из дальнейшего хода процесса, отнюдь не были рядовыми жителями сел, а высокопоставленными лицами духовного звания и монахами, которые, судя по последним словам, несомненно, привлекались к судебным тяжбам уже не в первый раз (см.: [35, № 166.7 etc.]).

И даже если документальное описание того или иного «старца» не сопровождают определяющие непосредственно его возраст признаки, это могут выразить косвенные сведения. Так, сразу два документа 1369 г., касающиеся судьбоносного решения великого домостика Алексея Метохита обосноваться в келье на Афоне, чтобы встретить здесь свою кончину (см.: [34, № 129; № 130]). Надо сказать, что вельможа, уступив монастырю свое наследственное имение и земли, выговорил для себя в счет полученных аделфатов самые привилегированные условия пребывания на Святой Горе. Алексею Метохиту была предоставлена отнюдь не простая монашеская келья, а старое специальное прибежище для выходцев из начальствующего сословия («κελλίον τὸ παλαιὸν ἀρχονταρίκιον»). Более того, новый ее насельник, которого святогорцы вызвались принимать в качестве «пречестного и заслуживающего внимания старца как первого советника (πρωτοσύμβουλον)», выговорил себе бесспорную привилегию: его сопровождали два слуги, словно бы речь шла о немощном пациенте богодельни, дабы их подопечному вести здесь «старческую службу» («διακονίαν γερωντικὴν»), как говорится, в дарственной Ватопедскому монастырю (см.: [34, № 129.13 etc.; № 130.14])³. В свою очередь, первый же свидетель на процессе Ватопедского монастыря и монастыря Каракалы в 1389 г., а этим свидетелем стал один из иерархов, в своих показаниях утверждал, что Ватопедский монастырь обладал спорными хорафиями «с незапамятных времен» («ἐξ ἀμνημονεῦτων χρόνων») (см.: [35, № 166.9–10]). Потом эта фраза повторена в патриаршей грамоте, подтвердившей результаты урегулирования поземельного спора, который разрешился благодаря, наверное, немолодому служителю церкви (см.: [35, № 167.43]).

В сравнении с тем к наиболее почтенным знатокам истины несомненно принадлежал старец Фотинос из Пройбиста, которого составитель принятого в 1389 г. судебного решения называет «столетним» («ἑκατοντούτης») (см.: [35, № 166.16 etc.]). И тогда возникает вопрос о том, уж не он ли принимал участие тремя годами позже в разрешении спора монастырей Каракалы и Пантократора из-за пашенных полей в окрестностях Хрисополя, которое было достигнуто прежде всего благодаря показаниям «старца» из хориона Пройбиста? Как бы то ни было, получив приоритет перед остальными свидетелями, призванными из местных хорионов, этот «старец» заявил о том, что спорные хорафии он возделывает с детства (παῖδιόθεν). Его слова, видимо, приобрели весомое значение в глазах и тех, кто подтверждал истинность свидетельства старца, и, равным образом, для тех, кто принял на этом основании окончательное решение (см.: [29, № 13.3–7 etc., 21–25 etc, 37–38]).

Схожим образом охарактеризованы афонские старцы, привлеченные в конце XIV в. монахом Герасимом, владевшим кельей Макру, для свидетельства на тяжбе с монастырем Пантократора из-за масличника. Общественный статус этих старцев определял атрибутив «достойные веры», а их возраст позволял свидетельствовать о событиях, имевших место задолго до времени тяжбы (πρὸ χρόνων). Уже тогда «старцы» сами являлись владельцами и, как из этого следует, насельниками расположенной по соседству другой кельи, то есть лицами весьма преклонных лет, что непосредственно было отмечено в тексте документа (ἀπὸ γήρως τῶν μαρτύρων) (см.: [29, № 19.7–8, 10]).

В полной мере сказанное относится, допустим, ко второй половине XIV в., когда некий монах Феодосий Плакас удостоверяет своим именем юридическую силу составленного тогда документа (см.: [34, № 138.16]). Одно временно названное имя упомянуто в ряде последующих документов, в одном из которых, надо подчеркнуть, тезка названного монаха слишком нарочито уточнял, что он-де является «старцем протата» (см.: [34, № 151.26]; также см.: [34, № 143.14; № 153.34])⁴. В действительности, ни одна из подписей Феодосия Плакаса в четырех ватопедских документах не

позволяет произвести какой-либо достоверной и однозначной идентификации, поскольку указанные подписи столь далеки друг от друга для того, чтобы приписать их одному человеку без дополнительной атрибуции⁵. Однако было бы опрометчиво отказаться от такого предположения⁶. В любом случае, и для названного монаха, или для его предполагаемого тезки, сделанные из-за его возможной немощи, с одной стороны, с другой – ввиду изменения его статуса различные по форме подписи в первую очередь подтверждают сословную принадлежность к монашеству в составе старшей возрастной группы. Это, кстати говоря, могло стать причиной расхождений подписей, но это само по себе оказывается недостаточным для того, чтобы судить о реальном возрасте «старика».

В то время, как сама старость воспринималась как период жизни человека, сопряженный с некими тяготами и потребностью в помощи со стороны других людей (например, см.: [34, № 94.1–2 etc.]), главное, что удастся проследить с непреходящей определенностью – статус стариков, как правило, за редкими исключениями, оказывался полон почета, будь то чин простых монахов, или сан иерархов старшего возраста. Именно об этом, думается, свидетельствует акт 1416 г. фессалоникского митрополита и экзарха Гавриила (см.: [35, № 208]). Поводом для появления этого постановления, своим острием обращенного против епископа Ардамери Григория, стала решимость митрополита восстановить попорченные права митрополии на хорионы, которые далее в документе обозначены под названиями Борену и Суду. Эти два хориона, согласно многократно повторенным утверждениям Гавриила, ранее относились к округу Рентины и находились под церковно-епархиальным надзором местного владыки Лити и Рентины. Этот факт был удостоверен заявлениями святогорских монахов, в частности, свидетельскими показаниями двух «духовных и престарелых» («πνευματικῶς καὶ ἡπρωτοῦς») иерархов из Рентины, Даниилом и Феодулом. Как выясняется далее, в годину сербского нашествия, когда каноническая связь указанных хорионов с их епархией оказалась нарушена, Феодосий, предшественник Григория на епископской кафедре Ардамери,

воспользовавшись установлением сербской власти, переподчинил себе названные села, которые, в соответствии с полученными свидетельствами, выпали из-под прежнего епархиального надзора [35, № 208.2–25 etc., esp. ll. 16–17 etc.].

«Старцы» в системе сельского управления. Итак, представления о старости в византийских документах многообразны. Центральной проблемой изучения старости в византиноведении остается место стариков в социуме и их причастность к системе управления. Именно с этой точки зрения предстает роль «старцев» в сельском самоуправлении, основные проблемы которого, изученные некогда автором этих строк в специальном исследовании, приходится здесь воспроизвести снова, поскольку они требуют системного подхода к углубленному пониманию общественных позиций лиц старшего возраста в византийском селе (см.: [4]).

Как уже отмечено, независимо от контекста употребления, в любом случае понятие «старец» указывает и на возрастные, и на социальные признаки обладателя этого титула. В то же время невозможно не замечать принципиальных изменений, наблюдаемых в сфере сельского самоуправления, которые вызваны повсеместным распространением парикии. В ряду прочих это подтверждает акт 1071 г. митрополита Серр Стефана, составленный по случаю урегулирования взаимных земельных претензий Ивирского монастыря и патриархата, первому из которых принадлежал проастий Мелициани, а второму – проастий Евнуху (см.: [38, № 40]). Ведь среди наиболее активных участников процесса размежевания земельных владений двух церковных учреждений документ прежде всего называет «неких соседствующих с ними париков» («τιῶν παροίκων γειτνιόντων αὐτοῖς» – sic!) [38, № 40.3–5]. Они сопровождали осуществлявшую расследование комиссию «достойных и благопредрасположенных мужей», а также «других многих соседских старцев», то есть клириков и монахов, как характеризуются в митрополичьем акте наиболее уважаемые свидетели и очевидцы межевания [38, № 40.29–31 etc.]. На самих же крестьян, помимо пресвитера Давида и нескольких его перечисленных поименно односельчан, отнесенных к разряду

париков, проживавших в проастии Евнуху, указывает ссылка «остальные» (οἱ λοιποὶ) [38, № 40.34–35]. Из дальнейшего описания следует, что под «остальными» подразумеваются жители хориона Евнуху, которые под началом «иерея Давида и протопапы» – именно так освещает подробности размежевания анализируемый документ – уточняли границу земельных владений Ивирского монастыря [38, № 40.49–50]. Этот пример, пожалуй, вполне отчетливо показывает, кого можно считать естественным предшественником складывающегося в указанный период среди византийских крестьян института «старцев», который выступал социальной альтернативой монашеству и другим представителям господствующего класса.

Среди разного рода свидетельств тому обращает на себя внимание передача хориона Радоливо Ивирскому монастырю в начале XII века. Она происходила при активном участии в ней «старцев» и других представителей местного самоуправления, которые своими подписями скрепили составленный тогда практик (опись крестьянских хозяйств) (см.: [38, № 51.21–23, 89 etc., 126–130]). Равным образом показательно и размежевание границ хорионов Радоливо и Семалты (Сиёмалту), хотя в тексте акта 1142 г., когда состоялось произведенное в интересах крупных собственников разграничение их землевладений, роль селян отображена символически, а налицо присутствие на описанной процедуре «старцев» названных сел (см.: [39, № 55b.17–18]).

Впоследствии акт 1297 г., который содержит свидетельства жителей Комитиссы по поводу спорных землевладений Хиландарского и Ватопедского монастырей, подтверждает, что «старцам» в византийском селе принадлежала особая роль. Им в указанном документе отведено почетное место в одном ряду с иереями и икодеспотами («домоправителями») села, которые составляли костяк органов общинного самоуправления ([33, № 26.13–14]; подробнее см.: [55, § 35]). Впрочем, поздневизантийская деревня дает примеры явных региональных отличий самоуправленческой деятельности.

Наиболее отчетливо деятельность органов сельского самоуправления прослеживается по документам, относящимся к сельским регионам Трапезундской империи. Здесь

«старцы» производили раздел имущества и принимали участие в совершении поземельных сделок. Так, во второй половине XIII в. раздел имуществ братьев Валенциаков из долины Пиксита – сердца средневековой трапезундской деревни – происходил в присутствии местных «старцев» [17, № 44.10]. В 1264 г. представители сельского самоуправления, имеющие опыт в оценке имущества, устанавливали цену продаваемого Вазелонскому монастырю крестьянского надела ([17, № 39.40–45]; также см.: [11, с. 78]). Обладая большим авторитетом, очевидно, «старцы места» участвовали в различных общественных и религиозных церемониях, скажем, таких, как похороны видных жителей села [17, № 65.4–8]. Трудно сказать, был ли институт «местных старцев», как их называли акты, выборным учреждением. Вероятно, уже в XIII в. институт «местных старцев» не был выборным в полном смысле этого слова, но и не стал еще органом, назначаемым представителями государственной власти. В него входили, наверное, пользовавшиеся почетом и влиянием наиболее авторитетные жители села. Многие из них принадлежали к зажиточному крестьянству и носили духовное звание. Одновременно в органы сельского самоуправления проникают мелкие феодальные землевладельцы (ср.: [17, № 39.71–74; № 50.22–26; № 57.23–24]; также см.: [17, № 106.303; № 32; № 33; № 111.11–13; № 36.1–4]). Со второй половины XIII в. стала ощутимой тенденция подчинения сельского самоуправления местным феодальным собственникам. В одном из документов 1270-х гг. описывается тяжба, во время которой игумен Вазелонского монастыря привел «местных старцев» на земельный участок с тем, чтобы потребовать от них клятвы, подтверждающей его принадлежность монастырю на законном основании (см.: [17, № 117]). Правда, ко второй половине XIV в. положение института «старцев» существенно изменяется. Он по-прежнему решает споры между крестьянами, добиваясь заключения мирных [17, № 129]. Но с этого времени наблюдается сращивание сельского суда с представителями местных вотчинников и представителей государственного управления.

В сельских районах юго-западной части Малой Азии роль «старцев» на селе оказалась

ретуширована активностью членов органов сельского самоуправления иных категорий (см.: [18, р. 151, 166, 178]). Их с последней четверти XIII – начала XIV в. в юго-западных областях Малой Азии полностью контролировали представители государственной администрации и феодальные владетели.

Процесс утраты самостоятельности органов сельского самоуправления в европейских провинциях Византии происходил более интенсивно, чем в азиатских районах страны. Но роль членов сельского самоуправления, выступающих под именем «старцев», здесь оказалась более очевидна. Примером служит рассказ Димитрия Хоматиана об иске Иоанна Иерокари к Гриди Драдзи из охридского хориона Ракита относительно виноградника, расположенного в хорионе Властус. За разрешением спора обе стороны обратились к окружным властям. На суд для дачи свидетельских показаний были приглашены «старцы» из соседних «хор», которые, как следует далее из текста документа, отождествляются с хорионами. Из трех сел пришло четыре «старца», один из которых к тому же оказался иереем, пользовавшимся несомненным уважением. Тем не менее последнее слово осталось за местными архонтами, хотя плохая осведомленность одного из них в сути дела была очевидна ([46, № 72.2–113; esp. ll. 49–53; 45, № 72.315–320, esp. col. 316–317]; также см.: [9, с. 211]).

Не улучшал общего состояния указанных органов и тот факт, что в самоуправлении сел Южной Македонии, Фессалии и прилегающих островов, где размещались обширные комплексы монастырских владений, ключевые позиции занимало духовенство (например, см.: [18, р. 413; 23, № 9.35–37 etc., 52–55 etc., 69–77 etc.; 22, № 88.8–10; 29, № 6.3–4, 5]). Нередко в сельские органы управления бывали кооптированы монашеские элементы, также известные как «старцы» (см.: [18, р. 398; 29, № 6.5; 23, № 9.35–37]). Принимавшие в деятельности сельского самоуправления активное участие лица духовного звания, обладая сильным влиянием на рядовых крестьян, освидетельствовали заключение сделок жителей села, представляли их интересы в суде [22, № 88.49–50; № 130.55–56; 37, № XIX.81–82; № XLI.4]. Нет сомнения, общественное положение парика Крица из хориона Акротерий,

ставшего монахом, позволило ему выступить на суде свидетелем от лица своих односельчан (см.: [22, № 102.23–24; № 130.41–42]).

Наряду с чиновниками, представителями провинциальной знати и проникавшими в органы сельского самоуправления мелкими феодальными владетелями у жителей поздневизантийского села большим авторитетом и властью пользовались монастырские «старцы». Они принимали непосредственное участие в поземельных расследованиях и межеваниях монастырских и смежных с ними владений (см.: [23, № 9.25–26, 96–100; 37, № XLIV.13–18, 33–36]). По всей видимости, так протекало, к примеру, урегулирование конфликта Ивирского и Ватопедского монастырей, как это было ранее продемонстрировано, в 1297 г., когда их столкновение произошло во время жатвы на рубежах сел Радоливо и Семалты (Семелты) (см.: [33, № 27.6 etc.]). В рассмотрении спора, надо заметить, оказались вовлечены некие из «мирских людей» («τῶν κοσμικῶν ἀνθρώπων») со стороны обеих тяжущихся обителей, которые разбились, вероятно, на два лагеря («ἀμφίθυροι ὄντες»). Они принимали, наверное, активное участие в проведенном тогда размежевании спорных владений наряду с монахами, буквально говоря, «братьями» (см.: [33, № 27.6 etc.]). И вполне уместно счесть, что использованный по поводу представших «на месте» («τοικῶς») участников тяжбы эпитет «и тех, и других подчиненных» («ἀμφότερων τῶν υλοτακτικῶν» – sic!), судя по всему, относится не только к афонским насельникам (см.: [33, № 27.15–16 etc.]). Вместе с тем без «старцев», представлявших свои монастыри, не обошлось и это дело (см.: [33, № 27.14–15]). Несомненно, умиротворение сторон было достигнуто, как свидетельствуют подписи под составленным тогда, если можно так сказать, «гарантийным письмом», в непосредственном присутствии там возглавляемых местным иереем «старейшин», или просто старейших жителей села Радоливо, которых называли купно «старцы радоливины» (οἱ... γέροντες ραδολιβηνοὶ) (см.: [33, № 27.33]).

Равным образом «старцы» активно участвовали и в проведенном под эгидой митрополита Анкиры суде 1300 г. между Ивирским и Ватопедским монастырями на очередном

этапе размежевания земельных территорий хорионов Радоливо и Семалты. В отличие от 1142 г., когда присутствовавшие по тому же самому поводу «старцы» были, как уже отмечено, напрямую соотнесены с жителями названных сел, на рубеже XIII–XIV столетий понятие «старцы» служит приложением к обозначению «достойных веры» свидетелей и «мужей», которых тяжущиеся стороны привлекли к расследованию о ранее установленных границах двух землевладений (см.: [39, № 69.13–14, 16–17, 19–20 etc.]; ср.: [39, № 55b.17–18]). Сделанная в акте судебного разбирательства оговорка о даче показаний «местных и достойных веры свидетелей» подкрепляла обоснованность вынесенного митрополичьего решения (см.: [39, № 69.22–24]).

В середине же XIII–XIV вв. спор насельников метоха Алипийского монастыря, расположенного в окрестностях «хоры» (села) Езова, и архонтопулов г. Серры из-за «свободных проскафименов» решал церковный арбитраж (подробнее см.: [62, p. 125–126, 341–342]). Он состоялся после того, как ответчики были изобличены в попытке противоправно подчинить себе поселенцев градским судьей при поддержке «старцев здесь достойных веры свидетельствующих» («γερόντων τῶν ἐκεῖ ἀξιολίστων μαρτυρησάντων»). В конечном счете судьбу проскафименов предопределили показания «достойных веры старцев», сделанные «живым языком» (τῆς ζώσης γλώττης), а также предоставленные документы (см.: [26, № 21.1–4 etc., 6–8 etc.]). Как бы то ни было, суды, проводимые в хорионах Халкидики и прилегающих районах Южной Македонии, контролировал афонский протат и епископ Иериссо (например, см.: [22, № 88.54–55; 37, № XII.48]). Это подтверждает, в частности, акт 1389 г. Исаака, епископа Иериссо, посвященный урегулированию спора между Ватопедским монастырем и монастырем Каракалы относительно их пашенных полей в Заверникии (см.: [35, № 166]; также см.: [35, III. № 167]). Ведь судебное разбирательство непосредственно затрагивало местные села, о чем свидетельствует цитата плохо сохранившегося фрагмента воспроизведенного в указанном акте документа местной администрации, где упоминаются несколько «хор» («χωρῶν») (см.: [35, № 166.19]). Тем самым хорошо объясня-

ется вызов на епископальный суд для дачи свидетельских показаний «достойных веры» старцев «из всех здешних хор» («ἐξ ὅλων γέροντας τῶν ἐκεῖσε χωρῶν»), наиболее уважаемые из которых, как надо думать, выступили в качестве свидетелей (см.: [35, № 166.4 etc.]).

И все же укрепление феодальных отношений в Поздней Византии не могло уничтожить полностью традиции сельского самоуправления. Благодаря тому проживавшие в селах «старцы» и «лучшие» выступали в качестве свидетелей при отчуждении земельных держаний крестьян, принимали участие в расследовании земельных споров монастырей [37, № VII.50–62; № XII.11–15; 23, № 9.35–37, 96–100; № 14.7 etc., 11 etc.; 36, № 9 A.83–84; № 17.12–22]. Так, в начале XIV в. продажа близ Иериссо пашенного поля Иоанна Влукана (Вулкана) «папе» (попу) Кириаку была совершена в присутствии «старцев», результатом чего на свет явилось, составленное тогда от их имени, «достоверное свидетельство» («ἀξιοπίστων μαρτύριον» – sic!) (см.: [33, № 34.11–12, 14–17]). Оно, вполне вероятно, могло оказаться востребовано при попытке односельчан Иоанна Влукана реализовать свое право протимисиса. Во всяком случае, прозрачный намек на право предпочтения содержит запродажная папы Кириака, уступившего вскоре купленный у Иоанна Вулкана земельный участок Ватопедскому монастырю (см.: [33, № 37]).

В то же время, как показывает серия продаж и дарений, совершенных в том же районе на протяжении 1308–1312 гг., присутствие при отчуждениях наделов мелких собственников в качестве свидетелей представителей или выходцев из «хоры Иериссо» или «из топоса (места) нашего находящихся», судя по их именам, включая «достоверных свидетелей», для более чем двадцати сделок практически оказывалось правилом (например, см.: [33, № 43.I.6–7; II.14; III.19; XIV.83–84]; также см.: [33, № 43.XII.75–76]). При этом в ряде записей встречается атрибуция статуса «старцев». Она не оставляет сомнений в том, что речь идет именно о «находящихся старцах топоса того» [33, № 43.VI.37–38], «старцах Иериссо» [33, № 43.VIII.55–56] и тому подобное [33, № 43.X.116–117], а также «протогера (инвариант наименования “протостарца”. – Ю. В.) и других не немногих» («πρωτογέρου

καὶ ἐτέρων οὐκ ὀλίγων»), о чем подробнее речь пойдет далее [33, № 43.XXII.139]. А в последней трети XIV в. притязания сановного лица на землю Дохиарского монастыря, которая некогда принадлежала прониарам, были отвергнуты на основании свидетельств принимавших участие в расследовании «на местности» (τοπικῶς) «старцев хоры» (см.: [25, № 41.33–35, 42–49]).

Отдельного обсуждения требует активность селян Комитиссы, которые были вовлечены в острый спор афонских монастырей из-за земли в топотесии («местоположении») Хреметиссы. Их спор, вспыхнув, чуть было не перерос в открытое столкновение. Показательно, что в примирении насельников двух монастырей принял активное участие «протостарец» Комитиссы совместно с «более хорошими людьми» (χρησιωτετέρων ἀνθρώπων) (см.: [23, № 11.10–14 etc., 19–20 etc.]). Несколько лет спустя, когда окрест названной местности вновь поднялся давний спор, туда для расследования пришли эконоμ Хиландарского монастыря и «другие старцы-знатоки места» (см.: [23, № 14.1–3]). Поскольку изучение местности в XI в., отойдя в историю (см.: [23, № 1]), уже более не несло положительных результатов, спустя столетия потребовалось собрать представительный круг настоятелей и монахов афонских монастырей, а также вновь явившихся «старцев из хоры – знатоков места», к которым присоединились иереи и «старцы» из Комитиссы «не немногие» (οὐκ ὀλίγους) (см.: [23, № 14.5–7 etc., 11 etc.]). И эта перемена обозначила коренной перелом во всей системе самоуправления.

В ту пору, когда характер сельского самоуправления менялся в целом, ватопедский практик 1387 г. с описанием монастырского землевладения на Лемносе сохраняет сведения о непосредственном участии местных жителей в проведении землеотвода монастырю. Согласно тому составитель описи Фока Севастопул во избежание споров признавал необходимость приглашения «старцев» («ἔγνωμεν δεῖον εἶναι εἰσκαλέσθαι γέροντας»), которые приняли участие в процедурах землеотведения. Присутствуя там, они наблюдали за восстановлением границ. Названные поименно шесть старцев, включая названного первым, по всей вероятности, владельца расположенного тут

же земельного участка, которым был доверен контроль над процессом межевания земель, осуществляли свою миссию в сопровождении нескольких архонтов и писаря. Они, должностные лица, зачитывали апографские грамоты, а названные приглашенные старцы «показывали точно установленные рубежи» и разъясняли чиновникам, если запись документа оказывалась составлена «неправильно» («οὐκ ὀρθῶς») (см.: [35, № 165.23–28]). Конечно, трудно ответить на вопрос о статусе названных старцев, были ли они насельниками монастыря, или нет, являясь местными жителями, но отнюдь не из рядов далее перечисленных париков. В пользу того, чтобы признать в старцах коренных обитателей острова, свидетельствует и способ обозначения их имен, – кроме одного, они названы по родовому имени, а указанное личное имя одного из них – явно не календарное христианское, приличествующее монаху, и отсутствие какой-либо титулатуры и дополнительных признаков, позволяющих атрибутировать социальное положение участников межевания (см.: [35, № 165.26]). В то же время их дальнейшая характеристика отобразила также прежде всего непосредственную вовлеченность в процедуры межевания. Старцы не только обошли границы ватопедского землевладения, но, вполне вероятно, приняли участие в установке межевых камней (см.: [35, № 165.52–53]).

Общественную активность лемносских старцев, кем бы они ни были на самом деле, наглядно оттеняют сведения акта 1414 г., закреплявшего результаты судебного решения по иску Ватопедского монастыря к супруге великого хартофилакса фессалоникской митрополии. В числе затронутых тогда вопросов основным стало незаконное использование пахотных полей местного метоха афонского монастыря и принадлежность спорной собственности на землю в топотесии Ланкада (см.: [35, № 204]). По этому довольно сложному и крайне запутанному судебному делу тяжущиеся стороны привлекли самых разных по своему социальному статусу свидетелей, начиная от высокопоставленных знатных лиц, стражников-«кулаитов» (κουλαίτους), местных держателей земельных участков и землевладельцев, ведших здесь свои хозяйства, а также монахов («калугеров»). Они выступали

в пользу одной из сторон, интересы которой монахи представляли. В их ряду оказался и богобоязненный и преподобный «муж из монастыря», «старец», «кир» Исаак «по имени» Давид (см.: [35, № 204.15–16]). С другой стороны по тому же поводу в качестве свидетельства были заслушаны показания некоего Полименоса, который представлен как «человек старый» («ἄνθρωπος γηραιός»). Он сначала, оказавшись рядом с участниками полемики, объявил, что осведомлен в сути предмета спора, но отказался давать показания под присягой, убоившись совершить преступление. И только под давлением он был вынужден принести клятву и сообщить то, что ему известно «точно» (см.: [35, № 204.29–33 etc.]). Опуская многочисленные противоречивые подробности, потребовавшие, согласно косвенным деталям перипетии, от членов суда осмотра местности расположения спорных участков, следует отметить, что ватопедским монахам, уличившим ответчиков в неточностях, удалось выставить свои контраргументы. В конечном итоге они в ходе проведенного расследования стали основанием для суда вынести решение относительно принадлежности спорной земли в пользу Ватопедского монастыря.

В целом проделанные исследования показывают, что судьба органов сельского самоуправления тесно связана с феодальным поместьем. Надо признать, что как в вышеописанном примере, так и в других тяжбах многие свидетельские показания далеко не всегда бывали однозначно признаны. Недаром, уже рассмотренное судебное решение 1389 г. по тяжбе Ватопедского монастыря и монастыря Каракалы из-за хорафиев в Заверникии, упоминая об участии в процессе «достойных веры» старцев окрестных селений («хор»), прежде всего воспроизводит показания свидетелей в пользу ватопедских монахов (см.: [35, № 166.7 etc.]). С этой точки зрения симптоматичны пояснения составителя судебного решения о том, что значительная часть свидетелей, буквально говорится «большое скопище старцев собранное» («ὄχλος γερόντων πολὺς ἀθροισθεὶς»), не дала ожидаемое свидетельство («μάρτυρίαν μὲν οὐκ ἀπέδωκεν»). В поисках истины судьи, по всей видимости, выслушали наиболее достоверные, как им, вероятно, представлялось, показания тех участников процесса, кто вос-

принял спорные хорафии от своих предков, кому эти участки принадлежали «парикии ради» («αὐτοὶ τὴν ἀλήθειαν συνεστήσαντο παροικίας χάριν γὰρ ἐκ προγόνων ἄτερ χωράφια διεδέξαντο») (см.: [35, № 166.28–29 etc.]).

При этом нельзя вновь не вспомнить о показаниях Фотиноса из Пройбиста. Выступив в поддержку Ватопедского монастыря одним из первых, он цитировал, как профессиональный «свидетель», документ местного апографевса (см.: [35, № 166.16 etc.]). В этом свете напрашивается ответ на поставленный прежде вопрос о названном старце по поводу того, что тремя годами позже, в 1392 г., состоялось размежевание спорных хорафиев монастырей Каракалы и Пантократора в окрестностях Хрисополя. Известно, свидетельские показания, которые стали основанием снятия взаимных претензий монахов, дал некий «старец» Пройбистана. Он объявил, какому из тяжущихся тогда монастырей, с детства возделывая пашенные поля, уплачивал «с них десятины» (τὰς ἐκ τούτων δεκάτας) [29, № 13.21–23].

«Протостарцы». Представляется, что укрепление феодальных отношений в византийской деревне XIII–XV вв. с точки зрения форм господства и контроля над зависимым крестьянством не исчерпывалось назначением специальных управляющих и подчинением феодалу сельских органов управления, а приводило к более радикальным социально-политическим последствиям. К их числу следует отнести факты, характеризующие общественную роль «старцев», кем бы они ни были, которая не подлежит сомнению. О них необходимо говорить, имея в виду некоторые имения феодальных собственников, где может быть отмечена происходившая, вероятно, замена органов сельского самоуправления старостатом, который рекрутировали из рядов зависимого крестьянства. Во всяком случае, в XIV–XV вв., как показывают практики, в перечнях зависимых крестьян во владениях Ивирского и некоторых других афонских монастырей – в проастии Ксилоригий, селах Милициана, Като Волво, Пинсон, Селада, а также в хорионах Оксина, Гомату, Св. Маманта и ватопедских зевгилагиях и метохах, в частности, на Лемносе, обнаруживаются соименные членам органов общинного самоуправления «старцы», «протостарцы» и «протогеросы»

([39, № 70.379; 40, № 86.47–48, 317–318; 28, № 91 III.117; № 109.121–122, 124]; ср.: [28, № 108.341–342]; также см.: [33, № 30.30–31; 34, № 82.43–44; 35, № 189.14; № 191.32; № 234.7; № 236.71]).

Как известно, Ф. Дэльгер отождествлял названную категорию обитателей поздневи- зантийского села с членами общинного са- моуправления [48, S. 19]. Г.Г. Литаврин видел в тех старейшинах села [10, с. 58]. К.Н. Цирпанлис подчеркнул, что «протостарцы», которых он приравнивал к «лучшим» крестьянам провинции, действовали по распоряжению прониаров [68, р. 437]. А.Е. Лаиу высказала мнение о том, что обозначение в практике «старец» указывает на возрастную ценз парика. В то же время американская исследовательница допускает, что звание «старец» могло бы характеризовать положение крестьянина в общине [60, р. 63, 202, 271]. Это мнение, имея в виду «прото- старцев», в целом разделяла А. Тэлбот (см.: [67, S. 271]). Вслед за А.Е. Лаиу Ш. Джерстел упоминает «протостарцев» в общем ряду дру- гих авторитетных представителей «сельской элиты», принимавших участие в решении по- вседневных споров (см.: [51, р. 131]). Весьма схожую характеристику «протостарцам» дает и З. Дзьбокович, дополняя ее предположе- нием, что они представляли своих соседей перед монастырскими властями, выступая таким образом в качестве посредников между теми и другими [47, с. 121]. К сожалению, ни американской, ни сербской исследовате- льницам остались неизвестны, мягко говоря, выводы на этот счет, к которым пришел автор данных строк несколькими десятилетиями ранее (подробнее см.: [4, с. 211–212]). На этом фоне, конечно же, выделяется мнение А. Гийу. При всей свойственной ему недооценке роли сельского самоуправления в Византии, он при- знает неоднозначность социальных позиций, занимаемых «старцами» в деревне. А «прото- старцев» французский ученый считает первы- ми из старейшин и, безусловно, неоправданно модернизируя исторические реалии и находя в них начатки демократизма, уподобляет по- ложение тех современному «мэру села» (ср.: [54, р. 131–132, 134]).

Словом, суждения о «протостарцах» в византийской до сих пор раскрываются в довольно неопределенном виде. К сожалению,

скудные описания зависимого населения практиков обычно не содержат сколь-нибудь убедительных доводов в пользу многознач- ного толкования значения термина «старец». Скажем, обращаясь к ивирскому практику 1262 г., приходится лишь констатировать маловыразительное упоминание в ряду дру- гих монастырских париков «старца» Михаила и его жены, зарегистрированных без детей и каких-либо значительных имуществ [39, № 59.16]. Этот пример оказывается почти тождественен сведениям, правда, искаженным из-за утрат текста, о «старце», которые со- держатся в практике 1103 г., где перечислены парики Ивирского монастыря, проживавшие в хороне Радоливо [38, № 51.36].

Тем не менее другую запись практика 1262 г. – о «старце» Скури – следует считать одним из ярких свидетельств несомненного своеобразия общественного статуса крестьян, названных «стариками». Будучи вдовцом, «старец» Скури предстает главой семейства, судя по всему, трех поколений. Он, выступая держателем вполне экономически состоятель- ного паричского хозяйства, отнесен к разряду «зевгаратов», владельцев воловьей упряжки [39, № 59.84]. Характерна и другая сторона описания членов семьи и имуществ «старца» Скури, которое практик воспроизводит во- все не среди прочих паричских катастиков жителей сел. Этим описанием открывается особый перечень «людей», переданных ранее Ивирскому монастырю другим собственником, и права на которых подтверждал указ деспота [39, № 59.82–83 etc.]. На этом фоне выделя- ется также положение, как можно судить по семейному патрониму, точнее говоря, про- звищу одного из потомков «старца» в хороне Заварника, в практике которого в 20-х гг. XIV в. было описано хозяйство и семья Еле- ны, вдовы Феодора Катотика или Геронтопула (τοῦ Γερωντοπούλου). С одной стороны, его преемники оставались в общем ряду париков названного села, из-за чего проистекала несо- мненная неопределенность статуса «старцев». С другой стороны, наследники «старца» За- варникии образовывали небольшую патро- нимическую группу. Ее основу составляли 7 человек, представлявших, по крайней мере, два поколения: саму Елену, четырех ее детей и двух невесток. Они сосредоточили в своих

руках недвижимые имущества их наследственной стаи, а именно виноградники и землю. Кроме этого, в том же практике оказался записан и брат Елены со своей «ипостасью» (см.: [33, № 70.40–42]).

В свою очередь, очевидна неординарность некоторых представителей рассматриваемой категории. Так, старец Перипа, известный по счетной книге Касандрина, был втянут, получая от скупщика в долг денежные суммы, в хлебную торговлю на одинаковых условиях с другими жителями сельских селений, как предполагается Халкидики середины XIV в. [64, № 3. 94]. Ту же самую ситуацию отображает, вероятно, хозяйственная запись рубежа указанного и последующего столетий, которая на первом месте называет носителя личного имени Протогерос [64, № 50. 1].

В целом косвенные свидетельства мешают согласиться с исключительно односторонним восприятием понятия «старец» в практиках указанного времени. В описаниях землевладений оно систематически встречается в качестве обозначения держателей сопредельных земельных участков [28, № 108.341–342; № 109.542, 569, 589, 594, 607; 40, № 86.312]. С определенной уверенностью можно предполагать, что наравне со сведениями поздневизантийских практиков о профессии, звании и тому подобных данных, раскрывающих общественный статус держателей земельных наделов, например, сапожник, номик, иерей и прочее, самоназвание «старец» предопределяла как возрастная характеристика, так и социальное положение землевладельца. Даже статус «элевтер», который характеризует «старца», а может быть, просто старика Рентаки, чье хозяйство, о котором уже заходила речь, в хорионе Св. Маманта согласно сведениям практика 1301 г. с приписанными ему двумя сыновьями и невесткой обладало лишь одним волом, не меняет существа дела [33, № 30.30–31]. В самом деле, 4 из 6 отмеченных выше примеров, относящихся к владениям Ивирского монастыря XIV в., убеждают в том, что «протостарцы» оказывались главами семей из трех поколений. Принимая во внимание это обстоятельство одновременно с предпосылкой социального содержания термина «протостарец», можно допустить, что крестьяне, к которым он относился, принадлежали к ста-

рейшему поколению жителей села. Но даже это допущение, как свидетельствует впоследствии практик 1404 г. ватопедского монастыря, не гарантировало принципиальных отличий положения протостарца от прочих крестьян. Согласно указанному практику, в одном из принадлежавших названному монастырю сел в Ермилее, буквально «топосе Каламариин», половина хориона прежде была изъята у монахов, тогда как в оставшейся в их собственности половине села проживало 16 крестьянских семей. В ряду населявших хорион «таковых людей» (τοιούτους ἀνθρώπους) отмечен протостарец Иоанн, имущественное положение которого, поскольку у него не было тяглого скота, можно оценить как «ниже среднего». Впрочем, судя по последующей записи практика, оно вполне сопоставимо с положением местного священника, «папы» Георгия, чьи доходы, вероятно, пополнялись не только от занятий земледелием [33, № 30.30–31].

Таким образом, относительно социального статуса «протостарцев» у историков имеются все основания считать тех старостами паричского населения господского поместья. Во-первых, главная особенность общественного положения «протостарцев» состояла в их паричском статусе, а по своему имущественному состоянию и характеру податного обложения они ничем не выделялись из массы рядовых обитателей феодального имения. Это утверждение вполне приложимо даже к «протостарцу» хориона Оксина – владельцу усадьбы-«катедры» [28, № 108.341–342]. Во-вторых, численность «протостарцев» была ограничена одним-двумя в каждом из поместий, где они упоминаются, тогда как органы сельского самоуправления всегда сохраняли свою коллегиальность. Наконец, требует оценки и тот факт, что «протостарцы» известны исключительно в господских имениях европейской части Византии, то есть регионе с наиболее высокой степенью развития феодальных отношений. Старостату, по-видимому, был присущ сугубо частноправовой характер, вследствие чего представители фиска редко отмечали в своих документах наличие в феодальном владении «протостарца». Да и не в каждом поместье, вероятно, возникала необходимость в учреждении этой должности. Как и многие другие стороны частноправовой жизни феодального

поместья Поздней Византии, функции «протостарцев» остаются скрытыми от исследователей. Следует предполагать, «протостарцы» являлись доверенными лицами господ.

Во всяком случае, о деятельности описанной категории поместных «старцев» и «протостарцев» судить приходится прежде всего в сопоставлении с основными направлениями социальной активности соименных им членов общинного управления. Как уже отмечено, «протостарец» Комитиссы совместно с «более хорошими мужами», будучи вовлечен, как и другие селяне (τῶν ἄλο τῆς Κομητίσσης χωριάτων – sic! – Ю. В.), в острый спор афонских монастырей из-за земли в топотесии Хреметиссы наряду с теми, кто был осведомлен (εἰδότες ἡμεῖς) в обстоятельствах взаимных претензий, стал активным участником примирения их насельников (см.: [23, № 11.10–14 etc., 16 etc., 19–20 etc.]). А позже, в 1297 г., Михаил, «протогерос» (πρωτόγερος), то есть тот же, по всей видимости, протостарец Комитиссы, выступив одновременно в роли анагоста, обозначил себя в качестве составителя и писца акта свидетельства его односельчан, с помощью которых были разделены спорные землевладения Хиландарского и Ватопедского монастырей (см.: [33, № 26.40–43])⁷. В начале же следующего столетия, в 1304 г., требуют внимания «мужи достойные веры (ἄνδρες ἀξιόπιστοι) не немногие» хориона Острову, которые принимали участие в возвращении ранее отторгнутого у монастыря Спелиотиссы земельного имения. Тогда в перечне «достойных веры свидетелей», перечисленных вместе с «заслуживающими внимания мужами» («ἀξιολόγων ἀνδρῶν»), точнее говоря, видными селянами и служителями церкви, на процедуре передачи и описания границы земельного клина, и, соответственно, составления «передаточной грамоты», первым, независимо от того, представителем кого он выступал, монастыря ли, или самих жителей села, а может быть, и тех, и других, назван «протогерос их» Павлопул (см.: [33, № 36.22–23 etc., 32–33 etc., 40–41]).

Рассказывая о статусе протостарцев на селе в заключительный период византийской истории, необходимо также принять во внимание и сведения документов 1463 г. Ватопедского монастыря относительно при-

надлежащих ему селений на Лемносе, что само по себе отображало зародившуюся на исходе византийской истории тенденцию к укреплению поместного хозяйства на окраинах страны. В частности, воспроизведенный тогда в ордонансе деспота Димитрия Палеолога перечень десяти крестьян хориона Мудро, буквально «человек» («ἀνθρώπου»), статус которых далее уточняет их обозначение в качестве ватопедских «париков», открывается именем протостарца Мономаха (см.: [35, № 234.3–4, 6–8 etc.]). Равным образом это свидетельство подкрепляет и составленный тогда же практик Иоанна Палеолога Кантакузина, где упоминаются парики-присельники, испомещенные некогда в названном хорионе (см.: [35, № 236.44, 62 etc.]). Наряду с ними перечисляются дополнительно в отдельном перечне выше упомянутые 10 париков, среди которых отмечен протостарец («πρωτόγερος») Михаил Мономах, у которого был неназванный сын. Этого протостарца, независимо от его возраста, как владельца пахотной упряжки, вполне оправданно отнести к крестьянам-среднякам и считать старостой указанной группы поместных крестьян, поскольку его положение полностью укладывается в порядок византийского поместного управления, опирающегося на общинную традицию.

В этой связи было бы неоправданно умолчать об имени одного из участников произведенного в 1392 г. межевания пашенных полей двух монастырей, а именно «старца» из хориона Проивиста (τῆς Προιβίστας) по прозвищу «Дендруцик» (ὁ γέρον οὗτω καλούμενος Δενδρούτζικος) (см.: [29, № 13.6–7]). Оставив сейчас в стороне объяснение прозвища Дендруцика, которое восходит к обозначению «дерева», и, может быть, иронично намекает на долголетие или какой-то физический недостаток и даже особенность поведения (ср.: χαζούτσικος – глуповатый), хотелось бы отметить, что в описании свидетельских показаний этого самого «старца» он уже назван по наименованию хориона: «нареченный Проибистан» (ὁ εἰρημένος Προιβιστανὸς ἐκεῖνος γέρον) (см.: [29, № 13.21]). Иначе говоря, одного – насмешливого – прозвища оказалось недостаточно, чтобы убедительно удостоверить личность свидетеля, который одновременно выступал под именем, происходящем от названия его родного села.

Без какого-либо сомнения можно утверждать, что и на заключительном этапе византийской истории очевидными общинными распорядками, служившими мерилем восприятия всей сферы деревенской социальности, веет от народной поговорки, которая восходит, вероятно, к позднему периоду средневековой истории Эпира и Южной Македонии, где фольклорная присказка, согласно воспроизведшему ее Ф. Кукулесу, получила известность. Согласно процитированному греческим ученым аллегорическому четверостишию, селянин оказывается посредине зарослей кустарника, как подразумевается, для того, чтобы нарубить хворосту. Здесь крестьянин наталкивается, судя по всему, на неусыпно следящего за ним «протогероса» – старейшину хоры, которого народная прибаутка насмешливо окрестила «петухом» (см.: [59, с. 77–78]). Весьма показателен тот факт, что это прозвище практически совпадает с наименованием так называемых первых лиц села (*coqs de village*) средневековой Франции (см.: [49, р. 351, 367, 556; 65, р. 16–17, 83 etc., 165, 183, 188]). Там со временем указанная категория сельских жителей превращается, по словам М. Блока, в «маленьких сельских капиталистов» (см.: [43, р. 212–213, 245–246; 44, р. 567]). И даже если отрешиться от этого, бесспорно случайного совпадения, идея досконального надзора над окрестным населением со стороны «старцев» в приводимом греческом ученым примере органично воплощена в типичном образчике безобидной в общем-то средневековой пародии с откровенными элементами сатиры и комизма (см.: [5, с. 6–7 и далее]).

На самом деле деятельность института сельских «старцев», опираясь на древние общинные устои, с каждым годом приобретала все более ярко выраженные черты поместного сервиллизма перед господином, крупным земельным собственником, фигура которого явственно вздымалась над зависимым селом. Уникальным свидетельством тому, предположительно относящимся к 1348 г., служит принятое на себя обязательство «старцев» хориона Семалта (см.: [34, № 101]). Оно, возможно, обусловлено строительством там укреплений, сооруженных ранее по инициативе монаха Петра, которая была поддержана как руководством Ватопедского монастыря, так

и его монахами (см.: [34, № 99; № 100]). На этот раз, несмотря на то что речь идет о перечисленных поименно одиннадцати старцах, наряду с коими имеются в виду «и другие» («καὶ οἱ ἕτεροι»). Необходимо иметь в виду, эти ватопедские насельники, будучи названы «святыми старцами этой обители», происходили «из Самалтон» («ἀπὸ τὴν Σάμαλτον»). Говоря иными словами, если они и не жили постоянно здесь, то пребывали в названном селе на протяжении какого-то периода времени. Согласно содержанию указанного обязательства, следует подчеркнуть, под прямым нажимом Гавриила, великого эконома Ватопедского монастыря, которому издавна принадлежало названное село, его «старцы» заявляли, по всей видимости, не столько от имени своей монашеской братии, сколько от лица своих односельчан о том, «что мы ничего не знаем, чтобы мы умышляли бы во бесстыдство и во зло, где бы ни было, к нему, не утверждали и сказали, да было бы это» (ὅτι γινώσκομεν ἵνα βουλευσώμεθα εἰς τὴν ἀναίσχυντίαν καὶ εἰς τὸ κακὸν ὁποῦ ἐγένετο εἰς αὐτόν, οὐδέ κατεφήσαμεν καὶ εἶπαμεν νὰ γένηται τοῦτο – sic!) (см.: [34, № 101.1–4, 11]). Более того, «старцы», признавая себя «верными» Богу и василевсу, и даже «рабами и послушными в службе господской их (εἰς δουλείας τὰς αὐθεντικὰς μας)», выражают безоговорочную готовность в ходе исполнения господской их службы (διὰ δουλείας τὰς αὐθεντικὰς μας) следить за присланным экономом «меньшим человеком» (τὸν μικρότερον ἄνθρωπον). «Старцы» подтверждают согласие исполнять принятые обязательства «сорвением и рабством (δουλωσύνης – sic!) настолько их» (см.: [34, № 101.4–7]). Далее, не ограничившись традиционными заверениями в соблюдении заповедей, «старцы» признают себя «такowymi поработенными (τέτιοι δουλωτικοὶ – sic!) и ревностными в миссии и службе (δουλείαν) господина их великого эконома» (см.: [34, № 101.8 etc.]). Словом, сопоставление рассмотренных документов позволяет соотнести монастырских «старцев», не идентифицируя их полностью, со «старцами» в принадлежавшем монастырю селе, с одной стороны. С другой – вырисовывается роль «старцев», независимо от их статуса в лоне церкви, в поместном селе, где они, судя по всему, выступали в качестве проводников

отнодью не только духовной власти монастыря, а от его лица как корпоративного господина и собственника поместья, осуществляя надзор за присланным из Ватопедского монастыря управляющим.

Действительно, невозможно отрицать факт принадлежности «старцев», которых настоятели привлекали к управлению монастырскими метохами, к привилегированной прослойке клириков и монахов ([31, № 13.32–33]; см.: [61, S. 284; 13, с. 414]; ср.: [31, р. 117]). Облеченных особым доверием монахов-«калугеров» назначали также для надзора за метохами афонских монастырей, расположенных на территории Сербии (см.: [21, № 19.51–53]). Впрочем, среда, из которой их избирали, была далека от того, чтобы ее считать однородной. Конечно, сам по себе статус «старец» не определял особого положения монаха, как об этом свидетельствуют подписи братии Филофейского монастыря, предваряющие акт середины XII века. Здесь монах Иоаким, который в конце концов мог быть всего лишь наиболее старым членом монашеской общины, выставил свой «крест» как «старец» в общем ряду с остальными своими сподвижниками, выполнявшими те или иные обязанности, включая занятия ремеслом ([21, № 63.6]; см.: [21, № 63.3–8]). Тем не менее присущая монастырским насельникам иерархичность иногда прослеживается и с точки зрения выделения в их среде «старцев», которые противопоставлены их «братии». Допустим, Арсений Цамплакон, бывший «раб» василевса, во монашестве, делая в его дарственной 1356 г. вклад в Ватопедский монастырь, сопоставил его проэстота (управляющего) и сущих под ним «других всех старцев и остальных братьев» («τῶν ὑπ' αὐτὸν ἐτέρων πάντων γερόντων καὶ λοιπῶν ἀδελφῶν»). При этом вельможный по происхождению монах пояснил далее, что имеет в виду именно «монахов и остальных братьев» названной обители (см.: [34, № 107.30–31 etc., 35–36]).

В то же время не вызывает сомнений не только духовное наставничество, но и причастность «старцев», а также других категорий монахов к управлению церковно-монастырским хозяйством, скажем, к отчуждению келий и виноградников на Афоне. К примеру, в этой связи может быть снова назван уже упомяну-

тый в качестве монаха и «старца протата» Феодосий Плакас, который в 1376 г. удостоверил подобную сделку (см.: [34, № 151.26]). В свою очередь, ватопедский иеромонах Дорофей Кириелеис в конце XIV в. подписал составленный акт прота Неофита в качестве «эпитропа (попечителя. – Ю. В.) имений (ο εὐιτροπος τῶν κτημάτων – sic!) кира Иоасафа», их владельца (см.: [24, № 9.44–46]).

Судить о реальных полномочиях монастырских порученцев дает возможность инструкция игумена Патмосского монастыря конца XI в. Христула. В свое время он наставлял, чтобы старцы, прибывающие в метох, скажем, для наблюдения за уборкой урожая, оставались там на срок жатвы ([20, р. 146]; также см.: [56, S. 208–209]). Обладая полной властью во вверенных им монастырях в общем, старцы распоряжались зависимыми от них жителями села – и не только рядовыми «хоритами», но даже стратиотами [20, р. 147]. Недаром типик монастыря Богородицы Кехаритомены, утвержденный в XII в. Ириной Дукиней, предписывал его управляющим быть благонамеренными, воздержанными и сведущими в земледелии (см.: [19, р. 355]). С этими сведениями, нужно полагать, вполне сопоставимы документальные свидетельства поздне-византийского времени. Согласно им, как было показано, «старцы» Семалту, осуществляя надзор, несли «господскую службу».

В этом свете продолжая обсуждать процитированное обязательство «старцев» Семалту, допустимо предположить, что здесь был организован метох Ватопедского монастыря. Но если это предположение не соответствует реальным обстоятельствам дела, общественное положение поименованных «старцев» Семалту явно отличное от статуса «святейших (ἱερωτάτων) и святых мужей» из окружения афонского прота, то есть членов протата и наиболее чтимых святогорцев, которые ранее прибыли туда принять решение по спору между монашествующими. Противу тех, кто поставил тогда свои колофоны под актом соглашения индивидуально (см.: [34, № 100.8–9, 17–19]), «старцы» Семалту, хотя и были, следует повторить, названы поименно, удостоены поставленного под документом одного на всех их знака «креста», иными словами говоря, подтверждения «старцев хориона Самалту» (см.: [34, № 101.11]).

С этой точки зрения, возникает, как принято говорить, «большое сомнение» в том, что издатели рассматриваемого обязательства в соответствии с принятыми у них научными взглядами, о чем было сказано ранее, правомерно сочли указанных «старцев» «нотаблями» (*les notables*) ([34, p. 228, 459]; также см.: [33, p. 407]). Более того, вся концепция «сельской элиты», очевидно довлеющая не только над французской, а в целом зарубежной византистикой, наиболее последовательным проводником которой, как было показано, в настоящее время предстает М. Каплан и его коллеги (см.: [55]), нуждается в коррекции, несмотря на их консолидированную позицию, согласно которой «старцы», будучи представителями общины, с чем спорить не приходится, отождествляются с «нотаблями» (например, см.: [52, § 1, 12, 15, 20]). Что бы не заявляли сторонники подобных научных взглядов в обоснование своих концептуальных построений, суть элиты в социуме всегда состоит и выражается в роли ее представителей в отношениях собственности и обладании сословными привилегиями. С этих научных позиций возрастной критерий, ассоциирующийся в Византии с авторитетом и мудростью, приписываемыми как представителям высшей светской власти, так и церковной иерархии, явно не удовлетворяет оценкам социального положения членов изучаемой группы византийского социума [53, p. 636–638]. Их статус оказывается крайне противоречив. Разумеется, нельзя отрицать того, что «старцы» опосредовали отношения между крестьянами и их господами, представителями господствующего класса. Но именно «старцев» надлежит признать бесспорно неоднородной и в социальном, и в социокультурном плане прослойкой жителей села. Несомненно, почтение к особам духовного звания и монахам со стороны их односельчан подымало авторитет «старцев», но стяжаемый ими пиетет сам по себе не мог изменить их «социального лица», если «старцы» и «протостарцы», как было показано, оставались париками.

Фактически в рассматриваемый период, как было сказано, зарождаются зачатки нового типа управления византийским селом – старостата, предназначение которого – контроль над подчиненной господину, кем бы он ни

был, частью сельской общины в его поместье. В этой связи нельзя пройти мимо сведений императорского послания, направленного в 1404 г. Димитрию Буллооти, представителю и порученцу византийского василевса, которое атрибутируется Мануилу II Палеологу (см.: [35, № 191]). Его целью стала защита имущественных и податных интересов афонских монастырей, имения и земельные владения которых на рубеже столетий подпали под длань турецких завоевателей. В описываемых условиях византийский василевс, выступая защитником святогорцев, не просто настаивает на соблюдении принятой у них традиции («*συνήθεια*») и привилегий («*τὰ προνόμια*») в управлении монастырской собственностью (см.: [35, № 191.20–22 etc.]). Очевидно, за этим устремлением василевса скрывались реальные трудности в осуществлении управления и контроля над монастырской недвижимостью, равно и нанесение со стороны турок ущерба афонским монахам. В частности, требуя от своих представителей «исправить» поправленную со стороны турок в указанный период («*τὸν πέρισυ χρόνον*») «традицию» и устранить последствия допущенного ими произвола в отношении монастырских метох в районе Стримона, византийский правитель указывает на неудовлетворительную позицию монастырских управляющих. Он пеняет на их бездеятельность, как поясняется далее, ввиду «беззащитности» и «беззаботности» должностных лиц афонских монастырей, точнее говоря, действовавших «по приказу и невнимательности (недосмотру)» («*ἀπὸ θελήματος καὶ ἀπροσεξίας*») «протостарцев и служителей» («*τῶν πρωτογέρον καὶ ὑπηρέτων*») местных метох (см.: [35, № 191.29–33]). По существу в рассмотренном послании протостарцы представлены как неотъемлемая часть системы управления монастырскими доменами.

Нет сомнения в том, что рассмотренные сведения византийских актов о старости и «старцах» обладали непреходящей социокультурной значимостью. Ее подтверждением служат аналогичные свидетельства следующих всецело византийским прототипам средневековых документов славян и других балканских народностей. Недаром ссылки в них на старость, даже объятую тяжким недугом, в первую очередь проникнуты чувством

исполнения нравственного долга (например, см.: [7, № 9.46–48 и далее; № 12.57–59 и далее; № 146.16–17 и далее]). Более того, в некоторых случаях славяне с присущей им самобытностью, пожалуй, лучше, чем греки, выражали мысль о том, что старость являет собой заключительный этап человеческой жизни (например, см.: [21, № 41.16–21 и далее; № 83.10–11]). А отображенные в славянских актах «старцы», как правило, оказывались на поверку монахами, будь то занимавшими в сословной иерархии наиболее видные позиции в «герусии» (например, см.: [7, № 23.А.5–6; № 23.Б.6–7.]), так и рядовыми (например, см.: [7, № 106.А.18–19 и далее]). Равным образом во многих славянских актах предстал благонаправленный облик монаха-«калугера» (например, см.: [7, № 41.2–3, 7–8 и далее; 21, № 13.4–6, 14–16 и далее]). И те, и другие, и третьи, судя по прилагательным к ним эпитетам, практически всегда были и оставались высокопочтительными представителями своего сословия, которые наполняли души их современников благоговением (например, см.: [7, № 12.12–13, 26–27, 38–39, 41 и далее, 52–53; № 131.51, 59 и далее, 67 и далее, 86–89; № 143.16–18 и далее, 24 и далее]). В то же время обнаруживается непосредственная причастность «старцев» к надзору за селом. Специально назначенные монахи, в частности «пиржаный калугер», следили за проведением полевых работ, паекой и за выпасом монастырских стад (например, см.: [7, № 104.А.168–176 и далее; № 104.В.69–76 и далее; № 104.Г.100–105 и далее; 21, № 8.133–140 и далее]; также см.: [7, № 41.25–26; 21, № 13.49–52; № 125.47b–48a, 50b и далее; № 137.20]). Одному из присланных во втором десятилетии XIV в. монастырских «старцев» предписывается пребывание в пирге («жилой башне» – укреплении) Хрусии. Там предполагалось поселить и других монахов, с целью его обустройства и снабжения (см.: [7, № 121.А.35 и далее, 53–55, 56–59 и далее, 61–69; № 121.Б.25–31 и далее]). С этих позиций «старцы» являлись неотъемлемым компонентом местного управления средневековым балканским селом. В этой связи обращает на себя внимание имя одного из зависимых крестьян, перечисленных в хиландарском практике рубежа XIV–XV вв. (см.: [7, № 91; 21, № 86]). Имеется в виду Смедко, сын

Линарина, имя которого из ряда прочих глав крестьянских семейств выделяет прозвание «Геров». В нем, думается, нельзя исключать искаженную форму греческого обозначения «γέρων» («Смѣдко Геров, синь Линаринь») (см.: [7, № 91.196–197; 21, № 86.285–286]). А среди прочих самоназваний представителей органов сельского управления известно также заимствованное из Византии обозначение «протогер». Оно получило достаточно широкое распространение на средневековых Балканах в качестве обозначения служебного лица местного самоуправления ([3, с. 260]; подробнее см.: [14, с. 347; 15, с. 79–84, особ. с. 81–82; 16, с. 230–240, особ. с. 236–237 и далее]; там же см. основную литературу). К примеру, так называемая «Книга Михаила Лукаревича» третьего десятилетия XV в. содержит перечни податных поступлений жителей Нового Брдо [6]. Среди них выделяется Вашо, сын Ивана Турчи в Подгори (Vascho protoger de Juane de Turchi in Podgorj и т. п.), с именем которого постоянно сопряжен атрибут «protoger» [6, р. 42, 49, 72, 79, 80].

Выводы. Итак, документальное наследие Византии сохраняет разнообразные свидетельства о старости и представления о ней современников. Присущие старости черты, как правило, раскрываются в типических описаниях представителей старшего поколения. Среди них выделяются «старцы», образы которых запечатлены в разного рода актах. Однако обобщающая характеристика византийских «старцев» довольно затруднительна в силу сословной неопределенности данного обозначения. То же самое понятие прилагается к представителям различных групп византийского социума, как крестьянам, так и представителям господствующего класса, в том числе монахам. Они благодаря их благочестию пользовались почтением и авторитетом, независимо от их пребывания в монастыре или за его пределами, в городе или деревне. Благодаря тому церковно-религиозное «старчество» трудно отделить от иных форм его проявления. Главным критерием анализа этой общественной группы является общественная активность представителей старшей возрастной группы. «Старцы» легко кооптировались в органы общинного самоуправления и привлекались в качестве свидетелей на судебных

тяжбах, откуда черпаются преимущественно основные сведения как о самих старцах, об их возрасте, так и морально-нравственных и этических атрибутах, которыми наделена старость. Разумеется, касающиеся проблемы старости сведения актов не ограничиваются рассмотренными отдельными примерами. С этой точки зрения причастность «старцев» к сельскому самоуправлению оказывается в особенности значима. Его изучение обнаруживает кардинальное перерождение органов сельского самоуправления. Оно было вызвано становлением господского поместья и укреплением феодальной зависимости крестьянства. Необходимость контроля над ним обусловила организацию крестьян посредством использования в интересах феодального господина сложившихся общинных институтов, включая общественную и, в особенности, судебную деятельность сельской верхушки, к которой принадлежали «старцы». В европейской части Византии, где узы феодальной зависимости крестьянства были наиболее прочны, традиции сельского самоуправления подготовили почву для зарождения представленного так называемыми «протостарцами» старостата как органа контроля над паричским населением господского поместья. И в демонстрации общих закономерностей общественной деятельности «старцев», пожалуй, заключаются дальнейшие перспективы их последующего изучения.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор приносит глубокую благодарность за помощь в подготовке настоящего исследования В.З. Григорьевой (ГПИИБ).

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses deep gratitude to V.Z. Grigorieva (State Public Historical Library of Russia) for her assistance in preparing this study.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О представлениях о старости в средневековой Византии подробнее см., например: [12; 53; 67]. Там же указана основная литература.

² О возрасте названных селян приходится говорить столь подробно из-за того, что М. Каплан,

отмечая их возрастные особенности, приписал им возраст 80-ти лет: *age de quatre-vingts ans*. Подробнее см.: [55, § 35].

³ О прислуге см.: [53, р. 635].

⁴ Как полагают издатели ватопедских актов, опираясь на сравнение подписей в указанных документах, под тем же самым именем существовал якобы некий другой монах, который противопоставлен первому словно его «двойник» (подробнее см.: [34, р. 370, 388]).

⁵ Относительно атрибуции лиц, носителей имени Феодосий Плакас, см.: [29, р. 158; 26, р. 365; 25, р. 249; 30, р. 82].

⁶ Подписание документов происходило, вероятно, в самых разных жизненных обстоятельствах, которые вызывали полиморфизм письма (см.: [32, рл. LXXVI, LXXXb), XCII, XCIV]). И потому возникает закономерный вопрос о том, что препятствует тому, чтобы прежде, чем утверждать как неоспоримую истину, будто бы отмеченные документы скреплены подписями различных лиц, носивших одно и то же имя, допустить их отождествление и признать в названном Феодосии Плакасе монаха, кто стал в конце концов епитиритом? ([31, № 25.28], ср.: [25, № 46.24]).

⁷ К большому сожалению, этот факт, как можно понять характеристику свидетелей, присутствовавших при разрешении спора монастырей и удостоверивших своими подписями указанный акт, остался вне поля зрения М. Каплана. Ученый, воспроизводя имена названных в документе свидетелей, не ограничился суммарной ссылкой на священнослужителей, «старцев» (*gérontes*), икодеспотов, включая и «остальной народ». Однако в описании «старцев» выделены в первую очередь «три персонажа», из коих двое составляли «собрание двух братьев» (*deux ensembles de deux frères*), и «их отец» (*leur père*), а также отмечено, что первые из «гарантов» составленного документа носили сан «священника» (*des prêtres*). А подписи участников разбирательства оказались, увы, без должного внимания (см.: [55, § 35]).

REFERENCES

1. Adkins L., Adkins P. *Drevnyaya Gretsya. Entsiklopedicheskiy slovar* [The Ancient Greece. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Veche Publ., 2008. 496 p.

2. Benvenist E. *Slovar indoevropskikh sotsialnykh terminov* [The Dictionary of Indoeuropean Social Terms]. Moscow, Progress Publ., 1995. 452 p.

3. Veselinović A. *Država srpskih despota* [The State of Serbian Despots]. Belgrade, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva Publ., 2006. VIII, 325 p.

4. Vin Yu.Ya. Evolutsiya organov samoupravleniya selskoy obshchiny i formirovanie votchinnoy administratsii v pozdney Vizantii [The Evolution of Institutions of Self-Government and Formation of Estate Administration in Late Byzantium]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1982, vol. 43, pp. 201-218.
5. Darkevich V.P. *Narodnaya kultura srednevekovya. Parodiya v literature i iskusstve IX–XVI vv.* [The Folk Culture of Middle Age. The Parody in Literature and Art of the 9th – 16th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 285 p.
6. Dinić M. *Iz Dubrovačkog arhiva* [From the Dubrovnik Archive]. Vol. 1. Belgrade, Naučno delo Publ., 1957, pp. 36-91.
7. Mošin V., Ćirković S., Sindik D., eds. *Zbornik srednjovekovih ćirilčkih povelje i pisama Srbije, Bosne i Dubrovnika* [The Collection of the Mediaeval Cyrillic Edicts and Letters Serbian, Bosnia and Dubrovnik]. Vol. 1. Belgrade, Istorijски institut Publ., 2011. 652 p.
8. Ivanova Yu.V. Nekotorye storony soznaniya svobodnykh obshchinnikov pozdnego srednevekovya (po dannym balkanskogo obychnogo prava) [Some Sides of Consciousness of Free Community Members in Late Middle Age (By Data of the Balkan Common Law)]. *Obshchestvennoe soznanie na Balkanakh v srednie veka* [The Social Consciousness in the Balkans During the Middle Ages]. Kalinin, KGU Publ., 1982, pp. 174-185.
9. Iliev I. *Ohridskiyat arkhiepiskop Dimitr Khomatian i Bulgarite* [The Ochrid Archbishop Demetrius Chomatian and the Bulgarians]. Sophia, Anubis Publ., 2010. 336 p.
10. Litavrin G.G. *Bolgariya i Vizantiya v XI–XII vv.* [Bulgaria and Byzantium in 11th – 12th cc.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. 472 p.
11. Medvedev I.P. *Ocherki vizantiyskoy diplomatiki (chastnopravovoy akt)* [The Essay of Byzantine Diplomats (The Civil Act)]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 260 p.
12. Radić R. *Drugo litse Vizantije: nekoliko sporednih tema* [Other Face of Byzantium, Some Concomitant Themes]. Belgrade, Evoluta, 2014, pp. 245-260.
13. Solovjev A., Moshin V. *Grčke povelje srpskih vladara* [Greek Edicts of Serbian Sovereigns]. Belgrade, Izdanje Zadružbine d-za Nikole Krotiča Publ., 1936. CXXXII, 537 p.
14. Ćirković S. Seoska opština kod Srba v Srednjem veku [The Rural Community in Serbia of the Middle Age]. Đokić B., ed. *Rabotnitsi, vojnitsi, duhovnitsi* [The Labourers, Soldiers, Confessors]. Belgrade, Equilibrium, 1997, pp. 341-349.
15. Filipović M. Protodjer [The Proto Old Man]. *Leskovački zbornik* [Leskovac Collection], 1967, vol. 7, pp. 79-84.
16. Filipović M. Protodjer [The Proto Old Man]. *Človek među ljudima*. Belgrade, Srpska književna zadruga Publ., 1991, pp. 230-240.
17. Uspenskiy F.I., Beneshevich V.N. *Vazelonskie acty. Materialy dlya istorii krestyanskogo i monastyrskogo zemlevladieniya v Vizantii XIII–XV vekov* [The Vazelon Acts, the Materials for History of the Peasant and Cloistral Landownership in Byzantium of the 13th – 15th Centuries]. Leningrad, GPB Publ., 1927. 124, CLII p.
18. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis. T. 1. Vindobonae, Carolus Gerold, 1871. XIV, 441 p.* (Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana; vol. IV).
19. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis. T. 2. Vindobonae, Carolus Gerold, 1887. 481 p.* (Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana; vol. V).
20. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis. T. 3. Vindobonae, Carolus Gerold, 1890. VIII, 452 p.* (Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana; vol. VI).
21. Petit L., Korablev B., eds. *Actes de Chilandar. Deuxième Partie, Actes Slaves. Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1915, t. XIX, Addition I, pp. 365-651.
22. Petit L., Korablev B., eds. *Actes de Chilandar. Première Partie, Actes Grecs. Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1911, t. XVII, Addition I, III, 368 p.
23. Zivojinovic M., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Chilandar. Texte. In 2 vols. Vol. I.* Paris, P. Lethielleux, 1998. XX, 363 p.
24. Oikonomidès N., ed. *Actes de Dionysiou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1968. XI, 251 p.
25. Oikonomidès N., ed. *Actes de Docheiariou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1984. XIV, 397 p.
26. Lemerle P., ed. *Actes de Kutlumus. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1988. X, 478 p.
27. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. In 4 vols. Vol. I.* Paris, P. Lethielleux, 1970. X, 447 p.
28. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. In 4 vols. Vol. II.* Paris, P. Lethielleux, 1977. XVI, 316 p.
29. Kravari V., ed. *Actes de Pantocrator. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1991. XVI, 232 p.
30. Lemerle P., Dagron G., Ćirkovic S., eds. *Actes de Saint-Panteleômôn. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1982. XII, 238 p.
31. Papachryssanthou D., ed. *Actes de Prôtaton. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1986. XIV, 320 p.

32. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., eds. *Actes de Vatopédi. Album. In 3 vols. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 2006. XCVIII pl.
33. Bompaire J., Lefort J., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 vols. Vol. 1, Des origines à 1329.* Paris, P. Lethielleux, 2001. XX, 475 p.
34. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 vols. Vol. 2, De 1330 à 1376.* Paris, P. Lethielleux, 2006. XVIII, 525 p.
35. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., Gómez R.E., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 vols. Vol. 3, De 1377 à 1500.* Paris, Peeters, 2019. XX, 550 p.
36. Bompaire J., ed. *Actes de Xéropotamou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1964. XIV, 298 p.
37. Regel W., Kurtz E., Korablev B., eds. *Actes de Zographou. Vizantiiskii vremennik [Byzantine chronika], 1907, t. XIII, Addition I, I, 213 p.*
38. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Metreveli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 vols. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 1990. XIV, 368 p.
39. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Metreveli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 vols. Vol. 3.* Paris, P. Lethielleux, 1994. XIV, 412 p.
40. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Metreveli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 vols. Vol. 4.* Paris, P. Lethielleux, 1995. XII, 260 p.
41. Bauer E. *Gerusien in den Poleis Kleinasiens in hellenistischer Zeit und der römischen Kaiserzeit. Die Beispiele Ephesos, Pamphylien und Pisidien, Aphrodisias und Iasos.* München, Verl. Herbert Utz Verl., 2014. 392 S.
42. Benveniste É. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes: 2. Pouvoir, droit, religion.* Paris, Les Éditions de Minuit, 1969. 340 p.
43. Bloch M. *Les caractères originaux de L' Histoire Rurale Française.* Paris, Armand Colin, 1988. 316 p.
44. Bloch M. *Mélanges historiques. Vol. 2.* Paris, S.E.V.P.E.N., 1963, pp. 563-1108.
45. Chomatianus Demetrius, archiep. Bulgariae. *Varii tractatus.* Pitra Baptista J., ed. *Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata. In 6 vols. Vol. 6, Juris ecclesiastici graecorum selecta paralipomena.* Parisiis, Roger et Chernowitz, Romae, Philippi Cuggiani, 1891, pp. 1-617.
46. Prinzing G., ed. *Demetrii Chomateni Ponemata Diaphora.* Berolini; Novi Eboraci, Walter de Gruyter, 2002. XIV, 388*, 535 S.
47. Đoković Z. *Stanovništvo Istočne Makedonije u prvoj polovini XIV veka. Zbornik radova Vizantoloshki instituta [The Collection of Works of Byzantine Institute], 2003, vol. 40, pp. 96-244.*
48. Dölger F. *Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athosklöster Iberon.* München, Verl. d. Bayer. A. d. Wiss. in Komm. bei d. C. H. Beck'schen Verlagsbuchhanl., 1949. 127 S. (Abhandlungen der Bayer. Akad. Der Wiss. N. F. Philos.-Hist. Kl.; Hf. 28).
49. Duby G. *Qu'est-ce que la société féodale?* Paris, Flammarion, 2002. LXXVIII, 1755 p.
50. Feller L., Kaplan M., Picard Chr., eds. *Élites rurales méditerranéennes au Moyen Âge – Varia – Regards croisés,* 2012, vol. 124, no. 2. URL: <https://journals.openedition.org/mefrm/713>
51. Gerstel Sh.E.J. *Rural Lives and Landscapes in Late Byzantium: Art, Archaeology, and Ethnography.* Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2015. XVIII, 207 p.
52. Giros Chr. *Les élites rurales de Macédoine, XIIIe–XIVe siècle,* Feller L., Kaplan M., Picard Chr., eds. *Élites rurales méditerranéennes au Moyen Âge – Varia – Regards croisés,* 2012, vol. 124, no. 2. URL: <https://journals.openedition.org/mefrm/713>
53. Guilleard Chr. *Old Age in Byzantine Society. Ageing and Society,* 2007, vol. 27, pp. 623-642.
54. Guillou A. *Gérontes et bonshommes d'Orient et d'Occident: Réflexions d'anthropologie juridique. Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik,* 1994, Bd. 44, S. 125-134.
55. Kaplan M. *Les élites rurales byzantines: Historiographie et sources.* Feller L., Kaplan M., Picard Chr., eds. *Élites rurales méditerranéennes au Moyen Âge – Varia – Regards croisés,* 2012, vol. 124, no. 2. URL: <https://journals.openedition.org/mefrm/713>
56. Karlin-Hayter P. *Notes sur les archives de Patmos comme source pour la démographie et l'économie de l'île. Byzantinische Forschungen,* 1977, Bd. 5, S. 189-216.
57. Kazhdan A., Constable G. *People and Power in Byzantium. Introduction to modern Byzantine Studies.* Wash., DOC, 1982. XXII, 218 p.
58. Kennel N. M. *Age-Class Societies in Ancient Greece? Ancient Society,* 2013, vol. 43, pp. 1-73.
59. Koukoules Ph. *Byzantinōn bios kai politismos [The Byzantine Life and Civilisation].* Vol. 1, pt. 2. Athens, Institut Francais d'Athènes, 1948. 290 p.
60. Laiou-Tomadakis A.E. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire. A Social and Demographic Study.* Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Pr., 1977. XIV, 332 p.
61. Meyer Ph. *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster.* Leipzig, J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1894. VIII, 303 S.
62. Ostrogorskij G. *Pour histoire de la féodalité byzantine.* Bruxelles, Inst. de philologie et d'histoire orientales et slaves, 1954. XVI, 388 p.
63. Roisman J. *The Rhetoric of Manhood. Masculinity in the Attic Orators.* Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Pr., 2005. XIV, 284 p.
64. Schreiner P. *Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften*

der Bibliotheca Vaticana. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1991. 529 S.

65. Sivery G. *Terroirs et communautés rurales dans l'Europe Occidentale au Moyen Âge*. Lille, Pr. Univ. de Lille, 1990. 248 p.

66. Shukurov R. The Byzantine Turks: An Approach to the Study of Late Byzantine Demography. *L'Europa dopo la caduta di Constantinopoli: 29 Maggio 1453*

/ Atti del XLIV Convegno Storico Intenazionale: Todi, 7-9 Ottobre 2007. Spoleto, Centro Italiano di Studi sul Basso Medioevo, 2008, pp. 73-108.

67. Talbot A.-M. Old Age in Byzantium. *Byzantische Zeitschrift*, 1984, Bd. 77, Hf. 2, S. 267-278.

68. Tsirpanlis C.N. Byzantine Parliament and Representative Assemblies from 1081 to 1351. *Byzantion*, 1973, vol. 43, pp. 432-481.

Information About the Author

Yury Ya. Vin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 991119 Moscow, Russian Federation, hkn@igh.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>

Информация об авторе

Юрий Яковлевич Вин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 991119 г. Москва, Российская Федерация, hkn@igh.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.26>

UDC 930.271
LBC 63.229(0)4

Submitted: 15.06.2023
Accepted: 03.11.2023

ACCENTUATION OF BYZANTINE GREEK INSCRIPTIONS ON METALLIC OBJECTS FROM DIFFERENT COLLECTIONS

Alexandra A. Evdokimova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Analysis of sphragistic material in comparison with inscriptions from Italy made on metal showed that in inscriptions of this kind, in addition to the previously known Byzantine, Alexandrian and logical accentuation systems, systems with accent shifts to the right or left were actively used. *Methodology.* Inscriptions on metal objects were examined on the basis of photographs presented in different editions of the same monument. *Material.* The article presents the result of an analysis of the use of accentuation marks in 22 Byzantine Greek inscriptions on metal objects of the 9th – 14th centuries, most of which were written in dodecasyllables. *Analysis.* Inscriptions on metal reliquaries, icon frames, crosses, as well as inscriptions on enamels and encolpions made using various metalworking techniques were analyzed. The elements of Greek accentuation systems presented in them and the directions of stress shifts are described. *Results.* All presented inscriptions can be divided into two groups: 1) the Byzantine accentuation system with shifts of stress to the right or left with the latter falling between a vowel and a consonant, which can be considered a paleographic feature, as well as the use of trema in cases not determined by phonetic aspects; 2) elements of the Alexandrian system: stress on the unstressed syllable, stress on the first part of the diphthong. In both groups, logical stress could also be placed, including on abbreviations.

Key words: Greek accentuation, Greek metal art, Byzantine Greek language, Alexandrian accentuation system, Byzantine accentuation system, logical accentuation system.

Citation. Evdokimova A.A. Accentuation of Byzantine Greek Inscriptions on Metallic Objects from Different Collections. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 351-376. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.26>

УДК 930.271
ББК 63.229(0)4

Дата поступления статьи: 15.06.2023
Дата принятия статьи: 03.11.2023

АКЦЕНТУАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ НА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТАХ ИЗ РАЗНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Александра Алексеевна Евдокимова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Анализ сфрагистического материала в сравнении с надписями из Италии, выполненными на металле, показал, что в надписях такого рода, кроме уже известных ранее византийской, александрийской и логической систем акцентуации, активно использовались системы со сдвигами ударения вправо или влево. *Методика.* Надписи на металлических предметах рассматривались на материале фотографий, представленных в разных изданиях одного и того же памятника. *Материал.* В статье представлены результаты анализа употребления знаков акцентуации в 22 византийских греческих надписях на металлических предметах IX–XIV вв., большая часть из которых была написана двенадцатисложником. *Анализ.* Были разобраны как надписи на металлических реликвариях, окладах икон, крестах, так и надписи на эмалях, энколпионах, выполненные в различных техниках работы по металлу. Описаны представленные в них элементы систем греческой акцентуации, направления сдвигов ударения. *Результаты.* Все представленные надписи можно разделить на две группы: 1) византийская система акцентуации со сдвигами ударения вправо или влево с попаданием последнего между гласной и согласной, что можно считать палеографической особенностью, как и использование тремы в необусловленных фонетическими аспектами

случаях; 2) элементы александрийской системы: ударение на безударном слоге, ударение на первой части дифтонга. В обеих группах могло ставится и логическое ударение, в том числе на сокращениях.

Ключевые слова: греческая акцентуация, греческие надписи на металле, византийский греческий язык, александрийская система акцентуации, византийская система акцентуации, логическая система акцентуации.

Цитирование. Евдокимова А. А. Акцентуация византийских греческих надписей на металлических предметах из разных коллекций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 351–376. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.26>

Введение. За 15 лет работы над сбором акцентуированных византийских надписей и анализа греческих систем акцентуации [9; 10; 14; 15; 18; 20], представленных в них, был собран корпус акцентуированных памятников (BGAT) [8], в состав которого вошло 1010 надписей, 950 папирусов, 142 печати и выборка рукописей ок. 100 экземпляров для сравнения [3–7]. После анализа акцентуации византийских печатей из Dumbarton Oaks Archives [5; 6] и надписей на металлических предметах из Италии [7] стал актуальным вопрос, насколько обнаруженные в итальянской коллекции особенности характерны для собраний из других регионов.

Материал. Была подготовлена выборка из 22 надписей IX–XIV вв., в основу которой легла коллекция стихотворных византийских эпиграмм, собранных Андреасом Роби [16]. Она была дополнена материалами из других публикаций [1; 2; 11–13; 17; 19; 21]. Вошедшие в статью примеры отражают весь спектр подобных надписей, выполненных на разных металлах и отличающихся по технике.

Анализ. 1. Крест-реликварий IX–X вв., монастырь Св. Екатерины на Синае [12, fig. 1.4, p. 39–42], был изготовлен из медного сплава и украшен сценами из жизни Христа и фигурами святых. Этот предмет, выполненный чернью и инкрустированный серебром, состоит из двух свисающих вместе крестов, которые, соединенные таким образом, образовали вместилище для одного или, возможно, нескольких ныне утерянных фрагментов Истинного креста. Надписи, выполненные на боковых сторонах креста, несмотря на их стихотворный характер, не содержат знаков акцентуации.

В центральной надписи (рис. 1) придыхание пропущено, циркумфлекс располагается ровно над вторым элементом дифтонга в «ιδεοῦ». В той же строке знак сокращения над мю в местоимении «τιμ̃(ων)». В книге

Весселя в такой же надписи на крестообразной золотой пластине ок. 957 г. из Тифлиса [21, № 18, S. 68], кроме знака сокращения над мю, стоит только трема над начальной йотой в «ιδεοῦ», остальные знаки отсутствуют. Такая же ситуация со знаками в подобном же тексте в серебряной ставротеке конца XI – начала XII в. из Государственного Эрмитажа № со 839 [1, № 199, с. 313]. Что позволяет говорить о том, что копировались не только тексты, но и использованные в цитатах элементы систем акцентуации.

2. Крест-реликварий (36,4 × 23,7 см) 1074 г. из Женевы, из музея искусства и истории инв. № AD 3062-1 [16, Nr. Me102, S. 287–290]. Происходит из Константинополя, из монастыря Святого Михаила в Дамокрании (сейчас пригород Бююк-Чекмедже). Крест-мощевик открывается пятью застежками и содержит бронзовый крест, ветви которого заканчиваются двумя маленькими серебряными шариками. По мнению Зайбта, две серебряные пластинки с эпиграммой могут быть датированы концом X в., возможно, также началом XI в., согласно палеографическим данным и просопографическим деталям [17, S. 303]. По обеим сторонам внешнего креста расположена позолоченная надпись, начертанная объемными маюскульными буквами. В зависимости от направления чтения эти шесть двенадцатисложников можно прочитать минимум двумя способами, что приводит к разным толкованиям ритмического рисунка. По мнению Роби, в том порядке, как он располагает строки в своем прочтении, просодические законы еще несколько соблюдены в первых трех стихах, но стихи 4–6 обусловлены многочисленными серьезными нарушениями просодии (например, длинный седьмой слог в стихах 5 и 6), и их следует отнести к беспросодическим [16, S. 289].

В надписи (рис. 2) в ряде слов сдвиг вправо и попадает между гласной и согласной: «*πλοθῶν*», «*τοῦν*», «*χοῦναις*», «*εἰδῆνεῖον*», «*φανεῖντα*». Пропущена гласная в имени «*Μιχ[α]ῆλ*» и можно считать, что сдвиг ударения подчеркивает этот пропуск, о такой традиции мы писали ранее [4]. Византийская система акцентуации: «*στρατηγέτην*». Сдвиг влево наблюдается в нескольких словах: придыхание до гласной «*ἔεν*», акут на первом элементе дифтонга: «*θείον*», «*τάις*» и на первом элементе дифтонга стоит и акут, и легкое придыхание: «*ἄνθις*». В двух словах на гласной первого слога стоит гравис, который смещен вправо и попадает между гласной и согласной, а ударение основное может быть, как смещено влево на первый элемент дифтонга: «*μεῖτονομασθείς*», так и сдвинуто вправо и также попасть между гласной и согласной: «*Δαῖμοκραμίτης*».

3. Эмалевая пластина (7,2 × 7 см) XI в., Тбилиси, из Музея изящных искусств Шалвы Амиранашвили, инвентарный № 9719 [1, с. 305, Nr. 185; 16, Nr. Me30, S. 195–196; 21, S. 117f., 116 (Abb. 38)]. На этой пластине из позолоченного серебра изображена коронация Христом императорской четы, Михаила VII Дуки и его жены Марии, дочери царя Баграта IV (1027–1072). Пластина является частью так называемого триптиха Хахули – иконной святыни из грузинского монастыря Гелати, подаренной, по мнению Весселя [21, S. 117f., 116 (Abb. 38)], во второй четверти XII века. Между двумя фигурами имеется маюскульная надпись в четыре строки, написанная буквами темно-красного цвета. Это стих, состоящий из шести слов, складывающихся в строфу двенадцатисложника. Пластина и стих могут быть датированы 70-ми гг. XI в., скорее всего, 1071 г. или вскоре после этого, так как Михаил VII был коронован в 1071 г. и правил до 1078 года.

В первой строке (рис. 3) акут смещен вправо и попадает почти на пробел между гласной и согласной, оба грависа во второй и третьей строке ровно над гласной, а в четвертой строке гравис смещен вправо и накладывается на вторую часть тремы, которая стоит над конечной йотой «*χερσῖ*». Андреас Роби указывает лишь на исправление акцента в имени «*Μαριάμ*» с грависа на акут или наоборот [16, S. 196].

4. Корона Мономаха 1042 г. [16, S. 98–106] из золотых пластин, украшенных изображениями в технике перегородчатой эмали, созданная между 1042–1050 гг. по заказу византийского императора Константина IX Мономаха. Найдена в 1860 г. при вспашке земли в деревне Иванка-при-Нитре недалеко от города Нитра в Венгрии (ныне Словакия). В настоящее время хранится в Венгерском национальном музее в Будапеште.

В центральной части (рис. 4) знак логического ударения над первым слогом в имени «*Κῶνσταντινός*», а акут смещен влево и попадает между гласной и согласной, как и в следующем слове «*αυτοκράτορ[ος]*», написанном без придыхания. В правом фрагменте с изображением Феодоры употреблены два акута в имени «*Θεοδώρα*» на каждом из корней, первый чуть смещен влево. В левой части циркумфлекс на заударном слоге в прилагательном «*εὐσαβεστᾶτη*», чуть смещен вправо и попадает между двумя гласными, а акут смещен влево и попадает на согласную «*τ*». В правой части в этом же слове придыхание смещено влево и попадает на первый элемент дифтонга «*εὐσαβεστᾶτη*». Над артиклем «*ἡ*» стоит вместо придыхания гравис, чуть смещенный вправо.

5. Реликварий из Государственной Оружейной палаты Московского Кремля 1059–1067 гг. (инв. № МЗ 1148) [2, рис. 21–22, с. 33–34; 13, р. 77; 16, Nr. Me99, S. 285–287; 19, р. 244, Nr. 36, Abb. 79, LI] представляет из себя восьмиугольный сосуд (высота: 15 см; диаметр: 11,5 см) из позолоченного серебра с крышкой в форме кивория. Восемь сторон (четыре длинные и четыре короткие) отделены друг от друга колоннообразными конструкциями. На противоположной длинной стороне, как свидетельствуют сопроводительные надписи 808 г., можно увидеть императора Константина (X) Дуку и его жену Евдокию. На двух других длинных сторонах также есть надписи маюскулом, которые собираются в эпиграмму, состоящую из шести правильных просодических двенадцатисложников, по три стиха на стороне. Поскольку упоминается император Константин (X) Дука, Роби предлагает сузить датировку до времени его правления 1059–1067 гг. [16, S. 285].

В надписи (рис. 5а, 5б) акуты сдвинуты влево и попадают на первую половину диф-

тонга. Большая часть грависов длинные по начертанию. Во второй строке в слове «τη`v» и в начале третьей строки гравис сдвинут вправо и попадает на согласный «v». Над именем знак сокращения, похожий на длинный циркумфлекс, при том, что имя написано полностью, что можно трактовать как логическое ударение, тем более что другие ударения в слове отсутствуют.

6. Энколпион / Триптих [7,1 × 6 см (в закрытом виде)] из частной коллекции XI–XII в. [16, Nr. Me114, S. 307–308]. Недавно ставший известным предмет из золота и эмали представляет собой триптих, который можно было носить и как энколпион, о чем свидетельствует петля для подвешивания, прикрепленная к центральной части. Все фигуры в триптихе сопровождаются именными надписями. На петле для подвешивания у энколпиона выгравирована молитва проэдроса Константина. Ссылаясь на Хетерингтона, Роби считает [16, S. 308], что можно сопоставить эту эпиграмму с № Me27 его собрания и датировать XI или первой половиной XII века. Эпиграмма состоит из двух просодических двенадцатисложников с аллитерацией Л – Л в первом стихе.

Над всеми знаками сокращения (рис. 6) для «ἄγιος» стоят знак придыхания и акут, последний чуть смещен вправо. А остальные ударения, представленные в именах чаще всего акутами, как и знаки придыхания, смещены вправо. Циркумфлексы стоят ровно над буквами. В верхнем левом углу в имени «Πα`υλος» вместо акута гравис, стоящий над первым элементом дифтонга, но смещенный вправо к концу строки. В центральной надписи у ног Христа акут смещен вправо и попадает либо на согласный «v», либо между гласным и согласным. В начале первой строки нижней надписи в центре энклитика с переносом акута на последний слог глагола: «σῶσο`v με».

7. Ставротека из Оружейной палаты XI–XII вв. Московского Кремля инв. № 1141 [1, с. 312, № 195; 13, № 39, р. 80; 16, Nr. Me97, S. 281–283] представляет собой реликварий, состоящий из деревянного стержня, покрытого позолоченным серебряным листом. Банк, описывая ее, уточняет: «По преданию, приписывается патриарху Филофею и якобы была привезена митрополитом Алексием (как дар?) в 1354 г. из Константинополя» [1, с. 312]. По краю вырезана маюскульными объемными

буквами надпись. Эпиграмма состоит из четырех просодических двенадцатисложников, построенных по всем правилам.

Большая часть знаков (рис. 7) поставлена в рамках византийской системы акцентуации. Знаки небольшие, некоторые похожи на точки и попадают ровно на гласные, в том числе на вторые половины дифтонга. В левой части есть гравис, который смещен вправо и попадает на согласный «ς».

8. Соборная икона с распятием, святыми и сценами из Евангелия XI–XII вв., выполненная в технике перегородчатой эмали по золоту [1, № 186–189] из Государственного Эрмитажа № со 211 (высота 34,3 см, ширина 32,5 см). Это множественная икона, состоящая из нескольких отдельных частей разных дат, смонтированных вместе на деревянном основании. В центре две бляшки: одна с Распятием, другая с Христом во Гробе, обе перегородчатой эмали. Поля украшены чеканными серебряными позолоченными бляшками разных размеров. Над Распятием, посередине, изображена сцена Успения, заключенная в орнаментальную рамку. По углам и между медальонами – бюсты святых. На верхнем и нижнем полях крестообразные и прямоугольные углубления для мощей, сопровождаемые греческими надписями. Промежутки между изображениями заполнены полосами орнамента. Приобретена Г.С. Строгановым в 1892 г. в Риме и, по словам продавца, родом из Южной Италии.

В медальонах со святыми (рис. 8а) знаки придыхания ровно над гласными, акут в правой панели смещен вправо и попадает между гласной и согласной «Γρηυ`ρος», в левой находится ровно над гласной в имени «Γάκωβος», а в «`αδελφος» знак придыхания сдвинут влево и попадает между артиклем и самим словом. А в сокращении слова ἄγ(ιος) стоит дважды знак глухого придыхания. В надписи под изображением Христа на кресте (рис. 8б) в сокращении гравис сдвинут вправо «XC`», как и акут в глаголе «τρο`σκεται», который попадает между гласной и согласной. В следующем глаголе вместо акута поставлен гравис «συμῆζηται». В третьем фрагменте (рис. 8в) все знаки, которые четко читаются, соответствуют византийской системе акцентуации.

9. Энколпион XII в. (3,5 × 2,9 см) на эмали из монастыря Ватопед, г. Афон [16, S. 203–204,

№. Me35; 21, S. 159, №. 48], имеет золотую оправу, петлю для подвешивания и подвесное звено. На лицевой стороне изображен юный Христос, стоящий на подушке, с одной стороны украшенной разными цветами. На обороте на фиолетовом фоне белым цветом выполнена надпись, состоящая из двух двенадцатисложников, в которой носитель энколпиона обращается к Богородице. Роби отмечает, что исследователи до него датировали этот памятник концом XII или началом XIII в. на основе стилистического анализа, сравнения с другими предметами и палеографии надписей и считали местом происхождения или Константинополь или Салоники [16, S. 203].

В надписи (рис. 9) гравис длинный, смещен чуть вправо и попадает между гласной и согласной, либо смещен чуть влево и также оказывается между буквами, акут почти во всех случаях ровно над гласной имеет два начертания: вертикальную форму и с наклоном, однако в пятой строке вертикальный вариант смещен чуть вправо к краю гласной. В 7-й строке знак придыхания смещен немного вправо и стоит на краю буквы. Скорее всего, в данном памятнике разобранные примеры можно отнести к палеографическим особенностям при общем соблюдении византийской системы.

10. Крест-реликварий XII в. (26 × 16,5 см) из итальянской Александрии, из Собора Сан Пьетро [16, №. Me49, S. 218–219], покрытый позолоченным серебром. К внешним концам византийского креста прикреплены круглые бляшки, на которых в технике черни нанесены надписи маюскулом, расположенные крестообразно. Четыре надписи образуют единое целое, а именно эпиграмму, состоящую из двух двенадцатисложников и расположенную сверху – справа – слева – снизу. Буквы на нижней табличке написаны менее тесно, что позволило Роби предположить, что какой-то слог был забыт при переносе надписи на предмет, вероятно, артикль [16, S. 218].

На втором медальоне (рис. 10а, 10б) акут стоит вместо циркумфлекса в « $\theta\acute{\upsilon}\tau\eta\nu$ », а в «Триаδικη» ударение пропущено. В « $\text{Βε\rho\rho}\acute{\iota}\alpha\varsigma$ » акут на второй половине дифтонга, как в византийской системе акцентуации.

11. Энколпион / Реликварий (5,7 × 4,7 см) XII в. (?) из Сиенны хранится в Санта Мариа делла Скала [16, №. Me75, S. 244–246]. Сде-

лан из золота, украшенный эмалью и драгоценными камнями, со съемной сдвигающейся крышкой, и благодаря висячей петле может быть идентифицирован как энколпион. В центре обратной стороны реликвария находится крест из драгоценных камней. На рамке, окружающей центральное поле, читается эмалированная надпись белыми маюкульными буквами на синем фоне. Надпись покрывает все четыре стороны рамки, с небольшими утратами. Слой эмали полностью откололся в левом нижнем углу, но повреждения также можно увидеть с правой и левой стороны. Представляет собой эпиграмму из четырех двенадцатисложников, по одному стиху на каждой стороне.

Надпись (рис. 11) акцентуирована частично: циркумфлекс в первой строке « $\tau\omicron\upsilon\tilde{\theta}\tilde{\theta}$ » сдвинут вправо и оказывается над следующим согласным. Второй циркумфлекс в нижней строке сдвинут вправо и оказывается между двумя элементами дифтонга, хотя в первый раз знак стоит ровно над вторым элементом, акут стоит ровно над гласной.

12. Икона Св. Иоанна Богослова XII в. (с XV в. и XIX в. поновлениями красочного слоя) с о. Патмос, из монастыря Св. Иоанна Богослова [12, fig. 3.7]. Икона упоминается в описи, составленной в монастыре в 1200 году. Дважды поновленная, в XV и в XIX вв., до сих пор сохраняет свое средневековое украшение: серебряно-позолоченную раму, на которой в репуссе выполнена серия святых фигур в медальонах. Великолепный выпуклый нимб вокруг головы святого, украшенный волнообразным узором из богато окрашенных растительных мотивов в эмали; а также эмалевая обложка для Евангелия в руках святого, сама имеющая форму роскошной книги с позолоченными застежками.

На основном поле знаки поставлены в рамках византийской системы акцентуации (рис. 12). На кодексе на левой странице придыхание смещено вправо и попадает между гласной и согласной. В существительном « $\lambda\omicron\grave{\upsilon}\omicron\varsigma$ » вместо акута гравис, который сдвинут вправо и попадает между гласной и согласной. А в союзе гравис смещен влево и попадает на первую половину дифтонга в союзе « $\kappa\acute{\alpha}\iota$ ». Большая часть акутов смещены вправо между гласной и согласной.

13. Реликварий с крышкой, выполненный на позолоченном серебре в технике репуссе, с гравировкой из музея Лувра, Париж, произведен в Константинополе во 2-й половине XII в. (42,6 × 31 × 3 см), инв. № MR 348. Крышка с живописью на дереве (35,5 × 16,6 × 2 см), покрытым воском, с надписью, выполненной золотой краской на темно-синем фоне, инв. № MR 346 [2, с. 44, рис. 32; 11, no. 248, p. 333–335]. Вещи были приобретены вместе с мощами и привезены в 1241 г., сначала хранились в сокровищнице Сент-Шапель, потом перенесены в аббатство Сен-Дени в 1791 г., затем на хранение в Национальный музей. По краю реликвария расположены надписи, цитаты из тропаря, исполняемого на воскресной литургии (рис. 13а). Оба исследователя считают [2, с. 44; 11, no. 248, p. 335], что по палеографии, и сопоставляя с похожими памятниками, реликварий можно датировать XII веком.

Все надписи акцентуированы (рис. 13а) и по использованным элементам систем акцентуаций можно сказать, что их писал один человек. В самом начале надписи наблюдается небольшой сдвиг влево на первую половину буквы: «εὐπρεπής». Придыхание сдвинуто влево и попадает на первый элемент дифтонга, а над вторым элементом стоит трема: «ἀύλου». Придыхание сдвинуто влево и оказывается перед гласной: «ἀλενεκρώθησαν». Циркумфлекс сдвинут влево и оказывается между двумя элементами дифтонга: справа от фигуры ангела: «τοῦ». Гравис сдвинут влево и попадает между обоими элементами дифтонга: «καῖ» дважды в разных частях. Гравис написан рядом с капшой, которая одна на строке на уровень выше «κῖ||αι», что можно интерпретировать и как сдвиг чуть дальше перед дифтонгом и как ударение в рамках византийской системы, если относить его к следующей строке. Придыхание сдвинуто влево и попадает между двумя гласными, акут сдвинут вправо и попадает между гласной и согласной «ἀγγελος», «ἰδέ(ε)», «ἐμπεφάνισταί». Придыхание сдвинуто влево и попадает между двумя элементами дифтонга, а над вторым элементом стоит трема, гравис же сдвинут вправо и оказывается ровно над согласным: «ἀύτας». Придыхание сдвинуто влево на первый элемент дифтонга, знак циркумфлекса длинный и располагается над обоими элементами дифтонга: «ἐύχε».

Во фрагменте посередине над нимбом циркумфлекс сдвинут влево и оказывается между двумя элементами дифтонга «δεῦτε», а над «υ» точка, такая же, которая была придыханием в слове «εὐπρεπής», сдвинутая на левый край буквы. Акут сдвинут влево и оказывается над согласной ро: «κρῖζω[v]».

Сдвиг вправо, и гравис попадает на согласный: «ως», придыхание сдвинуто вправо после «οῦ», «εῖμφύτου». Акут сдвинут вправо и оказывается между гласной и согласной: справа от фигуры ангела: «ταῖφος», слева от крыла «τροῖμος», во фрагменте по середине над нимбом: «τοῖπον», «ἐκέτο», внизу: «ανα]σταῖσεως». В причастии у ног фигуры акут сдвинут чуть дальше и попадает на первую сигму: «φουλασῶντες». Густое придыхание вместо легкого и сдвинуто вправо на правый конец буквы, а акут также сдвинут вправо, но чуть дальше и попадает на согласный: «ἐκστασις». Гравис также сдвинут вправо на пробел между гласной и согласной: «τοῖν», «δεῖ». Циркумфлекс сдвинут вправо и также попадает между буквами: «τηῖς», правая сторона сбоку: «νυῖν». Циркумфлексы сдвинуты вправо в конце слова и оказываются после гласной: «τηῖς», «μορφῖς».

Ударение опущено, а придыхание ровно над гласной: «όλου», «τη». Логическое ударение над сокращением: «ΚΥ» и «ΚΣ» в двух разных фрагментах. Во всех трех случаях это акут, поставленный после сокращения. Византийская система акцентуации представлена в некоторых лексемах: «ταῖς γυναιξίν», «σύμβολα», «καθαρότης», «φέγγ[ος], «ἐξε]γέρθη», «τὲ μινύων τὸ», «οἱ», «λαυγή», «φέρων».

На реверсе крышки золотыми буквами на синем фоне нанесена 7-строчная надпись (рис. 13б). Придыхания сдвинуты влево и оказываются на пробеле перед гласной, а акут сдвинут вправо и попадает между гласной и согласной: «ἰδέ», «οῖου». В местоимении «ἀυ||τοῖν» акут также сдвинут вправо, а придыхание влево, только попадает на первый элемент дифтонга, а в «ἐ||θηκαν||» сдвиг придыхания наблюдается, а сопутствующий ему акут ровно над гласной. Византийская система акцентуации была представлена в существительном с артиклем «ὁ τόπος».

14. Икона Богородицы XI–XIII вв., или ок. 1300 г. (?), ныне хранящаяся в иконной

галерее Национального музея в Охриде инв. № 12 [12, pl. 13, fig. 5.8; 16, Nr. Ik14, S. 70–71], дерево, темпера (с серебряной фурнитурой) (111,5 × 68 см). Первоначально была частью иконостаса церкви Святого Климента, датируемой до рубежа XIII и XIV вв. (также церковь Богородицы Преславны), которая находится в Охриде. Примерно на высоте главы Богородицы с обеих сторон имеются две голубоватые эмалевые пластинки, на которых нанесена эпитафия, написанная белыми маюскульными буквами. Она состоит из двух двенадцатисложников, по одному стиху на табличку. Эпитафия представляет собой молитву священника Леона Богородице; образцом для текста эпитафии, по мнению Роби [16, S. 71], вероятно, является отрывок из Ветхого Завета. Оба двенадцатисложника следует классифицировать как не имеющих просодии, хотя стих 2 просодически верен.

В надписи справа от нимба (рис. 14) в «σοϝ» циркумфлекс сдвинут влево и попадает на первый элемент дифтонга. Гравис «μετ`α» тоже смещен влево и попадает между гласной и согласной. В фрагментах на синем фоне: акуты стоят над сокращениями и смещены вправо, в других примерах также вправо и попадают на пробелы между гласной и обрамлением надписи.

15. Реликварий (9,5–8,5 см) XII–XIII вв. в Оружейной палате Московского Кремля инв. № МЗ 1147 [12, fig. 4.7–4.8, p. 199–201; 13, p. 167 (Abb. 115); 16, Nr. Me98, S. 283–285; 19, p. 246, Nr. 115]. Почти квадратный реликварий, выполненный из золотой эмали. Задняя часть мощевика покрыта позолоченным серебром, маюскульная надпись из 8 строк выгравирована в технике черни. Окончания строк отмечены тремя точками одна над другой. Тафт датировал реликварий концом XII в. по стилистическим соображениям и в сравнении с другими произведениями искусства [13, p. 167]. По мнению Шевченко, палеография надписи, вероятно, говорит о (начале?) XIII в. [19, p. 246]. Эпитафия состоит из восьми двенадцатисложников, просодия которых имеет некоторые недостатки (например, предпоследний слог 3-го стиха длиной в позицию).

В надписи (рис. 15) грависы в первой и второй строках сдвинуты вправо и попадают на согласный «v». Трема стоит над йотой и юпсилонном во всех позициях, в том числе между

двумя согласными. Исключение слово «ξϝλον» в третьей строке, когда над гласной циркумфлекс, а трема пропущена. Акуты во второй строке сдвинуты чуть влево и попадают на предшествующие согласные. В первой строке в слове «ε´νδϝμα» акут сдвинут вправо и попадает между гласной и согласной. Дифтонг «ου» пишется в сокращении и циркумфлекс ровно над сокращением. В пятой строке «λείψανον» акут сдвинут влево и попадает на первую половину дифтонга. «Νικόλαου», «σταυροϝ», «Στεφάνου», «Θεοδώρου», «Παντελεήμον» маркированы длинной волнистой линией, по начертанию похожей на знак сокращения или циркумфлекс, который мы также можем считать знаком логического ударения. А характерный знак сокращения на металле, длинная дуга, стоит в последней строке над предпоследним словом.

16. Капсула-реликварий (диаметр: 2,8 см), XIII в. из Думбартон-Окс (инв. № 53.20), Вашингтон [13, p. 168, Nr. 117; 15, Nr. Me112, S. 305–307; 19, Nr. 117, p. 246; 21, S. 192, Nr. 62] изготовлен из золотой эмали и снабжен петлей для подвешивания. На одной стороне изображен бюст святого Димитрия с копьем и мечом, на другой стороне расположены фигуры святых Сергия и Вакха в полный рост. Как и на капсуле-мощевике в Британском музее [16, Nr. Me47–48], круговая эпитафия белым маюскулом на синем фоне. Предшественники Роби датировали капсулу-реликварий по аналогии и по палеографии как XII, так и XIII веком.

Эпитафия состоит из четырех двенадцатисложников. По мнению Роби [16, S. 306], просодические законы размера скорее соблюдаются, хотя длинный третий слог и короткий четвертый слог во 2-м стихе и удлинённый первый омикрон в 4-м стихе представляют собой серьезные нарушения. Знаки акцентуации (рис. 16) представлены только над сокращением «α(γιοϝ)», знак придыхания чуть выше акута. В эпитафии на синем фоне, несмотря на метрический характер надписи, знаки отсутствуют.

17. Икона Богородицы «Надежды для безнадежных» (27,8 × 21,5 см), 3-я четверть XIV в. из Фрайзинга, Диоцезан музей инв. № F 1 [12, fig. 0.1, pl. 1, p. 265; 16, Nr. Ik12, S. 64–68; 21, S. 197f., Nr. 65, S. 196 (Abb. 65)]. Дерево, темпера (с серебряной фурнитурой),

оригинал иконы XI–XII в. (закрашена в конце XIV в.), эмаль / серебряная рама XIII в., серебряная фурнитура XIV века. Икона и серебряная фурнитура окаймлены широкой рамой, составленной из нескольких эмалевых пластин. На десяти пластинах имеется греческая надпись, а между ними десять медальонов с изображениями. Упомянутая греческая надпись на эмалевых пластинах по краю образует эпиграмму из 14 беспросодических двенадцатисложников, высеченную черными, объемными маюскульными буквами. Написание «v» зеркально следует отметить как палеографическую особенность. Миланский герцог Джангалеаццо Висконти (1395–1402) получил икону в дар от «Императора Востока» (ab imperatore Orientis), скорее всего, от императора Мануила II во время его визита в Милан. По пути через Англию икона попала к градоначальнику Вероны Бронорио делла Скала, а затем к его брату Никодимо, епископу Фрайзингскому, в 1421 году. Центральное поле иконы, возможно, было изменено до того, как она попала в дар на Запад в конце XIV века.

Некоторые надписи неакцентуированы (рис. 17). В других часть знаков сдвинута вправо, часть влево и попадает между гласной и согласной, некоторые ровно над гласными, а в некоторых квадратах знаков акцентуации почти нет. В случаях дифтонгов грависы падают на второй элемент. Трема над юпсилоном и йотой между двумя согласными в середине слова. Циркумфлекс и знак придыхания по своим начертаниям похожи на толстые точки и могут путаться.

18. Реликварий (4 × 2,8 см), XIV в. из Салоник, церкви Христа Спасителя [16, Nr. Me46, S. 215–216]. Как на крышке, так и на внешней нижней части реликвария высечены надписи, некоторые из которых сохранились частично и трудно поддаются расшифровке, особенно на крышке. По палеографии надписи сочетают минускульные и маюскульные буквы. Эпиграмма на оборотной стороне реликвария гласит, что предмет связан с открытием церкви, которая, согласно этому тексту, изначально была посвящена Богородице. Обе эпиграммы написаны византийским двенадцатисложником, и, несмотря на некоторые нарушения, стихи можно охарактеризовать как вполне просодические. Роби предполагает, что только пер-

вый стих является метрическим, а остальная часть надписи выполнена в прозе [16, S. 216].

В прорисовке видно (рис. 18), что знаки легкого придыхания пропущены, сохранено только густое придыхание в артикле женского рода «ή». В первой и шестой строке акуты чуть сдвинуты влево и попадают между гласной и согласной, остальные знаки ровно над гласной, даже знак сокращения над артиклем ровно над согласной «τ`» = τ(όν), а не как он обычно пишется смещенным к концу буквы.

19. Серебряный оклад иконы Богородицы XIII–XIV вв. [1, рис. 244–246, с. 321] хранится в Государственной Третьяковской Галерее № 27 222 (высота 40 см, ширина 32 см). На иконе изображена Богоматерь Одигитрия в половину длины, с двумя бюстами ангелов в верхних углах. Приобретена в 1930 году. Раньше находилась в Троице-Сергиевской лавре в Загорске. Поновлена в России (все, кроме фигур ангелов) в XV–XVII веках. Датирована по упомянутому в тексте надписи Константину Акрополиту, сыну историка Георгия Акрополита (1220–1282).

При подписях святых (рис. 19) традиционное сокращение для «ἄγιος» альфа в круге имеет чуть смещенный влево знак придыхания и смещенный вправо акут. В имени «Μαρί`α» акут смещен вправо и оказывается между двумя гласными, так как над йотой поставлена трема и акут над ней не умещается. Также трема стоит на всех йотах в тексте, что в случае «α`κροτολῖ`τῖσσα» также сдвигает акут вправо, и он попадает между гласной и краем строки. Гравис в «Κομνηνῆ» также чуть смещен вправо на край буквы. На левом фрагменте имя выделено длинным циркумфлексом, который можно так же, как и в примере в этой статье № 4 и № 14, считать логическим ударением. Циркумфлекс в «δοῦλος» стоит сразу над обоими элементами дифтонга, написанными в традиционной лигатуре. В артикле «τοῦ» смещен чуть влево и попадает между двумя элементами дифтонга. В существительном «α`κροτολῖ`τῖς» придыхание смещено вправо и оказывается между гласной и согласной, а акут смещен влево и между йотой с тремой и согласной.

20. Ставротика, центральная часть – XII в., рамка по бокам – конец XIII – начало XIV века. Собор Богородицы из сокровищницы Собора Св. Адалберта в Эстергоме,

Венгрия [12, fig. 3.14, p. 158–160; 13, № 40, p. 81], представляет собой пример реликвария, превращенного в икону. На центральном поле объекта, датированном XII в., изображен кусок драгоценного дерева, помещенный в углубление в виде креста с двумя горизонтальными перекладинами. Реликвия окружена эмалированными фигурными изображениями, с подписями. В конце XIII или начале XIV в., согласно стилю, ставротика была дополнена позолоченной серебряной рамой, выполненной в технике *geoussé*. Первоначально, как и большинство византийских ставротек с реликвией, встроенной в плоскую поверхность, экземпляр из Эстергома, должно быть, выглядел как неглубокий ящик со сдвижной крышкой, которая закрывала бы нынешнее центральное поле.

В подписях к изображениям (рис. 20а, 20б) акуты сдвинуты вправо и попадают на пробел, либо между гласной и согласной, придыхание только на артикле «*ó*», акут чуть сдвинут вправо в нижних строках. Акут над сокращением *ΧC'* в левом нижнем изображении.

21. Икона Богородицы «Надежда без надежных» середины XIV в. из монастыря Ватопед, гора Афон [12, pl. 15, fig. 7.6; 16, Nr. Ik26, S. 91–94], выполнена на дереве, темпера (оформление в серебро) (23 × 17 см). От первоначально нарисованной фигуры, Одигитрии типа Дексиократуса, мало что осталось, также утрачены крупные части серебряной фурнитуры, особенно края, покрывающие икону. Две пластины по верхнему краю и две пластины по правому краю имеют надписи. Это остатки эпиграммы, написанной маюскулом, состоящей из шести просодически правильных двенадцатисложников, что видно по именам собственным и по удлинению альфы в стихе 3 в «*οἶδα*».

В разных медальонах (рис. 21а, 21б) системы акцентуации отличаются, в верхнем правом последовательно соблюдается сдвиг влево, в верхнем левом сдвиг вправо везде, кроме нижнего ряда, где сдвиг влево. Некоторые акуты сдвинуты вправо, другие влево, но и в том, и в другом случае попадают между гласной и согласной.

22. Обложка кодекса gr I, 53 (=966) XIV в. из национальной библиотеки Марциана, Вене-

ция [12, fig. 3.13, p. 150–151], выполнена в технике *репуссе* (барельефа на металле). Под обложкой в переплете находится иллюстрированный евангельский лекционарий XI века. По преданию, эта драгоценная книга была подарена базилике Сан-Марко императором Иоанном VIII Палеологом в 438 году. Обложка состоит из деревянных пластин, обшитых позолоченным серебром. В центральных зонах передней и задней обложки изображены Распятие и Вознесение соответственно. Эти две сцены, а также серия небольших праздничных изображений, окружающих их, выполнены в технике *репуссе*.

В центральной части (рис. 22а) циркумфлекс сдвинут влево и попадает на первый элемент дифтонга, акут в имени Св. Николая смещен вправо и попадает на пробел после гласной. Остальные различимые на фотографиях (рис. 22а, 22б) ударения оказываются ровно над гласными.

Результаты. Таким образом, на материале 22 памятников византийского искусства, которые изготовлены из металла, мы видим параллельное существование двух традиций. Часть надписей акцентуирована в рамках византийской системы акцентуации, а те сдвиги ударения вправо и влево, попадающие между гласной и согласной, которые в них наблюдаются, можно отнести к палеографическим особенностям. Другая часть содержит элементы александрийской системы акцентуации: ударение на первой половине дифтонга, ударение на безударном слоге. Последнее можно объяснить особенностями стихотворного размера или желанием автора обозначить ритмический рисунок эпиграммы. Те же элементы наблюдались и в надписях из Италии, происходивших из Константинополя, что позволяет нам сказать, что акцентуация может уточнить происхождение памятника в ряде случаев. В некоторых надписях разные строки соединяют обе тенденции. Несколько надписей содержат логическое ударение в виде циркумфлекса либо над безударным слогом, либо над несколькими буквами сразу. В ряде надписей ставится трема над гласными в тех случаях, когда это фонетически не обусловлено, например между двух согласных, что можно также отнести к особенностям палеографии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Крест-реликварий IX–X вв., Синай, монастырь Св. Екатерины
Fig. 1. Cross-reliquary of the 9th – 10th centuries, Sinai, monastery of St. Catherine

Рис. 2. Крест-реликварий X в., Музей искусств и истории, Женева
Fig. 2. Cross-reliquary of the 10th century, Museum of Arts and History, Geneva

Рис. 3. Эмалевая пластина XI в., Тбилиси из Музея изящных искусств Шалвы Амиранашвили
Fig. 3. Enamel plate of the 11th century, Tbilisi from the Shalva Amiranashvili Museum of Fine Arts

Рис. 4. Корона Владимира Мономаха 1042 г.
Fig. 4. Crown of Vladimir Monomakh, 1042

Рис. 5а. Реликварий, 1059–1067 гг., фрагмент, Москва, Кремль, Государственная Оружейная палата
Fig. 5a. Reliquary, 1059–1067, fragment, Moscow, Kremlin, Armoury Chamber

Рис. 5б. Реликварий. 1059–1067 гг., общий вид, Москва, Кремль, Государственная Оружейная палата
Fig. 5b. Reliquary. 1059–1067, general view, Moscow, Kremlin, Armoury Chamber

Рис. 6. Энколпион-триптих, XI–XII в., частное собрание.
 Fig. 6. Encolpion-triptych, 11th – 12th centuries, private collection

Рис. 7. Ставротека XI–XII в., Москва, Кремль, Государственная Оружейная палата
 Fig. 7. Staurotheke of the 11th – 12th centuries, Moscow, Kremlin, Armoury Chamber

Рис. 8а. Соборная икона с распятием, святыми и сценами из Евангелия XI–XII вв., Эрмитаж
Fig. 8a. Cathedral icon with a crucifix, saints and scenes from the Gospel of the 11th– 12th centuries, Hermitage

Рис. 8б. Соборная икона с распятием, святыми и сценами из Евангелия XI–XII вв., Эрмитаж
Fig. 8b. Cathedral icon with a crucifix, saints and scenes from the Gospel of the 11th– 12th centuries, Hermitage

Рис. 8в. Соборная икона с распятием, святыми и сценами из Евангелия XI–XII вв., Эрмитаж
Fig. 8c. Cathedral icon with a crucifix, saints and scenes from the Gospel of the 11th– 12th centuries, Hermitage

Рис. 9. Энколпион XII в. Афон, Ватопед
Fig. 9. Encolpion of the 12th century. Athos, Vatopedi

Рис. 10а. Крест-реликварий XII в. из итальянской Александрии, Собор Сан Пьетро
Fig. 10а. Cross-reliquary of the 12th century from Italian Alexandria, the Cathedral of San Pietro

Рис. 10б. Крест-реликварий XII в. из итальянской Александрии, Собор Сан Пьетро
Fig. 10б. Cross-reliquary of the 12th century from Italian Alexandria, the Cathedral of San Pietro

Рис. 11. Энколпион-реликварий XII в., Сиена, сокровищница Санта Мариа делла Скалла
Fig. 11. Encolpion-reliquary of the 12th century. Siena, treasury of Santa Maria della Scalla

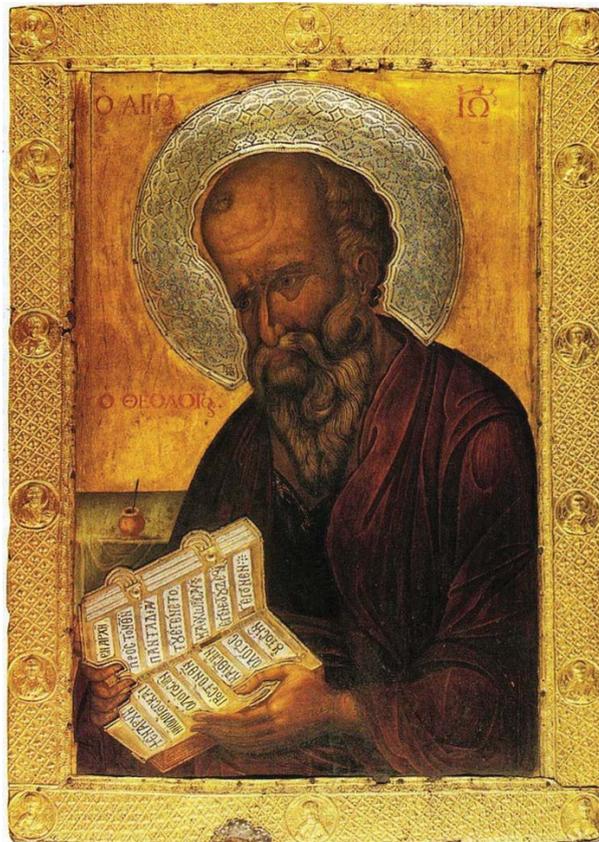

Рис. 12. Икона Св. Иоанна Богослова XII в. с острова Патмос, монастырь Св. Иоанна Богослова
Fig. 12. Icon of St. John the Evangelist of the 12th century from the island of Patmos, monastery of St. John the Evangelist

Рис. 13а. Реликварий с крышкой XII в., Лувр MR348
Fig. 13a. Sepulchre Reliquary of the 12th century, Louvre MR348

Рис. 13б. Реверс крышки реликвария с изображением процветшего креста, XII в., Лувр MR346
Fig. 13b. Reverse of reliquary cover with the image of a flourishing cross, 12th century, Louvre MR346

Рис. 14. Икона Богородицы, Охрид, XI–XIII вв.

Fig. 14. Icon of the Mother of God, Ohrid, 11th – 13th centuries

Рис. 15. Реликварий XII–XIII вв., Москва, Кремль, Государственная Оружейная палата

Fig. 15. Reliquary of the 12th – 13th century, Moscow, Kremlin, Armoury Chamber

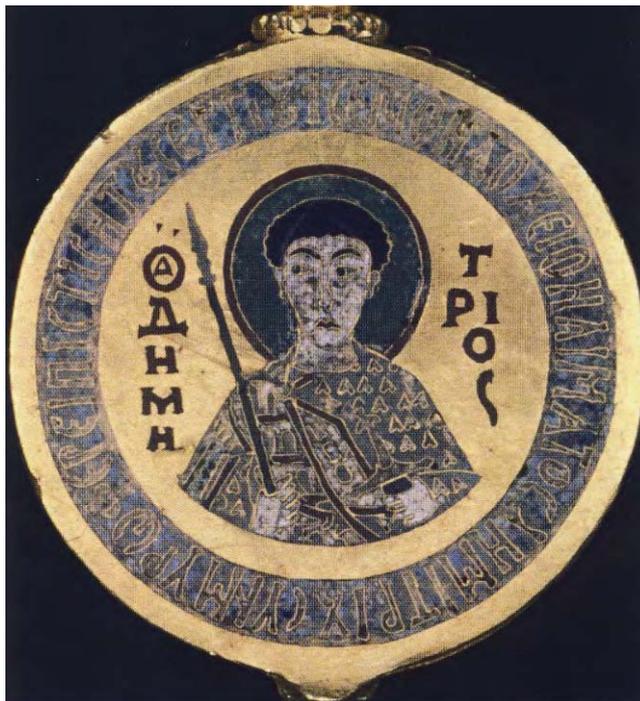

Рис. 16. Капсула-реликварий XIII в., Вашингтон, Думбартон-Окс
Fig. 16. Capsule-reliquary of the 13th century, Washington, Dumbarton Oaks

Рис. 17. Икона Богородицы, Фрайзинг, Диоцезанмузеум, 3-я четверть XIV в.
Fig. 17. Icon of the Mother of God, Freising, Diocesan Museum, 3rd quarter of the 14th century

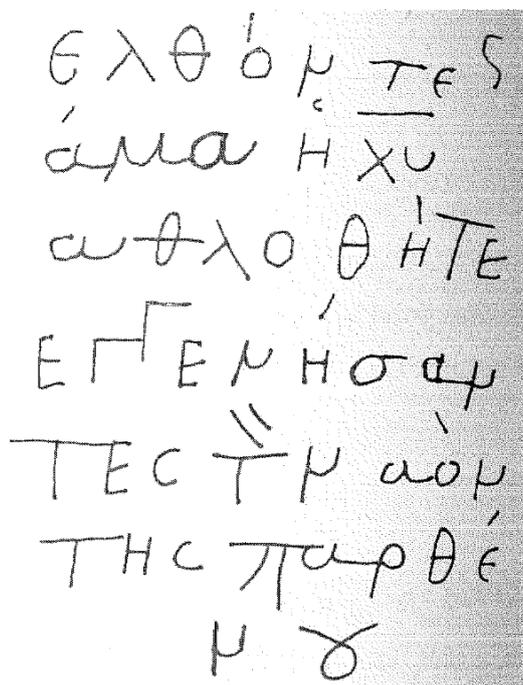

Рис. 18. Реликварий XIV в. из Салоник, церковь Христа Спасителя

Fig. 18. Reliquary of the 14th century from Thessaloniki, Church of Christ the Savior

Рис. 19. Детали оклада иконы Богоматери

с изображениями Константина Акрополита и Марии Комнины Акрополитиссы

Fig. 19. Details of the frame of the icon of the Mother of God
with images of Constantine Acropolitites and Maria Komnena Acropolitissa

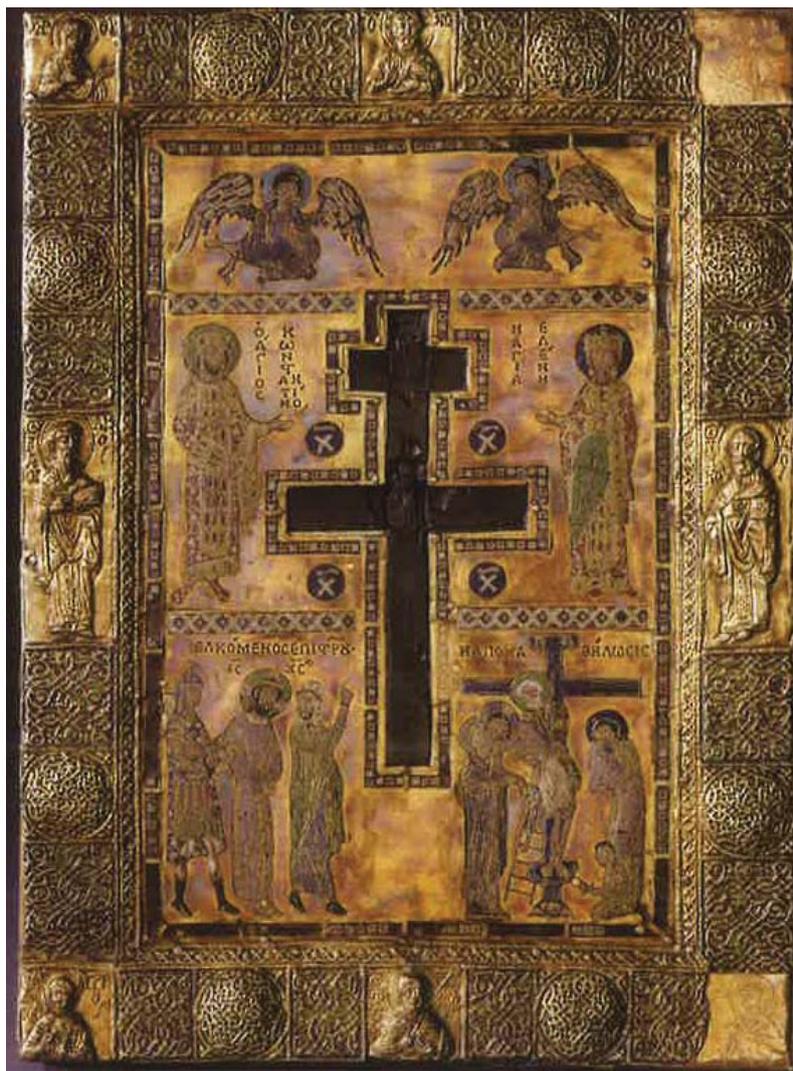

Рис. 20а. Ставроотека XII–XIV вв. из Эстергома, Собор Св. Адальберта
Fig. 20a. Staurolithe of the 12th – 14th centuries from Esztergom, St. Adalbert's Cathedral

Рис. 20б. Ставроотека XII–XIV вв. из Эстергома, Собор Св. Адальберта
Fig. 20b. Staurolithe of the 12th – 14th centuries from Esztergom, St. Adalbert's Cathedral

Рис. 21а. Икона Богородицы Надежда безнадежных середины XIV в., Ватопед, Афон
Fig. 21a. Icon of the Mother of God, Hope of the Hopeless, mid-14th century, Vatopedi, Athos

Рис. 21б. Икона Богородицы Надежда безнадежных середины XIV в., Ватопед, Афон
Fig. 21b. Icon of the Mother of God, Hope of the Hopeless, mid-14th century, Vatopedi, Athos

Рис. 22а. Верхняя часть обложки греческого кодекса gr. I, 53 (=966) XIV в. из Венеции, Библиотека Марциана
Fig. 22a. Top cover of the Greek codex gr. I, 53 (=966) of the 14th century from Venice, the Marcian Library

Рис. 22б. Нижняя часть обложки греческого кодекса gr. I, 53 (=966) XIV в. из Венеции, Библиотека Марциана
Fig. 22b. Lower cover of the Greek codex gr. I, 53 (=966) of the 14th century from Venice, the Marcian Library

REFERENCES

1. Bank A.V. *Vizantiyskoe iskusstvo v sobraniyakh Sovetskogo Soyuza* [Byzantine Art in the Collections of the USSR]. Leningrad, Moscow, Sovet. khudozh. Publ., 1967. 392 p.
2. Bank A.V. *Prikladnoye iskusstvo Vizantii IX–XII v.* [The Decorative Art of Byzantium, 9th – 12th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 312 p.
3. Evdokimova A.A. Aktsentuirovannye papirusy iz kollektzii Kelnskogo universiteta (predvaritelnye zamechaniya) [Accentuated Papyri from the Collection of the University of Cologne (Preliminary Remarks)]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2010, no. 14-1, pp. 277-295.
4. Evdokimova A.A. Dialog vizantiyskoy i alexandriyskoy sistem aktsentuatsii v grecheskikh graffiti iz raznykh balkanskikh pamyatnikov [Dialogue of Byzantine and Alexandrine Accentuation Systems in Greek Graffiti from Different Balkan Monuments]. *Balkanskiy tezaurus: kommunikatsiya v slozhno-kulturnykh obtshestvakh na Balkanakh* [The Balkan Thesaurus: Communication in Complex Cultural Societies in the Balkans]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN Publ., 2019, pp. 31-37. (Balkanskiy chteniya [The Balkan Readings]; vol. 15).
5. Evdokimova A.A. Sistemy aktsentuatsii v legendakh vizantiyskikh molivdovolov XI–XII vv. iz kollektzii Dumbarton Oaks [Accentuation Systems in the Legends of Byzantine Seals of the 11th – 12th Centuries from Dumbarton Oaks Collection]. *Chersōnos themata: Imperia i polis. XIII Mezhdunar. vizant. seminar: materialy nauch. konf.* [Chersonos themata: Empire and Polis. The 13th International Byzantine Seminar. Proceedings of the Scientific Conference]. Simferopol, Arial Publ., 2021, pp. 111-127.
6. Evdokimova A.A. Sistemy aktsentuatsii vizantiyskikh molivdovolov XIII–XV vv. iz kollektzii Dumbarton Oaks [The Accentuation Systems in the Byzantine Seals of the 13th – 15th Centuries from the Collection of Dumbarton Oaks]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 65-73. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.6>
7. Evdokimova A.A. Sistemy aktsentuatsii v vizantiyskikh grecheskikh nadpisyakh na metalle iz Italii [The Accentuation Systems in the Byzantine Inscriptions on Metal from Italy]. *Chersōnos themata: Imperia i polis. XV Mezhdunar. vizant. seminar: materialy nauch. konf.* [Chersonos themata: Empire and Polis. The 15th International Byzantine Seminar. Proceedings of the Scientific Conference]. Simferopol, Arial Publ., 2023, pp. 97-110.
8. Evdokimova A.A. Korpus akcentuirovannykh vizantiyskikh pismennykh pamyantikov i metody ego razmetki [Corpus of Accentuated Byzantine Written Monuments and Methods of Its Markup]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: po materialam Mezhdunar. konf. «Dialog 2023»* [Computer Linguistic and Intellectual Technologies. Proceedings of the Scientific Conference “Dialogue 2023”]. Moscow, RGGU Publ., 2023, pp. 1-11.
9. Tronsky I.M. *Drevnegrecheskoe udarenie* [Ancient Greek Accent]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1962. 148 p.
10. Biondi A. *Gli accenti nei papyri greci biblici*. Roma, Papyrologica Castrociquitana, 1983. xii, 84 p., 5 pl.
11. *Byzance, l'art byzantin dans les collections publiques françaises*. Paris, Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1992. 530 p., 400 ill.
12. Drpic I. *Epigram, Art & Devotion in Later Byzantium*. Cambridge, University Press, 2016. xxiv, 490 p.
13. Evans H.C., Wixom W.D., eds. *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261*. New York, The Metropolitan Museum of Art, 1997. xxvii, 574 p.
14. Hinge G. *Der dorische Akzent in den hellenistischen Korpora der archaischen Meliker*. URL: <http://alkman.glossa.dk/akzent.html>
15. Laum B. *Das Alexandrinische Akzentuationssystem unter Zugrundelegung der theoretischen Lehren der Grammatiker und mit Heranziehung der praktischen Verwendung in den Papyri*. Paderborn, Druck und Verlag von Ferdinand Schoeningh, 1928. xvi, 523 p.
16. Rhoby A. *Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung. Vol. II: Byzantinische Epigramme auf Ikonen und Objekten der Kleinkunst, nebst Addenda zu Band I “Byzantinische Epigramme auf Fresken und Mosaiken”*. Vienna, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. 539 p.
17. Seibt W. Das Reliquiarkreuz des Leon “Damokranites”, patrikios kai domestikos tēs Dyseōs. *Byzantios. Festschrift für Herbert Hunger zum 70. Geburtstag*. Wien, E. Bécvar, 1984, pp. 301-310.
18. Seider R. *Paläographie der griechischen Papyri. Vol. I*. Stuttgart, Anton Hiersmann, 1967. 112 p., 40 pl.
19. Ševčenko I. Observations Concerning Inscriptions on Objects Described on Catalogue “The Glory of Byzantium”. *Palaeoslavica*, 1998, VI, pp. 243-252.
20. Turner E.G. *Greek Manuscripts of Ancient World*. Oxford, Clarendon Press, 1971. xvi, 174, 92 pl.
21. Wessel K. *Die byzantinische Emailkunst: Vom 5. bis 13. Jahrhundert. Beiträge zur Kunst des christlichen Ostens. Bd. 4*. Recklinghausen, Bongers, 1967. 213 p.

Information About the Author

Alexandra A. Evdokimova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Department of Applied Linguistics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, B. Kislovsky Lane, 1, Bld. 1, 125009 Moscow, Russian Federation, ae@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6557-2064>

Информация об авторе

Александра Алексеевна Евдокимова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики, Институт языкознания РАН, Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, 125009 г. Москва, Российская Федерация, ae@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6557-2064>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.27>UDC 93(5)(049.32)
LBC 63.3(5)я1Submitted: 17.03.2023
Accepted: 30.06.2023**DID ANTIQUITY DISAPPEAR IN THE CITIES OF ASIA MINOR LONG BEFORE THE FALL OF THE ROMAN EMPIRE?**

(Book Review: Pont, A.-V. La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin / A.-V. Pont. – Genève : Droz, 2020. – XIII, 585 p. – (Hautes études du monde gréco-romain ; vol. 57))

Alexander S. Kozlov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The publication is a review of a monograph by Anna-Valerie Pont, Professor of the Sorbonne, devoted to an attempt to determine the time of the disappearance of an ancient city (polis) on the material of Asia Minor. **Analysis and results.** There is an extensive and complex source base of research in terms of composition and quality, which includes both scanty reports of late Antique and early medieval written heritage, as well as archaeological data, among which the author legitimately highlights epigraphic material. As criteria for the extinction in the city, it is the ancient indicators of public life that have priority: the decline in the functioning of self-government institutions by urban communities, a decrease in the activity of wealthy citizens in organizing spectacles, subsidizing essential products, an increase in the specific weight of imperial bureaucratic control and local management, an increase in the influence of Christians on public processes in policies. The review indicates that the French researcher actually ignored the evolution of municipal property (the degradation of which in the chronological framework under consideration was very modest). In fact, the evolution of such estates as curiales and plebs (whose position at the time under consideration was by no means catastrophic) was also left aside. The social historical realities in the monograph are touched upon only insofar as they are related to institutional elements (the work of city councils, the implementation of magistracies, etc.). The author of the review points out that such a method of analyzing late-antique processes is outdated and goes back to the Enlightenment views on the fall of the Roman Empire. The review focuses on the legitimacy of the priority of epigraphic monuments for the disclosure of the stated topic (due to the insufficiency of narrative sources). However, consideration of the reduction in the number of such monuments at the turn of the 3rd – 4th century (compared with the times of the classical Empire) as an indicator of the extinction of the antique parameters of the policy is doubtful.

Key words: Late Antique civilization, Late Antique epigraphy, Asia Minor at the beginning of the early Byzantine period, ancient archaeology of Asia Minor, the end of the ancient polis in Asia Minor.

Citation. Kozlov A.S. Did Antiquity Disappear in the Cities of Asia Minor Long Before the Fall of the Roman Empire? (Book Review: Pont, A.-V. La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin / A.-V. Pont. – Genève : Droz, 2020. – XIII, 585 p. – (Hautes études du monde gréco-romain ; vol. 57)). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 377-384. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.27>

**ИСЧЕЗЛА ЛИ АНТИЧНОСТЬ В ГОРОДАХ МАЛОЙ АЗИИ
ЗАДОЛГО ДО ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ?**

(Рец. на кн.: Pont, A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin* / A.-V. Pont. – Genève : Droz, 2020. – XIII, 585 p. – (Hautes études du monde gréco-romain ; vol. 57))

Александр Сергеевич Козлов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на монографию профессора Сорбонны Анны-Валери Понт, посвященную попытке определить время исчезновения античного города (полиса) на материале Малой Азии. Отмечается обширная и сложная по составу и качеству источниковая база исследования, в которую включены как скудные сообщения позднеантичного и раннесредневекового письменного наследия, так и данные археологии, среди которых автор правомерно выделяет эпиграфический материал. В качестве критериев угасания в городе именно античных показателей общественной жизни приоритетом обладают: спад функционирования институтов самоуправления городскими общинами, снижение активности зажиточных граждан в организации зрелищ, дотировании продукции первой необходимости, нарастание удельного веса имперского бюрократического контроля и управления на местах, рост влияния христиан на общественные процессы в полисах. Рецензия указывает на фактическое игнорирование французской исследовательницей эволюции муниципальных имуществ (деградация которых в рассматриваемых хронологических рамках была весьма скромной). Фактически оставлена в стороне также эволюция таких сословий, как куриалы и плебс (положение которых в рассматриваемое время отнюдь не было катастрофичным). Социальные исторические реалии в монографии затрагиваются лишь постольку, поскольку связаны с институциональными элементами (работой городских советов, осуществлением магистратур и т. п.). Автор рецензии указывает, что подобная методика анализа позднеантичных процессов устарела и восходит к взглядам Просвещения на падение Римской империи. В рецензии делается акцент на правомерности приоритета эпиграфических памятников для раскрытия заявленной темы (ввиду недостаточности нарративных источников). Однако рассмотрение сокращения числа таких памятников на рубеже III–IV вв. (по сравнению с временами классической империи) как показателя угасания античных параметров полиса вызывает сомнения.

Ключевые слова: позднеантичная цивилизация, позднеантичная эпиграфика, Малая Азия начала ранневизантийского времени, античная археология Малой Азии, конец античного полиса в Малой Азии.

Цитирование. Козлов А. С. Исчезла ли античность в городах Малой Азии задолго до падения Римской империи? (Рец. на кн.: Pont, A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin* / A.-V. Pont. – Genève : Droz, 2020. – XIII, 585 p. – (Hautes études du monde gréco-romain ; vol. 57)) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 377–384. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.27>

Введение. Монография представляет собой сложное и амбициозное исследование, посвященное поиску обстоятельств, связанных с исчезновением активных «гражданских сообществ» (*communautés civiles*), которые составляли основу полисов Малой Азии во времена эллинизма и Римской империи. Подобная постановка проблемы очень важна не

только для антиковедов, но и византинистов, учитывая принципиальность места Анатолии в становлении и развитии империи ромеев. Тема эта, надо сказать, была одной из ведущих в советском антиковедении и византиноведении, но с 90-х гг. стала заметно вытесняться на периферию отечественных изысканий. В основе же книги Анны-Валери Понт

легла ее солидная диссертация (нацеленная на обретение степени хабилированного доктора), содержащая подробный обзор свидетельств о начале деградации исследуемого объекта как «традиционного архетипа» (*archétype traditionnel*), то есть в период с середины III в. до смерти Константина I. Цель, поставленная в монографии, четкая – рассмотрение свидетельств о «конце греческого города в Малой Азии как политической и институциональной модели, наделенной общинными ценностями» [9, р. 3].

Анализ. Прежде всего следует отметить, что автор исходит из того понимания гражданской жизни в античности, которое постулируется такими крупными специалистами, как П. Браун и Л. Роберт. Главное в этой концепции – именно полисы обеспечивали гражданам «общее благо», а не какие-то иные, более универсальные формы консолидации людей в Поздней Античности. При этом Понт старается усилить весомость данной позиции указанием на апофеоз полисной модели в период Римской империи, характеризующийся партнерским взаимодействием гражданских коллективов и государства. Отчасти с таким подходом можно было бы и согласиться, но здесь Понт принимает во внимание прежде всего размышления Джона Ма об *Euboikos*, а П. Манена – о «политической энергии», которые имели своим результатом формирование подлинно «гражданских сообществ», а не только городских центров [5; 6, р. 17–18]. По этой причине французская исследовательница стремится понять, что происходило до того, как советы декурионов заняли ведущее положение в восточно-имперских полисах (то есть до предмета изысканий В. Либешюца) [4], и не согласна с попытками такого византиниста, как М. Уиттоу, отстоять существование в то время признаков «непрерывной истории» городов (см.: [11]). Кроме того, исследовательница, по сути, дезавуирует подход к данной теме такого специалиста, как С. Митчелл (взгляды которого на судьбы позднеантичных полисов в западном антиковедении и византиноведении до появления книги Понт представлялись наиболее актуальными): она считает, что элементов прежней гражданской жизни было уже недостаточно для поддержания стареющей модели полиса, и утверждает, что

конец последнего определялся не только решениями центральной власти (что верно, то верно! – А. К.), а скорее «быстрым изменением местного менталитета», когда город переставал быть интересным и подходящим местом для жизни общины¹ [9, р. 20]. Здесь необходимо заметить, что Понт в данном случае явно не в ладах с причинно-следственными связями, ибо новый менталитет не рождается сам по себе. Правда, надо отдать автору должное, она справедливо указывает на сложность и определенную скудость доступных источников (действительно, письменная традиция, касающаяся позднеантичной Малой Азии, бедновата, а огромный археологический материал носит «очаговый» характер, во многом не опубликован, а опубликованный не подвергнут универсальной систематизации). Для преодоления такой ситуации Понт предлагает сравнивать малоазийский материал с североафриканским. Сразу же отмечу – подобная методика отчасти оправдана (ибо африканский материал не просто обилен, а на сегодняшний день лучше систематизирован), но содержит и немалые риски (позднеантичные системы Магриба отличались своеобразием и большей живучестью, что обусловило, наряду с прочим небывалый для раннего средневековья расцвет региона, – до вторжений племен бану хильяль, бану сулейм и кочевников из западной Сахары в середине XI в.).

Не менее примечательно (по характеру методики) деление основной части книги на три главы: I. Города Малой Азии перед лицом новых вызовов с середины III в. до 280-х гг., II. Греческие города и имперская структура до Диоклетиана, III. Распад гражданских связей (*Dissolution des liens civiques*). Российский специалист, исходя из названия первой главы, в основном должен ожидать анализа социальных перемен в полисах в обстановке «кризиса III века» (деградация городской собственности, расслоение сословия декурионов и т.п.). Однако Понт акцентирует внимание на сообщениях источников о здешних религиозных преследованиях во времена Траяна, Деция и Проба. Цель автора состоит не в том, чтобы измерить уровень христианизации Малой Азии (подход, привычный для западной историографии), а скорее в том, чтобы тщательно изучить эти безусловно важные свидетельства о

persecutiones с учетом отсутствия подобных сведений в эпиграфических источниках, – ибо по мнению исследовательницы, гонения подвергли испытанию греческую гражданскую модель непосредственно перед так называемыми «готскими вторжениями». Надо отдать должное автору – соответствующая информация представлена в упорядоченном формате и с чрезвычайной степенью детализации (даже тогда, когда источники такого рода, например, мартирологи и жития, большинство из которых были составлены намного позднее, представляются весьма проблематичными и к ним следует относиться с особой осторожностью, как это и старается делать Понт). Иногда, правда, обращение со многими дошедшими до нас агиографиями (особенно с самыми сомнительными) становится слишком описательным и мало что добавляет к аргументации. Тем не менее такая работа Понт на сегодняшний день представляет собой наиболее полную дескрипцию фактологии persecutiones в Малой Азии. В методику этой дескрипции входит группировка фактов по анатолийским регионам и по правлениям императоров, а также подробный разбор возможной роли мучеников для судеб полисов Малой Азии. Обращает на себя внимание также подчеркивание актуальности местных гражданских структур, – хотя актуальность эта презентуется, на мой взгляд, односторонне: автор пытается описать отношение христианского сообщества к *микрoидентичности* (microidentité, курсив мой. – А. К.), присущей любому полису.

Помня о главной линии и методике главы I, не видишь ничего неожиданного в том, что основной «вызов» полисам Анатолии во второй половине III в. (глава II) иллюстрируют свидетельства о набегах варваров на Малую Азию и анализ возможных последствий таких нападений для гражданских сообществ. Данный подход к теме – еще одно свидетельство того, что постулируемая не так давно в историографии (в том числе – в западной), мысль об окончании «эпохи А.Х.М. Джонса» (подразумевающей не только подробнейшее описание фактологии кризиса и распада Римской империи, но и выделение внешнего фактора как основного для понимания этого кризиса), мягко говоря, не состоятельна (вспом-

ним авторитетные ныне на Западе труды Е.А. Томпсона, П. Хизера, Д. Мэтьюза, Р. Коллинса, В. Ланкона и др., которым в целом противостоят работы сторонников многофакторности причин краха античности – Б. Уорда-Перкинса, Э. Камерон, А. Демандта и т. д.). В самом деле, благодаря сообщениям историков, таких как Дексипп, которые больше других интересовались местными событиями, можно заметить, что города оказывали сопротивление варварам даже при неблагоприятных обстоятельствах, о чем, возможно, также свидетельствуют многочисленные клады монет того времени, найденные в регионе [9, p. 125]. Эпиграфические материалы по данному сюжету оказываются, однако, еще более иллюстративны, и разбор этой информации, прodelьваемый Понт на протяжении всей главы, можно считать весьма полным и по очень многим эмпирическим моментам убедительным. Некоторая критика касательно такого рода эмпирики может быть выдвинута на том основании, что автор склонен включать в соответствующий круг надписи, датировка которых далека от определенности (например, [9, p. 144–145, 161]. Это выглядит особенно проблематично в разделе, посвященном строительству укреплений в Малой Азии III в., поскольку исследовательница сама пишет, что эпиграммы в честь правителей и особенно в память о постройках «берут начало в конце II века» [9, p. 137] (ср.: [8]). В любом случае очень показательны выводы после таких наблюдений: реакция малоазийских общин на указанные драматические события похоже, ориентирована на прошлое [9, p. 154], не произошло и дестабилизации «гражданского корпуса» (corps civique), который сохраняет свою былую идентичность; имело место, скорее, изменение форм в структуре гражданской автономии (как ответ на внешние воздействия), в то время как межполисные связи сильно пострадали [9, p. 174–178]. Замечу, однако, что указанное Понт «перестроение» (réforme) в восточных провинциях империи (особенно в Сирии и Малой Азии) исходило уже на рубеже III–IV вв. из сосредоточения земли горожан все более в руках куриалов. Особенно это было заметно в Малой Азии, где решительно преобладали малые города (до 5 тыс. жителей) и где

мелкие земельные собственники со второй половины III в. мигрировали в города средние (до 10–20 тыс. жителей). Значительная часть земель в округе города оставалось в III–IV вв. в муниципальной собственности (ἀγροὶ τῆς πόλεως, κт...μα τῆς πόλεως), но распоряжение доходами с нее все более сосредоточивалось в руках узкой куриальной верхушки (крупные землевладельцы, *principales*, в малом городе не жили) [1, р. 46–79]. Иначе говоря, внешняя стабильность таила в себе будущие серьезные общественные перемены. Определенное выражение такой общественной перемены тезис находит тогда, когда французская исследовательница рассматривает свидетельства (по большей части эпиграфические), иллюстрирующие тот непреложный факт, что местные политические сообщества Малой Азии все еще функционировали, несмотря на быстрые изменения на имперском уровне. Примечательно, что для подтверждения такого важного вывода, во-первых, предлагается сравнение с полисами Ранней империи с городами Магриба II–III вв. – и только после этого Понт констатирует, что корпоративное управление на местах оставалось необходимостью. Затем автор рассматривает те аспекты полисного самоуправления, которые наиболее выразительно подчеркивали бы яркие свойства (или же отсутствие таковых) местной *политеία*: значимость корпораций демоса, городских советов, магистратур, систем кооптации, иерархизации... Вывод для Понт очевиден: гражданская система продолжала функционировать в прежнем виде во второй половине III в. и даже в начале IV в., но в ней начинают происходить некоторые изменения (если сравнивать с более стабильными африканскими городами), особенно в отношении элит (*grands notables*), чей вес на гражданской сцене начинает уменьшаться [9, р. 218]. Опять же, некоторые из этих интересных наблюдений основаны на эпиграфических материалах, которые весьма немногочисленны и весьма спорно датируемы, что иногда признается самим автором (например, [9, р. 188–190, 192, 212–213]). Однако довольно уместное здесь исследование «внегражданских» способов саморекламы, практикуемых некоторыми представителями городской верхушки, удачным назвать нельзя, и я считаю, что в данном случае пред-

варять анализ должны были бы соответствующие оговорки и глубокое рассмотрение эпиграфического этикета (трафаретов). Ибо в итоге мы читаем о «деполитизации» элит, которые уже не идентифицируются по их щедротам в адрес местных общин, потому что «культурные и социальные авторитеты отходят от гражданской активности, идеально описанной Лукианом Самосатским и его современниками» [9, р. 245].

По-своему логично, что когда Понт анализирует растущую централизацию имперской власти, особенно после установления тетрархии, то она описывает создание новых «административных иерархий» (*hiérarchies administratives*), призванных серьезно повлиять на полисное самоуправление. Следует отметить, что в рассмотрении этой сложнейшей проблемы исследовательница весьма скрупулезна (в том, что касается эмпирики) и она подробно разбирает такие реалии, как местные литургии, налоговые реформы, изменения гражданского статуса и реорганизация провинций Диоклетианом. Главный вывод в связи с этим (после рассмотрения огромного количества соответствующего источникового материала как из Малой Азии, так и из ряда иных регионов) заключается в том, что интерес центральной власти к местным проблемам упал, а роль *политеία* снизилась и, как следствие, «политическая энергия» была удалена из публичного пространства [9, р. 331–334]. Мало того, в книге Понт утверждается, что большая часть местных доходов была присвоена центральной властью (тезис весьма спорный в свете современных взглядов на судьбы городских имуществ в рассматриваемый период). Тем не менее следует согласиться с тем, что изменения в управленческой системе не просто повлияли на социальные отношения внутри полисов; произошли изменения в местной политической культуре, и это во многом объясняет сокращение числа общественных эпиграфических памятников, установленных тогда городскими общинами.

Не удивительно, что, исходя из совокупности такого рода постулатов, исследовательница считает период с 303 по 324 г. временем нестабильности. В качестве отправной точки *instabilités* рассматриваются гонения Диоклетиана, а потому автор подробно разбирает со-

ответствующие агиографические источники и то и дело подчеркивает возрастающую роль христиан в общественной жизни. Подход абсолютно не новый (если учитывать проблематику основной темы исследования) и опять-таки демонстрирует оттеснение социальных процессов в позднеантичной гражданской общине на задний план. И в то же время даже такой анализ показывает, что, в отличие от Африки, полисы Малой Азии не остаются «нейтральными местечками» с античными ценностями [6, р. 218; 7, р. 59], и лучшей иллюстрацией тому, по мысли Понт, является анализ знаменитой надписи из Памфилии, датированной 311 г. и соотносимой с нюансами политики Максимиана Дазы. При Лицинии процесс подобной трансформации полисных коллективов, по мнению Понт, остановился и даже пошел вспять: трудности курий с выполнением их обязанностей возросли; а консолидация новых имперских центров управления (в том числе – Константинополя) укрепила тенденцию к деполитизации граждан малых и средних городов. В конечном счете, считает Понт, эти новые факторы оказались способны спровоцировать или усугубить застой внутри тех гражданских сообществ, где было большое число христиан [9, р. 396], а гражданская война, завершившаяся битвой при Хрисополе, «похоже, знаменовала конец многосекулярного консенсуса, который делал полис всеобщим идеалом» [9, р. 401]. Данные суждения весьма сомнительны. Во-первых, кроме всего прочего, до сих пор не существует методики подсчета того критического числа христиан, после которого начинается упадок античных ценностей в полисе. Во-вторых, отведение христианству ведущей роли в кризисе полисной системы – мысль, восходящая к просветителям XVIII в. и особенно к Э. Гиббону, в рассматриваемом в книге Понт контексте, с учетом массы исследований этого контекста в XX в., выглядит нонсенсом. В-третьих, приписывание в подобном ключе эпохальной значимости победе Константина над Лицинием (якобы тотальным защитником уходящим в прошлое ценностей) – также мысль, по уровню своему восходящая к логике Просвещения и игнорирующая массу современных исследований.

Поэтому не удивляет, что при оценке всех зафиксированных в биографии тенденций в эво-

люции полиса в связи с реалиями, имевшими место после победы Константина, социальным факторам ведущей роли не отведено. Конечно, французская исследовательница внимательно изучает опубликованные материалы Орциста (Памфилия), а также другие аналогичные публикации эпитафических и археологических данных, связанные с понятием *urbes intermortuae*. Но в целом реалии, служащие показателями успешного функционирования позднеантичных городов (наличие магистратов, муниципальных доходов, учреждения, существующие на пожертвования или организация муниципальных зрелищ игр), рассматриваются применительно ко времени, когда расцветала позднеантичная публичная культура (в параметрах концепций П. Брауна), в которой христиане уже играли значительную роль. Основание именно в то время Константинополя, как отмечает Понт, также имело для указанных тенденций «очевидные последствия» [9, р. 477–479], и многие города оставались важными для восточно-римской администрации и церкви. Возникает, однако, вопрос – только ли создание новой столицы на Босфоре укрепляло значимость полисов? Тем более что Понт заявляет весьма спорный тезис – местное гражданское общество «с его магистратами и священниками больше не является источником власти религиозного, политического или юридического характера; последняя приходит извне» [9, р. 476]. Пусть не малоазиатский, но близкий сирийский материал (Либаний, Феодорит и др.) показывает, что в рамках муниципальных компетенций властные полномочия курий и церкви оставались весомыми даже в позже рассматриваемого Понт времени. Поэтому (но не только поэтому) весьма сомнительно заключение монографии относительно датировки конца античного города в Малой Азии; так, этот конец как его понимает Понт, соотносится с периодом, рассматриваемым в книге. Его причины – сочетание следующих основных факторов: гомогенизация (*homogénéisation*) местных эллинистических институтов в соответствии с римским правом и новой провинциальной администрацией, консолидация новых имперских центров в регионе (Никомедия, Константинополь), определенный период общей нестабильности и деполитизации местных сообществ (особенно заметной по поведению полисных элит) [9, р. 492–496]. Как видим, среди этих факторов нет мес-

та эволюции муниципальной собственности, взаимоотношений структур и страт деревни и города (причем городов разных типов, от малых до крупных, о чем убедительно писал Г.Л. Курбатов), судеб сословия куриалов (уже далеко не однородного) и плебса...

В связи с этим – даже не концептуальное, а чисто методическое замечание. Исследовательница, как видно, очень настойчива в намерении определить конец греческого города как нечто окончательное и абсолютно измеримое. Ибо вся ее датировка этого «конца» в значительной степени основана на констатации отсутствия в Поздней Античности того огромного количества надписей, которые освещали гражданскую жизнь в Малой Азии в эпоху расцвета Римской империи, когда в городах шло интенсивное строительство, финансируемое местной элитой (ср.: [8, р. 50–51]). Корректнее было бы учесть мнение тех специалистов, в том числе в области эпиграфики, считающих, что Поздняя Античность – это особый период, исключительный по эпиграфическому стилю и строительной активности. Поэтому его вряд ли можно измерять параметрами античной классики, касающихся топографии полисов и жизни их граждан. Регионы Писидии или Фригии могут быть хорошим примером этого парадокса. Обнаруживаемые там надписи и монеты немногочисленны до II в. н. э., и все же никто не утверждает, что гражданская жизнь или местная идентичность были при смерти вплоть до времени Антонинов. Во-вторых, автор, несмотря на ее очевидное владение предметом и источниками, похоже, не желает учитывать некоторые более поздние свидетельства, которые могли бы сделать поправки в ее выводы. Я не имею в виду в данном случае такие свидетельства, как информация Либания, который был активным гражданином редкого по имперским меркам крупного полиса [9, р. 481]; речь идет о местных надписях, таких как недавно найденная в Иераполе, где записано, как в правление Констанция II «все гражданство (πολιτευτικόν) выделяло деньги» на театр [10, р. 405], или знаменитый документ времен Валента из Эфеса, сообщающий, что должностным лицам даже скромных общин был оказан «большой почет ради народной привязанности» [2, S. 201]. Я уже не говорю об из-

вестном рассказе Евнапия об отъезде Максима из города под обычные крики народа [3, р. 46] в присутствии тех, кто возглавлял советы (τὸ κρείττον τῶν βουλευτηρίων).

Результаты. Фактология монографии Понт будет интересна всем, кто интересуется не только римской и ранневизантийской Малой Азией, а также местной гражданской жизнью между периодом классической империи и началом Поздней Античности. Реалии, приведенные в книге, крайне значимы для понимания начала заката античной цивилизации в целом. Обобщения же, особенно общего плана, сделанные французской исследовательницей, в значительной мере не просто спорны, но и содержат заряд историографической архаики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Если быть точным, Понт использует в данном случае термин *vie collective*.

REFERENCES

1. Kurbatov G.L. *Osnovnye problemy vnutrennego razvitiya vizantiyskogo goroda v IV–VII vv. (konets antichnogo goroda v Vizantii)* [The Main Problems of the Internal Development of the Byzantine City in the 4th – 7th Centuries (The End of the Ancient City in Byzantium)]. Leningrad, LGUPubl., 1971. 220 p.
2. Wankel H., ed. *Die Inschriften von Ephesos. Teil 1a. Nr. 1–47*. Bonn, R. Habelt, 1979. xii, 302 S. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien; Bd. 11.1).
3. Sardonius E., Giangrande I., eds. *Eunapii Vitae sophistarum*. Romae, Poligrafico, 1956. xiv, 111 p. (Scriptores Graeci et Latini Consilio Academiae Lyceorum).
4. Liebeschuetz J.H.W.G. *The Decline and Fall of the Roman City*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2001. xvii, 479 p.
5. Ma J. Public Speech and Community in Dio Chrysostom's "Euboikos". Swain, S. *Dio Chrysostom: Politics, Letters, and Philosophy*. Oxford, Oxford University Press, 2000, pp. 108-124.
6. Manent P. *Les métamorphoses de la cité. Essai sur la dynamique de l'Occident*. Paris, Flammarion, 2010. 429 p.
7. Mitchell S. The Cities of Asia Minor in the Age of Constantine. Lieu S.N.C., Montserrat D., eds. *Constantine: History, Historiography and Legend*. London, Routledge, 1998, pp. 52-73.

8. Pont A.-V. Dernières mentions des magistratures et des liturgies traditionnelles dans les cités d'Asie mineure: habitus épigraphique et vie institutionnelle locale à la fin du IIIe et au début du IVe siècle. *Chiron*, 2017, t. 47, pp. 35-55.

9. Pont A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à*

Constantin. Geneva, Droz, 2020. xiii, 585 p. (Hautes études du monde gréco-romain; vol. 57).

10. Chaniotis A., eds. *Supplementum Epigraphicum Graecum. T. LXI*. Leiden, Brill, 2011. xxxviii, 806 p.

11. Whittow M. Ruling the Late Roman and Early Byzantine City: A Continuous History. *Past & Present*, 1990, vol. 129, no. 1, pp. 3-29.

Information About the Author

Alexander S. Kozlov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Prosp. Lenina, 51, 620014 Yekaterinburg, Russian Federation, alarich@olympus.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9203-9169>

Информация об авторе

Александр Сергеевич Козлов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, просп. Ленина, 51, 620014 г. Екатеринбург, Российская Федерация, alarich@olympus.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9203-9169>

РЕЦЕНЗЕНТЫ ЖУРНАЛА В 2023 г.

Редакция журнала благодарит ученых, выступивших в роли анонимных рецензентов статей в 2023 году:

к.и.н., ст. науч. сотр. *П.А. Аваков* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

к.и.н., ст. преп. *М.М. Агазаде* (РУДН, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *В.А. Агеева* (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ), Таганрог, РФ)

к.и.н., доц. *Р.С. Айриян* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)

д.и.н., гл. науч. сотр. *А.И. Айбабин* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

д.и.н. *А.И. Алексеев* (РНБ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., PhD, ст. науч. сотр. *Н.А. Алексеенко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

д.и.н., проф. *Т.В. Алентьева* (КГУ, Курск, РФ)

к.и.н., доц. *И.В. Амбарцумов* (РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *К.Р. Амбарцумян* (СКФУ, Ставрополь, РФ)

д.и.н., ординарный профессор *Е.В. Анисимов* (ВШЭ, Санкт-Петербург, РФ; ИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *А.В. Антощенко* (ПетрГУ, Петрозаводск, РФ)

к.иск. *С.А. Аргасцева* (Музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград, РФ)

А.Ю. Аржанов (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)

к.и.н., вед. науч. сотр. *И.А. Аржанцева* (ИАЭ РАН; РГГУ, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *Е.В. Архипова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Т.А. Базарова* (СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *М.А. Балабанова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *Н.Д. Барабанов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., д.полит.н., проф. *А.В. Баранов* (КубГУ, Краснодар, РФ)

д.полит.н., доц. *А.И. Бардаков* (ВИУ – филиал РАНХиГС, Волгоград, РФ)

д.и.н., доц., ст. науч. сотр. *Н.В. Башнин* (СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *Д.А. Белащенко* (НИ НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

к.социол.н., доц. *Е.О. Беликова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *А.А. Бельцер* (Самарский университет, Самара, РФ)

к.филол.н., доц. *Е.В. Бембеев* (КалмГУ, Элиста, РФ)

д.филол.н., вед. науч. сотр. *Д.С. Бирюков* (СИ (ф) ФНИСЦ РАН, Москва, РФ)

д.полит.н., проф. *С.В. Бирюков* (СИУ РАНХиГС, Новосибирск, РФ)

к.полит.н., доц. *Ю.К. Богуславская* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *Э.Б. Боев* (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, РФ)

д.филол.н., доц. *Н.А. Добронравин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *В.Е. Болдырев* (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, РФ)

к.и.н., доц. *Н.Ю. Болотина* (РГАДА, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Е.Ю. Болотова* (ВГСПУ, Волгоград, РФ)

к.и.н. *Д.С. Боровков* (ООО «УРИМП», Екатеринбург, РФ)

д.и.н., чл.-корр. РАН *А.П. Бужилова* (НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва, РФ)

к.и.н. *А.С. Бушуев* (ИИ АН РТ, Казань, РФ)

к.и.н. *Е.В. Вдовченков* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)

к.и.н., вед. науч. сотр. *М.В. Ведерников* (ИЕ РАН, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *С.Г. Веригин* (ПетрГУ, Петрозаводск, РФ)

к.и.н., к.полит.н. *К.В. Вертяев* (ИВ РАН, Москва, РФ)

к.и.н. *М.П. Вещунов* (Военная академия Генерального штаба, г. Москва, РФ)

к.и.н., доц. *В.М. Викторин* (АГУ им. В.Н. Та-
тищева, Астрахань, РФ)
д.полит.н., проф. *А.А. Вилков* (СГУ, Саратов,
РФ)
к.и.н., ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (ИВИ РАН,
Москва, РФ)
к.и.н., д.филол.н., проф. *А.Ю. Виноградов*
(НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д.и.н., вед. науч. сотр. *В.Г. Вовина-Лебеде-*
ва (СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н., доц. *А.А. Волвенко* (РГЭУ (РИНХ),
Таганрог, РФ)
д.полит.н., проф. *С.В. Володенков* (МГУ, Мос-
ква, РФ)
д.полит.н., проф. *С.С. Восканян* (ВИУ – фи-
лиал РАНХиГС, Волгоград, РФ)
д.и.н., к.филол.н., доц. *А.Ф. Гавриленков*
(Смоленская Православная Духовная семина-
рия, Смоленск, РФ)
д.и.н., проф. *Н.Ю. Гаврилова* (ТИУ, Тюмень, РФ)
к.и.н. *Ж.Ю. Гаевская* (Музей-заповедник
«Сталинградская битва», Волгоград, РФ)
к.и.н., ст. науч. сотр. *А.А. Ганич* (ИРИ РАН,
Москва, РФ)
Н.В. Гинькут (ГИАМЗ «Херсонес Тавричес-
кий», Севастополь, РФ)
к.и.н. *В.А. Горелкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.и.н., проф. *Л.Е. Гришаева* (МГУ, г. Моск-
ва, РФ)
к.филол.н., вед. науч. сотр. *Т.А. Гужавина*
(ВолНЦ РАН, Вологда; ВЦИОМ, Москва, РФ)
к.и.н., ст. науч. сотр. *Н.С. Гусев* (Институт
Славяноведения РАН, Москва, РФ)
ст. науч. сотр. *И.Е. Денисов* (МГИМО МИД
России, Москва, РФ)
к.и.н. *Е.Д. Джагацпанян* (независимый ис-
следователь, Москва, РФ)
д.и.н., член-корр. РАН *М.В. Добровольская*
(ИА РАН, Москва, РФ)
к.и.н. *М.И. Дробышев* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
к.и.н., вед. науч. сотр. *А.А. Душенко* (КФУ
им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
д.и.н., проф. *А.Г. Еманов* (ТюмГУ, Тюмень,
РФ)
д.и.н., проф., гл. науч. сотр. *А.Н. Еремеева*
(Южный филиал Института Наследия, Крас-
нодар, РФ)
д.полит.н., к.и.н., проф. *Н.В. Еремينا* (СПбГУ,
Санкт-Петербург, РФ)
к.полит.н., доц. *Е.В. Ефанова* (ВолГУ, Вол-
гоград, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Т.Н. Жуковская* (СПБНИИ
РАН, Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н., проф. *В.И. Журавлева* (РГГУ, Моск-
ва, РФ)
к.полит.н., ст. науч. сотр. *Е.А. Захарова* (ИМИ
МГИМО МИД России, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *В.А. Золотовский* (ВолГУ, Вол-
гоград, РФ)
к.и.н., доц. *И.Ю. Зуенко* (МГИМО МИД Рос-
сии, Москва, РФ)
к.и.н., ст. науч. сотр. *С.А. Иванов* (ИИАЭ
ДВО РАН, Владивосток, РФ)
д.э.н., проф. *Т.Б. Иванова* (ВИУ РАНХиГС,
Волгоград, РФ)
к.и.н. *С.А. Иванюк* (Музей-заповедник «Ста-
линградская битва», Волгоград, РФ)
к.и.н., вед. науч. сотр. *А.А. Ильин* (НИУ ВШЭ,
Москва, РФ)
к.и.н. *С.А. Исаев* (СПб ИИ РАН, Санкт-Пе-
тербург, РФ)
д.и.н., доц. *А.В. Ишин* (КФУ им. В.И. Вер-
надского, Симферополь)
к.и.н., ст. науч. сотр. *Т.М. Калинина* (ИВИ РАН,
Москва, РФ)
к.и.н., ст. науч. сотр. *И.П. Каменецкий*
(ИИ СО РАН, Новосибирск, РФ)
к.филол.н., доц. *О.С. Карнаухова* (ЮФУ, Ро-
стов н/Д, РФ)
д.и.н., к.воен.н., доц. *А.В. Карташев* (СГМУ,
Ставрополь, РФ)
к.полит.н., доц. *Е.Г. Курсанова* (МГУ
им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ)
д.и.н., доц. *М.В. Курчанов* (ВГУ, Воронеж,
РФ)
к.и.н., доц. *А.А. Киселев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н., доц. *И.В. Киселев* (Краснодарское выс-
шее военное авиационное училище летчиков,
Краснодар, РФ)
к.и.н., доц. *О.С. Киценко* (ВолгМУ, Волго-
град, РФ)
д.и.н. *А.Л. Клейтман* (Облкультурнаследие,
Волгоград, РФ)
к.и.н., доц. *В.М. Клепиков* (ВолГУ, Волго-
град, РФ)
к.геогр.н., доц. *Ю.Ю. Ковалев* (УрФУ, Екате-
ринбург, РФ)
К.С. Ковалева (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.полит.н., доц., ст. науч. сотр. *М.А.-М. Код-
зоев* (ИЛА РАН; РУДН; РГГУ; Москва, РФ)
к.и.н., доц. *А.С. Козлов* (УрФУ, Екатеринбург,
РФ)

к.и.н., доц. *С.В. Козлов* (СО РАН, Новосибирск, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Д.В. Конкин* (Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, РФ)

к.и.н., доц. *А.В. Контев* (АГПУ, Барнаул, РФ)
д.полит.н., проф. *В.Н. Конышев* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.ю.н., доц. *Е.Е. Королькова* (МГЮУ им. О.Е. Кутафина, Оренбург, РФ)

к.социол.н., ст. науч. сотр. *А.А. Космарский* (Институт исследований культуры НИУ ВШЭ, Москва, РФ)

д.и.н., гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

д.и.н., проф. *Е.Е. Красноженова* (СПбПУ им. Петра Великого, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *П.А. Кротов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *А.И. Кубышкин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.пед.н. *А.В. Кудряшев* (МГПУ, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *О.В. Кузнецов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Т.А. Кулиев* (ИАЭ НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан)

к.и.н. *А.Т. Кульбаева* (КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан)

к.и.н., доц. *А.А. Курапов* (КБУК АО «Астраханский музей-заповедник», Астрахань, РФ)

д.и.н., проф. *И.И. Курилла* (ЕУ СПб, Санкт-Петербург, РФ)

д.биол.н., ст. науч. сотр. *В.В. Куфтерин* (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, РФ)

д.и.н., гл. науч. сотр. *Т.В. Куц* (ИВИ РАН, Москва, РФ)

д.полит.н., проф. *М.Л. Лагутина* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *А.С. Лапшин* (ВГСПУ, Волгоград, РФ)

к.богосл., доц. *А.В. Ларионов* (МДА, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Д.М. Легкий* (КРУ им. А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан)

к.и.н., доц. *Е.А. Леонтьева* (ОГПУ, Оренбург, РФ)

к.и.н., доц. *А.В. Луночкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *Ю.А. Лысенко* (АлтГУ, Барнаул, РФ)

д.и.н., доц. *Д.А. Ляпин* (ЕГУ, Елец, РФ)

д.и.н. *В.В. Майко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *С.Н. Малахов* (ИИА РСО-А, Владикавказ, РФ)

к.и.н., доц. *Н.М. Малов* (Саратовский НИГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, РФ)

д.полит.н., проф. *Д.Б. Малышева* (ИМЭМО РАН, Москва, РФ)

к.и.н. *Т.В. Мармонтова* (Казахстанский институт общественного развития, Астана, Казахстан)

д.филос.н., проф. *Н.П. Мартыненко* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ)

к.полит. н., доц. *А.Н. Марчуков* (РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, РФ)

к.полит.н., ст. науч. сотр. *Н.И. Маслакова-Клауберг* (УМЦ, Москва, РФ)

д.э.н., гл. науч. сотр. *А.М. Мастепанов* (ИПНГ РАН, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *С.Г. Малкин* (СГСПУ, Самара, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *М.Б. Медникова* (ИА РАН, Москва, РФ)

к.и.н, вед. науч. сотр. *Э.Т. Мехдиев* (Финуниверситет при Правительстве РФ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Ю.А. Мизис* (ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов, РФ)

к.и.н., доц. *К.В. Минкова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *С.Н. Мирошников* (НИТГУ, Томск, РФ)

д.э.н., проф. *И.В. Митрофанова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *Ю.М. Могаричев* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

к.и.н., доц. *В.М. Монахов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.полит.н., доц. *И.Л. Морозов* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)

к.полит.н., доц. *С.И. Морозов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *А.С. Мусагалиева* (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан)

д.и.н., доц. *О.С. Мутиева* (ДГУНХ, Махачкала, РФ)

к.и.н., доц. *Т.П. Назарова* (ВолГАУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Б.З. Нанзатов* (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, РФ)

почетный архивист РФ *Н.А. Насонова* (ЦДНИВО, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *В.Е. Науменко* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.Ю. Николаев* (ВГС ВПИ (филиал) ВолгГТУ, Волжский, РФ)
 к.социол.н., доц. *Н.А. Николенко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 мл. науч. сотр. *М.В. Никольская* (МГИМО МИД России, Москва, РФ)
 к.и.н. *М.А. Никулин* (РУДН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *А.Б. Окунь* (Самарский НИУ им. акад. С.П. Королева, Самара, РФ)
 к.и.н., доц. *М.Н. Опалев* (ВГС ВПИ (филиал) ВолгГТУ, Волжский, РФ)
 д.и.н., проф. *А.А. Орлов* (МПГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *К.В. Орлова* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 д.полит.н., проф. *С.А. Панкратов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.социол.н., доц. *Л.С. Панкратова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *А.Ф. Парубочая* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.П. Пархитько* (РУДН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *А.В. Пачкалов* (Финуниверситет, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *А.Л. Перевезенцев* (АРУ им. К. Жубанова, Актюбе, Казахстан)
 к.и.н., доц. *Е.Е. Петрова* (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, РФ)
 д.филос.н., проф. *И.А. Петрова* (ВолгМУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *И.С. Петрова* (ГАВО, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Я. Петрухин* (Институт славяноведения РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.П. Пискунова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *М.Н. Потемкина* (МГТУ им. Г.И. Носова, Магнитогорск, РФ)
 к.богосл., к.и.н., преп. *А.А. Пржегорлинский* (Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии РПЦ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *А.С. Пученков* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *Н.Л. Пушкарева* (ИЭА РАН, Москва, РФ)
 к.полит.н., вед. науч. сотр. *А.Н. Пятаков* (ИЛА РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., доц. *О.В. Рвачева* (ВИУ – филиал РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 к.социол.н., доц. *Е.В. Реутов* (НИИ «БелГУ», Белгород, РФ)

к.и.н., доц. *Л.М. Решетникова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *О.А. Родионов* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 к.и.н. *Д.М. Розенталь* (ИЛА РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *О.В. Романько* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *А.А. Роменский* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
 д.социол.н., вед. науч. сотр. *Е.Ю. Рождественская* (ВШЭ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *В.В. Романов* (ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов, РФ)
Н.А. Романович (Институт общественного мнения «Квалитас», Воронеж, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.В. Рыбалко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *М.А. Рыблова* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 д.и.н., проф. *З.Г. Сактаганова* (КарУ им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан)
 д.филос.н., проф. *О.И. Сгибнева* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *Л.В. Седикова* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
 к.и.н., доц. *Э.И. Сейдалиев* (КИПУ им. Февзи Якубова, Симферополь, РФ)
 к.и.н., вед. науч. сотр. *Т.Ю. Сем* (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, РФ)
 к.филос.н., ст. науч. сотр. *Т.А. Сенина* (СИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *Д.В. Сень* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 д.и.н., д.полит.н., проф. *А.А. Сергунин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
А.Н. Серенко (Российское общество политологов, Москва, РФ)
 к.и.н. *К.В. Сериштанов* (АО «Новосибирский приборостроительный завод», Новосибирск, РФ)
 д.и.н., проф. *С.Г. Сидоров* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н. *А.А. Сирина* (ИЭА РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *Ф.Л. Симицын* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, РФ)
 к.и.н. *Н.Р. Славнитский* (Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., доц. *С.В. Смирнов* (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, РФ)

к.и.н. *В.А. Смирнова* (Менеджмент Университет, Алматы, РК)
 д.и.н., доц. *И.А. Соков* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *А.В. Сперанский* (УрО РАН, Екатеринбург, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.В. Стельник* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.П. Степаненко* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 к.и.н., вед. науч. сотр. *Е.В. Степанова* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, РФ)
 д.филос.н., проф. *А.Л. Стризов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.э.н., ст. науч. сотр. *А.В. Судьин* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 д.филол.н., проф. *В.И. Супрун* (ВГСПУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *М.А. Сюннерберг* (МГУ, Москва, РФ)
 к.филос.н., доц. *Е.А. Терюкова* (Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., проф. *З.П. Тинина* (ВГИИК, Волгоград, РФ)
 к.и.н., зав. каф. *С.Н. Токарева* (КГУ, Курс, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.Г. Толмачева* (РПУ св. Иоанна Богослова, Москва, РФ)
 к.иск., ст. науч. сотр. *Н.Ю. Толмачева* (ГМП «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., доц. *С.А. Толмачева* (БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь)
 к.и.н., доц. *И.М. Торопицын* (АГУ им. В.Н. Татищева, Астрахань, РФ)
 к.полит.н., ст. науч. сотр. *Ф.О. Трунов* (ИНИОН РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *В.П. Трут* (ДГТУ, Ростов н/Д, РФ)
 д.филол.н., проф. *Н.А. Тушикова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., к.ю.н., доц. *И.В. Тушканов* (Северо-Кавказский филиал РГУП, Краснодар, РФ)
 к.и.н. *А.Т. Урушадзе* (ЕУСПб, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *Б.Г. Усик* (Центр по изучению Сталинградской битвы, Волгоград, РФ)
 д.пед.н., проф. *А.В. Федоров* (РГЭУ (РИНХ), Ростов н/Д, РФ)

д.полит.н., проф. *С.Н. Федорченко* (НИЯУ МИФИ, Москва, РФ)
 к.филол.н., доц. *Э.В. Фомин* (БОУ ВО «ЧГИКИ» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, РФ)
 к.и.н. *Д.Я. Фризен* (независимый исследователь, Германия)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *М.М. Фролова* (Институт славяноведения РАН)
 к.и.н., доц. *Е.Л. Фурман* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *Э.А. Хайрединова* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
 д.и.н., проф. *С.М. Хенкен* (МГИМО МИД России, Москва, РФ)
 д.и.н., доц. *А.А. Хохлов* (СГСПУ, Самара, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Л. Хейфец* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Ж. Цветков* (МПГУ, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *И.А. Цветков* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *Н.А. Цветкова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *Ю.Н. Цыряпкина* (АГПУ, Барнаул, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.А. Чеснокова* (ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *В.А. Чиркин* (УдГУ, Ижевск, РФ)
 к.и.н. *А.Ю. Чихачев* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *В.Н. Чхаидзе* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 PhD *И.А. Чувычкина* (ИНИОН РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *А.К. Шагинян* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *С.М. Шамин* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
 к.филос.н., ст. преп. *В.В. Шевченко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., зав. отд. *Л.Н. Шишелина* (ИЕ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н. *А.И. Юдин* (АНО «НИЦ по сохранению культурного наследия», Саратов, РФ)
 д.и.н., проф. *Т.В. Юдина* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *С.М. Юн* (ТГУ, Томск, РФ)
 д.и.н., проф. *С.В. Януш* (МИД РФ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *С.А. Яценко* (РГГУ, Москва, РФ)

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2024 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на I полугодие 2024 года 3152 руб. 61 коп.

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2024 is carried out through “The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1. The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 1st half of 2024 is 3152.61 rubles.

Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

